

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје
Филолошки факултет „Блаже Конески“ – Скопје

ИМИЊАТА И ФРАЗЕОЛОГИЈАТА

Издавач:

Филолошки факултет „Блаже Конески“ – Скопје

Уредник на издавачката дејност:

Анета Дучевска, декан на факултетот

Уредник на изданието:

Катерина Велјановска

Биљана Мирчевска-Бошева

Меѓународен уредувачки одбор:

Катерина Велјановска (Македонија)

Ivana Vidović – Bolt (Hrvatska)

Nataša Jakop (Slovenia)

Биљана Мирчевска-Бошева (Македонија)

Joanna Szerszunowicz (Polska)

Рецензенти

Томислав Треневски

Александра Саржовска

Лектура

Андријана Павлова

Дизајн на корица

Наталија Лукомска

Компјутерска подготовка и печат:

БороГрафика

Тираж:

300 примероци

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје
Филолошки факултет „Блаже Конески“

ИМИЊАТА И ФРАЗЕОЛОГИЈАТА ИМЕНА И ФРАЗЕОЛОГИЈА

Скопје, 2018

СОДРЖИНА

ПЛЕНАРНИ РЕФЕРАТИ

Wojciech CHLEBDA

Имя во фразеологизме – имя как фразеологизм

Erika KRŽIŠNIK

Lastnoimenskost v slovenski frazeologiji

Драгана МРШЕВИЋ- РАДОВИЋ

Фразеолошке јединице с ономастичком компонентом
и национална култура

Wolfgang EISMANN

Парные сочетания с библейскими именами

СЕКЦИСКИ РЕФЕРАТИ

Ольга АЛЬДИНГЕР

Ономастический компонент «Пословиц русского народа» В. И. Даля

Татјана БОЧИНА

С именем Иван, без имени – болван (о контрасте имен собственных в
русской паремике)

Катерина ВЕЛЈАНОВСКА, Биљана МИРЧЕВСКА- БОШЕВА

Имињата на празниците во македонските и руските фраземи

Наташа ВУЛОВИЋ

Антропоними у фразеолошким јединицама с религијском компонентом у
српском језику

Јасминка ДЕЛОВА- СИЛЈАНОВА

Личните имиња во чешката и во македонската фразеологија

Людмила ДЯДЕЧКО

Имена в пословицах и крылатых фразах

(к проблеме разграничения народной и элитарной лингвокультур)

Кристина ЂОРЂЕВИЋ

Етнички стереотипи у фразеологији српског и словачког језика

Марина Юрьевна КОТОВА

Имена собственные в современных славянских пословицах

(в аспекте имагологии)

Наталија ЛАПАЕВА- РИСТЕСКА

«... И, как боги, Авель и Каин – семя наших извечных таин»:

онимы Авель и Каин в поэзии русских эмигрантов первой волны

Цзиньфэн ЛИНЬ, Сергей ЧЕБАНОВ

Эпонимы – названия частей тела в русском и китайском языках

Сянфэй МА

Лингвокультурологич ескаја својства китајских фразеологических
единиц с именем собственным

Лилјана МАКАРИЈОСКА, Бисера ПАВЛЕСКА- ГЕОРГИЕВСКА

Фразеолошките изрази со антропоними во медиумска употреба

Валерий М. МОКИЕНКО

Фразеологизация как способ апеллятивизации имени собственного

Радица НИКОДИНОВСКА

Топонимите во македонските и во италијанските фраземи:

сличности и разлики

Звонко НИКОДИНОВСКИ

Етнонимите во фраземите и во пословиците во францускиот и во
македонскиот јазик

Славомира РИБАРОВА

Фреквентни машки имиња застапени во фраземите на примери
од чешкиот, македонскиот и хрватскиот јазик

Силвана СИМОСКА

Библиски фразеологизми со онимска компонента во германскиот и во македонскиот јазик

Оксана СУХОВИЙ

Оним как компонент фразеологических единиц в проповедях 17 века Варлаама Ясинского

Лидија ТАНУШЕВСКА

Фраземата си прави бајрам на умот како еквивалент во преводите од полски јазик

Ядвига ТАРСА

Билл умный. Будь как Билл.
История одного интернетовского крылатого выражения

Мира ТРАЈКОВА, Маргарита БЕЛЕВСКА

За некои фразеологизми со ономастичка компонента, во францускиот, во македонскиот и во српскиот јазик

Јоана ХАЦИ- ЛЕГА ХРИСТОСКА

За еден вид ономастички фразеолошки единици во францускиот јазик

Mária DOBRÍKOVÁ

Ideonimi i poetonimi kao motivacija frazema i njihov status u suvremenom društvenom disursu

Ana DUGANDŽIĆ, Lesja PETROVSKA

Semantičke konotacije frazema s vlastitim ženskim imenima u hrvatskom i ukrajinskom jeziku

Anita HRNJAK

Antroponimi u rodno obilježenoj frazeologiji hrvatskoga i ruskog jezika

Svetlana KMECOVÁ

Ženské antroponymá ako komponenty slovenských a slovinských frazém

Barbara KOVAČEVIĆ, Ermina RAMADANOVIĆ

Frazeološka ortografija – uvid u veliko i malo početno slovo

Ivana KURTOVIĆ- BUDJA, Slavomira RIBAROVA

Antroponimi u hrvatskim dijalektalnim frazemima

Neda PINTARIĆ, Miroslav HRDLICHKA

Deprecijacija u frazemima s toponimnom sastavnicom
u hrvatskom i poljskom jeziku

Vera SMOLE

Osebnostna imena v slovenskih narečnih frazemih

Irena SZCZEPANKOWSKA

„Salomonowy wyrok” i „ślepa Temida” – profilowanie znaczenia
frazelogizmów w polskim dyskursie wokół prawa

Joanna SZERSZUNOWICZ

On the recent culture-bound Polish phrasemes with the name “Janusz” and their
Russian equivalents

Ana VASUNG

Status antroponima u frazemima

Ivana VIDOVIĆ BOLT, Mateo BATINIĆ

Onomastički frazemi - odraz hrvatskih i poljskih stereotipa

Perina VUKŠA NAHOD, Martina KRAMARIĆ

Od Eve do Brižitke – o ženskim imenima u hrvatskoj i češkoj frazeologiji

ПЛЕНАРНИ РЕФЕРАТИ

Войцех ХЛЕБДА

Опольский университет

Ополе, Польша

ИМЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМЕ – ИМЯ КАК ФРАЗЕОЛОГИЗМ

Тезисы: Автор предлагает рассматривать тему «Имена и фразеология» в двух ракурсах: имена собственные как составные компоненты фразеологических единиц и имена собственные как фразеологические единицы. Автор сосредоточивает свое внимание на втором ракурсе, демонстрирует во фразеологической перспективе основные группы составных имен собственных и, называя трудности в переводе таких фразеологических имен собственных на другие языки, предлагает регулярно включать их в переводные словари.

Ключевые слова: составное имя собственное, фразеологизм, перевод, переводной словарь, обучение иностранному языку

Научная конференция, организованная под названием «Имена и фразеология», не может не поставить перед докладчиком два ключевых вопроса: «Что такое имя?» и «Что такое фразеологизм?». От ответа на эти вопросы зависит весь ход подготовки к выступлению – от сбора языкового материала по выбор методов исследования и сам анализ.

Известный ответ на оба вопроса содержится в пригласительном письме организаторов, где в качестве примеров были представлены, а в какой-то мере и подсказаны, как конкретные имена, так и типы фразеологических единиц. Так, под общим названием «фразеология» (в названии конференции) и «фразеологические единицы» (в информационном письме) находим четыре типа фразеологизмов с точки зрения их происхождения: библеизмы, т.е. фразеологические единицы (ФЕ) библейского происхождения, в которых содержатся имена из Библии; мифологизмы, т.е. ФЕ мифологического происхождения, в состав которых входят имена героев греческой и римской мифологии; крылатые слова (в собственном смысле термина), т.е. ФЕ литературного происхождения, которые представляют собой латинские цитаты и примеры из литературы; наконец, ФЕ, восходящие к народному творчеству. А так как все приведенные в письме организаторов примеры восходят к конкретным источникам и даже конкретным авторам, они

выполняют критерии, предъявляемые так наз. крылатым единицам языка (крылатым словам в широком смысле термина; Шулежкова 2002; Chlebda 2005) и все без исключения могут быть отнесены именно к ним.

Когда же мы посмотрим на названные организаторами примеры (*со времен Адама, ящик Пандоры, двуликий Янус, И ты, Брут, дилемма Гамлета, со времен царя Гороха, мирна Босна, кир Яня*), имея в виду их место во фразеологической системе и, шире, в системе языка, то увидим, что перед нами образцы фразеологической классики, или фразеологического канона, единицы стандартной фразеологии – известной, неплохо уже исследованной и зафиксированной словарями – с той только разницей, что часть этих единиц известна во всех европейских языках и по праву может быть названа фразеологическими европеизмами, а часть ограничена своим распространением и употреблением лишь к славянскому ареалу (в силу чего может быть названа фразеологическими славянизмами).

Наличие в этом составе фразеологических единиц двух названных групп – славянизмов и европеизмов – наталкивает на мысль, что смысл международных встреч фразеологов-ономастов можно свести к постулату составления – на основании данных из отдельных европейских языков – по возможности полного наднационального, или европейского, фразеологического ономастикона, затем выделения в нем общего ядра (т.е. универсального ономастикона) и периферии (т.е. национальных ономастиконов), наконец, определения в этом общем ономастиконе пропорции универсального и национального. Такая задача была предложена председателем Фразеологической комиссии Международного комитета славистов профессором В.М. Мокиенко, который на конференции «Фразеологические картины мира на рубеже веков» в Опольском университете сказал: «В свете последовательных сопоставлений славянских ФЕ многие из них – если не большинство – оказываются или могут оказаться не специфично-национальными, а интернациональными, имеющими дальнобойные проекции во фразеологические системы многоязычной Европы. (...) Констатация такой общности (...) противоречит глобальной переоценке квоты национального в языковой картине мира. Демонстрация общеевропейского в славянском фразеологическом фонде, однако, также небыдупречна. Она таит в себе опасность глобализации (...) в ущерб национальному. Вот почему паспортизация европейского статуса каждой славянской ФЕ требует детализированного языкового анализа» (Мокиенко 2007: 62-63).

Такая паспортизация не только нужна и перспективна: она выполнима, она имела бы большую познавательную ценность, более того, существует немало работ, в которых отдельные, частные поля ономастической фразеологии уже были для тех или других языков

разработаны. В польской лингвистике можно в качестве примера назвать среди многих других работы Влодзимежа Высочанского по собственным именам в составе устойчивых сравнений нескольких языков (типа *как на Маланину свадьбу наварить, дзялілі, як Тодар з Тадораю, prowesti se, jak Janko na Kosovu, polegać jak na Zawiszy*; Wysoczański 2006, 2007), работу Агнешки Пели по антропонимам в составе исторических и современных польских фразеологизмов (типа *wyjsć na czym jak Zabłocki na mydle, w koło Macieju, tłuc się jak Marek po piekle*; Piela 2015), монографию Томаша Шутковского о пословицах с ономастическим компонентом в русском и польском языках (типа *Надел Иван, да не тот кафтан, Хитрый Митрий, да и Иван не дурак, Святая Варвара ночи украла; Od świętej Anki zimne noce i poranki, Gospodyni Marta niewiele warta*; Шутковски 2010) и ряд других. Нет, пожалуй, языка, по отношению к которому такие разработки не были бы составлены, дело в их объединении, сопоставлении и обобщении.

Возникает, однако, и другой вопрос: являются ли названные виды собственных имен и названные типы фразеологических единиц единственными, которыми можно проиллюстрировать тему «имена и фразеология»? Безусловно, нет. Прежде чем перейти к деталям, я назову общее: тему «имена и фразеология» можно понимать так, как было нам предложено, т.е. как вопрос об именах собственных в составе фразеологических единиц. Можно, однако, на ту же тему смотреть в другом ракурсе, то есть рассматривая имя собственное как фразеологизм. Иными словами, имя может быть составной частью фразеологизма, имя, однако, может и само представлять собой фразеологизм.

Что объединяет имя и фразеологизм и позволяет говорить об именах как о фразеологических единицах? Само собой разумеется, что для поиска общего знаменателя имен и фразеологизмов мы из несчетного числа имен собственных отберем лишь те, которые состоят, как и фразеологизмы, из нескольких компонентов (двух, трех, четырех, реже из большего количества), и тем самым оставим в стороне имена однолексемные, т.е. слова (*Иван, Хлестаков, Волга, Урал*). В результате в отобранном нами множестве найдут свое место такие, например, составные имена собственные, как: *город на Неве, Северная Пальмира, блокада Ленинграда, «Доктор Живаго», Борис Пастернак, битва на Курской дуге, Новоизмайловский парк, Красная площадь*. Каждое из этих словосочетаний – имя собственное само по себе: оно называет и идентифицирует один отдельный объект (в широком смысле слова), что выполняет конститутивный критерий имени собственного (во многих из этих словосочетаний имя является еще и их составной частью). Итак, многокомпонентность – первый общий признак, объединяющий составные имена собственные и фразеологические единицы.

Но, могут возразить, разве можно названные выше выражения соотносить с фразеологией? Они ведь представляют собой заглавия книг и фильмов, названия военных действий, перифразы, наконец, антропонимы и микропонимы. Где же здесь фразеология?

На уровне конкретной, частной отнесенности данных выражений нельзя не согласиться: перед нами действительно заглавия, перифразы, антропонимы и т.д. Однако в более широкой перспективе нельзя, в свою очередь, не отметить, что все эти выражения отличаются весьма существенным и релевантным именно для фразеологии признаком: стабильностью (устойчивостью) своего лексического состава. Эта стабильность нужна для выполнения ими их основной функции: номинативной и в то же время идентифицирующей. Если мы имеем в виду конкретный роман Бориса Пастернака 1957 года, а также его экранизации (1965, 2002), назовем роман и фильмы не иначе, как именно *«Доктор Живаго»*. Нет другого названия центральной площади Москвы, чем *Красная площадь*. Если из множества военных операций 40-х годов хотим выделить ту, которая состояла в окружении немцами города не Неве, наша память автоматически подскажет нам словосочетание *блокада Ленинграда*. Автоматически – то есть каждый раз, когда эта операция будет предметом высказывания. А это значит, что словосочетание *блокада Ленинграда* (точно так же, как *«Доктор Живаго»*, *Красная площадь* и им подобные) в каждом новом акте речи воспроизводится говорящими на русском языке, а не создается ими заново. По этому признаку такие словосочетания, как *блокада Ленинграда*, *«Доктор Живаго»*, *Красная площадь*, я полушутливо назвал в свое время «воспроизводимами», в настоящее же время объединяю их термином «репродукт» (Chlebda 2010). И хотя термин «репродукт» вошел в польский терминологический обиход, нет серьезных причин, из-за которых названных выше выражений нельзя было бы называть просто фразеологическими. Многокомпонентность, стабильность состава, номинативность и воспроизводимость – важнейшие факторы отнесения названных выше ономастических словосочетаний (онимических репродуктов) к разряду фразеологических единиц. Метафоричность и экспрессивность в данной концепции фразеологии являются признаками тех или иных единиц, но не критериями их выделения и отнесения к фразеологии.

Итак, как уже было сказано, имя может быть составной частью фразеологизма, имя, однако, может и само представлять собой фразеологизм. О каких разрядах имен мы можем в таком контексте говорить?

Когда говорят об именах собственных, нередко прибегают к полевому подходу, выделяя ядро поля и его периферию. Ядро, как правило, составляют антропонимы, нередко также топонимы (с их

многочисленными подтипами и подвидами в околядерном пространстве), к периферии же относят несметное число таких онимических явлений, как фалеронимы, хрононимы, прагмонимы, артионимы, политонимы, хрематонимы и проч. (Подольская 1988), причем, по справедливому замечанию С.Н. Волковой, периферия при комплексном исследовании имен собственных рассматривается, как правило, в качестве лишь фона, а не как самостоятельное и полноценное лингвистическое явление (Волкова 2010). Смысл моего предложения состоит в следующем: составные имена собственные нужно возвести в ранг фразеологизмов, то есть придать им статус единиц данной языковой системы, чтобы они могли стать полноправными и полноценными объектами лингвистического анализа, а не только периферийными примерами в трудах по ономастике. А нет лучшего способа подтверждения языкового статуса вербальных феноменов, как их вынесение на страницы языковых словарей и толкование их значения.

Попытка лексикографической кодификации составных имен собственных была предпринята в Опольском университете. В словарном кабинете Института славистики с 2006 года ежегодными выпусками публикуется тематический переводной фразеологический словарь *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski* (Настольный польско-русский идиоматикон; Chlebda, red., 2006-2017). В его девяти уже выпусках содержится около 37 тысяч польско-русских переводных пар, образующих 70 с лишним тематических полей, причем, по подсчетам авторов, ок. 70% этого материала никогда раньше не было отмечено никакими словарями – ни польского, ни русского языков, ни тем более переводными словарями обоих языков. Репродукты ономастического характера (т.е. имена собственные понимаемые как фразеологизмы) составляют ок. 16% общего словника *Идиоматикона* (приблизительно 6 тысяч единиц). Ниже перечисляются отдельные тематические поля нашего словаря, которые содержат составные имена собственные со статусом фразеологических единиц (для экономии места я буду приводить только русские примеры без их польских эквивалентов и без их семантических пояснений и комментариев в примечаниях):

1. **антропонимы** (имена и фамилии, также отчества, людей театра и кино, литературных героев, артистов эстрады, лауреатов Нобелевской премии, путешественников, первооткрывателей и т.п): Чарльз Чаплин, Джон Леннон, Дональд Туск, Никита Ильич Толстой, Борис Пастернак, Альбер Камю, Ромен Роллан, Джимми Картер; Гарри Поттер, Гензель и Гретель, Маленький Принц, Пеппи Длинный Чулок, Питер Пэн, Винни-Пух (ок. 2700 единиц; отметим, что ввиду различий между кириллическим и латинским алфавитами запись западных имен и фамилий на кириллице и восточных – на латинице представляет для учащихся большую трудность);

2. **прозвища и перифразы:** кровавый Феликс, лейпцигский кантор, сыны Альбиона, жандарм Европы, императрица Сисси, Джек Потрошитель, Ричард Львиное Сердце (ок. 220 единиц);

3. **топонимы:** Магелланов пролив, Саудовская Аравия, Суэцкий канал, Фарерские острова, Большой Барьерный риф (ок. 1000 единиц);

4. **географические перифразы:** Северная Пальмира, крыша Африки, второй Рим, корона Гималаев, царица Адриатического моря, город на Темзе, жемчужина Британской короны (170 единиц);

5. **космонимы:** Красная планета, Млечный Путь, созвездие Андромеды, Южный Крест, Галилеевы спутники, Малое Магелланово Облако, море Изобилия, Гончие Псы, облако Оорта (200 единиц);

6. **названия исторических документов и действий:** Декларация независимости, Декрет о мире, Хартия Европейского Союза об основных правах, Хартия Земли, Женевские конвенции, Тихоокеанский пакт безопасности, Киотский протокол, Великая хартия вольности, Куликовская битва, Аустерлицкое сражение, Ледовое побоище, битва при Фермопилах, кронштадтский мятеж (ок. 400 единиц);

7. **названия организаций, институтов, учреждений:** Международная Амнистия, Всемирный банк, Европейский валютный фонд, Палата общин, Совет Безопасности ООН, Международный Красный крест, Веймарский треугольник, Европейский парламент (ок. 600 единиц).

8. **заглавия** (названия произведений литературы, театра, музыки, кино, живописи): Алиса в стране чудес, Над пропастью во ржи, Тьма среди дня, Стойкий оловянный солдатик; Волшебная флейта, Княгиня чардаша, Летучий голландец, Митридад, царь понтийский, Полёт имеля; Я шагаю по Москве, Скромное обаяние буржуазии, Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?, Апокалипсис сегодня; Запорожцы пишут письмо турецкому султану, Битва Масленицы и Поста, Афинская школа, Обнажённая на голубой подушке (ок. 1600 единиц), причем каждое заглавие сопровождается в словаре парным онимом: именем и фамилией данного писателя, художника, композитора как онимическим репродуктом с его русскоязычным эквивалентом:

Così van tutte [Wolfgang Amadeusz Mozart]

Все они таковы **X Так поступают все женщины** [Вольфганг Амадей Моцарт]

Cały ten zgiełk [Bob Fosse]

Весь этот джаз [Боб Фосс]

Eichmann w Jerozolimie. Rzecz o banalności zła [Hannah Arendt]**Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме** [Ханна Арендт]

Может возникнуть вопрос, есть ли смысл вносить такие названия в словники лингвистических словарей? Не лучше ли оставить их энциклопедиям? Тем более, что такие названия исчисляются не тысячами и даже не сотнями тысяч, а миллионами (количество имен собственных в несколько раз превышает количество имен нарицательных), а ведь словники самых больших сегодняшних словарей охватывают в лучшем случае 500-600 тысяч заглавных единиц.

Во-первых, отдельные группы онимических репродуктов энциклопедии обходят полным молчанием, не фиксируя, например, заглавий и перифраз. Во-вторых, энциклопедии описывают объекты, названные данными именами, а не сами имена – а ведь эти имена имеют свою чисто языковую природу и лингвистические параметры, в том числе семантические, в энциклопедиях отсутствующие. В-третьих, энциклопедии создаются для данного языка и на данном языке (не существует жанра «переводных энциклопедий», как существует жанр переводных словарей). Тем временем онимические репродукты чрезвычайно трудны в переводе на другие языки, поэтому ими должна заинтересоваться и заняться – а ими *не* интересуется и *не* занимается – прежде всего переводная лексикография (переводная фразеография). Почему это важно, я покажу на двух примерах.

1. Всемирно известный роман Ирвина Шоу (и его американская телеэкранизация) носит название *Rich Man, Poor Man*. Однако в Польше роман и фильм известны под заглавием *Pogoda dla bogaczy*, в то время как в России – под заглавием *Богач, бедняк* (в Чехии же ещё иначе: *Tomu dala, tomu víc*). Если поляк об этом не знает, он, создавая по-русски или по-чешски текст с упоминанием о данном романе (фильме), пойдёт по линии наименьшего сопротивления и буквально переведёт на русский или чешский польское заглавие: **Погода для богачей*, **Počasí pro boháče*. В эффekte ни русские, ни чехи не идентифицируют роман Шоу, не поймут, о каком романе или фильме идёт речь. И наоборот, если тот же поляк будет читать русский или чешский текст и найдёт там названия *Богач, бедняк, Tomu dala, tomu víc*, он без специальной помощи тоже не идентифицирует роман Шоу и тоже не поймёт, о каком романе или фильме идёт речь. Эта «специальная помощь» – словарь, переводной словарь заглавий или, шире, переводной словарь названий, а ещё шире – переводной словарь имён собственных, к которым, как было показано, относятся и заглавия книг и фильмов.

2. Словарным эквивалентом польского существительного *bitwa* являются слова *битва*, *бой* и *сражение*, причем словари не подсказывают, когда какому из этих слов отдать предпочтение, оставляя выбор за пишущим. Тем временем сочетаемость этих трех слов, по крайней мере в области названий военных конфликтов, отнюдь не свободна: названия вошедших в историю сражений представляют собой устоявшиеся в данном языке и вследствие этого воспроизводимые репродукты, а не свободные конфигурации слов, зависящие от желания пишущего. Так, в польском языке (в работах историков, в школьных учебниках, в публицистике) прижились следующие названия известных сражений: *bitwa na Jeziorze Czudskim* (1242), *bitwa pod Grochowem* (1831), *bitwa pod Kockiem* (1939), *bitwa na Łuku Kurskim* (1943), *bitwa pod Poltawą* (1709), *bitwa pod Termopilami* (480 д.н.э.), *bitwa warszawska* (1920). Соответствующие им русские названия тех же событий устоялись в русских источниках так же прочно, как их польские аналоги:

***bitwa na Jeziorze Czudskim* – битва на Чудском озере X Ледовое побоище**

***bitwa pod Grochowem* – сражение у Грохува**

***bitwa pod Kockiem* – бой под Коцком**

***bitwa na Łuku Kurskim* – битва на Курской дуге**

***bitwa pod Poltawą* – Полтавское сражение X Полтавская битва**

***bitwa pod Termopilami* – битва при Фермопилах**

***bitwa warszawska* – Варшавское сражение**

Как видно, в русских эквивалентах польских названий с компонентом *bitwa* появляется не одно его соответствие, а четыре: *битва*, *бой*, *сражение*, *побоище*. Их появление в том или ином конкретном названии – дело, повторим еще раз, не комбинаторики, не свободной, спонтанной или интуитивной, сочетаемости, а эффект многократного повторения (воспроизведения) данных названий именно в том, а не ином лексическом составе именно в том, а не ином историческом контексте. Выражения типа *Полтавское сражение*, *битва при Фермопилах*, *бой под Коцком*, *Ледовое побоище* – не что иное, как имена собственные, названия единичных событий, лексический состав которых по-фразеологически нерушим и в процессе обучения русскому языку должен заучиваться «целиком», как неделимое целое, – точно так же, как целиком заучиваются фразеологические единицы типа *от Понтия к Пилату*, *между Сциллой и Харибдой*, *со времен царя Гороха*.

Как было показано, устойчивые и вследствие этого воспроизводимые имена собственные создают в переводе такие же проблемы, как и любые другие фразеологизмы, потому что они *и есть* фразеологизмы, как ни непривычно это звучит. Чтобы они могли в переводе выполнять свою

идентифицирующую функцию, они должны употребляться в переводе в таком виде, в каком они закрепились в языке перевода и в каком они в нем репродуцируются. Собственный, или интуитивный, перевод без знания формы данного имени в целевом языке (без знания иноязычного репродукта) чреват высоким риском ошибки и коммуникативной неудачи. Только занесение подобных имён собственных в словари на правах регулярных единиц языка может составить переводчикам и учащимся надёжную помощь.

Использованная литература

- Волкова, С.Н. 2010. «Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя»)». Интернет-ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-klassifikatsii-periferiynyh-onimov-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-romana-o-ermakova-znak-zverya> (дата обращения 20.03.2017).
- Мокиенко, В.М. 2007. «Языковая картина мира в зеркале фразеологии», *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Red. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 49-66.
- Подольская, Н.В. 1988. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.
- Шулежкова, С.Г. 2002. *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*. Москва: Азбуковник.
- Шутковски, Т. 2010. *Паремийные единицы с ономастическим компонентом в современных русском и польском языках*. Szczecin: Volumina.pl.
- Chlebda, W. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, W. 2010. „Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrzowych”, *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowych jednostek języka*. Red. W. Chlebda. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Chlebda, W., red., 2006-2017. *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Piela, A. 2015. „Antroponimy jako komponenty związków frazeologicznych”, *Język a Kultura* XXV, 73-88.
- Wysoczański, W. 2006. „Nazwy własne w porównaniach. Studium konfrontatywne frazeologii i paremii wybranych języków (I)”, *Rozprawy Komisji Językowej WTN* XXXII, 67-95.
- Wysoczański, W. 2007. „Nazwy własne w porównaniach. Studium konfrontatywne frazeologii i paremii wybranych języków (II)”, *Rozprawy Komisji Językowej WTN* XXXIV, 46-73.

Wojciech CHLEBDA

PROPER NAME IN A PHRASEOLOGISM
– PROPER NAME AS A PHRASEOLOGISM

Summary

The author argues that the topic “Proper names and phraseology” should be explored from two perspectives: in the first one, proper names are treated as components of phraseological units while in the second one they are treated as phraseologisms. The author concentrates on the latter approach, presents the most important groups of complex proper names and, by demonstrating difficulties in translating such phraseological proper names into other languages, claims that they should be recorded, on a regular basis, in bilingual dictionaries.

Erika KRŽIŠNIK

Filozofska fakulteta Univerza v Ljubljani
Ljubljana, Slovenija

LASTNOIMENSKOST V SLOVENSKI FRAZEOLIJ

Apstrakt: Na podlagi slovarskega gradiva je mogoče reči, da frazemi z lastnimi imeni in iz njih tvorjenimi komponentami v slovenščini obstajajo predvsem na dveh koncih socialnozvrstne lestvice: kot ozkoknjižna, predvsem pisna frazeologija ali kot dialektalna, na krajevni govor ali celo idiolekt omejena frazeologija. Prva je praviloma internacionalna, npr. *a/Ahilova peta, iti v Canosso/Kanoso*, druga socialno in geografsko omejena, npr. *Krampov Matija, teta s Krvavca*. Zanimalo nas bo, katere vrste lastna imena so najpogostejše frazemotvorna in katera semantična polja zapolnjujejo frazemi z lastnoimenskimi komponentami.

Ključne besede: frazeologija, slovenska frazeologija, lastno ime, apelativizacija, internacionalna frazeologija.

1 Lastnoimenskost in frazeološkost

Razmerje med lastnoimenskimi in frazeološkimi izrazi je, kar se tiče semantike, kontradiktorno. Lastna imena imajo referencialno funkcijo in nimajo leksikalnega pomena, medtem ko so frazeološke enote – če seveda razumemo frazeologijo v ožjem smislu – semantično kompleksne, saj imajo poleg denotativnega tudi konotativni del pomena. Kljub temu pa ni mogoče spregledati, da lastna imena – in verjetno to velja za vse jezike – lahko poleg identifikacijske vrednosti pridobijo določeno kulturno konotacijo, najpogostejše evalvativno. To sicer lahko povzroči apelativizacijo, za slovenščino prim. *Pepček > pepček, Jure > jure* 'omejen, neroden človek'; nikakor pa to ni nujno, npr. moško ime *Polikarp*, s katerim so nekdanje ob krstu zaznamovali nezakonske otroke.¹ Za našo temo je pomembno, da nekatera lastna imena v frazeme vstopajo z že dodano kulturno konotacijo (o kulturni markiranosti kot delu konotacije prim. Telija 1996: 214 – 237), npr. *Janez > janez* (po SSKJ) ekspr. 'rahlo okoren,

¹ To je le ekstremni primer markiranega lastnega imena (o njem piše Ivan Cankar v povesti *Polikarp*), sicer pa je splošno znano, da ljudje imena svojih otrok izbirajo ne le po zvočnem efektu, temveč tudi po tem, kakšno kulturno konotacijo imajo ali bi jo lahko imela.

neiznajdljiv, preprost fant' v frazemu *kranjski Janez* ekspr. 'slovenski fant, Slovenec' ali *Pavliha* > *pavliha* (po SSKJ 2. pomen) ekspr. 'šaljiv, hudomušen človek' (o etimologiji imena gl. Bezljaj 1995: 16 in Snoj 2016: 524) v *biti komu za pavliho* 'pustiti, da se kdo norčuje iz koga' (SSF). Nekatera druga lastna imena pa verjetno ravno v frazemu konotacijo pridobijo in se tako markirani iz njega včasih tudi osamosvojijo, najprej samo aktualizirano v besedilu, lahko pa se novi pomen leksikalizira. Primer besedilne osamosvojitve iz frazema *Potemkinova/Potjomkinova vas* (iz korpusa Gigafida):²

»Primer, pri katerem se je pozabilo na javnost, je sicer zelo lepa svetleča opna Pivovarne Union (*Potemkin*). Ta daje lažni občutek urbanosti, kjer se za osvetlitvijo skriva regalno skladišče piva, izvrstna osvetlitev pa je zgolj prevara.«

1.1 V okviru frazeologije se je lastnoimenskost v slovenskem jeziku proučevala z dveh vidikov: znotrajjezikovno z vidika apelativizacije in posledičnega ohranjanja pisanja lastnega imena z veliko začetnico (Jakop 2014: 207–216), medjezikovno z vidika prevodne ekvivalence (Vrbinc 2013: 199–207). Oboje je izhodišče za temeljni razmislek o statusu lastnih imen v frazeologiji, in sicer v zvezi z ohranjanjem ali izgubo referencialne funkcije lastnega imena pri prvem ter z ugotavljanjem jezikovno skupnega, morda celo univerzalnega in jezikovno specifičnega – v teh dveh skrajnostih se namreč znajde večina tovrstnih frazeoloških enot.

1.2 Lastnoimenska in izlastnoimenska poimenovanja so v frazemih lahko prisotna na več nivojih. Lahko je (a) frazeološka enota sama na sebi sekundarno lastnoimensko poimenovanje, npr. *d/Divji zahod* 1. 'zahodni del ZDA, ko ta še ni bil popolnoma civiliziran', 2. 'kar po nekaterih negativnih značilnostih spominja na ta del ZDA v tistem času', *velika luža* 'Atlantski ocean, ocean nasploh'; (b) lastno ime ali tvorjenka iz njega je komponenta frazema, npr. *mila jera, trojanski konj, prosto po Prešernu*; ali pa (c) gre za kombinacijo obeh prejšnjih, npr. *italijanski škorenj, b/Bermudski trikotnik*. Tronivojskost (iz)lastnoimenskosti je posebej karakteristična za geografska lastna imena, medtem ko so druga (iz)lastnoimenska poimenovanja večinoma aktivna v okviru skupine (b).

Po nekaterih teorijah izrazi prve skupine sodijo med t. i. perifraze (prim. Novikov 1999). Nekateri med njimi zaradi razmeroma nizke stopnje konotacije in zato šibkega ekspresivnega učinka sodijo na obrobje frazeologije v ožjem smislu, npr. *italijanski škorenj* 'Italija'.

² Če ni drugače navedeno, so pomeni citirani po SSKJ in SSF (pomenski opisi v obeh slovarjih se pogosto tudi prekrivajo), besedilni primeri pa so iz korpusa Gigafida.

2 Frazeološko gradivo

Frazemi za raziskavo so bili zbrani iz *SSKJ* (1970–1991) in njegove dopolnjene izdaje *SSKJ2* (2014), ter *SSF* J. Kebra (2011). Zbiranje je bilo usmerjeno na veliko začetnico slovarskih gesel ter na iskanje po sufiksih **ov*, **ski* in **ški*. Nekaj v slovarjih še ne zabeleženih frazemov ali sicer že zabeleženih, a ne še z novimi pomeni (kot posledico sekundarnih pomenskih premikov) je bilo bolj kot ne po naključju zbranih iz korpusa *Gigafida*. Primera: za prvo *če ne pride Mohamed h gori, pride gora k Mohamedu*, katerega pomen bi lahko opisali kot 'če hoče kaj doseči, mora včasih tudi pomembnejši človek k manj pomembnemu', za drugo *bermudski trikotnik* 'skrivnostna uničujoča sila, prikriti/skriti vzrok za izničenje česa' (v *SSKJ* le s pomenom 'področje Atlantskega oceana med Bermudi, Portorikom in Florido), *igrati rusko ruleto* 'zelo veliko in nevarno tvegati' (v *SSKJ* *ruska ruleta* 'samomorilna igra z revolverjem, v katerega bobenčku je en naboj'). Dialektalni ali celo ožjelokalni frazemi niso bili upoštevani, razen tistih, ki so zabeleženi v slovarjih (o tem prim. 4.2).

2.1 Na ta način je bilo zbranih 178 frazeoloških enot (terminološki izrazi tipa *ahilova kita*, *alzheimerjeva bolezen* so bili seveda izločeni). Številka je približna, vzrok za to pa so naslednja dejstva: (a) stalnost glagolske komponente pri nekaterih frazemih, kjer je osamosvajanje neglagolskega dela v procesu, postaja relativna, npr. *Pandorina skrinjica* in *odpreti/odpirati Pandorino skrinjico*; (b) razmejevanje med varianto in sinonimom je včasih mejno: nedvomno variantni sta adjektivni komponenti v *neverni/nejeverni Tomaž*, kot komponentno varianto razumemo tudi *poslednji/zadnji mohikanec*, pri zamenljivosti *brati/peti levite* morda nismo vedno povsem dosledni pri odgovoru na vprašanje, kaj še sodi v skupno pomensko polje in kaj ne več; (c) za slovensko frazeologijo predvidljive sintaktične transformacije tipa *igrati rusko ruleto* > *igranje ruske rulete* so štete kot ena enota, nepredvidljive, npr. *spreobrniti se iz Pavla v Savla* > *spreobrnitev Pavla v Savla*, sta dve enoti; in končno (č) frazeološke enote s sestavinami *bog*, *zemlja*, *luna* je včasih (brez etimološke raziskave) težko opredeliti kot lastnoimenske, zato zlasti frazemi s sestavino *bog* niso v celoti upoštevani. Razen morda zadnjega dejstva je kljub temu mogoče reči, da je v tej raziskavi upoštevana relevantna večina slovenske (iz)lastnoimenske frazeologije.

3 Rezultati analize gradiva

3.1 Gradivo kaže, ima prvina, ki v frazemu funkcionira kot lastnoimenska komponenta, lahko zelo različen status. Lahko gre za **pravo lastnoimenskost**, kar pomeni izvorno lastnoimenskost, npr. *Metuzalem v star kot Metuzalem*, *Ahil*

> *Ahilov* v *A/ahilova peta*, *Indijanec* > *indijanski* v *indijansko poletje*, ali pa gre za **kvazilastnoimenskost**. Ta je lahko navidezna ali pridobljena.

Navidezna lastnoimenskost komponente je značilna za frazeme, ki pomensko dvoumnost, izhajajočo iz homonimnega razmerja med lastnoimensko in apelativno varianto, ohranjajo kot imanentni del frazeološkega pomena. Tako ima komponenta *gregor* v frazemu *babji gregor* 'ženskar' samo navidezno izhodišče v lastnem imenu *Gregor*, označuje namreč 'tistega, ki gre gor (na babe, ženske)' in je torej nastala kot priložnostni besedotvorni sklop, komponenti *Pančevo* oz. *Mižule* v *iti* v *Pančevo/Mižule* 'iti spat' sta fiktivni »deželi«, katerih imeni sta tvorjeni iz glagolov *pančati* 'spati', *mižati* 'imeti zaprte oči'. Tudi o *svetem n/Nikoli* nima izhodišča v imenu *Nikola*, temveč v adverbu *nikoli* – da pomenska dvojnost ostaja del pomena frazema, dokazuje očitna potreba govorcev, da včasih (primerov rabe ni veliko – v Gigafidi le 5 pojavitev) kvaziime poudarjajo z dodajanjem *sveti*, npr. »No, ne pozabite, sir Oliver, na ubogo otročad v sirotišnici – denar naj dobijo o božiču, ne pa o *svetem Nikoli*!«.

Pridobljena kvazilastnoimenskost je lahko **besedilna** ali **ustaljena** s prevrednotenjem. Za prvo prim. *temno kot v rogu* (*rog* 'roževinast ali koščen izrastek na glavi nekaterih živali'), v besedilu rabljeno kot *temno kot v Rogu* kot aluzija na geografsko področje (*Kočevski Rog* je z gozdom poraščena kraška planota v Sloveniji), kjer so se l. 1945 dogajali poveljni poboji. Na novo je – prek ljudske etimologije – pridobljena lastnoimenskost v frazemu *je kot rusov* > *Rusov koga* 'veliko je koga' – razlika je seveda vidna samo pri zapisu, iz pojavitev v Gigafidi (36 pojavnic *Rusov* in 5 pojavitev *rusov*) lahko sklepamo, da se nova motivacija hitro uveljavlja. Razlaga pomena tega frazema v primeru »[...] da v Sloveniji takrat, ko hočemo opisati ogromno število ljudi, rečemo, da *jih je kot Rusov*« kaže, da ozaveščenost o izvoru komponente *rus* kot apelativne (*rus* je 'ščurku podobna žuželka') izginja.

Razlika med navidezno in pridobljeno lastnoimenskostjo komponente je torej predvsem v časovni dimenziji in ozaveščenosti: navidezna lastnoimenskost je leksikalizirana (tudi dvoumnost v *nikóli* in *Nikoli* je ustaljena), pridobljena pa je še vedno vezana na sobesedilo, in sicer besedilna kot aktualizacija (t. i. frazeološka prenovitev), ustaljeno pridobljena lastnoimenskost pa predpostavlja variantno dvojnost (le ena od variant ima lastnoimensko komponento) in se sčasoma lahko premakne v navidezno ali pravo lastnoimenskost. V katero od obeh kategorij se bo premaknila, je odvisno od razvidnosti ali nerazvidnosti motivacije nelastnoimenske variantne komponente – pri razvidni motivaciji bo šlo v navidezno (dvojnost se bo ustalila), sicer pa v pravo lastnoimenskost (varianta z nemotivirano nelastnoimensko komponento bo izginila). Etimološko gledano obstaja tudi obratna pot, da namreč izvorno lastnoimenska komponenta prek homonimije dobi apelativno varianto, ki se v nadaljevanju, zaradi izgube motiviranosti lastnoimenske komponente, uveljavi kot edina. Primer takega

frazema je *klicati urha* 'bruhati', kjer *urh* je 'brezrepa dvoživka', *Urh* pa lastno ime, ki se v tem primeru nanaša na sv. Urha. Prim. podatke o izvoru frazema v SSF geslo *urh/Urh*.

3.2 Nekaj statističnih podatkov o nekaterih vidikih (iz)lastnoimenskih frazemov.

3.2.1 Glede na **izvor** je skoraj polovica (48 %) teh frazemov izbibličnih ali se nanašajo na grško-rimske mitologijo, ostali izvirajo iz socialno-kulturne zgodovine in literarnih del ali se nanšajo na zgodovinska dogajanja in zgodovinske osebnosti itd.

- (52) Biblija: *ne(je)verni Tomaž, judeževi groši, biti v Abrahamovem naročju*;
- (32) Grško-rimska mitologija: *Ahilova peta, presekati gordijski voz, Amorjeva puščica zadene koga*;
- (17) Socialno-kulturna zgodovina: *Vse poti vodijo v Rim, pust pobode koga, izmučen/zbit kot turška fana*;
- (12) Zgodovinsko dogajanje ali osebnosti: *prosto po Prešernu, Kolumbovo jajce, pot v Canosso*;
- (10) Literatura: *hamletovsko vprašanje, dolina šentflorjanska, kot don Kihot*;
- (9) Geografske danosti: *bermudski trikotnik, potrebovati kaj kot Sahara vode/vodo*.

3.2.2 Glede na **vrsto lastnega imena** je (iz)lastnoimenska komponenta v 61 % (110 frazemov) antroponim, v 34,8 % (64 frazemov) so toponimi, preostalih lastnih imen, npr. živalska *dvigniti se/vstati kot (ptič) Feniks iz pepela/ognja*, stvarna *peti rigoletto*, je zanemarljivo malo (4,5 %). Pri antroponimih je 83 % imen moških in le 17 % ženskih.

3.2.3 Glede na **funkcijo** je (a) skoraj polovica (82 oz. 46,6%) tovrstnih frazemov nominalnih – od teh jih ima 69 strukturo Adj+N (več kot polovica Adj je svojilnih), drugi so N+Predl+N in N+N; (b) verbalnih frazemov je dobrih 28 % (50), (c) adjektivnih 10 % (18), (č) 9,6 % (oz. 17) je stavčnih, (d) ostalo so adverbialni frazemi (5 je frazemov, ki so lahko adverbialnih ali adjektivnih, npr. *kot don Kihot*). Primeri:

- (a) *potemkinova/potjomkinova vas; kranjski Janez; raj na zemlji; Sodoma in Gomora*;
- (b) *biti v Kristusovih letih, odkriti Ameriko, iti v Rim 'roditi'*;
- (c) *star kot zemlja; v Evinem kostumu/kostimu*;
- (č) *matilda pobere/vzame koga; (lepo) po vrsti, kot so hiše v Trsti*;
- (d) *kakor Pilat v kredo/credo, prosto po Prešernu*.

Če izpostavimo še posebne »oblike« frazemov, kot so primerjalni, pragmatični frazemi in frazeološki binomi (dvojčiči), ugotovimo, da je največ (25) primerjalnih (adjektivnih, adverbialnih in verbalnih, npr. *star kot Metuzalem / zemlja / Peca; kot švicarska ura, kaditi kot turek*), pragmatičnih je upoštevanih samo 9, npr. *Jezus Kristus, Marija pomaga, za kriščevo voljo*, najmanj (5) je binomov, npr. *Peter ali Pavel, pridni Janez in hudobni Mihec*.

3.2.4 Da bi ugotovili za slovenščino značilne **pomenske lastnosti** frazemov z (iz)lastnoimensko komponento, smo izločili vse izbiblične frazeme in frazeme iz grško-rimske mitologije, ker so le-ti glede semantike praviloma jezikovno nespecifični. Pri preostalih 73 smo kot opazno lastnost ugotovili, da 49, tj. 67 % teh frazemov denotira za človeka negativna ali negativno ovrednotena, torej konotirana stanja, dejanja in lastnosti. Primeri za objektivno negativno evalvacijo:

- eksistencialna ogroženost: *matilda povoha koga* 'kdo je blizu smrti', *srečati matildo, peti rigoletto* 'bruhati', *igrati rusko ruleto, izbrisati koga z obličja zemlje*:

- neumnost, nevednost: *luna nosi koga, luna trka koga, biti za luno, (kaj) biti španska vas za koga, kot da je/bi (kdo) z Marsa padel, kot bi koga luna nosila*;

- neurejenost: *kot pri ciganih je (kje)*;

- negativni značaj: *nedolžen kot Lahov koš, izbirčna Metka, mila jera, dolina šentflorjanska*;

- negativno govorjenje: *lagati kot cigan*;

- negativno obnašanje: *oditi po francosko, poslati koga v Benetke, imeti koga za pavliho*.

Negativno evalvativno konotacijo imajo na primer frazemi *ljubljska srajca* 'Ljubljčan', *smejati se kot cigan belemu kruhu* 'široko, na vsa usta se smejeti'; *kar se Janezek nauči, to Janez zna* 'kar se človek navadi delati, početi v mladosti, to mu ostane v zrelih letih'. Prim. rabo *Na žalost velja za veliko večino ljudi, kar se Janezek nauči, to Janez zna*.

Evalvativno nevtralnih je 13 frazemov, npr. *sedem laških let, iti v Rim, iti v Mižule*, in samo 5 jih denotira pozitivno lastnost, npr. 'sreča' *Indija Koromandija*, 'točnost' *kot švicarska urica*, 'urejenost' *lepo po vrsti, kot so hiše v Trsti*, 'pametnost' *saj ni (kdo) z Lune padel*.

4 (Iz)lastnoimensko frazeološko gradivo v slovenskih slovarjih in rabi

Kor rečeno, predstavlja glavni vir za analizo frazemov z (iz)lastnoimenskimi komponentami gradivo, zbrano iz dveh slovenskih slovarjev,

SSKJ in SSF. To gradivo je bilo v nadaljevanju z vidika rabe v sodobnem slovenskem jeziku, preverjeno v dveh besedilnih korpusih: v Gigafidi, ki je zelo obsežen (1,2 milijarde pojavnic) referenčni korpus, in Kresu, ki je približno 10-krat manjši (100.000 milijonov pojavnic), a uravnoteženi korpus.

4.1 Raba, kot jo izkazujejo korpusi

Kot skrajnosti v rabi lahko določimo naslednje frazeme: (a) 20 najpogostejše rabljenih; (b) 19 frazemov, ki sploh ne izkazujejo rabe, ne v Gigafidi ne v Kresu.

(a) *hvala bogu, za božjo voljo, trojanski konj, raj na z/Zemlji, (kaj) biti španski vas (za koga), presekati, razrešiti, razvozlati* itd. *gordijski voz, ne(je) verni Tomaž, p/Pirova zmaga, gordijski voz, Indija Koromandija, dolina šentflorjanska, praška pomlad, S/sizifovo delo, A/ahilova peta, Pandorina skrinjica, indijansko poletje, salomonska/salamonska rešitev, odpreti/odpirati Pandorino skrinjico, ruska ruleta, P/potemkinova/potjomkinova vas;*

(b) *Abrahamova hči, Adamova deca, Adamova žena, sedem hrvaških let, Gajzarjeva Lenčka, Krampova Katra, Krampov Matija, babji gregor, Peter in Pavel, glasen kot Čič, nedolžen kot Lahov koš, kisel kakor čiški/čički vrisk, biti v Morfejevem naročju, iti v Mižule Mažule, kričati/vpiti kakor Čič, držati se kot Kurent v pratiki, držati se kot Pust v pratiki, (kot) Noetova barka.*

Še nadaljnjih 35 frazemov je mogoče najti samo v Gigafidi, ne pa tudi v Kresu:

(c) (66) *pridni Janez in hudobni Mihec*, (55) *Adamovo rebro*, (33) *megerine solze*, (15) *umiti/oprati si roke kakor Pilat*, (13) *sedem laških let*, (11) *v Adamovi obleki*, (po 10-krat) *Kajnovno znamenje*, *Peter ali Pavel*, *smejati se kot cigan belemu kruhu*, (7) *zvonovi gredo/odletijo v Rim*, (po 6-krat) *Abrahamov otrok*, *je mraz/mrzlo kot v Sibiriji*, *lacrimae Christi*, (po 5-krat) *teta s Krvavca*, *okrogel kot Zemlja*, (3) *črn kot cigan*, (po 2-krat) *edini tujec v Jeruzalemu*, *nositi sove v Atene*, *poslati koga v Benetke*, *lagati kot cigan*, *iti kot Elija/Ilija*, (po 1-krat) *Adamov rod*, *Eridino jabolko*, *Eskulapov učenec*, *Jerihonske trobente*, *cigan ciganski*, *za pet k/Kriščevih ran*, *star kot Peca*, *kot bi (koga) luna nosila*, *kakor Pilat v kredo/credo*, *iti v Pančevo*, *iti v Rim*, *spati kot Matjaževa vojska*, *(kje) je kot pri ciganih*, *Pust pobode (koga)*.

Med redko rabljenimi frazemi je opazno število izbibličnih. Druga opazna skupina redko rabljenih so frazemi, ki so socialnozvrstno omejeni na nestandardne, celo regionalno omejene zvrsti. Med navedenimi 20 najpogostejše rabljenimi pa je skoraj polovica frazemov, vezanih na grško-rimsko mitologijo.

Ker je glede na vrsto korpusa med referenčno Gigafido in uravnoteženim Kresom razlika ne le kvantitativna, temveč tudi kvalitativna, je treba upoštevati, da v Gigafidi močno prevladujejo publicistični teksti – skupaj jih je 77 % (časopisnih 56 %, revijalnih 21 %), medtem ko je razmerje med zvrstno različnimi teksti v Kresu uravnoteženo, pribl. po 20 % je časopisnih, revijalnih leposlovnih, stvarnih

in internetnih tekstov. Če izhajamo iz kvantitativne razlike (velikosti) med obema korpusoma in upoštevamo, da je Gigafida približno 10-krat obsežnejša od Kresa, potem bi bili za zvrstno/stilno uravnoteženo rabo relevantni tisti frazemi, katerih frekvenca bi v Kresu znašala okrog 10 % frekvence v Gigafidi. Med zgoraj navedenimi 20 najpogostejše rabljenimi frazemi bi na ravni te frekvence ostali le frazemi *hvala bogu, za božjo voljo, raj na z/Zemlji, gordijski voz* in *Indija Koromandija*. Vseh frazemov, katerih pojavnost se giblje v okviru te frekvence (9–11 %), pa je v našem gradivu (od vseh 178 zbranih) samo 14: *hvala bogu, raj na zemlji, gordijski voz, Indija Koromandija, luna nosi koga, Amorjeva puščica zadene koga, izginiti z oblička zemlje, v Evinem kostumu/kostimu, v Adamovem kostumu/kostimu, odkriti Ameriko, lajati v luno, talijin hram, kot don Kihot in mila jera*. Med njimi so res pogosto rabljeni in zvrstno/stilno ne ozko omejeni frazemi. Po drugi strani pa tudi za frazeme, ki se v korpusih ne pojavljajo ali se pojavljajo zelo redko, ne pomeni nujno, da v slovenščini niso (več) prisotni, zanesljivo pa pomeni njihovo zvrstno/stilno omejeno rabo.

4.2 Ob tem se zastavljata dve vprašanje. Prvo se nanaša na slovarje: zakaj slovar, kot je SSF, med svojimi geselskimi frazemi navaja tako socialnozvrstno markirane, kot sta npr. *Krampov Matija* in *Krampova Katra*? Razlaga je lahko samo želja avtorja slovarja, J. Kebra, da pojasni različne možnosti nastanka frazemov danega semantičnega polja. Podobno lahko pojasnimo tudi drugo vprašanje, namreč vprašanje, zakaj v naši analizi upoštevamo frazeme, obremenjene z mnogimi omejitvami v rabi: ker pojasnjujemo lastnoimenskost v slovenski frazeologiji sploh.

5 Za konec: jezikovno skupno vs. jezikovno specifično

Splošno znano je, da frazemi z (iz)lastnoimenskimi komponentami med vsemi frazemi najbolj neposredno kažejo svojo kulturno in družbeno vezanost na vir nastanka. Posledica tega je, da je zajeten del te frazeologije skupen mnogim jezikom iste kulturno-civilizacijske tradicije. Po drugi strani pa ravno referencialna funkcija, ki jo imajo lastna imena, daje tej vrsti frazeologije tudi najbolj prepoznavno (eno)jezikovno specifiko,

5.1 Jezikovno skupno

Skupno izhodišče za evropski prostor predstavljajo besedila grško-rimske mitologije in biblična besedila, v manjši meri tudi literarna besedila. Kljub temu je treba predpostavljati, da tako frekvenca kot zvrstna/stilna omejenost ali neomejenost rabe posameznega frazema iz teh virov ostaja jezikovno bolj ali manj specifična. Tem bolj je zato presenetljiva primerjava rabe frazemov *trojanski konj* in *danajski dar* v različnih jezikih. Oba frazema:

- se nanašata na isto referenco – tj. dejanje prevare Trojancev s strani Grkov (Danajcev) s pomočjo navideznega darila v obliki lesenega konja, polnega grških vojakov,

- imata deloma prekrivni pomen, ki ga lahko opišemo kot 'zahrbtna prevara, izpeljana z lažno prijaznostjo, darežljivostjo' – delno sinonimijo obeh frazemov dokazuje naslednja raba: »še vedno mislim, da so subvencije *danajski dar* ali *trojanski konj*, preko katerih se uničuje kmetijstvo«.

Za slovenščino ugotavljamo, da imata oba frazema zelo različno frekvenco rabe: *trojanski konj* – Gigafida 1610 pojavitev, Kres 80;³ *danajski dar* – Gigafida 29, Kres 4 pojavitve. Podobne razlike je mogoče ugotoviti tudi za italijanščino, angleščino, nemščino, hrvaščino in ruščino (pri tem je v različnih jezikih različen tudi status enote *danajski dar*: v nemščini je zloženka, v angleščini zveze v slovarjih ni, v korpusih je redka). Ta frazemski par zastavlja še eno vprašanje: zakaj je krilatica *trojanski konj* toliko bolj frazemotvorna (za ruščino ugotavljajo več novih pomenov, prim. Mokienko, Nikitina 2008) kot krilatica *danajski dar*? Za odgovor bi bila potrebna večja raziskava, na prvi pogled se zdi, da je vzrok v konkretnosti *trojanskega konja* in večji abstraktnosti *danajškega daru*.

5.2 Skupno, a vendar različno

Določene razlike med jeziki lahko tudi pri frazemih z istim izvorom obstajajo tako na ravni forme kot tudi pomena. Tako ima slovenščina samo frazem *hoditi od Poncija do Pilata*, slovaščina pa poleg popolnoma ekvivalentnega *chodit' od Pontia k Pilátovi* še varianto *chodit' od Kaifaša k Pilátovi* (Skladana 2012: 138–139). Za prikaz razlike v pomenu je zanimiv iz istega (literarnega) vira nastali frazem *kot don Kihot*. Kakšen je človek, ki je *kot don Kihot*? Je 'sicer nekoristen, vendar nesebičen', kakor velja za ruščino, ali pa je 'neumen', kot v španščini? O tem prim. Krasnyh 2004: 249 – 250 (tudi v Eismann 2005 in Kržišnik 2008). Za slovenščino je v SSF opisan kot 'prizadevajoč si doseči kaj velikega, nedosegljivega, navadno brez uspeha; donkihotsko', torej označuje bolj pozitivno kot negativno človekovo lastnost.

5.3 Jezikovno specifično

Veliko, verjetno večina lastnoimenskih frazemov nastaja v okviru regionalne, celo lokalno omejene frazeologije. Tukaj pa kot primer jezikovno specifičnega, izključno v slovenščini rabljenega lastnoimenskega frazema navedimo *Indija Koromandija*. Frazem je vseslovenski, standardni, torej socialno- in funkcijskozvrstno nemarkiran, ter z visoko frekvenco rabe. V

³ Seveda se zavedamo, da je je *trojanski konj* v zadnjem desetletju dobil tudi terminološki pomen v računalništvu 'vrsta računalniškega virusa', zato smo pregledali vse pojavitve v Kresu: razmerje med frazeološkim in terminološkim izrazom *trojanski konj* je 46 : 34 v prid frazeološkega. Istega razmerja v Gigafidi nismo preverjali, ker je za potrditev naše ugotovitve absolutna številka o rabi dovolj.

Gigafidi se pojavi 505-krat, z različnim zapisom: *Indija Koromandija* 382-krat, *Indija koromandija* 68-krat, *indija koromandija* 23-krat, v Kresu 53-krat. V SSKJ mu je pripisan pomen 'dežela, kjer je vsega dovolj, kjer je zelo dobro' in dodano kvalifikatorsko pojasnilo »po ljudskem verovanju« (v SSF frazem ni vključen). Frazem je slovarsko prvič upoštevan v slovarju Jože Glonarja (Glonar 1936: 117, geslo *Ind*), kjer je zapisan v dveh variantah kot *Indija Ko(ro) mandija*, njegov pomen pa opisan s sinonimnima frazemoma *obljubljena dežela* in *deveta dežela*. Varianta s komponento *Komandija* napotuje na morebitni vir v ljudski pesmi: *Indija Komandija! / V žlici kašo kuhajo, / se sirom hiše belijo, / s pogačo jih pokrijejo / in skuto jih orajhajo*. Kot ime dežele se l. 1884 pojavi tudi v antiutopiji *Indija Koromandija* Antona Mahniča. Sodeč po teh podatkih bi zvezo uvrstili med frazeme, katerih ena komponenta (*Indija*) sodi med prave lastnoimenske, druga (*Ko(ro)mandija*) pa je navidezno kvazilastnoimenska. Geografski podatki, upoštevani tudi v etimoloških raziskavah (Bezljaj 1982: 68, geslo *Koromandija*), pa razkrijejo, da gre vsaj v varianti s *Koromandija* tudi pri drugi komponenti za pravo lastnoimenskost: Koromandijska obala je namreč geografsko lastno ime jugovzhodne obale Indije.⁴

Uporabljena literatura

- Bezljaj, F. 1982. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Druga knjiga (K–O). Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Bezljaj, F. 1995. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Tretja knjiga (P–S). Ljubljana: Mladinska knjiga.
- Eismann, W. 2005. *400 Jahre Don quijote* (Hrsg. K. Ertler, S. M. Steckbauer). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang.
- Jakop, N. 2014. »Dileme ob apelativizaciji pri frazemih z lastnim imenom: kulturološki vidik«, *Phraseologie und Kultur = Phraseology and Culture*, ur. V. Jesenšek, D. Dobrovol'skij. V Mariboru: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, 207–216.
- Krasnyh = Красных, В.В. 2004. »Анализ дискурса в свете концепции фрейм-структур сознания», *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках*, ред. В.Н. Телия. Москва: Языки славянской культуры. 242–250.
- Kržišnik, E. 2008. »Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot, *Jezik in slovstvo* 53/1. 33–47.
- Novikov = Новиков, А. Б. 1999. *Словарь перифраз русского языка*. Москва: Изд-во «Русский язык».
- Snoj, Marko. 2016. *Slovenski etimološki slovar*. Tretja izdaja. Ljubljana: Založba ZRC.

⁴ V slovenski atlasni literaturi je zapisano od druge polovice 19. stol., prvič v Atlantu, prvem slovenskem atlasu sveta. Imenski register zanj (nastajal v letih 1870 – 1877) je prispeval lingvist M. Cigale. Za pomoč se zahvaljujem kolegu geografu Dragu Kladniku z Inštituta A. Melika ZRC SAZU.

- Skladaná, J. 2012. *Ukryté v slovách*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Telija = Телия, В.Н. 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Vrbinc, A. 2013. »(Ne)frazemskost angleških izlastnoimenskih frazemov v slovenščini«, *Frazeološka simfonija: Sodobni pogledi na frazeologijo*, ur. N. Jakop, M. Jemec Tomazin. Ljubljana: Založba ZRC, 199–207.

Viri

- Fran = *Fran*: slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. URL: www.fran.si (oktober 2017).
- Gigafida = *Korpus Gigafida*. URL: www.gigafida.net (marec, april 2017).
- Glomar, Joža. 1936. *Slovar slovenskega jezika*. V Ljubljani: Umetniška propaganda.
- Kres = *Korpus Kres*. URL: www.korpus-kres.net (marec, april 2017)
- Mokienko, Nikitina = Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. 2008. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- SSF = Keber, Janez. 2011. *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, 1970–1991. Ljubljana. (Spletna stran Fran)

Erika KRŽIŠNIK

PROPER NAMES IN SLOVENIAN PHRASEOLOGY

Summary

Proper names and phraseological expressions are semantically contradictory, as the former are limited to the referential function and the latter are semantically complex. They are connected by the fact that proper names (PNs) frequently acquire cultural connotation. The material for this contribution consists of 178 phraseological units (PUs) which contain a proper name and are taken from dictionaries (*Dictionary of Standard Slovenian*, *Dictionary of Slovenian Idioms*), and some also from the Gigafida corpus. The proper name can be a real proper name or a quasi proper name. PUs are treated from the aspect of their origin: most of them are PUs based on biblical texts, Greek and Roman mythology, sociocultural history, literature, geographical features and different historical events and personalities. Regarding the type of PNs, 61% of them are anthroponyms (83% of them are male PNs and 17% are female PNs), 34.8% are toponyms; regarding their syntactic function, 46.6% of them are nominal (mostly following the Adj+N structure), 28% are verbal, 10% are adjectival, 9.6% are sentential and the rest are adverbial PUs.

For the determination of semantic properties typical of these PUs in Slovenian, the PUs from biblical texts and Greek and Roman mythology were excluded. In the remaining 73 PUs, the negative evaluation (67%) is obvious at the level of denotative as well as connotative meaning. As direct cultural and social connections can be established between PUs with PNs and the source, the bulk of this phraseology is shared by many languages with a common cultural and civilization tradition. Parallels can be drawn between *trojanski konj* and *danajski dar* and formal differences are observed in *hoditi od Poncija do Pilata*, whereas semantic differences are seen in *kot don Kihot*. The Slovenian PU *I/indija K/koromandija* is language-specific.

Драгана МРШЕВИЋ-РАДОВИЋ

Филолошки факултет

Београд, Србија

ФРАЗЕОЛОШКЕ ЈЕДИНИЦЕ С ОНОМАСТИЧКОМ КОМПОНЕНТОМ И НАЦИОНАЛНА КУЛТУРА

Апстракт: У српском језику посебно занимање на плану типолошког али и контрастивног изучавања блиских језика привлаче антропоцентричне фразеолошке јединице с ономастичком компонентом. У раду се разматрају фразеолошке јединице и паремије које немају историјску или анегдотску подлогу с типичним именом Мара на материјалу српског и бугарског језика с циљем да се утврди мотивациона основа, порекло и начин колективне квалификације и стереотипизације.

Кључне речи: фразеологизам, име, Мара, комична фигура, митска невеста, Месечево божанство.

1. Стари народи су имали обичај да постављају питања-загонетке и једно такво питање из *Зохара* (најзначајнијег списка јеврејског мистицизма, насталог вероватно у 14. веку) гласи: „Ко је прекрасна девица која нема очију? и тело скривено, а ипак откривено – скривено по дану, а откривено по јутру? и која је окићена украсима који нису?“ (Зохар 1999:85).

Мислим да се један етнографски запис из области Лужнице, објављен пре двадесетак година у Расковнику, и који ми је тада био нејасан, може довести у везу с овом загометком:

Сви дни Мара леја, на Великдан слеја.

Наше питање је: која је то Мара која је увек лепа, а периодично постаје „слепа“, и зашто је то баш на Великдан (Ускрс)?

О Мари, поново

2. За ово разматрање користили смо грађу из Речника Српске академије наука и уметности, збирки пословица – Мушкатиновићеве, Вукове, Даничићеве, етнографски материјал из области Пирота и Лужнице (подаци о овим изворима доносе се на крају рада), да би се показало да

је најчешће, најтипичније женско име у српском језику за које се везују негативне конотације Мара. Слично је и у бугарском, судећи по грађи из фразеолошког речника (Ничева, К. и др.: 1974–1975).

Грађа показује да се конотације односе на особине, психичка стања, карактерне црте, понашање, као и да постоји извесна подударност између српских и бугарских примера. То су:

1) „глупа особа, која се не разуме (у нешто)“ – *Разуме се као Мара у бубањ* (Ћенгић 1985:164); можда и „наивна, неискусна особа“ *Разбира се као Мара у кривак* (Лужница); 2) „неуредна особа, која се хвали да је чиста“ – *Чистиоменка Мара, нашла чешаљ у сурутици* (Караџић, В. Ст. 1965); *чистиоуница Мара* (Пива); 3) „она, која лута без циља, махната особа“ – *Млађи се ко луда Мара (Пирој); леђи ко луда Марија (Пирој)*; 4) „предмет прекора“ – *Карај Мару, а Мара штио Мара* (Караџић, В. Ст. 1965); 5) „стидљива, неспретна особа“ – *Смео се као Мара међу свайовима*; 6) могуће у вези с гатањем у свадбеном ритуалу – *Мара – џајара* (Караџић, В. Ст. 1965); 7) „особа неодговорног, недоличног понашања“ – *Сама је Мара штому крива, када је џосија на кревети џусиила* (Мушкатировић 2011).

Овим цртама додајемо још – у бугарском: 1) „беспослена особа, која се бави празним причама“ – *Празна Мара (тџпан била)*; 1) „особа несталног карактера“ – *Девейоумна Мара*; 3) „она, која се бави сувишним, бесмисленим послом уместо онога што је потребно“ – *Всичко Мара ф(в) тасала (сал се не стресала)*; 4) „она, која се скита беспослена“ – *Ходя като ой Мара (по сокаците)*; *Ой Мара*; 5) „она, која је у лошем друштву“ – *Кюра и Мара*; 6) „она, која је опрезна“ – *Не ходи Мара сама на бара*; 7) „она, која бива слагана, преварена“ – *Оставам/остана като Мара с веждите*; 8) „она, која се хвали (својим дететом)“ – *Друга не е родила освем Мара – Васила*.

3. Одговор на питања одакле Мара у овим изразима, потражићемо у култури. Тако Б. Мркшић у књизи о историјату луткарског позоришта на југословенском простору запажа да је „сваки народ, штовише сваки крај налазио и нашао свој луткарски тип“, па се тако зна „да су по Србији путовали луткари с луткама које су се звале Кукутодоре, Кукулеле, а биле су познате у народу као Милеве, Ђокице и Ћири“ (Mrkšić 1976: 120) (в. Мршевић-Радовић 2009). Све ово нас наводи на претпоставку да би се наведени атрибути уз Мару, у српском и бугарским изразима, могли односити на језичким колективима неки познат, типизирани комични лик, било луткарског позоришта било фолклорног театра, учесника неке путујуће позоришне дружине и сл. с овим именом. Навешћемо овде и податак Л. Милуновића из историје позоришта на тлу Црне Горе, да је херцег Стјепан Вукчић Косача у 15. в. држао на двору групу музичара за забаву, као и комичаре, забављаче међу којима је била и једна „бифонеса“ [буфонеса] – Мара“ (Montenegrina), али не знамо ништа више о њеним улогама и изгледу.

Мара, небеска невеста

4. Име Мара етимолози сматрају деминутивом од библијског имена Марија (лат. *María*, према хебреј. *Mirjam* „она, коју бог воли“ и арамеј. *Mariam* „госпа, госпођа“), као и деминутивом од библијског имена Марта (према арамеј. *Marta* „госпа, госпођа“). Према Ј Кеберу, у средњем веку Марија је било име краљевског или племићког рода, а од 15. в. улази у ширу употребу (Keber 2008: 324, 338).

У српском језику име „Мара“ се пре свега јавља у фолклору, у лирским љубавним песмама, сватовским (али и жетелачким и др.) као најчешће али не једино име за девојку, вереницу, невесту; она обавља типичне послове – сади цвеће, мете двор, и др., гаји љубавна осећања, нада се просиоцима итд. (Српске народне песме, I), а на невесту се мисли и у изреци *Досијела мара, завјеи је* (Карацић 1965). Али Мара из лирских песама, посебно сватовских није тек обична невеста и одавно је предмет изучавања у фолклористици, а природа „Маре невесте“ није до данас до краја разјашњена.

5. У раду „О Мари у српској фразеологији“ (1993) бавила сам се, између осталог, питањем „пролећних обреда с Маром и светом свадбом“, изразом *Јаком иду Мара и свайови*, гатањем у вези са свадбеним ритуалом и др. и закључила да је реч о Мари која се стопила с представом Марте (паганског божанства познатог и у облику старице баба Марте), као и да садржи неке аспекте хришћанске Девице Марије.

Читавих двадесет година питањима сватовских песама и тумачењем обреда као „свете свадбе“ с кључном фигуром „небеске невесте“ бави се Зоја Карановић (в. њену књигу „Небеска невеста“). Њена истраживања су показала да у фолклору име невесте Мара алтернира с именом Марта као резултат спајања различитих обреда и њихових главних учесника, фигура. Обреду су извођени у различитим периодима обнављања вегетације, од раног пролећа до жетве, а „фигура/учесника“ пролазила различите фазе животне доби – од девојке до старице. Ови обреди су извођени око првог марта, пред ускршњи пост, за време Ускрса, на Ивањдан итд. Зоја Карановић показује како се невеста Мара/Марта удаје за женика (младожењу), а то је најчешће Сунце, Месец, Муња и претпоставља се да је невеста Мара можда супруга Громовника, да је карактеришу светлосно-вегетативни атрибути и да би могла представљати неко пролећно божанство итд. (Карановић 2010: 15). Обред венчања одавно се у литератури, као и рођење и смрт, сматра обредом прелаза (иницијације), а сам чин „свадбе“ изједначаје с одласком и смрћу. Да још кажемо да ипак остаје отвореним питање природе женика за којег полази невеста у светој (космогонијској) свадби (Карановић 2010).

За нас су ова запажања и обимна литература у вези с овом проблематиком од посебног значаја, па ћемо се још позабавити природом женика и невесте у овом церемонијалу и улогом ономастичке компоненте у фразеолошким јединицама.

6. До сада је природа Маре у словенском фолклору детаљно разматрана, нпр. обреди с Маром/Мареном/Мореном код Западних Словена, где ова фигура представља „оличење смрти, помора и зиме“, а запажено је да су истовремено постојали и обреди у којима је она могла бити и добро створење с позитивним атрибутима, па се називала „анђео“ или „лутка“, симболично представљајући све добро што доноси пролеће. У литератури су подробно представљени ови обреди и код Источних Словена, у свој варијативности, а указано је, што је за нас посебно важно, да се „због сличних назива и аналогних функција“ овде могу придодати и бугарски обреди с *Маром Лишанком* (Словенска митологија 2001: 344-345).

Према Љ. Микову, у бугарском обреду *Мара Лишанка* бацана је у реку лутка (Мара) да би се призвала киша и отерало зло из села. Мара Лишанка представљена је као антропоморфна фигура, асиметрична (грбава), симболизовала је ружноћу, мрскост и уопште „нешто лоше, штетно, непожељно и сувишно“. Ова лутка је могла бити прављена од сламе, одевана у крпе (или празничну одећу), а негде је то била само грана дрвета, умотана у крпе и сл. За време обреда, представљајући жртву која се приноси, ова лутка је или комадана или утапана у реку, паљена или пуштана у воду, и завршавала смрћу (Миков 1990:116).

Занимало нас је који је траг ова фигура Маре/Марене/Морене оставила у језику.

7. Прво, Војмир Виња је скренуо пажњу у терминологији на ихтионим *суха мара*, наводећи га као пример ихтионима који се концептуализује преко идионима, тј. личног имена за једну врсту риба; међу називима за ситне Labridae „са пуно афективних творби“ јавља се „суха мара“ (локалитет Брна, Рачиште; Новаља) и даље каже: „Детерминатив *суха* (мршава, кост и кожа) оправдан је самом сићушношћу и невредношћу рибе, уклапа се у садржајну парадигму међу остала имена (*злаг, злаг од мора, анафрастичко милосѣ божјија*, и др., енгл. *old wife, poor john*)“, а „разлоге увођења антропонима Маре у лексију није потребно тражити“ (Vinja 1978: 24).

На шта је мислио Виња кад каже да ове разлоге не треба тражити? Искључујемо могућност да је нека локална личност могла (својим изгледом) мотивисати овај термин будући да је сам назив потврђен на различитим локалитетима. Овакве номинације увек су афективне природе и не настају из потребе номинирања, како каже Виња, и зато мислимо да је у колективу

при номинирању главну улогу одиграла сличност с лутком/фигуром Маре, за коју смо рекли да, између осталог, представља старицу, смрт.¹

8. Други пример који нас интересује јесте изрека *Сви гни Мара леја, на Великдан слеја* с почетка овог текста. Њено разматрање као да баца додатно светло на улогу месеца у светој свадби и њене директне учеснике.

Иако је за једно од небеских видела устаљен у српском језику назив „Месец“ граматичког мушког рода, треба размишљати и да је у старим текстовима Месец означавао и као Луна, према латинском називу Месечеве богиње (ово женско божанство у космогонијском миту пролази кроз све стадије, од девице, преко жене до старице). У старозаветном апокрифу Варухово откривење каже се да је Бог казнио Луну да изгуби своју светлост и да постане пуки одраз Сунца². Из литературе је познато да је деградирано женско месечево божанство завршило у езотерији и магијској пракси жена које су добијале атрибут „вештица“. У српској етнографској литератури постоје потврде о женама за које се веровало да могу да скину Месец, да га помузу (као небеску краву) и да врате на небо (в. Мршевић-Радовић 2008:5). (Ово се не противи представама Месеца као рогатог небеског пастира или сина Месечеве богиње итд.)

Према Јунговом тумачењу, за мистичаре је од Парацелзуса па надаље, света свадба (*hieros gamos*) представљала конјункцију Сунца и Месеца, светлости и мрака, јер је Луна схваћена као супротност, и у светој свадби се „супротности које је светлост одозго поделила уједињују“ (Jung 1997:154). Слично тумачење налазимо и у јеврејском мистицизму. Ако се вратимо загонетки коју смо изнели на почетку: „Ко је прекрасна девица која нема очију?“, налазимо да се њена природа тумачи на више места у Кабали: то је небеска невеста Ш(е)хина, невеста у прогонству, чиме се објашњава њена амбивалентност, променљивост (Šolem 1981:126). Дан младог месеца, када се месец појављује сматран је празником, а сама Ш(е)хина представљала је свети месец који је пао са свог високог положаја, коме је отета светлост и послан у космичко прогонство. Од тада и Ш(е)хина, као и Месец, зрачи само одражену светлост (Šolen 1981:175). У Кабали се даје одгонетка: Девица која нема очију заправо је она, на којој нема очију, тј. на коју није управљен поглед, на коју нико није бацио поглед, тј. невеста

¹ В. Виња наводи и супротан пример избора имена за рибу *Coris julis* (*Coricus rostratus*), која носи називе кнез, кнезница, дујмица...луца, луцета, маријетица (дем. од лат. *Maria*), и представља „кокетну и елегантну рибицу живих боја“, „а то у потпуности одговара опћим карактеристикама врсте којој имена најчешће настају концептуализацијом семова лијепа, млада, накићена“ (Vinja 1978:8)

² Луна је кажњена због своје „глупости“. Када је Бог протерао Адама и Еву из раја, цела природа, и Сунце, и звезде су жалили и оплакивали, само се Луна насмејала. Зато је осуђена да губи светлост и да је задобија пролазећи кроз различите фазе (Мршевић-Радовић 2014:167).

која је невидљива када је Месец у порогонству. У време „свете свадбе“ ово прогонство је бар привремено укинато, а Ш(е)хина постала видљива. Младожена је Сунце, а невеста дакле Месец. То је у складу с митским језиком и мишљењем, где *слей* као и *злув* може означавати особине субјекта „који не види“, „који не чује“, објекта „који се не види“, „који се не чује“, као и каузатива, када је носилац особине каузатор слепила и глувоће“, тј. „онај који ослепљује“ или „заглушује“, о чему детаљно говори С. Толстој (Толстаја 2008:165).

У изразу који разматрамо, каже се како је Марино „слепило“ привремено и ограничено на „Великдан“, што пружа могућност да се природа Маре посматра у контексту помињаних обреда.

9. Прво, чињеница да је извођени обред на Ивањдан (Иван Купало) представљао „свету свадбу“, са фигурама женика (Иван) и невеста (Мара/Марија), и да се завршава Мари(ји)ним жртвовањем (смрћу). Други поминути обред, буг. *Мара Лишанка*, представљен је истеривањем зиме, зла, смрти и сл., а главна фигура Мара је такође жртвована и завршавала смрћу. Сам обред, што је за ово разматрање посебно ваљжно, извођен је за време „Великдана“, тачније у ускршњој седмици. У изреци у којој покушавамо да одредимо природу Маре чије је слепило привремено, и ограничено на „Великдан“, даје нам могућност да претпоставимо да у мотивационој основи постоји веза с правилом према којем се у православном календару у текућој години одређује термин у који пада Ускрс. Према нешто компликованијем рачунању, Ускрс пада после пролећне равнодневице у прву недељу после пуног месеца. Ово је веома важна чињеница, јер тада месец почиње да слаби, опада све док не постане сасвим невидљив са земље. Мислимо да на ту фазу космичког збивања асоцира Марино „слепило“.

Да је „слепа Мара“ оставила још трагова у језику и култури, потврђују називи за дечју игру „жмурке“, а то су „ћорава бака“, „баба Јага“, „слипа Марија“ (код Хрвата). Познато је да су у миту појавни облици врховног женског паганског божанства, окупљени око баба Јаге као централне фигуре, осакаћени, дефектни и да се сматрају, посебно слепа бића, бићима лунарне природе. То би могао бити аргумент за претпоставку да је „слепа Мара“ у контексту изреке такође неко лунарно божанство.

10. Да бисмо ближе одредили природу ове Маре и божанства које представља, размотрили смо и друге фолклорне изворе и литературу о њима, у којима је ова космичка загонетка помрачења месеца средишње питање. У студији З. Карановић о „песми о овчару чије су срце изјеле вештице“ каже се: „Ово је прича о чобанину Радоју/Радојче, којег сестра, мајка буди, молећи га да поврати овце/кобиле, које за луг (брег/гору) зађоше. А он јој одговара да не може да устане, зато што су га изјеле вештице/виле/беле жене (мајка/стрина/тетка/ујна/сестра), изјеле су му срце/извадиле

очи“ (Карановић 2010:59). Ова песма, каже се даље, позната је на читавом јужнословенском простору“ у готово стотину варијантних записа“.

За нас је сам начин усмрђивања/сакаћења чобанина на земљи (и даље његовог пандана, месеца на небу) од значаја, посебно да су му „извађене очи“. Његово слепило објашњава се, као у разматраној литератури (мистичној и другој), на исти начин – „да је реч кад је у питању месец, о помрчини (мраку без светлости), о оној његовој фази у којој се не види са земље, што је у митском поимању једнако смрти“ (Карановић 2010:62). Он ће се, кад наступи време, поново родити, повратити вид и др. и преузети функцију небеског женика која му је у миту додељена, док стара Месечева богиња (мајка, стрина, ујна и др.), која му у овом иницијацијском чину помаже, мора да буде жртвована и уклоњена. Ако искористимо закључке ове веома важне студије да бисмо одредили природу Маре и божанства које представља, могли бисмо закључити да је „слепа Мара“ жртвована Месечева мајка итд. Међутим, чини се да у нашој изреци *Сви дни Мара леја, на Великдан слеја* нема диференцирања између младог и старог божанства, мајке и сина, већ да бисмо могли рећи да је Мара заправо сам Месец/Луна без могућности за даље претпоставке које би се односиле на његову/њену доб, природу, функцију у миту.

11. На крају, можемо закључити да је укупна фразеолошка грађа с ономастичком компонентом Мара, која овде није могла бити представљена, пружала могућност за утврђивање мотивације фразеологизама и с енциклопедијском функцијом овог имена, где се могао индивидуализовати лик, али да су занимљивије за истраживање биле фразеолошке јединице и паремије у којима је требало претпоставити носиоце овог имена, а које смо „пронашли“ у комичној фигури фолклорног театра и фигури Маре/Марте из Месечевог култа и већ заборављеног мита.

Коришћена литература

- Карановић, З. 2010. *Небеска невеста*. Библиотека „Књижевност и језик“, књига 35. Београд: Друштво за српски језик и књижевност.
- Миков, Л. 1990. „Мара Лишанка“, *Български великдански обредни фолклор*.
- Мршевић-Радовић, Д. 1993. „О Мари у српској фразеологији“, *Научни састанак слависта у Вукове дане*, 22/2, 327–337;
- Мршевић-Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Библиотека „Књижевност и језик“, књига 26. Београд: Друштво за српски језик и књижевност.
- Мршевић-Радовић, Д. 2009. „Марионете у српској фразеологији“, *Славистика* XIII, 365–371.

- Мршевић-Радовић, Д. 2009. „Фразеолошки и паремиолошки оквир српске културе: месечеве сузе и смех или глупа луна“, *Славјанска фразеологија и паремиографија*, 160–171.
- Словенска митологија, Енциклопедијски речник. Ред. Светлана М. Толстој и Љубинко Раденковић. Београд: Zepter Book World, 2001.
- Толстаја, С. М. 2008. *Пространство слова. Лексическая семантика в обще славянской перспективе*. Москва: Индрик.
- Jung, K.G. 1997. *Alhemijske studije*. Beograd: Atos.
- Keber, J. 2008. *Leksikon imen*. Celje: Celjska Mohorjeva družba.
- Milutinović, L. I. „Scenska zbivanja u Crnoj Gori do 1884. godine“.
- Montenegrina, Film i pozorište, digitalna biblioteka crnogorske kulture.
- http://www.montenegrina.net/pages/pages1/film/scenska_zbivanja_u_cg_do_1884g.htm
- Mrkšić, B. 1976. *Drveni osmjesi*. Zagreb: Školska knjiga.
- Šolem, G. 1981. *Kabala i njena simbolika*. Beograd: Vuk Karadžić.
- Vinja, V. 1978. „Antroponimi u ihtionimiji“, *Onomastica jugoslavica*, 7, 1–26.
- Zohar, *Knjiga sjaja*. 1999. Prir. Geršom Solem. Beograd.

Извори

- Златковић, Д. 1988. „Пословице и поређења у пиротском говору“, *Српски дијалектолошки зборник*, XXXIV, 342–683.
- Карацић, В. Стеф. 1965. *Српске народне пословице*. Сабрана дела Вука Караџића, књига девета. Београд: Просвета.
- Манић Форски, Д. 1992, „Народне пословице, изреке и клетве из Лужнице“, *Расковник XVIII*, 69–70.
- Мушкатиrowић, Ј. 2011: *Причте или ти по простому пословице тјемже сентенције или ти рјеченија*. Нови Сад: Матица српска – Београд: Институт за књижевност и уметност.
- Ничева, К., Спасова-Михайлова, С. Чолакова, Кр. *Фразеологичен речник на българския език*. I–II, София: БАН, 1974–1975.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 1–19. Београд: Институт за српски језик, Српска академија наука и уметности, 1959–.
- Čengić, E. 1985. *S Krležom iz dana u dan (1975–1977). Trubač u pustinji duha*. Zagreb: Globus.

Dragana MRŠEVIĆ RADOVIĆ

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ONOMASTIC
COMPONENT AND NATIONAL CULTURE

Summary

This study deals with the motivation of phraseologisms and proverbs (paroimia) containing the name *Mara* in competition with the linguistic/cultural symbols and is connected with the alleged comical namesake of the folklore theatre that is to say with the mythical Mara from Lunar cult.

Wolfgang EISMANN

Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz
Graz, Austria

ПАРНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С БИБЛЕЙСКИМИ ИМЕНАМИ

Тезисы: В статье речь идет о состоянии изучения библеизмов во славянской и общей фразеологии и потом во-первых: о фразеологизмах с библейскими именами в разных европейских языках и диалектах; во-вторых: о парных библейских сочетаниях в европейских языках и отдельных особенностях в определенных языках и диалектах; в-третьих: о парных сочетаниях с библейскими именами.

Ключевые слова: библейские имена, парные библейские сочетания, парные сочетания с библейскими именами

1. Изучение библеизмов во славянской и общей фразеологии

Я, конечно, не могу исчерпывать всю указанную тематику, и хочу только указать на некоторые общности и некоторые специфичности/своеобразности рассмотренных в данном докладе фразеологизмов.

Уже во времена перестройки и особенно после распада Советского Союза появились в разных славянских языках и культурах сборники посвященные тематике Библии и фразеологии или религии и фразеологии, и в связи с тем вышли первые словари фразеологических библеизмов. Только в русском языке мне знакомы не менее пяти словарей фразеологических библеизмов, среди них словарь Грановской, который вышел в 2003 году, краткий словарь Кочедыкова, вышедший в 2006 году и толковый словарь Мокиенко, Лилич, Трофимкина и энциклопедический словарь Дубровиной, которые оба вышли в 2010 году.

Кроме того существует в интернете «Краткий словарь библейских фразеологизмов» составлен Л.Г. Кочедыковым и Л.В. Жильцовой <https://www.bible-center.ru/ru/dict/phrases/022>

Появились и двуязычные и даже многоязычные словари, как например англо-русский словарь Загота (2004), или русско-французский

словарь Сахадзе и Хильдбруннера (2007), и многоязычный словарь Туровер и др. (2009) и Байрамовы и Бойчука (2012) по тематике ценностей и антиценностей библейских фразеологизмов. В кандидатской диссертации Харазиньской (1987-го) года о библеизмах в русской фразеологии в результате было выявлено 170 библейских фразеологизмов. Екатерина Николаева Бетехтина в 1995 году написала кандидатскую диссертацию о фразеологических библеизмах с ономастическим компонентом в русском языке на фоне английского языка, которая вышла как книга в 1999 году, в которой имеются и указатели русских и английских библейских фразеологических единиц. Каминская (2004) защитила кандидатскую диссертацию о фразеологии библейского происхождения во французском и русском языках. Число диссертаций в России на тему библейских фразеологизмов почти необозримо. Кроме того вышли разные монографические исследования вроде Дубровиной (2012), которые рассматривали русские библейские фразеологизмы в сопоставительном европейском плане. Здесь невозможно дать детальный обзор богатой литературы к отдельным библейским фразеологизмам в русских и иностранных журналах и научных сборниках. Отдельные исследования, относящиеся к моим примерам будут указаны ниже.

Доля библейских фразеологизмов во фразеологии европейских языков весьма значительна. Так, например, Ежи Тредер (Treder 1989, 241) в своей книге о кашубской фразеологии на основании статистического исследования всех структурных типов фразеологизмов установил, что доля библейских и церковных фразеологизмов в кашубской фразеологии равняется 15-и процентам.

В литературе нет единого мнения о том, что такое библейские фразеологизмы. Когда оборот из Библии является цитатой, когда крылатым словом и в какой степени следует отделить библейские пословицы и афоризмы от фразеологизмов в узком смысле? Я в следующем придерживаюсь понимания фразеологии в широком смысле и понимаю под библейскими фразеологизмами все единицы - и крылатые слова, и афоризмы¹ - которые непосредственно или опосредованно связаны с текстом Библии.

2. Фразеологизмы с библейскими именами в разных европейских языках и диалектах

Во многих европейских языках существует оборот о старом Адаме как о грешном человеке ср. русс. (с церковнославянским словом) *ветхий Адам*, польск.: *stary Adam*, нем. *der alte Adam*, angl. *old Adam*, хотя

¹ Под афоризмом я понимаю “изречение с прямым смыслом» (Пермяков 1988: 18)

во французском и итальянском этого фразеологизма с тем значением нет. Другой фразеологизм относится к тому, что Адам был первым человеком и жил давно, ср. болг. *от времето на Адам, от адамово време*, хорв. *od Adama*, русск. *от Адама, с адамовых времён*, белор. *ag Adama*, укр. *від Адама* (починати).² Почти во всех европейских языках существуют обороты, в которых употребляется имя Адама в значении «давным давно», «в давнем прошлом» и т.п. Но старейший человек, чей возраст указан был в Библии, был Мафусаил. И устойчивые сравнения или обороты, в которых употребляется имя Мафусаила как знак глубокой старости имеются почти во всех европейских языках, ср. чешск.: *být starý jako Metusalém*, англ.: *be as old as Methuselah*, франц.: *être vieux comme Mathusalem*, нем.: *alt wie Methusalem sein*, хорв.: *star kao Metuzalem*; итал.: *avere gli anni di Matusalemme* (*essere un Matusalemme*), польск. *matuzalowy wiek*, русск.: *Мафусаилов век жить/прожить*³; белор.: *Мафусаілаў век*. Но, как это часто бывает во фразеологии, чтобы сравнение стало более emphatic, добавляют ещё одно понятие/слово как например в хорватском штокавском икавском диалекте, где встречается оборот *star ka Martuzelow kenjac*⁴ (ср. в этом диалекте и: *stariji od Isusowa magarca*). Очень распространены в европейских языках и фразеологизмы с именем Иова; ср.: русск.: *беген как Иов*, нем.: *arm wie Hiob*, франц.: *pauvre comme Job*, англ.: *as poor as Job*, чешск. *Jobova zvěst* (*jobovka*), польск. *Hiobowa wieść*, нем.: *Hiobsbotschaft*, англ.: *Job's news*. Почти во всех европейских языках мы встречаем оборот русск.: *неверный (неверующий) Фома*, болг.: *неверник Тома*; укр.: *Хома евірний (невірячий)* слов.: *neverni Tomaž*, чешск.: *být nevěřící Tomáš*, нем.: *ein ungläubiger Thomas sein*, франц.: *être comme saint Thomas*, англ.: *be a doubting Thomas*, итал.: *essere come san Tommaso*.

Это только отдельные примеры к некоторым библейским именам, и существуют, конечно, другие фразеологизмы с этими именами (напр.: *в косіюме Адама; как Иов на ґноище* ит.п.) и с другими. Более интересным, чем перечислить общие европейские фразеологизмы с библейскими именами является исследование тех фразеологизмов с «редкими» именами или значениями, которые встречаются только в отдельных языках, или в уникальном значении только в некоторых или в одном языке. Только в белорусском, украинском и польском языках и диалектах знакомы

² Об Адаме в славянских языках ср. Мокиенко (1998)

³ Как заметила Головкина (2014: 171) в своей канд. диссертации «выражение мафусаилов век (книжн. очень долго жить) возникает на базе библейского сказания о Мафусаиле, одного из патриархов, который прожил девятьсот шестьдесят девять лет. (Быт. 5:27). Отметим, что впервые данный оборот употреблён в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича (1721 г.).“

⁴ Ср.: Mira Menac-Mihalić (2005), *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj*. Zagreb: Školska knjiga, 196, 451.

устойчивые сравнения с именем «Аман»(Гаман), персонажа из книги Есфирь; ср. укр.: *б'ют як Гамона*, белор.: *біці як Гамана*; польск. *bity jak Haman*. Аман, который хотел погубить Мардохея и евреев, был казнён Ксерксом, что послужило поводом для еврейского праздника пурим. И.В. Кузнецова (2006), ссылаясь на Анатолия Ивченко, очень убедительно доказала, что эти сравнения и связанные с ними фразеологизмы возникли не прямо из Библии, а «их возникновение - результат обсервации украинцами, белорусами и поляками традиционного проведения евреев во время празднования Пурима.» (Ивченко 1999: 92).

Имя Лазаря встречается в русских и немецких оборотах *бедный Лазарь*, *беген как Лазарь* и *armer Lazarus*. Русский фразеологизм *петь Лазаря* в значении «жаловаться, плакаться», который у всех русских фразеологов характеризуется «как чисто русское выражение» (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 330) или «как чисто русское национально-своеобразное выражение» (Дубровина 2010: 494), уже не является, по крайней мере, что касается модели этого образования, только уникально русским. В немецком языке имеется, хотя и с другими библейскими именами, старое выражение с тем же значением *den Hiob singen* (смотри выше беден как Иов) и *den armen Judas singen*.

Конечно, есть отдельные фразеологизмы с библейскими именами, встречающиеся только в одном языке или диалекте, но это редкие исключения, и модели или сличные выражения находятся и в других языках и диалектах, потому что текст Библии является каноничным и культурный обмен, если и не во все времена с равной интенсивностью в Европе всегда имел место. Так, например, хорватские диалектальные фразеологизмы *otić sveton Luki*, *otić sveton Petru* (Menac-Mihalić 2005: 220, 268) в значении «умереть» вероятно имеют свои соответствия с другими именами и в других языках и диалектах.

3. Парные библейские сочетания

И в области парных сочетаний с библейской основой в европейских языках есть много общего. Так например, русск.: *альфа и омега чего*, болг.: *алфата и омегата на нещо*, слов. *alfa in omega česa*, франц.: *l'alpha et l'oméga* прежде всего своим содержанием и важностью (Откр. 1,8) в Библии способствовал тому, что этот оборот стал фразеологизмом во многих европейских языках. В других выражениях влияли и внешняя форма, и поэтическая организация, и разные формы повторения, аллитерация, ассонанс, полиптот и т.п. на то, что они вошли в язык как фразеологизмы, ср. напр. русск.: *Бог дал, Бог взял*, болг.: *Бог дал, бог взел*; польск. *Bóg dał*,

Bóg wziął, кашубск.: *Bóg dól, Bóg wziął*, нем.: *der Herr hat's gegeben, der Herr hat's genommen*; датск.: *Herren gav, Herren tog*; русск.: *лицом к лицу*, болг.: *лице с лице*, польск.: *twarz w twarz*, чешск.: *tvář v tvář*, укр.: *лицем в лице*, нем.: *von Angesicht zu Angesicht*, англ.: *from face to face*, франц.: *face à face* или русск.: *око за око, зуб за зуб*; болг.: *око за око, зъб за зъб*; англ.: *an eye for an eye and a tooth for a tooth*, нем.: *Auge um Auge, Zahn um Zahn*; русск.: *кожа да кости*, болг.: *кожа и кости*, – хотя в немецком и английском языках этот фразеологизм без аллитерации ср.: *Haut und nochen, skin and bone*; интересно, что в чешском и украинском языках слова/понятия этого фразеологизма менялись местами ср.: *kosť a kůže, кістка і шкіра* (реже: *шкіра і кістка*). В семиотическом исследовании парных сочетаний существует до сих пор не доказанное предположение, что последовательность слов в таких сочетаниях всегда такова, что более длинное слово с точки зрения фонетики стоит на втором месте. И в данном случае это не совсем ясно. Иногда поэтически структурированные места из Библии как напр. полиптот из Еккл. I, 2 *Ματαιότης ματαιότητων, εἶπεν ὁ Ἐκκλησιαστής*, которые в русском и других европейских языках стали фразеологизмами ср.: русск.: *суема сует*, укр.: *суэма суэт*, англ.: *vanity of vanities*, франц.: *vanité des vanités*, в немецком нет, может быть из-за непоэтического перевода Лутера ср.: *Es ist alles ganz eitel, sprach der Prediger*. В немецком языке это место Библии все-таки стало фразеологизмом, но только в латинском варианте: *vanitas vanitatum*.

Но с другой стороны в немецком языке и только в немецком языке «поэтический» перевод Лутера причина того, что место из книги Иова I,1 *καὶ ἦν ὁ ἄνθρωπος ἐκεῖνος ἀληθινός, ἄμεπτος, δίκαιος, θεοσεβής* русск.: *и был человек этот непорочен, справедлив и богобоязен*, который в его переводе гласит: *derselbe war schlecht und recht, gottesfürchtig und mied das Böse* стало фразеологизмом. «schlecht» от «schlicht» у Лутера в то время имело значение «прямой, правильный» оттуда в современном немецком языке оборот *schlecht und recht* («Er schlägt sich schlecht und recht durch das Leben») имеет значение «кое-как», но потому что *schlecht* в современном языке имеет значение «плохой», оборот *mehr schlecht als recht*, который более употребляем в современном языке имеет значение «не очень хорошо, по мере своих сил».

И хотя многие языки усвоили оборот русск.: *посыпать пеплом голову* из Есф. IV, 1 по-моему только в немецком языке сохранился оборот *in Sack und Asche gehen* «каяться» р. Есф. IV, 1 и сл. *σάκκον ἔχοντι καὶ σποδόν*. В греч. тексте рифма, а в немецком ассонанс, но ассонанс и в русском переводе ср.: *врейище и йейел*, так что ассонанс один из возможных факторов для сохранения библейского оборота как фразеологизма, но не единственный или решающий.

В некоторых случаях последовательность компонентов из необъяснимых причин в одних языках следует библейскому оригиналу, а в других языках компоненты расположены в обратном порядке, ср. Второз. 28, 35 ἀπὸ ἰχνοῦς τῶν ποδῶν σου ἕως τῆς κορυφῆς σου; русск.: *от подошвы ноги твоей до самого темени головы твоей*, франц.: *des pieds à la tête*, но англ., нем. и русск.: *from top to toe*, *vom Scheitel bis zur Sohle*, *von Kopf bis Fuß*, *с головы до пят*, *с головы до ног*. Может быть, на «небиблейскую» последовательность компонентов влиял латинский фразеологизм *a capite usque ad calcem*, хотя в латинском языке имеется и синоним *a pedibus usque ad caput*. В польском языке имеем оба варианта: *od stóp do głów (głowy)*, *od głowy do pięt*.

Подобный случай присутствует в Быт. XIX, 11: ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου, где мы в русском и других славянских языках имеем старый церковнославянский оборот *оуи мала го велика*, белор.: *ag mала ga вяліка*, укр.: *мале і велике*; но в хорватском имеем и *malo i veliko* и *veliko i malo*. В немецком языке чаще употребляется оборот *groß und klein*.

4. Парные сочетания с библейскими именами

В парных сочетаниях с библейскими именами мы обратного порядка компонентов не встречаем. Но иногда Библия не задаёт последовательность имен, потому что имена берутся из разных частей Библии. Об этом ниже.

В большинстве случаев для образования фразеологизмов берутся личные имена, но некоторые фразеологизмы основаны и на географических именах или на именах / названиях народов. Общеизвестный в европейской культуре оборот *гог и магог* (в кн. Иезек. XXXVIII и XXXIX это князь и земля, но в других частей Библии это или разные личности или разные племена) играет роль не только в разных версиях Александрии, но и во многих литературных сочинениях в Европе. Но, по-моему только в русском языке этот оборот стал фразеологизмом в значении «всемогущий правитель» или «человек внушающий ужас». Но и там уже является устаревшим. Так как Лутер перевел 2-ю царств VIII, 18 καὶ ὁ χελεθθι καὶ ὁ φελετти (русский перевод: начальником над «Хелефеями и Фелефеями») как «war über die Krether Leibwache und Plether», в немецком языке потом возник фразеологизм *Krethi und Plethi* в значении «всякий сброд, чернь». Но общим почти во всех языках Европы является фразеологизм русск.: *содом и гоморра* в разных пейоративных значениях, но главное значение «разврат, распущенность, крайний беспорядок, суматоха», ср. польск. *Sodoma i Gomora*, (ср. шутовское польское обыгрывание: *co dom, to Sodoma, co kotora, to Gomora*), нем.: *Sodom und Gomorrha*, болг.: *Согом и Гомор*, слов. *živijo kot v Sodomi in Gomori*, чешск.: *Sodoma a Gomora*, хорв.: *Sodoma i Gomora*, angl.: *Sodom and Gomorrah*.

В разных языках не только единичные библейские имена употребляются в форме восклицания но также два имени или даже три, ср. в алеманнском диалекте: *Jessas Maari!*; в Сплитском диалекте: *Isuse Bože!* В баварском диалекте: *Jessas Maria und Josef!*; в северной Австрии (южная часть Нижней Австрии): *Jessas-Marant-Josef!* и т.п.

Почти во всех европейских языках имеется выражение *продать за чечевичную похлёбку* итал.: *dare qualcosa per un piatto di lenticchie* франц.: *se vendre pour un plat de lentilles* из кн. Бытие, потому что близнец Исав, который появился на свет первым, продал свое первородство своему брату Иакову за кушанье из чечевицы. Но когда перед смертью их отец решил благословить своего первенца Исава, Иаков переоделся в одежду Исава, и успел обмануть почти слепого отца. Тот его ощупал и сказал: «Голос Иакова а руки Исавовы». Так в немецком и датском языках возник фразеологизм: *Jm. hat Jakob's Stimme und Esau's Hände; Jacobs røst, Esaus hænder* в значении «быть умелым обмашником».

Кроме имён этих близнецов во фразеологии употреблялись также имена неравных противников Давида и Голиафа как фразеологизм, обычно в сравнении или в метафорическом употреблении, ср. русск.: *как Давид и Голиаф*, чешск.: *jako David a Goliáš*, англ.: *like David and Goliath, a David and Goliath contest*, франц.: *c'est David contre Goliath*, кашубск.: *jic na kogo jak Dawid na Goliata*, нем.: *Duell/Kampf David gegen Goliath*.

Русский фразеологизм *превращение Савла в Павла* или *из Савла Павлом стать* в значении «измениться, стать совершенно другим» имеется как крылатое слово или фразеологизм только в некоторых европейских языках ср. слов.: *iz Savla postati Pavel*, нем.: *sich vom Saulus zum Paulus wandeln*.

Но почти во всех европейских языках Адам и Ева вошли в ряд фразеологизмов. И. В. Кузнецова (2012) написала статью об Адаме и Еве в устойчивых сравнениях славян, и я здесь не буду долго останавливаться. Очень часто эти фразеологизмы имеют значение «издавна, с давних времён», ср.: русский: *с Адама и Евы*; болг.: *от (дядо) Адам и Ева*, польск.: *od czasów Adama i Ewy*, хорв.: *od Adama i Eve*. В других языках имена Адам и Ева употребляются в оборотах с глаголом начать + предлог от или с в значении «с самого начала, сызнова» ср. нем.: *bei Adam und Eva anfangen*; кашубск.: *začinat od Adama i Ewy* польск.: *od Adama i Ewy zaczynać*.

Оригинальный фразеологизм польского и кашубского языков с именами Адам и Ева характеризует мнимых родственников ср.: *krewny po Adamie i Ewie; krewny po Jadamie i Ewie*. Фразеологизм, который является цитатой или крылатым словом, не прямо из Библии, но с теми же самыми библейскими именами восходит к английскому философу John Ball, который в 14 веке читал проповедь против рабства и таким образом был

создателем демократической пословицы: *When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman?* нем.: *Als Adam hackt und Eva spann, wer war da wohl ein Edelmann*, пол.: *gdy Ewa przędła, Adam zimię kopał, kto wtedy był szlachcicem, a kto komu chłopiał?* чешск.: *když Eva předla a Adam ryl, kde tu jaký šlechtic byl?*

Спустя неделю после Пасхи необходимо говорить и о судебном деле против Иисуса Христа и тех личностях, которые были причастными к этому делу, потому что и их имена вошли во фразеологию. Долгое время не было ясно, какие инстанции были ответственны за вынесение приговора Иисусу. И эта нерешительность и послание от одного к другому послужили тому, что соответственные имена личностей, которые были ответственны и хотели отказаться от ответственности вошли во фразеологизмы со значением «послать кого-л. от одного к другому, не решая дела, не давая ответа» или «ходить от одного к другому без решающего ответа или без оказания помощи». Ср.: чешск.: *posílat někoho od Herodesa k Pilátovi (a od Piláta k Herodesovi)*, *chodit od Annáše ke Kaifášovi*; в хорв. сплитском диалекте: *šavat (slat) koga od Iruda do Pilata*; *ič od Iruda do Pilata*, польск. *odsyłać/chodzić od Annasza do Kajfasza*, франц.: *envoyer qn. d'Hérode à Pilate*; кашубск.: *wodzëc kogo od Annôsza do Kajfôsza*. Но самым распространённым фразеологизмом с этим значением является *посылать од Понтия к Пилату*, который во многих языках употребляется и иронично и шутливо. О том фразеологизме писал Иосип Матешич (1997) и я здесь не буду приводить примеры, которые имеются почти во всех европейских языках и диалектах. Объяснение этого фразеологизма во всех русских справочниках (ср. напр. Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 462: «Народ воспринял имена *Понтий* и *Пилат* как имена двух разных людей, имя Ирода из изложения выпало.») не оказывается убедительным. Рерих (Röhrich 1991: 1183) наводит более убедительное объяснение: Уже сирийский автор Р. Amandus употребляет этот фразеологизм в шутливой форме, где бессмысленное туда-сюда, нерешительность перед судом над Иисусом перенесли на самого Пилата, фигура которого в среднем веке было символом вечно блуждающего человека и которого иногда называли даже «вечным евреем».

На первый взгляд во фразеологизмах с компонентами *Петр* и *Павел* наблюдается великое разнообразие в значениях. Но это только так кажется. Потому что апостолы *Петр* и *Павел* согласно церковному преданию приняли святое мученичество в один день – 29 июня по юлианскому календарю, именины *Петра* и *Павла* совпадают. Это совпадение явилось поводом для многих фразеологизмов. Конечно, и аллитерация их имён при этом имела значение. Кроме того их именины славятся вскоре после начала лета, что привело ко многим приметам, связанным с их именами, ср. напр. польск. *gdy święty Piotr z Pawłem placzą, ludzie przez tydzień słońca nie zobaczą, Pieter*

Paweł grzyby sieją, Piotr i Paweł suszą korzenie żyta, русск.: *Петр и Павел два прибавил* (два часа дня); нем.: *Peter und Paul, harke den Kaul* (Kohl), *Peter und Paul wird dem Korn die Wurzel faul* и т.п.

Часто одноименные именины и аллитерация вели к фразеологизмам со значением «то же самое, одно и то же» или «каждый», «кто бы ни» ср. чешск.: *to je Petr jako Pavel, at' to je Petr nebo Pavel*, слов.: *Peter ali Pavel, Peter in Pavel, ne bom potreboval ne Petra ne Pavla* («nikogar»), хорв.: *Petar i Pavao*, сербск.: *Petar i Pavle*, болг.: *какъвто Павел, такъв и Петър, изгори Павла, та посини Петра* (за людей с одними недостатками); франц.: *que ce soit Pierre ou Paul; (Piere Paul et Jacques)*. В немецких диалектах напр. в мозель-франкском диалекте и в швабском (около города Ульм) значение, что именины Петра и Павла совпадают реализуется просторечным фразеологизмом: *Peter und Paul scheißen in ein Kaul, Peter und Paul scheissen einander aufs Maul*.

О возникновении французского и английского фразеологизмов *découvrir Saint Pierre pour couvrir Saint Paul, deshabiller Pierre pour habiller Paul, to rob Peter to pay Paul* (ср. и итал.: *spogliar Pietro per vestir Paolo*, и нем.: *den Peter bestehlen, um den Paul zu bezahlen*) шли долгие дискуссии. Во время возникновения этого фразеологизма в средних веках (15-17вв) вероятно имели значение и аллитерация и то, что и в Англии и во Франции некоторые церкви (с именем St. Pierre) брали взаймы у других церквей (с именем St. Paul), и конечно, знание того, что имена Пётр и Павел были связанными друг с другом. Во всех языках последовательность имен: Петр и Павел, только в болгарском наоборот. Но если в других европейских языках Павел на первом месте, это имеет чисто фонетические/поэтические причины, ср. нем.: *Paulus spricht zu Peter, reib' den Ars, so geht er*, или имя Петр заменяется другим рифмующим именем, ср. польск. *jaki Paweł, taki Gaweł; nie będzie Pawła, to się weźmie Gawła; ja o Pawle, a on o Gawle*.

Подводя итоги можно сказать, что употребление библейских имен в парных сочетаниях во фразеологии европейских языков показывает, что несмотря на разные формы христианской религии, культурное наследие Библии общее. Только в некоторых случаях структура языка, особенности перевода Библии и региональные традиции влияли на то, что на поверхностном уровне фразеологизмов появлялись различия, полностью отличающиеся модели при образовании фразеологизмов с библейскими именами мы пока на европейском уровне не замечали.

Использованная литература

- Байрамова, Л.К. В.А. Бойчук, В.А. (2012), *Аксиологический словарь фразеологизмов-библейзмов на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках: словарь ценностей и антиценностей*. Казань: Центр инновационных технологий, 2012.
- Бирих, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова, Л.И. (1998), *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
- Бетехтина, Е.Н. (1995), *Фразеологические библейзмы с ономастическим компонентом в современном русском языке (На фоне английского)*. Канд. дисс. Санкт-Петербургский государственный университет.
- Бетехтина, Е.Н. (1999), *Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках)*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Головкина, Оксана Анатольевна (2014), *История ветхозаветных фразеологизмов в русском и английском языках*. М.: Канд. дисс.
- Грановская, Л. М. (2003), *Словарь имён и крылатых выражений в Библии*. М.: Астрель; АСТ. *Словарь имен и крылатых выражений из Библии: около 400 имен, более 300 выражений*; сост. Л. М. Грановская. Изд-е 2-е. испр. и доп. М.: АСТ Астрель, 2010.
- Дубровина, К.Н. (2012), *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре*. М.: Флинта.
- Загот, М.А. (2004), *Ищите и найдёте. Англо-русский словарь библейзмов для всех и каждого*. М.: Р. Валент.
- Ивченко, А. (1999), *Українська народна фразеологія: ономастологія, ареали, етимологія*. Харків.
- Каминская, Е.В. (2004), *Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках*. Канд. дисс. Санкт-Петербург.
- Кочедыков, Л.Г. (2006), *Краткий словарь библейских фразеологизмов*. Самара: Бахрах-М.
- Пермяков, Г.Л. (1988), *Основы структурной паремиологии*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Кузнецова, И.В. (2006), «Библейские персонажи в украинских устойчивых сравнениях (на славянском фоне)». *Славяноведение* 2, 92-103.
- Мокиенко, В.М. (1998), «Адам в славянских языках». В кн.: *Число, язык, текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна*. Минск: белгосуниверситет, 14-28.
- Сахадзе, С.Г., Хильдбруннер, В.И. (2007), *Краткий русско-французский словарь библейзмов*. М.: Российский университет дружбы народов.
- Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц*; сост. В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. М.: АСТ Астрель, 2010.
- Туровер, Г.Я., Санчес, Г., Мартинес Х.Л., Гангутия, А.Р., Аллуэн, Н., Контрерас, Ф., Родригес, С., Медзина, Р. (2009), *Словарь библейзмов. Англо-русский, немецко-русский, французско-русский, испанско-русский, итальянско-русский*. М.: Дрофа.

- Харазиньска, Иоанна (1987), *Библеизмы в русской фразеологии*. Ростов-на-Дону. Канд. дисс.
- Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов; сост. К. Н. Дубровина. М.: Флинта; Наука, 2010.
- Матешич (1997) = Josip Matešić, «Ići od Poncija do Pilata («Посылать от Понтия к Пилату»)» *Problemy frazeologii europejskiej II*. Ed. Andrzej Maria Lewicki. Warszawa: Wydawnictwo Energeia, 163-65.
- Menac-Mihalić, M. (2005), *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj*. Zagreb: Školska knjiga.
- Röhrich, Lutz (1991), *Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Freiburg: Herder Verlag.

Wolfgang EISMANN

BINOMIALS WITH BIBLICAL NAMES

Summary

After a short overview of the research on Bible words in Slavic and general phraseology the article deals with phraseologisms containing biblical names in various European languages and dialects,

and then with binominals with biblical words in European languages and some peculiarities in particular languages and dialects. The main focus is on binominals with biblical names.

Ольга АЛЬДИНГЕР

ФГБОУ ВО Смоленский государственный
медицинский университет Минздрава России
Смоленск, Россия

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ «ПОСЛОВИЦ РУССКОГО НАРОДА» В. И. ДАЛЯ

Тезисы: Статья посвящена общей характеристике и краткому описанию состава имен собственных, вошедших в одно из наиболее полных собраний русских пословиц и поговорок «Пословицы русского народа» В. И. Даля. Паремии с ономастическим компонентом представляют особый интерес, поскольку национально-культурная информация, стоящая за именем собственным, значительно обогащает выражения. В работе рассматриваются типы имен собственных в русских пословицах и поговорках с точки зрения групповой и индивидуальной информации, дается краткое описание типов ономастической лексики, зафиксированной в собрании В.И. Даля.

Ключевые слова: оним, имя собственное, паремия, ассоциативно-культурный фон, лингвокультурология.

Задача описания русской языковой картины мира активно решается современной лингвистикой. Несомненный интерес для исследования представляет в том числе тот ее фрагмент, который формируется именами собственными. Шагом в описании этого фрагмента может служить исследование роли и места ономастических единиц в составе пословиц и поговорок, включенных в книгу В. И. Даля «Пословицы русского народа», поскольку из 32 тысяч выражений, вошедших в сборник, имена собственные содержат 1267 единиц (1658 имяупотреблений). Основой работы, по словам автора, послужили «два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописи, листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и – главнейше – живой русский язык, а более речь народа...» (Даль 1862: II). Исследуя ономастическую лексику в составе устойчивых единиц, мы тем самым получаем представление о совокупности имен собственных, бытовавших в русской народной речи XIX века.

Имя собственное, являясь полноправной языковой (лексической) единицей, обладает всеми свойствами, присущими слову. Так, большинство онимов, как правило, относится к именам существительным, обладает категориями рода, числа, падежа, а личные имена – категориями одушевленности, лица; типичная функция имени собственного в предложении – быть подлежащим (Бондалетов 1983). Наиболее дискуссионным при характеристике свойств имени собственного является вопрос о его значении. Длительное время сосуществовали противоположные точки зрения на эту проблему. Одни исследователи (Дж. Ст. Милль) отказывали онимам в способности иметь значение, другие (Х. Джозеф, О. Есперсен) считали, что собственные имена обладают большей семантикой, чем нарицательные. Большинство русских лингвистов (Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, В. А. Никонов и др.) признают за онимом право иметь значение. Способность собственного имени подвергаться переосмыслению в составе пословиц и поговорок – лишь один из аргументов в пользу семантической значимости имени. При всей противоречивости существующих мнений о наличии у имени собственного значения никто из исследователей не отрицает того факта, что имя обладает огромным лексическим фоном, под которым понимается внеязыковая информация, сопутствующая слову, не входящая в непосредственное его содержание и формирующая национально-культурную семантику (Верещагин, Костомаров 1990).

Имена собственные обладают комплексной семантикой, поэтому при их анализе целесообразно говорить не об их семантике в целом, а о различных типах заключенной в этих единицах информации. В комплексной семантике имени собственного можно выделить три составляющих: языковую, речевую и энциклопедическую. Энциклопедическая и-формация, необходимая для введения имени в речь, основана на экстралингвистических связях объектов, поскольку в имени собственном пересекаются информационные потоки социального, национально-культурного, этнографического и т. п. характера.

В рассматриваемых жанрах устного народного творчества – пословицах и поговорах – стилистически значимой оказывается и речевая, и энциклопедическая, и языковая информация, заключенная в онимах. Вплетаясь в единую ткань высказывания, они вносят в нее дополнительные сведения, порой недоступные для понимания при первом восприятии пословицы или поговорки. Особенности описания этой информации связаны с общими особенностями *ассоциативно-культурного фона* онима (Максимчук 2002) и заключаются в том, что извлечение «информации одного вида ... влечет за собой следующую информационную характеристику. Этот процесс в принципе обладает открытым характером, что приводит к тому, что, оттолкнувшись от одного имени и используя его ассоциативно-

тематические связи, выявляющие сопутствующие имени фоновые знания, можно построить огромное информационное поле (ономастическое пространство)» (Максимчук 2002: 107).

Языковое и предметное (энциклопедическое) содержание имени собственного в свою очередь может быть подвергнуто дальнейшей классификации. Авторы лингвострановедческой теории слова Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, указывают, что семантика любого имени собственного характеризуется на основе признака групповой / индивидуальный. Групповая информация означает, что собственное имя выделяет именуемый им объект из ряда подобных, сигнализируя при этом «о своей принадлежности к некоторой совокупности соположенных имен» (Верещагин, Костомаров 1990: 97). Классификация, предложенная Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, может быть применена при анализе ономастической лексики, включенной в сборник В. И. Даля. Так, критерием классифицирования является возраст собственных имен (*Мария – Марина*), поскольку «имена у каждого народа связаны не только с его культурой, бытом, но и с развитием производительных сил. Чтобы какое-либо имя появилось у народа, необходимы определенные культурно-исторические условия. Поэтому многие имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи» (Суслова, Суперанская 1991: 4).

В паремии входят календарные христианские имена, что позволяет судить о времени появления народных выражений. Можно говорить, что пословицы, включающие христианские имена, создавались тогда, когда древнерусские имена были окончательно оттеснены, а выражения, в которых встречаются фамилии, появились еще позже, так как формирование фамилий в России началось только около XIII в.

Сточкизрения происхождения основу русского именника составляют имена греческого, древнееврейского и латинского происхождения, многие из которых вследствие многовекового употребления в обыденном сознании воспринимаются как чисто русские. Например, символом русского человека стало древнееврейское имя Иван (др.-евр. *Johanap, Jehohanap* – «Бог смиростивился»): «*Не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст*». Большое количество топонимов также имеют корни древних языков, что свидетельствует о том, что именованья многих географических объектов остались от древнейших народов, живших на территории России.

В «Пословицах русского народа» В. И. Даля личные имена различаются социальной окраской: *Иван, Сидор, Емельян* и др. ассоциируются с крестьянскими именами, а *Марина*, так же как и все ощущаемые иноязычные имена, соотносятся с именами городскими. *Иона, Исаакий* – монашеские имена, *Фома, Савва* – купеческие (Верещагин, Костомаров 1990). Знание данного факта помогает лучше понять пословицу, в

которую входит подобное имя, поскольку социальная оценка имени часто перерастает в оценку качеств человека.

Княжеские имена в сборнике В. И. Даля не зафиксированы, за исключением имени исторического лица – русской княгини Ольги (? – 969): *Города Коростеня, владения Ольгина, народ кривичи*. Выражение хранит память о присоединении столицы славянского племени древлян Коростени к Киевской Руси: после убийства древлянами киевского князя Игоря Ольга отомстила за смерть мужа. Летопись повествует, что в 945 (по другим данным в 946) году Ольга сначала осадила город, затем, пообещав, что оставит его, если от каждого дома заплатят дань голубями и воробьями, приказала привязать к каждой птице трут и поджечь его. Птицы, вернувшись в свои гнезда, подожгли город.

Городских имен в русских пословицах и поговорках крайне мало (*Марина не малина: в одно лето не опадет*).

Пословицы и поговорки с монашескими именами часто ассоциируются с религиозными текстами. Так, герой выражения *Грешный Иона берет из поклона; правый придет – без поклона берет* соотносится с библейским Ионой – пророком, за неповиновение Богу проглоченным рыбой и через три дня и три ночи выброшенном на берег.

Нелестное отношение к героям выражений *Люди как люди, а Фома как бес; На волка только слава, а овец таскает Савва* продиктовано тем, что у них типичные купеческие имена.

Стилистическое разнообразие имен собственных, включенных в собрание В. И. Даля, таково: различаются официальные (*Ананий*) и просторечные, «простонародные» (*Ананья*) варианты собственных имен. В пословицах и поговорках многие личные имена употребляются в просторечном варианте для выражения экспрессивно-эмоциональной оценки или как показатель социальной принадлежности носителя личного имени: *Не по Сеньке шапка; Богат Мирошка, а животов – собака и кошка; Горькому Кузьеньке горькая и песенка*. Как видим, групповые характеристики имени могут пересекаться.

Характерно для паремий употребление и народных названий праздников. Церковные праздники играли огромную роль в жизни человека, русского крестьянина в особенности – это своеобразный народный календарь. С каждым днем были связаны приметы, обычаи, традиции. Названия этих дней входили в пословицы, поговорки, обозначая определенное время в году или приобретая дополнительное, переносное значение. И, конечно же, именно народные варианты названий использовались в народных выражениях, что обусловлено не только краткостью устойчивых единиц, но и фиксацией в них живой разговорной речи: *От Покрова до Покрова кашлянул однава, да и говорит, что кашель*

(День Покрова Пресвятой Богородицы); *Дорого яичко к Великодню, а сыр молодой о Петрове дне* (Пасха, или Воскресение Христово, и День Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла). Встречаются, хотя исключительно редко, подобные варианты топонимов: *Нижний – Москве сосед ближний* (Нижний Новгород); *Питер бока повытер* (Питер – неофициальное название Санкт-Петербурга). Существование последнего связано с историей города. Петром I в 1703 году была заложена крепость Санктпитебурх, названная так в честь святого Петра. После сооружения в ней собора Петра и Павла крепость стала называться Петропавловской, а ее первоначальное название распространилось на выросший вокруг город. Как отмечает О. Н. Трубачев, «специального акта, отмечающего основание города и определяющего присвоенное ему название, не было. Лица из иноязычного окружения Петра название произносили каждый на свой лад. В результате в первые двадцать лет написание названия встречается более чем в тридцати вариантах. Наиболее часто – Санктпитебурх, отсюда неофициальное название города Питер...» (Трубачев 1994: 197).

Собственные имена, в основном антропонимы, несут информацию об их употребительности. Существуют часто- и редкоупотребительные онимы. Кроме того, анализ ономастической лексики в пословицах и поговорках показывает, что реальная употребительность имени далеко не всегда соответствует частоте употребления в данных жанрах. Так, самое распространенное с конца XVII века до 1917 года имя *Иван* наиболее популярно и в народных выражениях (в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» оно встречается 76 раз). А второе по употребительности в паремиях имя *Фома* (47 имяупотреблений) никогда не являлось частым в реальной жизни. Его частотность обусловлена различными факторами: нелестным отношением простого народа к купечеству, популярностью сказок о неудачниках Фоме и Ереме, а также известностью выражения о библейском Фоме, одном из учеников Христа (*Фома неверующий*).

Наконец, имена с живой внутренней формой (*Запороги*) противопоставляются именам с «темной» внутренней формой (*Москва*). Данное явление отражено в пословицах и поговорках главным образом в употреблении топонимов. Имена с ясной этимологией могут обыгрываться: *Новгород, Новгород, а постарше старого; Не только звону, что в Звенигороде, есть и в Москве*.

Помимо групповой информации, именам собственным присуща индивидуальная информация, которая, как и групповая, имеет внеязыковой характер. Наличие ее у имени собственного зависит, в числе прочего, от того, войдет ли имя в пословицу, получит ли пословица распространение.

Собственные имена, попадая в устойчивое выражение, делают решительный шаг в сторону имени нарицательного. Конкретные,

индивидуальные черты имени отступают на задний план. В результате имя приобретает способность обобщать и начинает употребляться с дополнительными значениями в функции вторичного, ассоциативно-образного именования.

Придание имени собственному характеру обобщения может происходить разными путями: путем обработки рифмой, на основе социальной типизации и т. д. При частом повторении ассоциации, вызванные рифмой, могут стать постоянной характеристикой имени. Благодаря обработке рифмой и употреблению в сказке складывается в народных выражениях образ Емели – дурак, пустомеля, хвостун и лентяй. Поговорка *Мели, Емеля, твоя неделя!* – насмешка над болтуном. И насмешка сильная: здесь женское дело – помол зерна на жерновах – относится к мужчине. Более того, имеется в виду помол не зерна, а вздора (Мокиенко 1975). В основе лежит реально существовавший в русских семьях обычай чередоваться понедельно для выполнения различных домашних работ. Обычай этот касался в основном женщин (есть вариант: *Мели, Агаша, изба-то наша!*). Такие «дежурства» не отменяли полевых женских работ или привычного зимой труда – прядения и ткачества. Эффект оборота усиливается тем, что Емеля – известный сказочный персонаж: *Емеля-дурак и на печи по дрова ездил; Емеля простота! Хвать-похватъ – нет рукавиц, а они у него за поясом.*

В переносном значении могут употребляться и другие разряды ономастической лексики. Так, топоним Волга часто используется как указание на большое расстояние: *Этот нос – через Волгу мост; На словах Волгу переплывает, а на деле – ни через лужу.* Персонаж русских сказок Лиса Патрикеевна стал служить для обозначения двоедушного и пронырливого человека: *У Лисы Патрикеевны ушки на макушке.*

Ряд имен с течением времени «получил репрезентативный, почти нарицательный смысл» (Верещагин, Костомаров 1990: 58): *Иван* стал символом русского человека, *Емеля* – болтуна, *Макар* – бедняка и горемыки (*На бедного Макара все шишки валяются*) и т. п.

Одним из существенных вопросов языковой характеристики онима является его отнесенность к определенному разряду. В «Пословицах русского народа» В. И. Даля встречаются собственные имена всех общепризнанных разрядов (антропонимы, зоонимы, топонимы, астронимы и космонимы), выделяемых в различных классификациях ономастической лексики (А. В. Суперанская, В. Д. Бондалетов, Н. В. Подольская и др.). Помимо этих разрядов, в книге В. И. Даля нами выделены также религионимы (термин объединяет имена собственные, обозначающие реалии мировых религий: теонимы, агионимы (имена святых), имена персонажей священных книг, названия молитв, реалий религиозных обрядов и т. д. (Максимчук 2002))

и хрононимы (имена собственные, связанные с обозначением времени. Разновидностью хрононимов являются названия праздников (Подольская 1988)). Необходимо заметить, что при характеристике имен собственных могут пересекаться разные характеристики. Например, Н. В. Подольская дает следующее определение мифонима: «Мифоним – имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропонимы, мифотопонимы» и т. д. (Подольская 1988: 124-125).

В пословицах и поговорках наиболее распространены *антропонимы*. В народных выражениях встречаются исторические имена, т. е. имена лиц, связанных с историей России: *Не Стенька: на ковре по Волге не поплывешь* (Степан Разин – предводитель крестьянской войны 1670 – 1671 гг.); *Здесь словно Мамай воевал* (Мамай – татарский воевода, фактический правитель Золотой Орды, потерпевший поражение в Куликовской битве в 1380 году. Разгромом его орды кончилось на Руси татаро-монгольское иго). Многие из этих имен известны каждому русскому человеку, поэтому их ассоциативно-культурный фон очевиден.

Присутствуют также забытые исторические имена, сохранившиеся только благодаря тому, что вошли в пословицу. Так, имя Александра Бековича-Черкасского, сохранившееся в пословице, мало что говорит современному русскому человеку: *Пропал, как Бекович*. Ни о происхождении Бековича (Девлет-Кизден-Мурзы), ни о времени поступления его на службу точных сведений нет. Предполагается, что он принадлежал к высшему сословию кабардинских владетелей. В 1714 году Петр I назначает Бековича начальником экспедиции в Среднюю Азию с целью подчинения Бухарского и Хивинского ханств и для налаживания торговых отношений с Индией. В 1717 году экспедиция отправилась в Хиву, где все войско было предательски убито (погибло около 5 тысяч человек).

Употребление имен исторических лиц строго мотивировано, поэтому подобные выражения легко трактуются при условии знания исторической подоплеки.

Часть личных имен пришла в пословицы и поговорки из других жанров устного народного творчества. Например, значение имени *Марко* в пословицах восходит к русской народной сказке «Марко богатый и Василий Бессчастный»: *Не шумаркай, голый, когда Марко пьет; Не шумаркай тут, где Марко спит*. Данное имя воспринимается как символ богатства. Главный герой сказки – купец Марко, который терпеть не мог нищих, за что был наказан: все его богатство досталось бедняку.

Главная же функция антропонимов в народных выражениях – служить в качестве средства художественного изображения (*Упрись, Гаранька, в губернскую тащат* – аллитерация; *Добр Мартын, коли есть алтын* – рифма и т. д.).

На втором месте по употребительности в народных выражениях стоят *топонимы*. Территория России огромна, и в каждом регионе имелись свои пословицы, поговорки, в которые входили не только названия всем известных географических объектов (*Питер женится, Москва замуж идет*), но и микротопонимы: *Воровская Писковищина* (речь идет о селе Писково Сычевского уезда Смоленской губернии). В народные выражения в большом количестве включены географические названия, отражающие географию центральной части России – от Крыма до Кольского полуострова и от Белоруссии до Камы и Урала. Остальная часть территории России от Урала до Дальнего Востока определена одним топонимом – *Сибирь* (*Славна Астрахань осетрами, а Сибирь соболями; В Сибири бабы коромыслом соболей бьют; Страшна Сибирь слухом, а люди лучше нашего живут*). Поскольку Сибирь была малонаселена, практически не освоена, представление о ней в пословицах и поговорках предельно обобщено.

Топонимы, включенные в народные выражения, в основном своим количеством обозначают определенную местность, которая характеризуется в пословице: *Сибирь – золотое дно; Кто в Одессе не бывал, тот пыли не видал*. Значительная часть географических названий указывает на исторические события, произошедшие на той или иной территории: выражения *Это сущая переправа через Березину; Отогрелся в Москве, да замёрз на Березине* отражают события 1812 года, когда при переправе с боями через правый приток Днепра Березину 26 – 29 ноября наполеоновская армия (75 – 80 тысяч) потеряла около 50 тысяч человек, большую часть артиллерии и обозов и перестала существовать как организованная сила.

Топонимы во многих случаях употребляются в переносном значении и так же, как личные имена, могут приобретать способность обобщать и в результате иметь дополнительные значения: *Знают и в Казани, что люди сказали*.

Одним из результатов многовекового влияния на русскую культуру христианства является существование в русском языке устойчивых единиц, основанных на библейских текстах. Ярким проявлением происхождения многих из этих выражений служит использование в их составе имен собственных, восходящих к именам «действующих лиц» Библии. Имена многих персонажей этой книги стали нарицательными (*По бороде Авраам, а по делам Хам*). Другая часть выражений, включающих *религионимы*, связана с народным бытом: с представлением о том или ином святом, видением их как покровителей различных сторон жизни. Так, Георгий Победоносец считается защитником домашнего скота, повелителем всех животных (*На то Егорий волку зубы дал, чтоб кормился; Все зверье у Егорья под рукой*). Святитель Николай Мирликийский почитается вторым после Бога заступником, покровителем вдов и сирот, несчастных и обиженных,

земледелия и скотоводства, хозяином земных вод (*Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает*), защитником от всех бед и несчастий (*Бог не убог, а Никола милостив; Нет лучше брани, как: «Никола с нами»*). Пророк Наум в народном представлении связывается с учением: со дня св. Наума (1 декабря) детей начинали учить грамоте, поскольку более удобного времени для овладения азами чтения и счета крестьянину не найти (*Пророк Наум наставит на ум; Пророк Наум, наставь нас на ум*). Отметим, что здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю, которого придерживалась Россия до 1918 года

Широко используются в пословицах и поговорках имена собственные, связанные с церковной традицией, для обозначения календарных дней: *На улице петровки, в избе Рождество; Дело сделали, Маланью замуж выдали* (31 декабря является днем св. Мелании Римляныни, а день св. Василия Кесарийского приходится на 1 января. *Маланьяина свадьба*, следовательно, – это нечто вроде символической встречи Старого и Нового года); *У Тита было пито, а у Карпа нет ни капли* (Тит-Поликарпов день праздновался 2 апреля, к этому времени заканчивались все зимние запасы).

Названия церковных праздников употребляются для обозначения определенного дня в году (*У скупого и в Крещенье льду не выпросишь*); включаются в выражения, которые отражают приметы, связанные с тем или иным днем (*На отданье Пасхи не плюй в окошко: нищего убьешь*); приобретают переносное значение, как и другие собственные имена (*У него то Саввы, то Варвары* – о любителе пировать).

ХреMATонимов в народных выражениях немного. Наиболее типичные из них относятся к религиозной сфере (*Коротка молитва «Отче наш», да спасает; Ваши речи в Евангелие, а наши и в азбуку не годятся*) или обозначают предметы народного быта и названы через личные имена (*Полюби Андреевну (соху), будешь с хлебом*).

В сборнике пословиц и поговорок встречаются также мифонимы. Основная часть мифоантропонимов перешла в народные выражения из былин или других произведений народного творчества. Поговорка *Кос, как Соловей-разбойник, который одним глазом на Киев, другим на Чернигов глядел* берет начало в былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Согласно сюжету, между Киевом и Черниговом росли дремучие леса, и дорога через них была опасна, так как в лесу жил Соловей-разбойник, сидевший в своем гнезде и убивавший своим разбойничьим свистом. Былина имеет реальную основу: прямая дорога между этими городами действительно проходила через леса, в которых жило много разбойников. М. Забылин отмечает, что Соловей-разбойник, по сказаниям, был не кто иной, как беглый жрец, скрывшийся в лесах от преследования после принятия на Руси христианства (Забылин 1990).

На основе народных сказаний и песен появились выражения *Аника-воин*, *Аника-богатырь* – так насмешливо называют человека, задиру, хвастающегося своей силой, но всегда терпящего поражение и в результате оказывающегося трусом. В одном из русских духовных стихов рассказывается о воине Анике, который гордился своей силой и хитростью, но, встретив Смерть, испугался и был побежден. Источник этого стиха, как указывает Н. С. Ашукин, – заимствованная не ранее XVI в. повесть «Прение живота со смертью». (Ашукин, Ашукина 1987).

Мифотеонимы употребляются как отголосок языческого мировоззрения древних славян. В поговорке *Бог не Мокошь (Макошь), чем-нибудь да потешит* упоминается божество восточнославянской мифологии, находящееся между низшими демоническими существами и богами. Считалось, что Мокошь покровительствует специфическим женским работам, преимущественно прядению, ткачеству, домашним делам. В выражении ее имя используется для противопоставления христианства и язычества. Добавим, что в рамках христианства Мокошь низводится до уровня нечистой силы. Имя ее сейчас полностью забыто, хотя еще в XVI в. церковники на исповеди продолжали задавать один из обязательных вопросов: «Не ходила ли еси к Мокоше?» Днем поклонения этому языческому божеству была пятница. У восточных славян после введения христианства символика св. Параскевы Пятницы была своеобразным продолжением ассоциаций, связанных с поклонением Мокоши. Запреты, характерные для этого дня недели, были в основном «женскими»: в пятницу запрещалось прясть, купать детей, а кто не постился в пятницу, тот мог рано или поздно утонуть. Пятнице приносилась своеобразная жертва – бросали в колодец ткань, льняную кудель, выпряденные нитки или овечью шерсть. Издавна ей жертвовали снопы льна и вышитые полотенца (Мифы народов мира 2003). Мокошь была богиней воды и дождя, плодородия, покровительницей материнства. В. М. Мокиенко отмечает, что, по народным поверьям, она помогала трудолюбивым женщинам прясть. Нерадивых же прях она могла и покарать: в соответствии с северновеликорусскими поверьями, нельзя в избе оставлять на ночь кудель, иначе «Мокоша спрядет», то есть принесет какое-либо несчастье (Мокиенко 1986).

В паремиях *Вали Кострому в Волгу; Пускай Кострому в Волгу* отражены события 998 года (крещение Руси), когда люди были насильно обращены в христианство, а языческие идола скинуты в реки. Кострома – в восточнославянской мифологии умирающее и воскресающее божество весны и плодородия. Ее представляли в виде молодой женщины. Во время обрядов проводов весны девушки водили хороводы, а одна из них, одетая в белые одежды, с дубовой веткой в руках, изображала Кострому. Обряд включал ритуальные похороны Костромы, которую олицетворяло

соломенное чучело. Кострому сжигали, после чего, как считалось, она вновь воскресала, подобно зерну, брошенному в землю и возрожденному в колосе (Мифы народов мира 2003).

Мифотопонимы используются как средство художественного изображения (*Село Вралихино на речке Повирушке*).

В количественном отношении можно выделить имена собственные, часто встречающиеся в паремиях (до 8 употреблений), распространенные (4 – 7 употреблений), редкие (2 – 3 употребления) и единичные. Как правило, частые имена обладают и большим ассоциативно-культурным фоном. Так, отмечено 8 переносных значений самого распространенного в выражениях антропонима *Иван*: русский человек вообще, русский народ (*Не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст*); человек из простонародья (*Богат Иван – богат и пан*); простак, малообразованный человек (*Пошли Ивана, за Иваном болвана, за болваном еще дурака, да и сам ступай туда*); самостоятельный человек, хозяин, вообще – положительно характеризуемый человек (*Иван Марьи не слушается, сам приказывать горазд; Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал*); в воровском жаргоне – обязательно главарь, крупный грабитель (*Люби Ивана, да береги карманы*); пьяница, любитель попить (*Иван пьян гуляет, а Марья с голоду умирает; Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов*); беспаспортный бродяга (Кондратьева 1982) (*Откуда ты, Иван? – С воли, родимый*); слуга (Даль 2000) (*Позвать Ивашку, белую рубашку!*); в дореволюционном быту дешевый извозчик с плохой упряжью (в противоположность лихачу – дорогому извозчику) (*На Ваньке далеко не уедешь*).

Наиболее распространенный топоним *Москва* (102 употребления), конечно, также используется в качестве дополнительного ассоциативно-образного наименования, но в большинстве пословиц и поговорок несет сведения об истории, быте и крестьянских представлениях о столице: *Москва создана веками; Москва горбатая старушка* (то есть построена на холмах); *Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая; От искры Москва загорелась*.

Во многих случаях имена, встречающиеся в большом количестве выражений, имеют разнонаправленную ассоциативно-образную семантику. Так, имя Варвара в одних фразеологизмах означает «воровка» (*Проворна Варвара на чужие карманы*), в других – «запасливый человек» (*У Варвары все в кармане*), в третьих – «неумелая хозяйка» (*Черт ли Варваре дом поручил*). Также необходимо упомянуть такое явление, как случайное употребление личных имен. В таком случае имя собственное включалось в паремии в качестве рифмы или для соблюдения ритма и не обладает дополнительной семантикой.

Таким образом, имена собственные играют важную роль в пословицах и поговорках и представляют собой несомненную лингвокультурологическую ценность. Анализ ономастической лексики, вошедшей в «Пословицы русского народа» В. И. Даля, может служить одним из источников описания закрепленных в языке особенностей мировоззрения, уровня духовного и культурного развития народа, традиций именования в России XIX века.

Использованная литература

- Ашукин, Н.С., Ашукина, М.Г. 1987. *Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения*. М.: Художественная литература, 528 с.
- Бондалетов, В.Д. 1983. *Русская ономастика*. Москва: Просвещение, 224 стр.
- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. 1990. *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык, 246 стр.
- Даль, В.И. 2000. *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т.* М.: Русский язык.
- Кондратьева, Т.Н. 1982. «История фразеологизмов с собственными именами», *Фразеология и синтаксис*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 46 – 90.
- Максимчук, Н.А. 2002. *Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2 ч.* Смоленск: Изд-во СГПУ, ч. 1., 204 стр.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т.* Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 2003.
- Мокиенко, В.М. 1975. *В глубь поговорки*. Москва: Просвещение, 173 стр.
- Мокиенко, В.М. 1986. *Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 274 стр.
- Подольская, Н.В. 1988. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука, 187 стр.
- Русская энциклопедия. Русская ономастика и ономастика России: Словарь*. Ред. О. Н. Трубачев. М.: Школа-Пресс, 1994. 287 стр.
- Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*. Собр. М. Забылиным. Москва: Книга Принтшоп, 1990. 615 стр.
- Суслова, А.В., Суперанская, А.В. 1991. *О русских именах*. Ленинград: Лениздат, 220 стр.

Источники

Даль, В.И. 1862. *Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* Москва: Изд-е императорского общества истории и древностей российских при московском университете, 1141 с.

Olga ALDINGER

ONOMASTICAL COMPONENT
OF "THE PROVERBS OF RUSSIAN PEOPLE" BY V.I. DAL

Summary

The article is devoted to the general characteristic and short description of proper names which are represented in "The proverbs of Russian people" by V.I. Dal, because it is one of the most complete collections of proverbs and sayings. The phraseological units with an onomastic component are of special interest because the national and cultural information of a proper name makes the expressions much richer. In this article we examine the types of proper names in the proverbs and sayings from the point of view of group and individual information. It gives the short description of the main types of onomastic lexis fixed in the Dal's collection.

Татьяна БОЧИНА

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

С ИМЕНЕМ ИВАН, БЕЗ ИМЕНИ – БОЛВАН (О КОНТРАСТЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ)

Тезисы: В докладе рассматриваются мнемоническая, смысловая и оценочные функции имен собственных в пословицах, анализируются экспрессивно-оценочные наименования лица, произведенные от антропонимов, и их роль в создании антитезы. Обосновывается вывод о том, что направленность пословицы на эмоционально-оценочное восприятие действительности объясняет употребительность имен собственных как средства создания антитезы. Вторая часть посвящается оппозициям имен собственных в антифразах (загадках-перевертышах) и их прототипах. На многочисленных примерах демонстрируются как лингвистические механизмы контрастирования имен собственных, так и лингвокультурные основания для противопоставления имен: ассоциации с фольклорными и литературными текстами, «вечными образами», историческими событиями, культурными традициями и т.п.

Ключевые слова: антропоним, паремия, контраст, оценка, антономасия, антифразы

Русские пословицы чрезвычайно богаты на антропонимы, что проявляется как в частоте их употребления, так и в большом разнообразии. В народных изречениях имена собственные выполняют несколько функций. Во-первых, относясь, по меткому выражению В.И.Даля, ко «внешней одежде пословиц» (Даль 1984: 1,17), они играют большую роль в создании рифмы, созвучия, ритма, аллитерации: *Алтын в мошине, а Мартын в квашине; Впрямь долбил Данило, да вкось пошло долбило; Артамоны ядят лимоны, а мы молодцы едим огурцы*. Во-вторых, в целесообразности их применения лежит основание «пластическое, изобразительное, по которому казалось живее и нагляднее употребить название известного лица вместо человека вообще» (Буслаев 1861: 134). Использование имени собственного, связанного с единичным объектом действительности, согласуется с требованиями жанра пословицы, которая в отличие от

максимы, или общего утверждения, является суждением одновременно и частным, и общим (Барли 1984): *По нас Афонас – пусть он у нас, а не по нас Афонас – поди прочь от нас; Велика Федора, да дура; Грешный Иона берет из поклона, правый придет – без поклона берет.*

В-третьих, обладая лексическим фоном, национально-культурной компонентой (Верещагин 1983: 71-73), собственные имена участвуют в формировании семантического и семиотического планов пословичных изречений. Целый ряд имен, закрепленных за героями сказок, рассказов, анекдотов, связанных с народными обычаями, имеет в пословицах репрезентативный смысл. Так, Иван – простолюдин, человек низшего сословья: *Богат Иван, богат и пан*, Маланья – женщина развратная, девица, вступившая в связь до брака: *Ананья с ящиком (с приданым), а Маланья с кашником (вторая свадьба у невесты)*, Минай – спесивый: *Нашего Мины не проймешь и в три дубины*, Фома – упрямый: *Люди как люди, а Фома, как бес* и т.д. (Кондратьева 1983). Эти примеры можно множить и множить, ибо подавляющее большинство собственных имен выполняют в пословицах смысловую функцию, непосредственно участвуя в формировании сигнификативного значения предложения, т.е. морали пословицы.

Известно, свойственная собственным именам энциклопедическая информация имени зачастую является основанием для рождения нового, нарицательного слова. Как показывают специальные исследования, имя собственное (производящее) и нарицательное (производное) являются разными словами с отличающимися парадигмами. Безусловно, права А.В.Суперанская, когда подчеркивает, что «превращение собственного в нарицательное настолько глубоко затрагивает сущность лексической единицы, меняет ее морфологическую, синтаксическую и лексическую валентность, что даже, казалось бы, идентичные собственные и нарицательные имена следует считать разными словами, омонимами» (Суперанская 1973: 106-107).

В связи с задачами данной работы нас интересует лишь один тип антономасии: имя собственное → название лица, носителя характеризующего признака. Данные производные являются словами, в значении которых ведущее место принадлежит эмоционально-оценочному компоненту; их основная функция – номинативно-оценочная, характеризующая; в предложении они занимают предикативную позицию. Например: *Пусть бы рыжий, а то харитон*, где *харитон* – «отвратительное лицо, рожа, результат контаминации имени и слова, обозначающего голову, маску и самого носителя – уроды или его лица» (Кондратьева 1983: 105).

В народном сознании уже сам факт наличия или отсутствия у человека имени был многозначительным, характеризующим его или положительно, как человека социального, или как нелюдя, изгоя общества и

подобное. Об этом ясно свидетельствуют пословицы, в которых отсутствие имени оценивается резко отрицательно: *С именем Иван, без имени – болван; Без имени ребенок – чертенюк*; сравни также: *Корова без клички – мясо; Без имени овца – баран*. Думается, что с данным обстоятельством связана способность большинства имен стать знаком положительной оценки качеств человека. В этом плане весьма показательно примечание к пословице *Здесь ты Онаниа, а в твоём доме тебя и дома не найдёшь*, данное в сборнике Пауса: «о грязном человеке. В чужом доме тебя могут принять за человека, а в своём – добрым именем не назовут» (Пословицы 1961: 256), в котором имя собственное, «доброе имя», напрямую связано с оценочной квалификацией. Сравни также смысл поговорки *Якал, якал, а в Яковы так и не вышел*, «то есть не составил себе имени» (Русские 1986: 493). Аналогично: *В людях Ананья, а дома не найдёшь; В людях Илья, а дома свинья; В праздник – Груша, а в будень – клуша* (ср.: *В праздник – белочка, в будень – чумичка*). Здесь *Ананья, Илья, Груша* – не просто антропонимы, а выразители точно не определённой, наиболее общей, указывающей только на знак, положительной оценки, которая конкретизируется в речи в соответствии с семантикой противопоставленных им лексем. Так, в приведённых выше пословицах *Ананья, Илья, Груша* означают человека аккуратного, чистюлю, в изречении *В людях Ананья, а дома каналья Ананья* – это «ласа» (Даль 1984: 2, 174), а в паремии *Со словом Иван, без слова – болван Иван*, как имя нарицательное, синонимично слову *умный*. Другими словами, данные лексические единицы обозначают не индивидуальные предметы, определённые и конкретные, а соотносят именуемые объекты с классом, то есть являются именами нарицательными, а не собственными. Другое дело, что образованные безморфемным путем, они так и остались окказиональными, не закрепившись в языке. Но, как известно, стадию окказиональности проходят все производные слова, причем многие из них, возникнув в связи с необходимостью конкретной речевой ситуации, впоследствии не приобретают системного характера.

Непременным условием антономасии и последующего закрепления новой лексической единицы в языке является такая известность денотата имени, при которой у всех членов языкового коллектива складываются однотипные представления об отличительных свойствах личности, носившей то или иное имя. Так, после принятия и распространения христианства на Руси в процесс антономасии активно вовлекались имена библейские, евангельские, ставшие символами характерных качеств их носителей. К примеру, от имен апостолов, святых образовывались нарицательные слова с ярко выраженной положительной оценкой (*Авраам, Никола*), от имен отрицательных персонажей – с отрицательной коннотацией (*хам, ирод, ууда*).

Поскольку все эмоционально-оценочные наименования лица, образованные от антропонимов, тяготеют к одному из полюсов оценочной шкалы, то они вступают в антонимические отношения друг с другом или с другими нарицательными оценочными словами, в то время как собственным именам антонимия принципиально не свойственна (Суперанская 1973: 304).

Специфика денотатов имен определяет употребительность семантических дериватов данного типа в качестве образной характеристики – оценки святости, благочестивости, праведности человека (в пословицах, как правило, показной) или, напротив, его греховности, низменности натуры, отвратительных внутренних качеств: *По бороде Авраам, а по делам хам; По бороде Авраам, а по делам дьявол; По бороде Никола, а по зубам собака; По образу Никола, по усу Илья, по уму свинья*. В данных изречениях, представляющих собой различные варианты одного смыслового инварианта о хорошем внешнем впечатлении и плохой сущности, функция ‘внешний’ реализуется лексемами *борода, ус, образ*, ‘внутренний’ – *дела, зубы, ум*, оценочный квалификатор ‘хороший’ выражен семантическими дериватами *Авраам, Никола, Илья*, а ‘плохой’ – производными *хам, дьявол, собака, свинья*. Из приведенных примеров видно, что нарицательные слова, образованные от имен собственных, характеризуются некоторой семантической «размытостью», неопределенностью: эмоционально-оценочный дериват *Никола* в одном случае контрастирует с частной оценкой ‘злой’ (*собака*), в другом – ‘глупый’ (*свинья*); в противопоставленной паре *Авраам – хам* актуальна противоположность по линии высокая – низменная натура, благородство – подлость, *Авраам – дьявол* – по признакам святости – нечестивости, кротости – злобы. Подобная диффузность семантики, с одной стороны, противоречит природе антропонимов, а с другой – является характерной чертой оценочной лексики, что является дополнительным аргументом в пользу квалификации слов типа *Авраам, Хам* как новых лексических единиц, а не лексико-семантических вариантов.

Нужно заметить, что производные эмоционально-оценочные названия человека, образованные от антропонимов, диффузны лишь по своим денотативным семам, но их коннотация – постоянна. Именно ярко выраженная типичная оценочность того или иного наименования лица предопределяет возможность использования его в качестве средства формирования антитезы. Так, в одной из пословиц о лицемерии: *В людях любушка, а дома Иудушка*, семантическая противоположность создается за счет полярности коннотаций слов *лубушка – Иудушка*, денотативное же значение наименования *Иудушка* – ‘предатель, изменник, лицемер’ связано скорее с общей темой высказывания, но не релевантно для противопоставления названий – характеристик лица.

Таким образом, направленность пословицы на эмоционально-оценочное восприятие действительности объясняет употребительность имен собственных как средства создания антитезы и распространенность такого вида антономасии, как имя собственное → название лица, носителя характеризующего признака.

Использование имени собственного как средства создания контраста характерно не только для традиционных паремий, но и для их современных трансформов. Так, оценочный потенциал антропонима используется в известной игре в антифразы – загадки-перевертыши, суть которой заключается в том, что один из играющих на основе известного изречения путем замены слов на контрастные создает антифразу, а другие – отгадывают исходное выражение: **Барак** тебе враг, но ложь дешевле (**Платон** мне друг, но истина дороже).

В качестве прототипов для антифраз используются, как правило, прецедентные единицы, несущие в себе кванты традиционной культурной информации: пословицы и поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и выражения, тексты популярных песен и известных стихотворений и др. Именно общий фонд знаний адресанта и адресата обеспечивает коммуникативную состоятельность загадок-перевертышей, под которой понимается принципиальная разгадываемость антифразы членами своего социума. Сопоставление корпуса антифраз с их прототипами позволяет судить об актуальности для сознания современных носителей языка тех или иных концептов и культурных констант.

В этой связи наше внимание привлекли антифразы, в составе которых имеются имена собственные: **Маша**, прикрой ноги! (**Гюльчатай**, открой личико!); Легок ты, берет **Наполеона**! (Тяжела ты, шапка **Мономаха**).

Во-первых, собственным именам свойствен ярко выраженный национально-культурный компонент. Так, антропонимы трактуются лингвистами как свернутые социально-культурные тексты (Гнаповская 1999), что вдвойне справедливо по отношению к прецедентным именам и стоящим за ними вечным образам. Как известно, устойчивый образ характеризуется краткостью и емкостью глубинного смысла, способностью совмещать в себе конвенциональную формулу регулярной системной свертки знаний об объекте и его критериальных признаках, основанных на фиксации аналогичного опыта в терминах предыдущих поколений (Молчанова 1998).

Наблюдения над корпусом антифраз показывают, что случаи, когда ассоциирование личных имен по контрасту основано на лингвистических средствах выражения контраста: антонимах, согипонимах, неоднородных оппозициях и т.п., достаточно редки. Причины этого очевидны: данный вид ассоциаций возможен лишь в кругу имен с живой внутренней формой.

Как правило, противопоставляются морфемы / части исходного и загадываемого антропонима, которые являются асимметричными в каком-либо отношении оппозициями: Пациент **Ойздор** (Доктор **Айболит**); Неволю **Аркадию Старочкину!** (Свободу **Юрию Деточкину!**); Кабы-дед и двадцать дружинников (**Али-баба** и сорок разбойников). Нередко контраст создается видо-видовыми оппозициями типа сажа – зола, бальзам – отрав, хобот – хвост: **Сажечка** (**Золушка**); Развод **Отравинова** (**Женитьба Бальзаминова**); **Хвостов**, это излишний оптимизм (**Хоботов**, это упадничество).

Достаточно часто для создания контраста имен собственных используется мена мужского имени на женское и наоборот. Данный прием имеет как лингвистический, так и социолингвистический, характер и базируется на гендерной оппозиции. Ср. загадку, где оппозиция имен подкрепляется нарицательными согипонимами гендерной семантики: Тетя **Глаша** (Дядя **Ваня**); Кому знакома **тетя Маша**? **Тетя Маша** никому неизвестна (Кто не знает **дядю Степу**? **Дядя Степа** всем знаком). По законам жанра, контраст антропонимов сочетается с оппозициями антонимов, согипонимов и др.: **Иринушка**-умница (**Иванушка**-дурачок); В его рождении прошу винить **Степу С.** (В моей смерти прошу винить **Клаву К.**); **Джимми** Короткий носок (**Пеппи** длинный чулок); Рискни ногой, **Соня!** (Береги руку, **Сеня**).

Безусловно, механизм контрастирования имен собственных очень часто основан на ассоциациях культурного характера: **Леди Гага**, здравствуйте! (**Мэри Поппинс**, до свиданья), источниками которых являются, прежде всего, фольклорные и литературные тексты, кинофильмы, а также исторические личности. Например, противопоставляются

- имена персонажей русских сказок: **Иван**-дурак, короткий ус (**Варвара**-краса, длинная коса); Про **Марью Искусницу** - хлипкую девицу (Про **Федота Стрельца** - Удалого Молодца);

- известные литературные имена: Ничего не рассыпалось во дворе у **Турбиных** (Все смешалось в доме **Облонских**); Дворец тетушки **Хлои** (Хижина дяди **Тома**);

- фамилия автора и его персонажа: **Сестры Достоевского** (Братья **Карамазовы**);

- персонажи-антагонисты кинофильмов, которые в перевертыше меняются местами **Мюллер**, а вам я прикажу выйти (**Штирлиц**, а вас я попрошу остаться);

- исторические персонажи: **Екатерина Вторая** (**Петр первый**).

Заметим, что не только имена людей, но и клички животных-антагонистов «замечены» в антифразах-перевертышах, например, при контрасте кличек собак и кошек: **Песик**, **песик**, **песик**, ты мой **Барбосик**

(Киса, киса, киса, ты моя **Лариса**); Не давай, **Мурка**, к несчастью ушко себе (Дай, **Джим**, на счастье лапу мне).

Таким образом, Интернет-игра в антифразы, как и традиционные паремии, активно прибегает к лингвокультурному потенциалу имен собственных с целью создания нестандартного контраста, который, тем не менее, легко расшифровывается адресатом.

Литература

- Барли, Н. 1984. «Структурный подход к пословице и максиме», *Паремиологические исследования*. 127-148.
- Буслаев, Ф.И. 1861. *Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. Русская народная поэзия*. Санкт-Петербург.
- Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. 1983. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Третье переработанное и расширенное издание. Москва: Русский язык.
- Гнаповская, Л.В. 1999. *Лингвокогнитивные и лингвокультурологические характеристики английских антропонимов германского происхождения*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев.
- Даль, В.И. 1984. *Пословицы русского народа: Сборник В.Даля в 2-х тт.*- М.: Художественная литература.
- Кондратьева, Т.М. 1983. *Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря*. Казань: Казанский университет.
- Молчанова Г.Г. 1998. «Когнитивные подходы к неявной семантике текста: национальный менталитет, язык, стиль», *Россия и Запад: диалог культур*. Москва.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XXвв.* Москва-Ленинград: АН СССР, 1961.
- Русские народные пословицы и поговорки*. 1986. Сост. А.М.Жигулев. Третье исправленное и дополненное издание. Устинов: Удмуртия.
- Суперанская, А.В. 1973. *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.

Tatiana BOCHINA

WITH NAME HE IS IVAN, WITHOUT NAME – JUST A FOOL
(ON THE CONTRAST OF PERSONAL NAMES IN RUSSIAN
PROVERBS)

Summary

The report discusses mnemonic, sense and evaluative functions of personal names in proverbs, analyses expressive and evaluative words, derived from anthroponyms and their role in creation of antithesis. The author proves that proverbs' aiming at emotional and evaluative perception of reality explains the use of personal names as means of creation of antithesis.

The second part is devoted to oppositions of personal names in antiphrasis (riddles-) and their prototypes. The numerous examples demonstrate both linguistic mechanisms of contrast between personal names and lingua-cultural basis for their opposition: associations with folklore and literary texts, "eternal images", historical events, cultural traditions, etc.

Катерина ВЕЛЈАНОВСКА

Биљана МИРЧЕВСКА-БОШЕВА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ИМИЊАТА НА ПРАЗНИЦИТЕ ВО МАКЕДОНСКИТЕ И ВО РУСКИТЕ ФРАЗЕМИ

Апстракт: Во овој труд се разгледуваат фразеолошките единици во македонскиот и во рускиот јазик кои се директно поврзани со називите на празниците во конкретните јазици. Целта на трудот се состои во наоѓање најсоодветни преводни решенија за овие фраземи и воочување на сличностите и на разликите во доловувањето на истото значење во двата сродни јазици.

Клучни зборови: фраземи, празници, македонски јазик, руски јазик

Личните имиња во лексичкиот систем на секој јазик претставуваат еден од најстарите слоеви. Како јазични единици тие се потчинуваат на внатрешните закони на конкретниот јазик, но истовремено ја манифестираат и својата уникатност на сите јазични нивоа.

На фразеолошко рамниште се забележува дека личните имиња земаат активно учество во формирањето на фраземите и на ова прашање се посветени бројни студии (Мокиенко 1975, Финк 2006, Добрикова 2014, Млацек 1981 и др.)

Фразеолошките единици со лично име претставуваат постојани зборовни споеви во чии рамки влегува лексичка компонента која претставува име на историска личност, географски поим, митолошки херои, растенија, животни и сл. Личните имиња во фразеолошките единици може да бидат по потекло од митологијата, Библијата, од литературни дела, но, исто така, не е мал бројот на вакви изрази кои се поврзани со народната традиција на одделните јазици. Имајќи ја предвид поврзаноста со духот, обредите и културата на одделните народи, во овој материјал особено доаѓа до израз националната специфика, а тоа ги прави овие единици неповторливи и тешки за превод. Тука (ако ги исклучиме интернационализмите или

компонентите поврзани со различни сижеа од Библијата, митологијата и сл.) посебно доаѓа до израз националната специфика за разлика од фраземите со соматска компонента каде што лесно се наоѓаат паралели кај сродните јазици.

Со оглед на обемноста на темата, за овој труд одлучивме да се фокусираме на фраземите со називи на празници во македонскиот и во рускиот јазик. Ексерпцијата на материјалот е направена од фразеолошките речници и научните трудови посветени на оваа тематика, но исто така спроведена е и анкета меѓу родените говорители на двата јазика. Појдовна точка беа македонските фраземи и врз основа на нивните толкувањата во речниците се обидовме да ги најдеме најсоодветните еквивалентни изрази во рускиот јазик.

Прегледот на фраземите во македонскиот јазик покажа дека најчесто во нивниот состав влегуваат називите на празниците: Бадник, Божиќ и Велигден. Ова е разбирливо имајќи предвид дека станува збор за најголемите христијански празници кои се одбележуваат во Македонија. Поретки се фраземите кои во себе ги содржат имињата на празниците Прочка, Василица и Петровден.

Бадник е еден од најзначајните празници и во циклусот на календарската обредност посебно се издвојува по бројните и разнородни обреди и обичаи. Овој празник води потекло од паганскиот период кога се славел како ден на непобеденото сонце. Името Бадник потекнува од зборот бдение што значи останување буден цела ноќ и чување на бадниковиот оган да не згасне. Овој оган треба да ја поттикне сончевата светлина преку имитативната магија одново да распламти, бидејќи без топлина и светлина замира сиот живот. На бадниковата вечер задолжително мора да присуствуваат сите членови на семејството, па оттука и поговорката *Кај и да си, за Бадник дома да си* (Вражиновски 46).

Веднаш по Бадник следи Божиќ, кој како еден од најголемите верски празници го слави денот на раѓањето на Исус Христос. Важноста која народот му ја придава на овој празник се гледа и во изведувањето и одржувањето на најразлични обичаи поврзани со овој ден. Божиќ се слави од сите христијани, без разлика дали се богати или сиромашни. Сите се дотеруваат во нови алишта и се упатуваат во црквата на богослужба. Божиќ се слави три дена. Првиот ден се слави во спомен на раѓањето на Исус Христос и е исполнет со низа активности во семејството. Другите два дена се оди по гости и имендени (Вражиновски 63).

Во продолжение следат македонски фраземи кои во својот состав ги содржат називите на овие два празника со толкување на нивното значење. Во третата колона се дадени изразите во рускиот јазик кои најсоодветно го доловуваат истото значење. Во дел од фраземите се среќаваат називите

и на двата празника, додека во дел од нив можна е замена на името на празникот (Бадник/Божик), без тоа да повлијае на семантиката на изразот. Тоа се должи, пред сè, на календарската блискост, но и на религиската поврзаност на двата празника. Тоа се забележува, на пример, во фраземите како *Бадник и Божик, од Бадник до Божик*, додека фраземата на *Бадник ѝејшел, на Божик расол* е поврзана со традицијата за пост за време на Бадник и со свечената и богата трпеза на Божик. Инверзијата во изборот на храна за дадените празници асоцира на несоодветно однесување во дадена ситуација. Како најсоодветен израз со кој може да се долови ова значење го предлагаме изразот *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, во кој на шеговит начин се доловува значењето на несоодветно однесување во дадена ситуација. Поточно, со сврзникот *а* се поврзуваат две реченици кои не се споредливи (градина со Киев и грмушка со чичко).

Фраземата *Ќе дојде и за неџо Божик* ја потенцира важноста на празникот за носителите на македонскиот јазик од христијанска вероисповед, додека во рускиот јазик тоа значење се доловува со израз во кој не се споменува конкретен празник: *И на его улице будет праздник*. Потеклото на овој израз се поврзува со податокот дека во феудална Русија луѓето се населувале во градовите групирајќи се според занаетот. Секоја улица имала свој празник на кој ги канеле жителите од другите улици. Секој знаел дека ќе дојде време и за неговиот празник, односно дека ќе се радуваат и во нивната улица.

Традицијата за богата трпеза за која долго се подготвувале во минатото се забележува и во изразот *Во очи на Божик ѝрасе не се џои*, со која се доловува значењето дека веќе нема време за нешто да се стори. Во рускиот јазик ова значење се доловува, на пример, со изразот *Идти на охоту - собак кормить*, каде што е искористена друга ситуација, односно пред поаѓање на лов кучињата не се хранат.

македонска фразема	значење	руски еквивалент
<i>како Бадник и Божик</i>	секогаш заедно, неразделни	<i>Друзья не разлей вода. Их водой не разольёшь</i>
<i>на Бадник петел, на Божик расол</i>	кога човек не се однесува според околностите	<i>В огороде бузина, а в Киеве дядька</i>
<i>од Бадник до Божик</i>	многу бргу, во многу кратко време	<i>в мгновение ока, в два счёта, в один миг</i>

<i>Пред Божиќ, зад Божиќ, кај да си, дома да си. Пред Бадник, зад Бадник дома да си.</i>	за да се истакне дека околу Божиќ луѓето обично се прибираат дома	/
<i>Ќе дојде и за него Божиќ.</i>	и за него ќе дојдат подобри денови, подобро време	<i>И на его улице будет праздник</i>
<i>Во очи на Божиќ прасе не се гои.</i>	предоцна е	<i>Идти на охоту - собак кормить.</i>

Календарски, следниот празник кој се одбележува е Василица. На овој ден се одбележуваат три празника: Обрезање Господово, Свети Василиј Велики и православна Нова година. Овој празник се паѓа во т.н. Некрстени денови и за него се врзани повеќе обредни игри коишто имаат за цел да ги изгонат лошите сили.

Во фразеолошкиот фонд на македонскиот јазик најдовме на две единици во кои е застапен називот на овој празник. Притоа, треба да се напомене дека изразот *Се ѝтресе како мачка фрлена во Дрим на Василица* е застапен само во делото на Владо Малевски, од каде што е преземено и во ФРМЈ. За разлика од него, другиот израз *помина како ѝциџиџе на Василица*, е доста пофреквентен и пошироко познат.

Во рускиот јазик во основата на соодветните преводни изрази стојат сосема други слики: во *дрожать как осиновый листок* станува збор за треперењето на лист од јасика, а во *везёт как утопленнику* станува збор за давеник, односно буквално значи дека има среќа како давеник.

македонска фразема	значење	руски еквивалент
<i>Се тресе како мачка на Василица / Се тресе како мачка фрлена во Дрим на Василица</i>	се тресе силно, неконтролирано, многу се плаши	<i>дрожать как осиновый листок</i>
<i>Помина како пците на Василица</i>	многу лошо помина	<i>везёт как утопленнику</i>

Прочка или Поклади во православно христијанство е познат како ден на проштевање помеѓу верниците пред почетокот на

Велигденскиот пост. Датумот на Прочка се менува во зависност од датумот на Велигден и секогаш е точно 7 недели пред Велигден. Од верски аспект, Прочка е една од манифестациите на искрената и пожртвувана љубов кон ближните и следење на примерот на Исус Христос за безусловно и безгранично проштевање меѓу луѓето. Прочка го означува и крајот на зимските и почетокот на пролетните празници. Еден од главните елементи на Прочка е маскирањето и преоблекувањето.

Во фразеолошкиот фонд на македонскиот јазик името на овој празник го сретнавме во еден израз *Ќе го јаде како алва на Прочка*, кој е поврзан со традиционалното засладување со алва пред почетокот на долгиот пост. Значењето се формира врз основа на ставот дека ќе се изеде во целост, до последна трошка, а во рускиот јазик за истата ситуација се користи изразот *сожреть едо с йойрохами*, што буквално значи дека ќе го изеде во целост, вклучувајќи ги и внатрешните органи.

македонска фразама	значење	руски еквивалент
<i>Ќе го јаде како алва на Прочка</i>	ќе го уништи без размислување	<i>Он сожрет его с потрохами</i>

Велигден е еден од најстарите и најголемите христијански празници. Тоа е ден на Христовото воскресение. Меѓу најважните обреди се смета вапсувањето на јајца на Величетврток. Вечерта пред Велигден се оди в црква каде што се носат црвени јајца. Тука верниците се кршат со јајца и се омрсуваат по долгиот пост. Православните христијани на Велигден се поздравуваат со поздравот „Христос воскресна“ на што се одговара „Навистина воскресна“.

Овој значен празник нашол свој одраз и во фразеолошкиот материјал на македонскиот јазик, што може да се види од примерите во табелата подолу.

Значењето на изразот *Велигден еднаш бидува*, во рускиот јазик се доловува со фразата *к сожалению день рождения только раз в году*, која, всушност, претставува рефрен од песната од познатиот советски анимиран филм за крокодилот Гена.

Со истото значење (‘убавите работи не се случуваат често’), во рускиот јазик може да се употреби и изразот *не све коту Масленица*, во чиј состав влегува називот за рускиот празник Масленица, кој е пандан на Прочка. Значењето на таа фразама е дека не е постојано пријатно, дека завршува времето на убав живот и се користи кога пријатниот, безгрижен живот се заменува со тешкотии и проблеми.

македонска фразема	значење	руски еквивалент
<i>И Велигден еднаш бидува. Не е секој ден Велигден. Двапати Велигден не бидува.</i>	убавите работи не се случуваат често	<i>К сожалению день рождения только раз в году. Не все кому Масленица (будет и великий пост). Дважды в год лета не бывает.</i>
<i>Катаден му е Велигден</i>	многу убаво живее	<i>как у Христа за пазухой; как сыр в масле катается</i>
<i>Ќе дојде и за него Велигден. Ќе дојт и мојот Велигден</i>	и тој ќе доживее среќни мигови	<i>и на его улице будет праздник</i>

И деновите непосредно пред Велигден се застапени во материјалот кој го екскерпиравме. Потврда за тоа е изразот *Мирни калуѓери на Велииџок ѝрасе јагаџи*, како варијанта на *Сложни калуѓери и во џеџок мрсно јагаџи*, кои се употребуваат со значење дека сè може да се постигне кога луѓето ќе се договорат. Обидувајќи се да најдеме соодветен еквивалент за овој израз, најдовме на украинската фразема *Гуртом и батьку хорошо бить*, која се употребува со значење дека заедно сме посилни, заедно можеме сè. Во буквален превод значи дека кога сме заедно (во толпа) и таткото можеме да го натепаме.

Рускиот назив за Велигден е застапен во изразот *на турецкую Пасху* (во буквален превод *на џурски Велигден*) со значење – никогаш.

Со истото значење во рускиот јазик се употребува и фраземата *до морковкина заговенья* во чиј состав е вклучен терминот *заговенье*, кој го означувал последниот ден пред постот кога на верниците им е дозволено да јадат мрсна храна. Затоа комбинацијата на зборот *заговенье* со зборот *морков* се смета за шеговита формула за означување на нешто невозможно, нешто кое никогаш нема да се случи.

Петровден е православен празник што се одбележува секоја година на 12 јули. Празникот е посветен на Апостол Петар. Во фразеологијата и на македонскиот и на рускиот јазик овој празник е употребен во изрази кои асоцираат на топлото време во тој период од годината. Со истото значење може да се употреби и фраземата *собачьи дни* (букв. кучешки денови) којашто се однесува на периодот од 4 јули до 11 август (според други од 20 јули до 27 август), кој се сметал за најтоплиот период од годината. И старите Римјани за овој период го користеле терминот *dies caniculares* од грчкиот збор *canis* - куче. Поврзаноста на зборот *куче* со овие денови од годината се објаснува со појавувањето на ѕвездата Сириус позната уште како *Canis Majoris* (Големо куче) на небото како знак за почеток на овој период.

Петровден се среќава и во руските фраземи *Далеко Кулику до Петрова дня* и *до Петрова дня не два дня* со значење ‘некому многу му недостасува до совршенство или има уште многу време додека да се дојде до успехот’. Во македонскиот јазик често за доловување на ова значење се користат изразите *Далеку е сонцето* и *Има уште многу фурни леб да јаде*

македонска фразема	Значење	руски еквивалент
<i>Петрови жеги</i>	многу топло време на Петровден	<i>Паршивому поросенку и в Петров день холодно. собачьи дни</i>
<i>Далеку е сонцето. Има уште многу фурни леб да јаде</i>	некому многу недостасува до успех, потребно е уште многу време	<i>Далеко Кулику до Петрова дня; до Петрова дня не два дня</i>

Зборот Бајрам се користи за означување на два големи исламски празника во годината. Првиот, Рамазан Бајрам, трае 3 дена, започнувајќи од првиот ден од месецот шевал, односно десеттиот месец според арапскиот календар. Вториот празник, Курбан Бајрам, трае 4 дена (10-13 зулхиџет, односно дванаесеттиот месец според исламскиот календар) и се нарекува „празник на пожртвувањето“ затоа што тогаш се колат овни и им се делат на сиромасите.

Во македонскиот јазик се користи фраземата *си прави Бајрам со умот* со значење дека планира нешто невозможно или дека живее во илузии. На ова значење во рускиот јазик кореспондира изразот *наполеоновские планы*, кој се толкува како преголеми планови и неостварени мечти, а се поврзува со плановите на Наполеон за освојување на Русија.

македонска фразема	значење	руски еквивалент
<i>Си прави Бајрам на умот</i>	1. планира нешто невозможно, неостварливо 2. живее во илузии	<i>наполеоновские планы</i>

Како што може да се забележи од сите примери наведени погоре, руските фраземи, кои ги издвоивме како најсоодветни преводни решенија за македонските изрази, не содржат називи на празници. Единствен исклучок, каде што имаме совпаѓање на компонентите и на значењето во фраземите на двата јазика, е кај изразите со Петровден.

Тоа не значи дека имињата на празниците не влегуваат во состав на фраземите во рускиот јазик. Потврда за тоа е огромниот број единици (најчесто поговорки и пословици) во рускиот јазик. Најголем број од тие единици во својот состав содржат назив на празниците: Масленица (Прочка), Пасха (Велигден), Св. Тројца и Св. Јован Крстител.

Нашиот материјал води кон заклучок дека иако се работи за словенски народи кои припаѓаат на иста религија, сепак и двата народа создале свои различни изрази кои влечат корени од традицијата, историјата и обичаите на секој од нив посебно.

Користена литература

- Велковска, С. 2012. „Онимиски фразеологизми во македонската фразеологија“, *Предавања на XLIV летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик литература и култура*. Скопје : Унивезитет „Св. Кирил и Методиј“, 21-30.
- Мокиенко, В.М. 1980. „О собственном имени в составе фразеологии“, *Перспективы развития славянской ономастики*. Москва: Наука, 57 – 67.
- Речник на народната митологија на Македонците*. 2000. Ред. Вражиновски, Т. Скопје, Прилеп : Институт за старословенска култура, Матица Македонска.
- Стребкова, Ю. В. 2015. „Имена собственные в составе фразеологизмов как переводческая проблема (на материале англоязычной прессы)“, *Молодой ученый*, 13, 821-823.
- Суперанская А.В. 1973. *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука, 1973.
- Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Ред. Димитровски, Т., Ширилов, Т. I-III. Скопје: Огледало, 2003-2009.
- Dobriková M., 2014, *Vlastnè meno ako komponent slovenských a bulharských frazém*. Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislava.
- Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. 2006. Red. Fink Arsovski Ž. i dr. Zagreb: Knjigra.
- Mlacek. J. 1981. „Ustálenè spojenia s vlastným menom“, Bratislava : Kultúra slova, roč.15, č.8, 264-270.

Katerina VELJANOVSKA
Biljana MIRCHEVSKA-BOSHEVA

NAMES OF THE HOLIDAYS IN MACEDONIAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

Summary

This paper deals with the phraseological units in the Macedonian and Russian languages that are directly related to the names of the holidays in the specific languages. The aim of the paper is to find their most suitable translation for these phrases and to see the similarities and differences in the expressing the same meaning in two related languages.

Наташа ВУЛОВИЋ

Институт за српски језик САНУ

Београд, Србија

АНТРОПОНИМИ У ФРАЗЕОЛОШКИМ ЈЕДИНИЦАМА С РЕЛИГИЈСКОМ КОМПОНЕНТОМ У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Апстракт: У раду се анализирају фразеолошке јединице с религијском компонентом које садрже у свом саставу антропониме. Циљ је да се укаже на њихове семантичко-синтаксичке карактеристике и на улогу антропонима као компоненте у саставу таквих фразеолошких јединица.

Кључне речи: антропоним, фразеолошка јединица, библијска имена, народна имена.

1. Предмет истраживања у овом раду јесте део корпуса фразеолошких јединица с религијском компонентом у српском језику, које у свој састав укључују антропониме. У истраживање су увршћене фраземе које припадају широј фразеологији (и реченичне структуре). Овакви вишелексемни спојеви припадају ономастичкој фразеологији, која поучава компонентност фразеологизације таквих конструкција, њихову лингвокултуролошку улогу, стилистичке, семантичке и синтаксичке особености (Ловјанникова В. В 2006: 75). Ономастика је као грана лингвистике тесно повезана с потребама људства, условљена социјално-историјским, социјално-економским и социјално лингвистичким факторима.

Интересује нас која властита имена као компоненте улазе у састав ових фразеолошких јединица, да ли су такве фраземе универзалне (интернационалне) или културноспецифичне, с обзиром на то да када се ради о онима с ономастичком компонентом веома често могу бити специфичне за дату културу и традицију, религију и веровања. Посебно се у оквиру семантичких истраживања посвећује пажња учешћу семантичког потенцијала лексичке компоненте у конотативној макрокомпоненти фразеолошког значења.

1. 1. Фразеолошке јединице с религијском компонентом у српском језику садрже типичну, релевантну компоненту за хришћанско-православну

религију, што наравно не значи да је код сваке од њих антропоним компонента која је религијска. То свакако важи за библизме, којих има неколико у овој групи. Фразеолошке јединице из таквог дела корпуса српског језика (обухвата око 630 фразема) класификоване су према врсти и типу антропонима.

• Антопоними (и њихови деривати), који се јављају као компоненте могу бити:

а) библијска имена и имена из хришћанског предања (*Адам, Аврам, Авакум, Бољородица, Ева, Јуда, Мејџузалеу, Ноје, Соломон, Христос*) и др.);

б) народна имена (*Гојко, Живко, Манда* итд.);

в) патроним (*Милићев*);

г) име из друге религије: *Мухамед*;

д) име из историје, традиције: *Марко Краљевић*.

2. Библизми. Под термином „библизам” (рус. библеизм) подразумевају се различите структурно-семантичке језичке конструкције, устаљени изрази, фразеолошке јединице, цитати, термилошке синтагме, који могу бити преузети директно као готове форме из Библије или могу посредно настати под утицајем алегорија, парабол, догађаја описаних у Светом писму, али могу потицати и из хришћанског предања. Овакве форме називају се директни (примарни) библизми, односно индиректни (секундарни) библизми (Валтер 2009: 74–75). У фразеологији појединих језика оних народа који припадају јудеохришћанској цивилизацији библизми се могу разликовати и по структури и по пореклу. Неки су интернационални библизми, а поједини су национално-језички окарактерисани, што је свакако у вези и с разликама у преводима Светог писма на посебне језике, али и са временом када су преводи настајали.

Већи део ових фразеолошких јединица је интернационалног порекла, који постоји у многим језицима као део јудеохришћанског наслеђа и обично је реч о калковима преузетим у појединим периодима развоја књижевног језика из неког од европских језика. Најочигеднији примери су *сѣпар* као *Мејџузалеу* и *Нојева барка*. Ова група фразема је очигледно књижевног и књишког порекла. Као компоненте могу се јавити следећи антропоними за које користимо термине из теоллингвистике (Бугајова 2007: 24–26):

* теоними: *Христос*, *Св. Дух*

мучиши се као Христос на *крсту* („много се мучити”)

живеши о Св. Духу („бити превише мршав, не јести ништа”)

* теотоконими: *Боџородица*, *Мајка Божија*, *Боџородичин*
искрен као Мајка Божија („заиста искрен”)
украо би и Боџородичин њокров („велики је лопов”)
украо би испред Мајере Божије ѡаране („велики је лопов”)
 * библијска имена (пророка, апостола, личности)
Аврам: оѡићи (њреселићи се, бићи ѡримљен) у Аврамово крило;
Адам / Ева: Адамов век; адамско колено; адамско ѡлеме; Евина кћи;
Евино колено; Евин син; од Адама; од Адама и Еве; од Еве и Адама; од
Адама развесѡи (њочейѡи); ѡре Адама; у Адамовом (Евином) косѡиму;
Илија: бије као свейѡи Илија;
Јеремија: Јеремијин ѡлач;
Јован: везаѡи (кумиѡи) боѡм и свейѡим Јованом;
Јуда: за Јудин ѡрош ѡрода(ва)ѡи; Јудина ѡара; Јудин ѡољубац;
Меѡузалеѡ: сѡар као Меѡузалеѡ; меѡузалеѡски сѡар;
Ноје: Нојева барка;
Соломон: мудар (ѡамейѡан) као Соломон; соломонска (саломонска)
њресуда, соломонско решење;
Тома: неверни Тома;
Пеѡар / Павле: (биѡи) Пеѡар и Павле;
Пилаѡ, Понѡије: досейѡи као Пилаѡ у Вјерују (Веровање); наѡи се
као Пилаѡ у Вјерују; ѡи и од Понѡија до Пилаѡа; ѡраѡи руке као Пилаѡ.

Најбројније су фразеолошке јединице чије су компоненте имена првих библијских људи Адама (8) и Еве (5) и они се одликују релативном структурном устаљеношћу заснованој само на полној диференцијацији, те стриктно ограниченој: *од Адама и Еве* – од *Еве и Адама*; *у Адамовом косѡиму* – у *Евином косѡиму*..., где се поред експлицитних и полуетксплицитних елемената значења *ѡрви људи*, јављају и имплицитне семе *од ѡочейѡа*, *од давнина* (Мелерович–Мокијенко 2008: 197–198). Ове фразеолошке јединице су у већини случајева језичке универзалије, постоје и у другим језицима чије су културе јудеохришћанске провенијенције¹.

Занимљива је фразема *везаѡи (кумиѡи) боѡм и Свейѡим Јованом* („усрдно молити”) која је заснована на представи мотивисаној новозаветним описом чина крштења Христа на реци Јордан. Тако је тај библијски догађај повезан у народној свести са народним значењем обредом кумства, односно са нераскидивом везом међу људима, те је њено значење национално-специфично (Вуловић 2015: 163). Такође, поредбена конструкција *бије*

¹ Овај рад је настао у оквиру пројекта 178009 *Лингвистичка испраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика* САНУ, који у целини финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

ко *Свети Илија* („превише је гласно, бучно”) у којој се име старозаветног пророка појављује као антропонимска компонента, али у конструкцији која није библијског, већ народног, фолклорног порекла, заснованој на представи да Св. Илија управља муњом и громовима (Илија Громовник).

2. 1. Имена из црквеног и хришћанског предања, која се јављају као компоненте су: *Авакум* и *Јосиф*, и то у следећим фразеолошким јединицама: *йравийи се йрејодобним Јосифом* („приказивати се невиним, безазленим, претварати се”); *йреврнуи очима као йреблаги Авакум* – („осећати нелагоду, стид”).

Последња фразеолошка јединица забележена је у приповеци Лазе Лазаревића (*На село*)². Пророк Авакум један је од дванаесторице малих старозаветних пророка, који је пророковао шесто година пре Христа. У православној цркви слави се 15. децембра (2. децембра – по старом календару), а на богослужењима се користи тропар: *Пророка Твога Авакума, усйомену Госйоде слави́мо, за́йю Те моли́мо, сйаси ду́ше на́ше* (ВПБЕР 2010, 10). Нешто више о њему било је познато тадашњим ученим људима у које је спадао и Лаза Лазаревић. Међутим, мотивациону базу вероватно није чинило научено знање, већ, по свој прилици, начин представљања пророка Авакума на фрескама. То је подразумевало сликање његовог лица из полуанфаса, при чему лик не гледа право, већ је загладан у десну страну и горе. Вероватно је такав изглед пророка који гледа у страну мотивисао настанак ове поредбене конструкције.

3. Народна имена. У саставу фразеолошке јединице може бити неки антропоним типичан за представника српског народа (*Гојко*, *Манда*, *Живко*), који може бити јунак шире језичке јединице (анегдоте, приче и сл.): *на Св. Живка* („никад”); *до Св. Живка* („никако, никад”); *йосвейио се ко Гојко у ћивойиу* („претвара се”); *дошло му ко Манди мейанисаи* („нагло је променио понашање, навике и сл.”).

3. 1. Фразему са значењем „никад” – *на св. Живка* – Д. Мршевић-Радовић наводи као пример за „календарски” модел, као један од два структурно-семантичка модела фразеолошких јединица са значењем „никад” у српском језику (Мршевић-Радовић 2008: 45). Прикупљена грађа бележи и фразеолошку јединицу *до свейоџ Живка* у значењу „никад, никако”. Компонента *свейи Живко* занимљива је стога што је у њој народним именом *Живко* означен светац који не постоји, а фигуративност

² „А био сам добар ђак, и да ћу бити велики човек прорекао ми је још ћопави Мита Црквењак ... кад је на једвине јаде стерао са звонаре Стеву Чавкина и Миту Ћускију, и, показујући на ме прстом, рече: Ево, ово ће бити човек; тај се никад не пентра на звонару, нити се отима да звони. А ја, дарнут његовим очинским речима, још већма увучем моје ионако упале прси, преврнем очима као преблаги Авакум и једва жив дођем кући да се и опет завучем у магазу и да, пруживши се потрбушке у магазу за буретом, по стоти пут са затвореним очима понављам: Васпитање облагорођава” (Лазаревић, *На село*).

се заснива на антонимском пару „жив – мртав”, чиме би свети Живко био „живи светац”, као својеврстан парадокс, а значење фраземе је: „(до) тога дана који никад не може доћи”.

3. 2. У следећој фразеолошкој јединици – *йосвейио се к’о Гојко у ћивоти* („узалуд се претвара, неће добити награду коју очекује”), у референтном делу је повратни гл. *йосвейиити се* у значењу: „постати свет”, док је у еталонском делу слика заснована такође на контрадикторним елементима (елементима контраста). Осим комичног ефекта, шаљиве конотације, иронија је основна стилистичка квалификација у овој поредбеној фраземи. Световно, народно име *Гојко* јесте хипокористик од антропонима *Гојслав*. Међутим, покрајинска лексема *гојко* представља назив за гојазно мушко дете (исп. РСАНУ: А како ти се зове овај гојко? – Ј. Јовановић Змај, збирка речи). Осим тога што светац нема народно име, у кивоту (ћивоту) при отварању моштију светитеља уочљива је сасушеност, сувоћа, мршавост видљивих делова тела (руке, ноге и сл.), те особа која се посветила никако не може бити гојазна, није Гојко. Ова ономастичка компонента у еталонском делу поредбене конструкције садржи две интегралне семе које формирају контраст, готово парадокс у опозицији: народно – гојазан: свето – сув, мршав. Тај контраст ствара хуморни, шаљиви тон. О сличним особинама сведоче и семантички блиске фраземе, које квалификују превише мршаву особу: *сав се йосвейио* – „мршав као светац”, *осуио се ко циџански свеџац*, *осуио се ко лесандријски свеџац*, *живе мошти* („смршао је, много је мршав”).

У поредбеној фраземи *осуио се ко лесандријски свеџац* може се претпоставити да се у мотивационој бази еталона (*а)ле(к)сандријски свеџац* заправо налази Св. Антоније Велики (Св. Антоније Египатски, Пустињски, живео на прелазу из 3. у 4. век, пуних 105 година), познат по подвижничком животу пуном уздржања. Више година провео је као учитељ и проповедник у Александрији, где је иступао у одбрану хришћанства од аријевске јереси (Прав. енци. 2010).

Именичка синтагма *живе мошти*, стилски квалификована као оксиморон, означава изузетно мршаву, обично старију особу, за чије се значење у РСАНУ наводи пример из књижевности прве половине 20 века („Стари телеграфиста, први је хугиста у Србији ... живе мошти у некој црвеној блузи револуционара”). Као лексема црквенословенског порекла *мошти* се дефинишу као „посмртни остаци неког свеца”. Дакле, када су посмртни остаци у значењу другог дела синтагме, а први део има значење „жив”, јасна је метафоричка слика живих моштију (мршавост до изнемоглости, до крајњих граница живота). Такође, у народној песми *Свеџи Сава и Хасан ђаша* налазимо исто поређење. Хасан-паша, по народном песнику, захтева од игумана: „Понеси света каурина, / Каурина нашег свеца Саву, / Когано си на сунцу сушио”; у песми се даље каже како је Свети Сава сам

дошао пред Хасан пашу, који том приликом говори: „Нуто вале, влашког светитеља! / Светитеља, сува каурина! / Међер су га на сунцу сушили”. И у овом примеру потврђено је значење мршавости, али и тамне, браон боје моштију, тј. визуелно се уочавају сасушеност, сувоћа и готово бронзана боја коже видљивог дела тела светитеља (руку, прстију) (Вуловић 2015: 143–144).

3. 3. Следећи пример с народним именом у компонентном саставу јесте фразема: *дошло му (ѿало муна ѿаметѿ) ко Манди метѿанисаѿи* (изненада се чудно, непредвидиво, неразумно понаша). Поредбена фразеолошка конструкција у референтном делу садржи глагол *доћи* у безличном облику и секундарном значењу „обузети, спопасти”, док су у еталону учесници, елементи мотивационе базне слике антропоним тј. локално име Манда и гл. метанисати. Глагол метанисати као дериват од именице метанија (настале од грч. *metanoia*, *metagnoia*, спознаја греха, кајање) има значење „дубоко се клањати при молитви или пред неким у знак поштовања обично додирујући рукама или главом земљу” (РСАНУ). У дефиницији су описане мале и велике метаније из црквене ранохришћанске праксе. Секундарно значење је семантички транспоновано: понашати се покорно, понизно, покоравати се, односно додворавати се, улагивати се. Ономастичка компонента *Манда* може бити и женско име и хипокористик од имена *Магдале(и)на*, *Мандале(и)на*. Сливита представа изненадног преображеног понашања може указивати на мотивацију библијског порекла, посредно усвојену усменим путем, али је вероватнија фолклорна мотивација. То би значило да је Манда локално име вероватно анегдотског порекла, а може се радити и о замени апелатива, те је мотивација непрепознатљива. Означавање особе која се одједном понаша упреподобљено, превише побожно и кротко, несвојствено дотадашњем начину живота такође има шаливи карактер (исп. фразему *лизайѿи олиѿаре*). Уколико би се размишљало о замени апелатива у мотивационој слици, можда се може навести сличан пример забележен код Даничића. Наводећи пример везан за Сарацена с испруженом руком: *Квинѿани се Рено (Бено) клања*, Даничић напомиње: „Рено, Бено, може бити да је у рукопису погрешка м. бено, луд човјек” (в. Даничић 1912).

Уз изреку *Да ѿадну кускуни с неба, Вујашу би се о враѿу об(ј)есили* Вук Карацић бележи: Приповиједа се да је некакав Вујаш сједио негђе између Мучња и Јавора, па га Турци све биједили које за што и глобљавали, а кад му се већ досади онда рече;

„Јаох Мучњу, мучан ти си !

„О Јаворе, јадан ти си!

„Да падну кускуни с неба,

„Вујашу би се о врату објесили.“ (Српске народне пословице, Вук Караџић).

Лексема *кускун* је турцизам који представља синоним лексема *погрейник*, *погрейница*, у значењу: „каиш провучен испод репа товарне животиње коња или магарца и причвршћен за седло“. Ова изрека захтева посебну семантичко-ономастичку анализу, како би се одговорило на питање да ли се ради о правом антропониму (Вујаш) или се у овом случају апелатив замењује личним именом. На сумњу да је реч о антропониму упућује и покрајински статус изреке, њено локално порекло везано за планински предео у којем живе вукови. Овом проблему биће посвећен посебан рад у даљем истраживању.

3. 4. У групи фразеолошких јединица с народним именом спада и фразема, такође покрајинског порекла: *дои(ћ)ерао до Милићева крста* („слабо напредује у послу“). Ономастичка компонента може указивати на антропоним или патроним. Може бити да је овде реч о патрониму доиста везаном за антропоним Милић, насталим као они са словенском основом *мил-*, које је локално познато. Глагол *доићераи* је у секундарном значењу „доспети, постићи (у послу, напредовању)“, док је фразеолошко значење генитивне конструкције мотивисано просторном димензијом – кратка раздаљина, мала удаљеност. Иронично-шаљиво значење односи се на близину денотата, тј. на то да субјекат није далеко одмакао у ходу, те се семантичком трансформацијом формира интегрална сема у фразеолошком значењу *ненајредовање*, *стањнирање* (у *послу* и *сл.*).

Генитивна предлошко-падежна конструкција у базној, нефразеолошкој структури односи се на денотат крст (у народној религији и традиционалној култури означава предмет на култном месту), и то може бити камени крст или дрво на коме је изрезан или уклесан крст, познат као запис, као крст који има локално важно значење (препознатљив оријентир). Камени крст је познат као пратећи предмет уз претхришћански култ поштовања дрвета (најчешће храста, дрвета громовника, бога Перуна). Често се налази у центру села, око њега се окупљају при прославама, вашарима, за обетине или сеоске заветине. Најчешће је атрибутом-патронимом означена породица на чијем се имању налази крст-запис: нпр. Алексића храст, те је и у овом случају локално позициониран крст од значаја за семантику³. У питању може бити и антропоним *Милић*, крст као

³ Прослава и освећење почињали су окупљањем код главног записа, где је свештеник заједно са сељанима читао молитву. Ђ. Јакшић у једној приповеци описује прославу када се „људи скупе код записа, попа чита две три молитвице, људи целивају крст, те момци и девојке играју коло“. Ј. Веселиновић наводи предлошко-падешку конструкцију *на крсту* у значењу: „код записа“. *Лето ми се сажали, кад га виде 'уочи Мићровадне на крсту* (РСАНУ).

предметни оријентир којег је поставио Милић или је посвећен особи чије је лично име Милић, те представља познату а у простору мало удаљену тачку. Она мора бити локално позната и локално разумљива, иначе је нејасна. Антропоним *Милић* је чест и у српској лирској поезији, па може бити и овде употребљен у сличном препознатљивом контексту.

4. Име из друге религије (*Мухамед*), појављује се као компонента у фраземи: *навалиићи као Мухамед у рај*, у значењу: „упорно се наметати”. Лексички варијантна фразеолошка јединица је *навалиићи као баба у рај*. Значење наведене фраземе може се упоредити са стереотипним значењем антропонима Мухамед којим су обухваћени припадници муслиманске вероисповести за које је у време Османске империје у хришћанском свету било уврежено мишљење о наметању, нуђењу, принуди, што се изражава и поредбеном фраземом *нудиићи као Турчин вером*, где је интегрална сема управо *наметање*.

5. име из историје, традиције: Марко Краљевић – појављује се као компонента у шаливој изреци: *до Божића Краљевићу Марко, од Божића јаох моја мајко!*, у којој се изражава делић из народног живота у зимском периоду. Тада нема земљорадничких послова, те се вечери проводе уз песму и мобе, током којих су се певале песме уз гусле, најчешће о Краљевићу Марку, уз јело и пиће. Тако би се до Божића обилато трошиле залихе хране, а треба их сачувати и за преостале зимске месеце до пролећа.

6. Антропоници се као именички конституенти јављају често као квалификатори или интензификатори референта (придева, управног глагола и сл.): Нпр. у синтагмама *Аврамов век* („дуг живот”) или *Јеремијин њлач* антропоним је само интензификатор – „плакати неутешно дуго време”; док је у примерима *Јудин њољубац* или *адамско колено* квалификатор с интегралном семом *изаје* / одн. *ѡлемениѡсѡи* – означавања племените женске особе. Примећује се да је варијантност, тј. формално варирање на изузетно ниском нивоу, готово је нулто, што сведочи о томе да избор компонената које улазе у састав фразеолошких јединица није нимало произвољан, не само када су у питању они књижевног (књишког) порекла интердисциплинарног карактера, већ и народни, фолклорног порекла. У већини фразема ономастичка компонента је семантички фокус фразеолошке конструкције, осим у појединим где има улогу интензификатора, а функција кој је атрибутивна – описна.

6. 1. Разматрајући антропониме као компоненте фразеолошких јединица, Е. Фекете истиче да се уочава да „значајан слој имена представљају она иза којих стоји *ѡѡчно одређени коноѡиѡи*, лице које је идентификативно ... Избор имена није произвољан, већ битан елеменат из којег проистиче цела семантика израза. Највећим делом преовлађују мушка имена или хипокористици” (Фекете 1984–1985: 841). Наша грађа

на ограниченем фразеолошком корпусу потврђује превагу мушких имена (осим антропонима *Ева* и *Боџородица* само *Манда* може бити женско име, и то народно). За оне фразеолошке јединице које не садрже народно име, препознатљивост је условљена чињеница, зависна од образованости и/или информисаности говорника или читаоца.

6. 2. Фразеолошки фонд једног језика живо реагује на развој друштва, специфичан је за одређену епоху, у свакој земљи и у сваком народу. Често се због културолошких слојева наслаганих у мотивационим базама може у фразеологији дати за право Рубинштајновој тврдњи да је језик архаичнији од мишљења и да су језичке форме одраз старијих облика мишљења, не подударају се са мисаоним облицима времена у којем служе као средство комуникације. Али су живе и у новом времену, руху и окружењу.

Литература и извори

- Бугаева И. В. 2007. *Агионимы в православной среде. Структурно-семантический анализ*, Москва.
- Вальтер Х. 2009. „Лексикографическое описание библейской фразеологии(из опыта немецко-русского словаря библеизмов)”, *Проблемы истории, филологии, культуры, Русская лексикография в контексте славистики: теория и практика*, Российская академия наук, Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 73–78.
- ВПБЕР 2010. *Велики православни богословски енциклопедијски речник*, ред. Р. Ракић, Православна реч, Нови Сад.
- Вуловић Н. 2015. *Српска фразеологија и религија. Лингвокултуролошка истраживања*, Монографије 23, Институт за српски језик САНУ, Београд.
- Лазаревић Л. 1958. *Приповетке*, Матица српска, Српска књижевна задруга, Нови Сад – Београд.
- Ловянникова В. В. 2006. *Иллюстрированная полная библейская энциклопедия*. Москва, 1891. Репринтное издание. Москва: Терра. 1990.
- Мелерович–Мокиенко 2008. *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*, Федеральное агентство образования, Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, Кострома.
- Мршевић-Радовић 2008. *Фразеологија и национална култура*, Друштво за српски језик и књижевност Србије, Књижевност и језик, Чигоја штампа, Београд.
- РСАНУ 1959 – . *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, I–XIX, Институт за српски језик САНУ, Београд.
- Фекете 1984 – 1985. „Антропонимски елементи у српскохрватским фразеолошким јединицама”, *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XXVII–XXVIII*, Матица српска, Нови Сад, 835–843.

Nataša VULOVIĆ

ANTROPONYMS IN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH
RELIGIOUS COMPONENT IN THE SERBIAN LANGUAGE

Summary

The paper is going to deal with the use of antroponyms as a lexical component within phraseological units with religious component in Serbian. Phraseological units of this type include names of biblical origin (e.g. Adam, Avram, Metuzalem, Juda, etc): od Adama i Eve ('from Adam and Eve'), Judin poljubac ('Juda's kiss'), otići u Avramovo krilo ('sit in bosom of Abraham'), etc.; then, names from the ecclesiastical history (legends): preblagi Avakum – prevrnuti očima kao preblagi Avakum; names from the folk tradition (e.g. Manda, Gojko, Živko): došlo mu ko Mandi metanisati, posvetio se kao Gojko u ćivotu, etc. The aim is to identify the role of the antroponymic component in phraseological meanings, as well as to consider their possible origin.

Јасминка ДЕЛОВА-СИЛЈАНОВА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ЛИЧНИТЕ ИМИЊА ВО ЧЕШКАТА И ВО МАКЕДОНСКАТА ФРАЗЕОЛОГИЈА

Апстракт: Фраземите во чешкиот јазик, но и во македонскиот јазик заземаат мошне важен дел од лексичкиот фонд на јазикот. Тие се сведоштво за креативноста и за снаодливоста на говорителите на дадениот јазик и кажуваат многу за духовниот живот на одреден народ, за типологијата на неговите емоции и морални принципи, за неговиот севкупен начин на живот и поглед на свет, за неговата животна филозофија.

Во овој труд ќе ги разгледаме личните имиња што се јавуваат во македонскиот и во чешкиот јазик. Анализата на сопоставените фраземи ќе ни ги покаже сличностите и разликите во претставувањето на јазичната слика на македонскиот и на чешкиот јазик.

Клучни зборови: македонска фразеологија, чешка фразеологија, лични имиња

Темата за личните имиња е една особено интересна област од лингвистиката. Проблематиката за настанувањето, развојот и значењето на имињата одамна го привлекува вниманието на луѓето, бидејќи првото нешто што го дознаваме за некој човек е токму името. Асоцијациите што имињата може да ги предизвикаат, ни откриваат нов дел од јазикот што е скоро непроучен, нови можности за изразување, кои исто како и фразеологијата и фраземите, го збогатуваат нашиот јазик и го одразуваат начинот на мислење и менталитетот на народот, неговата култура и хумор.

Личните имиња не биле секогаш такви какви што ги знаеме денес. Својата историја почнале да ја испишуваат со првите луѓе и затоа сега со интерес може да го следиме нивниот разнолик развој и варијантност. Мотивацијата за поименување на своите блиски била различна. Имињата можеле да бидат инспирирани од нивните карактерни црти или изглед, од настани и случки од нивните животи, потоа биле водени од црквата, владата, модата или од сопствената фантазија. Но, секогаш служеле за да

го издвојат единецот од толпата и на тој начин да го окарактеризираат како свој носител.

Некои лични имиња станале дел од составот на различни фраземи. Во нив употребата на сопствените имиња е секогаш призначна, бидејќи личното име ги губи своите основни функции за идентификација и за индивидуализација.

Според односот кон реалноста, личните имиња што станале дел од некои фраземи може да се поделат во групи (Сп. Плескалова, 2014:88):

1. именки што не се поврзани со некое конкретно лице или настан. Тука припаѓаат имињата што се дел од основниот репертоар на имиња во народниот јазик. Не се однесуваат на конкретно лице туку стануваат своевиден симбол на особености забележани на носителите на тоа име во одредена средина и на подолг временски период: *mít filipa*, *hloupý Honza*.

2. имиња што се поврзани со одредено лице и тоа најчесто врз основа на метафори или споредувања. Најчесто произлегуваат од некој настан што е директно поврзан со именуваното лице. Се работи, пред сè, за имиња што се заеднички фонд на европската култура: библиски имиња, митолошки, религиозни во широка смисла на зборот (*silný jako Herkules*, *zarostlý jako Ezau*, *žárlivý jako Othello*, *bláznivá jako Viktorka*, *začít od Adama*).

3. измислени, фиктивни имиња образувани од апелатив и глаголска основа или само со помош на рима: *dal si Lehára*, *Na svatého Dyndy*.

Фраземите што содржат лични имиња не претставуваат посебна формална структура. Личните имиња во фраземите само придонесуваат за попластично изразување на претставата за одредената реалност. Обично се случува луѓето ваквите фраземи активно да ги употребуваат, да ја знаат нивната смисла, но не знаат зошто тоа така се вика.

Фраземите што ја одразуваат народната традиција и фолклор припаѓаат на најстариот слој на фразеолошкиот систем. Секое од овие имиња симболизира одредена појава, однос или ситуација и истовремено служи како образно именување на човек или на предмет што поседува исти особености како неговиот изворен фолклорен денотат.

Во фразеологијата често се јавуваат некои народни специфични црти што произлегуваат од културата, историјата и од традиционалниот начин на живот на припадниците на еден народ. Македонскиот и чешкиот фразеолошки систем опфаќаат многу лични имиња што во фразеологијата навлегле од области што ја одразуваат самобитната култура на жителите на една земја. Главите извори на ваквите лични имиња се фолклорот, националната историја и националната литература. Во продолжение ќе разгледаме дел од нив.

Во чешкиот јазик може да најдеме многу фолклорни ономастични фраземи што произлегуваат од старите легенди. Со легендата за Крок и за неговите ќерки се поврзани фраземите: *krásná jako Libuše* (‘мошне убава’), *ani Kazi by to neuhodla* (‘никој не би погодил’). Во фразеологијата навлегло името на храбриот сопруг на Кази, Бивој (споредбената фразема: *silný jako Bivoj*), и *být v Blaníku* ‘спие’ потекнува од легендата за витезите од Бланик. Изразите *ztratit se jako Ječmínek* (‘да исчезне без трага’), *ostrý jako Brunclíkův meč* (‘многу остар’), *vousatý jako Krakonoš* (за маж со брада) во чешкиот јазик имаат потекло од легендите.

Во македонскиот јазик како фолклорни ономастични фраземи се јавуваат *ушиџе Пејџко нероген, кајџа му кројаџи/кајџа му куџиле* (‘кога однапред се предвидуваат лоши работи кои можеби никогаш нема да се случат бидејќи во моментот на зборувањето уште нема создадено предуслови ни за добри ни за лоши случувања’), *се џрави на „Тошо“* (‘изигрува глуп човек, некој што не разбира’), пара на рака, Мара за рака (‘прво да се плати, па потоа да се земе пазарената стока’).

Некои ономастички фраземи се врзуваат за одредена историја. Имињата што се содржат во нив по правило се однесуваат на значајни историски ликови, места на важни битки и сл.

Во чешките фраземи често се употребува името на храбриот хуситски водач Јан Жишка од Троцнов, при што главно се однесува на атрибутите слепост (*slepý jak Žižka*) и старост (*starý jak Žižka*). Неговите воени способности се документирани со изразот *[zdi] že by to Žižka nerozházal* (‘мошне цврсто’), тука се јавува и застарениот израз: *nadal mně co Žižka mnichy* (‘ми го даде заслуженото’) (Zaorálek, 1996:559). Но постојат и изрази во кои името Жишка има негативна конотација: *vypadá jako Žižkova vojna* (‘таму/некаде има голем неред’), *otrhaný jako Žižkova fangle* (‘мошне искинат’). Овие фраземи што се во голема спротивност во воените успеси на Жишка и одличната организација на неговата армија, сигурно се јавиле по неговата смрт и по поразот на хуситите во битката кај Липан (Stěpanova, 2004: 16).

Во македонските фраземи се употребува името на Крале Марко и на други историски херои во борбата за ослободување од турското ропство. Во народното творештво Крале Марко е опишан како јунак со необични особини и со огромна, неверојатна сила која ја стекнал уште од раѓањето. Но, тоа што задоцнил во битката со Турците што се случувала на територијата на Косово Поле е документирано со изразот *доцна сѝиџна Марко/Јанко на Косово* (‘се употребува кога некој ќе задоцни на некоја важна работа’) или со варијантата за друг јунак од тоа време *ја доџера како Јанкула на Косово* (‘лошо помина’). Гордоста да се биде поколение на голем јунак се изразува со фраземата: *Марково колено е* (‘јунак како Марко Крале’).

Може да се види дека и македонските и чешките фраземи мотивирани од народната историја во својата структура вметнуваат имиња што се специфични за историјата на дадената земја и имаат народен карактер, но и покрај одредените разлики, може да се најдат некои заеднички општи принципи и модели според кои овие фраземи настанувале и во двата јазика.

Литературата и уметноста претставуваат уште еден извор на сопствените имиња во фразеологијата.

Од чешката фразеологија што произлегува од литературата може да се споменат два изрази што потекнуваат од две дела на Божена Њемцова: *křičet jako Viktorka u splavu* ('да се вика мошне гласно'); а *chovat se jak divá Bára* ('да се однесува диво').

Од македонската фразеологија што произлегува од народното творештво може да се издвојат изразите *многу е итар* ('многу е итар') и *од ситије ситрани Ѓорѓи сардисан* ('се вели кога некој е притиснат од проблеми'), а претставува алузија на народната песна за Ѓорѓи Сугаре, војвода кој во борбата против Турците бил опколен од турската војска и не се извлекол жив.

Литературата и уметноста, воопшто, претставуваат уште еден извор на лични имиња во фразеологијата. Во чешкиот и во македонскиот систем можеме да најдеме единици што имаат потекло од туѓа средина. Во најголем број се работи за фраземи што се јавуваат во сите европски јазици, како дел од заедничкото културно-историско наследство. Најзначајна група на такви фраземи се оние од библиско потекло и фраземи поврзани со античката митологија и култура. Во двете групи може да се најдат и релативно голем број на фраземи што содржат лично име. Најчести се антропонимите – имиња на јунаци што благодарение на своите настани или особини неизбришливо се запишале во општата свест на европските народи. Личното име поврзано во структурата на една фразема добива општо значење и станува симбол на одредени особини на носителот на името.

Меѓу библизмите спаѓаат фраземи кои потекнуваат од Светото писмо. Првиот човек на Земјата според Стариот завет бил Адам. Со значење на почеток се изразите: *začínat od Adama, og Agam*. Со неговото име и со името на неговата жена Ева е поврзана случката за првиот грев и за нивното истерување од Рајот. Адам и Ева на почетокот во рајот биле голи. Потоа го пробале забранетото овошје од дрвото на спознанието и бидејќи кај нив веднаш се јавил срамот, почнале да се покриваат со листови од смоква. Со нив се поврзани изразите: *nahý jako Adam, v rouše Adamově, Евина облека*.

Друга област од која црпат фразеолошките системи на сите европски народи е областа на античката култура. Фраземите што се однесуваат на античката култура опфаќаат изрази што произлегуваат и од грчката и од римската митологија.

Во чешкиот јазик можеме да ги сретнеме изразите: *Achillova pata* (‘слаба точка’), *Eridino jabličko* (‘причина за спор’), *herkulovský čin* (‘човек што извршува херојски дела’).

Во македонскиот јазик фраземите што имаат потекло од античката култура најчесто се употребуваат во литературниот јазик: *храм на Талија* (‘театар’), *храм на божицата Ајина* (‘Универзитет’), *меѓу Сцила и Харибда* (‘меѓу две опасности, меѓу големи непријатности’), *Дамоклов меч* (‘опасност што постојано му се заканува на човека’).

Фраземите со лични имиња од античко потекло длабоко навлегле и во чешкиот и во македонскиот јазичен систем. Повеќето од нив имаат книжевен карактер, но сепак оваа група фраземи постојано се развива и некои изрази добиваат не толку книжевни варијанти.

Фраземите со лични имиња во голема мера се вклучени во фразеолошкиот систем и во македонскиот и во чешкиот јазик. Овие изрази во рамките на македонската и на чешката фразеологија не претставуваат изолиран слој, тие често се употребуваат и постојано се развиваат со нивни варијанти, проникнување на нови имиња во фразеологијата и слично.

Ономастичките фраземи е мошне корисно да се проучуваат не само од синхрониски туку и од дијакхрониски аспект. Процесите за нивно настанување можат многу да ни кажат за законитостите на развојот на јазикот како целина.

Користена литература

- Велковска, С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*. Скопје: Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том 1. Скопје: Огледало
- Ширилов, Т. 2008. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том 2. Скопје: Огледало
- Ширилов, Т. 2009. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том 3. Скопје: Огледало
- Čermak, F. 2007. *Frazeologie a idiomatiky česka a obecná*. Praha: Karolinum, 718 s.
- Čermak, F., Hronek, J., Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 1 – Přírovnání*. Praha: Leda, 512 s.
- Čermak, F., Hronek, J., Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 2 – Vrazy neslovesné*. Praha: Leda, 552 s.
- Čermak, F., Hronek, J., Machač, J., 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3 – Vrazy slovesné*. Praha: Leda, 1248 s.
- Čermak, F., Hronek, J., Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Vrazy větné*. Praha: Leda, 1267 s.

- Fučík, B., Pokorný, J. 2009. *Zakopany pes, aneb o tom, jak, proč a kde vznikla některá slova, jména, rčení, uslovi, pořekadla a příslovi*. Praha: Albatros, 245 s.
- Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.) *Encyklopedický slovník češtiny*, 2002;
- Knappová, M. *Rodné jméno v jazyce a společnosti*, 1989, 26–28.
- Pleskalová, J. 2014. *Vlastní jména osobní v češtině*, Masarykova univerzita 1. vydání, Stěpanova, L.: *Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty*. Olomouc, 2004.

Jasminka DELOVA-SILJANOVA

PERSONAL NAMES
IN THE CZECH AND MACEDONIAN PHRASEOLOGY

Summary

The phrases which are going to be presented in this paper are the phrases which contain personal names. The analysis shows the diversity in the associative- pictorial thought of the speakers of the Macedonian and Czech language. Therefore, the study of this layer of phraseology, especially in regard to the juxtaposition of Slavic languages is of exceptional interest.

Людмила Петровна ДЯДЕЧКО

Институт филологии

Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко

Киев, Украина

АНТРОПОНИМЫ В ПОСЛОВИЦАХ И КРЫЛАТЫХ ФРАЗАХ (к проблеме разграничения форм национальной лингвокультуры)

Тезисы: В статье доказывается, что пословичный и эптонимический именники различаются по формальным, типологическим, функциональным признакам. Поэтому антропонимы могут служить дифференциаторами пословиц и крылатых фраз из классической литературы как феноменов разных типов лингвокультур – народной и элитарной. Среднее положение занимают обороты из произведений массового искусства, по происхождению и по функционированию сближаясь с крылатыми выражениями из классической литературы, а по формальным и типологическим признакам – с пословицами.

Ключевые слова: антропоним; пословица; крылатая фраза; элитарная, народная и массовая лингвокультура

Устойчивые речеобразования, ставшие еще в прошлом веке традиционным объектом лингвистического изучения, с новым витком развития науки приобрели особую значимость в связи со становлением лингвокультурологии, обратившей пристальное внимание на вербально выраженные прецедентные феномены – наиболее культуроемкие, по всей вероятности, единицы, сохраняющие память об истории, быте, творчестве народа. Центральное место среди таких единиц занимают пословицы и крылатые выражения, или, если говорить точнее, крылатые фразы, которые имеют, как и пословицы, структуру предложения и составляют абсолютное большинство в эптонимическом (т. е. «крылатословном» – начальная часть образована с помощью аббревиации греческого ереа pteroenta) фонде национальных языков. Пословицы и крылатые фразы совместно выступают средством (само-) идентификации того или иного народа, являясь характерной (а в качественно-количественном отношении –

уникальной) частью его лингвокультуры, которая, как известно, в развитых цивилизациях весьма неоднородна.

Лингвокультурологическое определение составляющих национальной лингвокультуры зиждется на философской типологизации разновидностей культур, позволившей выделить, в частности, дихотомию «народная культура – элитарная культура», в наше время противопоставленную массовой культуре.

В современной социо- и культурологической литературе при разграничении понятий в названной паре обычно отмечают, с одной стороны, безымянность авторов создаваемых народной культурой произведений, причем пословицы оказываются в одном ряду с иными имманентными ей родами и жанрами искусства: песнями, танцами, мифами, легендами, сказаниями, – а с другой – запечатление в истории имен высокопрофессиональных творцов элитарной культуры, лозунгом которой стала формула «искусство для искусства», а ярчайшими образцами – живопись Пикассо и музыка Шнитке. Аналогичный подход обнаруживается в лингвокультурологии. В. А. Маслова подчеркивает, что искусство речи (устной и письменной), если под ним понимать креативное использование языка, подвластно не каждому образованному человеку, а только элитарным носителям языка, «коих немного. Отсюда следует, что далеко не все владеющие литературным языком являются носителями элитарной культуры» (Маслова 2001: 76).

Исходя из положений Н. И. Толстого возможна, однако, и широкая трактовка элитарной лингвокультуры. Ученый писал: «...подобно тому, как мы различаем литературный язык и диалекты и выделяем при этом еще и просторечие, а в некоторых случаях и арго как неполную, сильно редуцированную (до фрагмента словарного состава) языковую подсистему, в каждой славянской национальной культуре можно выявить подобных четыре вида: культуру образованного слова, “книжную”, или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют “культурой для народа” или “третьей культурой”, и для полноты картины и более четкого параллелизма еще традиционно-профессиональную субкультуру, фрагментарную и несамостоятельную, как и арго...» (Толстой 1995: 16–17). Таким образом, любой владеющий литературным языком может быть причислен к носителям элитарной лингвокультуры, противопоставленной народной и мещанской лингвокультурам, а также профессиональной сублингвокультуре.

Такая точка зрения, судя по примерам, представлена и в словаре Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых, где впервые в русской фразеографии предусмотрена специальная помета для описания типа лингвокультуры,

означающая, что «общающиеся находятся на одном социальном и культурном уровне» (Алефиренко, Золотых 2008: 15). Так, к элитной лингвокультуре отнесены обороты: *авгиевы конюшни*, *голый король*, *сжигать корабли*, *одним миром мазаны*, *прометеев огонь*, *Молчание – знак согласия*, *Смотри (зри) в корень!* (Алефиренко, Золотых 2008: 180–181, 181–182, 186–187, 229–230, 258–259, 230–231, 183), – которые известны практически всем образованным людям, т. е. широчайшему кругу носителей литературного языка.

В отличие от масштабного и глубокого научного описания общенациональной лингвокультуры изучение ее составляющих, в частности элитарной лингвокультуры, еще нуждается в активизации усилий языковедов, особенно в вопросе создания обобщающих теоретических трудов. На сегодняшний день известны работы, анализирующие язык отдельных неординарных личностей – представителей элитарной культуры, причем не только из писательской среды, но и из среды политиков, ученых, преподавателей; см., например, монографию И. А. Синицы (Синица 2006), посвященную исследованию текстов родоначальников научных направлений и школ: М. А. Максимовича, Н. И. Костомарова, А. А. Потебня и др., и диссертацию Т. В. Кочетковой, в которой материалом изучения были расшифровки видеозаписей лекций, выступлений и пр. нашего современника – саратовского профессора-фармаколога. Примечательно, что в этой диссертации утверждается обязательность апелляции к другим текстам в речи любого носителя элитарной лингвокультуры (а использование крылатых выражений нередко рассматривается как одно из проявлений цитации), о чем убедительно свидетельствует название одного из параграфов – «Интертекстуальность как норма в речевой деятельности носителя элитарной речевой культуры» (Кочеткова 1999: 386–396).

Более того, в литературе крылатые единицы признаются приметой исключительно образованных слоев носителей языка: «... крылатые выражения знают и воспроизводят далеко не все говорящие на данном языке, а только “книжные” люди», – отмечала В. Н. Телия (Телия 1996: 75). И в этом плане эти единицы с «печатью авторства» традиционно противопоставлялись афоризмам, бытующим в среде простолюдинов: «...“крылатое слово” есть пословица или поговорка литературно-образованных кругов в отличие от пословиц, речений и поговорок народной речи» (Займовский 1930, 16). Известные современные ученые уточняют: «...крылатые слова отличаются от пословиц, во-первых, своим происхождением и, во-вторых, сферой употребления (крылатые слова – принадлежность литературной речи)» (Верещагин, Костомаров 1990: 71).

Исходя из сказанного очевидно, что по отдельности пословицы и крылатые фразы способны характеризовать разные формы общенаци-

ональной лингвокультуры, и прежде всего народную и элитарную, однако разграничение самих этих феноменов вызывает трудности сразу по нескольким причинам: 1) ввиду наблюдающегося в отдельных случаях сходства ситуаций, отражающих момент зарождения устойчивых оборотов; 2) вследствие перехода части речеобразований из одной категории в другую; 3) из-за наличия общего источника, каковым являются библейские тексты.

Действительно, вначале фразу, которой впоследствии суждено войти в народный речевой обиход или стать достоянием образованных людей, кто-то создает. Ф. И. Буслаев, фиксируя пословицу *Полно врать, где тебе Куракина знать! он плешивой*, рассказывает о ее появлении, цитируя записи Карабанова: Федор Федорович Куракин редко показывался народу, но был в почете у царя, поэтому «ежели случалось повстречать боярский выезд, то чернь повторяла наугад, что это князь Куракин. Некто, лично знавший сего князя, произнес сказанные слова, которые и вошли в общую пословицу» (Буслаев 1854: 131). При этом для народного изречения обычно не принципиально, кто именно его произнес впервые. Иначе обстоит дело с крылатым выражением, главным дифференциальным признаком которого является соотнесенность с автором. «Важно, чтобы оно было произнесено с “высокого места”», – считает С. Г. Займовский, подчеркивая, что, если бы фраза *Мы не пойдём в Каноссу* была сказана не Бисмарком, «а хотя бы в том же рейхстаге, но незаметным, “маленьким” депутатом, то на нее никто бы не обратил внимания» (Займовский 1930: 16). Со временем, как известно, «печать авторства» у крылатых слов может стираться, лишая их главной отличительной черты. Уже ставшие или еще только становящиеся безымянными обороты во множестве представлены во фразеологических словарях и сборниках пословиц, хотя по традиции и в справочных целях продолжают включаться в эптографические издания. Особое место среди таких единиц занимают библеизмы, потому что слово Божье было донесено служителями церкви, просвещенными людьми, до народа: «...язык церковно-словенский, непрестанно слышанный нашим народом в богослужении и в разговоре людей церковных и грамотных, отозвался и в народной русской речи многими словами и выражениями библейскими, которые прижились в языке русского народа, как его достояние и богатство» (Максимович 1880: 446–447). Закрепление оборотов, восходящих к Священному писанию, в простонародной и литературной речи и их ассоциативно-генетическая связь с источником, сохраняющаяся в сознании широчайших кругов, является неотъемлемой чертой русской лингвокультуры в целом, поэтому в данном исследовании, преследующем цель показать различия между народной и элитарной лингвокультурами, эти речеобразования не рассматриваются. (Справедливости ради надо сказать, что по крайней мере две крылатые библейские фразы: *Каин, Каин*,

где брат твой Авель? и пока не зафиксированная в словарях Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, – хотя вполне всеми узнаваемы, остаются частью прагматикона начитанных людей.)

В науке отмечались собственно языковые признаки, которые помогают распознать крылатые выражения в речи: В. И. Гаврисем, назвавшем эти признаки сигнализаторами, – на материале немецкого языка (Гаврись 1971: 8–9), Л. П. Дядечко – русского (Дядечко 2007: 170–174). Среди лексических сигнализаторов обращают на себя внимание прежде всего личные имена, сравн. шутивную угрозу *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*, направленную в адрес женщины с любым другим именем или даже в адрес неодушевленного предмета: *...по сторонам – ослепительно рыжие гряды тяжелых иззубренных гор. Может, они скалистыми, будто мозолистыми, ладонями заботливо поднесли долину к живительному заливу, полному синего света и синего ветра. Может, опасаясь неверности, сдавили ее, чтоб не загуляла с соседями (“Ты перед сном молилась, Дездемона?”). А может, наподобие простежки наложенной шины из двух туго стянутых небом и морем рыжих дощечек, зафиксировали ее, чтобы, как заподозренную на перелом кость, избавить от дальнейших превратностей* (Вяч. Рыбаков, «Наши звезды. Се, творю», 2010 г.).

Антропонимы весьма часто входят и в состав пословиц, о чем неоднократно писалось в лингвистической литературе. Так, Ф. И. Буслаев еще в середине позапрошлого века отмечал, имея в виду личные имена: «Пословица перебрала все до одного собственные имена, и притом не только в обыкновенной форме, но и ласкательной, и уничижительной...» (Буслаев 1854: 59). И далее так пояснял причину их высокой частотности в пословичном фонде: «Слова “человек, люди” выражают понятия отвлеченные, пословица любит обходиться без них, заменяя их именами более частного, осязательного значения, каковы “кум, кума, сват”, или же собственными именами, которые в этом случае могут предложить самый лучший пример синекдохи в употреблении собственного имени вместо нарицательного» (Буслаев 1854: 60).

Примечательно, что уже в то время ученый в своем объяснении обратился к содержательной стороне имени, выступающего в специфической функции в составе пословицы. Вообще же проблема значения онимической лексики принадлежит к числу спорных в науке. Диапазон мнений ограничен с одной стороны его отрицанием (в этом случае онимы называют асемантичными, «пустыми» словами), с другой – признанием его сходства со значением апеллятивной лексики: «...семантическая структура онимов изоморфна семантической структуре апеллятивов, так как природу и сущность обеих определяют три основных компонента: референтный, денотативный и сигнификативный» (Алефиренко 2005: 204).

Один из крупнейших ономастов современности А. В. Суперанская выделяла три типа передаваемой именем собственным информации: речевую, языковую и энциклопедическую (Суперанская 1970: 11). Как бы ни решался вопрос о семантике онимической лексики, именно этот третий тип информации делает имена собственные особенно ценными для лингвокультурологии. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров и вовсе предполагают, что «национально-культурный компонент свойствен именам собственным ... даже в большей степени, чем апеллятивам» (Верещагин, Костомаров 1990: 56).

Если говорить о личных именах (а этот разряд антропонимов наиболее частотен в пословицах), то информация, которую они несут, может быть разного плана. В зависимости от избранного основания русский именник распадается на противопоставленные друг другу группы: русские (славянские) – иностранные, традиционные – новые, крестьянские – городские, модные – редкие, просторечные – официальные имена, имена высокого стиля – стилистически нейтральные имена, имена с живой внутренней формой и имена с затемненной внутренней формой (сравн.: (Верещагин, Костомаров 1990: 56–57). Осознание носителями языка таких групп, как кажется, делает имя надежным критерием разграничения устойчивых оборотов, если это имя имеется в их структуре. Данное утверждение поддерживается и результатами анализа эпонимов с компонентом – названием водного пространства, с одной стороны, и другой – пословиц и идиом с таким же компонентом, позволившими сделать вывод о том, что «русская языковая картина мира расслаивается по крайней мере на две составляющие: первая отражает мировидение носителей народной культуры, вторая – элитарной (или элитарно-массовой) с широким выходом на характеристику разных сторон жизни человека и повышенным вниманием к его эмоциональной сфере» (Дядечко 2013: 264).

Имена, употребляющиеся в русских пословицах и крылатых фразах, или соответственно пословичный и эпонимический именники, могут быть описаны по следующим признакам: происхождения, закрепления в определенном виде в церковном календаре, юридического статуса варианта, стилистической окраски онима. При этом нужно подчеркнуть, что пословичный именник, хотя и не так велик, как об этом гиперболически, но обоснованно, желая обратить внимание на обилие и разнообразие онимной лексики в составе пословиц, говорил Ф. И. Буслаев, в разы превосходит эпонимический. Попутно отметим, что количество единиц в «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко и др. 2010), послужившем материалом данного исследования, составляет около 70 000, а в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» (Берков и др. 2008) и изданиях (Дядечко и др. 2007; Дядечко 2008) – немногим более 6 000,

причем в это число входят также структуры, меньшие, чем предложение: и отдельные слова, и словосочетания, и обрывки фраз, – а это означает, что сопоставление количественных характеристик анализируемых феноменов возможно только в относительных величинах.

Среди сотен пословиц, содержащих антропонимы, как это ни парадоксально, не удалось найти личные имена славянского происхождения. Исключение составляют разве что выражения *Хотя Сила плох, да осилил двоих*, где эксплицирована народная этимология онимного компонента (ученые отдают предпочтение греческому источнику имени *Сила* – от *syľe* ‘право завладения’; сравн. (Справочник личных имен народов РСФСР, 519), и *Борис*, не со всяким борись (сокращение от *Борислав*). В пословичном именнике представлены в основном имена греческого и еврейского происхождения, которые распространились в русском обиходе после принятия христианства и издавна воспринимались как собственно русские. Такие имена – с явным преобладанием мужских – входят в святцы: мужские – *Аввакум* не кум, своей бражкой отпотчует (19 июля), *Авраам*, оставя дом, молился за Содом (22 октября и др. дни), *Агафон* запел антифон (5 марта и др.), *Варфоломей*, разумеи, кого бьют, кого жалуют! (24 июня и др.), Нашему *Петру* я нос утру (12 июля и др.) и мн. др.; женские – *Агриппине* засвербело в спине (6 июля), *Анна* не всякому манна (16 февраля и др.), Наша *Татьяна* и не евши пьяна (25 января и др.) и пр. Большинство из них выступают в неканонической форме, например: *Абрам*, *Абрам*, да не Божий же храм (церк. Авраамий), Наши *Авдей* никому не злодей (церк. Авдий), *Денису* анису на мисе (церк. Дионисий), Потерял *Мартын* отцов алтын (церк. Мартин), Всяк *Еремей* про себя разумеи! (церк. Иеремия), *Исаак* русак, что ни дай, все прибирает (церк. Исаак), Не всякому по *Якову* (церк. Иаков), Не идёт *Федора* за *Егора*: а Федора идёт, да Егор-то не берёт (церк. Феодора, Георгий), *Иван* был в Орде, а *Марья* вести рассказывает (церк. Иоанн, Мария), Сиди, *Матрёна*, ещё зелёна (церк. Матрона).

Некоторые из этих имен в канонической и неканонической форме находим и в составе крылатых выражений: *Авраам* родил *Исаака*, *Исаак* родил *Иакова*; Люблю тебя, *Петра* творенье; Уми, *Денис*, лучше не напишешь; Ужель та самая *Татьяна*? Кроме того, в эптонимическом фонде обнаруживается еще одно, причем отсутствующее в пословицах, имя *Герман*: *Уж полночь близится, а Германа всё нет* (в церковном календаре – 6 июля и др. дни) – данная оперная фраза отражает переосмысление немецкой фамилии *Германн* (см. повесть «Пиковая дама» А. С. Пушкина). Остальные единицы эптонимического именника – это заимствованные имена, пришедшие в русский язык из разных стран и разных эпох и не утратившие до настоящего времени иноязычный колорит: *Лавры Мильтиада* не дают спать; И ты, *Брут*?; Жена *Цезаря* должна быть выше подозрений; Так

говорил **Заратустра**; Пепел **Клааса** стучит в моё сердце; Если гора не идёт к **Магомету**, то Магомет идёт к горе; **Каин**, Каин, где брат твой **Авель**?; **Фигаро** здесь, Фигаро там; Кто может сравниться с **Матильдой** моей? и др. Интересно, что сразу три оборота восходят к шекспировским текстам: Бедный **Йорик**!; **Офелия**! О нимфа! Помяни грехи мои в молитвах; Молилась ли ты на ночь, **Дездемона**?

В русской традиции наряду с официальными формами личных имен бытуют и неофициальные – гипокористические, которые широко представлены в пословичном именнике: **Ваня** за дудку, **Спиря** за гудок (офиц. Иван, Спиридон), **Ерема**, Ерема, сидел бы ты дома (офиц. Еремей), Мели, **Емеля**, твоя неделя (офиц. Емельян), Каков **Дёма**, таково у него и дома (офиц. Демьян, Дементий и др.), Ни **Миша**, ни **Гриша** (офиц. Михаил, Григорий), Дальше **Фени** – греха мене (офиц. Аграфена, Федосья и др.), Пошла **Настя** по напастям (офиц. Анастасия) и мн. др. В эпонимическом именнике они встречаются только в тех фразах, которые восходят к массовым видам искусства: Ты помнишь, **Алеша**, дороги Смоленщины? (из одного из самых популярных стихотворений, исполняемых на фронтовых концертах); Спокойно, **Маша**, я Дубровский; Надо, **Федя**, надо! (из кино); У самовара я и моя **Маша**; Эх, **Андрюша**, нам ли быть в печали? (из эстрадных песен).

Еще больше в провербиальном пространстве стилистических вариантов имен, увеличивающих его по крайней мере в 2–3 раза. Так, к канонической форме **Вавила** (Не знает **Вавила** ни уха, ни рыла; а туда же толкует: в мозгу сила вся) добавляется просторечная **Вавило** (Ушел **Вавило** по мотовило, да, видно, лесом задавило); к **Варфоломей** (**Варфоломей**, разумеи, кого бьют, кого жалуют) – разговорная **Вахромей** (**Вахромей**, разумеи, кого корят, а тебе в глаза говорят). Многие имена выступают сразу в нескольких стилистически окрашенных разновидностях: **Ванька**, встань-ка; Вашему **Ванюхе** и на печке ухаб; Чего не знал **Ванюша**, того не будет знать Иван; Бедному **Ванюшке** везде камушки; Один сынище, и тот **Фомище**; см. также **Фомка**, **Фомушка**, **Ерёмка**, **Ерёмушка**; **Алёнка**, **Алёнушка**; **Варька**, **Варюха**, **Варюшка** и мн. др. в: (Мокиенко и др. 2010). В пословицах также немало имен, выступающих только в деминутивной и / или пейоративной форме.

В эпонимическом фонде стилистически окрашенные варианты имен, скорее, исключение. Их три, если брать крылатые фразы из русской классической литературы XIX–XX вв.: Пустите **Дуньку** в Европу!; **Аннушка** уже разлила подсолнечное масло (зафиксировано только в словаре: (Дядечко 2008: 34–35) и квалифицируемое как украинское с разговорной окраской имя героини гоголевской повести *А что это у вас, несравненная Солоха?* (Дядечко и др. 2012: 54–56). Несколько уменьшительно-ласкательных имен

в качестве компонентов крылатых выражений встречаются опять-таки в том случае, если эти эптонимы представляют собой фрагменты произведений, рассчитанных на широкие массы: *Тише, Танечка, не плачь, не утонет в речке мяч!*; *Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты*; *Прокати нас, Петруша, на тракторе*. Сравн. также похожее на «лепетное» имя обращение в знаменитой кинофразе *Муля, не нервируй меня!*, произнесенной актрисой Ф. Раневской. Кроме того, в эптонимическом фонде, в крылатых строках из шуточной песни Высоцкого, встречается особенная устная усеченная форма имени в функции вокатива, отсутствующая в пословичном именнике: *Ты, Зин, на грубость нарываешься*; *Ой, Вань, гляди, какие клоуны!*

Не только по имени, но и по отчеству принято обращаться в русском обществе, особенно если это люди уважаемые, старше по возрасту, выше по званию и под. В простонародье отдают предпочтение одночленной модели именования только по отчеству, что отражено в пословичном корпусе: *Тычь, потычь, перетычь, Ильич, притыкай, Фомич, а ты, Кузьмич, опосля потычь*; *Ерофеич часом дружок, а другим вражок*; *Хоть Ивановна, да не корыстна*; *Все Иванычи Ивановы детки* и др. Отсюда – ничтожно малый удельный вес пословиц, фиксирующих двучленный способ именования лица: *Акулина Федосевна до чужих ребят милосерда*; *Толкуй, Фетинья Савишина, про ботвинью давешню*; *Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?* (дразнилка, включенная в «Мертвые души», теперь воспринимается как гоголевская (Дядечко и др. 2012: 533–535); *У Андрея Фомича жена – писальна свеча* (причем последний пример взят из сборника 2002 г., см.: (Мокиенко и др. 2010: 19).

В эптонимическом фонде, наоборот, отчества встречаются не по отдельности, а только в составе двучленной модели именования лица, что отражает речевую практику интеллигенции, привилегированных сословий, представители которых выступают героями русской классической художественной литературы, являющейся источником крылатых выражений: *Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!*; *Друг мой, Аркадий Николаич, не говори красиво*; *Иван Васильевич меняет профессию*; «Э!» – сказали мы с *Петром Ивановичем*; *Иван Александрович, ступайте департаментом управлять*; *Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*; *Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича*. Половина таких фраз, как видно из примеров, восходит к гоголевским произведениям, откуда извлечено и уникальное в рассматриваемом аспекте утверждение *Есть такой Пётр Иванович Бобчинский* (Дядечко и др. 2012: 159–161), отражающее официальную трехчленную модель именования человека в России. В эптонимическом антропонимиконе обнаруживается также другая двухкомпонентная модель именования лица, принятая в

европейской культуре и состоящая из имени и фамилии или эпитета: *Лев Толстой* как зеркало русской революции; *Ты этого хотел, Жорж Данден!*; *Александр Македонский* герой, но зачем же стулья ломать? Среди пословиц можно назвать только один случай такого именования: *Не всяк таков, как Иван Токмачев*.

Вообще фамилии как компоненты пословиц единичны, и в этом плане они противопоставляются фамилиям, бытующим в эпонимическом корпусе, где их удельный вес весьма велик (см. подробнее далее).

Как можно заметить из приведенных примеров, важнейший формальный признак, различающий пословичный и эпонимический именники, заключается в том, что антропоним в первом из них практически всегда имеет аллитерирующий элемент, подбирается в целях создания внутренней рифмы. В. И. Даль писал: «Ко внешней одежде пословиц надо отнести и личные имена. Они большею частию взяты наудачу, либо для рифмы, созвучия, меры: таковы, например, пословицы, в коих поминаются: Мартын и алтын, Иван и болван, Григорий и горе, Петрак и батрак, Мокей и лакей и пр.» (Даль 1879: XXXII). Показательны в отношении выбора имен пословицы, объединенные одной темой: *Швец Данило, что ни шьёт, всё хило*; *Швец Кузя всё узит*; *Швец Проня шьёт да порет*. В эпонимической сфере обороты с антропонимами не строятся по принципу аллитерации, рифмовки. Единственным исключением является некрасовское выражение *У дядюшки Якова товару всякого*, на самом деле представляющее собой фольклорную стилизацию, опирающуюся на использование традиционной пословичной рифмы, которая создается формами косвенных падежей онима и местоимения, сравн.: *Затвердила сорока Якова одно про всякого*; *Всякому по Якову*; *И всякому, да не как Якову* (Берков и др. 2008–2009: II/474).

Неверным было бы, однако, считать, что пословичный антропоним выполняет в абсолютном большинстве случаев только чисто инструментальную, декоративную функцию. В пословице, по уже процитированному утверждению Ф. И. Буслаева, имена собственные заменяют нарицательные. Эта мысль нашла развитие в современной лингвистике: в докладах Т. Г. Бочиной, убедительно доказавшей синонимичность антропонима слову *человек* на примере пословицы *С именем Иван, без имени болван*, и М. Л. Ковшовой, раскрывшей, с одной стороны, «безразличие» пословицы к своему компоненту – личному имени, которое может быть заменено на другое, и даже на называющее представителя противоположного пола, или использовано во множественном числе, а с другой – продемонстрировавшей многообразие функций онимической лексики в фольклорных жанрах малых форм (см. публикации в данном сборнике).

Синекдотическое отождествление антропонима с именем нарицательным в пословице помогает выявить факторы, способствующие формированию наивной языковой картины мира, понять стремление народа конкретизировать абстрактные понятия, чтобы приблизить их ко всему привычному, родному, сделать их чувственно наглядными и осмысливаемыми. «...желая все, что ни скажет, привести в согласие с запасом корней и производных слов своего языка, – писал Ф. И. Буслаев о личных именах, которые благодаря христианизации распространились в русской среде, но были ввиду их иноязычного происхождения непонятны простым людям, – он [народ] охотно дает собственному имени смысл, занятой от своих родных слов, с этим именем созвучных» (Буслаев 1854: 59). Яркое подтверждение этому – истолкование имени в пословице **Самсон** – *сам сем*. «Это просто игра слов», – пояснял ученый (Буслаев 1854: 59). То есть пословичные имена наделяются своеобразными ономапопеическими свойствами.

Закрепление в пословичном фонде некоторых качеств за человеком, носящим определенное имя, способствовало символизации этого имени. В то же время в пословице отражались те явления, которые были уже свойственны другим фольклорным жанрам: «Может быть, некоторые имена и взяты начально с известных в самом тесном кругу лиц, а пословицы сделались общими; нередко также имена эти попадали из сказок, рассказов, где люди известных свойств обычно носят одно и то же имя, за которым и в пословицах оставалось то же самое значение: Иванушка и Емеля дурачки; Фомка и Сергей воры, плуты; Кузька горемыка; Марко богач. От этих понятий сложились и особые выражения: обьемелить кого, обмануть, одурачить простачка; обсерезить, поддеть ловко, хитро; фомкою, на языке мошенников, зовется большое долото или одноручный лом для взлома замков; подкузьмить кого, поддеть, обмануть, обидеть и пр.» (Даль 1879: XXXII–XXXIII).

«Говорящие» имена в составе крылатых фраз обнаруживаются только в восклицании *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* и – с определенной долей натяжки – в аналогичном требовании *А подать сюда Землянику!*, где имеют совсем иную природу, выполняют изобразительную функцию как раз потому, что характеризуются изначально живой (а не предполагаемой, навязанной) внутренней формой, понятной каждому. Наричательный смысл, которым в речи наделяется фамилия судьи, персонажа из «Ревизора», обусловлен не его бытованием в составе устойчивых оборотов, а всем текстом комедии. (Такой же смысл и по той же причине получили обычные, так сказать, имена из повести Н. В. Гоголя *Иван Иванович* и *Иван Никифорович*.)

Принципиальное отличие пословичных антропонимов от эпонимических заключается в особенности выполнения ими номинативной функции. Собственное имя в составе пословицы лишается своего предназначения – индивидуализации объекта, что в науке принято считать основным отличительным признаком, отграничивающим оним от апеллатива, называющего класс объектов. И напротив, в качестве компонента крылатой фразы имя собственное продолжает выполнять свою основную функцию в речи, несмотря на то, что выражение отрывается от своего источника и развивает более или менее обобщенное значение и что оним, употребляясь в составе этого стабилизовавшего свои структурно-семантические параметры крылатого оборота, именует фактически другого человека. Этот парадокс – разновидность языковой игры, предлагаемой адресантом своему собеседнику, который должен соотнести актуальную ситуацию с изображенной в художественном тексте-источнике. Если адресат не в состоянии этого сделать, если имя оказывается ему неизвестным, возникает коммуникативный провал, преодолеть который можно с помощью разъяснений, как уже отмечалось в публикации (Дядечко 2007: 172) с иллюстрацией эпизода из кинофильма: «Чапаев со страшной силой швырнул табуретку об пол. Она разлетелась на мелкие кусочки. <...> Фурманов медленно встал. Лицо его серьезно, но в глазах бегают веселые искорки. *«Александр Македонский тоже был великий полководец. А зачем же табуретки ломать?»*. Чапаев, все еще хмурый, насторожился: «Ма... Македонский? Полководец? Кто такой? Почему не знаю!» <...> Фурманов <...> покривил душой и польстил Чапаеву: «Ну, его мало кто знает. Он жил две тысячи лет тому назад» (Васильевы 1982: 91).

Весьма различаются пословичные и эпонимические именники и по своему историко-культурному потенциалу.

В пословичном фонде почти отсутствуют антропонимы, называющие конкретных людей, что и понятно: пословица призвана обобщать. Исключение составляют фамилии тех, кто стал известным своими общественно значимыми поступками или антисоциальными действиями. Причем эти пословицы, фактически, уже не используются в живой речи, лишь перекочевывают из одних паремнологических сборников в другие: *Не всяк таков, как Иван Токмачев: седиши на конь, да и поехал в огонь* (герой был погиб под Венденом в 1578 г. в сражении с объединёнными войсками Речи Посполитой и Швеции); *По милости боярской сам себе Пожарский; Бог не Мануков, и без посулу милует* (о вице-губернаторе в Санкт-Петербурге, 1712 г.); *За короля Саса (саксонского) было и хлеба и мяса, а стал Понятовский хлеб не таковский* (о Станиславе Понятовском – последнем короле польском и великом князе литовском, правившем в 1764–1795 гг., и его предшественнике). Сравн. также уже упоминавшуюся пословицу

Полно врать, где тебе Куракина знать! он плешивой. Личные имена лишь в отдельных случаях связываются в научной литературе с историческими персонажами, причем гипотетически, например: *Дмитрий да Борис* за свой город подрались (о князьях Борисе и Дмитрие Константиновичах).

В эпонимическом фонде также представлены имена правителей, общественных деятелей: *Борис, ты не прав!* (о Борисе Ельцине), *Наш ответ Чемберлену, Александр Македонский* герой, но зачем же стулья ломать? Несколько оборотов включают псевдоним В. Ульянова: *Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить; Ленин и теперь живет всех живых; Партия и Ленин* – близнецы-братья и др. Сравн. также рекламную фразу: *А что это у нас граф Суворов* ничего не ест? Однако основную группу составляют антропонимы, именующие выдающихся людей религии, науки, искусства: основателя зороастризма – *Так говорил Заратустра*; философов – *Мы диалектику учили не по Гегелю*, Учение *Маркса* всесильно, потому что оно верно; ученого-физика – *Подумаешь, бином Ньютона*; художника – *Картина Репина «Не ждали»*; писателей – *Декабристы разбудили Герцена; Лев Толстой*, как зеркало русской революции – и среди последних – Пушкина, лидирующего, прежде всего ввиду огромного влияния на русскую лингвокультуру, по количеству образованных с его именем крылатых оборотов: *Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!*; *Должно быть, Пушкина сочинение; Ну что, мол, брат Пушкин; Пушкин – наше всё.*

Известно, что в ономастической сфере возможны переходы единиц из одного разряда в другой. Пословичный и эпонимический именники также отображают этот процесс, включая антропонимы, которые выступают в новом качестве, называя предметы материальной культуры: в пословицах – культовые сооружения: *Правда у Петра и Павла* (здесь в Москве был застенок), *Женится Иван Великий на Сухаревой башне* (о колокольне Ивана Великого); в крылатых фразах – памятник и литературные произведения: *На фоне Пушкина* снимается семейство; *Есть другой «Юрий Милославский»*, так тот уж мой; *Эта штука посильнее «Фауста» Гёте.* Последнее симптоматично, так как в очередной раз подчеркивает значимость для представителей элитарной культуры индивидуального художественного творчества.

Таким образом, сравнение антропонимов в сходных по структуре, но отличающихся по наличию / отсутствию «печати авторства» устойчивых оборотов показало, что имена в пословицах, с одной стороны и с другой – имена в крылатых фразах из классической литературы обладают не совпадающими в количественно-качественном отношении характеристиками, отражая социальные взгляды, эстетические предпочтения, историческую память, речевой этикет разных социумов, составляющих нацию. Это позволяет считать антропонимы дифференциаторами пословиц и крылатых

выражений как феноменов разных типов лингвокультур – народной и элитарной. Среднее положение занимают обороты из произведений массового искусства, по происхождению и по функционированию сближаясь с крылатыми фразами из классики, а по формальным и типологическим признакам – с пословицами.

Использованная литература

- Алефиренко, Н. Ф. 2005. *Спорные проблемы семантики*. Москва: Гнозис. 326 стр.
- Алефиренко, Н. Ф., Золотых, Л. Г. 2008. *Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики*. Москва: ЭЛПИС. 472 стр.
- Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. 2008–2009. *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. Ред. С. Г. Шулежкова. I–II. Второе издание, исправленное и дополненное. Магнитогорск: МАГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
- Буслаев, Ф. И. 1854. «Русские пословицы и поговорки (Дополнения к изданию И. Снегирева: “Русские народные пословицы и притчи”, Москва, 1848 года)», *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России* II/2. 1–176.
- Васильевы, Г. и С. «Чапаев: Литературный сценарий», *Собрание сочинений в 3 томах*, II. Москва: Искусство. 542 стр.
- Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. 1990. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. Четвертое издание, переработанное и дополненное. Москва: Русский язык. 246 стр.
- Гаврись, В. И. 1971. *Крылатые выражения и их роль в обогащении фразеологического состава современного немецкого литературного языка: Автореферат диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук*. Киев: Киевский государственный педагогический институт иностранных языков. 20 стр.
- Даль, В. И. 1879. «Напутное», *Пословицы русского народа*, I. Санкт-Петербург; Москва: Типография М. О. Вольфа. [I–XL.]
- Дядечко, Л. П. 2007. *Крылатые слова нашего времени*. Москва: НТ Пресс. 797 стр.
- Дядечко, Л. П. 2008. «Крылатый слова звук», или *Русская эптология: Учебное пособие*. Второе издание. Киев: Аванпост-Прим. 336 стр.
- Дядечко, Л. П., Петренко, О. В., Прадид, Ю. Ф. 2012. *250 крылатых слов и выражений Н. В. Гоголя: русско-украинский толковый словарь*. Симферополь: издатель ФЛП Лемешко К. А. 584 стр.
- Дядечко, Л. П. 2013. «“Вода, вода, кругом вода...” (эптонимы с гидрокомпонентом в русской языковой картине мира)», «Вода» в славянской фразеологии и паремииологии: Коллективная монография, I. Будапешт: «Тинта». 259–265.
- Займовский, С. Г. 1930. *Крылатые слова: Справочник цитаты и афоризма*. Москва; Ленинград: Госиздат. 493 стр.

- Кочеткова, Т. В. 1999. *Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Саратов: Саратовский государственный университет. 534 стр.
- Максимович, М. А. 1880, «История древней русской словесности», *Собрание сочинений в 3 томах*, III. Киев: Типография Е. Т. Керер. 346–472.
- Маслова, В. А. 2001. *Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Москва: Издательский центр «Академия». 208 стр.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. 2010. *Большой словарь русских пословиц*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 1024 с.
- Синица, И. А. 2006. *Языковая личность ученого-гуманитария XIX века*. Киев: Издательский Дом Дмитрия Бурого. 352 стр.
- Справочник личных имен народов РСФСР*. Под редакцией А. В. Суперанской (ответственный редактор), Ю. М. Гусева. Третье издание, исправленное. Москва: Русский язык, 1987.
- Суперанская, А. В. 1970. «Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имён», *Антропонимика: Сборник научных трудов*. 7–17.
- Телия, В. Н. 1996. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры». 288 стр.
- Толстой, Н. И. 1995. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва: Индрик. 512 стр.

Liudmila PETROVNA DIADECHKO

ANTHROPONYMS IN PROVERBS AND WINGED WORDS (on differentiating forms of national linguoculture)

Summary

The paper proves that proverbial and eponymic names differ by their formal, typological and functional characteristics. Thus, anthroponyms may help differentiate proverbs and winged words from classical literature as the phenomena belong to two linguocultures that stand apart – popular and elite. Expressions stemming from pop culture are closer to classical winged words by their origin and functioning while they are similar to proverbs in their formal and typological characteristics; accordingly, they stand in between proverbs and classical winged words.

Кристина ЂОРЂЕВИЋ¹

Филозофски факултет
Универзитет Коменски
Братислава, Словачка

ЕТНИЧКИ СТЕРЕОТИПИ У СРПСКОЈ И СЛОВАЧКОЈ ФРАЗЕОЛОГИЈИ

Апстракт: У раду се анализирају одабрани примери фразеолошких јединица које у свој састав укључују компоненту етнонима. Ауторка контрастивно сагледава фразеологизме на семантичком нивоу у српском и словачком језику, те показује сличности и разлике, у језичкој, уже фразеолошкој слици света. Указује и на који начин се перцепција о себи, односно другима одражава у фразеолошком фонду двају језика, односно на који начин се перципира искуство са другом заједницом и њеном културом.

Кључне речи: етнички стереотипи, српски језик, словачки језик, фразеологија, фразеологизам (фразеолошка јединица).

1. Култура и језик узајамно се подразумевају, јер „нема културе без језичког израза, нити пак има језика без културног садржаја” (Бугарски 1997: 244). Фразеологизми² представљају језичке јединице које сликовито преносе специфичности појединих народа и култура, те се многе од њих односе на људске особине и темперамент, неретко су негативне и у вези са припадницима различитих народа, вера и раса људи. У језику се за изражавање различитих садржаја користе стереотипи³ засновани на људском искуству, „али када је реч о наслеђеним представама, у први план ступају еталони или сликовите представе, често засноване на претеривању, на претпоставкама које се не могу проверити ...” (Мршевић-Радовић 2008: VII).

¹ Mgr. Kristina Dordevic, Katedraslovanských filológii, Filozofická fakulta, Univerzita Komenského v Bratislave, Gondova 2, 814 99 Bratislava, kristina.dordevic@uniba.sk.

² Термине *фразеологизам* и *фразеолошка јединица* посматрамо као синониме.

³ Појам стереотипа увео је Волтер Липман (Walter Lippmann) у књизи *Public opinion* 1922, дефинишући их као слике света које човек конструише како би се суочио са сложеном стварношћу. Преглед различитих приступа појму стереотип в. у Поповић 2008 (59–65), Драгићевић 2010 (99–105).

Фразеологизми могу бити носиоци културних стереотипа који откривају наслеђене представе и наталожена искуства једне заједнице (*лаџаџи* као *Циџанин* = *klamat' ako Cigán*, *џачан* као <швајцарски> *саџ* = *presný ako <švajčiarske> hodiny (hodinky)*, *џуџиџи* као *Турчин* = *fajčit' ako Turek*). Овакви и слични примери заступљени у фразеологији и паремиологији многих језика представљају манифестацију универзалног концепта *своје* : *џуџе*⁴. Етноцентрични став заснован на опозицији *ми* : *они* / *своје* : *џуџе* условљава формирање представа и слика етника, односно етничких заједница, које се у језику остварују на различите начине и у већој или мањој мери репродукују и чувају у језику (Košková 2006: 17).

1.1. Оними се у фразеологизмима могу појавити као именице или као придеви, а обухватају антропониме (лично име, презиме, надимак), топониме (ојконим, ороним, хидроним), те етнике и етнониме (Орашић 2014: 187). О етничким стереотипима постоји више славистичких радова,⁵ али колико нам је познато, сама тема није била често предмет радова у којима се компаративно сагледава српски и словачки фразеолошки фонд. Аутори који су се бавили проучавањем фразеолошких јединица с компонентом онима (антропонима, етнонима, топонима) у српском језику јесу Драгана Дракулић-Пријма (2010: 58–66), Драгана Мршевић-Радовић (2008), Егон Фекете (1996: 23–30), Наташа Вуловић (2015), Ана Пејановић (2013: 87–98), а фразеологизме с компонентом онима у словачком језику проучавали су Марија Добрикова⁶ (2001: 88–97, 2003: 26–32, 2014), Марија Кошкова (2006: 17–31), Љубор Кралик (1998: 227–236), Јозеф Млацек (1981: 264–270), Јана Складана (2012).

1.2. Предмет нашег рада представља контрастивна анализа етничких стереотипа у српској и словачкој фразеологији. Због разлика међу српском и словачком фразеолошком школом у погледу граница и предмета фразеологије, материјалу приступамо у ширем смислу⁷ схватања предмета фразеологије. Циљ рада није дати статистички преглед заступљености фразеолошких јединица које у свој састав укључују компоненту етнонима, већ контрастивно сагледати фразеологизме на семантичком нивоу, те

⁴ Више о концепту *своје* : *џуџе* и ксенолингвистици в. у радовима аутора Dolník 2011 (25–33), 2014 (179–195), Orgoňová, Bohunická и Faragulová 2014 (302–316).

⁵ Уп. Antonijević, Banić Grubišić 2013 (137–153), Бартмињски 2011, Благојевић 2009 (47–61), Братанова 2013, Dolník 2014 (179–195), Dudeková 2012 (1–14), Кравчук 2009 (212–222), Мутавцић 2008 (297–302), Orgoňová и аутори 2014 (302–316), Рибарова 2011 (355–362), Ристић, Лазић-Коњик 2016 (19–49), Сикимић 2002 (187–203).

⁶ Насупрот неким лингвистичким школама и ономастичким теоријама које имена припадника народа и нација не посматрају као властито име, Марија Добрикова, ауторка монографије *Vlastné meno ako komponent slovenských a bulharských frazém*, етнониме сматра јединицама онимијског система и делом словенског фразеолошког фонда (Dobriková 2014: 109).

⁷ У грађу смо уврстили и паремиолошке изразе.

показати сличности и разлике, у језичкој, уже фразеолошкој слици света. У рад смо укључили неколико фразеологизама интернационалног карактера, али не анализирамо јединице за које сматрамо да нису у активној употреби (*леїећи Холанђанин*⁸ = *blúdiaci Holand'an*, *ганајски гар* = *danajský dar*), иако су од значаја за разумевање слике света.

Главни извор за наше истраживање представљали су описни речници: *Речник српскохрватскога књижевног језика* Матице српске I–VI (1967–1976), *Речник српскога језика* Матице српске (2007), *Велики речник сїпраних речи и израза* (Клајн, Шипка 2008), *Slovník slovenského jazyka* (1959–1968), *Krátký slovník slovenského jazyka* (2003), *Slovník súčasného slovenského jazyka A – G, H – L, M – N* (2006, 2011, 2015), фразеолошки речници: *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Matešić 1982), *Фразеолошки речник српског језика* (Оташевић 2012), *Frazeološki slovačko-srpskohrvatski rečnik* (Spasić 1989), *Malý frazeologický slovník* (Smiešková 1988), *Frazeologický slovník. Človek a príroda vo frazeológii* (Habovštiaková a Krošlaková 1996), паремиолошке збирке: *Српске народне ѓословице и груге различне као оне у обичај узетїе ријечи* (Карацић 1849), *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky* (Záturecký 2005) и приручници: *Зашиїо се каже?* (Шипка 2008), *Ukryté v slovách. Trinásta komnata a 131 tajomných slovných spojení* (Skladana 2012). Приликом ексцерпираниа грађе наишли смо на проблем незабележености појединих фразеологизама (*лењ као Црноѓорац*, *ѓлуї као Босанац*; *hovoriť ako Talian* (*Maďar*), *lakomý ako Škót*) у речницима и приручницима, те смо потврде за њихову активну употребу у савременом језику тражили на интернету.

Бавићемо се анализом фразеологизама који у свој састав укључују компоненту етнонима, односно службене називе етника (нпр. *Турчин*, *Енѓлез*, *Грк*; *Turek*, *Angličan*, о), често разговорне називе пејоративног карактера (нпр. *Циѓан*, *Шваба*; *Cigán*, *Šváb*), као и фразеолошке јединице с етнонимском изведеницом као компонентом фразеологизма (нпр. *шїурски*, *шваїцарски*; *turecký*, *švajčiarsky*). У истраживање нисмо укључили фразеологизме с називима племена или припадника раса, као у примеру фразеологизма *їоследњи Мохиканац* = *posledný Mohykán*. Анализирану грађу чине фразеологизми с компонентом: *Босанац*, *Влах*, *влашки*, *Грк*, *Енѓлез*, *Жигов*, *Кинез*, *кинески*, *Рус*, *српски*, *Турчин*, *шїурски*, *Циѓан(ин)*, *циѓански*, *Црноѓорац*, *црноѓорски*, *Шваба*, *шваїцарски*, *шїански*; *Angličan*, *Cigán*, *cigánsky*, *Dán*, *Maďar*, *Nemec*, *Rus*, *španielsky*, *švajčiarsky*, *Talian*, *Tatár*, *Turek*, *turecký*, *Škót*, *Žid*.

⁸ Фразеологизам *леїећи Холанђанин* није забележен ни у једном речнику српског језика, као ни у стандардним енциклопедијама, што је био један од разлога за његово навођење у приручнику *Зашиїо се каже?* аутора М. Шипке (2008: 35).

2. Прикупљени материјал поделили смо у две групе. Прву, бројнију групу чине етноними заступљени у фразеолошким јединицама оба језика.

2.1. Забележени фразеологизми с компонентом *Циџан(ин)*, *џиџански*: *Cigán, cigánsky* најфреквентнији су у прикупљеној грађи и највише се односе на лаж и неповерење: *лаџаџи као Циџан = klamať ako Cigán; Cigán iba vtedy pravdu povie, keď sa pomýli; Cigán i vlastné reči za cudzie vydáva; Cigánovi ani pravdu neveria*, затим на крађу: *Cigána netreba učiť kradnúť; Cigán a zlodej všetko jedno*. Негативну слику Рома преносе Вук Стефановић Карацић и Адолф Петер Затурецки посредством различитих изрека, попут: *У Циџанке црн образ, али је љуна џорба!*; *Kde Slovenka, tam spev; kde Maďarka, tam hnev; kde Nemkyňa, tam faleš; kde Cigánka, tam krádež*. Даље, њима се указује и на физички изглед човека, односно на тамнију боју коже: *црн као Циџан = tmavý (opálený) ako cigán*, на неред и прљавштину: *је ти ако и cigánov*, врло сиромашног човека: *црни Циџанин*, на човека који ради помоћни, неквалификовани посао: *robiť cigána*, необично топлу јесен: *џиџанско лећо (михољско, бабље) = cigánske (babie) leto*, непоуздану особу: *џиџанска гуша*, као и на оне особе које се свађају веома гласно, на улици, оне које се свађају као *Циџани = vadia sa ako cigáni*. Једна од ретких позитивних конотација забележених у нашој грађи огледа се у фразеологизму *свираџи џиџански* у значењу 'свирати по слуху, самоуко'.

2.2. Имена представљају лексички слој који се не мења брзо и који памти историјске прилике и податке о пореклу и о судбини народа. Словачки и српски народ живели су у различитим историјским приликама; док је Словачка била део Хабзбуршке монархије, касније Аустроугарске, Србија је пет векова била под Османским царством. Ипак, у првој половини XVI века (1526), турски султан Сулејман поразио је угарског краља Људовита Јагеловског и на тај начин Словачка се нашла у непосредном додиру са турским суседима. Трагови контаката са Турцима сачувани су у језику у виду фразеолошких јединица (*Куд сви Турци, љу и џоли Хасан; Куд сви Турци, љуг (љу) и мали (ћелави) Мујо; љроћи као љоред љурскоџ џробља; нудиџи као Турчин в(ј)ером; лаџаџи као Турчин; Поџурица џори од Турчина = Poturčenec horší od Turka; љушиџи као Турчин = fajčiť ako Turek; љурски сег = sedieť ako Turek; sedieť po turecky; raz za turecký (uhorský) rok⁹; turecké hospodárstvo*).

У оба посматрана језика особа која пуши често, страсно и прекомерно упоређује се са Турчином *љушиџи као Турчин = fajčiť ako Turek*. Дуван је након Колумбове експедиције на Сан Салвадор прво стигао у Европу, а у Србију касније заједно са турским освајачима (почетком XVII века).¹⁰ Занимљиво је да када се појавио овај друштвени порок наишао је на отпор

⁹ Српски делимични еквивалент *једном у сџо џодина*.

¹⁰ О пореклу дувана в. <http://www.monus.rs/o-duvanu/poreklo-i-istorijat-duvana>

у Турској, а међу првима је покушао да га искорени један од најмоћнијих султана Османског царства Мурат IV.¹¹ Неактуелност сликовитости фразеологизма *йушии као Турчин* није избацила из употребе овај језички стереотип (Kořková 2006: 19). Иако је данас тешко рећи који народ користи више никотина, једно је сигурно – Турци, Словаци и Срби не налазе се на првом месту по конзумацији никотина.¹²

На историјску прошлост Срба из доба османлијске владавине указује компаративни фразеологизам с компонентом ктетика: *йролазии (йроћи) као йоред йурскоџ йробља* у значењу ‘пролазити, проћи без поздрава, не обраћајући никакву пажњу, посве незаинтересовано’, који одражава негативан однос према ономе што није своје. Пошто Турци нису хришћани, нису се ни крстили нити молили пролазећи покрај гробаља; пролазили су не обраћајући пажњу. Овом фразеологизму на семантичком плану одговара словачки фразеологизам без компоненте ктетика *prejst’ / prechádzat’ (chodiť, ísť) okolo koho, okolo čoho ako slepý*.

Устаљено поређење из народног језика *Поййурица ѓори од Турчина* = *Poturčenechoršíako Turek(odTurka)* има аналогију са идентичним структурно-семантичким моделом и значењем у словачком језику ‘онај ко се потурчио, онај ко се одродио (променио веру) највећи је непријатељ свом народу’ и „представља одраз објективне реалности, својеврсне саморефлексије” (Dobříková 2014: 110). У српском језику бележимо и фразеологизам *ѓори од Турчина* у значењу ‘веома лош човек’, које је у вези са историјским приликама за време петовековне владавине Османлија.

2.3. Фразеологизми *йији као Рус*¹³ = *pit’ ako Rus (Dán)* описују особу која често и неумерено пије. Склоност ка пићу (алкохолу) као негативна особина приписује се Русима, а у словачком језику и Данцима, при чему се манифестује универзални концепт *своје : йуђе / ми : они*, у којем су други носиоци негативних особина (други много пију), а не ми.

2.4. За особу која се претвара да је неупућена, необавештена и равнодушна бележимо примере *йравији се Кинез (Енџлез)*¹⁴. Лексемом *Кинез* сугерише се на (обострано) неразумевање језика, култура и обичаја

¹¹ В. текст *Османлије и дуван* на сајту Историјске библиотеке написан према Richard Davey. *The sultan and his subjects*. Georgias Press 2001 на <http://www.istorijskabiblioteka.com/art2:turci-i-duvan> и емисију *Zašto se kaže puši kao Turčin* на <https://www.youtube.com/watch?v=pc1cNwKa4s0>.

¹² Упореди употребу никотина у Турској, Словачкој и Србији на сајту CARTO https://telegraphtravelmaps.carto.com/viz/a0443496-270a-11e6-9dac-0ef7f98ade21/public_map

¹³ Више о поредбеном моделу *А йије као В* в. Мршевић 1984: 103–108.

¹⁴ „У словенској фразеологији постоје примери када одређени етнички стереотип персонификују различити етноними, на пример, бугарска *йравя се на американец*, хрватска *praviti se Englez* и пољска фразама *udawać Greka* са једнаким значењем ‘правити се глуп; правити се да не схваташ, наивно’” (Dobříková 2014: 110).

двају народа. Из варијанте фразеологизма с етнимском компонентом *Енџлез*, произилази да су Србима Енглези једнако нејасни и неразумљиви. У словачком језику етнимом *Енџлез* употребљава се у устаљеном поређењу *chladnokrvný ako Angličan* (хладнокрван као Енџлез), а његов дериват *anglicky* употребљава се у разговорном дискурсу *zmiznúť po anglicky* са значењем ‘неопажено, неприметно отићи’.

2.5. Први сусрет са германским народом изнедрио је словенску реч *Немац*¹⁵, која означава човека којег нико не разуме, оног који је за домаће становнике нем. Даља историјска искуства утицала су на стварање негативних стереотипа према Немцима¹⁶: *Наџезаџи као Швабо са џаћама; џовориџи (џонављаџи) као Шваба (Швабо) џралала*¹⁷; *Немац се не боји да ће џаће изџубиџи. Ваља да за џо џиџо их нема? = Nebojí sa Nemec, že ti gate vezmú, keď ich nemá; Čo Nemec, to „nevedz“*.

Бавећи се анализом властитих имена на словачком и бугарском фразеолошком материјалу, Добрикова (2014: 110–111) запажа да у фразеологији тих језика нису забележене позитивне особине Немаца попут марљивости овог народа, самодисциплине и одговорности. Прецизан и тачан човек се, како у словачком, словеначком, македонском, пољском, хрватском (Dobříková 2014: 110), тако и у српском језику, пореди са швајцарским сатом (*џачан као <швајцарски> саџи = presný ako <švajčiarske> hodiny (hodinky)*).

2.8. Уколико желимо да се неко разумљиво и јасно изрази, рећи ћемо му да нам се обрати нашим матерњим језиком, језиком који најбоље разумемо и најлакше говоримо, тј. *џовори срџски = hovor (povedz to) po slovensky*. С друге стране, за неразумљив говор у српском језику бележимо устаљено поређење *као да џовориш кинески*, док се у словачком језику употребљава поредбени фразеологизам *hovoriť ako Talian (Maďar)*. Када је неке нешто неразумљиво, непознато или страно, кажемо да је то за њега *џиџанско село*¹⁸ = *španielska dedina*.

Према Шипки (2008: 17; уп. Skladaná 2012: 202) *џиџанска села* представљају дослован превод немачког *spanische Dörfer*, а израз је преузет у српски језик првим преводом Гетеовог романа *Јаги млагоџ Верџера* почетком XX века (1905). Аутор указује на постојање старијег изрази у немачком језику *чешка села (böhmische Dörfer)* са истим значењем. С друге стране, Складана (2012: 202) израз *џиџанска села* сматра старијим од изрази

¹⁵ О етимологији етнима *Немац* в. Skok 1988: 516–517.

¹⁶ Српски језик бележи фразеологизме с компонентом пејоративног назива за Немцеи Аустријанце – Шваба (РМС 6: 935).

¹⁷ Више о (не)забележености и настанку фразеолошке јединице (*џовориџи, џонављаџи*) као *Шваба (Швабо) џралала* у Шипка 2008: 40.

¹⁸ Шипка (2008: 17) говори само о постојању облика плурала *џиџанска села*, док је код Матејића 1982 забележен и облик плурала и облик сингулара, а у словачком језику бележи се само облик сингулара.

чешка села. Настанак фразеологизма *шпанска села* ауторка везује за XVI век и владавину немачког цара Карла V Хабзбуршког, који је проводио доста времена у Шпанији, те су га неки кнежеви сматрали Шпанцем, његову владавину непријатељском, а самим тим све што је шпанско сметало им је. Израз *чешка села* настао је много касније. Наиме, Немци су након Тридесетогодишњег рата (1618–1648) насељавали напуштена чешка села, а њихови називи су им били страни и неразумљиви. Попут *шпанских села*, тако су и *чешка села* постала симбол нечег непознатог и страног. Шипка (2008: 17) скреће пажњу на мишљење К. Бурдора према којем је до настанка фразеологизма *шпанска села* дошло укрштањем двају немачких израза: 1) *böhmische Dörfer* (*чешка села*) и 2) *das kommt mir spanisch vor* („то ми дође шпански” у значењу ‘то ми је неразумљиво’).

3. Другу групу фразеологизама чине етними заступљени само у фразеолошким јединицама једног језика.

3.1. Иако у речницима нису забележене потврде за фразеологизме *лењ као Црногорац*, односно *џлуј као Босанац*, указали бисмо на семантику које ове јединице носе. О стереотипу Црногорца, односно Босанца, у српском језику сведочи и мноштво вицева.¹⁹ Доминантна улога родовских односа у црногорској традицији исказана је изразом *црногорске везе*, а наклоност Срба према суседима Црногорцима, односно наклоност према народима православне вере (Русима и Грцима), огледа се у лексичком споју *браћа Црногорци* (*Руси, Грци*).

3.2. Многобројност у српском језику исказује се фразеолошком јединицом *има некога / нечега као Кинеза* (*Руса*). Мотивација настанка јасна је – и Руси и Кинези представљају многољудне нације. На семантичком плану у словачком језику постоји еквивалент без компоненте етника *je ich ako hadov* (<*červených*> *myši*).

3.3. Фразеолошке јединице у којима је једна компонента представљена именом неке земље ретке су (Мршевић-Радовић 2005: 225). У српском језику забележени су примери фразеолошког поређења *задужији се као Турска Царевина*²⁰, *сипар као Грчка* и *дужан као Грчка*.²¹ Етноним *Грк* чини компоненту фразеологизма *бунјији се као Грк у ајсу* (*хайсу*). Употреба овог фразеологизма везује се за особу која упорно и гласно тера по своме, а њен настанак у вези је са некадашњим трговцима Краљевине Југославије које су чинили, између осталих, и Грци. Иако су православци, нису затварали радње нерадним данима, већ су трговали, кршили државне прописе, борили

¹⁹ Уп. Љубоја 2001.

²⁰ Могућа мотивација фразеолошке јединице јесте раздобље Кримског рата 1853–1856, када је Отоманска империја била на ивици финансијске пропасти.

²¹ О мотивацији настанака фразеологизама *стар као Грчка* и *дужан као Грчка* в. Мршевић-Радовић 2005: 225–228.

се за своје право на рад и због тога су хапшени, гласно су се бунили и стога се и данас сматрају бучним народом.²²

3.4. Више студија написано је о идентитету²³ етнонима Влах (Сикимић 2002: 187–203, Кнежевић 2009: 259–365), а неке од њих обрађују фразолошке јединице с компонентом *Влах*, *влашки* (Шипка 2008: 41, Пејановић 2013: 87–98, Мутавцић 2008: 297–302). У нашој грађи забележили смо неколико примера од којих издвајамо: *држати се (стијајати) као влашка (сеоска, сељачка, банайска) млада* у значењу ‘држати се укочено, усиљено, неприродно, збуњено’; *да се Власи не сеише (досеише)* у значењу ‘прикрити право стање’; *измесишти (смоишти) некога као Влах ишти* у значењу ‘пребити, измлатити некога’; *чудити се као влашка млада* у значењу ‘веома се чудити, снбивати се’; *исује као Влах с коца* у значењу ‘изговара најтеже и најпогрдније псовке’; *влашка (циганска) жодина* у значењу ‘врло дуго време’.

Фразеологизам *исује као Влах с коца* не бележе фразеолошки речници српског језика (Matešić 1982; Оташевић 2012), ни *Речник српскохрватског књижевног језика* Матице српске, као ни *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* Српске академије наука и уметности. Након што је забележен у Караџића (1849: 266) с објашњењем: „Псује као Влах с коца. Јер чоек који је набијен на колац не бојећи се никаква већег зла псује Турцима шта му на уста дође, не би ли га убили.”, о њему се, и његовој варијанти *одговарати (коме) као Влах с коца* у значењу ‘дрско, осорно одговарати’, поново говори у Шипка (2008: 41). Битно је истаћи да лексема *Влах*²⁴ овде означава православца (Србина). Сам настанак фразеолошке јединице односи се на период владавине Турске царевине и на суров начин кажњавања (Срба) набијањем на колац.

3.5. Фразеологизме с компонентом *Жидов*²⁵: *Žid* бележимо у грађи српског језика прикупљеној из Вуковог *Рјечника* (1849): *Вечни жид*, *За оно што је било не да Чивуџин ни динара*, *Избуљо очи као сарајаевски Чифуџин*, *Кад Чивуџин осиромаше он времеће шефџере*, *Очејио Чивуџина*, *Пролазији као крај иџурског (џифуџског) гробља*, *Скинуји се као Чифуџин*

²² В. текст *Krive drine bez suvišnih zašto* на сајту Peščanik <http://pescanik.net/krive-drine-bez-suvishnih-zasto/>

²³ Сикимић (2002: 187) сматра прихватљивом концепцију Д. Димитријевића о двоструком идентитету Влада: румунски идентитет изражен у оквиру румунске / влашке заједнице и српски идентитет који Власи / Румуни имају ван те заједнице. С друге стране, Кнежевић (2009: 259–365) издваја три доминантне хипотезе о настанку и пореклу Влада: покушај румунизације свих Влада Балканског полуострва, келтска инвазија на Балканско полуострво и њен значај на стварање аутентичног влашког субстрата, учестале и масовне миграције становништва, пре свега за време турске инвазије, које су оформиле етничке структуре становништва Источне Србије.

²⁴ О значењу лексема *Влах* уп. РМС 1: 349 и РСЈ: 158.

²⁵ Други називи за Жидова у српском језику јесу Јеврејин и Чивот.

у *авру*. Међутим, мишљења смо да прикупљене јединице нису у активној употреби говорника српског језика, те им нећемо посветити додатну пажњу у овоме раду.²⁶ Из словачког језика издвојићемо неколико примера: *trhuje sa ako žid* у значењу ‘много се цењкати’; *horší od žida* у значењу ‘веома шкрт’; *je tu ako v židovskej škole* у значењу ‘веома бучно’. Фразеологизму *Uteká od toho ako žid* на семантичком плану одговара српски еквивалент *Бежаићи од нечеџа / некоџа као ђаво од крстиа* у значењу ‘избегавати сваки додир с неким или нечим; упадљиво, упорно избегавати’. У словачком језику два поредбена фразеологизма описују шкрту особу *skúpy ako žid* и *lakomý ako Škót*, од којих је први забележен у речницима, а други са етнонимском компонентом *Škót* користи се у разговорном дискурсу.

3.6. Адјективне деривате етнонима *Tatár*: *Tatár* налазимо у кухињским терминима, попут *tatársky biftek*, *tatárska omáčka*. Из семантичке перспективе посебно интересантним чини нам се метафоричко секундарно значење глаголског деривата насталог од етнонима *Tatár*: *roztatárit’* у значењу ‘нешто изгубити, разбацити, протраћити’.²⁷

4. Уколико посматрамо фразеолошко-семантичка поља фразеологизама који у свој састав укључују компоненту етнонима, можемо их поделити у неколико група²⁸:

а) карактер човека и његово деловање, на пример, неумереност у пићу: *Ľudia ako Rus = pit’ ako Rus (Dán)*, неумереност у пушењу: *Ľudia ako Turčin = fajčiť ako Turek*, лажљивост: *Ľudia ako Turčin (Cigán) = klamať ako Cigán*, слух за музику: *svirať cigánski*, глад: *Cigáni tu v bruchu vyhrávajú (klince kujú), Teší sa v ňom ako Cigán v prasati*; прецизност: *Ľudia ako <швајцарски> saň = presný ako <švajčiarske> hodiny (hodinky)*, крадљивост: *Cigána netreba učiť kradnúť*, неразумљив говор: *hovoriť ako Talian (Maďar)*;

б) изглед човека, на пример, боја коже: *črný ako Cigán = tmavý (opálený) ako cigán*;

в) социјални положај, на пример, сиромаштво: *robiť cigána*, задуженост: *gужан као Грчка*;

г) време, на пример: *циганско лето (михољско, бабље) = cigánske (babie) leto*, влашка (циганска) *жодина*.

5. На основу анализираних грађе закључујемо да је прикупљен највећи број фразеолошких јединица с компонентом *Циган(ин)*, *цигански*: *Cigán*, *cigánsky*; забележени су, очекивано, потпуни или делимични еквиваленти интернационалних фразеологизама; у највећој мери

²⁶ Осим *јеврејске клејве* „Дабогда имао, па немао”.

²⁷ Више о етнониму *Tatár* и његовим дериватима в. Králik 1998: 227–236.

²⁸ Због оквира рада дајемо поделу репрезентативних примера.

приказане су негативне особине етника, веома мало позитивних или неутралних (нпр. *шаџан као <швајцарски> саџи = presný ako <švajčiarske> hodinu (hodinky)*; *шурски сег = sedieť ako Turek; sedieť po turecky*). Ипак, да фразеологија не памти само негативне стереотипе, већ чува и рефлектује побољшање међуљудских и суседских односа, показује нам пример *Uhor (Maďar) brat, Nemec švager, Cigán kmotor, Žid sused* (Dobříková 2014: 110). Посебно интересантним за наше истраживање чине се етнонимске компоненте заступљене само у фразеолошким јединицама једног језика (*Босанац, Влах, влашки, Грк, српски, Црногорац, црногорски, Maďar, Talian, Tatár, Škót, Žid*). Нисмо забележили фразеологизме који сведоче о међусобним односима Словака и Срба, иако је могуће да извесни стереотипи постоје, на пример, у дијалекатској фразеологији Словака који живе у Војводини. Ексерципирана грађа може се поделити у неколико општих група (даље дељивих) на основу фразеолошко-семантичких поља: карактер човека и његово деловање, изглед човека, социјални положај, време. Овим радом желели смо да дамо мали допринос фразеолошкој анализи српског и словачког језика и укажемо на који се начин перцепција о себи, односно другима одражава у фразеолошком фонду двају језика, и у култури српских и словачких етнокултурних заједница.

Коришћена литература

- Ајдачић, Д., Непоп Ајдачић, Л. 2015. *Поредбена српско-украјинска фразеологија*. Београд: Алма.
- Бартмињски, Ј. 2011. *Језик – слика – свет: етнолингвистичке студије*. Београд: SlovoSlavia.
- Благојевић, Г. 2009. „Савремени стереотипи Срба о Кинезима: *Кад кажеш Кина, мислим Блок 70 или ...*”, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, бр. 128, Нови Сад: Матица српска, с. 47–61.
- Братанова, Б. 2013. „Между истока и запада - национални стереотипи в българската фразеология.”, *Славянските етноси, езици и култури в съвременния свят*, Велико Търново и Уфа: Университетско издателство “Св. св. Кирил и Методий”. Доступно на <http://www.uni-vt.bg/pages/6305/uplft/dok-bash-6.1.pdf>
- Бугарски, Р. 1997. *Језик у контексту*. Београд: Чигоја штампа, XX век.
- Вуловић, Н. 2015. *Српска фразеологија и религија. Лингвокултуролошка истраживања*. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- Драгићевић, Р. 2010. *Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Дракулич-Прийма, Д. 2010. „О некоторых сербских фразеологизмах с компонентом национальностей”, *Phraseologie und Text*, XXXVI, II internationalen wissenschaftlich-metodischen Konferenz Fakultät für Philologen und Kunst

- der Staatlichen Universität Sankt Petersburg, Materialien, Sankt Petersburg, Greifswald, с. 58–66.
- Кравчук, А. 2009. „Стереотип Поляка у мовній свідомості української молоді”, *Вісник Львівського університету. Серія філологічна*. Львів : ЛНУ ім. І. Франка, Вип. 48, с. 212–222.
- Кнежевић, А. 2009. „Прилог етнодемографском проучавању Влаха Источне Србије – неколико приступа питању етничког порекла влашког становништва”, *Територијални аспекти развоја Србије и суседних земаља*, Београд: Универзитет у Београду, Географски факултет, с. 259–365.
- Љубоја, Г. 2001. *Етнички хумор XX века у хумористичкој штампи Србије*, Београд: Етнографски музеј.
- Мршевић, Д. 1984. „Етимологија фразеолошке јединице и лексикографска пракса”, *Лексикографија и лексикологија*, Нови Сад – Београд: Матица српска, Одељење за књижевност и језик, Институт за српскохрватски језик, с. 103–108.
- Мршевић-Радовић, Д. 2005. „Дужан као Грчка”, *Братство* 8, Београд: Друштво Свети Сава, с. 225–228.
- Мршевић-Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Мутавић, П. 2008. „О етнониму Власи као Србима”, *Зборник Матице српске за славистику*, бр. 74, Нови Сад: Матица Српска – Одељење за књижевност и језик, с. 297–302.
- Пејановић, А. 2013. „Вукове Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи као фразеолошки и етнокултурни зборник”, *На извору Вукова језика*, Жабљак, с. 87–98.
- Поповић, Љ. 2008. *Језичка слика стварности: когнитивни аспект контрастивне анализе*. Београд: Филолошки факултет.
- Рибарова, С. 2011. „Етничкиот стереотип врз примери од македонската, чешката и хрватската фразеологија”, *Спектар* бр. 58, Книга II, Скопје, с. 355–362.
- Ристић, С., Лазић-Коњик, И. 2016. „Стереотип о Србима”, *Срби и српско*, Београд: Алма, с. 19–49.
- Сикимић, Б. 2002. „Етнички стереотипи о Власима у Србији”, *Културни и етнички идентитети у процесу глобализације и регионализације Балкана*, JUNIR 9, Ниш: Центар за балканске студије, с. 187–203.
- Фекете, Е. 1996. „Топонимски елементи у српскохрватским фразеолошким секвенцама”, *Ономатолошки прилози*, 12, Београд, с. 23–30.
- Antoniјевић, D. A. Banić Grubišić A. 2013. „«Mape stereotipa» kao duhovito-opaki proizvod: folklorizacija i komercijalizacija etničkih predrasuda u internet prostoru”, *Antropologija* 13, sv. 1, Beograd: Filozofski fakultet, s. 137–153.
- Dobříková, M. 2001. „Antroponymá v slovenskej a bulharskej frazeológii”, *K aktuálnym otázkam frazeológie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, s. 88–97.
- Dobříková, M. 2003. „Antroponymický komponent v slovenskej a slovinskej frazeológii”, *Frazeologické štúdie* 3. Bratislava: Stimul, s. 26–32.

- Dobríková, M. 2014. *Vlastné meno ako komponent slovenských a bulharských frazém*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Dolník, J. 2011. „Lingvistická xenoslovakistika”, *Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach*. Eds. Ľ. Žigová – M. Vojtech. Bratislava: Univerzita Komenského, s. 25–33.
- Dolník, J. 2014. „Cudzosť v slovenskom prostredí”, *Studia Academica Slovaca* 43, Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, s. 179–195.
- Dudeková, G. 2012. „Etnické stereotypy v období nacionalizmu: problémy a výzvy. (Úvod)”, *Forum historiae*, roč. 6, č. 2, s. 1–14.
- Košková, M. 2006. „Etnické koncepty v jazyku (na bulharskom a slovenskom materiáli)”, *Slavica Slovaca*, 41/1, Bratislava: Vydavateľstvo Matice slovenskej, s. 17–31.
- Králik, Ľ. 1998. „O význame etnonyma *Tatár* a jeho derivátov v slovenčine”, *Varia VII*, Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, s. 227–236.
- Lipmann, W. 1922. *Public opinion*. New York: Harcourt, Brace and Company.
- Mlacek, J. 1981. „Ustálené spojenia s vlastným menom”, *Kultúra slova*, roč. 15, č. 8, s. 264–270.
- Mlacek, J. 2001. *Tvary a tváre frazém v slovenčine*. Studia Academica Slovaca, Bratislava: STIMUL.
- Opašić, M. 2014. „Biblijski onimi u hrvatskome jeziku”, *Folia onomastica Croatica* 23, Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, s. 185–208.
- Orgoňová, O., Bohunická, A., Faragulová, A. 2014. „Medzi črepinami trinástej komnaty rómskeho diskurzu (etnolingvisticko-xenologická interpretácia)”, *Studia Academica Slovaca* 43, Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, s. 302–316.

Извори:

- Карацић, В. 1849. *Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи*. Издао их Вук Стеф. Карацић у Бечу.
- Клајн, И., Шипка, М. 2008. *Велики речник страних речи и израза*. Нови сад: Прометеј.
- Оташевић, Ђ. 2012. *Фразеолошки речник српског језика*. Нови Сад: Прометеј.
- Речник српскога језика*. Ур. Милица Вујанић и аутори, Нови Сад: Матица српска, 2007.
- Речник српскохрватскога књижевног језика*. Уређивачки одбор Михаило Стевановић и др. I–VI, Нови Сад: Матица српска (и Матица хрватска за књиге 1, 2 и 3), 1967–1976.
- Шипка, М. 2008. *Зашто се каже?*. Нови Сад: Прометеј.
- Fink Arsovski, Ž. et al. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: Knjigra.
- Habovštiaková, K., Krošláková, E. 1996. *Frazeologický slovník. Člověk a příroda vo frazeológii*. Bratislava: Veda.

- Matešić, J. 1982. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Skladaná, J. 2012. *Ukryté v slovách. Trinásta komnata a 131 tajomných slovných spojení*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá.
- Skok, P. 1988. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Knjiga druga. K – poni. Zagreb: Jugoslovenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Slovník slovenského jazyka*. Red. Š. Peciar, Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959–1968.
- [online] словачки речници доступни на: <http://slovníky.juls.savba.sk/>
- Smiešková, E. 1988. *Malý frazeologický slovník*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Spasić, Ž. 1989. *Frazeološki slovačko-srpskohrvatski rečnik*. Novi Sad: Filozofski fakultet, Institut za južnoslovenske jezike.
- Záturecký, P. A. 2005. *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. Bratislava: Slovenský Tatran.

Kristina ĐORĐEVIĆ

ETHNIC STEREOTYPES IN SERBIAN AND SLOVAK PHRASEOLOGY

Summary

This paper analyzes selected examples of phraseological units that include the component of ethnonyms: *Босанац, Влах, влашки, Грк, Енџлез, Жигов, Кинез, кинески, Рус, српски, Турчин, џурски, Циџан(ин), циџански, Црноџорац, црноџорски, Шваба, швајцарски, шћански; Angličan, Cigán, cigánsky, Dán, Maďar, Nemec, Rus, španielsky, švajčiarsky, Talian, Tatár, Turek, turecký, Škót, Žid*. The author contrasts the phraseological units at the semantic level in Serbian and Slovak language showing similarities and differences in the linguistics, phraseological image of the world. Analyzed material is divided into two groups: 1. phraseological units with the same component in both languages and 2. phraseological units with the ethnic component represented only in one language. Excerpted material can also be divided into several groups based on phraseological-semantic fields: the characteristics of man and his work, the human appearance, the social position, the time.

Марина Ю. КОТОВА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (В АСПЕКТЕ ИМАГОЛОГИИ)

Тезисы: Цель доклада: используя методы сопоставительного анализа показать роль имени собственного в составе пословицы в аспекте имагологии. Даются параметры материала, выбранного для исследования: паремиологический минимум русского языка Г. Л. Пермякова и его отражение в славянских языках (на материале опубликованных результатов социолингвистического паремиологического эксперимента автора доклада, проведенного в начале XXI века в Белоруссии, Болгарии, Польше, Сербии, Словакии и Чехии). Указывается на малочисленность в современных славянских языках употребительных пословиц с именами собственными, например: русск. *На бедного Макара все шишки валятся*; болг. *Петима Петка не чакат*; словац. *Aká matka, taká Katka*; чеш. *Když nejde Mohamed k hoře, musí hora k Mohamedovi* и др. В заключении выдвигается тезис о том, что имя собственное в пословице, как правило, является маркером межъязыковой паремиологической лакунарности, которая показательна при имагологическом анализе пословицы.

Ключевые слова: современные славянские пословицы, имена собственные, социолингвистический эксперимент, лакунарность, имагология

В компонентном составе русских пословиц, включенных Г. Л. Пермяковым в 70-е гг. XX в. в паремиологический минимум русского языка, количество имен собственных очень незначительно. Это пять имен людей (личных имен): *Ерема, Магомет, Макар, Федот, Фома* и два топонима-астионима (названия городов): *Киев, Москва*.

Для анализа параллелей русских пословиц с указанными именами собственными нами были избраны опубликованные результаты собственного социолингвистического паремиологического эксперимента начала XXI в., проведенного в Болгарии, Словакии и Чехии среди носителей болгарского, словацкого и чешского языка. Позднее, в 2013-2017 гг. эти

результаты были нами актуализированы через Интернет-поиск контекстных употреблений всех вариантов пословиц, предложенных информантами. Такая проверка способствовала выявлению «живого», употребительного инварианта каждой из указанных информантами пословицы. В данном докладе приводятся эти инварианты.

Единственное личное имя из приведенного выше короткого списка личных имен, которое фигурирует во всех пословицах рассматриваемых языков – русского, болгарского, словацкого и чешского, – это *Магомет* (болг. *Мохамед*, словац. *Mohamed*, чеш. *Mohamed*):

рус. *Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе* '(об установлении контакта между двумя людьми) Первый шаг к сближению делает тот, кто более мобилен в своих действиях и находится в лучших для этого условиях' – болг. *Когато планината не отива при Мохамеда, Мохамед отива при планината* (этот вариант указали 55 % респондентов), словац. *Keď nejde hora k Mohamedovi, ide Mohamed k hore* (данный вариант указан наибольшим количеством информантов – 42 %) – чеш. *Když nejde hora k Mohamedovi, musí Mohamed k hoře* (45 % информантов привели именно эту концовку пословицы) (Котова 2000: 43; Тетради паремииографа. Выпуск 1 : 114; Тетради паремииографа. Выпуск 3: 126; Тетради паремииографа. Выпуск 2: 119).

В нашем материале есть две русские пословицы, включающие имена собственные, к которым выявлены современные пословичные соответствия с другими личными именами в указанных языках:

А) только в болгарском с использованием личного имени *Илия* для одной русской пословицы: «*Федот, да не тот* 'Употребляется в том случае, когда кого-либо по ошибке приняли за другого человека' – болг. *И той Илия, ама не от тия*» (Котова 2000: 166);

Б) в двух языках – словацком и чешском – для одной русской пословицы *Я ему про Фому, а он мне про Ерему* 'Говорят тому человеку, который совсем не улавливает суть разговора и отвечает не впопад, совсем на другую тему' (Котова 2000: 167): словац. *Ja o Havlovi, ten o Pavlovi* (Тетради паремииографа. Выпуск 3: 95); чеш. *Petr na Pavla, a Pavel na Petra* (Тетради паремииографа. Выпуск 2: 186).

В этих примерах пословичного русско-инославянского параллелизма проявляется свойство фрагментарной паремииологической лакунарности (Котова 2016). А именно: выше были приведены русско-болгарская, русско-словацкая и русско-чешская пословичные параллели, которые являются знаками тождественных ситуаций, то есть обладают тождественным сигнификативным планом, но различаются в коннотативном аспекте своей семантической структуры из-за несовпадения внутренней формы, выраженной при помощи разных национальных личных имен. Такую

фрагментарную лакуарность можно обозначить как относительную на фоне более ярко выраженной абсолютной фрагментарной лакуарности, при которой в параллельных пословицах имя собственное не употребляется.

В рассматриваемом материале есть русская пословица *На бедного Макара все шишки валяются* 'Говорят сочувственно о том, кого часто несправедливо обвиняют во всех происшествиях' (Котова 2000: 89). По нашим результатам в современном болгарском языке этой русской пословице соответствует малоупотребительная пословица *С черен повой е повиван* (Тетради паремиографа. Выпуск 1: 207), в словацком языке - также пословица с низкой употребительностью *Dobrého koňa najviac bijú* (Тетради паремиографа. Выпуск 3: 75); в чешском языке пословичная параллель не выявлена. В семантической структуре указанных болгарской и словацкой пословичных параллелей русской пословицы имеется только одна общая с исходной русской пословицей сема - 'о чрезмерном незаслуженном наказании несчастного объекта'. Поэтому в данном случае, по отношению к русской пословице *На бедного Макара все шишки валяются*, можно обозначить паремиологическую фрагментарную лакуарность в болгарском и словацком языках и полную паремиологическую лакуарность в чешском языке.

Рассматривая один сегмент корпуса болгарских, словацких и чешских пословиц, который квалифицируется нами как отражение русского паремиологического минимума (см., например, Kotova 2015; Kotova, Raina, Sergienko 2017), а также для создания общей объективной картины использования имен собственных в этих языках, приведем пословицы, которые имеют в своем компонентном составе имя собственное, но выступают в качестве параллелей к русским пословицам, среди компонентов которых имен собственных нет:

1. Болгарские пословицы с личными именами *Манго*, *Петко*:

«*Посмали, Манго* (15 инф.) Сигурно авторката вече съжали, че е пуснала темата. Имаше една приказка за посмали манго.

Посмали Манго, посмали (2 инф.) “Посмали Манго, посмали” – има една такава приказка. Щом си толкова “голям” учен, защо никой институт в София не желае да те приме на работа» (Тетради паремиографа. Выпуск 1: 194).

Пословицы употребляются в качестве шутильной просьбы быть более реалистичным.

Параллельная русская пословица *Врать ври, да знай меру* (Котова 2000: 91) является примером фрагментарной паремиологической лакуарности по отношению к яркой болгарской пословице *Посмали, Манго*, которая связана по происхождению со сказкой: «*Посмали, Манго*,

посмали. Не лъжи чак толкова! (казва се на някого, когато прекали с лъжите си). /.../ От приказката за циганина, който, като ходил в гората за дренки, го дострашало и избягал, а когато се върнал в селото, казал, че видял там триста мечки, на което другите му отговорили «посмали Манго!»; тогава той казал, че били сто, десетина и накрая си признал, че «шумка шумна, Манго трепна». (Д. Вълчев. Пословици от Дупнишко, СбНУ, X, 1894, с.190) (Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 161).

В нашем материале есть две употребительные болгарские пословицы с личным именем *Петко* и их инославянские пословичные параллели, не содержащие среди компонентов личных имен. Поиски пословичных параллелей к этим болгарским пословицам приводят к выводу о наличии двух разных видов пословичной лакуарности по отношению к ним не только в русском, но и в других славянских языках.

Приведем первую из них как пример абсолютной фрагментарной паремиологической лакуарности: болг. *Петима Петка не чакат* – рус. *Семеро одного не ждут* – словац. *Kto neskoro chodí, sám sebe škodí* – чеш. *Kdo pozdě chodí, sám sobě škodí* (Котова 2000: 59). Вторая пословица и ее русская параллель также демонстрируют абсолютную фрагментарную лакуарность: болг. *Сърдитко Петко празна му торбата* – рус. *На сердитых воду возят* (Тетради паремиографа. Выпуск 1: 216). Отсутствие словацких и чешских пословичных параллелей к этой болгарской пословице говорит о полной паремиологической лакуарности в чешском и словацком языках по отношению к этой болгарской пословице (Котова 2000: 139).

2. Словацкие и чешские пословицы с личным именем *Katka* и их пословичные

соответствия в русском и других славянских языках также являются примером фрагментарной паремиологической лакуарности.

Приведем словацкую пословицу и чешскую пословицу с этим личным именем в том виде, как они описаны в наших «Тетрадах паремиографа. Выпуск 3» и «Тетрадах паремиографа. Выпуск 2»:

«*Aká matka taká Katka* (/1-6, 8-100/ – 99 инф.) *Aká matka, taká Katka?* Herečky chcú vyzerat' ako ich dcéry Hollywoodske hviezdy sú až natoľko zaujaté bojom s časom, že pozabudli na to, ako vyzerajú popri svojich ratolestiach. Ср. рус. *Яблоко (Яблочко) от яблони недалеко падает*. Язвительное (недоброжелательное) замечание по поводу сходства дочери (сына) и матери (отца) (РССПАС, 178)» (Тетради паремиографа. Выпуск 3: 14);

«*Jaká matka, taková dcera*. (42 инф.) – См. *Jablko nepadá daleko od stromu*. *Jaká matka – taková dcera*. Dívky jsou natolik ovlivněny výchovou a chováním svých rodičů, že v dospělosti kopírují při výchově dětí především

své vlastní matky. A využívají i takové praktiky, které se jim samotným kdysi nelíbily.

Jaká matka, taká Katka (22 инф.) Jaká matka, taká Katka? Jaký otec, takový syn? Proč říkáme, že nikdy nechceme být jako naše matka nebo náš otec a proč nakonec vypadáme a taky se chováme úplně stejně jako oni? Dá se vůbec dělat něco, abychom tomu předešli? A jak neopakovat chyby, za něž kritizujeme rodiče?

Jaká matka, taková Katka (6 инф.) Jaká matka, taková Katka? V případě Báry to neplatí. Celebrity v článku: *Bára Nesvadbová*» (Тетради паремииографа. Выпуск 2: 71) (ср. рус. *Яблоко от яблони недалеко падает*).

Русские имена собственные-топонимы (астинимы) *Киев*, *Москва* используются в трех пословицах паремииологического минимума русского языка Г. Л. Пермякова: *Язык до Киева доведет, И Москва не сразу строилась, Москва слезам не верит* (Котова 2000: 179; 98).

В болгарском материале этим русским пословицам соответствуют две: с астинимом *Москва* и *Цариград*: рус. *Москва слезам не верит* - «*Москва на сълзи не вярва* (31 инф.) Но дали ще успее този път Бойко Борисов или по-точно дали ще му повярва Русия в неговата невинност, защото Москва на сълзи не вярва? « (Тетради паремииографа. Выпуск 1: 143). Русской пословице *Язык до Киева доведет* соответствуют частотная болгарская пословица с астинимом *Цариград* и малоупотребительная словацкая пословица с астинимом *Rím*:

«*С питане до Цариград се стига* (90 инф.) Аз разсъждавам така: мен ми трябва джаджа за навигация като пътувам насам-натам, сметнал съм, че ми се ще да ползвам машинка вместо карта и питане (макар че с питане до Цариград се стига), искам джаджата да има лесен интерфейс и да работи качествено и надеждно. По-задълбочени анализи само ме объркват» (Котова 2000: 179; Тетради паремииографа. Выпуск 1: 207); словац. *S jazykom sa do Ríma dostaneš* (Тетради паремииографа. Выпуск 3: 228). В чешском языке наблюдается фрагментарная паремииологическая лакунарность в отношении русской пословицы *Язык до Киева доведет*: чеш. *Líná huba – hotové neštěstí* (Котова 2000: 179; Тетради паремииографа. Выпуск 2: 138).

Вывод: как показал наш материал, личные имена и астинимы в компонентном составе пословицы, как правило, являются маркерами одного из трех видов межъязыковой паремииологической лакунарности (полной, относительной фрагментарной или абсолютной фрагментарной). С другой стороны, явление паремииологической лакунарности открывает определенную перспективу при иматологическом анализе пословицы.

Использованная литература

- Котова М. Ю. 2000. *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями* / Под редакцией проф. П. А. Дмитриева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Котова М. Ю. 2016. «О межславянской паремиологической лакунарности (на материале чешских пословичных параллелей русского паремиологического минимума)», *Филологические науки. Вопросы теории и практики* Т. 2, № 4 (58), 103-105.
- Ничева К., Спасова-Михайлова, Чолакова Кр. 1975. *Фразеологичен речник на българския език. Том втори О –я*. София: Издателство на Българската академия на науките.
- Тетради паремиографа. Выпуск 1*: Болгарские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, А.А. Колпакова, О. В. Раина; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
- Тетради паремиографа. Выпуск 2*: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
- Тетради паремиографа. Выпуск 3*: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума / М. Ю. Котова, О. С. Сергиенко, О. Н. Тарараева; под редакцией М. Ю. Котовой. – СПб.: Политехника-принт, 2017.
- Kotova M. Y. 2015. «One Segment of the Bulgarian-English Paremiological Core / Один сегмент болгаро-английского паремиологического ядра», *Russian Linguistic Bulletin*, № 4(4), 47-48.
- Kotova M. Y., Raina O. V., Sergienko O. S. 2017. «On the Way to the Multilingual Dictionary of Proverbs: Sociolinguistic Experiment and Internet Resources», *ASSEHR: Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, Vol. 72, 176-179.

Marina YU. KOTOVA

PROPER NAMES IN MODERN SLAVIC PROVERBS
(in the Aspect of Imagology)

Summary

The purpose of the paper: with the methods of comparative analysis to show the role of proper names in the structure of Proverbs in the aspect of imagology. This study is based upon the paremiological minimum of the Russian language of G. L. Permyakov and its reflection in the Slavic languages (from the published results of sociolinguistic paremiological experiment of the author of the report conducted in the beginning of XXI century in Belarus, Bulgaria, Poland, Serbia, Slovakia and the Czech Republic). As a conclusion, there is a statement that a proper name in the structure of a proverb usually marks one kind of interlanguage paremiological lacunarity, which is significant for the imagological analysis of Proverbs.

Наталья ЛАПАЕВА-РИСТЕСКА

Филологический факультет им. Блаже Конеского
Университет Св. Кирилла и Мефодия
Скопье, Македония

**«... И, КАК БОГИ, АВЕЛЬ И КАИН –
СЕМЯ НАШИХ ИЗВЕЧНЫХ ТАИН»:
ОНИМЫ *АВЕЛЬ* И *КАИН*
В ПОЭЗИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ**

Тезисы: В статье анализируются стихи русских поэтов первой волны эмиграции (Владимир Смоленский, Довид Кнут, Валерий Перелешин и др.), в которых встречаются онимы *Авель* и *Каин*. Доказывается, что, обращаясь к библейским онимам *Авель* и *Каин* в своей лирике, поэты-эмигранты высказывали свое отношение к событиям истории (братоубийственной Гражданской войне в России, например), представляли свои моральные ценности и антиценности, выражали свои философские взгляды (о Боге, о диалектике Добра и Зла и др.).

Ключевые слова: поэзия русской эмиграции первой волны, антропонимы в библеизмах, трансформация смысла, художественная аксиология

Рассказ об Авеле и Каине приводится в 4 главе Книги Бытия и больше нигде в ветхозаветной части Библии не упоминается.

Протицируем главную часть этого рассказа: «1. Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина. 2. И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец. 3. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, 4. и Авель также принес от первородных стада своего. И призрел Господь на Авеля и на дар его, 5. а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. 6. И сказал Господь Бог Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твоё? 7. Если делаешь доброе, то что не поднимаешь лица? А если не делаешь доброго, то у твоих дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним. 8. И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. 9. И сказал Господь Бог Каину: где Авель, брат твой? Он сказал:

не знаю; разве я сторож брату моему? 10. И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; 11. и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; 12. когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. 13. И сказал Каин Господу Богу: наказание мое больше, нежели снести можно; 14. вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле, и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. 15. И сказал ему Господь Бог: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его...» (Ветхий Завет. Бытие. Глава 4).

Как видим, рассказ о Каине и Авеле в Книге Бытия – лапидарный, почти тезисный, но необыкновенно впечатляющий.

Как явствует из текста Библии, после того, как Адам и Ева были изгнаны из рая, у них родились сыновья – Каин, ставший впоследствии земледельцем, и Авель, который стал пастухом. Каин принес в дар Богу от плодов земли, Авель же принес в жертву первородных животных своего стада. Каин, рассердившись, что Бог отдал предпочтение жертве Авеля, убил своего брата. Преступление свершилось, но всемилостивый Господь и тут не лишает несчастного Каина последней надежды на прощение. Он задает ему вопрос: «Где, Авель, брат твой?», тем самым давая ему возможность признаться в содеянном и принести покаяние. Но когда Бог спросил Каина: «Где Авель, брат твой?» – тот ответил: «Разве я сторож брату моему?» В вопросе всезнающего Бога «где Авель, брат твой?» содержится призыв к тому, чтобы Каин исповедал свой грех, а ответ Каина «не знаю; разве я сторож брату моему?» есть свидетельство дерзкого отношения Каина к Богу и отказа раскаяться. Значит, грех уже всецело овладел убийцей. Отвечая, что не знает, где его брат, он лжёт самому Богу, тем самым окончательно порывая с ним. Бог наказывает Каина проклятием: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле», но при этом метит его «Каиновой печатью», чтобы никто его не убил.

Особенно важно, что в рассказе о Каине и Авеле содержится тема моральной ответственности. Когда Каин начинает завидовать брату, Бог говорит ему: «Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Это первое появление слова «грех» («хет») в Библии. История Каина и Авеля дана человечеству, возможно, для того, чтобы оно задумывалось о побудительных причинах, толкающих на преступление, осознавало ответственность за свои поступки и необходимость противостояния греху, а также понимало, что расплата за содеянное неизбежна.

Каин и Абель – история двух братьев, родных по крови, но столь различных по своему душевному устройению. Единоутробные братья Каин и Абель стали символами греха и праведности.

Грех Каина особенно поражает воображение, потому что это не просто убийство, но братоубийство. В Новом Завете эта тема находит свое продолжение. В христианской экзегетической традиции Абель – это *typos* (прообраз) Христа, смерть Авеля – предвестие смерти Христа на кресте.

Имя Каин стало нарицательным для злобного, завистливого человека, способного на подлости по отношению к самым близким людям.

Смысл истории о Каине и Авеле чрезвычайно глубок и настолько поразил и поражает человечество, что интерпретации этого сюжета в мировой культуре и искусстве имели бесконечное продолжение и никогда не прекращались. Обращались к ней и русские поэты-эмигранты первой волны. В русской зарубежной поэзии 1920-30-х годов образы Каина и Авеля есть проекция философских раздумий поэтов. Эти образы отражают особенности восприятия поэтами мира, тревожного и непростого. Кроме того, они являются выражением их художественной аксиологии. Рассмотрим некоторые из текстов представителей русской эмигрантской поэзии первой волны, в которых встречаются онимы Каин и Абель.

В творчестве «русского парижанина» Владимира Смоленского находим короткое, но ёмкое стихотворение:

И не прощённо, не раскаянно,
В гордыне, ужасе и зле
И в страхе бродит племя Каина
По русской авельской земле. (Смоленский 2001: 42)

Стихотворение проникнуто социальными мотивами. Образ Каина связан с восприятием исторической реальности – событий русской истории: революции и Гражданской войны. «Племя Каина», по Смоленскому, – это большевики и те, кого называли красными. Реальность представляется поэту трагической, страшной, кровавой.

Важно также иметь в виду, что стихотворение содержит в себе и автобиографическое начало. Кирилл Померанцев, близко знавший Смоленского, писал: «За все годы нашей дружбы я не заметил – может быть, был недостаточно наблюдателен, – чтобы у Смоленского были враги. Единственно, кого он ненавидео, – это большевиков, убивших у него на глазах отца». Любовь к отцу и к отнятому большевиками прошлому – всегда в памяти поэта, о чем свидетельствуют пронзительные строки другого его стихотворения – «Стансы»: «Закрой глаза, в виденье сонном / Восстанет твой погибший дом – / Четыре белые колонны / Над розами и

над прудом. / <...> / Давно был этот дом построен, / Давно уже разрушен он, / Но, как всегда, высок и строен, / Отец выходит на балкон. / <...> / И чтоб ему прибавить силы, / И чтоб его поцеловать, / Из залы, или из могилы, / Выходит, улыбаясь, мать. / И вот, стоят навеки вместе / Они среди своих полей, / И, как жених своей невесте, / Отец целует руку ей. / А рядом мальчик черноглазый / Прислушивается, к чему – / Не знает сам, и роза в вазе / Бессмертной кажется ему» (Смоленский 2001: 35). Знание этого – биографического, «фамильного» – контекста углубляет и восприятие стихотворения «И не прощённо, не раскаянно...» Ненависть и кровь – это то, что, по мысли Смоленского, принесло в Россию «племя Каина». «Племя Каина» должно уничтожить все коренное русское – человека, веру, основы самой жизни. Слово «племя» несет вполне недвусмысленную смысловую нагрузку: оно обозначает что-то примитивно-«родовое», не просветленное духовностью и не поднявшееся над инстинктами и над законами «первобытной» ненависти.

Потомки Каина характеризуются как «нераскаявшиеся», «непрощённые», как и их «родитель». Они утонули в «гордыне, ужасе и зле». В восприятии Смоленского, именно они осквернили святую русскую землю, которая названа им «авельской», что ассоциативно рифмуется с «ангельской».

В творчестве Владимира Ходасевича, крупного поэта Серебряного века и впоследствии Русского зарубежья (жил в Париже), также можно найти обращение к образу Каина. Этот образ встречается в одном из стихотворений в сборнике эмигрантского периода «Европейская ночь» (1925). В «Европейской ночи» господствует тема «сумерек Европы», переживающей крушение цивилизации, создававшейся веками, и как следствие этого – «впавшей» в агрессию пошлости и обезличенности. Стихи «Европейской ночи» окрашены в мрачные или мрачно-ироничные тона. Ходасевич ощущает глухую стену непонимания, символизирующего не социальную, а общую бессмысленность жизни. «Европейская ночь» – опыт дыхания в безвоздушном пространстве, отражение мироощущения человека XX века. Стихи «Европейской ночи» воплотили трагический конфликт свободной человеческой души и враждебного мира. Всё это в полной мере относится и к стихотворению «Лежу, ленивая амёба...», в котором смыслообразующим, с нашей точки зрения, является образ Каина.

Лежу, ленивая амёба,
Гляжу, прищуря левый глаз,
В эмалированное небо,
Как в опрокинувшийся таз.
Всё тот же мир обыкновенный,

И утварь бедная все та ж.
Прибой размыленную пеной
Взбегает на покатый пляж.
Белеют плоские купальни,
Смуглеет женское плечо.
Какой огромный умывальник!
Как солнце парит горячо!
Над раскаленными песками,
И не жива, и не мертва,
Торчит колючими пучками
Белесоватая трава.
А по пескам, жарой измаян,
Средь здоровеющих людей
Неузнанный проходит Каин
С экземою между бровей. (Ходасевич).

В стихотворении передается экзистенциальное настроение автора. В атмосфере текста как будто «разлита» трагическая ирония, передающая разочарование автора миром. Мир «обыкновенный» уподоблен «огромному умывальнику». Его атрибуты – статичность и скука, невыносимые для поэта. По сути, потенциально красивый пейзаж – море, солнечный берег – поэт запечатлевает отталкивающе. Природа, хоть и приморская, лишена романтизма и красоты – «белесоватая трава» торчит «колючими пучками». Образ негармоничного и безобразного мира создается с помощью выразительно-оценочных снижающих деталей: пена прибоя – «размыленная», небо – опрокинувшийся «эмалированный таз». Мир заполнен ненужным и лишним – «бедной утварью». Ходасевич передал то, что можно назвать «экзистенциальной скукой». И концентрированным выражением этого настроения становится фигура Каина. Каин в передаче поэта – человек, уставший от жары, больной («с экземою между бровей»). Он находится между людей, но не узнан ими. Фигура Каина – будничная, обычная, отнюдь не злодейская, тем не менее она признана отразить глубочайшую разочарованность поэта действительностью, которая страшна ему своей пошлостью, профанным характером. Несмотря на то, что поэт прячется за иронические интонации, он чувствует безысходность, испытывает отчаяние, ощущает невозможность выйти из «круга».

Свою специфику имеет и обращение к образу Каина Вячеслава Лебедева, «пращанина», участника поэтических объединений «Скит» и «Звездный крен». О поэзии Лебедева еще один поэт русской эмиграции, тоже живший в Чехословакии, Алексей Эйсер писал: «Глубоко лирическая стихия поэзии Лебедева характеризуется одной основной чертой – каким-

то воздушным движением, вечным путешествием человека, его души, всего мира...» (Эйснер 2005: 73).

В отличие от Смоленского и Ходасевича, сконцентрировавших внимание на «греховном» Каине, Лебедев в стихотворении «Весы Авеля» делает главной фигуру «непорочного» брата – Авеля.

ВЕСЫ АВЕЛЯ

Ты оступаешь в тень своей судьбы,
Ты умолкаешь, бедный брат мой АVELЬ.
Слабеет день и гаснет без борьбы.
И дождь идет, по трубам шепелявя.

Ты остаешься в комнате без сна.
Костер времен еще горит над крышей,
И бледная столичная весна
Еще цветет, еще дрожит и дышит.

О, как легки часы любви твоей!
А в ветре был гортанный голос юга.
Он предлагал щемящий сок ветвей,
Лазурь небес, покой и руку друга.

Но жизнь тебе дана не для утех.
И тень весов скользит на небосводе,
Пока, синяя, дым твой выше всех
Над утренними трубами восходит. (Лебедев).

Стихотворение можно отнести к разряду стихов онтологического характера. Мир, в видении Лебедева, «двумирен»: в нем есть «город» как воплощение видимой реальности, в которой тяжело и трудно существовать, и «тень судьбы» как некое «инобытие». «Урбанистические» образы стихотворения («трубы»; неблагозвучие «шепелявящего» городского дождя; «комната», в которой томится всегда усталый человек города) оттеняют силу хрупкого, но прекрасного «авелиева» начала. В своем стихотворении Лебедев констатирует присутствие «авелиева» начала в мире. Для него оно выражается в весне, которая «дрожит и дышит»; в «ветре с юга», несущем воспоминания о «щемящем соке ветвей, лазури небес, покое и руке друга». Оно, это «авелиево» начало, включает в себя и ощущение связанности с историей: поэт как будто слышит голоса древних народов с их «гортанными» говорами, чувствует, что существует связь времен («костер

времен еще горит над крышей»). Абель слаб («ты отступаешь...»), но он – «брат» поэту. «Авелиевы весы», которыми поэт измеряет течение времени, – не явные и не очевидные, они – всего лишь «тень», однако они сильны. По ощущению поэта, они сильны потому, что – от неба и поднимают человека к небу: «тень весов» Авеля «скользит по небосводу», поднимается «выше», «синее» (известно, что синий цвет – особенный, метафизический, указывающий на его связанность с духовными небесами). «Весы Авеля» восходит над «городом» и, в соответствии с авторской поэтической логикой, дают ориентир человеку.

Поэзия представителя «парижской ноты» Довида Кнута была также направлена на поиски «непреходящего», «подлинного», «существенного», скрытого в течении «земной» жизни. Она религиозна, часто молитвенна. Кнут обладает своим особенным пониманием смерти и просветления. Кнут предстает поэтом, тяготеющим к философско-этической проблематике. И в стихотворении «Как соленая лодка рыбацкая...» эту философичность углубляют онимы *Абель* и *Каин*.

Как соленая песня рыбацкая,
Как бессонная лампа поэта,
Как зеленая сырость кабацкая –
Эта ночь без рассвета.

Как в горячей тени под терновником
Поджидающий Авеля – Каин,
Как улыбка слепого любовника –
Эта ночь городская.

Как безногого бодрость румяная,
Как неветхое слово Завета,
Как письмо о любви безымянное –
Эта ночь без ответа.

Как сирена, тоской пораженная,
Уходящего в даль парохода,
Эта ночь, – как гудок напряженная –
Эта ночь без исхода. (Кнут).

Перед нами – процесс создания поэтом образа ночи – особенной, судьбоносной, «бессонной». В ее «течении» происходит что-то очень важное. Этим «важным» может быть нечто животворящее, что отражает необычайно сильные токи жизни (любовь, творчество, «соленая песня

рыбацкая», «неветхое слово Завета»), а также драматическое («сирена ... уходящего в даль парохода») или трагическое (отчаяние, внезапно пришедшее понимание трагизм бытия, «ночь без исхода»). Имена *Авель* и *Каин* участвуют в создании необычайно «плотного» по смыслу пространства, в котором все напряжено, как струна. Минута, когда Каин поджидает Авеля «в горячей тени под терновником», воспринимается автором как совершенно особенная: ведь через мгновение случатся колоссальные по своей значимости события – предательства, убийства, а вместе с тем – рождения символа чистоты. Каин – символ «душного» зла; Авель несет в себе свет и чистоту. По внутреннему убеждению Кнута, Авель сильнее Каина. Образность стихотворения поэтически воплощает эту интуицию поэта.

Для творчества Аллы Головиной, жившей в Париже и в Праге, свойственны метафоричность, психологизм, исповедальность, субъективность. Есть в нем и цветаевское начало, обнаруживающее себя в страстности и искренности выраженных чувств.

В стихотворении «Если левая ручка – добро...» (1942) воплощена художественная аксиология поэтессы. *Авель* и *Каин* в нем – образы, маркирующие сферу вечных поисков моральных ценностей человека. Они связаны с попытками человека понять, что есть Добро и Зло.

Добра и зла, добра и зла -

Смысл, раскаленный добела.

Г. Иванов

Как правая и левая рука,

Твоя душа моей душе близка.

Но вихрь прошел, и бездна пролегла

От правого до левого крыла.

М. Цветаева

Если левая ручка – добро

И белее, чем серебро;

Холодна и нежней пера

И готова – подать с утра;

Если левая да ладонь

Говорит: не ласкай, не тронь.

Я – суженая, я – судьба.

Я перстами касаюсь лба, –

И прозрачайший перстенок,

Как болотный, горит огонек -

Не согреет и так далек, –

Подойдешь, а он – наутек...

То на правой моей руке,

Как на классной да на доске,
Нарисованный символ зла
Подымает конец крыла;
Правой ручкой бы только бить,
Подзывать, получать, теревить;
Сверху ручка моя – смугла,
Горяча и кольцо сняла.
Но пожатые таких десниц!
Но объятые бескрылых птиц!
Но присяга таких перстов!
И у флага: а ты готов?
И когда им сойтись, Адам?
Ты познаешь, а я отдам.
И, как боги, Абель и Каин –
Семя наших извечных таин. (Головина).

Стихотворение дает возможность составить представление о системе ценностей и антиценностей поэтессы, а также о понимании ею противоречивой человеческой природы. Стихотворению предпосланы эпитафии – лирические строчки Георгия Иванова и Марины Цветаевой. Уже в этих строчках эпитафий отражена дуальная природа мира – «добра и зла, добра и зла – смысл, раскаленный добела». Далее в своих собственных поэтических строках Головина противопоставляет Добро и Зло, которые располагаются, в ее изображении, соответственно в левой и правой руках человека. Появляется мысль о противоречивом соединении доброго и злого в человеке, о трудности бороться со злом в своем сердце, о том, что «Абель» и «Каин» как символы «безгреховности» и «греха» в душе человеческой являются чем-то нерасторжимым. Одновременно можно констатировать, что у Головиной есть ощущение того, что «авелиево» и «каиново» начала являются «семенами», из которых произрастают «тайны» – «вечных» проблем, «проклятых» вопросов, парадоксов поведения человека, его противоречивых мыслей и непредсказуемых поступков.

Обращение к образу Каина поэта дальневосточной эмиграции Валерия Перелешина содержит один из его опусов, входящих в книгу сонетов «Ариэль». Юрий Иваск писал о сборнике Перелешина «Ариэль»: «Книга посвящена Ариэлю – этим именем шекспировского духа воздуха он называет своего никогда не виденного друга: “Москвича”, “Евгения” или просто “Женю”. Любовь эта платоническая и, вместе с тем, очень страстная. Она явно обречена на неудачу. Но именно Ариэль – высшее достижение Валерия Перелешина, его удача в лирике, его акмэ. На низах: Ариэль – жуткий зоологический гибрид или гомункул, а на верхах – ему,

живому, не сделанному, Валерий Перелешин пропел свой сонетный аксиос (достоин). И в этом аксиологическом сонете есть жизнь, есть выстраданное и заслуженное здоровье, есть братская нежность, есть и счастье – увенчание того колдовства» (Иваск).

Обещание

Под прямотой таится кривизна,
Предательство – под возгласом привета:
В полутенях сидящего света
Быль древняя не раз обновлена.
Порвется ли последняя струна,
Перстом певца в отчаяньи задета?
Поэзия накажет ли поэта,
Гармонией умиротворена?
Нет, никогда похожим я не буду
На Каина, на Брута, на Иуду
И совести не обагрю в крови.
Поверь, тобой я одержим и болен,
И о твоей застенчивой любви
Не прокричу с высоких колоколен. (Перелешин).

В стихотворении «Обещание» из сборника «Ариэль» Перелешин заявляет о системе своих смыслообразующих ценностей. Поэт отторгает Зло. Делает он это путем перечисления тех имен-символов, которые несут идею предательства, сопровождающегося убийством. Среди таких имен-символов – Каин, Брут, Иуда. Каждый из них совершил страшное, перешагнув через такие понятия, как братство, благородство, любовь. Перелешин «маркирует» этими именами сферу антиценностей. В антиценностной системе особенно страшным является предательство и убийство близкого. Для Перелешина и Каин, и Брут, и Иуда – коварные предатели, грешники, моральные чудовища. Каин, Брут, Иуда – те, кто переступили границу, за которой – «территория» греха. Поэт клянется в том, что никогда не повторит того, что сделал каждый из них («Нет, никогда похожим я не буду / На Каина, на Брута, на Иуду...»). Он буквально «отшатывается» от них, бежит (метафизически, разумеется) от их кровавых злодеяний. Самое чудовищное для поэта – «обагрить в крови совесть», «совершить предательство – под возгласом привета». Значит, главными в системе ценностей Перелешина являются чистая совесть, искренность сердечных помыслов, «прямота» в отличие от «кривизны», верность принципам любви.

Невозможно представить, чтобы в творчестве Матери Марии (Елизаветы Кузьминой-Караваевой), после отъезда из России оказавшейся в

Париже, не нашлось стихов, в образной системе которых отсутствовали бы *Авель* и *Каин*. Судьба Матери Марии уникальна: оказавшись в эмиграции, она сознательно приняла монашеский постриг, а потом демонстрировала нетрадиционное монашеское служение (жила не в монастыре, а в миру), полностью посвятив себя проповеднической и благотворительной деятельности (помогала больным и голодным, во время немецкой оккупации Парижа прятала в надежном месте военнотружеников и евреев); была казнена в газовой камере немецкого концлагеря Равенсбрюк, отправившись туда вместо другой женщины, тем самым став ее спасительницей.

Как поэт, Мать Мария тяготела к осмыслению религиозных вопросов. Установка на соединение христианства и творчества была у Матери Марии одной из основных. В связи с ее стихами мы имеем уникальное свидетельство жизни Матери Марии, ее духовных борений и опыта любви. Стихи Матери Марии отразили понимание необходимости духовного спасения, в том числе, – и ее собственного. В стихотворении Матери Марии «Где Каин, твой брат, где твой Авель?», как, впрочем, и во всем ее творчестве, пронзительно звучит мотив жизни как духовного пути.

Где, Каин, твой брат, где твой Авель?
Ты мертвого брата оставил.
Стенай же, проклятый, и кайся.
Никто не подаст тебе, Каин,
Ни отпущенья, ни Таин, –
По мертвой пустыне скитайся.
Владыка печатью багровой
К скитанью мой дух уготовил,
Чтоб зверь и убийца не трогал.
Я брата всегда предавала,
И в жизни любила мало,
И ненавидела много.
Владыка, я Авелю сторож,
Я брату слуга и опора,
Я брату и раб, и предтеча.
Я Авелю путь уготовлю,
Я Авеля скорбь славословлю,
Его я подымлю на плечи. (Мать Мария).

Стихотворение Матери Марии «Где Каин, твой брат, где твой Авель?» представляет собой воего рода духовную самохарактеристику поэтессы.

Мать Мария «запараллеливает» размышления о библейской истории о Каине и Авеле с размышлениями о своей душе и о себе самой «внутренней». Композиционно стихотворение распадается на две части. В первой части Мать Мария обращается к Каину, показывая ему степень его падения, раскрывая перед ним чудовищный характер совершенного им злодеяния («ты мертвого брата оставил»). Она клеймит Каина, называя его «проклятым», хочет, чтобы он «стенал» и «каялся» и рисует ему страшную духовную перспективу, а вернее, – бесперспективность: он обречен на «неотпущение» грехов; на невозможность приобщиться к Таинствам; на вечные муки в виде бесконечных скитаний по «мёртвой пустыне», которые он не сможет прервать, даже если он этого захочет. Во второй части своего лирического опуса Мать Мария рефлексировала о своей человеческой и духовной сущности. Поэтесса клеймит и бичует себя. Она признает свою греховность, кается в совершении, с ее точки зрения, духовных преступлений: в предательстве («брата всегда предавала»), в недостаточной любви к людям («в жизни любила мало»), в испытанном ею чувстве ненависти («ненавидела много»). Очиститься, по ее мнению, ей может помочь Авель. Поэтесса уверяет, что она должна перед Авелем раскаяться и искупить вину. Кроме того, она готова стать ему настоящим братом – братом, способным на самопожертвование («Я брату и раб, и предтеча...»). Поэтессой движет великое желание быть Авелю «сторожем», «службой», «опорой» и «славословить его скорбь». Авеля, по ее признанию, она «поднимает на плечи». Что это означает? Вероятно, Авель становится духовным ориентиром поэтессы. Авель для Матери Марии – то, что противостоит подспудно живущему в человеке «каиновому» началу. По убеждению Матери Марии, духовный долг человека – освободиться от «Каина» в себе и прийти к «Авелю».

Итак, в поэзии русского зарубежья поднимаются серьезные и глубокие проблемы человеческого существования. Онимы *Авель* и *Каин*, встречающиеся в стихах русских эмигрантов первой волны, углубляют философский характер их поэзии, позволяют авторам выразить свои экзистенциальные интуиции, свои представления о мире и человеке, свою систему ценностей. С помощью слов-образов *Авель* и *Каин* русские поэты первой волны эмиграции пытаются «прорваться» в область вневременных непреходящих ценностей, говорить о «вечных» проблемах человеческого существования – о жизни и смерти, о трагизме бытия человека и его подлинном счастье, о «безобразном» и «прекрасном».

Использованная литература

- Иваск, Ю. *Об авторе*. [Электронный ресурс] // http://vtoraya-literatura.com/pdf/pereleshin_ariel_1976_text.pdf (дата обращения 12.11.2017)
- Померанцев, К. «Сквозь смерть. Георгий Иванов. Владимир Алексеевич Смоленский». *Зарубежные записки*. 2006. № 7. [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/zz/2006/7/po10-pr.html> (дата обращения 12.11.2017)
- Эйснер, А. 2005. *Поэты пражского «Скита»*. Санкт-Петербург: Росток

Источники

- Ветхий Завет. Бытие. Глава 4*. [Электронный ресурс] // <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/4> (дата обращения 12.11.2017)
- Головина, А. «Если левая ручка – добро...» [Электронный ресурс] // <http://www.rulit.me/books/na-etoj-strashnoj-vysote-sobranie-stihotvorenij-read-245012-20> (дата обращения 12.11.2017)
- Кнут, Д. «Как солёная песня рыбацкая...» [Электронный ресурс] // <https://coollib.com/b/366011/read> (дата обращения 12.11.2017).
- Лебедев, В. *Весы Авеля*. [Электронный ресурс] // <http://www.rulit.me/books/na-etoj-strashnoj-vysote-sobranie-stihotvorenij-read-245012-20> (дата обращения 1.12.2017)
- Мать Мария (Кузьмина-Караваева, Е.). «Где, Каин, твой брат, где твой Авель?» [Электронный ресурс] // [https://soulibre.ru/Где,_Каин,_твой_брат,_где_твой_Авель/%3F\(мать_Мария_\(Скобцова\)\)](https://soulibre.ru/Где,_Каин,_твой_брат,_где_твой_Авель/%3F(мать_Мария_(Скобцова))) (дата обращения 12.11.2017)
- Перелешин, В. *Обещание*. [Электронный ресурс] // http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/pereleshin_ariel_1976_text.pdf (дата обращения 12.11.2017)
- Смоленский, В. 2001. «О гибели страны единственной...»: *Стихи и проза*. Москва: Русский путь
- Ходасевич, В. «Лежу, ленивая амёба...» [Электронный ресурс] // <http://www.hodasevich.su/poems/1-lezhu-lenivaya-ameba.html> (дата обращения 12.11.2017)

Natalija LAPAEVA-RISTESKA

«И, КАК БОГИ, АВЕЛЬ И КАИН –
СЕМЯ НАШИХ ИЗВЕЧНЫХ ТАИН...»:
THE ONYMY *ABEL AND CAIN* IN THE POETRY
OF THE RUSSIAN EMIGRANTS OF THE FIRST WAVE

Summary

The article contains an analysis of poems of Russian poets of the first wave of emigration (Vladimir Smolensky, Dovid Knut, Valery Pereleshin and others), in which there are onymy *Abel and Cain*. It is proved that the emigre poets, referring to the biblical images of Abel and Cain in his lyrics, expressed their attitude to the events of history (the fratricidal Civil War in Russia, for example), represented their moral values and anti-values, expressed their philosophical views (about God, the dialectic of Good and Evil and etc.).

Цзиньфэн ЛИНЬ
Сергей ЧЕБАНОВ

Филологический факультет Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург, Россия

ЭПОНИМЫ – НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Тезисы:. Фразеологизмы с эпонимами – один из способов обозначения частей тела. В русском литературном языке таких обозначений мало и часто они являются мифопоэтическими образами сложного семиотического статуса (адамова голова, голова Медузы, рука Немезиды), но они широко представлены в научной литературе, дублируя латинские. Почти свободные сочетания, содержащие эпонимы, используются для наименования специфических деталей лица (усы Сталина, усы Будённого, брови Брежнева). В китайском языке практически нет таких фразеологизмов. Исключением являются используемые в медицине кальки латинских наименований.

Ключевые слова: Название части тела, фразеологизм, эпоним, китайский язык, русский язык

I. Сущность проблемы

Среди фразеологизмов, содержащих имена собственные, существует группа фразеологизмов-эпонимов.

Эпоним – название явлений, понятий, структур или методов по имени какого-нибудь человека, с которым они связаны. Эта связь может быть самой разной – указанием на человека, обладающего называемой характеристикой, фиксацией исследователя, впервые обнаружившего, их, выражением почтения к специалисту и т.д., причём эта связь может быть как фактологически достоверной, так и фантастической.

Фразеологизмы-эпонимы названия частей тела (ФЭНЧТ) – размытая группа фразеологизмов (от окказионализмов до библеизмов, от разговорной речи до научной терминологии), обозначающая части тела через их соотнесение с конкретной личностью. В силу своей неоднородности ФЭНЧТ не являются предметом какой-либо устоявшейся

области знания, хотя они интересны для когнитивистики, этнометодологии (Garfinkel 1967), лингвокультурологии и смежных дисциплин способом фиксации интенционального объекта (Husserl 1962).

Можно выделить по крайней мере три слоя ФЭНЧТ.

II. Фразеологизмы, содержащие эпонимы – названия частей тела, в литературном языке

В русской общелитературной речи ФЭНЧТ крайне редки, их нет в списках Сводиша, встречаются они в высоком стиле речи. Таковы библеизм «адамово яблоко» (Дубровина 2010) и мифоним «ахиллесово сухожилие» (старинная форма «ахиллова жила»). Их использование характерно для письменной речи, понятной образованному читателю, хотя возможно и обращение к специальным словарям (Серов 2005). ФЭНЧТ обладают предельной смысловой нагрузкой, что определяет неустойчивый семиотический статус. Так, «ахиллова жила» превращается не только в анатомический номен «ахиллесово сухожилие», но и в разговорный жаргонизм «ахилл» (а – строчное), бытующий среди врачей и в спортивной среде, т.е. ФЭНЧТ перемещается из первого слоя ФЭНЧТ во второй и третий. Аналогично в третий слой через ироническое употребление попадает и «адамово яблоко», размер которого среди мужчин, претендующим проявить себя как мачо (Ляленкова 2006), оказывается тем, чем можно мериться в состязаниях за лидерство.

Ещё сложнее статус выражения «адамова голова»: этот эпоним – название изображения (живописного, графического, скульптурного) черепа с перекрещенными, идентифицируемыми как бедренные, костями. Это изображения связано с преданием о распятии Христа на кресте на месте захоронения Адама. Далее этот образ развивался, превращаясь в эмблему различных армий, в Весёлого Роджера пиратов, в знак, предупреждающий об опасности ядов или высокого напряжения, в эмблему мировой пиратской партии или в девичий брелок (Адамова... 2017, Яцутко 2006), обозначая и череп как часть тела человека. ФЭНЧТ Авраамово лоно, отсылающее к лонному сочленению, в библейской традиции можно трактовать как обозначение Рая (Яворский 2017). К этому же ряду относятся ФЭНЧТ рука Немезиды и «голова Медузы» (ср. в патанатомии: *caput Medusae* – варикозное расширение вен брюшной стенки – Денисов, Пивченко 2012: 18).

Многочисленны, но низкочастотны, ФЭНЧТ, выступающие как номены. При этом персонажи, от имён которых они образуются, являются придуманными личностями, что определяет появление множества

этимологий и псевдоэтимологий. Так, название созвездия волосы Вероники отсылает к волосам Береники (Вероники) – жене египетского царя Птолемея III Эвергета, Млечный путь может называться Богородицыными волосами, папоротник *Adiantum capillus-veneris* (волосы Венеры) именуется так за сходство тонких чёрных стеблеобразных рахисов с волосами, предполагаемыми у богини Венеры, а фитоним анютины глазки (относимый к разным растениям, напр., *Viola tricolor* или *Melampyrum nemorosum*, принадлежащим разным семействам) имеет неясное происхождение, что порождает легенды (Квашнина 2005.), становящиеся содержанием беллетристических произведений (напр., Снегова 2004, в котором эти цветы выступают как "выплаканные" глаза красавицы Анюты, к которой в назначенное время не приезжает жених).

Рассматривая слёзы как часть тела, можно обратить внимание на систематическое повторение образа слёз святых в фитонимике (Суперанская 1973): Иовлевы слёзы (коикс слёзы Иовы, слёзник *Coix lacryma-jobi* – тропическое травянистое растение рода Коикс семейства Злаки – Шрётер, Панасюк 1999) или трясунок (*Briza*), называемая по-русски слёзы Богородицы или Богородицыны слёзки (Колосова 2010), а по-испански Lágrimas de la Virgen María (Слёзы Девы Марии), что позволяет говорить о сходных закономерностях нейминга в разных языках (Летова 2012; ср. кёлерава слеза – Топоров 1998: 57). К подобным наименованиям примыкает возможность называть усохшую ногу ногой Бабы-Яги – костяной ноги (Пропп 2000: 36-89; Степанов 1997: 855-864). Такие именованья свойственны не языку в целом, а диалектам и говорам (см. примеры: Даль 2006) и более мелким общностям людей, а потому относятся к третьему слою ФЭНЧТ.

ФЭНЧТ этой группы обладают общими особенностями.

1. Это указание на части тела легендарных лиц, детали строения которых неизвестны (особенности слез Богородицы, черепа Адама или глаз Анюты). Наличие у божеств рук, ног, глаз, волос и т.д. богословским дискурсом квалифицируется как когнитивная метафора (Lakoff, Johnson, 2003), а атеистическим – как проекции человеческого тела на небо, что соответствует трактовке этих примеров как метафор-тропов.

2. Именование части тела такого существа подвергается метафорическому переносу на эмпирически данную реалию – астрономический объект, растение (тогда ФЭНЧТ обозначают не части тела, а нечто другое) или часть тела человека (ахилл, адамово яблоко). В последнем случае имеет место метонимия (ахиллесова пята предстает как ахилл, адамово яблоко как кадык), а генерализующей трансонимизации, обнаруживающая ахилл и адамово яблоко у всех людей, имеет метафорическую природу.

3. ФЭНЧТ является результатом сложного развития семантики прямого значения (адамова голова, рука Немезиды, голова Медузы), что обеспечивает их стилистическую маркированность.

4. Такая модель образования ФЭНЧТ является продуктивной.

5. Такие ФЭНЧТ могут образовываться безаффиксным способом от имени собственного (ахилл, адамова голова, рука Немезиды).

В китайском языке нет ФЭНЧТ. Однако, существуют: а) фразеологизмы с антропонимами без обозначения частей тела: 班门弄斧 – играть в топор перед Лу Паном (班: Лу Пан, древний искусный мастер; означает хвастаться перед мастером), 班香宋艳 (班: Пан Гу; 宋: Сун Ю: хвалить их стихи означает великолепную поэзию); б) фразеологизмы с обозначениями частей тела без антропонимов: 笨手笨脚 (дурная рука и нога – неловкий человек), 笨头笨脑 (дурная голова – глупый человек), 比肩而立 (стоять плечом к плечу – близко стоять), 鼻塞眼睛捉麻雀 (закрывать глаз и поймать воробья, означает обманывать себя или делать слепо), 情同手足 (очень крепкая дружба между людьми, как между братом и сестрой; 手 – рука, 足 – нога – здесь части тела).

Итак, в русском языке ФЭНЧТ очень малочисленных и низкочастотны, а в китайском практически отсутствуют.

III. Фразеологизмы, содержащие эпонимы – названия частей тела, в анатомии

ФЭНЧТ специального подъязыка анатомии, гистологии и цитологии весьма распространены. При их рассмотрении надо учитывать ряд обстоятельств:

1. В специальной лексике различается три типа обозначений (Чебанов, Мартыненко 1999: 188-193): а) Онимы, именующие уникальные объекты (топонимы в географии, космонимы, астронимы и астротопонимы в астрономии, хрематонимы в музейном деле). Среди ФЭНЧТ их почти нет (редкий случай – девочка в ухе коровы как часть последней – Крошечка-Хаврошечка 1984). б) Термины, обозначающие общие сущности, исчисляемые в каждой предметной области десятками и сотнями (реже тысячами). в) Номены, обозначающие членов серий однородных сущностей, исчисляемые от десятков миллионов (химические соединения) до первых сотен (химические элементы), как исключение – единицами (дни недели или пальцы конечностей человека). Подавляющая часть ФЭНЧТ является номенами, на статус терминов претендуют обозначения конечностей, туловища, головы или духа, души, тела.

2. ФЭНЧТ как и другая лексика анатомии, гистологии и цитологии описывает крупные, средние и мелкие детали строения тела. Их основой являются классические языки, однако, операциональное регулирование этих областей несколько различается.

В анатомии основной является международная латинская номенклатура, упорядоченная Парижской анатомической номенклатурой (Nomina...1980), имеющей длительную историю и принятой в 1955 г. VI Международным конгрессом анатомов, ныне действующей в редакции 1975 (Международная... 1980), содержащей более 6000 наименований (дублируемых на национальных языках), из числа которых исключены эпонимы.

В результате развития терминологии и номенклатуры гистология на VII Международном конгрессе анатомов (Нью-Йорк, 1960) принято решение о создании единой международной гистологической номенклатуры, что привело к принятию на IX Международном конгрессе анатомов 1970 г. Ленинградской гистологической номенклатуры (Leningradensia Nomina Histologica – LNH - Международная... 1973), исключаящая эпонимы. LNH содержит 2846 латинских наименований, относящихся к цитологии (307 наименований), общей гистологии (567; преимущественно термины) и частной гистологии (микроскопической анатомии – 1844 наименования, преимущественно номены). Аналогичная положение имеют и эмбриологические наименования (3000 латинских лексем), ныне включенная в анатомическую номенклатуру (Международная... 1980). В итоге сформулирован практически закрытый список специальной лексики.

Часть исследователей принципиально или ситуативно не принимает официальную номенклатуру и продолжают использоваться ФЭНЧТ. Последние допустимы только как синонимы, используемые для образования клинических терминов (Международная... 1980: 4, п.6), причем ФЭНЧТ в национальной (русской) номенклатуре также сохраняются при образовании клинических терминов (гайморова пазуха – гайморит, евстахиева труба – евстахиит – Международная..., 1980: 4, п.7; см. список: Денисов, Пивченко 2012: 21-58). Так, ductus arteriosus (артериальный проток) продолжают именовать ductus Botalli (Боталлов проток), complexus lamellosus (пластинчатый комплекс) – complexus Golgi (комплекс или аппарат Гольджи) и т.д. Положение усугубляется тем, что зоологи (и биологи в целом) продолжают говорить о Боталловом протоке (у всех тетрапод) или аппарате Гольджи (у животных и растений). Именно эти ФЭНЧТ привлекают внимание лингвистов, нередко работающих на языковых кафедрах медицинских вузов (Извекова и др. 2014; Лаптева 2014 и т.д.), составляются их национальные словари (русских – Денисов, Пивченко 2012; Самусев 2007; Самусев, Гончаров 1989; Топоров 1988; китайских – Китайский... 2001 и т.д.).

Словники таких словарей различаются составом: они могут содержать 495 (Денисов, Пивченко 2012), 2300 (Самусев 2007) или 2500 эпонимов (Гончаров 2009; в оформлении использована картина китайского художника Ван Шичао), в Китайском фразеологическом словаре всего 14243 фразеологизмов, в том числе 621 фразеологизмов с эпонимами. Кроме ФЭНЧТ эти словари содержат смежные фразеологизмы с эпонимами: термины из рентгенологии (Кёлера запятая, Кёлера слеза – ср. эпонимы со слезами в фитонимике – Топоров 1988: 57), схемы расположения органов (Коненгейма схема артериальных анастомозов локтевой суставной сети – там же: 58; Пенфилда схема расположения анализаторов в головном мозге – там же: 100 и т.д.), именные обозначения операций, методов окраски, реактивов (Гончаров 2009), эпонимы, обозначающие методы и анатомические концепции (Самусев 2007).

Особенностью данного пласта ФЭНЧТ является их связь с эпонимическими фразеологизмами из смежных областей – медицины, нозологии, фармакологии, фармакогнозии и т.д., в основе которых лежит латынь, дублируемая национальными обозначениями.

Названия болезней фиксируются англоязычной, опирающейся на латынь, «Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем» 10-го пересмотра, принятой 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения (International... б.г.), существующей в официальных переводах ВОЗ на национальные языки (напр., русский: Международная... 1995) и содержащей большое число названий болезней – эпонимов: доброкачественный рецидивирующий менингит Молларе, почесуха Бенье, спинальная амиотрофия Вердинга-Гофмана и т.д. (Коколина 2005). Отдельная группа фразеологизмов с эпонимами обозначает симптомы и синдромы (Лазовский 1971 – более 2400 единиц; Пальцев и др. 2006).

Единой номенклатуры лекарств нет, а сложилась следующая ситуация (Лошаков 2008).

1. Наименование индивидуального действующего лекарственного вещества по правилам ИЮПАК (International Union of Pure and Applied Chemistry), напр., N-(4-гидроксифенил)-ацетамид, практически исключает эпонимию, хотя возможны казуистические исключения (такие названия содержат названия химических элементов, среди которых – 13 эпонимов: гадолиний, кюрий и т.д.; гадолиний используется в рентгенологии и его препараты могут быть в больничной аптеке, а кюрий накапливается в радиоактивных отходах АЭС, что волнует токсикологов; остальные эпонимы относятся к трансурановым элементам и с описаниями частей тела человека не пересекаются).

2. Всемирная организация здравоохранения указывает международное непатентованное наименование (МНН) как основное для действующего вещества (Парацетамол (Paracetamol) для N-(4-гидроксифенил)-ацетамида) и публикует его в журнале WHO Drug Information на английском, французском, испанском и латыни, а их полный перечень (более 8000) публикуется на латыни, английском, французском, испанском, арабском, китайском и русском языках с упоминанием других названий тех же веществ. МНН не присваиваются гомеопатическим препаратам и веществам растительного происхождения (травяным препаратам), давно применяемым в медицине под устойчивыми названиями веществам (алкалоидам – морфину, кодеину), наименованным тривиальными химическими названиями (уксусная кислота), смесям и микстурам.

3. Лекарственное вещество имеет много национальных названий: Acetaminophen – в США, Paracetamol в Великобритании, N-acetyl-p-aminophenol, APAP, p-Acetamidopheno в других странах.

4. Часть названий относится к патентованным препаратам – брендам (торговым наименованиям – для парацетомола это Тайленол®, Панадол®, Ранамах® и др.). Часть из них, имеющие вещество с МНН как препарат с патентованным названием, является дженериками.

Среди МНН, названий травяных и гомеопатических препаратов, тривиальных химических названий, названий смесей и микстур могут быть эпонимы (Адам, Доктор Тайсс Нова фигура композитум, микстура Кватера). Такие торговые марки (наименования) лекарств (как и всей продукции), являются предметом патентования по-разному осуществляемому в национальных и международных системах патентования (Чебанов, Мартыненко 1999: гл. III). Так, класс А61 – “Медицина и ветеринария; гигиена” оперирует с названиями медицинской техники (Международная патентная... 2000).

Наконец, латинская номенклатура растительного лекарственного сырья дублируется национальной. Так, в фармакопеи СССР (Государственная... 1987) выделяются Folia (Листья), Herbae (Травы) и т.д. с описаниями классов и их подразделений. Применение этих принципов именования сырья к растениям с названиями-эпонимами порождает новый слой эпонимов (травя *лобелии* вздутой – *Lobelia inflata* – *Herba Lobelia*, содержащая алкалоид *лобелин*, отсылает к фламандскому ботанику Матиасу де *Л’Обелу*, жившему в 1538-1616 гг.; ср. Ботанико-фармакогностический... 1990).

В итоге ФЭНЧТ существуют в окружении эпонимов, обозначающих смежные реалии: структуры, их патологии, симптомы болезней, инструменты и аппараты, лекарства и т.д. Поэтому:

- В европейской традиции сложился единый подязык естественнонаучного описания тела человека (включая терминологию, номенклатуру, их профессиональное и обыденное употребление), используемой в медицинской анатомии, нозологии, хирургии, фармакологии, фармакогнозии, ветеринарии, медицинской технике, а также в биологии, химии, антропологии, географии и т.д.

- Единство этого подязыка обеспечивается предметной близостью и общей историей, включая совместное обучение врачей, биологов, химиков в XVII-XX вв., изучением в университетах и гимназиях логики и латыни (как и античной мифологии), деятельностью одних и тех же учёных в нескольких из перечисленных областей (более 1000 учёных, в честь которых образованы ФЭНЧТ – Самусевич 2007), что приводит к фигурированию одного и того же специалиста в ФЭНЧТ из разных областей (ядро Бехтерева в головном мозге; болезнь Бехтерева – анкилозирующий спондилоартрит – воспаление межпозвонковых суставов; капли Бехтерева или Бехтерева микстура – *Mixtura Bechtereva* – сердечно-сосудистое средство).

- Этот подязык существует в условиях по крайней мере латинско-национального двуязычия, а его норма, узус и окказиональное использование сильно различаются из-за различия действовавших и действующих норм, некоторые из которых отвергаются частью специалистов.

В результате складывается пласт ФЭНЧТ противоречащих нормативам, но вызывающих интерес лингвистов, занимающихся ограниченными подязыками для специальных целей (Герд 2011 – см.: Гончаров 2009; Денисов, Пивченко 2012; Извекова и др. 2014; Коколина 2005; Лаптева 2014; Топоров 1988). При этом граница профессиональных ФЭНЧТ и ФЭНЧТ общелитературного языка размывается проникновением первых в литературный язык благодаря распространению образования (общего среднего, предполагающего знание клеток Лангерганса или евстахиевой трубы, и высшего антропологического, психологического, биологического, медицинского и т.д.) и развитию медицины, распространению её достижений (многие знают о гайморите, евстахиите).

Существование этого круга ФЭНЧТ в русском и китайском языках резко различно.

Узуально и окказионально употребляемые русские анатомические ФЭНЧТ существуют на фоне латинских (о латинских терминологических элементах языка медицины см.: Бехтер 2017), многочисленны (сотни и тысячи единиц), встроены в систему языка, принимая свойственные языку грамматические формы (изменения по падежам, числам, родам), не затрудняя согласования, используемые в них модели словообразования и словосочетания продуктивны, возможно образование диминутивов,

относящихся к их общезыковой (гайморова *йазушка*) и эпонимической составляющей (о ребёнке можно сказать «у него *ахиллчик* воспалён....»). Существование относящегося к ФЭНЧТ фольклора (анекдот о студенте перепутавшем фаллопиеву и евстахиеву трубы) свидетельствует о вхождении анатомических ФЭНЧТ не только в язык, но и в национальную языковую культуру.

ФЭНЧТ относятся к разным системам органов и аппаратам: к сердечно-сосудистой (артерия Арнольда, узел Ашоффа-Тавара), к желудочно-кишечному тракту (либеркюновы железы, фаллопиева заслонка, фатеров сосочек), нервной системе (нерв Белла, варолиев мост, сильвиев водопровод), мочеполовой системе (железа Альбаррана, бартолиновы железы) и т.д. Среди русских ФЭНЧТ преобладают ФЭНЧТ в честь зарубежных учёных (зона Брока коры мозга, островки Лангерганса поджелудочной железы, пахионова грануляция оболочки головного мозга), хотя есть в честь и русских (ядро Бехтерева головного мозга). Распределение ФЭНЧТ по фигурирующим в них учёным является оценкой вклада национальной школы в развитие анатомии, распределение по времени появления или жизни мотивирующих их учёных даёт представление об истории анатомии (ср. биографический метод в биоистории – Verdoorn 1944, представление о научных эстафетах – Розов 2008, или изучение сетей личных связей философов – Collins 1998), по размерам называемых структур – о изученности тела на разных размерных уровнях (евстахиева труба около 3,5 см, зона Вернеке измеряется миллиметрами, а аппарат Гольджи составляет микрометры).

ФЭНЧТ выражены разными грамматическими конструкциями:

- притяжательное прилагательное + существительное (боталлов проток, либеркюновы железы; номенклатурные правила, порою нарушаемые, требуют написания прилагательного со строчной буквы); в предложении изменяются оба компонента конструкции (сильвиева водопровода, сильвиевым водопроводом, о сильвиевом водопроводе, сильвиевы водопроводы);

- нарицательное существительное + имя собственное в родительном падеже (нерв Белла, ядро Бехтерева, мышца Жаржавая); в предложении изменяется только нарицательное существительное (пучка Гиса, пучку Гиса, пучком Гиса, пучки Гиса);

- являющимся результатом субстантивации нарицательное существительное (ахилл; ср. дальтонизм). Представляет интерес изучение статистики использования таких моделей.

В китайском языке, подобные ФЭНЧТ являются заимствованными из европейских языков исключениями (西尔维奥·水 – сильвиев водопровод, 咽鼓管 – евстахиева труба), используемыми только в медицине и

относимыми к симптомам (巴宾斯基征 – Babinski reflex), инструментам (克氏针 – Kirschner pin, штифт Киршина), возбудителям болезней (福氏杆菌 – Flexneri dysentery bacillus) и т.д. Они не входят в систему языка, их пишут на латинице, дублируя иероглификой.

Помимо европейской, в Китае есть собственная анатомическая традиция (представленная сочинениями Шэнь Нун Бэньцаоцзин – 神农本草经, Хуан Ди Нэйцзин – 黄帝内经, Наньцзин – 难经, классическим медицинским трудом Шанхань Цзабин Лунь – 伤寒杂病论, написанным выдающимся учёным Чжан Чжун Цзином во времена Хан, переработанным Ван Шу Хэ в эпоху Цзинь и опубликованным Бюро исправления медицинских книг династии Сун), в основе которой лежит представление о меридианах (магистральных, глубоколежащих каналах) и коллатералиях (поверхностных ответвлениях, составляющих сеть путей, распространенных по всему организму), об инь и янь. Поэтому традиционная китайская медицина (ТКМ), лечащая не отдельные органы, а человека в целом выступает как наука об энергиях, причём это и инструмент восстановления здоровья людей (как в европейской медицине), и философия даосизма, без знания которой непонятны теоретические постулаты (взаимосвязь цзин-ло, единство и борьба инь-янь, пять стихий у-син) и практические рекомендации. В ТКМ больной – не сломанный биологический механизм, а поврежденное единство тела, души и духа и окружающих человека природы и ее стихий. Поэтому в ТКМ возможно лечение таких нарушений как аутизм.

Итак, в китайском языке, как и в русском, ФЭНЧТ существуют в условиях национально-латинского двуязычия, причём ФЭНЧТ погружены в ареол эпонимов, обозначающих смежные реалии, а число ФЭНЧТ исчисляется тысячами. Различие же заключается в том, что *в русском языке ФЭНЧТ встроены в систему языка и проникают в повседневное общение, а в китайском существуют изолировано вне системы языка и дублируют научные названия на латинице.* При этом китайские ФЭНЧТ существуют в ситуации бикультурности, когда европейские названия органов (включая ФЭНЧТ) применяются при обращении к европейской медицине, а в ТКМ, оперирующей меридианами и коллатералиями, нет ФЭНЧТ. При этом в европейской морфологии ФЭНЧТ *увековечивают имена тех, кто внёс вклад в изучение тела человека*, а потом был почти забыт, обеспечивают преемственность анатомо-морфологического знания. ФЭНЧТ имеют большое *дидактико-воспитательное значение*, позволяя нетривиально строить курс анатомии, опираясь на имеющие *мнемонический потенциал* эпонимы, а в ситуации директивного отказа от эпонимов *изучение ФЭНЧТ важно для оценки оправданности такого отказа.*

IV. Фразеологизмы, содержащие эпонимы – названия частей тела, в повседневной речи

Третий пласт ФЭНЧТ представлен в повседневной разговорной речи и в СМИ. Речь идёт о персонах с бросающимися в глаза особенностями внешности, делающими их узнаваемыми (усы Буденного или Сальвадора Дали), а эти же особенности, названные именем общеизвестного лица, позволяют создавать словесный портрет любого человека.

Эти нейтральные выражения из-за обозначения бросающихся в глаза особенностей могут стать остро оценочными и быть закреплена в культуре (рыжие якобы бесстыжие, худые – злые). Тогда публичный человек может оказаться объектом острот, от которых пожелает оградиться (ср. запрет Павлом I слова “курносый”). Источником насмешек могут стать обсуждения финансовых и временных расходов на уход за бородой К.Маркса на фоне рассуждений о его всемирно- исторической миссии. Такие остроты могут образовывать цепочки: эволюция коммунистических лидеров представляется через изменение растительности на их лице: борода Маркса – бородка Ленина – усы Сталина – брови Брежнева. Понятность этой конструкции основана на принадлежности входящих в неё ФЭНЧТ русскому языку. Подобные ФЭНЧТ могут соотноситься с придуманными существами и использоваться носителями языка при создании словесного портрета (нос Буратино, уши Чебурашки, ушки Микки Мауса). В малых языковых сообществах (в семье, городском квартале, деревне) допустимы ФЭНЧТ, понятные только их членам (уши дяди Пети, руки бабы Поли), ставя их на грань со свободными словосочетаниями.

Для китайского языка такие ФЭНЧТ нехарактерны, но приходят в него из мультфильмов и бытовой мифологии: нос определённой формы обозначается как нос дяди Хуана 胡安叔叔的鼻子, а человек с красным лицом как 红脸的关公 – краснолицый Гуань Гун или глаза определённого вида обозначаются как глаза Ли Тегуайя 铁拐李眼睛.

Иногда подобные ФЭНЧТ относятся к самому возвышенному стилю и обозначают уникальных персон. Таков образ Богоматерь блаженное чрево – «Богоматерь» в этом выражении выступает как оним и через него именуется единственное чрево как часть тела. Таков же особый культ (с развитой иконографией) Святейшего Сердца Иисуса Христа или Пресвятого Сердца Иисуса Христа, наименования которого отсылают к части тела уникальной персоны – Христа. Поскольку этот культ католический, его название находится на периферии русской языковой картины мира. В католичестве же Праздник Святейшего Сердца Иисуса следует за Праздником Тела Христова, обозначенным ещё одним ФЭНЧТ. Есть сходная конструкция и в китайском: глаза Ли Тегуайя 眼睛铁拐李(Ли

Тегуйань – мифологический хромой человек с круглыми чёрными глазами, помогающий больным), сердце Пигайна 比干之心 (Пигайн – сказочный человек, имеющий семь сердец, ныне 心如比干 – с сердцем Пигайна – говорят про очень доброго человека).

В последних примерах ФЭНЧТ обозначают нетелесные составляющие человека. Таковы и руки Берии, что рассматривается как метафора. Однако, если принимать реальность хотя бы части из различаемых в эзотерике 7 тел – физического, эфирного, астрального, ментального, каузального (манаса), атмического и тела буддхи (Стульгинский 2004), то за приведёнными ФЭНЧТ стоит и неметафорическая реальность. В этом контексте приобретают неметафорическое значение и такие выражения как душа Пушкина или дух Достоевского.

V. Итоги

Рассмотрение трёх пластов ФЭНЧТ представляет интерес для культурной антропологии, способствуют пониманию механизмов языковой номинации, их вклада в формирование национальной культуры, проявляет роль когнитивных процессов в постижении тела человека, показывая возможности построения психологии как гуманитарной науки и недостатки её естественнонаучной ориентации, демонстрирует, что порождение ФЭНЧТ является актом литературного творчества на грани искусства и науки, влияющим на развитие языка и литературный процесс, в частности, в медицинской, биологической, антропологической литературе (пионерские работы об этом см. Мандельштам 1991).

Сопоставляя ФЭНЧТ в русском и китайском языках, можно сделать следующие выводы:

1. ФЭНЧТ используется в русском и китайском языках, причём выделяется три их пласта.

2. Общелитературных ФЭНЧТ в китайском нет совсем, а в русском очень мало. Сложный семиотический статус русских ФЭНЧТ указывает на их неорганичность и для русского языка.

3. Русские и китайские научные ФЭНЧТ европейской традиции разного уровня исчисляются тысячи и существуют на фоне латинских и национальных фразеологизмов анатомии, нозологии, хирургии и многих других смежных дисциплин.

4. Русские анатомо-медицинские ФЭНЧТ разного уровня включены в систему языка, а в китайском – исключены из неё. Такое различие связано с тем, что хотя они пришли из одного источника (из Западной Европы),

ФЭНЧТ встроены в разные языковые картины мира, принадлежащие к разным цивилизациям, с разным грамматическим строем языков.

5. ФЭНЧТ в повседневной речи свойственны и русскому, и китайскому языку, среди них выделяются сходные подгруппы, часть из которых обладает сложным семиотическим статусом.

6. Между выделенными пластами ФЭНЧТ нет жестких границ – есть двунаправленная связь первого и третьего пластов, часть ФЭНЧТ переходит из второго в первый пласт и т.д.

7. В целом, ФЭНЧТ более характерны для русского языка, чем для китайского.

В заключении авторы благодарят всех, проявивших интерес к работе, – М.Д.Голубовского, В.П.Захарова, В.Л.Каганского, В.М.Мокиенко, Ю.П.Нешитова, М.В.Оборину, Т.Г.Петрова, А.П.Расницына и О.Б.Трубникову.

Использованная литература

- Адамова голова (символ) 2017 – [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B3%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%B0_\(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B4%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%B3%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%B0_(%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB)).
- Бехтер, А.П. 2017. *Латинский язык и основы медицинской терминологии*. СПб, СПбГУ, 138 стр.
- Ботанико-фармакогностический словарь*. 1990. Ред. К.Ф.Блинова, Г.П.Яковлев. М.: Высшая школа, 272 стр.
- Герд, А.С. 2011 *Введение в изучение языков для специальных целей*. СПб: СПбГУ. 60 стр.
- Гончаров, Н.И. 2009. *Иллюстрированный словарь эпонимов в морфологии*. Волгоград: Издатель, 504 стр.
- Государственная фармакопeia Союза Советских социалистических республик*. 1987.11-ое изд. Выпуск 1. Общие методы анализа. М.: Медицина, 335 стр.
- Даль, В.И. 2006. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. М.: АСТ, 1155 стр.
- Денисов, С.Д., Пивченко, П.Г. 2012. *Эпоним в анатомии*. Минск: БГМУ, 67 стр.
- Дубровина, К.Н. 2010. *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.: Флинта: Наука, 808 стр.
- Извекова, Т.Ф., Грищенко, Е.В., Пуртов, А.С. 2014 «Эпонимы в медицинской терминологии» // *Медицина и образование в Сибири, филологические науки*, № 3 Сетевое научное издание Новосибирского Государственного Медицинского университета – http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1365

- Квашнина, В.В. 2005. *Гендерный аспект в легендах о народных названиях растения Фиалка трёхцветная Viola tricolor* – <http://sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/kvashnina.htm>
- Китайский фразеологический словарь. 汉语成语词典 2001. Сычуань: Сычуаньское лексикографическое издательство 四川辞书出版社, 1153 стр.
- Коколина, В.Ф. 2005. *Эпонимы. Синдромы и симптомы в гинекологии детского и подросткового возраста*. М.: Медпрактика, 99 стр.
- Колосова, В.Б. 2010. «Богородичные травы в русской культуре», *Русская речь*. №4. 98-104.
- «Крошечка-Хаврошечка. № 100» 1984. *Народные русские сказки А.Н.Афанасьева*: В 3 т. М.: Наука. Т. 1. 120-121.
- Лазовский, И.Р. 1971. *Клинические симптомы и синдромы. Эпонимы*. Рига, Звайгзне, 840 стр.
- Лаптева, Е.А. 2014. «Функционирование эпонимических терминов в энциклопедических статьях медицинского характера», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 12-2 (42). 106-108.
- Летова, А.М. 2012. «Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект», *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. № 2. 30-34.
- Лошаков, Л.А. 2008. «Система международных и национальных непатентованных названий лекарственных средств». *Вестник Росздравнадзора*. № 6. 31-33.
- Ляленкова, Т. 2006. «Мужчина и женщина. Феномен мачизма» // *Радио Свобода*. 9 апреля – <https://www.svoboda.org/a/137323.html>
- Мандельштам, О.Э. 1991. «Вокруг натуралистов. Литературный стиль Дарвина (к статье “Вокруг натуралистов”))» // Мандельштам О.Э. *Собр. соч.*: В 4 т. Т.3. М., Арт-бизнес-центр, 133-140, 169-178.
- Международная гистологическая номенклатура. Nomina histologica*. 1973. М.: Медицина, 96 стр.
- Международная классификация болезней МКБ-10* (русский перевод) 1995 <http://apps.who.int/iris/bitstream/10665/85974/1/5225032680.pdf>
- Международная патентная классификация (МПК)* 2000 - <http://www.wipo.int/classifications/ipc/ru/>
- Пальцев М.А., Аничков Н.М., Коваленко В.Л., Самохин П.А. 2006. *Справочник по эпонимическим и ассоциативным терминам в патологической анатомии*. М.: Русский врач, 226 стр.
- Пропп, В.Я. 2000. *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 336 стр.
- Розов, М.А. 2008. *Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии*. М.: Новый хронограф, 352 стр.
- Самусев, Р.П. 2007. *Анатомия человека в эпонимах* М.: Оникс, 656 стр.
- Самусев, Р.П., Гончаров, Н.И. 1989. *Эпонимы в морфологии*. М.: Медицина, 352 стр.
- Серов, В.В. 2005. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. М.: Локид-Пресс, 880 стр.
- Снегова, С. 2004. *Анютины глазки* – <https://www.proza.ru/2004/06/18-105>
- Степанов, Ю.С. 1997. *Константы*. М.: Языки русской культуры, 855-864.
- Стульгинский, С.В. 2004. *Космические Легенды Востока*. М., Сфера, 288 стр.

- Суперанская, А.В. 1973. *Общая теория имени собственного*. М.: Наука, 366 стр.
- Топоров, Г.Н. 1988. *Эпонимические термины в клинической анатомии человека*. Киев: Выща шк., 159 стр.
- Шрётер, А.И., Панасюк, В.А. 1999. *Словарь названий растений*. Koenigstein: Koeltz Scientific Books, 1033 стр.
- Чебанов, С.В., Мартыненко, Г.Я. 1999. *Семиотика описательных текстов*. СПб, СПбГУ, 424 стр.
- Яворский, С. 2017. *Камень веры Православно-Кафолической Восточной Церкви*. М., РПЦ, 824 стр.
- Яцукто, Д. 2006. Зачем носить череп в сумочке // *реакция*, №42, 4-14 декабря – <http://www.reakcia.ru/article/?1375>.
- Collins, R. 1998. *The Sociology of Philosophies*. Belknap, Harvard University Press. 1098+XIX pp.
- Garfinkel, H. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 367 p.
- Husserl, E. 1962. *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology*. New York, Collier Books. 376 p.
- International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision*. 2010 – <http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2010/en>
- Lakoff, G., Johnson, M. 2003. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 256 p.
- Nomina anatomica. Международная анатомическая номенклатура*. 1980. М.: Медицина, 240 стр.
- Verdoorn, F. 1944. «On the methods of biological history and biography with some notes for the collaborations of index Botanicarum» *Chronica botanica* 8, 4. 427-448.

Lin JINFENG
Sergey CHEBANOV

EPONYMS – NAMES OF BODY PARTS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Summary

Phraseological units with eponyms are one way of indicating body parts. In the Russian literary language such designations are few and often they are mythopoetic images of a complex semiotic status (Adam's head, the head of Medusa, the hand of Nemesis), but they are widely represented in the scientific literature, duplicating Latin. Almost free combinations containing eponyms are used to name specific details of the face (Stalin's whiskers, Budyonov's whiskers, Brezhnev's eyebrows). In Chinese there are practically no such phraseological units. Exceptions are the Latin names used in medicine.

Ма СЯНФЭЙ

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ

Тезис: Настоящая статья посвящена исследованию китайских фразеологических единиц с именем собственным, их описанию, классификации и определению места в картине мира. В работе представлена информация о персонажах, имена которых способны использоваться в языке как имена нарицательные и являются символами культуры. В долгой истории Китая, с этими известными персонажами связаны некоторые интересные предания. Например, 程门立雪 «стоять на снегу у двери дома философа Чэна» и 孙康映雪 «Сунь Кан учился при свете, отражённом от снега». 楚雨巫云 «дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань». Цель нашей работы представляет собой показание этих живых народных преданий, выявление влияния этих персонажей (имён) китайского язычного культурного пространства для того, чтобы обеспечить основное лингвокультурное понимание для интересующихся Китаем россиян и славян.

Ключевые слова: фразеологизм, лингвокультурологические свойства, компонент фразеологизмов, китайский язык, имя собственное.

Как отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и проявились в языке (Маслова, 2001), «лингвокультурология» возникла именно в связи с исследованиями фразеологизмов В. Н. Телия, Д. О. Добровольский, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский, Ю. П. Солодуб. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Во фразеологизмах, чем в других языковых единицах, проявляется субъективный человеческий фактор, отражающий лингвокреативный потенциал человеческого мышления (Буянова 2012:4). Как один из компонентов фразеологизма, имена являются неотъемлемой частью фразеологических единиц.

Что касается китайского фразеологизма, его исследование в Китае появилось сравнительно поздно и не отличаются систематичностью. В последние десятилетия начали формироваться основы изучения китайских фразеологизмов, во многом благодаря заимствованию теоретических основ семантики иностранных языков, в особенности русского языка. На данный момент, понятие фразеологизма в китайской лингвистике передаётся словом «шуйюй». «Шуйюй» - это устойчивое словосочетание, которое может использоваться только целиком, не допускает произвольной замены своих составных компонентов, кроме того, не может быть проанализировано с точки зрения словообразования (Словарь современного китайского языка: 259). Две самые главные структурные особенности шуйюй — устойчивое построение и единый, целостный, часто идиоматичный смысл всего выражения.

Взгляды китайских лингвистов на семантическую сторону фразеологизма сходны: значение фразеологизмов можно понять прямо по их внутренней форме с буквальным смыслом, однако для подавляющего большинства фразеологизмов трудно понять их смысл только по сумме значений слов-компонентов, особенно при шуйюй с именами-компонентами. К примеру, 程门立雪 (chéng mén lì xuě) (Хань Дянь) – дословно «Стоять на снегу у двери дома философа Чэна», имя собственное Чэн является фамилией человека Чэн И, который известен как учитель раннего неоконфуцианства. То есть в этом шуйюй существует сокращённое употребление имени собственного.

У философа Чэн И, жившего во времена династии Северная Сун, было два ученика. Звали их Ян Ши и Ю Цзо. Однажды учитель пригласил их к себе домой. Подойдя к дому учителя, Ян Ши и Ю Цзо увидели, что он отдыхает, прикрыв глаза. Ученики же не решались потревожить учителя и молча с почтением ждали, пока их учитель соизволит открыть глаза. Чэн И прекрасно знал, что его ученики уже здесь, но не потрудился открыть глаза или сказать им хоть слово. Прошло довольно много времени, прежде чем Чэн И открыл глаза и притворившись удивлённым, воскликнул: «Ах, вы уже здесь?!» А на дворе между тем стоял холодный зимний день. Когда ученики прощались со своим учителем (т.е. за время, пока они ждали под дверью его приглашения войти, а потом беседовали с ним), снега на улице прибавилось на один чи (мера длины, равная 0,333 метра).

Семантическое значение китайских фразеологизмов имеет потенциальный характер, когда смысл закладывается не в отдельном компонент-слове, а во всём фразеологизме. 程门立雪 (chéng mén lì xuě) понимается как «Стремиться стать учеником достойного учителя». А главное свойство снега в этом устойчивом выражении – вызывающие трудность, который имеет корень в его физическом свойстве (холод).

Данный фразеологизм в китайском языке используется, когда люди хотят описать своё уважение к своему учителю или почтительное отношение к окружающим высокообразованным людям.

Иногда имя особенное употребляет в китайском фразеологизме полным наименованием. 孙康映雪 (sun kang ying xue) — (букв. «Сунь Кан учился при свете, отражённом от снега.) — ‘неудержимое стремление бедняка к учёбе даже в то время, когда не на что купить свечу’ (Хань Дянь).

Имена — даются как названия предметов для отличия от других им подобных, причём обыкновенно само имя даётся по отличительным признакам предмета. Так, имена людей, местностей, животных, очень часто, а в древности и всегда давались по их отличительным признакам. (Полный православный богословский энциклопедический словарь. П. П. Сойкина. 1913.) Что касается имена местностей, они тоже существуют как компоненты в китайском фразеологизме. Например, 巫山楚雨 (Гора Ушань и Чуский дождь) 巫山楚雨 (букв. «Дождь в царстве Чу и облако над горой Ушань») — ‘любовное плотское свидание’ (Хань Дянь). Это устойчивое выражение — в силу достаточно крепких пуританских традиций — крайне редко встречается в речи носителей китайского языка и, соответственно, в корпусе современного китайского языка.

Гора Ушань находится на территории уезда Ушань (пров. Сычуань), перегораживая реку Янцзы и образуя знаменитые Три ущелья (Санься). С ней связано предание о страстных свиданиях чуского князя Сяна с феей этой горы, которая прилетала на свидания в виде тучки и проливалась дождём. Также известны стихи «Ночью у колдовской горы» китайского поэта Ли Бо, написавшего строки: Я ночь провёл под Колдовской горой, <...> — Там чуский князь когда-то ждал её. Высокий холм... Сун Юя вспомнив вдруг, Слезой я платье омочил своё» (Хань Дянь).

По преданию, безвременно умершая дочь мифического государя Янь-ди по имени Яо-цзи была похоронена на склоне этой горы, и Небесный государь назначил её божеством этой горы. Превращаясь утром в красивую тучку, она парила над горами, а по вечерам проливалась дождём. Поскольку она умерла вскоре после выхода замуж, то её сексуальная жажда не угасла. В предисловии к оде Сун Юя «Горы высокие Тан» и в его оде «Святая фея» говорится, что Яо-цзи явилась чускому князю Хуай-вану во сне и предложила свою любовь, а утром исчезла. Князь повелел построить Храм Утренней Тучки. С тех пор в Китае выражение «тучка и дождь» (юнь юй) стало синонимом любовного свидания (Китайская большая энциклопедия: 256). Особое осмысление дождя как явления романтического обнаруживается в оборотах, связанных с представлениями о любви.

Немногие китайские фразеологизмы лишены авторства, чаще они закреплены за человеком, но есть исключения, например, 朝秦暮楚 (zhao

qin tu chu), значит «утром стоять за царство Цин, а вечером за Чу». Этот фразеологизм, как полагают, из древней китайской книги, не имеющей автора. Он связан с историей VI-VII вв. до н.э., когда 6 царств боролись за власть. Самыми сильными царствами были Цин и Чу. Другие, слабые царства выбирали, кого поддержать, в зависимости от ситуации.

Или 有眼不识泰山 (you yan bu shi tai shan) – иметь глаза и не разглядеть горы Тайшань. Гора Тайшань, расположенная в провинции Шаньдун, считается местом возникновения древней китайской цивилизации. В Китае гора Тайшань ассоциируется с восходом солнца, рождением, обновлением. Слово “тай” означает стабильность и мир. Гора Тайшань обладает большой культурной и исторической значимостью для китайцев и входит в число пяти священных гор даосизма. Традиционно гора считалась местом обитания даосских святых и бессмертных.

Большинство китайских фразеологизмов связаны с героями притч, как например, 优孟衣冠 (you meng yi guan) — Юмэн, одевшийся умершим министром Сунь шуао, представился царям Чу и помог сыну Сунь шуао получить богатство.

Также 曹冲称象 (cao chong cheng xiang) — Цао Цао получил слона и хотел узнать его вес, но никто не мог взвесить этого слона. Сын Цао Цао, Цао Чун, придумал остроумный выход: слона положили в лодку, зафиксировали линию воды относительно горизонта, потом положили эквивалентные камни и взвесили эти камни.

Или с героями художественных произведений 顾曲周瑜 (gu qu zhou yu) — Чжоу Юй отлично овладел музыкой. Употребляется как характеристика людей, которые хорошо изучили музыку.

沆瀣一气 (hang xie yi qi) — Цуй Хан и Цуй Се были заодно, имели одинаковые устремления, это выражение имеет отрицательную окраску.

Как было отмечено выше, практически все фразеологизмы зафиксированы в литературных источниках, однако в эту группу можно включить только те фразеологизмы, которые были созданы авторами конкретных художественных произведений. Например: фразеологизм 有眼不识泰山 (you yan bu shi tai shan) включает название горы Тайшань. Он впервые появился в романе «Речные заводи»: “Как я (you yan bu shi tai shan) мог вас не узнать! Так это вы и есть знаменитый Лу Чжишэнь!” – и позднее стал широкоупотребительной фразой с переносным, метафорическим значением «не узнать кого-то или что-то знаменитое, не оказать должного уважения».

Но это лишь немногая часть китайской фразеологии. До сих пор многие аспекты китайских фразеологизмов с именами собственными ещё нуждаются в продолжительном исследовании для дальнейшей классификации.

Использованная литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. 2013. *Основы фразеологии (краткий курс)* М: Флинта; Наука. 312 стр.
- Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. 2012. *Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности.* М. : ФЛИНТА : Наука, 184 стр.
- Колодочкина Е. В. 2004. *Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках.* М., 168-173стр.
- Маслова В. А. 2001. *Лингвокультурология.* М.:Издательский центр «Академия», 208стр.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь.* 1913. В двух томах. - Спб.: Изд-во П. П. Сойкина. П. П. Сойкин.
- Шанский Н. М. 1972. *Лексикология современного русского языка.* М.:Просвещение.

Источники

- Хань Дянь. Словарь китайского языка. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zdic.net>
- Словарь современного китайского языка (версия 5) / Под ред. Люй Шусян, Дин Шэншу. – Пекин: Бизнес-издательство, 2005. – С. 44.
- Китайская большая энциклопедия. Т. 2. – Пекин: Китайская большая энциклопедия, 2009. – С. 604.

Ma XIANGFEI

LINGUACULTURAL PROPERTIES OF CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PROPER NOUN

Summary

This article is devoted to the study of Chinese phraseological units with proper noun, their description, classification and definition of a place in the world picture. The work presents information about characters whose names can be used in the language as common names and are symbols of culture. In the long history of China, there are some interesting legends associated with these famous characters. For example, 门 立雪 立雪 «stand in the snow at the door of the philosopher Chen's house» and 康 映雪 映雪 «Sun Kang learned by the light reflected from the snow.» 雨 巫 云 云 «rain in the kingdom of Chu and a cloud over the mountain of Wushan». The purpose of our work is to show these living folk legends, to reveal the influence of these characters (names) of the Chinese-speaking cultural space in order to provide the basic linguacultural understanding of the Russians and Slavs interested in China.

Лилјана МАКАРИЈОСКА

Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“
Скопје, Македонија

Бисера ПАВЛЕСКА-ГЕОРГИЕВСКА

НБРМ, Скопје, Македонија

ФРАЗЕОЛОШКИТЕ ИЗРАЗИ СО АНТРОПОНИМИ ВО МЕДИУМСКА УПОТРЕБА

Апстракт: Во трудот се разгледани фразеологизмите во чиј состав влегуваат личните имиња употребени во јазикот на македонските средства за информирање. Јазикот на медиумите се карактеризира со најголем степен на променливост и подложност на разни влијанија на сите рамништа, па и во фразеологијата, поради што забележавме нови, односно ретки и лексикографски недокументирани фразеолошки изрази со компонента лично име. Бележиме чести примери на фразеолошки промени, како контаминации, трансформации на стандардната форма на фразеологизмот, испуштање, додавање делови на фразеолошкиот израз или замена на една или на повеќе компоненти со други компоненти.

Клучни зборови: фразеолошки израз, антропоним, публицистички стил, разговорен стил.

Во рамките на разговорниот и на публицистичкиот стил, како најслободни стилови на изразување, едни од најомилените средства за постигнување концизност, сликовитост, експресивност, живост на изразот се токму фразеолошките изрази. Познато е дека перцепцијата за светот е фиксирана во јазикот. Културниот идентитет е најживо претставен во јазикот на идиоматските изрази што се пренесуваат од генерација на генерација, одразувајќи ја историјата, социјалното искуство, традицијата, начинот на живот и моралните принципи на родените зборуваачи (Abilmazhinova, Makhpirov 2014: 68).

При изборот на средствата за масовно информирање, во чии рамки особено живо е одразена употребата и на разговорниот стил, како основа за анализа на фразеолошките единици, истражувачите се мотивирани, пред сè, од нивните својства, т.е. од: масовноста и сеопфатноста, совршената

оперативност и непрекинатоста во комуникацијата со примателите (Станев 2013, сп. Андреева Димитрова 2016: 18), како и од синкретичноста на исказот; функцијата на коректив; функцијата на диктатор, функцијата на манипулатор. Јазикот на современите медиуми е првата пропустлива мембрана, којашто ги регистрира и реагира на пројавените општи закономерности во развојот на секој јазик (Андреева Димитрова 2016: 18).¹

Во фразеологизмите непосредно се реализира комбинацијата од експресијата и стандардот, што всушност претставуваат двете основни карактеристики на публицистичкиот стил (Замбова 2000, сп. Ватева 2011). Тие се претпочитаното и посакувано изразно средство во медиумскиот дискурс, како во својата нормативна, така и со секоја изменета, модифицирана форма (Андреева Димитрова 2016: 18).

Општоприфатените дефиниции на фразеолошките изрази, односно фразеологизмите² укажуваат на непроменливоста, нераскинливоста на структурата на фразеолошките изрази како една од нивните главни карактеристики, но и кај овој тип истражувани фразеологизми увидуваме силна тенденција за разни модификации и трансформации, пред сè заради информативната функција на средствата за јавно информирање и настојувањето да се привлече поголемо внимание кај примателите на информацијата. При трансформацијата, односно модификацијата³ на фразеолошките изрази се користат различни средства и најчесто се менува нивната структура, поретко семантиката, па се врши на пр. замена на една компонента со друга, испуштање на една или на две компоненти,

¹ Се смета и дека современиот медиумски дискурс не само што придонесува за создавањето на новата норма туку и ја игра улогата на норма (Василев 2000, сп. Андреева Димитрова 2016: 18).

² Заедничко им е тоа што се состојат од два или од повеќе збора, здружени по синтаксичко-семантички законитости со поврзување во една целина, чие значење не се разбира целосно јасно, а говорителите на одредена јазична заедница ги користат како секоја друга лексема на тој јазик. Постојат варијанти на фонетски план, на морфолошки план, на планот на зборообразувањето, на синтаксички план, лексички план, а има и комбинации на повеќе варијанти (Benzon 2006: 86–87). Низ литературата фразеолошките изрази различно се дефинираат и класифицираат. Притоа, според едни фразеологијата ги опфаќа изреките, пословиците, идиолектите и секој друг вид на колоциран исказ со кој се денотира одреден објект, совет, идеја или што било друго со значење што, во одредена мера, се разликува од буквалното значење на зборовите што се користат во нив, а според други само оние јазични конструкции што имаат значење што јасно се разликува од збирот на значења на посебните зборови (Kesić, Muhić 2013: 29).

³ Во однос на термините што се поврзуваат со нестандартните изместувања, промените на стандардната форма на фразеолошките изрази, најшироко употребуван е терминот трансформација, а со него се поврзуваат и модификација, преобразување, измена на фразеолошките единици итн. (Андреева Димитрова 2016: 26).

проширување на фразеологизмот со дополнителни елементи и сл. Чести се цитирањата и парафразирањата на познати личности, со тоа што нечија изјава се „фразеологизира“ со елементи што имаат функционална или асоцијативна врска со темата за која се пишува. Чести се и натрупувањата на различни фразеолошки изрази во рамките на текстот.

Употребата на личните имиња во рамките на фразеолошките изрази ѝ се припишува на антропоцентричноста на јазикот⁴. Поради ова, личните имиња и стануваат дел од фразеологијата на еден народ, т.е. поради нивната голема важност во човечката комуникација, каде што претставуваат знаци на културниот, јазичниот, географскиот и на општествениот идентитет. Нивната анализа може да даде увид во меѓусебната поврзаност на јазикот и културата во фразеологијата.

Предмет на нашиот интерес се фразеолошките изрази коишто како составна компонента имаат антропоним (вклучувајќи ги презимињата и прекарите, но не и етнонимите), и тоа од современ аспект, како дел од јазикот на секојдневната комуникација, особено во електронските медиуми. Притоа се осврнуваме на специфичностите на овој вид комуникација во која се користат фразеологизми со компонента антропоним, односно на функцијата на овој тип фразеолошки изрази во неа, како и на нивните структурни и семантички промени. Во трудот ќе се осврнеме на примери од печатени и од електронски списанија, официјални интернет-страници на телевизији и на други институции, но и од форуми, блогови и сл. Материјалот го поделивме во неколку групи врз основа на потеклото на антропонимот којшто влегува во состав на фразеолошкиот израз, па издвоивме: фразеолошки изрази со антропоними што се поврзани со Библијата, во следната група фразеолошки изрази со ликови од книжевни дела, ликови од класичното наследство, митолошки ликови и ликови од антиката, во посебна група се фразеолошките изрази со лични имиња што ѝ припаѓаат на популарната култура, урбани легенди, вистински и ретко легендарни луѓе поврзани со секојдневниот живот на Македонците и петтата група ја сочинуваат фразеолошките изрази со имиња преземени од онимијата на други народи.

⁴ Антропоцентричната парадигма својствена на лингвистичките истражувања во последните децении ја нуди можноста од поефикасно истражување и решавање на главните теоретски проблеми. Со неа може да се истражува тријадата јазик – култура – човечко суштество, нагласена од Емил Бенвенист, при што се земаат предвид сите објективни аспекти на манифестација на човекот „во јазикот и низ јазикот“ (Abilmazhinova, Makhpirov 2014: 68).

1. Фразеолошки изрази со антропоними што се поврзани со Библијата, односно со христијанството.

За овие фразеолошки изрази, коишто уште се нарекуваат библиски фраземи, се смета дека се покарактеристични за книжевниот стил⁵, но ние сретнавме примери и во разговорниот и во публицистичкиот стил, иако, сепак, поретко во однос на другите групи. Во продолжение ги наведуваме забележаните примери:

Од времето на дедо Ное / потопот / Од дедо Ное (книж.) *од многу одамна, од најстариите времиња:*

Уставоџи ни е од дедо Ное, ама стравоџи од ѝромени и нови барања (www.mkd.mk) / *Комјунџероџи на кој се изучил свејскиоџи ѝрвак е од „времето на дедо Ное“* (www.vecer.mk)⁶

Како од свети Петар кајганата / Колку на свети Петар кајганата (жарг.) *многу скаџо:*

Еврообврзницаџа и кајганаџа на светиџи Пеџар (www.dnevnik.mk) / *Разузданаџа власџи нџ чини како св. Пеџар кајгана* (www.utrinski.mk) / *Преџродавањето билеџи од ОИ како „Кајганаџа на св. Пеџар“* (www.time.mk).

Од Адам и Ева 1. *од многу одамна* 2. *многу оџширно* (раскажува и сл.):

Мислам дека недокваканиве своето џоџекло џо имаџи не од Адам и Ева, џуку од ѝрвиоџи и најџросџи едноклеџочен орџанизам амеба (www.utrinski.mk).

Адамово јаболко *џоиздадена 'рскавица од џркланоџи на ѝредниоџи дел од враџоџи кај маж:*

Мажиџе со сџуџиџено Адамово јаболко се исклучиџелно добри љубовници (www.vecer.mk).

Во Адамовиот костум (книж.) *сосем џол:*

Сейак, далеку од џџоа дека „Адамовиоџи косџим“ на Аксел беше ѝричина за расџадоџи на бендоџи, џуку џовеке неѝрѝеливосџа џомеџу неџо и џиџарисџоџи ... (www.on.net.mk).

Во Евиниот костум (книж.) *сосем џола:*

Цексон џо смени Евиниоџи косџим за бикини (www.star.dnevnik.com.mk) / *Важно е да знаеџе дека склоносџа на вашеџо деџе кон „Евиниоџи*

⁵ Анализите на библиските фраземи во словенските јазици обично ја покажуваат нивната ограничена употреба, па така на пр. се смета дека дел од библиските фраземи во хрватскиот јазик не се употребуваат активно и главно му припаѓаат на книжевноуметничкиот стил (Ораџиќ 2014: 204).

⁶ заб. на лекџороџи: сите наведени примери (ексцерпти) се оставени во изворната форма.

косиџим“ не значи дека џоа е џредогредено до крајоџи на живоџоџи да биде член на нудисиџичкаџа колонија (www.mama365.mk).

Си ги мне рацете (како Пилат) 1. ја симнува одгџоворносиџа од себе; 2. ја џрефрла одгџоворносиџа на груџ:

Народоџи одлучи, Пониџиџ Пилаџи си џи изми рацеџе. (www.mkd.mk) / К. во „Пониџиџ Пилаџи“ сиџил: Не е наша рабоџа како џроџекла фоџоџрафија од судеџеџо... (www.lokalno.mk).

Јудин бакнеж џредавнички бакнеж / џосџаџка:

Аболиџиџаџа на З. е „Јудин бакнеж“ (www.utrinski.mk) / Таквиоџи начин на џодмолно џредавсиџво и денес се вика Јудин бакнеж. (www.dnevnik.mk).

Неверен Тома (книж.) човек сиџо не може да биде убеден во неџиџо и сака сѐ сам да џровери:

Значи, „неверен Тома“ сум и скеџиџик (www.utrinski.mk).

Давид и Голиџат џроџивници со нееднаква сила; нерамноџравна биџџка; џобедга на џослабиоџи над џојакиоџи:

Власџа сака да биде и Давид и Голиџаџи во исџо време (www.okno.mk) / Едно од најгџолемиџе задоволсиџва во сиџорџиоџи е коџа Давид ќе гџо џобеди Голиџаџи (www.time.mk).

2. Книж(ев)ни фразеолошки изрази

– обично поврзани со меџународно познати дела:

Балкански Дон Кихот (книж.) Балканец сиџо не живее во реалниоџи свеџи:

Продолжувам да гџо водам аниџисџалинисџиџичкиоџи боџ како амбиџиозен балкански Дон Кихоџи (www.toaetoa.com) / Па џоџ џолку е засилен, небаре е Дон Кихоџи од Македонија. Го џоведува народоџи џраво кон веџерниџиџе. (www.ndm.org.mk) / Негџоџинскиоџи Дон Кихоџи џи џобеди веџерниџиџе – оџџвори Музеџ на олдџаџмери (www.negotinoinfo.mk).

Како Дон Кихот против ветерниџите залудна борба:

Лице в лице – Дон Кихоџи, кој им џркоси на веџерниџиџе на живоџоџи (www.mk-mk.facebook.com) / Моџоџи Дон Кихоџи се бори со денешниџе џинови (www.vest.mk).

Донкихотовски поход (книж.) акџија сиџо нема врска со сиџварносиџа:

Обидиџе џреку деклаpации да ја џовикаџе анесџезиpанаџа совесџи на џолиџиџичкаџа класа, делувааџи како донкихоџовски џоход на веџерниџиџе. (www.coalition.org.mk).

Пештерата на Аладин / Аладинова пештера⁷ *место каде што се складирали многу необични и интересни предмети:*

Повеќе растела со селаниште, училилиште, бирокрацијаше и занаетчијаше кои навалиле во оваа мајројолска Аладинова пештера. (www.star.vest.com.mk).

Кафкијански лавиринт (книж.) *загадочна бесмислена ситуација:*

Како и секогаш кај нас, одговорноста се префрла од еден на друг во манир на еден кафкијански лавиринт (www.utrinski.mk) / Кошмарот да бидеме жртви во некаков зајлейкан кафкијански процес (www.vesnik.mk).

Овој фразеологизам, како и повеќето книжевни фраземи, го сретнавме во повеќе варијанти, односно во практиката доживеал различни модификации, па имаме **кафкијанска фигура, кафкијански свет** и сл.:

Тревис (ш.е. холијичкиот планер на Скопје, тајната кафкијанска фигура што ни ја зацитува сигурноста) е заробен во својот ситан, во својот ум. (www.globusmagazin.com.mk) / И сега се движиме кон кафкијански свет, вели Елиф Шафак (www.daily.mk).

Вартоломејска ноќ (книж., исш.) *масовен колеж на невини жртви:*

„Црниот понеделник“ е македонската Вартоломејска ноќ (www.grid.mk) / Во таа ситашна македонска Вартоломејска ноќ раководството на Илинденската организација јанично ќе се обиде да избега од својото на злосторството. (www.documents-mk.blogspot.mk) / Некои хумористички женомрси можеби веќе сонуваат за Вартоломејска ноќ за жениште. (www.ladante.mk).

Дон Жуан *голем љубовник:*

Дон Жуан во нашиот кафич. (www.motika.com.mk) / Охридски Дон Жуан со измама земал пари од туристите (www.kajgana.com) / Се ожени македонскиот Дон Жуан (www.ubavinaizdravje.mk) / Лицемерношо однесување на холијичкиот Дон Жуан. (www.dnevnik.mk).

На цар Тројан козји уши / Цар Тројан има козји уши *за некого, што се обидел нешто да скрие, но веќе сè се разбрало:*

Овој хороскопски знак како да е испаднат од приказната „Царот Тројан има козји уши“ (www.kukuriku.mk) / За вакви шези отвори си блок - и таму шруби дека „царот Тројан има козји уши“ (www.archive.li).

3. Фразеолошки изрази од класичното наследство

Митолошки и ликови од грчката и римската антика. Овде се карактеристични придавските форми од личните имиња што влегуваат во состав на фразеолошките изрази.

⁷ Од Арапски ноќи – Aladdin's cave.

Аријаднин конец (книж.) она што ѝомаѓа да се најде излез од теешката ситуација:

Еѓзилој до научи дека, иокму во услови кога доминира инерцијата на десјотската влас, останува широк простор за раководење според интуицијата, небаре Аријаднин конец на судбината. (www.makedonski.info).

Ахилова петица (книж.) најслабото, најранливото место на некој или на нешто:

Македонското прашање е Ахиловата петина за грчкиот мит (www.mkd.mk) / Исиднав Хомеровски слеј: љубената Елена ме шутина како со Ахилова петина и со некојси тројански коњ победна за Париз! (www.reper.net.mk).

Сизифовски маки (книж.) потражни маки:

Преку сизифовски маки до Гинис. (www.tvn.mk) / Со сизифовски маки ќе до туркаме каменот, оти на што ни е јасно дека сега не може да има преговори за името (www.dnevnik.mk).

Сизифова работа (книж.) 1. непрекината, заморна и бесцелна работа; 2. залудна работа без цел и смисла:

Ова е Сизифова работа, не се срамиме од досега сработеното (www.ekipa.mk); Да се биде чекор напред пред кибер криминалот е несспоредливо потешко, да не речам Сизифова работа (www.emiter.com.mk);

сизифовска битка:

Грија води сизифовска битка (www.daily.mk); Спонтанствениците водат сизифовска битка со различни објективни но и субјективни пречки. (www.globusmagazin.com.mk).

Танталови маки (книж., мит.) исконски маки; залуден коџнеж по нешто што е сосем блиску, а сепак е недостижно:

Со Танталови маки до јасоти (www.daily.mk) / Големот трансир – маки Танталови (www.off.net.mk).

Дамоклов меч (книж.) опасност што постојано му се заканува на човека:

Новинари под Дамоклов меч во Сочи (www.time.mk) / Тој ќе биде уште еден тај Дамоклов меч со кој неусетно ќе се цвака Гордјевиот кризен јазол... (www.zurnal.net).

Авгиев обор / коџушници / штали (книж., мит.) многу нечиста просторија:

Ние треба... да застанеме на шие островчиња на нозе и понатаму да ги исчитиме шие „Авгиеви коџушници“ (www.mk.rbth.com) / Македонија мора да ги исчитат своите Авгиеви штали на криминалот (www.star.utinski.com.mk);

Ги создадовте сите можни Појемкинови села и Авѓиеви штиали, ја така сега ситанавме нешто помеѓу „ни риба ни девојка“ (www.tribunmkd.blogspot.mk) / Кога излегоа моите йолемички шекстинови озаглавени со „Македонските Авѓиеви штиали“, ги пречека ошти молк (www.bkks.org).

Пандорина кутија извор на различни големи и нейредвидливи неволји:

САД усвојуваат закон што се заканува да биде „Пандорина кутија“... (www.mkd.mk) / Пандорината кутија на финансирање невладини организации (www.off.net.mk).

Единов комплекс збир на љубовни и нејријателски чувства кое секое дете ги има за своите родители:

Жени не бирајте мажи кои имаат Единов комплекс! (www.vecer.mk) / Францускиот Единов исламистички комплекс (www.libertas.mk).

Како Диоген со ламбата / светилката:

Идај избори и јас веќе избрав...наместо да шетам овде денски како Диоген со ламбата ... си ги пакувам куфериите и ја онаа буѓарскана праам „Дим да ме њама“ (www.off.net.mk) / Добрите просветни работници ситанаа како илти во што сено. Ти треба светилката на Диоген за да ги пронајдеш (www.crnobelo.com) / Оние йорелигиозните и филозофи ја душа ги разбираам кога йосакуваат светилката на Диоген да не се зайаат сè до моментот кога на ова македонско йло, човекој не ситане уште йочовечен (www.ndm.org.mk).

Го пресече Гордиевиот јазол на йроси начин реши некоја зайлейкана, шешка задача / **Гордиев јазол** (книж.) зайлейкана, замрсена работа; шешко решлив йроблем:

Уставниот суд ќе го пресече Гордиевиот јазол? (www.dw.com) / И не гледам човек што ќе се фати за мечот за да го пресече овој Гордиев јазол (www.dnevnik.mk).

4. Фразеолошки изрази со ликови од популарна култура

Урбани легенди, вистински луѓе, ретко легендарни луѓе поврзани со секојдневниот живот на Македонците:

Ете ти, Маро, гајтанот / држи го Маро гајтанот (ирон., шеж.) си накаја белџа, наситана йроблем:

Тоа што ти рекло дека не йоддржува АСПИ е држ'го Маро зајтанот (www.forum.it.com.mk) / А кога ќе снемаат пари ја маваат картицата во банкоматот и после кај е Маро гајтанот (www.forum.kajgana.com).

За нероден Петко капа крои (ирон.) однайред се вршат йодготовки

и се *йрават* *йланови* за нешто *сосем несигурно*, за кое не се знае дали ќе се *осијвари*:

Т. на нероден Пејко каја му крои. (www.grid.mk) / На нероден Петко, Владата и Локалната упорно се обидуваат капата да му ја скројат. (www.tvn.mk).

Мајка Јана да му е / Па да му е мајка Јана / Па Јана мајка нека му е 1. *йо секоја цена (ќе стори нешто)*; 2. *йо никоја цена (нема да стори нешто)* / **Ќе го направиш тоа па мајка Јана да ти е - йо секоја цена:**

Какви и да се, на Интер ќе му дадат барем 1 зол па мајка Јана нека е. (www.forum.kajgana.com) / *Ама коа сум у право не йоуштам ни заирка „па мајка Јана нека е“.* (www.brif.mk).

Стојанова мајка плаче, Бежанова не - наситрадува йрисуйниот, а не оној што избегал:

Стојанова мајка плаче, Бежанова не плаче! После онаа маса народ на пројектот, кај смеат йорлокалчињата да излезат на избори (www.utrinski.mk) / *Пасириот храбро избега! Знае тој, Стојанова мајка плаче, Бежанова не плаче!* (www.info.mk).

Пара (пари) на рака, Мара за рака *йрво да се йлаати, па йштоа да се земе договорено, йазарено:*

Правилото „йара на рака, Мара за рака“ е најосакуваното сценарио и од йрзовиците и од кулвачиците (www.time.mk) / *Наш филм Пара на рака – Мара за рака, и Мара веднаш йо свадбата кидна со Кумот.* (www.mk-mk.facebook.com).

Женски Пејо 1. *маж што се интересира за женски работи* 2. *маж што во сè ја слуша жената и ѝ е йоичиней* / **Женски Петко** - *маж што се однесува како женско и се занимава йрејечно со женски работи:*

Ма зема ти цети бе, мажиче.... Он дрва ќе редил, женски Пејо... (www.forum.kajgana.com) / *Карлеуша: Дечкото на Цеца е „женски Пејко“* (www.republika.mk).

Се прави на Тошо / три и пол / удрен / луд - *се йрејрава дека не знае, не разбира; се прави глупав:*

Муришо се йрави на „Тошо“ (www.ekipa.mk) / *Ј. нека не се йрави на Тошо, во Собрание се йоднесува йнтерјелација.* (www.plusinfo.mk).

Опнал Петко пушка на гола трбушка (ирон.) *зол сиромав, а се йешили:*

За такави салтанати оваа државичка нема йари. За таквици важи онаа, народната „опнал Пејко йушка на зола трбушка“ (www.star.utrinski.com.mk).

Преку Тасе / Стојко му е (вулг.) *воошто не му е зрижа:*

Преку Тасе од ВЦ шолји во кои не смееш да фрлиш хартија во 2012 год. (www.off.net.mk) / *Дојдени ни се йреку Тасе, а им зго збираме од*

времето на цијашиката акција на П.В. и Р.Ф. (www.libertas.mk) / Од кукање и констатирање дека не се нормални преку Тасе (www.okno.mk) / Преку Ситојко ми е од иакви неписмени херои, бе! (www.forum.kajgana.com) / Преку Ситојко ми е од разноразни поборници за нереален соживот (www.forum.idividi.com.mk).

Овој фразеолошки израз има повеќе варијанти, односно наместо личното име може да се сретнат разни други зборови, а значењето не се менува. Еден од поинтересните е и составот **преку брков ми е** (www.dnevnik.mk).

Ме заболела Таска (Балабанова) - воопшто не ѝ е зрижа:

Па сега тебе те заболела Таска извини на муабетович не му ја мисли (www.forum.femina.mk) / Ме боли Таска како се вика фирмата, сè додека добро си ја работи работата (www.forum.kajgana.com) / А бре жено, што те боли тебе Таска Балабанова на која адреса живеам и на која се водам?! (www.forum.femina.mk).

Миж Митре тулумби врат (ирон.) отворено изразување недоверба кон нечији зборови или во однос на реченото од ирејто лице:

Инаку делење на една проспорија на пушачки и непушачки дел е чиста злост или што би рекле ние у Сирумица „мижи Митре тулумби врати“ (www.forum.idividi.com.mk).

Од сите страни Ѓорѓи / Никола сардисан - иришисна од сите страни со проблеми:

Од сите страни Никола сардисан (www.dnevnik.mk) / Карма-каша, од сите страни Ѓорѓи сардисан (www.forum.kajgana.com).

Од кал да е, Ѓорѓи да е повеќемина од присушните се носители на тоа име и ие се важни за дадениот момент или си иридаваат важност. Овој фразеолошки состав го сретнавме со друга компонента наместо личното име, но основната семантика се задржала: **Од кал да е, само ситранство да е** (www.sport.com.mk).

Кај си Болен Дојчин / Еве го Болен Дојчин израз на шега кога се оди кај болен, или при средба со болен:

Сујер Марио ќе го лекува болен Дојчин? Марио Драги, кој во јавноста се почесто го нарекуваат Сујер Марио, ја смирува јавноста и вејува дека ќе најрава сè за да го сјаси европото (www.daily.mk).

Јово на ново сè одново треба да се најрава:

И сега ми бараат сè Јово на ново зошто стариите документи застареле (www.forum.kajgana.com) / Таман почна да го ие пак Јово на ново, мрсули, кашлање. (www.ringeraja.mk).

Тодет, Тодет што те бодет? - Што ти е?:

Не покажувај мила никогааш сомнеж ... Зошто? Ја знаеш онаа „Тодет, Тодет што те бодет“. Е баш затоа ... Ќе си помисли дека си ти иако неверната (www.forum.crnobelo.com).

5. Фразеолошки изрази со имиња преземени од онимијата на други народи

Јас му велама Анте, а тој Антекурела; Му велиш Анте, тој ти вели Антекурела; Не Анте, ами Антекурела (ирон., шеџ.) *всушност* за *истио мислај*; *зборуваат за истио нешто*:

Јас Анти, тој Антикурела! Пак како тијан за йлош! Ај йо виоториат (www.forum.kajgana.com) / *Ти реков дека тие сакам, а ти се йравиш на тири йлол. Јас ти велама Анти, а ти ми велиш Антикурела.* (www.zenitprilep.com.mk).

Каде сите таму и гол Асан 1. *коџа некој йреба да се йприклони кон мнозинството и коџа не е уверен во исправноста на нешто*; 2. *каде што се сите ќе се најде место уште за еден*:

Демек, 4 Јули вака се спонзорирал секаде во светот. Каде сите Турци, таму и гол Асан... (www.star.dnevnik.com.mk) / *Никако не ми се уште йребува зборот „наставок“, но сите го уште йребуваат, ја и јас. Каде сите йурици, йука и гол Асан.* (www.pcela.mk) / *Кај сите Турци таму и гол Асан – Иван Раденов му ја здувна од Македонија!* (www.vistina.mk).

Миж, Асан, да ти баам (ирон.) *отворено изразување недоверба кон нечи зборови или во однос на реченото од иретото лице*:

Ама ако йуку-йака замижам ќе ситанам како оној Асан кому му рекле „Миж да ти баам“, а йосле којзнае за што му йребајале (www.zenica.mk) / *Ова со деловните йајни, се миж Асан да ти баам муабети* (www.forum.it.com.mk).

Како Курто и Мурто на магарето / Слез, Курто, да се качи Мурто - *оситанува сè што, нема никаква йромена*:

Сето што е „Слез Курто да се качи Мурто“. Сум ја кркал йаа манца (www.daily.mk) / *Мојот одговор за Бишпола е јасен, да слезе Курто да се качи Мурто* (www.facebook.com) / *Слезе Мурто, се качи Курто, само магарето оситана ни мое ни йвое* (www.ohridsky.com) / *Со недонесувањето на закон за една изборна единица ние сме сведени на избор „змија или магаре“ односно „Мурто или Курто“* (www.libertas.mk) / *И йолку. После е лесно. Ситани Курто, да седни Мурто.* (www.revolucionermk.com).

Посмали Манго - *не лажи йолку, лажата ти е очигледна*:

Дружарите го слушаа, се йодбуцуваа меѓусебе, некои йифрлаа „посмали Манго“, дружи одобруваа и се чудеа на неговите ловечки усеси (www.itarpejo.org).

Алајбегова слама - *оштита, односно ничија соственост за која никој не води сметка*:

Полека йоминува времето на Алајбегова слама и што йреба да се има во вид (www.forum.kajgana.com) / *Државните ресурси ги йретират како Алајбегова слама.* (www.fokus.mk).

На Шукара басмата на прање отвора - оџијосле ќе се види кој каков е:

Си леѓна Пејџре и исџадна на Шукара басмаџа (www.forum.femina.mk) / М. оџвори како на Шукаре басмаџа. (www.erizaov.mk).

Вујко Сем⁸ - џерсонификаџа за Америка, американскаџа влада; американско влијание:

Вујко Сем џо грџи Г. за маџиња (www.forum.kajgana.com); Се чека „Вујко Сем“ да ја спаси Македонија! (www.faktor.mk) / Секоџаш коџа Вујко Сем бомбарџира, исламисџиџе најреџуваџи во Сирија. (www.daily.mk).

И ти ли сине Бруте - џреџавсџво:

Зар и џи, сине Бранко? (www.narodenglas.com); „Зар и џи сине Бруџе“ ќе биде вероџаџно најчесџо изџоваранаџа реченица во џериодот кој следи во џарџијаџа. (www.doznaj.com.mk).

Тој е Квислинџ - џреџавник:

Времеџо на македонскиот Квислинџ и Ш. измина (www.slobodnaevropa.mk) / Таман џи џограснав нокџиџе на завидна долџина и се џоџкрши исџиот џлуџав нокџ на џоказалеџот од деснаџа рака кој е деџурен Квислинџ или Јуџа (www.forum.femina.mk).

Потемкинови села - неџиџо џиџо џосџо само имаџинарно:

И во џоџлавџе џоделени: За еџни хаос, за друџиџе Поџемкинови села (www.meta.mk) / Поџемкинови села во меџумскиот секџор. (www.ssnm.org.mk);

Потемкинови работи (книџ.) нереџли мечџи.

Проучувањето на националната и на културната компонента на фразеолошките изрази ни дава можност за осознавање на: националната култура, менталитетот, начинот на размислување и сл., мотивацијата на личните имиња и асоцијациите за родените зборуваџи. Оттука произлегува и суштината на еволутивниот процес, меџусебната поврзаност на јазикот и социјалното окружување, националните етно-културни особености и др. наследени од предците, па изразени и во фразеолошките изрази. Секоја наџија во определен период има свој ономастикон што вклучува сопствени имиња од различни сфери, како израз на традиционалната култура, на колективните потреби и специфичности на заедницата (Abilmazhinova, Makhpirov 2014: 76–77).

Антропонимите што се составен дел на фразеолошките изрази се историски, општествено и културолошки значајни за националната култура, а голем број се посредно или непосредно позајмени од туџи култури. Во однос на големата застапеност на антропонимите, може да се увиди и дека

⁸ Американската икона, Вујко Сем, е базирана на Семјуел Вилсон, месар кој во војната во 1812 година им продавал месо на војниците.

постојано се создаваат нови фразеолошки изрази, со актуелни имиња, без разлика дали произлегуваат од литературата или од секојдневниот живот. За тоа е заслужна веќе споменатата антропоцентричност на јазикот. Меѓу имињата на лица, пак, се забележува дека преовладуваат машките во споредба со женските имиња, како и имињата наспроти презимињата.⁹

Кај новинарите се забележува особена склоност кон употребата на фразеолошките изрази со антропоними и притоа се прави избор од фразеолошките изрази според комуникациските потреби, па може да се користат за да се внесе поголема доза иронија, хумор, да се нагласи одредена идеја, индиректно да се искаже негативна оценка итн. Честопати, се внесува и личен белег со вметнување елементи, создавање нови варијанти, што звучат уште повпечатливо (или се употребуваат разговорни или жаргонски фразеологизми). Оттаму, фразеолошките изрази коишто првенствено се сметаат за нераскинливи и неменливи зборовни состави, со леснотија се менуваат, се комбинираат, се скратуваат, се прошируваат и сето тоа во прилог на поголемата изразност. Во текстовите што му припаѓаат на разговорниот стил има уште поизразено тежнеење кон деформација, модификација и трансформација на традиционалните фразеологизми, бидејќи станува збор за спонтаното пресоздавање на затврднатиот фразеологизам, под влијание на контекстната ситуација.

Според Михаљиќ и Ковачевиќ (2006: 147) фразеолошките игри се почести во насловите заради продажно-рекламната функција на новинарските наслови, што придонесува за модернизација на фразеологизмите. Голем дел од посочените примери на фразеолошките изрази со турцизми се наслови на новинарски текстови, на пр.: *Дамоклов меч*; Енергетските проекти како *Појтемкинови села*; *Мижџи Асан да ѝ ги баам!*; Работниците пред *сизифовски маки*; Со *Танџалови маки* до пасоши; Жени не бирајте мажи кои имаат *Едџиов комџлекс!*; Уставниот суд ќе го пресече *Гордџевиовиџ џазол?*; Работавата *ише ми џа Ѓура* итн.

За овој вид фразеологизми, исто така, е карактеристично нивното вклопување во рамките на реченици-афоризми: Наш филм *Пара на рака – Мара за рака*, и Мара веднаш по свадбата кидна со Кумот; *Слезе Мурџо, се качи Курџо*, само магарето остана ни мое ни твое; *Џабе и Тиџо да си*. Секогаш ќе се најде некоја Јованка да ти ја вади душата на памукче и др.

Покрај тоа, бележиме примери на свесно натрупување на фразеолошки изрази од овој тип во рамките на истата реченица, со цел да се постигне посебен стилски ефект: Испаднав *Хомеровски слиј*: љубената

⁹ Според Пиерини (Pierini 2008) слабото присуство на женските имиња е мотивирано од социокултурните фактори: во општеството мажот играл и уште игра поактивна улога во однос на жената. Фразеолошките изрази со женски имиња најчесто се користат за означување негативна, помалку позитивна оценка.

Елена ме шутна како со *Ахилова ѝеџица* и со некојси *ѝројански коњ* побегна за Париз!; Ги создадовте сите можни *Поѝемкинови села* и *Авџиеви шѝали*, па така сега станавме нешто помеѓу „ни риба ни девојка“; Тој ќе биде уште еден тап *Дамоклов меч* со кој неуспешно ќе се цвака *Гордиевиоѝ* кризен *јазол* инсталиран противустанво во Македонија.

Има и примери на лексички варијации, па се бележи замена на антропонимот со друг, обично кај оние фразеолошките изрази со домашни имиња познати од секојдневието, па можни се локални варијации, на пр. кај *ѝреку Тасе* / *Сиѝојко му е*; *Бушава Мара* / *Каѝа*, а кај некои фраземи антропонимот се заменува со друг збор што не е лично име, но значењето не се менува, на пр. *се ѝрави на Тошо* / *ѝри* и *ѝол* / *угрен* / *луд*, или наместо *ѝреку Тасе* / *Сиѝојко му е*, може да ја сретнеме варијантата *ѝреку брков ми е*. Постојат и примери во кои се варираат и другите компоненти од фразеолошкиот израз, на пр. наместо изразот *балкански Дон Кихоѝ*, среќаваме пример со *Дон Кихоѝ од Македонија* или *неџоѝински Дон Кихоѝ*, или *Авџиев обор* / *коњушници*, но и *Авџиеви шѝали*; наместо *Слезе*, *Куриѝо*, *да се качи Мурѝо* ја среќаваме варијантата со глаголите стане и седне – *Сиѝани Куриѝо*, *да седне Мурѝо*; па варијантите *Којко* / *Којчо од Габрово* / *Коњари* / *Кочишѝа* итн.

За разлика од варијациите на фразеолошките изрази, за модификациите се смета дека се ситуациски обусловени, иновативни и тесно поврзани со конкретен текст или комуникациски акт, па на пр. понекогаш се врши свесна, контекстуално условена замена, на пр. во фраземата *од сиѝе сиѝрани Ѓорѓи сардисан*, антропонимот се заменува со друг, во случајот *Никола*, и тоа е разбирливо само во текстот во кој се јавува, бидејќи се мисли на конкретен лик од секојдневието. Има и други вакви примери: И по *Тиѝо Тиѝо – Пеѝковски*; И по *Тиѝо*, *Бранко*; *Зар* и *ѝи*, *сине Бранко*? и др. Во денешно време во ваквите фразеолошки изрази најактуелните ликови кои стануваат нивни главни компоненти најчесто ѝ припаѓаат на политичката сфера.

Најчести видови модификации се трансформациите на стандардната форма на фразеологизмот со промена на граматичкиот состав или распоредот на компонентите: *кајџанатиѝа на свеѝи Пеѝар* (наместо „од свети Петар кајганата / на свети Петар кајганата“); *оѝвори како на Шукара басмаѝа* (наместо „на Шукара басмата на прање отвора“) итн.; понатаму, се врши испуштање (најчесто на глаголот): *Мурто* или *Курто* (без слезе и качи); или додавање делови на фразеолошкиот израз, на пр.: во „*Понѝиј Пилаѝ*“ *сиѝил*; *едно џолемо Поѝемкиново село*; *миѝи Асан да ѝи баам муабейѝи*; *македонски Авџиеви шѝали*; *ѝаѝ Дамоклов меч*; *Гордиевиоѝ кризен јазол*; *еѝски Таниѝалови маки*; *охридски / македонски / ѝолиѝички Дон Жуан*; *меѝроѝолска Аладинова ѝеѝиѝера*; *зайлеѝкан кафкиѝански ѝроцес*;

квази-донкихотовски мозок итн.; или фразеолошка игра на зборови: *Ама ако ѿуку-ѿака замижам ќе сѿанам како оној Асан кому му рекле „Мижиде да ѿи баам“; И ѿо Тиѿо Тиѿо: Груевски факаѿе ли ѿо?; Од кал да е, само сѿтрансѿво да е; Ти ѿреба свейѿилкаѿа на Диоѿен за да ѿи ѿронајдеи; Со сизифовски маки ќе ѿо ѿуркаме каменои; Варѿоломејска ноќ за жениѿе; Лице в лице – Дон Кихои, кој им ѿркоси на вейѿерниѿиѿе на живоиѿои; Мојои Дон Кихои се бори со денешниѿе ѿинови; Не сме Давид иѿио ќе ѿо ѿобеди Голијаѿи итн.* Токму за ваквите, т.н. оказионални фразеологизми се смета дека најмногу ја поттикнуваат фантазијата кај примачот на пораката (Ватева 2011), со што испраќачот ја постигнал својата главна цел при употребата на фразеолошкиот израз со антропонимска компонента.

Користена литература

- Велјановска К. 2006. *Фразеолошкиѿе изрази во македонскиои јазик со осврѿ на соматѿскаѿа фразеологија*. Куманово: Македонска Ризница,.
- Велковска С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*. Авторско издание. Скопје.
- Велковска С. 2012. „Онимиски фразеологизми во македонската фразеологија“. *Предавања на XLIV меѓународен семинар за македонски јазик, лиѿераѿура и кулѿура*. 21–30.
- Димитровски Т., Ширилов Т. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиои јазик А–Ј* том I. Скопје: Огледало,.
- Толковен речник на македонскиои јазик*. Ред. Кирил Конески, I–VI. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2003–2014.
- Abilmazhinova N., Makhpirov V. 2014. „The rose of phraseological units with proper names in linguistic worldview“. *Annual of Language & Politics and Politics of Identity (ALPPI)* Vol. VIII, No. 1, 67–78
- Benzon, I., 2006. „Pridružavanje frazema koji sadrže nazive za odijeću konceptualnim poljima“, *Fluminensia*, god. 18 br. 2, 85–114.
- Kesić D., Muhić E. 2013. „Sport u metafori i metafora u sportu“, *SportLogia*, 2013 9(1), 28–33.
- Opašić M. 2014. „Biblijski onimi u hrvatskome jeziku“. *Folia onomastica Croatica* 23, 185–207.
- Pierini P. 2008. „Opening a Pandora’s Box: Proper Names in English Phraseology“. *Linguistik online* 36, 4/2008
- Sušinskienė S. 2009. „Personal and Place Names in English Phraseology“. *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, T 8, 320–328.

Liljana MAKARIJOSKA
Bisera PAVLESKA-GEORGIEVSKA

PHRASEOLOGISMS CONTAINING ANTHROPONIMES IN THE
MACEDONIAN MEDIA

Summary

This paper analyses phraseologisms containing personal names as their compounds used in the language of the Macedonian media. The language of the media is most intensively amenable to various changes at any linguistic level, including phraseology. Therefore we also recorded new, i.e. rare and lexicographically unregistered phraseologisms using various anthroponimes as a compound. We also recorded modification of the traditional form and content of phraseologisms using various devices of transformation such as: contamination of phraseologisms, replacement; omission of one or two components of the phraseologism, enlargement of the phraseologism etc.

Валерий М. МОКИЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ АПЕЛЛЯТИВИЗАЦИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Тема международной конференции «Славофраза» в Македонии привлекает внимание своей непреходящей актуальностью, ибо органично соединяет в себе два направления современной лингвистики – фразеологии и ономастики. В какой-то мере она способствует активизации интереса к науке о собственных именах. Ведь в 70-е–80-е годы в России и других славянских странах она была, как сейчас говорят, «элитной» лингвистической дисциплиной и привлекала исследователей самого разного профиля – лингвистов, литературоведов, географов, страноведов и этнографов. Конечно, и в наши дни интерес к ономастике не исчез окончательно, но темпы её развития, к сожалению, резко снизились, что легко увидеть, отслеживая ономастическую библиографию. Фразеология же за это время не только не снизила темпов своего развития, но обретает всё новые и новые стимулы – например, в связи с реконструкцией так называемой языковой картиной мира, когнитологией, концептологией, машинным переводом и др.

Фразеологи давно обратили внимание на ономастику в связи с её парадоксальным «поведением» в составе фразеологических единиц. Более 40 лет назад специфика этого явления заинтересовала и автора настоящей статьи (Мокиенко 1975, 1977, 1980 и др.). Интерпретация фразео-ономастического парадокса, как кажется, и сейчас ещё сохраняет актуальность, поэтому позволю себе воспроизвести некоторые результаты моих исследований тех лет, вливая старое вино в молодые прежде мехи. Тем более, что и фразеология, и ономастика с тех пор обогатилась новыми фактами и теоретическими достижениями.

Специфику имени собственного в составе фразеологии лучше всего можно понять на фоне классической оппозиции «имя собственное ↔ имя нарицательное». Фразеологизированное имя собственное при этом играет функциональную роль некоего посредника, объединяющего эти противоречия и даже нейтрализующего их. С одной стороны, такое

имя собственное ещё сохраняет ономастические признаки, с другой – уже становится апеллятивом. В этом заключается основная специфика фразеологизированного имени, отсюда – важность изучения таких имен собственных для понимания проблемы семантической или асемантической ономастики.

Фразеология с именем собственным в основе образует значительный пласт идиоматического фонда любого языка. Лишь отантропонимическая фразеология русского, английского, немецкого и французского литературных языков насчитывает, по самым скромным подсчётам, свыше 1200 оборотов (Гарифулин, Антонова 1973, 145). При обращении к разговорной речи, к народным говорам и при учете других типов собственных имен, претерпевших фразеологизацию, это число намного возрастает, о чём свидетельствует, например, богатый материал публикаций Т. Н. Кондратьевой (1961, 1964, 1967; 1977, 1982, 1983), Е.С. Отина (2004, 2006), С.И. Влахова (1996) и Я. Кебера (Keber 2001), в которых немало ярких примеров апеллитивизации собственных имен в составе фразеологии. Всё это – несомненное свидетельство высокого удельного веса фразеологии с именами собственными, её значимой роли в общем фразеологическом составе каждого национального языка.

Значение отономастической фразеологии тем важнее, что она обычно отражает не только национальную самобытность именослова того или иного народа, но и через колоритные имена сообщает о своеобразных обычаях, способе мышления, истории и мифологии последнего. Не случайно уже в первых работах по фразеологии с именами собственными подчёркивается именно национальная её специфика (Ройзензон 1960; Кондратьева 1964 и др.). И действительно, если в других фразеологических группах (например, профессиональной, соматической, анималистической и др.) легко обнаружить довольно прозрачные параллели в близкородственных языках, то для фразеологии с именами собственными, если, конечно, исключить интернациональные идиомы (библейзмы, мифологические и литературные обороты) подобный параллелизм ограничен до минимума.

Национальная специфика отономастической фразеологии во многом отражается в её собственно языковых характеристиках – структуре, значении, составе. Языковые особенности ещё более индивидуализируют образы, отражённые во фразеологии данного типа, делают их, на первый взгляд, неповторимыми. И вместе с тем, именно «ономастичность» таких фразеологизмов объединяет самые различные по составу и языковой принадлежности сочетания, заставляет их подчиняться закономерностям собственного имени, делает возможным их объединение в единую группу.

Что же объединяет разнородные типы отономастической фразеологии?

Самым принципиальным её общим свойством является специфика фразеологизации идиом, т. е. превращения из свободного сочетания в устойчивое. Если в других группах фразеологии переосмыслению подвергается нарицательная лексика, довольно легко создающая двойной план сочетания, то здесь «символизируется» имя собственное, принципиально как будто бы не допускающее двуплановости: ведь двуплановость – это совмещение значений слова, а имя собственное значения не имеет. В ономастической фразеологии всем видам семантической трансформации «соответствует переход собственного имени (асемантизированного элемента) во «вторичное состояние» имени символа, на чём базируется как становление фразеологической единицы, так и основные ее свойства» (Охштан 1971, 91). Следовательно, чтобы понять специфику выражений, включающих собственное имя, необходимо уточнить семантический статус последнего.

Вопрос о том, имеют ли собственные имена значение, остаётся в течение многих лет одним из самых дискуссионных вопросов ономастики. Одни исследователи (Дж. Милль, А.А. Реформатский, О. С. Ахманова и др.) отвечают на него отрицательно, другие (О. Есперсен, Л. В. Щерба, С.Д. Кацнельсон и др.) – положительно, третьи (А. Гардинер, Е. Курилович и др.) придерживаются компромиссной точки зрения, подчёркивая специфику «сферы применения» собственного имени.

Противоречивость выводов при решении этой проблемы, как кажется, обусловлена различным подходом к имени собственному. Исследователи, отрицающие его способность иметь значение, подходят к нему чисто функционально. Такой подход, действительно, даёт возможность объективно разграничить имя нарицательное и имя собственное – семантическая «бескачественность» последнего с функциональной точки зрения бесспорна. Сторонники же «семантической» имени собственного обычно подходят к нему диахронически, апеллируя к его генетической «нарицательности», способности развивать переносные значения, приобретать экспрессивные коннотации в речи, переходить в разряд нарицательных и т. д. Как справедливо подчёркивал Н. И. Толстой, «о семантике имени собственного, о семантике топонима можно говорить лишь в той мере, в какой топоним связан (этимологически и т. п.) с именем нарицательным» (Толстой 1971, 201).

Ответ на вопрос о значении имени собственного, следовательно, может быть двояким – в зависимости от критерия: с функциональной (resp. синхронической) точки зрения имя собственное асемантично, с диахронической – семантично.

Этот вывод, как кажется, объясняет и специфику использования имени собственного в качестве компонента фразеологизма. Становясь

частью последнего, имя собственное теряет связь с конкретным лицом или объектом (Гардинер 1954, 8), т. е. исчерпывает свою ономастическую функцию. Оно перестает быть «выражением предельной единичности» (Dokulil 1970, 4) или словом, «немаркированным на лексико-семантическом уровне языка» (Охштат 1974), и начинает обобщать, следовательно, выполнять функцию имени нарицательного.

Функциональная тождественность имени собственного и имени нарицательного в составе фразеологии подтверждается возможностью их синонимической замены при лексическом варьировании. Так, оборот *валяйть ваньку* ‘дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками’ и ‘делать глупости, поступать как не следует’ имеет в русском литературном языке лексический дублет *валять дурака* с теми же значениями, а чеш. *bít z čeho janek*; *být z čeho franta* дублируется неотантропонимическим выражением *být z čeho blázen* ‘абсолютно ничего не понимать’, ‘ошалеть’. Любопытно при этом, что ономастическая «инерция» может породить новые выражения по этой модели, в которых вновь появится имя собственное – причём, вторично семантизированное. Ср. шутивное выражение *валять (катать) Му-му*, имеющее в молодёжном жаргоне значения ‘бездельничать, праздно проводить время’ и ‘обманывать, говорить ерунду’ (Мокиенко, Никитина 2010, 416).

Ещё более интенсивны «синонимические» замены одного имени собственного в составе фразеологизма или пословицы другим, функционально близким. Так, оборот *по Сеньке и шапка* ‘каждый получает то, чего достоин, что заслужил’ давно уже зафиксирован в разных «именных» вариантах на широком пространстве русской народной речи (Мокиенко, Никитина 2008; 2010): *По Васе шапка, по Сенке клабук*; *По Сеньке шапка [по Ерёме колпак]*; *По Сеньке шапка по Ерёмке колпак*; *По Сеньке шапка, по Ермошке колпак (кафтан)*; *По Сеньке и шапка, по Сенькиной матери и кафтан*; *Не по Сеньке шапка, не по Ерёме колпак*; *По Сеньке шапка, по Тришке кафтан*; *Не по Сеньке шапка, не по Фоме колпак*; *По Сеньке шапка, по Малашке шлык*; *По Афоньке шапка, по Ерёмке колпак*; *По Ерёме шапка, по Сеньке кафтан (колпак)*; *По Ерёмке и шапка, по Фоме колпак* и др.

Понятно, что в подобных случаях большинство лексических вариантов оказываются периферийными, окказиональными по отношению к доминирующему. Тем не менее, уже сама возможность такой заменяемости имени собственного свидетельствует об утрате им индивидуальности, единичности и подобных ономастических признаков.

Наблюдения исследователей, специально изучавших проблему имени собственного в составе фразеологии (Б. В. Бабаева, Б. Ф. Захаров, Т. Н. Кондратьева, М. Леонидова, Т. В. Лиховидова, Г. П. Манушина, Р. И. Охштат, Л. М. Пинковская, Л. И. Ройзензон, Л. Г. Скрипник и др.), в

том числе и докладчиков на международной конференции в Скопье, показывают, что при фразеологизации имя собственное подвергается семантическим процессам, во многом подобным тем, которые происходят с именем нарицательным.

Диахронический характер имени собственного, а следовательно, и его «семантичность» не случайно проявляется столь ярко именно во фразеологии. Оппозиция «Синхрония – диахрония» во фразеологической системе предстаёт в виде актуализации внутренней формы (Мокиенко 1989, 233-246). Двуплановость «фразеологического» имени собственного и создает напряжение, обуславливающее экспрессивность – столь необходимое свойство фразеологизмов. Потеряв функциональные признаки имени собственного, ономастический компонент фразеологизма, в отличие от слов – имён нарицательных ономастического происхождения (типа *ирод, иуда, каин, хам, хулиган* и под.), продолжает сохранять тесную генетическую связь с именем собственным.

Эта связь постоянно готова актуализироваться в речи, особенно в речи художественной. Постоянная готовность к актуализации, обусловленная совмещением ономастической и апеллятивной характеристик имени собственного, и составляет специфику функционирования последнего в составе фразеологизма. Она и порождает самые разные типы ономастической фразеологии, анализ которых предлагается на конференции в Скопье.

Степень «актуализированности» ономастического компонента зависит в основном от типа фразеологизма, включающего его в свой состав. Можно выделить три основных типа таких оборотов, актуализация ономастических компонентов которых обусловлена диахронически – путём фразеологизации соответствующих сочетаний.

1. Первый тип – фразеологизмы, в основе которых лежит имя собственное, связанное с широко известными мифологическими, религиозными, литературными источниками либо отражающее реальные исторические факты: *Сизифов труд* – укр. *Сізіфова пряця*, болг. *Сизифов (Сизифовски) труд*, *Сизифова (Сизифовска) работа*, х/с *Sizifov posao*; англ. *a labour of Sisyphus*; *Вавилонское столпопование* – укр. *вавілонське стовпопівання*, болг. *Вавилонско столпопование*, х/с *babelonska kula*; англ. *the tower of Babel*; фр. *tour de Babel*; *Потёмкинские деревни* – укр. *Потьомкінські села*; слвцк. *Potemkinove dediny*, нем. *böhmische (spanische) Dörfer*; *Демьянова уха, Тришкин кафтан*; как *Мамай воевал* и под.

Такие фразеологизмы обычно образуются имплицированием большего контекста в меньший, т. е. путем «сжатия» басни (resp. иного литературного или фольклорного текста) в пословицу, поговорку или даже

слово, подробно описанного А. А. Потебней (1894). Так, приведённые выше обороты *Демьянова уха* и *Тришкин кафтан* образовались «сжатием» известных басен И. А. Крылова, действующими лицами которых выступают излишне хлебосольный хозяин Демьян и неумелый Тришка, обрезавший рукава своего кафтана для починки продранных локтей (Мокиенко, Сидоренко 2017, 75-77; 281-282).

Характерной особенностью фразеологических единиц рассматриваемого типа является функциональная близость ономастического компонента к имени собственному. И это вполне закономерно, поскольку такой компонент отражает конкретные, единичные представления. При этом в разных языках такая близость может иметь различный диапазон – от почти тождественной связи имени с фразеологическим компонентом, до существенного семантического расхождения, генерируемого чисто языковыми коннотациями. Так, при единстве библейского источника и исходного образа фразеологизмы о Вавилонском столпотворении заметно отличаются в европейских языках семантически: англ. *the tower of Babel* – ‘смешение языков’, ‘скопление людей, говорящих на разных языках’, ‘высокое здание’, ‘нереальный, утопичный проект’; пол. *wieża Babel* – ‘смешение языков’, *wysoki jak babilońska wieża* ‘об очень высоком человеке’, *stawieć wieżę babilońską* ‘интересоваться неосуществимыми проблемами, тешиться пустыми надеждами’ и т.п. (Marcinkiewicz 2002), в то время как рус. *столпотворение*, имевшее также исходную библейскую семантику ‘смешение языков, разноязычие’, под ложно-этимологическим влиянием слов *толпа*, *толпиться* приобрело специфическое для русского языка значение ‘большое, беспорядочное стечение народа’ (Бетехтина 1999, 68-69).

2. Второй тип – фразеологизмы, в основе которых лежит имя собственное, подвергшееся обобщению ещё до фразеологизации благодаря своей социальной оценочности: *послать (отправить) кого куда Макар телят не гонял* ‘отправить очень далеко’, ‘послать в ссылку’; *олух царя небесного* ‘глупый человек, простофиля’; *умная Маша* ‘рядовая работница’, ‘наивная, простоватая женщина’ и под. Характерно, что русская орфографическая традиция закрепляет за многими такими фразеологическими именами написание с малой буквы. Так, слово *олух* во ФЕ *олух царя небесного*, по этимологическому толкованию А.А. Шахматова, Б.М. Ляпунова и Е.С. Отина, – старинный фонетический вариант личного имени *Олуферий*, адаптированного русской речью греческого антропонима *Елевферий* (Отин 2006, 282-284). Оно, однако, давно получило статус имени нарицательного с соответствующей орфографией. Подобные случаи, в сущности, являются имплицитным признанием факта, что за такими

оборотами обычно уже не стоит представления о конкретном историческом лице или событии.

Выявить причины социальной и, как следствие, экспрессивной окрашенности таких имен – задача более широкая, чем собственно фразеологическая. Это уже часть широкой ономастической проблематики – апеллятивизации собственных имен. Характерные этапы этого процесса в 50-х годах наметил уже В. В. Виноградов. По его мнению, переосмысление собственного имени в экспрессивное слово определяется: «1) исторической и литературнообразной знаменательностью имени, его культурно-общественным смыслом (*хам*, *Фома неверный*, *Обломов* и т. п.); 2) созвучием морфологического состава имени с живыми формами и элементами данной языковой системы, возможностями его народной этимологизации (*Пантелей – Пентелей – Пеньтюх – пень*; *Елисей – лиса*; *Емеля – молоть, мелю* и т. п.); 3) фонетическим строем имени, экспрессивно-смысловыми потенциями, заложенными в звуковом облике слова» (Виноградов 1954, 14).

Обрастая различными экспрессивными ассоциациями на лексическом уровне, собственное имя как нельзя лучше «готовится» к фразеологизации. Так, имя *Афоня* (производное от *Афанасий*) становится обобщенной характеристикой недалёкого, простодушного, доверчивого, наивного человека, имя *Емеля* (производное от *Емельян*) получает коннотацию ‘болтун, пустомеля’ (ср. поговорку *Мели, Емеля, – твоя неделя*), *Кузька* обозначает бедного, неряшливо одетого или неловкого человека и под. Характерно, что хотя процесс «апеллятивизации» имени – это процесс лексический, он тесно связан с контекстуальной, а следовательно, и в какой-то мере фразеологической «обкаткой» имени собственного.

Экспрессивные коннотации нередко выводятся именно из текстов – в основном пословичных, имеющих иную структуру и лексический состав, чем соответствующие фразеологизмы. Так, употребительная поговорка *послать кого куда Макар телят не гонял* «выковала» свои негативные коннотации в составе многих пословиц и поговорок, зафиксированных в разных регионах России (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, 512-513; Мокиенко, Никитина 2013, 380): *На бедного Макара все (и) шишки валятся*; *На бедного Макара все шишки валятся – и с сосен, и с ёлок*; *На бедного Макара и шишки летят*; *На грешного Макара и шишки летят*; *Вчера Макар гряды копал, а нынче Макар в воеводы попал*; *Где Макар побывал, семь лет рыба не ловится*; *Грядёт Макар к вечерне от собак на кабак*; *До сих пор Макар телят гонял, а теперь Макар отшельником стал*; *Доселе (Доселева) Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал*; *Достал Макар до рели – играть ему в свирели*; *Если бы (кабы) не ты да не Макар, весь свет давно б пропал*; *Зашёл Макар в кут, где телят пасут*; *И Макар, да не рыболов, а и кадомец*,

да не целовальник; Макар да кошка, комар да мошка; Не шути, Макар, коли шапку не достал; На каждого Макара найдётся своя Хавронья; Не пеняй на Макара: сори из своего кармана; У Макара лишь возгрей пара; Макару поклон, а Макар на семь сторон; Не Макару с боярами знаться; Макары до икрянки рыбу вылавливают; где Макар быков не пас; где Макар коз не даивал (не пас); показать, где Макар коров не пас кому; Тутушка Макар!.. Со подушки упал, А дедушка увидал, Макарушку поднимал; не Макара родить и др.

Именно в таких пословичных и фольклорных контекстах закрепляется та или иная апеллятивная характеристика имени. Случайные характеристики постепенно отсеиваются, и в литературную фразеологию попадает лишь то, что выдержало проверку долгим речевым употреблением.

Из подобных контекстов и рождались устойчивые коннотации многих оборотов, «заквашенных» на ономастической лексике: *Аника-воин* ‘о хвастливом, бахвалящемся своей храбростью лишь держась вдали от опасности человеку’; *мирошкой притвориться* ‘притвориться дураком’; *драть (лупить, бить, пороть, сечь) кого как сидорову козу* ‘сильно, жестоко и безжалостно пороть, бить кого-л.’; *Тюха да Матюха* ‘о простоватых, нерасторопных, медлительных людях’; *Иван, не помнящий родства* ‘о беспринципных, неблагодарных людях, легко забывающих сделанное им добро, свою историю, культуру и т.п.’; *Иванушка-дурачок* ‘об очень глупом, несообразительном, крайне доверчивом и покорном человеке’; *дядя Вася* ‘простоватый, малообразованный человек’, *тётя Мотя* ‘не вызывающая уважения (грубая, неаккуратная, недалёкая) женщина’; *показать кузькину мать кому* ‘сурово наказать кого-л.’; *наготовить (наварить) как на маланьину свадьбу* ‘очень много (о еде, угощении)’ и т.п. За каждым из таких выражений – особая история, нередко весьма прихотливо сочетающая реальную судьбу исходного имени собственного с его ассоциативным, коннотативным потенциалом.

Так, последний фразеологизм расшифровывается историками русского языка по-разному (Бирих, Мокиенко, Степанова 2005, 625-626). Одни считают, что в выражении содержится намёк на свадьбу донского атамана Степана Даниловича Ефремова с красавицей *Меланьей* Карповной – бывшей черкасской торговкой; празднование отличалось необыкновенной пышностью и обилием яств и питья. Другие с большей правдоподобностью связывают фразеологизм со старинным народным обычаем празднования кануна Нового года, который по церковному календарю приходится на день *Мелании* Римляныни – «Щедрым вечером» 31 декабря. Ряженая молодежь ходила в этот вечер по домам, угощаясь блинами, оладьями и прочими «щедротами», которыми оделяли её добрые хозяйки. За щедрость молодежь расплачивалась шуточными песнями и представлениями.

На Украине, например, разыгрывали шуточную свадьбу Василя (Василия Кесарийского, день 1 января) и Меланки. *Маланьина свадьба*, следовательно, – это нечто вроде символической встречи Старого и Нового года, а выражение *наготовить, как на Маланьину свадьбу* первоначально значило «заготовить столько еды, сколько готовит хорошая хозяйка в канун Нового года». Хотя, как видим, история этого выражения связана с конкретными мифологическими и этнографическими обстоятельствами, сама его фразеологическая модель опирается на обыденное представление о свадьбе как пиршестве. Вот почему известны и русские диалектные варианты типа архангельского *как на домахину свадьбу*, омского *на Власову семью* или болгарского *наготовя като за сватба*, которые имеют то же значение – ‘в большом количестве (наготовить, наварить и т.п.)’.

Как видим, связь с именем собственным во фразеологизмах такого типа может быть и весьма опосредованной, поскольку это имя превратилось в нарицательное ещё до фразеологизации.

3. К третьему типу можно отнести фразеологизмы, в основе которых лежит имя собственное, созданное языковой шуткой, каламбуром. Такие «имена» нарочито связаны с именами нарицательными, от которых образованы. Так, фразеологизм *задавать Храповицкого* образован расщеплением глагола *храпеть* с тем же значением; оборот *отправиться в Могилевскую губернию*, известный разговорному русскому языку в значении ‘умереть’, является каламбурной перифразой слова *могила*; шутливое диалектное выражение *работать в бригаде Ваньки Шаталова* ‘бездельничать’ создано на основе глагола *шататься* и т.д. Нередко такая шутливость создаётся за счёт наложения искусственного имени на реальное, исторически засвидетельствованное. Токов известный и популярный в XVIII–XIX вв. фразеологический каламбур *Ивашко Хмельницкий* ‘о вине, алкоголе’. Это название хмеля, одолевавшего пьяниц. Фамилия *Хмельницкий* здесь фиктивна, обусловлена оборотом быть *под хмельком*, хотя содержит аллюзию на известную фамилию гетмана Богдана Хмельницкого, образованную от местечка *Хмельницы* (букв. «родом из местечка Хмельницы» или «дворянин, владеющий им»). Название же самого местечка связано с укр. *хмельниця* ‘поле, на котором выращивают хмель’ (ср. *Винниця* — от *винниця* ‘виноградник’). Противоречие между именной формой слова *Хмельницкий* и его неименным содержанием и рождает юмористический эффект.

Примеры такого рода весьма многочисленны, что вызвано эффективностью подобного каламбурного перифразирования как средства создания фразеологической экспрессивности (Мокиенко 1973), причём при всей их национальной специфике легко найти общие тенденции

их образования и даже аналогичные семантические и структурные модели. Они зависят от чисто языковых возможностей – креативного переосмысления известного имени на почве апеллятивной лексики. Один из примеров такого рода – русское выражение *ехать / поехать (съездить) в Ригу* ‘тошнить, рвать’. Оно основано на созвучии слов *Рига* и *рыгать* ‘извергать рвоту’. Некоторые историки русского языка пытались объяснить его «материалистически», связывая оборот с тошнотой, испытываемой пассажирами во время морского путешествия в Ригу. Фраза эта якобы была порождена тем, что в XIX в. путешествие из Петербурга в Ригу по морю было гораздо дешевле, чем по железной дороге. А на ветхих каботажных суденышках укачивало, и пассажиров тошнило (Синдаловский 2002, 34, 178). Такое псевдоисторическое толкование не выдерживает критики уже потому, что каламбурность выражения подтверждается его польскими вариантами *pojechać do Rygi, pojechać do Rygi po figi, pojechać przez Ząbki Ząbkowice do Rygi, pojechać na Bałtyk*, известными с 1874 г. (NKP 3, 116). Не случайно поэтому в словенском фразеологическом словаре Я. Кебера оборот объективно сопоставляется с другим ономастическим каламбуром – словен. *peti rigoleto* и серб. *peti rigoleto*, имеющем то же значение и образованным именно по каламбурной модели (Keber 2011, 808).

Конечно, не всегда каламбурный характер подобных ономастических фразеологизмов понятен: во многих случаях нужны широкие языковые разыскания, чтобы вскрыть искусственность того или иного имени (Рязановский 1997). Тем не менее, яркая экспрессивность таких оборотов является важным «намёком» на их каламбурное образование: ведь такая экспрессивность создается именно за счёт прозрачной (или некогда прозрачной) «нарицательности» имени собственного.

Ономастическая функция такого фразеологического компонента чисто формальна, связь с именем собственным, в сущности, фиктивна, как и само имя собственное. Этот тип фразеологизмов, как и предыдущий, образуется обычно эксплицированием имени-символа, а не его сжатием, свёртыванием. Некоторые исследователи, отмечая особый статус отономастических фразеологизмов, считают, что они менее зависимы от интралингвистических факторов, чем другие группы фразеологии (Гарифулин, Антонова 1973, 157). Именно третий тип рассматриваемых устойчивых сочетаний, однако, убедительно опровергает такие утверждения: переоценка экстралингвистического, этнографического момента при их анализе вела бы к неверным этимологическим толкованиям, каких в исторической фразеологии немало.

Экспрессивность третьего типа фразеологизмов чрезвычайно высока благодаря высокой степени спаянности их актуального и этимологического значения. Семантическая насыщенность ономастического компонента

здесь резко противоречит принципиальной асемантической имени собственного, что и создает высокую экспрессию. Ономастические компоненты 2-го и 1-го типов фразеологизмов более асемантчны, ибо теснее связаны с реальными именами собственными и, соответственно, менее экспрессивны. Это показывает, что чем «семантчнее» имя собственное в составе фразеологизма, тем выше его экспрессивность.

Разумеется, при анализе ономастических фразеологизмов возможны самые разные классификации. Одной из наиболее распространенных является классификация по источникам (национальные имена – заимствования; мифологические, исторические, литературные и под. имена в составе фразеологизмов). Предложенная выше классификация также учитывает источник имени, ставшего ядром устойчивого сочетания. Однако основа этой классификации всё же иная – собственно лингвистическая: названные три типа оборотов распределены прежде всего по способу фразеологизации имени собственного. Именно такое распределение, как кажется, позволяет не только показать различия в образовании ономастической фразеологии и относительно чётко градуировать её экспрессивность в современном употреблении, но и углубиться в её внутреннюю форму. Можно с уверенностью сказать, что доклады на конференции «Имена и фразеология» в Скопье приблизят к решению этих и других задач, стоящих перед современными фразеологами.

Использованная литература

- Бетехтина, Е.Н. 1999. *Фразеологизмы с библейскими именами*. СПб.: изд-во СПбГУ, 172 стр.
- Виноградов, В. В. 1954. «Из истории русской лексики и фразеологии», *Докл. и сообщ. Ин-та языкознания*, вып. VI, 14.
- Влахов, С. 1996. *Энциклопедичен речник От Авгий до Яфет. Чужди, собствени имена в езиковия свят на българина*. София: издателство «Петер Берон» със съдействието на университетско издателство «Св. Климент Охридски», 430 стр.
- Гардинер, А. 1954. *Теория собственных имен*. Москва, 1954.
- Гарифулин, Л. В. Антонова, М. К. 1973. «Устойчивые сочетания с антропонимами (в сопоставительном плане)», *Фразеология*. Челябинск, стр. 145.
- Кондратьева Т. Н. 1961. *Переход собственных имен в нарицательные во фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX – начала XX в.* Казань : Уч. зап. Казанского ун-та, Т. 119, Кн. 5, 123-135.
- Кондратьева, Т. Н. 1964. «Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа», *Вопросы грамматики и лексикологии русского языка*. Казань: изд-во КГУ, 98-188.

- Кондратьева, Т. Н. 1967. *Собственные имена в русском эпосе*. Казань.
- Кондратьева, Т. Н. 1977. «Сидорова правда и Сидорова коза (из истории фразеологизмов с собственными именами)», *Очерки грамматики и лексикологии русского языка*. Казань: изд-во КГУ, 94-100.
- Кондратьева, Т. Н. 1982. «История фразеологизмов с именами собственными», *Фразеология и синтаксис*. Казань: изд-во КГУ, 46-90.
- Кондратьева, Т. Н. 1983. *Метаморфозы собственного имени*. Казань: изд-во КГУ, 110 с.
- Мокиенко, В. М. 1973. «Ложная аналогия и фразеологические единицы (на материале чешского языка)», *Вестник ЛГУ*, № 14, вып. 3, 122-127.
- Мокиенко, В.М. 1975. «Семантика собственных имён в составе фразеологизмов», *Семантика языковых единиц*. Л.: 92-94.
- Мокиенко, В.М. 1977. «Собственное имя в составе русской фразеологии». *Československá rusistika*, № 1, 1-8.
- Мокиенко, В.М. 1980. «О собственном имени в составе фразеологии», *Перспективы развития славянской ономастики*. Москва: Наука, 57-67.
- Мокиенко, В. М. 1989. *Славянская фразеология*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: «Высшая школа», 287 с.
- Мокиенко, В.М. 2006. «Перевоплощенное имя». *Е. С. Отин. Словарь коннотативных собственных имен*. Москва; Донецк, 5-10.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. 2008. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 784 с.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. 2013. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 784 с.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. 2010. *Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц*. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. Москва: «ОЛМА Медиа Групп», 1024 с.
- Мокиенко, В. М., Сидоренко К. П. 2017. *Крылатые выражения, литературные образы и цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова*. Москва: Центрполиграф, 348 с.
- Отин, Е. С. 2004. *Словарь коннотативных собственных имен*. Донецк: ООО «Юго-Восток», Лтд.», 412 с.
- Отин, Е. С. 2006. *Словарь коннотативных собственных имен*. Москва, Донецк, 436 с.
- Охштан, Р. И. 1971. «Опыт сопоставительного анализа фразеологизмов с именем собственным (на материале английского и немецкого языков)». *Вопросы ономастики*. Самарканд, с. 91.
- Охштан, Р. И. 1974. «О собственном имени как слове, немаркированном на лексико-семантическом уровне языка», *Исследования по русскому и славянскому языкознанию*, IV. Самарканд, 370–384.
- Потебня, А.А. 1894. *Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка*. Харьков, 162 с.

- Ройзензон, Л. И. 1960. «О некоторых специфических разрядах народно-разговорных фразеологизмов чешского языка», *Studia Slavica*, I. VI, 8. 203–211.
- Рязановский, Л. М. 1997. *Идеографические аспекты немецкой фразеологии (темпоральная фразеология)*. СПб.: изд-во СПбГУ, 199 с.
- Толстой, Н. И. 1970. «Еще раз о «семантике» имени собственного». *Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докл. и сообщ. Всесоюзн. научн. конференции. (17-20 июня 1970 г.)*. Минск, С. 200-201.
- Dokulil M. 1970. «O vyjadrování jednoty a jedinečnosti v českém jazyce». *Naše řeč*, Č. 1. – S. 3-7.
- Keber J. 2001. *Leksikon imena. Izvor imen na Slovenskom. Tretja, dopolnjena izdaha.* – Celje: Mohorjeva Družba, 703 S.
- Keber J. 2011. *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 1158 s.
- Marcinkiewicz R. 2002. «Z zasobów europejskiej eponimii biblijnej: wieża Babel». *Studia i szkice slawistyczne. Literatura–Kultura–Język* / Pod redakcją Wojciecha Chlebdy i Ireny Światłowskiej-Prędoty. – Opole: Uniwersytet Opolski, S. 127–135.
- Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. 1969-1978*. Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1-4. Warszawa.

Радица НИКОДИНОВСКА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ТОПОНИМИТЕ ВО МАКЕДОНСКИТЕ И ВО ИТАЛИЈАНСКИТЕ ФРАЗЕМИ: СЛИЧНОСТИ И РАЗЛИКИ

Апстракт: Предмет на истражување на нашиов труд се македонските и италијанските фраземи кои во својот состав содржат топоним. Целта на трудот е, преку квантитативна и квалитативна анализа на фраземите, да ги воочиме сличностите и разликите меѓу двата јазично-културни системи, поточно да утврдиме дали, при перципирањето и изразувањето на дадената реалност, двата народа прибегнуваат кон исти или кон различни извори.

Клучни зборови: фраземи, топоними, македонски јазик, италијански јазик

Вовед

Фраземите отсекогаш го привлекувале и сè уште го привлекуваат вниманието на лингвистите заради нивната карактеристика да го отсликуваат духовниот и културниот универзум на разните заедници. Бројни истражувања во последниве децении се сосредоточени на евидентирање и анализа на фраземите од повеќе причини: од една страна изработка на корпуси и еднојазични или двојазични експликативни речници, од друга страна сè поинтензивно работење на збогатување и усовршување на методите за настава на странските јазици, па во таа насока фраземите, и фразеологијата воопшто, се сметаат за привилегиран домен.

Предмет на истражување на нашиов труд се македонските и италијанските фраземи кои во својот состав содржат топоним. Целта на трудот е, преку квантитативна и квалитативна анализа на фраземите, да ги воочиме сличностите и разликите меѓу двата јазично-културни системи, поточно да утврдиме дали при перципирањето и изразувањето на дадената реалност, двата народа прибегнуваат кон исти или кон различни извори.

Поаѓаме од хипотезата дека иако двете реалности, македонската и италијанската, географски не се директно поврзани, имаат несродни

јазични системи, различна култура и историја, сепак споделуваат многу заеднички фраземи. Тоа не значи дека нашите предци размислувале на ист начин, туку дека она што ги поврзува двата јазика е заедничкото потекло на дел од разгледуваните фраземи, односно дека фраземиите од еден заеднички извор се ширеле во другите јазици, биле преведувани и користени од страна на говорителите.

Македонскиот корпус, составен од **49** фраземи со топоним како составен елемент, е извлечен од тритомниот *Фразеолошки речник на македонскиот јазик* на Димитровски и Ширилов кој содржи вкупно 12.000 фраземи. Италијанскиот корпус со вкупно **51** идентификувана фразема со составка топоним е извлечен од италијанскиот фразеолошки речник *Dizionario dei modi di dire*, од Бруна Моника Кварту, кој содржи вкупно 10.000 фраземи. За двата јазика консултираме и електронски извори за правење одредени проверки онаму каде што сметавме дека е неопходно. Во корпусот, кој вкупно брои **100** идентификувани фраземи, покрај фраземиите кои во себе содржат реално постоечки топоними, вклучени се и измислени топоними кои се јавуваат како составна компонента кај дел од фраземиите, потоа фраземи со имиња на небесни тела како и општопознатите неофицијални имиња на територии – континенти, држави, области, океани, градови и сл. со оглед на нивниот статус на име.

Критериуми за идентификување и класификација на фраземиите

Пред да преминеме на анализата неопходно е да го дефинираме поимот *фразема*. Познато е дека сè уште се водат полемики во врска со разграничувањето на полилексемските единици во однос на нивната идиоматичност, семантика, функција итн. Постојат бројни пристапи кои се обидуваат да дадат придонес во разјаснување на сложената проблематика на фраземиите и нивната улога во функционирањето на јазикот, почнувајќи од традиционалниот пристап, европскиот структурализам со Сосир, Мартине и др., американскиот структурализам, генеративната граматика, интерпретативната семантика, прагматскиот пристап, семантичко-компоненцијалниот пристап, психолингвистичките проучувања итн. И покрај бројните студии сè уште не постојат усогласени ставови во врска со оваа проблематика.

Во нашето истражување за идентификување на фраземиите се потпираме на четирите критериуми битни за нивно дефинирање, преземени од докторската дисертација на Звонко Никодиновски: 1. меморизираност, 2. формална структура, 3. семантизам, 4. синтаксичка функција.¹

¹ Фигуративните значења на анималната лексика ИНСЕКТИ во францускиот и во македонскиот јазик, Докторска дисертација, 1992.

Класификацијата на фраземите ја вршime врз основа на категориите: 1. *изоморфизам* и *изосемизам* и 2. *нейосѝоење на изоморфна хомолоѝија*. Го сметаме изоморфен и изосемен оној израз кој во себе го содржи истиот топоним (без оглед на формата на топонимот која може да биде адаптирана според стандарднојазичните норми) и кој го носи истото значење, или пак доколку има поклопување барем во едното од значењата. Покрај горенаведената поделба, го наведуваме и самото потекло на фраземите, каде што е можно тоа да се определи.

Македонски и италијански изоморфни и изосемни фраземи

Во Табела 1 се вклучени **26** изосемни и изоморфни македонски и италијански фраземи.

Според потеклото забележани се **8** изоеквиваленти фраземи од библиско потекло, **2** фраземи од митолошко потекло, **1** фразема од историско потекло, **14** фраземи од книжевно потекло, од кои **11** претставуваат перифрази на одредени топоними, и **1** фразема која во својот состав содржи измислен топоним. Споменатите изоморфни и изосемни фраземи припаѓаат на категоријата ‘интернационални фраземи’, заедничко наследство на повеќе култури.

Табела 1

	Македонски фраземи	Објаснување	Италијански фраземи
1.	Оди (појде) на Голгота	(библ.) Подложен е на тешки физички и душевни маки	<i>Essere un calvario</i>
2.	Содома и Гомора	(библ, книж.) Голем разврат; најголема расипаност; пропаст, пекол	<i>Sodoma e Gomorra</i>
3.	Во Вавилон е	(библ) 1. Во место каде што луѓето не се разбираат зашто зборуваат различни јазици. 2. Во место каде што владее општо безредие	<i>Essere una Babilonia</i>
4.	Вавилонска кула	(библ) Нејасна, сложена, замрсена ситуација која не може да се разбере	<i>Torre di Babele</i> <i>Essere una Babele/</i> <i>Essere come la torre di Babele.</i>

5.	Светиот гроб	(библ., книж.) Гробот на Исус Христос	<i>Il Santo sepolcro</i>
6.	Јерихонски труби	(библ., книж.) Многу силно огласување	<i>Le trombe di Gerico</i>
7.	Тројански коњ	(миџ., книж.) 1. Извор на итро сторена измама што носи гибел; 2. Потаен, скриен непријател; 3. Перфиден подарок што носи пропаст за оној што го добива. 4. Компјутерски вирус	<i>Cavallo di Troia</i>
8.	Меѓу Сцила и Харибда/ Низ сцили и харибди	(миџ., книж.) Меѓу две опасности, меѓу големи непријатности	<i>Trovarsi/essere fra Scilla e Cariddi</i>
9.	Го минува Рубикон	(исџ., книж.) Донесува смело, неотповикливо решение, прави решителен чекор	<i>Passare il Rubicone</i>
10.	Точен како швајцарски саат/ Работи како швајцарски саат	1. Прецизен 1. Беспрекорно функционира	<i>Puntuale come un'orologio svizzero/ Preciso come un'orologio svizzero</i>
11.	Вујко од Америка	(книж.) Ненадејна среќа што носи благосостојба, богатство	<i>Zio d'America</i>
12.	Ја откри Америка	(книж.) 1. Откри нешто значајно, дотогаш непознато 2. (Ирон.) Претстави како ново нешто што е одамна познато	<i>Scoprire l'America</i>
13.	Река на заборавот	(миџ.) Во грчко-римската митологија - река во подземниот свет, Лета. Напивајќи се вода од неа, умрените заборавале на сè што поминало	<i>Fiume dell'oblio</i>
14.	Новиот свет	(книж.) Америка (поретко и Австралија и Антарктик) во однос на Европа, Азија и Африка	<i>Il Nuovo Mondo</i>
15.	Еденска градина/ Рајска градина	(миџ./библ.) Божја градина; прекрасно место, извонредно убаво	<i>Giardino dell'Eden</i>

16.	Како во Рајот	(библ.) Живее окружен со голема среќа, благосостојба	<i>Sentirsi in Paradiso</i>
17.	Црниот континент	(книж.) Африка	<i>Continente nero</i>
18.	Град на светлината	(книж.) Париз	<i>La città delle luci</i>
19.	Стариот континент	(книж.) Европа	<i>Vecchio continente</i>
20.	Вечниот град	Рим	<i>Città eterna</i>
21.	Зелениот остров	Ирска	<i>Isola verde; Isola di smeraldo; Paese Verde</i>
22.	Големото јаболко	Њујорк	<i>Grande mela</i>
23.	Див запад	Историско име за дел од САД	<i>Selvaggio west</i>
24.	Светиот престол	Ватикан	<i>Santa sede</i>
25.	Балкански Ерусалим	(книж.) Охрид	<i>Gerusalemme dei Balcani</i>
26.	Го најде Елдорадо	Живее во раскош и благосостојба	<i>trovare l'Eldorado</i>

Македонски и италијански изосемни фраземи

Освен со топоними од библиско, митолошко, историско и книжевно потекло, фраземите се потхрануваат и со измислени топоними како што е случај со македонската фразама *земја Дембелија* и италијанската фразама *paese di Bengodi* (*земја Бенџоди*). Во овој пример станува збор за **изосемни** фраземи кои во својот состав содржат различни измислени топоними.

Табела 2

27.	Земја Дембелија	1. Состојба на материјално изобилие 2. Измислено место каде се води безгрижен живот и владее изобилие	<i>Paese di Bengodi</i>

Македонски фраземи со компонента топоним кои немаат изоморфна хомологија во италијанскиот јазик

Во третата табела се претставени **13** македонски фраземи што влегле во македонскиот јазик отстрана и, според потеклото, можат да се поделат на: а) фраземи од словенско и б) од несловенско потекло. Овие фраземи немаат свој хомолог во италијанскиот јазик, односно се пренесуваат со поинаква јазична реализација. Кај фраземите во Табела 3 забележуваме фраземи во чиј состав влегуваат топоними од балканско подрачје застапени во **6** фраземи, од поширокото европско подрачје со **3** фраземи, потоа **3** фраземи со имиња на небесни тела како и **1** фразема со општопознато неофицијално име, во случајов на океан.

Табела 3

28.	Исправа криви дрини/ Ја исправа крива Дрина	(жарџ.) Се обидува да стори нешто невозможно, залудно се мачи
29.	Балканска судбина	(книж.) Неизвесна судбина
30.	Балканска крчма	(книж.) Мегдан каде што се случува нешто нејасно и мрачно
31.	Мирна Бачка/мирна Босна	(разџ.) Расчистени сметки; Сè е во најдобар ред
32.	Како Јосиф од Трбушница	(шеџ.) 1. Сè едно исто; тоа па тоа 2. Се прави дека не знае ништо
33.	Рамно му е до Косово	(жарџ.) Сè му е погодено
34.	Шпански села/ Шпанско село	(книж.) Нешто сосема неразбирливо, непознато
35.	Јава на коњ до Рим и назад	Презема дејство само за да се покаже дека е некој и нешто
36.	Гази со една нога во Пер Лашез	(Книж.) Наскоро ќе умре, блиску му е смртта
37.	Како да паднал од Марс	1. Многу е изненаден од нешто (обично, општопознато) неочекувано за него 2. Сосем е наивен и не ја познава реалната ситуација
38.	Не паднал од Марс	Не е глупав, не е наивен
39.	Го изеде месечината.	Исчезна, го снема
40.	Големата бара	Атлантски океан

Во Табела 4 се претставени **9** македонски фраземи настанати во матичното поднебје, односно се поврзани со референти од македонската стварност и тие се непреводливи на други јазици по пат на формален

кореспондент. Оттаму, таквите фраземи немаат свој изоморфен хомолог во италијанскиот јазик. Треба да се напомене дека во оваа група фраземи фигурира и 1 фразема која го содржи измислениот топоним ‘Кушкундалево’.

Табела 4

41.	Којко од Габров/Којче од Коњари/ Којчо од Коњаре	Не се знае кој
42.	Да види каде е Идризово	Да отиде в затвор
43.	Прикажува за Маркови кули	Зборува за неактуелни работи
44.	Прилепско мандало	Неранимајко, никаквец
45.	Се намуртил како Галичица зиме	Има налутен изглед
46.	Ум за на Свети Наум	Будалест човек
47.	Шета се² како паша низ Долани	Се топори/ Се фали
48.	Печен за Бардовци	Боледува од ментална болест
49.	Сирма од Кушкундалево	Не се знае кој

Италијански фраземи кои немаат изоморфен хомолог во македонскиот јазик

Во оваа категорија се вклучени вкупно **25** фраземи кои немаат изоморфен хомолог во македонскиот јазик. Од нив **10** фраземи се од матичното италијанско поднебје, односно се работи за фраземи кои се поврзани со референти од италијанската стварност. Во оваа група спаѓаат и **8** фраземи од религиозно потекло, **2** од митолошко, **2** од историско потекло и **1** фразема настаната од слободна комбинација на зборови. Треба да се напомене дека во примерите (60) и (61), употребата на топонимот Roma/ Рим се должи на игра на зборови, на звучна аналогича, или на свесна или несвесна деформација. Таквите именки, во суштина, не се однесуваат на никаков конкретен денотат иако, на прв поглед, на формален план, упатуваат на постоечки топоним.

² дијал.

Табела 5

50.	Aver bevuto l'acqua di Fontebranda (пие вода од Фонтебранда)	1. Лесен во умот 2. Чудно се однесува	Фонтебранда е фонтана во Сиена.
51.	Saltar d'Arno in Bacchiglione (скока од Арно во Бакиљоне)	1. Скока од една на друга тема 2. Постојано започнува нови активности без да ги заврши претходните	Арно е река во Тоскана, а Бакиљоне река во Венето.
52.	Dal Campidoglio alla Rupe Tarpea (од Капитол во провалијата Тарпеа)	Паѓа во немилост	Капитол – еден од седумте риди во Рим; Тарпејска скала - стрмина од која во Стариот Рим биле фрлани предавниците.
53.	Fare come le oche del Campidoglio (прави како гуските во Капитол)	Алармира/ Дава знак за тревога	Кога Галите, во 390 п.н.е., се обиделе да го нападнаат Капитол, капитолинските гуски почнале силно да гракаат со што ги предупредице Римјаните за опасноста.
54.	Salire al Campidoglio (се качува на Капитол)	1. Триумфира 2. Доаѓа на власт	На Капитол биле пречекувани хероите овенчани со слава за своите подвизи.
55.	Fare duca di Corneto/ fare conte di Cornovaglia (се прави војвода од Корнето/од Корноваља)	Врши прељуба	Корнето – стар назив за градот Тарквинија; Корноваља – англиско грофовство.
56.	Cercar Maria per Ravenna (Ја бара Марија во Равена)	Бара нешто во место каде сигурно нема да го најде	Равена, град во Италија во минатото опколен со море кое подоцна се повлекло.
57.	Portare il soccorso di Pisa (носи помош во Пиза)	Задоцнета помош	Пиза – град во Италија.

58.	Andare a Canossa (оди во Каноса)	Бара прошка/ Целосно се повинува некому	Каноса- град во Емилија Ромања.
59.	Lavare i panni in Arno (ги пере парталите во Арно)	Врши јазични поправки на текст, забавува текст	Арно, река која тече низ градот Фиренца каде според поетите се зборувал убавиот италијански јазик.
60.	prendere Roma per Toma	Се побркува	Рим – град во Италија
61.	promettere Roma e Toma	Ветува брда и планини	Рим - град во Италија
62.	Mandare in Cafarnao (Праќа во Кафарнао)	(религ.) Лакомо/ ненаситно јаде	Кафарнао – антички град во Галилеја во кој престојувал Исус Христос.
63.	Essere una Cafarnao (Е Кафарнао)	(религ.) 1.Место полно со луѓе 2. Нејасна ситуација	Кафарнао – антички град во Галилеја во кој престојувал Исус Христос.
64.	Andare in Emmaus (Оди во Емаус)	(религ.) 1. Е многу расеан ; 2. Исчезнува/се губи	Емаус – антички град во Палестина.
65.	Stare in Paradiso a dispetto dei Santi (Седи во Рајот за инает на светците)	(религ.) 1.Награпник 2. Неучтиво се однесува и наметнува	Пај - во христијанството го означува местото во кое пребива Господ и каде почиваат душите на оние што го прифатиле Исус Христос како свој спасител
66.	Strada del Paradiso (Пат кон Рајот)	(религ.) Трнлив пат	како во (65)
67.	Tirare giù tutti i santi del Paradiso (ги влече надолу сите светци од Рајот)	(религ.) Фрла клетви/ Колне	како во (65)
68.	Giocarsi il Paradiso (си го прокоцкува Рајот)	(религ.) Пропушта одлична шанса	како во (65)
69.	Essere sulla via di Damasco (Е на патот за Дамаск)	(религ.) Планира голема промена во својот живот	Дамаск – главен град на Сирија, поранешна римска колонија.

70.	Essere una Russia (Е Русија)	(ист.) Има нереди/ немири	Фраземата потекнува од времето на руската револуција и алудира на големите немири кои се случувале во тој историски момент, несфатлив за менталитетот и познавањата на западноевропјаните.
71.	Far Russia (Прави Русија)	(ист.) Предизвикува неред	• како во (70)
72.	Andare fino a Timbuctù (Оди дури до Тимбукту)	(фиг.) Оди во многу далечно место	Тимбукту - град во Мали, поранешен центар за ширење на исламската култура и место од каде што тргнувале караваните кои ја преминувале пустината.
73.	Portar nottole ad Atene (Носи кукумјавки во Атина)	(мит.) Прави бескорисна работа	Кукумјавката во Стара Грција била сметана за свето животно на божицата Атина и како симбол на градот Атина фигурирала на тогашните монети.
74.	Appartenere all'Olimpo di ... (Припаѓа на Олимпот на..)	(мит.) Е дел од елитен круг од кој се исклучени обичните луѓе. Има и иронична употреба.	Во Стара Грција обичните смртници биле исклучени од седиштето на Боговите за кое се сметало дека се наоѓа на Олимп.

Заклучок

Од анализата може да се констатира дека од вкупно **49** македонски фраземи и **51** италијанска фразема со компонента топоним во својот состав, идентификувани се **26** изосемни и изоморфни фраземи кои се должат на заеднички извор: книжевно потекло (застапено со дури **14** фраземи), библиско потекло (**8** фраземи), митолошко потекло (**2** фраземи), историско потекло (**1** фразема) и **1** фразема со измислен топоним. Претходнонаведените податоци ја потврдуваат нашата хипотеза дека заеднички за македонскиот и за италијанскиот јазик се оние фраземи кои имаат заедничко потекло,

односно ист извор, и тие фраземи истовремено претставуваат заедничко наследство на повеќе култури.

Разликата меѓу двата јазично-културни системи се должи токму на различните извори од кои двата народа, македонскиот и италијанскиот, црпеле материјал при создавањето на фраземите. Станува збор за фраземи кои како компонента содржат топоними од матичното поднебје (македонско и италијанско) или од сродни поднебја како што се македонските фраземи од словенско потекло. Треба, исто така, да се напомене дека разликата во изразувањето и перципирањето на дадената реалност во двата споредени јазици се последица на историски, општествени, религиозни и други фактори кои односните култури не ги споделуваат.

Користена литература

- Ballard, M. 2001. *Le nom propre en traduction*. Paris, Ophrys.
- Eco, U. 2003. *Dire quasi la stessa cosa, Esperienze di traduzione*, Milano, Bompiani.
- Grass, T. 2002. Quoi! Vous voulez traduire Goethe ? Essai sur la traduction des noms propres allemands-français. Berne: Peter Lang coll. *Travaux interdisciplinaires et plurilingues en langues étrangères appliquée*.
- Kleiberg, G. 1981. *Problèmes de référence. Descriptions définies et noms propres. Recherches Linguistiques n° VI*, Etudes publiées par le Centre d'Analyse Syntaxique de l'Université de Metz, Paris, Klincksieck.
- Nikodinovska, R. 2015. Gli antroponimi nella traduzione macedone della *Gerusalemme liberata* di Torquato Tasso. *Parallelismi linguistici, letterari e culturali – 55 anni di Studi italiani all'Università "Ss. Cirillo e Metodio" di Skopje*, Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, 419-433.
- Salmon, L. 2005. La traduction dei nomi propri nei testi fizonali. *I nomi nel tempo e nello spazio – Atti del XXII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche (VIII)*: 77–92.
- Vietri, S. 1985. *Lessico e sintassi delle espressioni idiomatiche*, Liguori, Napoli.
- Vinay et Darbelnet. 1958. *La stylistique comparée du français et de l'anglais*. Montréal, Beauchemin.

Речници

- Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том први А-Ј. Скопје: Огледало.
- Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2008. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том втори К-П. Скопје: Огледало.
- Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2009. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том трети Р-Ш. Скопје: Огледало.
- Dizionario dei modi di dire*, Quartu, B.M. Rizzoli, Milano, 2000.

Звонко НИКОДИНОВСКИ

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ЕТНОНИМИТЕ ВО ФРАЗЕМСКИТЕ И ВО ПАРЕМИСКИТЕ ЕДИНИЦИ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Апстракт: Предмет на истражувањето се етнонимите како составни елементи на фраземските и на паремиските единици во македонскиот јазик. Во проучувањето се истражуваат етнонимиските фраземски и одредени паремиски единици (пред сè пословиците и интерактивните единици) во македонскиот јазичен корпус, со цел да се утврди каква е сликата што за одредени народи како референти се изградила во еден важен дел од македонската етносемиотика – во неговата фразеологија и паремиологија. Истражени се вкупно 281 единица со фигуративно значење, меѓу кои 214 паремиски и 67 фраземски единици. Во тие единици се присутни 16 етноними, меѓу кои најфреквентни се етнонимите: РОМ со 128 (91 + 37) јавувања и ТУРЧИН со 72 (63 + 9) јавувања. Сликата што ја нудат овие етноними како составни делови на фраземските и на паремиските единици со фигуративно значење во македонскиот јазик е во најголемиот дел негативна.

Клучни зборови: етноними, фраземски единици, паремиски единици, семиолошка семантика, референтна вредност

Во нашето истражување ќе ги проучиме фраземските и паремиските единици кои во својата структура содржат етноними. Етнонимите, како називи на народи и етнички групи, се среќаваат во говорот многу често, особено во денешно време, т.е. време на развиени комуникации и на глобализација во светот. Етнонимите, како и сите други зборови, упатуваат на одредени референти, реални или замислени, кон кои припадниците на одредена говорна заедница имаат воспоставено одреден однос. Односите кон референтите се најчесто вредносно ориентирани и тие се дел од вредносната оценка што говорителите на еден јазик ја градат кон зборовите од својот јазик. Во случајот кога се работи за референтите на зборовите, зборуваме за **референтна вредност**, додека во случајот кога се работи за вредносната оценка што им ја припишуваме на зборовите со кои им се

обраќаме на соговорниците, зборуваме за **интеркомуникативна вредност** на тие зборови.¹

Целта на нашето истражување е да утврдиме како се претставени народите во македонските фраземски и паремиски единици, односно кои нивни особини и со каков вредносен признак дошле до израз при семиолошката обработка на етнонимите во затврднатите јазични и говорни единици во македонскиот јазик. Ова истражување тргнува од етнонимите, со веќе постоечките денотативни значења, и има за цел нив да ги согледа како семиолошки градивни елементи кои произведуваат нови фигуративни значења. Токму тие нови фигуративни значења претставуваат предмет на **семиолошката лингвистичка семантика**², чија задача е да ја проучи нивната системска организираност во природните јазици.

Истражувањето го спроведуваме врз **корпус од 281 фигуративна единица од кои 214 паремиски единици и 67 фраземски единици во македонскиот јазик**. Во излагањето ќе се придржуваме до азбучниот редослед на етнонимите.

1. АЛБАНЕЦ

Во македонскиот јазик етнонимот АЛБАНЕЦ е претставен со вкупно **5** фигуративни единици, од кои 3 паремиски:

*Арнауџино му се фали, ама фишеко го жали.*³

Арнауџче знаиџ и друго џаџче. = Лошиот човек не стои на првиот збор, но се свртува.

Тамбура свири Арнауџино и вошкиџе иџрааџ околу враџо.

и 2 фраземски единици:

луџ као некој Арнауџин.

се најнал како арнауџки џиџџол.

¹ Поимите **референтна вредност** и **интеркомуникативна вредност** ги дефинираме во трудот НИКОДИНОВСКИ, Звонко: „Метаговорните глаголи во францускиот јазик II», *Годишен зборник на Филолошкиот факултет*. – Скопје, 1987 (кн. 13), стр. 79–136.

² Поимот **семиолошка семантика** го дефинираме во статиите НИКОДИНОВСКИ, Звонко: „За една семиолошка метода во семантичките проучувања – Конституирање, принципи и аспекти“, *Годишен зборник на Филолошкиот факултет*, Скопје, 2011 (кн. 37), стр. 119–131 и НИКОДИНОВСКИ, Звонко: „Семиолошката семантика како теориска рамка за проучување на единиците од фраземското и од комуникативното рамниште“, *Зборот збор ошвора* (во редакција на Биљана Мирчевска-Бошева), Филолошки факултет „Блаже Конески“, 2016, стр. 213–227.

³ заб. на лекторот: сите наведени примери (ексцерпти) се оставени во изворната форма.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Албанците се: ИЗБУВЛИВИ, ПРЕВРТЛИВИ, ФАЛБАЦИИ, НЕСПАСТРЕНИ.

2. АНГЛИЧАНЕЦ

Во македонскиот јазик етнонимот АНГЛИЧАНЕЦ е претставен со вкупно 2 фраземски единици:

џлumi Анџличанец.

се ѝрави Анџличанец. = 1. се прави неинформиран, неупатен 2. се прави невешт, глупав, незаинтересиран

Во фраземите во македонскиот јазик Англичаните се: ПРЕТВОРНИ.

3. АРАП

Во македонскиот јазик етнонимот АРАП е претставен со вкупно 7 фигуративни единици, од кои 4 паремиски:

Арайоѝ коџа нашиол ѝојке масло, џо намачкал и џџзоѝ да му свеѝѝѝ.

Дека сум ирн, да не сум Арай.

Ни од ичиџа маша, ни од арай ѝаша.

Само арай не белејѝ.

и 3 фраземски единици:

бел како Арай.

се омажила за Арай (за лош маж).

цел Араѝин си је. = Многу прост.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Арапите се: ЦРНИ, ЛОШИ, НЕУКИ, НЕДОСТОЈНИ ЗА ВИСОКИ ФУНКЦИИ.

4. БУГАРИН

Во македонскиот јазик етнонимот БУГАРИН е претставен со вкупно 6 паремиски единици.

Буџарино еѝ удрен од ѝланико. = Таа пословица се вели на оној кого го принудуваат да оди на туџина да бара печалба, а тој не сака да оди, па му зборуваат, а тој: „Море, ние Буџариѝе, не биле на ѝуџина, чунки сме удрени од ѝланико и до женатѝа ѝреба да седиме“.

Во Буџарија нема анџарија.

Јас буџарска џлаа имам, коа велама — не одвелуам.

Туџинаѝа нейара Буџарино ја милуаѝ.

Во следните две пословици се содржат по 3 етнонима: Грк, Бугарин и Француз -во првата, и Турчин, Русин и Бугарин во втората.

*У Буџарин инаџи, у Грк салиџанаџи, а у Френџ марифеџи.
Турска банда, руска куманда, буџарски ашчер.*

Во паремиските единици во македонскиот јазик Бугарите се: НЕЗАИНТЕРЕСИРАНИ ЗА ПЕЧАЛБА, СИ СТОЈАТ НА ЗБОРОТ, РАБОТАТ ИСКЛУЧИВО ЗА ПАРИ, ИНАЕТЛИВИ, ДОБРИ ВОЈНИЦИ.

Треба да се напомене дека во македонските фолклористички записи од 19 век, со етнонимот БУГАРИН се означувал и МАКЕДОНЕЦОТ, како претставник на македонскиот народ.

5. ВЛАВ

Во македонскиот јазик етнонимот ВЛАВ е претставен со вкупно 15 фигуративни единици, од кои 11 паремиски единици:

Влав дилми, се џуку се фали.

Влав јал, Влав ќе џлаџи. = Се вели кога нема да се плати нешто.

Влаво џо џукна и враџо. (вар.) *Од Влавоџи и џаволоџи џукнал.*

Влавоџи коџа нема рабоџа, си ја фрла каџаџа во комиџиџе и си ја краде.

Власиџе на краџоџи од Дунав се даваџи. = Закажува токму пред прагот на успехот; задоцнил на самиот крај.

Влашка жена (е како) џланинска коза. = Моралната неразвиеност на Влаинките, Каракачанките, што живеат номадски живот по планините.

Влашка џесна исџадна.

Влашко иџење исџадна.

Не џо наџе Влао, удри на сакмаџа.

Во следните две пословици се содржат во првата 3 и во втората 4 етнонима:

Влав сиромав — Македонец; Влав боџаџи — Грк.

Да џе чува Госџод од џоџрчен Влав и од џоџурчен Шоџи.

и 4 фраземски единици:

исџиџрил си се каџо влашки младоџенеџи. Ч.

разриџала се е каџо влашка кобила. Ч.

се наџал како Влав на задуџница! Или: *се шири како Влав на џомана!* (во врска со влашкиот обред “задуџница за жив”).

се џпресе како Цинџар за џрош.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Власите се: ФАЛБАЦИИ, РАБОТЛИВИ, ПАРОЉУПЦИ, СКРЖАВИ, ПРЕВРТЛИВИ, ИТРОМАНИ.

6. ГРК

Во македонскиот јазик етнонимот ГРК е претставен со вкупно 12 фигуративни единици, од кои 11 паремиски единици:

Грк да сум, ако ѝе лажам.

Гркојѝ коџа лаже, и самиојѝ си верува.

Гркојѝ не нашол кокошка (да јаде), и ѝријаднал на вранайѝа. = Кога не ќе го најдеш она што го сакаш и милуваш, пресилен си да се задоволиш со тоа што ќе најдеш. (вар.) *Не нашол Гркојѝ кокошка, арна му била/досиѝа му била/и сиѝрачка.*

Гриѝе мноџу лажайѝ, а најмноџу се фалайѝ.

Прнал волкојѝ - се родил Грк.

Чејѝри Грци, ѝејѝ кайидани.

Чувај се од Данаѝиѝе (Гриѝе) и коџа ѝодароци ѝи носайѝ.

Шѝо музевир чоек еѝ, — цел Грк!

Во следните три пословици се содржат повеќе од еден етноним, и тоа во првата 2 етнонима:

Грк и Циџанин надлажува. Или: *Гркојѝ и Циџаниѝе џи надлажува.*
во втората 3 етнонима:

У Буџарин инаѝ, у Грк салиѝанаѝ, а у Френџ марифеѝ.

и во третата 4 етнонима:

Да ѝе чува Госѝод од ѝоџрчен Влав и од ѝоѝтурчен Шоѝ.

и 1 фразема:

се буну како Грк во айс = постојано се буну, ама цабе му е.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Грците се: ЛАЖГОВЦИ, ФАЛБАЦИИ, БУНТОВНИ, КОНТИЊА, САКААТ ДА ЗАПОВЕДААТ, СПЛЕТКАРИ.

7. ЕВРЕИН

Во македонскиот јазик етнонимот ЕВРЕИН е претставен со вкупно 24 фигуративни единици, од кои 18 паремиски единици:

Борчлија је и на Евреѝе.

Видов, не видов, чув, не чув, држ'ја еврејскаѝа.

Евреин на џајда не свири.

Евреѝе во сабоѝа ниѝиѝо не вакааѝ, а во недела чоeka јадаѝ.

Евреѝе од Хрисѝа сеѝ колнаѝи, заѝоа сеѝ келеѝи.

Евреѝе се креѝаѝ како свиѝиѝе.

Сиѝе Евреи сеѝ лажои. (вар.) *Лажѝиѝ како некој Евреин.* (вар.)

Како некое сѝаро Евреишѝе лажииѝ. (вар.)

Лилјако ноќе излеџуаиѝ и ноќе се криеиѝ, како да еиѝ борчлија на Евреишѝе колку сѝправ имаиѝ.

Не јеиѝ Евреин, заиѝоа не се илаишиѝ.

Нека си иѝрозакрѝен да не бидиши борчлија на Евреин.

Од коа сѝана Евреин, од коа се сѝори хахам?

Прашај Евреин, ако сакаш да иѝе излажишѝ и (и)аиѝоиѝ да си џо заџубишѝ.

Се вали оиѝи ќе се иѝурчишѝ: ако сака, нека се јевреишѝ.

Ќе се враишѝ, коџа ќе се враишѝаиѝ Евреишѝе од Божи џроб.

Хрисѝос воскресна од мрѝвишѝе за да и оживишѝ умренишѝе и да иосѝирами Евреишѝе.

Во следните три пословици (од кои првата и со две варијанти) се содржат по 2 етнонима:

Евреин да ранишѝ, да не џо облекувашѝ; Циџан да облекувашѝ, да не џо ранишѝ. Или: Евреинот скапо се облекува, а лошо се храни; Циганот добро се храни, а се облекува како и да е. (вар.) Евреин да ранишѝ, да не џо облекувашѝ; Турчин да облакашѝ да не џо ранишѝ.

Коџа ќе добијаиѝ Еџуиѝишѝе царсѝо, иѝоџај и Евреишѝе.

Трескаиѝа на Евреишѝе. Или: на кадијаиѝа. = Злоиѝо му џо наврѝуа на друџеџа.

и 6 фраземи:

беџаиѝ како џаолоиѝ од иѝемјан и Евреиноиѝ од крсѝоиѝ. (вар.) беџаиѝ ко Евреин од крсѝ. (вар.) се варди као Евреин од крс. (вар.) се иѝресииѝ како Евреин од крс. (вар.) беџаиѝ како Евреин од крс и иѝроиѝесѝанец од иѝос.

беџај од злоиѝо како Евреино од крсѝо.

бое се од Евреин иѝовеќе.

евреин е. = (арх) многу е скржав. (вар.) џолем Евреин е = многу е скржав. (вар.) скржав си каиѝ Евреин. Ч.

му се иѝресииѝ рџкана како на Чиџуиѝин.

се обсрнува како оџрабен Евреин.

Во фраземите и во пословиците во македонскиот јазик Евреите се: РАБОТЛИВИ, ПЛАШЛИВИ, ТРОШАТ НА ОБЛЕКУВАЊЕ, ОРТОДОКСНИ (ИЛИ ПРОТИВХРИСТИЈАНИ), СКРЖАВИ, ЛАЖГОВЦИ, ЛИХВАРИ, ТРАДИЦИОНАЛНИ (НЕ РАБОТАТ ВО САБОТА).

8. ИТАЛИЈАНЕЦ

Во македонскиот јазик етнонимот ИТАЛИЈАНЕЦ е претставен со 1 фразама:

Се надул како некоја џајда шиљаница. = Кабардисува како некој мисир.

Во фраземите и во пословиците во македонскиот јазик Италијанците се: ПРЧКОВЦИ (ГОРДЕЛИВИ).

9. МАКЕДОНЕЦ

Во македонскиот јазик етнонимот МАКЕДОНЕЦ е претставен со 4 паремиски единици:

Македонецот секогаш сипрадал од Македонецот! = Самоуништувачки синдром.

Македонци — знили конци.

Македонци — ишри момци.

Од давајџазовци <си> сипрага Македонија. = Македонија страда од продадени души, од колебливи луѓе без достоинство и гордост.

Во паремиските единици во македонскиот јазик Македонците се претставени со три негативни карактеристики: САМОУНИШТУВАЧИ, СЛАБАЦИ, ПОДЛИЗУРКОВЦИ и со само една позитивна карактеристика: ИТРОМАНИ.

10. РОМ

Во македонскиот јазик етнонимот РОМ е претставен со 128 фигуративни единици, од кои 91 паремиски единици:

Аџуџи кајатиа да му носат.

Ако имаш девојче за мажење, може и со Еџуџин да се сосвајиш. (вар.) *Чедото и со Еџуџин ќе ти сџави.*

Ако сам црн, не сам Еџуџин (Циганин). (вар.) *Дека сум црн, да не сум Еџуџин.*

Аку беја убав брајше, ќе држеја и Ѓуџише. = Објаснение: *Тешко се држаш брави (овци, кози), сакѓ многу работи. Аку беше лесно и Ѓуџише, ишшо се сиромаси, ќе држеа.*

Ама колку се вали, да знаиш, од Еџуџка сџо џаши џоеке.

Бре! — Брекнал ти мео како еџуџски џаџан. = Некој инаетчија кога нејке да направи некоја работа, така вели и се противи.

Вигел Манџо масло џа си намажал и џазо [да му свеџи] = Кога сиромав ќе види богатство може да претера во ненаменското трошење. (вар.) *Ко најде џоџквас џуџино, џу изми и џ'зо.* (вар.) *Циганиноџ коџа ќе најде масло, си џи мачка и чевлише.* (вар.) *Циганиноџ коџа најде многу масло, оџинџише си џи намачкува.*

Виѓ ќе сџе кучки, а јас Циганка и ќе се брана с џојаџа. Ру.

Волкоѝ домакин и Манѝо ученик.

Галеноѝо деѝе е како ѝуѝкоѝо ѝеле.

Да беше некоја Еѝуѝка, досеѝа ке ѝо родеше (деѝеѝо, ке ѝоѝорасѝеше) и ке ѝо ѝраѝеше на ѝѝѝање. = Упрек кон мрзливите во работата.

Да је барем некоја лична, аѝе де, ама ѝаја како некоја Ѓуѝка.

Дај на Еѝуѝка, за да ѝи се исѝаи од враѝа. (вар.) Дај на Циѝанкаѝа, да ѝи беѝа од враѝаѝа.

Даруј на Еѝуѝка леб, ако сакаш да ѝе ваѝи некој ѝрев.

Ѓуѝкаѝа и царица да биде, ѝак ке ѝроси. = Луѓето тешко ги менуваат своите навики. (вар.) Еѝуѝкаѝа је клале царица, а ѝаја кинисала да ѝѝѝаѝ.

Ѓуѝска живоѝ ѝрае.

Ѓуѝѝино, маши ѝрае, маша нема.

Ѓуѝѝиноѝ ако не ѝо фали решеѝоѝо, не може да ѝо ѝрогаде.

Еѝуѝка не белејѝ.

Еѝуѝкаѝа си ѝо носи деѝеѝо в ѝорба.

Еѝуѝкаѝа со сѝаѝо ја рани кукаѝа.

Еѝуѝкаѝа сѝрам нема, заѝоа си ѝѝѝа.

Еѝуѝска сила ѝрња врѝила со сива кобила. = Така им се потсмеваат на Циганите, кога некој од нив би го заплашувал некого. Оваа пословица припомнува за држењето на Египќаните кон Евреите, нивни поданици во Мојсеево време, во споредба со денешната нивна ништожност во секој однос.

Еѝуѝска ѝорба без дно.

Еѝуѝѝино и маша да има, ѝа оѝно со рака ѝо ваќа, на лулеѝо да клапа.

Еѝуѝѝиноѝ ѝо клале цар, а ѝој оѝѝѝал: „Шчо ке ѝрам за леб”?

Еѝуѝѝиноѝ си (ѝо) намачкал ѝ’зоѝ со ј ’ѝлења, ѝа се сѝорил мајсѝор. = Оваа пословица се однесува за луѓе што научиле сосем малку од наука или занает, ама се фалат дека станале високо учени и опитни мајстори што божем сѝ знаат.

Еѝуѝѝиноѝ ѝод черѝа лежѝѝ, а Еѝуѝкаѝа ѝо село ѝѝѝа.

Еѝуѝѝиноѝ не умира за јадење, оѝи ако не му донесиѝ Еѝуѝкаѝа, ѝој сам ке си ѝроѝѝѝаѝ.

Еѝуѝѝиноѝ сѝока не збира, оѝи ѝариѝе си и ѝие на меана. (вар.) Еѝуѝѝѝе коѝа имаѝѝ ѝари, цел ден си ѝѝјаѝ ѝо меани.

Еѝуѝѝѝе и ѝари да имаѝѝ, ѝак Ches немаѝѝ, оѝи сами не се Chesѝаѝѝ.

Еѝуѝѝчинаѝа е без ѝари.

Еј мори ѝоро, ѝоро, не мож да скриеѝ два ѝрдливи Циѝанина. Бе.

И дожд врне, и сонце ѝрее: Ѓуѝѝи се женаѝѝ.

И на Еѝуѝѝѝе му завиде на черѝѝѝе.

У Еџујџиин домаќинлак не барај.

У Еџујџиин кисело млеко не барај. (вар.) У Еџујџиин кисело млеко нема. (вар.) У Еџујџиина кисело млеко не барај. Или: У Еџујџиина кисело млеко (дали се наожџајџи), џа и у неџо да се наожџајџи нешчо. = Крајна сиромаштија.

У Еџујџиин чоешџина нема.

Убава рабоџа - за срамоџа. Или: Убава рабоџа, ама циџанска.

Удри џо Циџанчеџо, додека не ја скриџило сџомнаџа.

Умре (умрела) џуџкаџа шџо џо фалеше. = (ирон.) Се вели за човек што се фали сам или што го фалат неоправдано. (вар.) Умре Ѓуџкаџа (Циџанкаџа) шџо ја фалеше невесџаџа = Се употребува кога некој сам се фали (вар.) Умре Еџуџкаџа шџо џе фалеше. (вар.) умрела Ѓуџкаџа (Циџанкаџа) шџо џе фалеше = Се вели за човек што сам се фали.

Циџанин џак циџанин.

Циџанин коџа има слаџко не може да засџие додека не џо изеде. (вар.) Циџаниноџ коџа има џекмез, дури не џо сврџи, нема да се смири. (вар.) Еџујџииноџ коџа имаџ џекмез, не засџивџајџи дури не џо изејџи.

Циџанин не си џи џори раџеџе, додека има клеџиџи.

Циџаниноџ каснал џрички, џа фрџил назаднички.

Циџаниноџ од џоџснев не умира. (вар.) Еџуџкаџа не умрела од шеџаџа.

Циџаниноџ се чуџи зоџџо сиџе не се Циџани. (вар.) Циџаниноџ се чуџи, зоџџо целиоџ свеџи во циџани не оди.

Циџаноџ цар сџана, ама џак џлегал каде се џравел кумур.

Циџанска риџканиџа двојно боли. Ру (вар.) Да џе риџне Турчин с чизма, нема да џе боли, ама Циџанино сос боса ноџа!

Циџанскаџа џорба е без џазер (дно).

Циџанскиџе деџа од искра не се џлашаџи.

Циџанчеџо в зори се смрзнува.

Црно е, ама мое ми е, рекла Еџуџкаџа коџа је рекле оџу деџеџо је било црно.

Чуле Еџуџиџи оџи иџел арачничко, се скриле во џрњеџо.

Цивџан живее ли во џланина, џа и Циџан во/на/ село.

Шџо барааџи у кауџер деџа и у Еџујџиин машиџениџа.

Шџо џераџи у Еџујџиин дилав?

Шџо џи куџа нема, џоа еџуџка џи бараџи.

Шчо ќе му речџи манџо, речџи му аџо.

Во следната пословица се содржат 2 етнонима:

Грк и Циџанин надлажува. Или: Гркоџи и Циџаниџе џи надлажува.

и 37 фраземи:

[има] *џујска љејел* = човек што многу шета, што не може да седне на едно место

бел како Еџујџин.

брбориџе кајџ на џиџански џазар. Ч.

дуа како аџујски ме.

џујско (џиџанско) лејџо = топли денови во раната есен.

џујџин е. = парафраза: е сиромав.

еџујка џела је во џиџејџо.

живее ко Ѓујџин.

замираш кајџо Џиџанка. Ч.

зафалил си се кајџо Џиџанче с џоло џазе. Ч.

збркал се се кајџо џиџана Џиџанка. П.

како Еџујџин лажси. Али: као Евреин лажсиџ.

како некој Еџујџин џиџеј џуџун.

кајџо џиџсиџа Џиџани низ каџчи да има. В.

кајџо Џиџанка лаже. В.

колни како Еџујка.

лаже како [црн] Џиџан = многу лаже.

манџусарска рабојџа = циганска работа, во духот на Циганите.

мераклија ко Еџујџин на бел џиџер.

му џрилеџа како на Еџујџин да носи дивиџ.

накарах се в џиџански џаз. Ро.

од Еџујџин бара кисело млеко. (вар.) Од Еџујџин кисело млеко.

џариџалава џујка (џрајџ-џаро исџаџ'е) = 1. баница; 2. на изглед неубава, но добра.

радува се кајџ Џиџанин на мајџениџа. Ч.

развикали ојџе се кајџ на џиџански ручок. У.

разнели сџе се кајџ џиџанско брааино. Ч.

расџоложил си се кајџ на џиџанска свадба. Ро.

се надул како еџујски џајџан.

се џазари како Џиџан = добро се пазари, се ценка.

се џресе како Ѓујџин за кисело млеко.

сиџрашлив си кајџ Џиџанин в маџла. Ч.

џиџи имаш колку Џиџанин кисело млеко. Бу.

удрен со џујски сџајџ = човек што многу шета, што не може да седне на едно место.

џиџанска рабојџа = ситничава работа, скржавост, циганчење

џиџанска џџорба = јаде многу и измешано.

црн како Џиџан = многу црн.

џисџо како во џиџански џифлик.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Ромите се: БЕСРАМНИ, БЕСЧЕСНИ, ЗБОРЛИВИ И ГЛАСНИ, ЛАЖГОВЦИ, НЕГРИЖНИ РОДИТЕЛИ, НЕДОМАЌИНИ, НЕНАСИТНИ, НЕПРИВРЗАНИ ДО РОДА, НЕРАБОТНИ, НЕУКИ, НЕЧИСТИ, ПИТАЧИ (ПРОСЈАЦИ), ПРИВРЗАНИ НА ОГАН, РАСИПНИЦИ, СИРОМАШНИ, СКИТАЧИ, СНАОДЛИВИ, ТВРДОКОРНИ, ФАЛБАЦИИ, ЦЕНКАРОШИ, ЦРНИ.

11. РУСИН

Во македонскиот јазик етнонимот РУСИН е претставен само со 1 паремиска единица, во чиј состав се наоѓаат 4 етноними:

Руска команда, џурска банда, срџски џој, буџарски војник. = Се вели за нешто што е добро направено и многу е сложно.

Во паремиските единици во македонскиот јазик Русите се : добри КОМАНДАНТИ.

12. СРБИН (само 1 паремиска единица)

Во македонскиот јазик етнонимот СРБИН е претставен само со 1 паремиска единица, во чиј состав се наоѓаат 4 етноними:

Руска команда, џурска банда, срџски џој, буџарски војник. = Се вели за нешто што е добро направено и многу е сложно.

Во фраземите и во пословиците во македонскиот јазик Србите се : КОРИСНИЦИ НА ДОБРО ОРУЖЈЕ.

13. ТУРЧИН

Во македонскиот јазик етнонимот ТУРЧИН е претставен со 72 фигуративни единици, од кои 63 паремиски единици:

А аџа и чалма не бива. (вар.) *А аџа и чалма не може, џрво аџа џосле чалма.* (вар.) *Ем аџа, ем чалма не бива.* (вар.) *А Турчин а чалма.* = Се вели кога некој очекува веднаш резултат од некоја постапка.

Ако се џурчам, за јаџне (баре да се џурчам), ами за јајце. = Ако згрешам, ако повредам некој закон или сторам некоја злоупотреба, да го сторам тоа барем за да извлечам некоја голема полза за себеси, ако можам; а не мала и времена полза.

Ако џреба и џурско џак да сџане = По секоја цена, макар да се случи и најлошото.

Ваа џуриќаџа вера уџу сака да се џера! = Од тиквешките Турци.

Владика Турчин не сџанува.

*Дур е злаа на рамена ѝод Турчина јунак не ѝажаѝ.
Дури не кѝснийѝ рисјанин лајна, Турчин не кѝсвийѝ алва.
Едно каве ако му даши на Турчин, ќе ѝи љо ѝризнаи. =*

Признателност.

*Жена, анка (Турчинка), љуска, ѝајка — се сакааѝ да се кайаѝ.
За инеѝ и Марко Крале би се ѝоѝтурчил.
За инеѝ се ѝоѝтурчвийѝ.
Зер неѝи мачка риба и Турчин кокошка ѝржсена?*

Каде сиѝе Турци ѝаму и љол Асан. = (Ирон.) Каде ѝиѝо се сиѝе, ќе се најде (вар.) Каде сиѝе Турци, ѝаму и ѝоравиоѝ Асан. (вар.) Каде сиѝе Турци, ѝаму и мал Асан. (Нпр.: Ќе се напијам една, иако не пијам). (вар.) Ќе си Турци и Асан. (вар.) Дека сиѝе Турци одаѝ, ѝам и љол Асан.

Калуђер девер и Турчин ѝобраѝим не се фаѝчаѝ. (вар.) Не ѝи ѝребийѝ Турчин ѝобраѝим и калуђер девер. = Турчинот и калуђерот не можат да бидат верни домашни пријатели; заради тоа со нив немој да имаш тесни врски. (вар.) Турчин ѝобраѝим и калуђер девер не се фаѝчеѝ.

Кауриѝе се љосѝи на овој век, а Турциѝе робје. = Така зборувале Турците, оти оделе аскер и долго време се задржувале, а кога ќе заминат требало каурите да ги испраќаат, да им даваат пари и слично.

Кољо љледаш со брада и чалма, ѝаѝко не ѝи бидуаѝ.

Кој е еснафлија, ако е Турчин. Д.

Кој не љо имаѝ браѝа си за браѝ, на Турчин робуваѝ. (вар.) Кој не љо имаѝ браѝа си за браѝ, ќе имаѝ Турчин за љосѝодар.

Ќумийски нож, ѝѝурска љлава сече.

Малечко Турче, љолема чалма = Си придава значење поради потеклото, колку помал, толку се прави поважен.

На куче и на Турчин (Арнауѝин) вера немај = Колку и да си добар со некого, некому сепак не можеш да му веруваш (вар.) Куче и Турчин не са за вера.

На Турчин и на свеѝец не се феѝчаѝ.

На Турчин кокошка ѝржсена. П.

На Турчин ѝоѝлачи се, на ѝријаѝел ѝофали се.

На улав Турчин секој ден е бајрам.

Нам здравје, на Турци болесѝ.

Не дааѝ ѝоѝу ѝроскурче, (ама) ќе даѝѝ Турчину киселец.

Не ѝи ѝребийѝ ѝѝурски ѝома-бољ. = Со Турчин блиски врски немај.

Ни е ѝрч, ни оља, ѝѝуку ѝѝурска ѝобсда.

Ни од љуйка љуйѝура, ни од Турчин љвеѝчина.

Ни од иѝиља маша, ни од араѝ ѝаша.

Ни ѝѝурски каниѝар не љо креѝи. = Премногу е лош, глупав и сл.

да јаде мрсно, ѿуку и во изобилие ќе имал мрсни јадења, без да земе ѿпредвид дека вераѿа не може да го лиши или да го снабди со богаѿсѿво, нужно за изобилни мрсни јадења.

Чалма не ќе врзам, да ќе го жалам. (вар.) Од жал ѿѿо ми е, ѿѿки чалма ќе врзам.

Во следните 5 пословици се содржат по повеќе од 1 етноним. Во првите три се содржат по 2 етнонима:

Да ѿе рѿѿне Турчин с чизма, нема да ѿе боли, ама Циѿанино сос боса ноѿа!

Евреин да раниш, да не го облекуваш; Турчин да облакаш да не го раниш.

Турчин ѿобраѿѿим, калуѿер девер, и френк орѿѿак не фаќај.

во четвртата се содржат 3 етнонима:

Турска банда, руска куманда, буѿарски ашчер.

додека во петтата се содржат 4 етнонима:

Да ѿе чува Госѿод од ѿоѿрчен Влав и од ѿоѿтурчен Шоѿ.

Во последните две паремиски единици се содржат зборови кои упатуваат на турското владеење во Македонија, иако не го содржат етнонимот ТУРЧИН:

Водаѿѿа сѿѿѿѿѿѿ, рајаѿѿа не сѿѿѿѿѿѿ.

Каури ѿлава кренале!

и 9 фраземски единици:

живее како ѿѿурски беѿ во Македонија.

и ѿѿурско и каурско. = сите.

како ѿокрај ѿѿурски ѿробишѿѿа (минува, ѿоминува и сл.). = молчејќи, без да проговори ни збор, без да поздрави.

како во ѿѿурско. = како во дамнешни времиња.

одмеѿаш се каѿѿ ѿѿѿѿѿ Турчин. Ч.

ѿусѿѿо ѿѿурско = проклето време кога земјата била поробена од Турците.

ѿуѿѿи како Турчин = многу пуѿи.

ѿѿурчин е! = парафраза: Не му врви колај инаето.

ѿѿо си се размандал каѿѿ ѿѿѿѿѿ Турчин. Ч.

Во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик Турците се: ГОЛЕМИ ЈАДАЧИ, ГОЛЕМИ ПУШАЧИ, КОРИСНИЦИ НА САБЛИ, ЛОШИ, НЕ СЕ ДОБРИ ПРИЈАТЕЛИ, НЕБЛАГОДАРНИ, НЕДОВЕРЛИВИ, НЕЧОВЕЧНИ, ОПАСНИ БАНДИТИ, ПОТУРЧЕНИТЕ КОРИСТАТ ПРИВИЛЕГИИ, ПРИЗНАТЕЛНИ, ТУРЧИНКИТЕ САКААТ ДА СЕ КАПАТ.

14. ФРАНЦУЗИН

Во македонскиот јазик етнонимот ФРАНЦУЗИН е претставен само со 1 паремиска единица, во чиј состав се наоѓаат 2 етнонима:

Турчин ѝобраџим, калуѓер девер, и френк орџак не фаќај.

Во фраземите и во пословиците во македонскиот јазик Французите: НЕ СЕ ДОБРИ ЗА ОРТАЦИ.

15. ЦРНЕЦ (само 1 фразема)

Определбата „ЦРНЕЦ“ не е етноним, и таа претставува група на луѓе која се одликува со бојата на кожата. Во една фразема во македонскиот јазик за нив постои претставата дека се многу работливи: *работи како црнец*.

16. ШВАЈЦАРЕЦ (само 1 фразема)

Во македонскиот јазик етнонимот ШВАЈЦАРЕЦ е претставен само со 1 фраземска единица: *работи (џочен е) како швајцарски саат*.

Во фраземите во македонскиот јазик Швајцарците се: ПРЕЦИЗНИ.

ЗАКЛУЧОК

Резултатите од истражувањето ја покажуваат следната присутност на етнонимите, според нивната застапеност во фраземските и во паремиските единици во македонскиот јазик: 1. РОМ (128 фигуративни единици) 2. ТУРЧИН (72 фигуративни единици) 3. ЕВРЕИН (24 фигуративни единици) 4. ВЛАВ (15 фигуративни единици) 5. ГРК (13 фигуративни единици) 6. АРАП (7 фигуративни единици) 7. БУГАРИН (6 фигуративни единици) 8. АЛБАНЕЦ (5 фигуративни единици) 9. МАКЕДОНЕЦ (4 фигуративни единици) 10. АНГЛИЧАНЕЦ (2 фигуративни единици) 11-16 ИТАЛИЈАНЕЦ, РУСИН, СРБИН, ФРАНЦУЗИН, ЦРНЕЦ И ШВАЈЦАРЕЦ (1 фигуративна единица).

Сликата што произлегува од употреба на сите проучувани етноними во фраземските и во паремиските единици со фигуративно значење во македонскиот јазик во најголемиот дел е негативна.

ИЗВОРИ ЗА КОРПУСОТ

- Величковски, Боне. 2006. *Македонски ѝословици и ѝоџоворки*. Скопје: Институт за фолклор „Марко Цепенков“, 298 стр.
- Велковска, Снежана. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*, Скопје, 375 стр.
- Димитровски, Тодор, Ширилов, Ташко. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том ѝрви*. Скопје: Огледало, 433 стр.
- Јовановски, Апостол Поп. 1971. *Македонски народни ѝословици*. Издание на авторот. Скопје, 63 стр.
- Каваев, Филип. 1961. *Народни ѝословици и џаѝанки од Сѝруџа и Сѝрушко*. Скопје: Институт за македонски јазик, 189 стр.
- Китевски, Марко: *Фолклорни бисери*, Македонска книга, Скопје, 1988, 277 стр.
- Македонски народни умотворби. Том IV, книџа I: Пословици*, (во редакција на Х. Поленаковиќ & К. Пенушлиски). 1954. Скопје: Кочо Рацин, 302 стр.
- Macedonian Proverbs. Македонски ѝословици и ѝоџоворки* – by George Mitrevski <<http://www.pelister.org/folklore/proverbs/index.php>>
- Пенушлиски, Кирил. 1969. *Пословици и Гаѝанки*. Скопје: Македонска книга, 259 стр.
- Цепенков, Марко К. 1972. *Македонски народни умотворби. Книџа осма: Пословици. Поџоворки, џаѝанки, клейѝви и блаџослови*, (редактирал: Т. Саздов). Скопје: Македонска книга, 343 стр.
- Шапкарев, Кузман А. 1989. *Одбрани сѝраници*, (приредил: М. Китевски). Скопје: НИО „Студентски збор“, 237 стр.
- Ширилов, Ташко. 2008. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том вѝори*. Скопје: Огледало, 435 стр.
- Ширилов, Ташко. 2009. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Том ѝреѝи*, Скопје: Огледало, 478 стр.

Zvonko NIKODINOVSKI

ETHNONYMS IN PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL UNITS IN MACEDONIAN LANGUAGE

Summary

The subject matter of the study is the ethnonyms as constituents of the idioms and the paremias in Macedonian language. The investigation studies the ethnonymic idioms and certain types of paremiological units (especially proverbs and interactive units) in Macedonian language corpora in order to determine the image which was built about some peoples as referents in an important cluster

of the Macedonian ethnosemiotics – in his phraseology and paremiology. A total of 281 units (214 paremiological and 67 phraseological units) with figurative meaning has been studied. These units contain 16 ethnonyms, among which the most frequent are: ROM with 128 (91 + 37) occurrences and TURK with 72 (63 + 9) occurrences. The image offered by all ethnonyms as constituent parts of phraseological and paremiological units with figurative meaning in Macedonian language is mostly negative.

Key words: ethnonyms, phraseological units, paremiological units, semiological semantics, referential value

Славомира РИБАРОВА

Филозофски факултет Загреб

Загреб, Хрватска

ФРЕКВЕНТНИ МАШКИ ИМИЊА ЗАСТАПЕНИ ВО ФРАЗЕМИТЕ (ОД МАКЕДОНСКИОТ, ЧЕШКИОТ И ХРВАТСКИОТ ЈАЗИК)¹

Апстракт: Трудот го анализира присуството на фреквентно лично машко име во фраземите на три јазика: македонскиот, чешкиот и хрватскиот. Секоја фразема е одраз на својата култура и затоа се прикажува нејзината не/транспарентност во друга средина и асоцијациите добиени преку лингвокултуролошка анкета на говорниците на сите три јазика. Се презентираат резултати од анкетата, општа карактеристика на одговорите и нивна интерпретација од лингвокултуролошка перспектива со посебен осврт на сличностите и разликите.

Клучни зборови: македонски фраземи, чешки фраземи, хрватски фраземи, лингвокултуролошки асоцијации, фреквентно лично име

Трудот анализира фраземи со антропонимска компонента, претставена со фреквентно лично име во македонскиот, чешкиот и во хрватскиот јазик со цел да се покаже лингвокултуролошкиот аспект, асоцијациите и не/транспарентноста на фраземата. Употребата на личното име² секогаш е маркирана, бидејќи во фраземата ЛИ обично ја губи својата основна, односно идентификациска и индивидуална функција (базирана на единственоста на денотатот) и затоа е потребно да се следи како ЛИ се интегрира во целосната семантика на фраземата, што е тесно поврзано со нејзиното симболично значење, кое се рефлектира во значењето на фраземата (Филипец, Чермак 1985:182).

ЛИ се носители на културен, географски, етнички и социјален идентитет, преку кој може да се согледа заедничкото влијание на јазикот и културата. Во фраземите со ЛИ асоцијацијата е на основа на екстралингвистичките особини или околностите на неговиот денотат, кои мораат да се доволно врежани во општата потсвест на говорниците на

¹ Трудот е настанат во склоп на проектот *Komparativnoslavističke lingvokulturalne teme* и е финансиран/кофинансиран од *Hrvatska zaklada za znanost* [2131].

² Понатаму во текстот ЛИ.

дадениот јазик. Според Тејлор (Тејлор 2002), ЛИ е носител на конотации од интернационален, национален и локален карактер.

Корпусот за ова истражување е ексцерпиран од фразеолошките речници на трите јазика, наведени во користената литература. Поради присуството на антропонимската компонента тие се лесно препознатливи и формираат затворена микроструктура.

I. Антропонимот употребен во фраземата може да има денотат од различни извори и, зависно од неговото потекло, структурно различните фраземи со антропонимска компонента можат да се поделат во три големи групи (Ј. Плескалова 2014: 88):

I.1. Личното име застапено во фраземата се однесува на некоја конкретна личност. Во сите три јазици антропонимите најчесто се составен дел на т.н. европеизми и денотатот има потекло најчесто од Библијата или од грчката и римската митологија или од религиозноста (на пр. *lijeper kao Apolon*, Fink 2006:146). Во оваа група спаѓаат и имиња од литературата, фраземи со ЛИ од популарната култура, историски личности и сл. Најчесто фраземиите од оваа група настануваат врз основа на метафора или споредба со денотатот.

I.2. Фраземи во кои денотатот е фиктивно лично име настанато од општа именка или од глаголска основа врз база на аналогија (на пр. *svatá Dala*), а често врз и база на римување (на пр. *Пејџина Пејџко не чекааџи / шарен Шарко од село Просџирање / na svatého Dyndy*.)

I.3. Фраземи во кои денотатот е ЛИ без сооднос кон некоја конкретна личност или случка, односно имиња кои се составен дел на основниот репертоар на имиња во македонската, чешката и во хрватската средина и кои се симбол на карактеристики типични за носителите на тоа име во подолг временски период. Во фраземиите најчесто се користи фреквентно машко лично име во својата основна форма, или неговиот хипокористик (*Пејо, Honza, Mate*). ЛИ во овие фраземи поминале процес на апелативизација врз основа на јазични (на пр. звучна сличност), но и на вонјазични фактори (на пр. асоцијации поврзани со ЛИ во врска со нивната општествена позиција, градски и селски имиња, така што најчесто, на пример, при употребата на хипокористик се чувствува како да се работи за припадник на понизок staleж). Оваа група фраземи е анализирана во овој труд.

За утврдување на лингвокултуролошкиот аспект³ на фраземата беше спроведена анкета во март и во април 2016-та година со помош

³ Лингвокултурологија (во литературата уште означувана како етнолингвистика, антрополошка лингвистика или културна лингвистика) се развива во склопот на когнитивната лингвистика и се поврзува со Хумболдт и со лингвистичкиот релативизам од Сапир-Ворфовата хипотеза, кој може да се сфати: јазикот е начин на репрезентација и репродукција на културата (Телија 1996. според Барчот 2017:44). Има за цел да го „опише јазикот не само како средство на општествена комуникација туку и како составен дел на културата” (Bartmiński 2007: 300).

на асоцијативна метода, а испитаниците требаше да дадат слободни и дискретни асоцијации.⁴ Во трудот се анализираат три различни јазици, меѓутоа, бидејќи се работи за три словенски јазици, претпоставка е дека може да се очекува разбирливост на фраземите. Тоа или ќе се потврди или ќе се оспори со анализата. Беа анкетирани по 50 изворни говорници од споменатите три јазика, од 20 до 60-годишна возраст, со минимално средно образование. Анкетата беше составена од неколку делови. Во испитувањето секој требаше писмено да одговори и за секое ЛИ да даде таканаречен поттик, односно да ја напише првата асоцијација која тоа име му ја буди. Тоа можеше да биде збор, синтагма или фразема. Зборови за поттик беа: *Хонза, Пејко, Тошо, Јанко, Марџин, Марко*. ЛИ кои се анализираат се: *Пејко, Хонза и Марџин*. Другите ЛИ се вклучени само како т.н. контролни имиња и не се анализираат. Потоа, испитаниците требаше во слободна форма да напишат:

— дел од фраземата во дадениот јазик кој е изоставен (за македонски: *на нероген Пејко кајна му ..., ојнал Пејко ... на ...* ; чешки: *tvářit se jako ..., být jako ..., smát se jako ...*; и хрватски: *lijen kao ..., kasno ... na ... stiže (dode), Mate u ... , Mate iz ..., proći (provesti se) kao ... na Kosovu*).

— асоцијации кои фраземата ги предизвикува кај нив, односно да напишат што мислат дека значи фраземата за да се испита не/ транспарентноста на фраземата. Трудот го анализира само вториот дел од оваа анкета.

За да се провери транспарентноста на фраземата во анкетата беа наведени буквални преводи на фраземите од другите два јазика. На македонските испитаници им беа понудени следниве преведени чешки и хрватски фраземи: **Се ѝонаша⁵ како глуп Хонза, *Марџин во Загреб, Марџин од Загреб, *се смее како Хонза на крвавица*; на чешките испитаници им беше даден превод на хрватските и на македонските фраземи: **Martin do Záhřeba, Martin ze Záhřebu, *tvářit se jak Tošo, *ještě se Petko nenarodil, už tu šiji čepici*; а на хрватските испитаници превод на македонските и на чешките фраземи што се анализираат: **Još se Petko nije rodio, već tu kapu šiju, *smije se kao Honza na krvavici, *ponaša se kao glupi Honza*. Последното прашање со кое се утврдуваше субјективниот емоционален однос на испитаниците кон ЛИ беше за сите исто, и тоа гласеше: дали би избрале едно од имињата (*Хонза, Јанко, Пејко, Марџин, Тошо* или *Марко*) како име за вашето дете? Фраземи и резултати кои се анализираат во трудот се само фраземите со ЛИ: *Пејко, Хонза и Марџин*, а другите, како што е веќе горе речено, беа

⁴ Р. Драгиќевиќ ги дели вербалните асоцијации на континуирани и дискретни и на слободни и контролирани. (Драгиќевиќ 2010: 45-46).

⁵ разг.

вклучени само како т.н. контролни фраземи и не се анализираат. Значи, анализата во трудов се однесува само на еден дел од анкетата.

В. Н. Телија е прва која го применила лингвокултуролошкиот пристап во фразеологијата сфаќајќи го како синергија на културата и јазикот (Барчот 2017: 61). Ваквата метода позната во лингвокултуролошките испитувања претставува принцип на асоцијативен експеримент⁶ и слободни дефиниции, и беше спроведена и во ова испитување за да се покаже националнокултуролошката специфичност во свеста на Македонците, Чесите и Хрватите.

II. Фреквентни машки лични имиња кои се анализираат се: ПЕТАР, ЈАН и МАРТИН.

II.1. Фреквентно машко име застапено во македонските фраземи: ПЕТАР.

Реченичната глаголска фразама во македонскиот јазик со антропонимската компонента *Петар*, одн. неговите хипокористични форми: *Петко* и *Пејо*, се појавуваат во неколку варијанти: *Уишће Петко нероген, каја му крои* (*скроил, сошил, шие*) / *За нероген Петко каја крои* / *На нероген Петко каја му кушил* (*сошил, шие*) / *На нероген Петко му кушил каја* / *На нероген Петко каја му крои* / *Уишће нероген Петко, каја шијајѝ*. Забележена е и варијанта со компонентата *йовој*: *На нероген Петко му сече йовој*, а се употребува иронично кога однапред се вршат подготовки и се прават планови за нешто сосема несигурно. Забележана е и фраземата: *Нема за Петко каја со значење 'тешко да се задоволиш'*.

ЛИ *Петко* е застапено уште во неколку други македонски фраземи; именски: *Женски Петко* (со варијанта *Пејо*) со значење 'маж што се однесува како жена' и глаголската реченична фразама: *Ойнал Петко йушка на гола йрбушка*, со иронично значење кога е некој сиромав, а се прави важен.

С. Велковска (Велковска 2002: 41) тврди дека кај фраземите со ЛИ доминира името *Петко*, и ја наведува уште именската фразама: *Петко вршикаја*, за човек што лесно го менува мислењето и *Петина Петко не чекааѝ*, кога на средбата недостасува само еден човек, а изборот на антропонимската компонента е условен од римата.

⁶ Американските психолози Г. Х. Кент и А. Ј. Росаноф, ослонувајќи се на Р. Сомер и неговото испитување, развиваат методологија на асоцијативно испитување која од 1967 г. се користи и во лингвистиката (Барчот 2017: 78).

II.1.1. Говорниците на македонскиот јазик за ЛИ *Пејко* ги наведуваат следните асоцијации: 25% како асоцијација наведуваат детска игра со карти (црн - црн Петко), 15% тешка глава, 13% имаат асоцијации од секојдневниот живот (Петко од „Пет плус“ - емисија за деца на ТВ, распеано куче), 9% упатуваат на текстови познати од порано, односно на романот од Даниел Дефо од 1719 година, задолжителна лектира во основното училиште (Робинзон Крусо), и 8% како асоцијација наведуваат компонента од фраземата или делумно упатување на фраземата (*нероген, каџа*), а останатите 30% се поединечни реакции (*комиџа, џиџа* итн.).

II.1.2. Кај говорниците на чешкиот јазик кај ЛИ *Пејко* во 35% одговорот недостига, а во други случаи има асоцијации на луѓе (15% *Словак*, 13% *Буџарин*) или 10% на предмет (*џласична боца*), во 8% на името кое се римува (*Tetko, Prtko, Metko*), 4% наведуваат животно (*jezevčík*). Останатите 15% се поединечни реакции (*bůra, cikán, pivo, Retko*).

II.1.3. Кај говорниците на хрватскиот јазик ЛИ *Пејко* во 42% асоцира на конкретни личности, т.е. на водителот *Далибор Пејко*. Потоа, 32% упатуваат на текстови познати од порано, т.е. на романот од Даниел Дефо од 1719-година задолжителна лектира во основното училиште, но, за разлика од македонските испитаници, тука се застапени и асоцијации со ликови од романот (*Robinson, Petak, Četvrtko, papiga*), кај 6% тоа се денови на неделата (*vikend*), кај 4% асоцира на шегација (*šaljivdija*). И 16% претставуваат поединечни реакции, често и врз основа на рима (*prodavač, svetak, sobotko, šestko, jezavac, višnja, prezime* итн.).

II.1.4. При анализа на фразема *Ушџе Пејко нероген, каџа му крои* (*скроил, сошил, шие*), кај говорниците од другите две јазични средини транспарентноста е на доста високо ниво. Резултатите покажуваат дека хрватските говорници во 97% ја разбираат фраземата. И меѓу чешките говорници постојат 87% испитаници кои го погодиле значењето, иако коментираат дека не ја познаваат фраземата.

II.2. Фреквентно машко име застапено во чешките фраземи: ЈАН.

Најраспространето фреквентно име во чешките фраземи е *Јан*, одн. неговите хипокористички форми *Јанек* и *Хонза*. Според Кнапова (Кнаппова 2010:107-108) името *Јан* има преку дваесет облици. Во фраземите се користи за опишување на глупост: *smát se jak hloupý Janek (Honza), dělat janka, stát jako janek*; наивност: *být / tvářit se jako hloupý Honza*. Именската фразема *hloupý (český) Honza* се однесува на млад маж со такви карактеристики. Во чешките приказни *hloupý (český) Honza* е типичен лик за селанче познато

како шегација кој, иако е наивен, на крај победува. Глаголската фразема: *smát se / usmívat se / koukat jako Honza / Filip / Kuba na jelito*⁷ со значење 'да се смееш наивно и радосно, ама неприкладно и глупо' се користи при реакција на информација која човекот не ја разбрал. Други фраземи со личното име *Јан* се однесуваат на хаотично однесување: *hnát se (běžet, letět) jako janek, být jako janek*; и тврдоглавост: *být jako Janek*.

II.2.1. Кај говорниците на македонскиот јазик ЛИ *Хонза* ги има следните асоцијации: 33% асоцира на возило и модел (*Хонга, кола, автомобил, моџор, Јајан*⁸), 17% на припадник на чешкиот народ (*Чех, Јан*), во 8% асоцира на луѓе, и тоа на азискиот народ (*Хунза*), и во 7% асоцира на материјал врз основа на рима (*бронза*). Останатите 27% се поединечни реакции (на пр. *деликвенци, крава, џлуџи, џлуџав, коза*).

II.2.2. Кај говорниците на хрватскиот јазик ЛИ *Хонза* ги има следните асоцијации: 35% се однесува на неговата основна форма (*Јан*), 20% на луѓе, т.е. на припадник на чешкиот народ или држава (*Чех, Чешка*). Потоа, во 8% на модел на возило, исто како кај македонските говорници (*Хонга*), во 7% животно (*коза*), 7% антропоморфни особини (*џлуџав*), 7% (*маж*). И 16% претставуваат поединечни реакции (на пр. *сријево за залијевање, napolitanke, Johanne, priča, horizont, obzor, dobar, Pepik, Ivica*).

Бидејќи најголем дел на испитаници (30) од хрватскиот јазик беа студенти на чешки јазик и книжевност од втора до петта година на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Загреб, дополнително се контролно анкетирани 10 изворни хрватски говорници за да се утврди дали постојат сигнали за разлики во споредба со податоците добиени од анкетата. Иако хрватско-чешките односи имаат голема традиција, сепак сметаме дека резултатите се под влијание на јазикот кој испитаниците го студираат. Тоа го потврди и контролната анкета каде резултатот е асоцијација на луѓе (*Јан, Чех*) само кај 4 анкетирани, меѓутоа другите 6 испитаници одговорија: *возач, моџор, кола, роза* или немаа одговор. Тоа потврдува дека на хрватскиот говорник името *Хонза*, сепак, му е препознатливо како чешко, меѓутоа процентот сигурно не би бил толку висок доколку анкетираниите не се студенти на чешкиот јазик и не се под влијание на јазикот што го студираат.

II.2.3. Кај говорниците на чешкиот јазик ЛИ *Хонза* биди асоцијација на една компонента од фраземата и делумно упатување на фраземата 35% (*hloupy*), 17% на полната форма на името (*Јан*) или кај 8% на текстови

⁷ Фраземата има три можни антропоними со слични (*Kuba*) или други конотации (*Filip: mít filipa*). Личното име *Филип* се однесува на паметен човек, кој е тука во контраст со именката *крвавица (jelito)* која означува глупост, така што, иако името носи друга конотација, целокупното значење на фраземата е непроменливо.

⁸ разг.

познати од претходно, т.е. на познатиот чехословачки филм од 1976-та година (*málem králem, český*). И 40 % претставуваат поединечни реакции (*Janek, beránek, mužské jméno, táta, děda, můj, cesta*), вклучително и една без одговор.

II.2.4. При анализата на транспарентноста на фраземата **Се ѝонаша како ѓлуѝ Хонза* кај говорниците од другите две јазични средини резултатите покажуваат дека фраземата е релативно добро сфатена и разбрано е нејзиното фразеолошко значење (кај македонските говорници во 87% случаи и во 91% кај хрватските). Карактеристично е дека 100% чешки говорници потврдија дека оваа фразема, застапена во чешкиот фразеолошкиот речник (Čermák 2009), не ја употребуваат.

III.3. Фреквентно машко име застапено во хрватските фраземи: МАТИН.

Во хрватскиот јазик структурно реченичната фразема со личното име *Матиин*: *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*, со значење 'да се вратиш со незавршена работа; цабе да се патува некаде по работа', има варијанта со дијалектално обележената хипокористичка компонента *Маѝе* од ЛИ *Маѝија* и со варијантност на топонимската компонента *Rim*: *Martin (Mate) u Zagreb (Rim), Martin (Mate) iz Zagreba (Rima)*. ЛИ се користи дијалектално уште со значење 'мрзливост': *lijen <kao> Martin, bit kod Martin v(a) oblaki, jesti kak poldrugi Martin*⁹.

III.3.1. Кај говорниците на македонскиот јазик ЛИ *Матиин* во 38% се поврзува со конкретни личности од современиот живот, најчесто политички. Најголем дел од нив (22%) е поврзан со бруталното убиство од 6.6.2011 година, кое во почетокот беше прикривано пред јавноста и предизвика протести во Скопје со кои се бараше одговорност. Како резултат на тоа, официјалните лица на МВР беа принудени да ги откријат вистинските причини на овој настан (*Нешковски, геѝе од Скопје*). Остатокот (16%) е поврзан со политичарот од ВМРО/ДПМНЕ (*Проѝуѝер*). Кај 20% постојат асоцијации од културниот живот, и тоа: пејачот на британската музичка група Колдплеј (*Крис Матиин од Колдѝлеј*), талентираниот млад музичар од Охрид (*Милески*), американскиот актер (*Шин*), кај 11% тоа се асоцијации од книжевни текстови, т.е. од романот од 1909 година од Џек Лондон (*Матиин Игн*), 8% се однесува на годишно време (*матиинка, цвеке, ѝеѝеруѝка, ѝролеѝ*). Остатокот се 33% поединечни реакции (*Влаѝко,*

⁹ Може да зборуваме за појавата на ЛИ во фраземите каде што се работи за совпаѓање на ЛИ со колоквијалното име на инсектот пентатомидае од редот хемиптера: *smrdjeti (smrdeti, smrditi) ko (kaj) smrdljivi (pezdjiv) martin* (Martin), *smrdljivi martin* (Martin).

на *Марџина од Загреб*, усџешен бизнисмен, внук, школски, дечко¹⁰, сосед, искра, ѓлачко, иџраорна).

III.3.2. Кај говорниците на чешкиот јазик, ЛИ *Марџин* буди сосема други асоцијации поврзани со св. Мартин, кој живеел во 4. век и е еден од најпознатите и најпопуларните светци од римокатоличката црква, а се слави на 11 ноември. Св. Мартин прво бил војник во коњаница и затоа се прикажува на бел коњ. Според легендата, кога една зима во Амиенс (Франција) сретнал питач, без двоумење го пресекол со меч својот мантил за да го покрие полуголиот питач. Таа вечер на сон му се појавува Исус облечен во тој мантил. Има многу праностики поврзани со овој светец, а праностиката *Марџин на бел коњ* – каде што белиот коњ е сликовита претстава на зимата, која се верува дека тогаш почнува, бидејќи точно на тој ден се очекува и првиот снег. Од Св. Мартин почнувал и помирен зимски живот, не се работело толку на нивите и луѓето се посветувале на домашни работи (предење, поправање).

Најголем број, дури 57% асоцијации, се однесуваат на св. Мартин од кои најголема застапеност има познатата праностика: 38% (*Martin na bílém koni, zima, sníh*) и 19% (*svatý*). Потоа, има 10% нулти реакции и 8% асоцијации се однесуваат на конкретна личност, т.е. на германскиот духовен водач на реформацијата во XVI век (*Martin Luther*). Преостанатите 25% се поединечни реакции (*bývalej, růže, můj, hrdina, přítel, těch znám, homola, bratr, Martínek*).

III.3.3. Кај говорниците на хрватскиот јазик ЛИ *Марџин* во 37% асоцира на инсекти од родот на хемиптера, кои најчесто живеат на билките, дрвјата и грмушките и се долги од 0.5 до 2.5 мм (*smrdljivi-kukac, bubamara*), потоа има 17% асоцијации на св. Мартин, исто како кај чешките испитаници, меѓутоа со друг аспект, бидејќи во северна Хрватска и Словенија на ден Св. Мартин се негува традиционалниот народен обичај - симболична промена на мошт во младо вино ("krštenje vina"), проследен со забави по местата (*Martinje sveti, blagdan, vino*), 13% асоцијации упатуваат на компонента од фраземата или има делумно упатување на фраземата (*Martin iz Zagreba / u Zagrebu / Zagrepčanin*), потоа 8% ги асоцира на општопознатата француска песна *Frère Jacques* преведена на повеќе јазици, која на хрватски е најпопуларна во кајкавскиот превод: *Bratec Martin, Bratec Martin Kaj još spiš, kaj još spiš Već ti vura tuče, već ti vura tuče Bim bam bom, bim bam bom* (bratec), додека другите 25% се поединечни реакции (*košarka, mura, Martinić, švaler, tokar, Andrej iz Zagreba, ratnik, kolega, lik iz romana*).

III.3.4. При анализата на транспарентноста на фраземата **Марџин во Загреб*, *Марџин од Загреб* кај говорниците од другите две јазични средини, резултатите покажуваат дека македонските говорници мислат

¹⁰ Разг.

дека се работи за обична реченица и само 10% ја разбира и ја сфаќа фразеолошки.

Кај чешките говорници најчесто ги збунуваат падежите кои не се менуваат и тоа го коментираат и, исто како македонските говорници, фраземата не ја сфаќаат фразеолошки. Мал процент од нив велат дека се работи за тоа дека *Марџин* сака да патува. Само еден испитаник во ова гледа пренесено значење и мисли дека значи дека не си ја научил својата лекција.

IV. Кај сите испитаници најпозитивни асоцијации буди името *Марџин* кое нема негативни конотации, за разлика од *Пејќо* и *Хонза*. Некои од општите асоцијации се дека името е современо, дека буди стабилност и шармантност.

Заклучок

Од анализата е видно дека личните имиња во фраземата евоцираат повеќеслојни асоцијации. Испитувањето на асоцијации на трите народи покажува одредени сличности и разлики. Сличностите се појавуваат меѓу асоцијациите на македонските и хрватските испитаници (сп. II.1.1.). Кај ЛИ *Пејќо* тоа се асоцијации на текстови познати од претходно (Д. Дефо), додека кај чешките испитаници оваа асоцијација не се јавува. Се совпаѓаат и асоцијациите на возило при името *Хонза* кај претставниците на споменатите два јазика. Сосема друга е ситуацијата кај името *Марџин*, каде заедничките асоцијации кои се јавуваат кај чешките и кај хрватските испитаници се поврзуваат со св. Мартин (види III.3.3., III.3.2.). Меѓутоа, исто како при асоцијациите на Д. Дефо, и кај св. Мартин се јавуваат разлики во конкретните асоцијации.

Фраземите во кои се застапени ЛИ *Пејќо* и *Хонза* се разбирливи за другите две групи испитаници, додека фраземата со ЛИ *Марџин* не е разбирлива.

Резултатите потврдуваат дека секој јазик на свој начин го сегментира светот, т.е. има свој начин на неговата концептуализација. Така, иако се појавува иста асоцијација кај македонските и кај хрватските испитаници (*Пејќо*, Д. Дефо), односно кај хрватските и кај чешките испитаници (*Марџин*, св. *Марџин*), сепак кај секој народ се разликува по тоа кој аспект на поимот претставува поттик за асоцијацијата, бидејќи на концептуалната слика истовремено делуваат општочовечки, национални и лични фактори.

Според Р. Драгиќевиќ (Драгиќевиќ 2010: 46-47) најважни обележја на асоцијативното поле се фреквенција на асоцијации, разноврсност на асоцијации, идиосинкретичност на одговори (поединечни одговори

и омисии, т.е. број на нулти реакции на поттикот). Колку поголема е фреквенција на асоцијациите, толку поголема е нивната хомогеност и стабилност во асоцијативниот систем на испитаниците. Значи, може да се заклучи дека ЛИ *Пејко* не е хомогено и стабилно во чешкиот јазик, бидејќи тоа е единствен случај со поголем број омисии. Интересно е дека во целото испитување најголем број нулти реакции постои кај чешките испитаници (многу ретко кај другите).

При испитување на асоцијациите на дадениот поттик се дешифрираат четири ментални операции кои нудат информации за макрокомпонентата на значењето на структурата на фраземата. Се тргнува од претпоставка дека секој изворен говорник има лингвокултуролошка компетенција, што значи дека при перцепцијата на фраземата неговата јазична и културна свест делуваат обострано и истовремено. Ковшкова зборува за денотативен, оценувачки, мотивациски и емоционален тип на информации како составен дел на фразеолошкото значење како семантичка синергија и прагматичен потенцијал на фраземата, што може да се види во резултатите на добиените асоцијации. (Ковшкова према Барчот 2017 : 63). Кога се работи за постоење на името во фраземата, испитаниците во одговорите ги презентираат сите главни компоненти на значенскиот модел на фраземите: опис на војјазичната реалност, мотивација, илустрација и оценувачки емоционален однос. Кога е поттик ЛИ, кое не е составен дел на фраземата или на јазичниот фонд (на пр. *Хонза* кај македонските и хрватските испитаници) не е присутна ни дескриптивната информација, ни емоционалниот тип на информација. Истражувањето ја потврдува културолошката обележаност на фраземите и едновременно и тоа дека ЛИ како компонента е носител на национално-културните специфичности.

Користена литература:

- Велковска, С. 2002. *Белешки за македонската фразеологија*. ИМЈ, Скопје: ИМЈ „Крсте Мисирков“
- Велковска, С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*. Скопје: БПТ-Принт.
- Драгичевич, Р. 2010. *Вербалне асоцијации кроз српски јазик и културу*. Београд: Друштво за српски јазик и книжевност Србије.
- Ковшкова, М. Л. 2012. *Лингвокултуролошкиот метод во фразеологији: Коды культуры*. Москва: Кн.дом ЛИБРОКОМ.
- Телия, В. Н. 1996. *Русская фразеология: Семантический, Прагматический и лингво-Культурологический аспекты*. М.: Языки Русской культуры.
- Barčot, B. 2017. *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.

- Bartmiński, J. (2007): Čím se zabývá etnolingvistika? *Slovo a smysl*, 2007, č. 4.,s. 299–309.
- Filpec, J, Čermák, F. 1985. Česká lexikologie, Praha: Academia.
- Knappová, M. 2010. *Jak se bude vaše dítě jmenovat*, Praha: Academia.
- Pleskalová, J. *Vlastní jména osobní v češtině*, Masarykova universita, Brno 2014. [Online]
Достапно на: <https://digilib.phil.muni.cz/data/handle/11222.digilib/131210/monography.pdf> Пристапено: 30.3.2017.
- Šrámek, R. 1999. *Úvod do obecné onomastiky*. Brno: Masarykova univerzita.
- Taylor, John 2002. *Cognitive Grammar*, Oxford: Oxford University Press.

Список на извори:

Речници:

- Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик А- Ј ѿом I*. Скопје: Огледало.
- Ширилов, Т. 2008. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик К- П ѿом II*. Скопје: Огледало.
- Ширилов, Т. 2009. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик Р- Ш ѿом III*. Скопје: Огледало.
- Čermák, František. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirování, 2., Výrazy neslovesné 3. Výrazy slovesné*. Praha: LEDA.
- Fink-Arsovski., Ž. i kol. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: KNJIGRA.
- Menac, Antica, Fink-Arsovski, Željka, Venturin, Radomir 2014: *Hrvatski frazeološki rječnik*, 2. izdanje, Zagreb: Naklada Ljevak.

Slavomira RIBAROVA

FREQUENT MALE PERSONAL NAMES FOUND
IN PHRASEMES AND IDIOMS
(IN MACEDONIAN, CZECH AND CROATIAN LANGUAGE)

Summary

The paper discusses the idioms with frequent anthroponomical male component, i.e. a name frequently used in a certain area on examples of Macedonian, Czech and Croatian language. The presented idioms are language reflections of the culture in which they are used, thus the analyzed material shows the non/transparency a associations the other environment, presented through a linguacultural questionnaire given to the speakers of these three languages. The paper shows similarities in the associations of the Macedonian and Croatian speakers (D. Defo and Honda) and among the Croatian and Czech about the name Martin. Nevertheless, a different aspect is being evoked with the speakers of each language showing that each language has its own way of conceptualization affected by human, national and personal factors.

Силвана СИМОСКА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

БИБЛИСКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМИ СО ОНИМИСКА КОМПОНЕНТА ВО ГЕРМАНСКИОТ И ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Апстракт: Од широкораспространетата библиска фразеологија овде ќе бидат разгледани фразеологизмите со онимиска компонента, односно со лични имиња од Стариот (*Агам и Ева /Adam und Eva, Ное/Noah, Авра(а)м/Abraham, Јов/Hiob* и др.) и од Новиот завет (*Јаков/Jakob, Јован/Johannes, Југа/Judas, Тома/Thomas* и др.) во германскиот и во македонскиот јазик. Онимиската компонента може да се состои од само едно име (*Агам*) или да биде двоименска (*Агам и Ева/Adam und Eva* и др.). Зад онимиската компонента на библиските фразеологизми се крие одредена конотација која влијае врз семантичката структура. Во обид да се изнајдат конвергенциите (целосна и делумна еквиваленција) и дивергенциите (делумна и целосна диференција), како и нефразеолошките еквиваленти (фразеолошка нулева еквиваленција), ќе се разгледаат сличностите и разликите во двата контрастирани фразеолошки фонда.

Клучни зборови: контрастивна фразеологија (германски-македонски), библиски фразеологизми, конвергенција, дивергенција, фразеолошка нулева еквиваленција

1. Предмет на истражувањето

Во овој прилог, што спаѓа во контрастивната фразеологија, ќе се разгледаат библиските фразеологизми со онимиска компонента во германскиот и во македонскиот јазичен систем. „Под терминот фразеологизам ги супсумираме сите видови петрифицирани структурно-синтаксички јазични состави со преносно значење што ги преземаме како готови единици од лексиконот на еден јазик [...]. Под поткласата библиски фразеологизми подразбираме онакви фразеологизми што етимолошки потекнуваат од Библијата, односно се мотивирани од настан опишан во Библијата“ (Симоска 2017: 265-266).

Онимиската компонента е ограничена на антропонимите, а со оглед на тоа што се работи за библиски фразеологизми, сопствените, односно личните имиња (=ЛИ) се тие што се во фокусот на нашето внимание. Библијата ги идентификува и ги возвишува идентитетите на главните ликови во книгите од Стариот и од Новиот завет исклучиво преку сопственото име, кое е доволно уникатно и метафорично и без именски додаток, којшто е вообичаен во денешната практика во вид на официјално презиме или (не)официјален прекар (на пр. *Мила Гушевска, Јордан Пийеркаџа*). Еднокомпонентната онимиска варијанта е денеска резервирана, пред сè, за популарните личности од уметничката номенклатура, како што се рок/поп/фолк-свездите, актерите и сл. (на пр. *Магона, Фалко*). Имињата и зад нив постираните библиски ликови, односно концепти, трајно овековечени во фразеолошката ризница на јазичните заедници,¹ се исто така своевидни свезди што се деонимизирани, а со тоа и апелативизирани (сп. Fleischer 1997: 97-98). Употребата на името во фразеологизмот, сепак, значи губење на неговото референцијално значење и претворање во генеричко име со одредена конотација што се крие зад него. Изборот на името во фразеологизмот според Велковска (2002: 38), врз основа на согледбите на Д. Рагуж и Ј. Матешки, не е случаен. Тој е мотивиран од настан сврзан со одреден лик.

Контрастивниот карактер на овој прилог ни наложува примена на степенот на еквивалентност меѓу германските, од коишто поаѓаме, и македонските библиски фразеологизми. Тука, во согласност со повеќето автори, а пред сè, со финскиот германист и фразеолог Корхонен (Korhonen 2004: 580), се служиме со поимите конвергенција (Konvergenz) и дивергенција (Divergenz). Под конвергенции Корхонен ги сведува фразеологизмите со целосна (totale) и делумна (partielle) еквиваленција (Äquivalenz), додека кај дивергенциите разликува делумна (partielle) и целосна (totale) диференција (Differenz). Наспрема еквиваленцијата и диференцијата постои и фразеолошка нулева еквиваленција, т.е. „нефразеолошки соодветник“ („nichtphraseologische Entsprechung“, Korhonen 2004: 581). Во таквите случаи фразеологизам од еден јазик нема соодветен фразеолошки партнер во друг јазик, и следствено се пренесува со други јазични средства, како на пример со колокации и сл. (англ. *not know sb. from Adam* – герм. *jemanden überhaupt nicht kennen* – мак. *воошшиџо га не ѝознаваш некоџо*). Целосно еквивалентни фразеологизми се оние каде што има совпаѓање во однос на лексиката, синтаксата, семантиката и употребата, вели Корхонен (Korhonen 2004: 580), посочувајќи го германско-англискиот пример: герм. *das schwarze Schaf sein* – англ. *be the black sheep*

¹ За македонската соматска фразеологија сп. Велјановска (2006), а за албанско-македонската фразеологија сп. Јованова-Грујовска (2013).

– мак. *ga бидеш црна овца*. Делумно еквивалентни фразеологизми се оние каде што има отстапки од синтаксички аспект, на пр. герм. *grünes Licht geben* и мак. *гава зелено свеќило* наспрема англ. *give the green light*. Делумна диференција постои меѓу фразеологизми кај коишто покрај заедничката сликовитост се употребува различна лексика и/или синтакса, и каде што има потенцијални отстапки од семантички и/или прагматички аспект: герм. *etw. in den Wind schlagen* – англ. *throw something to the winds* (мак. 'отфрла', 'не прифаќа нешто', на пр. добронамерен совет, предупредување). За целосна диференција станува збор кога на фразеологизам од еден јазик може да му се сопостави фразеологизам од друг јазик, но со сосем поинаква сликовитост: герм. *aus dem Regen in die Traufe kommen* (бук. 'од дожд во олук') – англ. *jump out of the frying pan into the fire* (бук. 'да скокнеш од тенџере што гори во оган') (мак. *ог лошо ѝолошо*) (сите германско-англиски примери според Корхонен 2004: 580).

2. Методологија и корпус

Истражувањето е направено врз основа на наводи што се ексцерпирани од германски и од македонски речници што се посочени во библиографијата.² Не сопоставуваме фразеологизми вградени во текстуална матрица, т.е. не станува збор за превод. Овој став ќе мора сепак да се релативизира; без оглед на тоа што литературата тежнее кон тоа да направи стриктна дистинкција меѓу контрастивниот – на ниво на *langue* според Де Сосир – и транслатолошкиот пристап – на ниво на *parole* според Де Сосир – (сп. Korhonen 2004: 581), таа сепак ги вкрстува до извесна мера овие два пристапа, посочувајќи фразеологизми во речниците, кои или се ексцерпти од убавата литература (на пр. Речникот на Димитровски и Ширилов) или се вградени во реченични контексти за поавтентично расветлување на нивната семантика (на пр. Речникот на Friedrich ²1976). *Фразеолошкиот речник на македонскиот јазик* (=ФРМЈ) од Димитровски/Ширилов е дефакто жив и автентичен отслик на македонскиот идиом, служејќи се со ексцерпти од македонската книжевна ризница.³ Всушност, секој фразеологизам, односно

² Би сакале да нагласиме дека е практика во германските речници да се означуваат библиските фразеологизми како такви, додека во македонската лексикографија не се практикува таков пристап.

³ Овој пристап заслужува овации со оглед на тоа што станува збор за потфат кој знае да биде избегнуван од лексикографите, како што е случајот со *Речникот на модерната германска идиоматика* (*Moderne deutsche Idiomatik*, ²1976) од Волф Фридрих (Wolf Friedrich), во којшто самиот автор нагласува дека ни во второто издание од ²1976 година не бил во состојба да ги задоволи барањата на читателите, ниту во поглед на прибавување ексцерпти од германските книжевни дела ниту во поглед на определување на потеклото на фразеологизмите, зашто овие мамутски потфати можеле само да бидат одговорно исполнети од цел тим лексикографи.

секоја фразеоексема во поширока смисла (*Adamskostüm* / *Агамов косџум*), исто како и секоја збороексема, отвора само одреден број контексти, во коишто може да биде вграден во согласност со неговата семантика и прагматика. За еден вид двојна верификација (double-check) на библиските фразеологизми консултирани се и библиски изданија на германски и на македонски јазик (в. библиографија).

3. Структурниот и родовиот аспект на онимиската компонента

Онимот во библиските фразеологизми може по својата структура да биде од едно- или од двокомпонентен карактер. Во библиските фразеологизми со еднокомпонентен оним се појавува само едно ЛИ, на пр. *Hoe/Noah*, *Томас/Thomas* итн. Кога се во прашање двокомпонентни оними, се апострофираат или библиски „тандемски имиња“ што се однесуваат на двајца различни референти (на пр. *Каин и Авел*), или на еден ист референт (на пр. *Савле* и *Павле* се две различни имиња во еден фразеологизам за едно исто лице, в. подолу), а се деонимизирани и фразеологизирани. Двокомпонентните тандемски оними можат сами по себе да формираат фразеологизам (браќата *Каин и Авел* / *Kain und Abel* – првиот и вториот син на Адам и Ева, при што Каин го убива братот си Авел од љубомора), или да бидат составен дел од покомплексна фразеолошка структура (*Kainsmal, das Kainsmal an/auf der Stirn* – *Каинов знак* ’братоубиец‘; ’лице обележано (како злосторник‘). Со оглед на универзалниот карактер на Библијата, во двата контрастирани јазика застапени се фразеологизми со следниве двокомпонентни биференцијални оними: *Агам и Ева* / *Adam und Eva*, *Каин и Авел* / *Kain und Abel*, *Давид и Голијат* / *David und Goliath* ’дробниот и цинот – нерамноправни противници‘, *Савле и Павле* / *Saulus und Paulus*, *Петар и Павле* / *Peter und Paul* и др.⁴ Од нив не се лематизирани ниту

Денес се олеснети условите за работа, барем што се однесува на германската ситуација, со оглед на релативно високиот степен на дигитализација на германските книжевни корпуси со коишто располага на пр. Институтот за германски јазик во Манхајм, СР Германија.

⁴ Двокомпонентни онимски структури се наоѓаат и кај библиските топоними што не се предмет на нашето истражување, како на пр., *Sodom und Gomorr(h)a* (Lutherbibel; стр. 19) *Согом и Гомор* (Библија: Битие 24; стр. 27), лематизиран во ФРМЈ под *Согома и Гомора* како метафора за ’голем разврат, најголема расипаност, пропаст, пекол’ (ФРМЈ – том III, 107), односно ’разврат, неморал, разуданост’ (Велковска 2002: 49). Бошко Смакоски во своето дело *Облекаџа на душаџа* оди чекор подалеку, нарекувајќи го градот Прелог „одвратниот Содом, курварница на отворено“ (стр. 13), а пак Паскал Гилевски во својот роман *Небесна и земна љубов* ги оквалификува „Дрогата, перверзноста, таа Содом и Гомора на дваесеттиот век, [како] непромислено... [зло што] го туркаат човештвото кон работ на уништувањето“ (стр. 85) (ФРМЈ – том III, 107).

во ФРМЈ ниту во Речникот на Фридрих (Friedrich ²1976) *Каин и Авел* / *Kain und Abel* (ни поединечно) и *Давид и Голијат* / *David und Goliath* (ни поединечно). Од еднокомпонентните оими во ФРМЈ не се лематизирани фразеологизми со женските ЛИ: *Маѓдалена*, *Марија* и *Сара*.

Што се однесува на родовиот аспект, анализата на корпусот покажа доминантна застапеност на машки имиња во фразеологизмите со библиска мотивација во двата контрастирани јазика. Овој факт не треба да зачудува со оглед на тоа што е Библијата пишувана во период кога патријархатот ги определувал семејните и општествените односи и вредности (сп. Köhler 2004: 361), т.е. станува збор за систем во којшто мажот имал доминантна, репрезентативна и детерминативна улога, за разлика од современиот демократско-рамноправен статус на мажот и жената. Женските имиња што преминале во трајниот фразеолошки фонд на јазиците се потпросечно застапени во споредба со машките имиња, што не треба да се става во корелација со застапеноста на женските ликови во Библијата. Напротив, нив ги има многу, но многу мал број од нив оставиле траен белег во фразеоексоните. Причината за оваа дискриминација на жената во библиската фразеологија кореспондира, според наше мислење, не само со подредената положба на жената во дамнешните времиња, туку и во верата воопшто (Бог, Исус, апостолите и др. се машки ликови; „невидливоста на жената“ во Библијата според Келер (Köhler 2004: 362, 366-371) е меѓу другото резултат и на „машкиот“ превод на Библијата – според неа Исус немал само ученици (*Jünger*) и *аџосџоли* (*Aposteln*), туку и *ученички* (*Jüngerinnen*) и *аџосџолки* (*Apostelinnen*)). Во сенката на мажот на жената не ѝ биле дадени еднакви шанси да проникне во јазичната реализација.

4. Библиски фразеологизми со ЛИ од Стариот завет

Приказот за фразеологизмите со ЛИ од Стариот завет е хронолошки подреден според имињата од книгите во Библијата, а не според азбучниот редослед на иницијалите на имињата. Причината за овој пристап е следната: низ хронологизацијата на настаните се обидуваме да дедуцираме културолошко-историски разлики за застапеноста, односно незастапеноста на одреден фразеологизам во едниот или во другиот јазик.

➤ **Адам и Ева / Adam und Eva**

Првиот тандем ЛИ што се овековечил во фразеологијата на германскиот и на македонскиот јазик, како и во низа други јазици, е секако *Агам и Ева* / *Adam und Eva*. Наспроти библиската симболично-метафорична конотација за единствениот природен начин на настанување

и на репродукција на човечкиот род - преку сексуалниот контакт меѓу мажот и жената, тандемот *Агам и Ева* во своето фразеолошко толкување се сведува на архаична или на шеговита конотација. Со архаична конотација во двата контрастирани јазици може да се посочи фразеологизмот *ог Агам и Ева* (ФРМЈ) / *bei Adam und Eva anfangen* (Röhrich/Перих) со значење 1. од многу одамна, од памтивек; 2. многу опширно (раскажува и сл.) (ФРМЈ – том I). Во рубриката архаично толкување на фразеологизмите со *Агам и Ева* во германскиот јазик може, согласно со консултираните речници, да се посочи и следниов пример: *von Adam und Eva (ab)stammen* (бук. 'потекнува од Адам и Ева') со значење 'прастар, старомоден', кој нема свој конвергентен, ами дивергентен фразеолошки пандан во македонскиот јазик: *ог гего Ное (go genes)* (Велковска 2002: 49, 2008; овој фразеологизам не е лематизиран во ФРМЈ!).⁵ Потенцијални контексти се: „Непотизмот започнал од дедо Ное“ со значење 'од памтивек, отсекогаш постои'. Што се однесува на шеговитата конотација на фразеологизмите со *Агам и Ева*, истражениот материјал покажа дека и во овој случај има повеќе германски отколку македонски фразеологизми. Станува збор за фразеологизми што се изведени од библиски извори, но не се непосредно преземени од Библијата (сп. Földes 1990: 61). Во овој контекст може да се споменат фразеологизми само со Adam / *Агам* како ЛИ: *den alten Adam ausziehen* (Friedrich ²1976: 17; Röm. 6,6; Eph. 4, 22; Kol. 3,9) (бук. 'да го соблечете стариот Адам') со значење 'да станете нов човек' (англ. 'to lay aside (to shake off) the old Adam'; франц. 'dépouiller le vieil Adam, le vieil homme'); *ganz außer Adam sein* 'да останеш без здив' (Röhrich); *Der alte Adam regt sich wieder* ('die alten Fehler, Gewohnheiten, Ansichten usw. 'der Mensch kann sich anstrengen, wie er will – der alte Adam läßt sich nicht verleugnen, Friedrich ²1976: 17) (бук. 'стариот Адам повторно се размрдува') со значење 'старите лоши навики, грешки повторно излегуваат на виделина'. Во македонскиот јазик може како фразеолошки пандан со тотална диференција, во согласност со Корхоненовата класификација, да се посочи *волкоѝ влакноѝо го менува, ама кудѝа не ја менува*. Во двата јазика, во германскиот и во македонскиот јазик, застапен е фразеологизмот од шеговита категорија *im Adamskostüm* ('unbekleidet'; *An manchen Stellen kann man im Adamskostüm baden*, Friedrich ²1976: 17;) – *Агамов косѝум* (Велковска 2002: 80) со значење 'гол'. Во германскиот се среќава и женската варијанта *im Evakostüm* 'гола'.

➤ **Joseph / Јосиф (од Стариот завет)**

Германскиот фразеологизам *keuscher Joseph / so keusch wie Joseph* со буквално значење 'невин Јосиф / толку невин како Јосиф', се базира на

⁵ Фразеологизмот *nach Adam Riese* ('се потврдува точноста на сметката') не спаѓа во библиски мотивираните фразеологизми.

случка од Стариот завет опишана во Првата Мојсеева книга – Битие 39 – каде што се загледува господаровата жена⁶ во Јосиф (Библија 1991: 52), кој успева да одолее на нејзиниот шарм, за што ќе биде наклеветен од нејзина страна за наводен обид за силување, по што завршува во затвор. Оттаму е мотивиран и *eine Josephehe eingehen / führen* (Röhrich 1992 (Bd. 2): 786) (бук. 'да склучиш / водиш Јосифов брак') со значење 'брак со сексуално воздржување'. Во речникот на Фридрих (Friedrich ²1976) не се заведени фразеологизми со еднокомпонентното ЛИ *Josef/Joseph* (мак. *Јосиф*).⁷

➤ **Ное / Noah**

Германскиот фразеологизам *aus Noahs Kasten* (=Arche Noahs, 'арката/бродот/ковчегот на дедо Ное') *sein* (бук. 'да се биде од арката на Ное'), а со значење 'мошне стар' (< 'schon sehr alt sein', Röhrich 1991 (Bd.2): 1097-1098)) би требало да се третира како делумен еквивалент на мак. фразеологизам *og gego Ное*⁸ (Велковска 2002: 79). Фразеологизмот *Arche Noah* – името на Ноевиот пловен објект – располага со тотален еквивалент во македонскиот јазик: *Ноев ковчег* (Велковска 2002: 79). Како синонимен фразеологизам ('мошне стар, длабока старост') се употребува во германскиот и *alt wie Methusalem* (бук. 'стар како Метузалем' – кој живеел 969 години).

➤ **Abraham / Авра(а)м**

Фразеологизми со ЛИ *Авра(а)м* не се застапени во македонскиот лексикон. Со ЛИ Авраам се буди конотација на безбедност и сигурност во фразеологизмите. Во германскиот јазик ги наоѓаме следниве примери: *wie in Abrahams Schoß* ('wohlgeboren', Fleischer 1997: 97) (бук. 'како во skutот на Авра(а)м'), *in Abrahams Schoß sitzen* (бук. 'да седиш во skutот на Авра(а)м'), со значење 'да живееш како во рај' ('wie im Paradies leben', Friedrich ²1976: 15) и *so sicher wie in Abrahams Schoß* ('ganz sicher, ohne Angst vor Gefahr', Friedrich ²1976: 15), бук. 'толку сигурно како во skutот на Авра(а)м', а со значење 'тотално сигурен, без страв од опасност'. Сите овие примери би можеле во македонскиот јазик преку целосна диференција да се предадат со *роген со злайна лажница, му ѝагна секирајџа во мед* и сл.

⁶ Петефриј – „фараонов придворник и заповедник на неговата телесна стража“ (Библија 1999: 52-53).

⁷ Во ФРМЈ заведен е фразеологизмот како *Јосиф од Трбушница*, со значење 'тоа па тоа'. Неговата мотивација останува неразјаснета.

⁸ Во *Македонскиите народни приказни* (книга петта) од Марко Цепенков (1989: 29–42) *gego Ное* се нарекува *gedo Нојо* (*Дедо Нојо зради кораб оџи ќе бидел љоџој*, 29; *Гемџајџа од gedo Нојо и љоџојџи*, 31; *Коа е сџорило љоџој на земјџа и gedo Нојо со свџојџе*, 32; *Дедо Нојо коџа се оџил со вино*, 34; *Дедо Нојо и џџиџе му кџрки*, 36; *Дедо Нојо, злуџеџој и змијџа*, 37; *Нојо и маџарџе*, 41).

➤ **Јов / Hiob**

Речникоѝ на Рерих, како и *Речникоѝ* на Бајер ги посочуваат следниве фразеологизми со праведниот Јов од Стариот завет: *Eine Hiobsbotschaft bringen* (älter *Hiobspost*; англ. *Job's news*) со значење 'пренесува лоша вест' (бук. 'да носиш Јовова вест'; 'eine traurige oder unangenehme Nachricht überbringen', Röhrich 1992: 722), *er ist ein zweiter Hiob*, бук. 'тој е втор Јов', со значење 'баксуз' ('er hat viel Pech, Unglück'), *eine wahre Hiobsgeduld haben*, бук. 'да имаш вистинско Јовово трпение', со значење 'претерано трпелив' ('außerordentlich geduldig, langmütig sein'), *arm wie Hiob*, бук. 'сиромав како Јов', а со значење 'многу сиромав' ('arm wie eine Kirchenmaus'). Потенцијален македонски фразеолошки пандан би бил од категоријата целосна диференција, на пр. *ѝиѝер нема да си фрли в очи*. Со името Јов/Hiob нема заведено ни еден фразеологизам ни во речникот на Фридрих (Friedrich ²1976) ни на Харенберг (Harenberg ³2002).

5. Библиски фразеологизми со ЛИ од Новиот завет

Онимите реализирани во библиските фразеологизми од Новиот завет можат да бидат од еднокомпонентен или од двокомпонентен состав. Позначајните апостоли, односно нивните еднокомпонентни ЛИ (*Јаков*, *Јован*, *Јуда*, *Пеѝар*, *Тома*), се главен дел од фразеологијата во двата јазика (в. подолу). Во ексцерпираниите речници не се застапени фразеологизми со апостолските имиња: *Агреја* (Andreas), *Барѝоломеј* (Bartholomäus), *Маѝеј* (Matthäus), *Филиѝ* (Philippus) и *Симон* (Simon). Покрај апостолите, во фразеологијата од библиско потекло овековечени се и имињата на *Јосиф* и на *Понѝиј Пилаѝ* од Новиот завет. Двокомпонентните онимиски структури се, пред сѐ, состави од копулативен карактер на две личности, формално конкатенирани со сврзникот *и* (*Пеѝар и Павле* и др.). Само во случајот на *Понѝиј Пилаѝ* двете онимиски компоненти претставуваат име и презиме на едно исто лице (в. подолу), додека *Савле* и *Павле* (в. подолу) претставуваат две слични ЛИ на ист референт.

➤ **Jakob / Јаков** (апостол Јаков)

Во составот на 12 апостоли, најстариот и најмладиот апостол по име Јаков (Jakob(us)), оставиле своја трага во германскиот фразеологизам *der wahre Jakob* (бук. 'вистинскиот Јаков') со значење 'единственото добро/праведно нешто' ('das (einzig) Richtige, das wirklich Gute (od. Schöne)', *Im Mai muß man Urlaub machen, und zwar auf Rhodos. Das ist der wahre Jakob!*, Friedrich ²1976: 232). Македонски фразеолошки еквивалент со онимот *Јаков* не е посочен во речниците. Со онимот *Јаков*, всушност, нема

заведено ниеден фразеологизам во ФРМЈ, но регистриран е во напис на интернет: „Кодошејќи го вистинскиот уметник Јаков...“ („Дупло дно“⁹ против квазиуметници и полтрони во Битолски театар“, *Сакам да кажам*, 23.04.2017, Ж. Здравковска).

➤ **Johannes / Јован**

Фразеологизмот *dastehen wie ein hölzener Johannes* со значење 'стои како здрвен, како кутук' (нулева еквиваленција; 'plump und unbeholfen dastehen', Röhrich 2002 (Bd.2): 785) според речникот на Рерих е мотивиран од Јован крстител. Овој фразеологизам нема свои онимиски пандан во македонскиот фразеолошки фонд. Исто така и фразеологизмот *lang wie ein Johannistag* (бук. 'долг како Јованов ден') со значење '24 јуни, кога денот е најдолг' ('24. Juni, Tag mit der längsten Tageslichtdauer', Röhrich ibid.) нема македонски фразеолошки – но лексички пандан *долгоденица*. Според погоре посочената класификација на еквиваленти станува збор за нулева еквиваленција. Онимот *Јован* не е лематизиран во македонските фразеолошки речници.

➤ **Judas / Јуда**

Предавникот на Исус, Јуда Искаротски, сам по себе, т.е. со самото ЛИ *Judas / Jyga* претставува фразеологизам со значење 'предавник, измамник'; поексплицитно во *falsch wie Judas sein* 'лажен како Јуда'. Во германскиот јазик постојат и фразеолексемите *Judaskuss* 'бакнежот на Јуда, како симбол на предавство', *Judaslohn* 'награда за предавство' (Röhrich 1992 (Bd.2): 787). Велковска (2002: 49) го наведува фразеологизмот *Парајџа е Jyga*.

➤ **Peter / Petrus** (латинското име на *Пејџар*) / **Петар**

Според апостолот Петар, што шеговито се асоцира со метеоролошките прогнози, мотивиран е фразеологизмот *Petrus meint's gut* (бук. 'Петар добро ни мисли') со значење 'времето е / ќе биде убаво' ('das Wetter wird (od. ist) schön', Friedrich ²1976: 358). За разлика од македонската фолклористика¹⁰, македонската фразеологија не го асоцира шеговито онимот *Пејџар* / *Св. Пејџар* со 'метеоролог на небото', туку со 'возрасно лице што е извршител на казна' кај немирни деца. Во Речникот на Фридрих застапен е и фразеологизмот *ein langweiliger (od. alberner, dummer) Peter* со значење 'здодевен, глупав човек' ('ein langweiliger (od. alberner, dummer)

⁹ Култен драмски текст од Горан Стефановски.

¹⁰ *Свети Пејџар* во улога на метеоролошки посредник со добри релации кон Господ се среќава во приказната *Свети Пејџар и сиромашој* од Марко Цепенков (книга втора 1989: 329-334).

Mensch⁴, Friedrich ²1976: 358) за којшто не може да се атестира библиска мотивација.

➤ **Thomas / Тома**

Фразеологизмот *Er ist ein ungläubiger Thomas* ('er glaubt nur das, wovon er sich selbst überzeugen kann'; Röhrich 1992: 1622) мотивиран од апостолот Тома(с), кој не може да верува на Исусовото воскресение сè додека не ги допре неговите рани, има свој целосен еквивалент во македонскиот јазик: *неверен Тома* 'човек што не може да биде убеден во нешто и сака сè сам да провери' (ФРМЈ том трети, стр. 166). Овој фразеологизам има меѓународен, универзален карактер, застапен е меѓу другото и во англискиот (*an unbelieving Thomas*) и во францускиот јазик (*être incrédule comme Saint Thomas*).

➤ **Pilatus / Пилат**

Човекот што го осуди Исус на смрт, т.е. римскиот управител *Пилаи*, е мотивот за фразеологизмот *Man gedenkt seiner wie des Pilatus im Credo* со значење 'луѓето го немаат во добро сеќавање, не оставил добро зад себе' ('er steht in keinem guten Andenken' (Röhrich 1992 (Bd. 2): 1182). Овој германски библиски фразеологизам нема македонски фразеолошки еквивалент (нулева еквиваленција).

➤ **Pontius Pilatus / Понтиј Пилат**

Колебањето на римскиот управител на провинцијата Јудеја, Понтиј Пилат, кој го осудил Исус на смрт, и префрлувањето на Исуса од кај него до кралот Херод е овековечен во германскиот фразеологизам *einen von Pontius zu Pilatus schicken*, бук. 'да праќаш некого од Понтиј кон Пилат' ('ihn von einem zum anderen schicken, ihn zwecklos hin und her schicken', Röhrich 1992 (Bd. 2): 1183), со значење 'да мавташ / да се мајтапиш со некого, праќајќи го натаму-наваму'; 'да си играш пинг-понг со некого'. Онимиската компонента *Понтиј Пилаи* не е застапена во македонскиот фразеолексикон.

➤ **Saulus – Paulus / Савле – Павле**

Светиот апостол Павле пред апостолството се нарекувал *Савле* (герм. *Saul*). Од оваа негова лична метаморфоза е мотивиран фразеологизмот *aus einem Saulus zu einem Paulus werden* ('seine Meinung völlig ändern ...'; 'ein ganz anderer Mensch, das Gegenteil des früheren werden' (Friedrich ²1976: 356), кој наоѓа свој целосен одраз во македонскиот фразеологизам *ог Савле стана Павле*, со значење 'целосно менување на мислењето/однесувањето', 'промена за 180 степени', 'првобитен противник станува приврзаник и обратно'. Римата во двокомпонентната онимиска варијација *Павле /*

Савле (Апостолски дела, стр. 1093 / Apostelgeschichte S. 151) го потврдува идентитетот на истиот референт: *Павле* е поранешниот *Савле*.

➤ **Peter und Paul / Петар и Павле**

ЛИ во библискиот алитерациски тандем *Петар и Павле* – главните апостоли на Исус – се деонимизирани во германскиот фразеологизам *dem Peter nehmen und dem Paul geben* (бук. 'да му земеш на Петар и да му дадеш на Павле'; англ. *to rob Peter to pay Paul*) со значење 'затвора една дупка со тоа што отвора друга', 'зема од еден за да врати на друг итн.' ('ein Loch aufmachen, um ein anderes zuzustopfen' (Friedrich ²1976: 358)). Овој библиски мотивиран фразеологизам со онимите *Петар* и *Павле* во германскиот и во англискиот јазик има „небиблиски“ деонимизиран еквивалент во македонскиот јазик со идентична сликовитост на земање и давање: *зemi od egen, gaј na gruž*. Согласно со класификацијата на Корхонен (2004: 581), оваа фразеолошка конвергенција спаѓа во делумната еквивалентност.

➤ **Maria und Joseph / Марија и Јосиф**

Двокомпонентниот онимски фразеологизам во вид на извик *Maria und Joseph!* (Friedrich ²1976: 312), како и неговите можни алтернации во вид на *Jesus und Maria!* и во трикомпонентна форма *Jesus, Maria und Josef!*, со кој се изразува 'ужас, вчудовиденост', нема соодветен фразеолошки конвергент во македонскиот јазик. Како можни македонски дивергенти (според Корхонен: делумна диференција) доаѓаат предвид библиски мотивираните извици *Госјогу/е!*, *Боже (мој)!*, *Исусе (Христџе)!*, па дури и *Госјог нека ни е најомош!*.

Интересен е фактот што не постои фразеологизам со самостојното ЛИ *Марија* како онимиска компонента. Речникот на Рерих го наведува само регионално конотираниот фразеологизам од Горна Швабија (Oberschwaben) *Mir ist ganz maria-magdalenisch* (Röhrich 1992 (Bd.2): 1000; „sie bezieht sich wohl auf die bibl. Maria Magdalena (Luk. 8,2), aus der Jesus sieben Teufel ausgetrieben hat“) со значење 'чудно ми е, имам неописливо чувство' (бук. 'мене ми е марија-магдаленски'), а кој се однесува на Марија Магдалена (а не на Марија-Богородица/Дева Марија) од која Исус истерал седум ѓаволи.

6. Заклучок

Истражувањето на библиските фразеологизми со онимиска компонента во германскиот и во македонскиот јазик направено врз основа на лексикографски корпус покажува јасна доминација на овој вид фразеологизми во германскиот јазик. Одредени библиски оними, како на пр. *Авра(а)*

м, Јов, Јован, Понџиј Пилаџи, не се заведени, односно не се застапени во фразеологијата на македонскиот јазик. Согласно со Корхоненовата теорија за еквивалентност во отсуство на целосна или делумна конвергенција на контрастираните фразеологизми, се нудат алтернативни дивергентни решенија во вид на делумна или целосна диференција, а често и нефразеолошки соодветници, односно нулева еквиваленција. Анализата на корпусот исто така покажа доминантна застапеност на машки имиња во фразеологизмите со библиска мотивација во двата јазика. Женските оними од Библијата што преминале во трајниот фразеолошки фонд на јазиците се потпросечно реализирани, всушност се, пред сè, придружна членка на машки оним (*Агам и Ева/Adam und Eva; Maria und Joseph*). Причината за оваа дискриминација на жената во библиската фразеологија може само да се претпостави: нејзината подредена егзистенција во сенката на мажот во сите сфери на живеење.

Користена литература

- Велјановска, К. 2006. *Фразеолошки изрази во македонскиот јазик: со осврт на соматската фразеологија*. Куманово: Македонска ризница.
- Велковска, С. 2002. *Белешки за македонската фразеологија*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Јазикот наш денешен. Книга 8.
- Јованова-Грујовска, Е. 2013. *Кајка по кајка – вирче: македонско-албански џословишни паралели*. Скопје: Бата прес.
- Симоска, С. 2016. „Библијата како непресушен извор на фразеологизми: германско-македонски паралели“, *Зборник на трудови од Меѓународната научна конференција Зборот збор ојвор*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“. 263-274.
- Цепенков, М. 1989. *Македонски народни приказни*. Приредил Кирил Пенушлиски, I–V. Скопје: Македонска книга.
- Fleischer, W. ²1997: *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Niemeyer.
- Földes, C. 1990. „Die Bibel als Quelle phraseologischer Wendungen: dargestellt am Deutschen, Russischen und Ungarischen“, *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*. University of Vermont 7. 57-75.
- Köhler, H. 2004. „Auf dem Weg zu einer Bibel in gerechter Sprache“, Eichhoff-Cyrus, K. M. (Hrsg.), *Adam, Eva und die Sprache. Beiträge zur Geschlechterforschung*. Thema Deutsch Band 5. Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag. 361-373.
- Korhonen, J. 2004. „Phraseologismen als Übersetzungsproblem“, *Übersetzung, Translation Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung/ An International Encyclopedia of Translation Studies/Encyclopédie internationale de la recherche sur la traduction*. 1. Teilband. Berlin/New York: Walter de Gruyter. 579-587.

Извори

- Библија (Светио писмо): Стариот и новиот завет* (=Библија). Превод Душан Х. Константинов. Битола: Еуролибер, 1999.
- Велковска, Снежана. 2008. *Македонската фразеологија со мал фразеолошки речник*. Скопје: Авторско издание.
- Фразеолошкиот речник на македонскиот јазик*. Тодор Димитровски и Ташко Ширилов, I–III. Скопје: Огледало, 2003–2009 (=ФРМЈ).
- Beyer, Horst. ⁵1989. *Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Horst u. Annelies Beyer. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- Die Bibel Luthertext. Nach der Übersetzung Martin Luthers* (=Bibel). Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1991. (revidierte Fassung der Bibelübersetzung Martin Luthers)
- Friedrich, Wolf. ²1976: *Moderne deutsche Idiomatik*. München: Hueber.
- Harenberg Lexikon der Sprichwörter und Zitate*. Mannheim: Meyers Lexikonverlag, ³2002.
- Röhrich, Lutz. 1991–1992. *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Bd. 1.-3. Freiburg/Basel/Wien: Herder.

Silvana SIMOSKA

BIBLICAL IDIOMS WITH AN ONYMOUS COMPONENT IN GERMAN AND MACEDONIAN

Summary

Biblical idioms with an onymous component are analysed and compared in this paper on the basis of excerpts made in the first line from German and Macedonian dictionaries of idioms. The research shows that biblical idioms with an onymous component are underrepresented in Macedonian phraseology. That is the reason why Macedonian equivalents of several German idioms have to be looked for in a non-phraseological /unidiomatic or unbiblical level. It also shows that male onyms are much more represented than female ones – in both languages. The discrimination of women in biblical phraseology may be a reflection of women's role in society in general.

Оксана СУХОВИЙ

Институт филологии

Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко Киев, Украина

ОНИМ КАК КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОПОВЕДЯХ 17 ВЕКА ВАРЛААМА ЯСИНСКОГО

Тезисы: в статье проанализированы фразеологизмы с онимным компонентом на материале сборника проповедей 17 века митрополита Киевского Варлаама Ясинского, названы особенности употребления в текстах онимосодержащих фразеологизмов из религиозной и светской сферы.

Ключевые слова: фразеологизм, оним, Варлаам Ясинский, проповедь.

В статье анализируются фразеологизмы, включающие в себя онимы и отонимные образования, представленные в украинском рукописном сборнике проповедей 2-ой половины 17 века митрополита Киевского Варлаама Ясинского, составленном, по мнению Николая Петрова (Петров 1892), в период между 1679 и 1696 годами (учитывая невозможность точного датирования сборника рукописей, в ссылках на цитаты из текста год написания не указываем). Объем сборника – 888 страниц, в нем находятся свыше 50 проповедей на церковные праздники. Проповедник проявляет себя блистательным знатоком мировой философской мысли, много цитируя античных и современных ему авторов, а также народной речи. Сборник является ярким образцом бароккового стиля в украинской литературе. В частности, он пестреет сотнями удачно подобранных фразеологизмов из разных сфер. Как отмечает Ульяна Добосевич, «фраземы становятся своеобразными “скрепами”, соединяющими конфессиональную речь с народной» (Добосевич 1997: 8).

Специфика проповедей как жанра церковной ораторской прозы дидактического характера с этическими требованиями и побуждением слушателя к эмоциональному восприятию этих требований состоит, в частности, в сочетании религиозного и светского аспектов. Религиозный аспект реализуется в общей тематической направленности и

опоре на канонические тексты, а светский – в ориентации на человека как представителя общества и в опоре на реалии и ценности обычной жизни. Опора на библейские тексты предусматривает использование фразеологии религиозной сферы как иллюстративного материала и как средства экспрессии и импресии. С другой стороны, проповеди – это не изложение Библии священником, а произвольная трактовка, дополненная личными размышлениями, легендами и рассказами из жизни известных личностей, фольклорными материалами и т.д., поэтому их фразеология включает в себя и много сочетаний из живой украинской речи. По наблюдениям Виталия Передриенко, в ораторско-проповедническом и учительном жанрам к народной речи «прибегали в случаях, когда речь шла о толковании, популярном изложении сложных для восприятия тезисов, догматов, символов» (Передриенко 1979: 54).

Среди фразеологизмов немалая доля принадлежит онимосодержащим единицам. Любопытно проследить, как сочетаются между собой фразеологизмы религиозного и светского характера.

В частности, фразеологизмы религиозного происхождения в проповедях содержат сакральные имена *Бог, Иисус, Святая Троица, Святой Дух, Господь*, что обусловлено опорой на Священное Писание и, естественно, несет в себе религиозную семантику. Однако, не эти фразеологизмы являются основным объектом нашего внимания, хотя частично и они вовлечены в исследование с целью продемонстрировать особенности сочетания фразеологизмов разного происхождения в церковно-религиозном тексте.

Итак, какие же онимы присутствуют во фразеологии проповедей?

В первую очередь отметим, что проповедник неоднократно употребляет онимосодержащие сочетания либо для обозначения людей вообще, либо для разграничения их по половому признаку. В состав этих единиц входят онимы *Бог, Сион* и *Адам*, а также соответствующие отонимные прилагательные. Имена собственные в составе фразеологизмов зачастую приобретают значение имен нарицательных. Обратимся к примерам из текста. Цитаты приведены на языке оригинала (староукраинском), с сохранением авторских орфографии и пунктуации, в частности, сохранены титла (в сакральных и сокращенных словах) и надстрочные буквы (внесены в текст в скобках); анализируемые фразеологизмы выделены курсивом; в рукописи пронумерованы не страницы, а листы, соответственно, страницы на обороте нами обозначены по типу «4 а», «89 а» и т.п.

«Дѣа Матер <...> єсть найшляхетнѣйшою, найѡздобнѣйшою межи всѣми дщєрями Сїѡнскими» (Ясинский: 4); «Дщєря Сїѡня изыйдѣте и видѣте црѣя Соломона во вѣнцѣ» (Ясинский: 48); «Сїѡнове Сїѡны честни како намѣнишася въ сосуды глиняны дѣло руку скуделничу» (Ясинский: 8).

Неоднократно встречается и сочетание *дщери Адамовы* (Ясинский: 404) в значении 'женщины'. Указание на соотнесение анализируемых единиц со значением 'мужчины' и 'женщины' находим у архимандрита Никифора: «*дщери Сіоновы* означает вообще женское население Іерусалима, равно как выраженіе, – *сыны Сіона* (Зах., IX, 13) означает мужское население онаго» (Архимандрит Никифор 1990: 655).

Аналогично образованы сочетания, указывающие на верующих. Здесь гендерный признак обозначен лексемами *раб*, *раба*: *раба Ѓсндня* (Ясинский: 40 а), *рабъ Бжій* (Ясинский: 140 а) – 'христианка', 'христианин'.

В проповедях широко представлена темпоральная фразеология. Общеизвестно, что в человеческом мировоззрении, в зависимости от космологической или антропоморфической ориентированности, сформировались две концепции категории времени: циклическая и линейная. Циклическая модель содержит элементы создания, течения и распада и представлена такими понятиями, как календарный год, месяц, сутки с обязательной сменой фаз. Линейная модель времени возникла на почве иудаизма, основана на представлении, что время имеет начало и конец, и репрезентована библейным повествованием о сотворении мира и его неумолимой кончине (Гуревич 1972: 83).

В темпоральной фразеологии проповедей Варлаама Ясинского превалирует представление о линейной модели времени, имманентной христианской идеологии, а среди онимосодержащих фразеологизмов типичными являются сочетания, указывающие на временные рамки (начало, конец) наличием предлогов «от» и «до». Отметим, что проповедник употребляет их как в прямом, так и в характерном для фразеологии переносном значении. В частности, *отъ Адама* (Ясинский: 6 а) 'со времен первого человека на Земле'; *до второго пришествія Хсва* (Ясинский: 5) 'до времени, когда Христос во второй раз придет на Землю'. В соответствии со Святым Писанием, это время не известно никому, а в сръвременных языках фразеологизм лишается религиозной мотивации и обретает полную временную демаркированность. Временной промежуток имеет типичную формулу «во дни *чьи*», «во времена *чьи*». Например, во *дни Ноевы* (Ясинский: 52) 'давно, когда жил Ной' употребляется в абстрактном значении 'очень давно'.

Наличие онимов во фразеологизмах может называть и пространственные понятия. Например, астрономическое терминосочетание *Молочная Дорога* (Ясинский: 207 а) 'Млечный Путь' считается калькой от лат. *via lactea* (Шанский 1969: 94).

Библейское происхождение имеют общеизвестные фразеологизмы, указывающие на локусы, *црствіе Люцифера* (Ясинский: 41) 'ад', *вертоградъ гефсиманский* (Ясинский: 62) 'сад, в котором Господь молился перед своими страданиями' и многие другие.

И если фразеологизмы религиозного характера являются стержневыми для проповедей, то сочетания из античной литературы и из народной речи привносят в тексты особый колорит, создавая яркие образы.

В частности, в украинском проповедничестве 17 века существенное значение приобретает употребление заимствованных пословиц и поговорок; в их составе встречаются и топонимы, например, *вино з Креты виявляє секрети*. Заимствованные и собственно украинские паремии органически сочетаются, часто дублируются или «нанизываются» друг на друга, создавая усиливающий эффект. Некоторые заимствованные паремии, как эта, еще сохраняют связь с источником. В таких случаях представлена пословица или поговорка на языке оригинала, ее украинский вариант (что демонстрирует процесс калькирования) и этимология выражения. Рассмотрим контекст.

«Єсть една виспа на морѣ Єгипетскомъ називається Крета на которо(й) виспѣ родяться вина ба(р)зо добріи особливе малмазія, дається ѿное вино пити але таємниці не затримаєть, и ѿт тол уросла приповѣсть. Вино зъ Креты виявляєть секрети» (на полях примечание: *Creta vene dat secreta*) (Ясинский: 90). Пословица пришла к нам из латинского языка, органично отобразилось в украинском, но потерялось и не фиксируется в паремиографических сборниках.

Некоторые фразеологизмы имеют в своем составе собственные имена, на первый взгляд никак не мотивирующие общее значение сочетания: *молоко Венеры* – «вино». Однако проповедник вводит в текст объяснение: «Аристофанес філософъ вино називаєть *молоком Венери*, же вино до вшетеченства побуждаєть» (Ясинский: 90 б). В приведенном примере употреблено слово *вшетеченство*, пришедшее в украинский язык из польского и имеющее значение «блуд, распущенность»

Отдельные фразеологизмы оказались полностью утерянными в современном украинском языке, поскольку мотивационная основа перестала осознаваться как общеизвестный факт. В частности, компаратив *блѣдый яко торунская цегла* (Ясинский: 89 б) ‘очень бледный’. Образование фраземы связано с названием города Торунь в Польше, где производился белый кирпич. В проповеди эта фразема в сочетании с другой, имеющей противоположное значение, образует яркий зрительный образ: *«блѣдый яко торунская цегла зардѣється якъ буракъ»* (Ясинский: 89 б). Это один из показательных примеров создания оксюморона в тексте.

Интересными в проповедях являются батальные фразеологизмы. В частности, сочетание *на полю марсовомъ* символизирует военную доблесть и славу: «на полю марсовомъ неприятелскою скропленніи росою буйніе отчизнѣ процвѣтут лявры» (Ясинский: 55). Первично возле Рима существовал реальный географический объект Марсово поле (по имени

римского бога войны Марса) (Мифы народов мира 1991-1992, 2: 119). Во времена позднего Средневековья появилась такая же реалья в Париже как место проведения парадов и триумфальных военных процессий. Через тесные культурно-политические контакты Польши с Францией входит в польский язык как фразеологическая единица: *pole marsowe* – ‘место проведения военных парадов, смотров и проч.’, откуда заимствуется в украинский язык и употребляется преимущественно в переносном значении: как символ славы, военной доблести (Українська література XVII ст. 1987: 141).

Проведенный анализ позволил сделать выводы, что фразеологизмы в украинском проповедничестве конца 17 века содержат онимы различного происхождения: сакральные имена; антропонимы, пришедшие к нам из Библии и из античной мифологии; топонимы как из древней истории, так и современные автору; космонимы, калькированные из других языков, – и благодаря этому проповедь предстает перед нами живой, яркой, образной, динамичной, увлекательной.

Использованная литература

- Архимандрит Никифор. 1990. *Иллюстрированная полная библейская энциклопедия*. Москва, 1891. Репринтное издание. Москва: Терра. 1990.
- Гуревич А. И. 1972. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство, 318 с.
- Добосевич, У. Б. 1997. Мова і стиль рукописних учительних Євангелій кінця XVI – початку XVII ст.: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01. Львівський держ. ун-т ім. І. Франка. Львів, 18 с.
- Мифы народов мира*. Ред. С. А. Токарев, 1-2. Москва: Советская энциклопедия, 19911992.
- Передрієнко В. А. 1979. *Формування української літературної мови 18 ст. на народній основі*. Київ: Наукова думка, 143 с.
- Петровъ Н. И. 1892. “Новооткрытый Кіевскій проповѣдникъ второй половины XVII вѣка”, Труды Кіевской Духовной Академіи 5, 93-126.
- Українська література XVII ст.: Синкретична писемність. Поезія. Драматургія. Белетристика*. 1987. Ред. В. І. Крекотень. Київ: Наукова думка, 608 с.
- Шанский Н. М. 1969. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Высшая школа, 231 с.

Источники

- Ясинский Варлаам. Конец 17 в. Сборник проповедей (рукопись). Хранится в Институте рукописей НБУВ под шифром ДА 226Л, 888 с.

Oksana SUKHOVII

ONYM AS A PHRASEOLOGICAL UNIT CONSTITUENT IN THE
17TH CENTURY SERMONS BY VARLAAM YASINSKY

Summary

The article analyses phraseological units with an onym constituent from the materials in the 17th century collection of sermons by the Kyivan Metropolitan Varlaam Yasinsky, describes the peculiarities of using phraseological units with onem constituents in religious and secular fields.

Лидија ТАНУШЕВСКА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ФРАЗЕМАТА „СИ ПРАВИ БАЈРАМ НА УМОТ“ КАКО ЕКВИВАЛЕНТ ВО ПРЕВОДИТЕ ОД ПОЛСКИ ЈАЗИК

Апстракт: Во овој труд е претставен преводот како дело ослободено од оригиналот, во кое доаѓа до израз креативноста на преведувачот при изборот на еквиваленти. Имено, во еден обид за деконструктивистичка анализа на преводите на литературни дела од полски на македонски јазик, се обидуваме да покажеме дека не може да има еквиваленција во фразеологијата, без позиционирање на фраземата во сосема идентичен контекст. Анализата поаѓа од фраземата „си прави Бајрам на умот“, која се појавува во преводот на македонски јазик, за да се дојде до сумирање дека ниеден од нејзините т.н. еквиваленти во полскиот јазик не се појавува во оригиналот, односно нејзината употреба во македонскиот превод е мотивирана од контекстот.

Клучни зборови: деконструкција, превод, еквиваленција, фраземи, непреводливост.

Според постструктуралистичките теории на превод, се случува промена на хиерархијата во однос на оригиналот и на преводот, па преводот е тој од кој зависи оригиналот. Преводот е втор живот на оригиналот, тој го моделира и го проширува оригиналот, кој во себе содржи место за очекување на превод, иако можеби никогаш нема да биде преведен, бидејќи претставува недовршен, отворен проект, кој има потреба од дополнување. Во ваквото сфаќање преведувачот станува давател на живот, му осигурува на делото и на јазикот понатамошна егзистенција, делото го ослободува од власта на авторот, а јазикот го обновува преку рефлексива во огледалото на некој друг јазик, благодарение на што се откриваат врските меѓу јазиците и се создаваат нови пространства на значењето. Согласно со тоа, преводот е оригинален, нов производ, во кој доаѓа до израз креативноста и талентот на авторот, односно преведувачот.

Во таа насока, во овој труд се обидувам да направам еден вид деконструктивистичка анализа на една фразема, која се појавува како

еквивалент во неколку преводи на полска книжевност, за разлика од вообичаениот метод на анализа на оригиналните фраземи и нивните еквиваленти во преводот.

Во фраземата „си прави бајрам на умот“ ја прифаќам лексемата „бајрам“ како заемка од турскиот јазик, која означува назив на конкретен празник, конкретно на двата муслимански празници: Рамазан Бајрам и Курбан Бајрам, а не како општа именка што означува празник, како што е во турскиот и во арапскиот јазик. Впрочем, во македонскиот јазик, таа и не функционира со таквото значење на празник, секогаш е културолошки маркирана, освен во ретки случаи, меѓу етнички заедници во кои се преплетуваат македонскиот јазик и муслиманската вероисповед, евентуално во региони со мешано население, на кое му е блиска „другата“ религија. Посоченава фразема, може да се каже дека донекаде има негативна конотација, како радување, веселење без вистинска причина, односно празнување на погрешна основа, што укажува на лекомисленост. Преземена е како калка од турскиот јазик, каде се состои од истите компоненти и го има истото значење. Фразеолошките речници вака го дефинираат нејзиното значење. Во *Фразеолошкиот речник на македонскиот јазик* (Димитровски, Ширилов 2003: 23-24) се наведуваат две значења: 1. планира нешто невозможно, неостварливо; 2. се лаже себеси и 3. сосем погрешно мисли без да води сметка за реалноста, живее во илузии; во *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник* (Велковска 2008: 89): фантазира, мисли нереално, а во *Фразеолошкиот изрази во македонскиот јазик* (Велјановска 2006: 85): планира без основа. Умот како компонента на оваа соматска фразема е човечкиот орган кој го разликува човекот од животните и ја претставува природната човекова мудрост, па фраземите кои ја содржат оваа компонента, како и фраземата за која станува збор, најчесто се поврзани со процесот на мислење, а во случајов – погрешно мислење, кое нема подлога во реалноста.

Врз основа на значењето на фраземата, полските фразеолошки еквиваленти на „си прави бајрам на умот“ би биле: „budować zamki na lodzie”; „budować zamki na piasku”; „bując w obłokach” „puścić wodze fantazji” (буквален превод: „да се градат замоци на мраз”; „да се градат замоци на песок”; „лета во облаци”; „да се попуштат уздите на фантазијата”). И така и стои во Паралелните фразеолошки корпуси (www.frazemi.finki.ukim.mk), неодамнешен проект на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет „Блаже Конески“. Таму, исто така, стојат и примери за контекстот на соодветната фразема во текст каде што се пронајдени.

мак. ШЕФКЕТ: Ти и денес сонуваш, Дауте. Е, навистина си правиш со умот Бајрам. (Васил Иљоски, Смрт за животот, стр. 22)

Њол. Czy nie można by całej tej energii włożonej przez niektórych w przygotowanie do sesji spożytkować pozytywnie, zamiast budować **zamki na lodzie** i kopać pod kimś dołki w piasku.

Но, како што и претходно го имам отворано ова прашање, се сомневам дали воопшто може да се бара еквиваленција во фразеологијата, еквиваленција од овој тип, без идентичен контекст. Значи, еквивалент може да постои, но тој не секогаш функционира во секоја реченица, во секој контекст, во секоја ситуација.

За да се одреди вистинскиот еквивалент на фразема, неопходен е контекстот, кој е збир на текстуални елементи кои се појавуваат непосредно пред и по дадената единица. Како резултат на тоа, во истражувањето на паралелни фраземи, неопходна е споредба на контекстите во двата јазика во кои функционира одредена фразема. Па, затоа и се определив за ваков пристап кон анализирањето на таканаречените фразеолошки еквиваленти.

Како што споменав, оваа фразема се појавува на неколку места во преводи на полска книжевност на македонски јазик, и тоа се работи за преводи на различни преведувачи, во дела од различни периоди и, се разбира, во различни контексти. Интересно беше што е поттикот, иницијативата да се употреби оваа фразема, бидејќи споредбата на полскиот и на македонскиот текст изгледа вака:

Њол. – No co, robaczku, ty Chłopię niewinne, ty myślałeś, że mnie zwyciężyłeś? Paluszek do góry i kontent, co? To ty, cacusiu (i użył najokropniejszych wyrażen), **ludziles się**, że Miętus nie da sobie rady? Pozwoli owinać się na twoim paluszku? (Gombrowicz, str. 65-66)

мак. „Што е, бе, црвче едно, ти Момченце невино, ти си мислеше дека ме победи? Прстето нагоре и задоволен, а? Ти ли, бонбонче малечко (и употреби најгласни изрази), **си правеше бајрам со паметот** дека Мјентус нема да се снајде? Дека ќе дозволи да го замоташ на твоето прсте? (В. Гомбрович, стр. 83)

Како што може да се види, на полската страна имаме глагол *ludzić się* со значење ‘се лаже себеси’, кој нема никакво преносно значење и не претставува фразеолошки израз. Споредуваниот текст е извадок од ремек-делото на полската авангарда од меѓувоенниот период. Стилот и јазикот на романот е оригинален и полн со изненадувачки семантички изрази. Писателот цело време си игра со јазикот, бидејќи низ целиот тек на делото провејува еден вид игра на зборови. Она што го шокира читателот и предизвикува очудување се зборови кои создаваат чувство на тотален апсурд и неологизми. Многу од нив се присутни во секојдневниот говор, а во делото се начин на изразување на сопствениот светоглед на авторот. Јазикот е богат, сликовит, еластичен и сочен, а во исто време и многу комплициран.

Следните два примера во кои е употребена фраземата „си прави бајрам на умот“ се од современиот роман на Шчепан Твардох „Морфиум“, објавен во 2014 г. Генијалноста на ова дело, во голем дел, е и заслуга на јазикот што го употребува писателот. Освен нарацијата, која е двослојна, во прво лице на главниот јунак, но и во прво лице на наратор-жена, зад која останува мистеријата која е таа во животот на главниот јунак, а се појавува и како негова сенка, која ги следи неговите чинови од женска перспектива, јазикот е заситен со бројни алегии, поетски изрази, патина на предвоената Варшава. Се чини дека авторот си игра со јазикот, што му причинува големо задоволство, а на романот му дава неверојатна свежина, оригиналност, убавина. Не недостасуваат и бројните вулгаризми, кои не го снижуваат нивото на делото, туку му додаваат чувство на реалност, веродостојност.

Њол. (...) piję, odurzam się i rysuję gołe facetki, a każda goła facetka, którą narysuję, jest moją zwyciężczynią, zwycięża mnie, pokonuje, każda naga facetka, którą narysuję, ma mnie w swym posiadaniu. Dlatego prawie już nie rysuję. Nie jestem artystą, **trochę tylko sobie udawałem**. Jestem nikim tym więcej, tym bardziej, im więcej mi dano, im więcej otrzymałem, tym większa podłość moja, łajdactwo moje, nędza moja i klęska moja. Ja, nieja, niktja. (Twardoch, str. 52)

Мак. (...) пијам, се опивам и цртам голи женски, а секоја гола женска што ќе ја нацртам е победоносна, ме победува, ме покорува, секоја гола женска што ќе ја нацртам ме става под своја власт. Затоа тукуречи, веќе не ни цртам. Не сум уметник, **само си правам бајрам на умот дека сум**. Не сум ништо повеќе од она што ми е пружено, колку повеќе ми било дадено, за толку поголема била мојата подлост, расипништвото мое, мојата мизерија и мојот пораз. Јас, не—јас, никој—јас. (Твардох, стр. 53)

Овде во оригиналот имаме глагол *udawać*, со значење ‘се преправа’, а буквалниот превод на целата реченица би бил: ‘Не сум уметник, само малку си се преправав’, и во тој контекст одговара на „си замислува, фантазира, мисли непоткрепувајќи се на реалните факти“. Во полскиот текст не е употребен фразеолошки израз.

Следниот пример од истото дело е:

Њол. Trzy tygodnie temu w Warszawie pojechałem z Rudnickim do generałów, **co radzili, jak tu ładnie poddać stolicę i układali sobie w głowach ładne zdania do biogramów w encyklopediach i słownikach biograficznych**,

podobno ten samolot ostatni przywiózł rozkazy, rozkazy aż z Rumunii od Rydza, a potem znowu do pułku, na Górską... (Twardoch, str. 112)

мак. Пред едно три недели отидов со Рудњицки кај генералите, кои советуваа оти е многу убаво токму овде да се предаде престолнината и си правеа бајрам со умот, си составуваа реченици за биографиите во енциклопедиите и биографските зборници, наводно оној последен авион ги беше донел наредбите, наредби дури од Рис од Романија, па назад кај полкот на улицата Горска... (Твардох, стр.114)

Во овој случај, во преводот е додадена фраземата „си прави бајрам со умот“ меѓу две реченици и воопшто не одговара на формалната структура, само на контекстот. Имено, ставот на нараторот и јунакот истовремено е дека тие генерали не сакаат да ја видат реалноста и прават планови без основа, но на тоа во полскиот текст укажува многу поширокиот контекст, а преведувачот, за да го прикаже тој став, ја вметнува токму оваа фразама.

Следните два примера се пронајдени во преводот на „Магионичарот“ од Магдалена Парис, роман на современа авторка, во кој има многу акција, а јазикот е лесен, едноставен, транспарентен и разбирлив, но исполнет со многу фразеологизми кои се среќаваат во секојдневниот говор. Пр.

йол. Nie ludził się, że taki stan rzeczy trwać będzie wiecznie. (Parys, str. 363)

мак. Не си правеше бајрам со умот дека оваа состојба на нештата ќе трае вечно. (Парис, стр. 292)

Како и во првиот наведен пример во овој труд, тука во полскиот оригинал го имаме глаголот *ludzić się* со значење ‘се лаже, се мами себеси’, што не укажува на неопходност од метафорска репродукција во преводот. А во следниот пример имаме глаголска именка изведена од истиот глагол:

йол. Po latach pracy Herz nie miał już jednak złudzeń, Schmidt był przeciętnym kelnerem, ale i tak nie należał do najgorszych (Parys, str. 89-90)

мак. Сепак по сиве години работа, Херц не си правеше Бајрам со умот, Шмит е еден просечен келнер, ама и така, не се вбројува меѓу најлошите. (Парис, стр. 74)

На полски имаме: *nie miał już jednak złudzeń* (буквалниот превод би бил: ‘сепак, веќе немаше заблуди’), што повторно укажува на непостоење на фразеолошка сопоставеност.

Од оваа илустрација се гледа дека во преводот се покажала креативноста на преведувачите, чија цел на употребата на фразема таму каде што ја нема во оригиналот била да го доловат стилот на книжевното дело, да надоместат за фраземите кои најверојатно се употребени на друго место, а не може да се најде еквивалент во форма на фразема, додека јазикот на самото дело бара таква метафорска заситеност. Фраземата „си прави бајрам на умот“ е многу фреквентна во разговорниот јазик, кој е доминантен во сите три наведени книжевни дела. Употребата на метафоричен јазик е индивидуален израз на поединци, независно од нивното потекло, образование, социјално опкружување. Се вели дека категоризирањето е фундаментален когнитивен процес. А функцијата на метафората, со тоа и на фраземата, е пренесување на појави од една област во категориите на друга спознајна област. Па, според тоа, може да се каже и дека метафората е суштинска за разбирањето на светот. Некои теоретичари сметаат дека човекот е зависен од метафорите, односно од сфаќањето на светот преку категоризирање на работите и споредување од една во друга спознајна област. Тие се вградени, најчесто потсвесни, но и одраз на висока интелигенција, па токму тоа ја објаснува преведувачката постапка во наведените примери.

Користена литература

на кирилица:

- Велјановска, К. 2006. *Фразеолошкиите изрази во македонскиот јазик со осврт на соматската фразеологија*. Куманово: Македонска ризница.
- Велковска, С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*. Скопје: авторско издание.
- Танушевска, Л. 2016. „Паралелни корпуси – можности и перспективи“, *Зборот збор оствора. Зборник на трудови од Меѓународната научна конференција одржана во Скопје на 29 и 30 октомври 2016 г.*, 57-64.
- Толковен речник на македонскиот јазик*. Ред. Кирил Конески, I–VI. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2003–2014.
- Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Тодор Димитровски, Ташко Ширилов, Том први А-Ј. Скопје: Огледало, 2003.

на латиница:

- Lakoff, G. / Johnson, M. 1988. *Metafory w naszym życiu (przeł. Tomasz P. Krzeszowski)*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Mała encyklopedia przekładoznawstwa*. Red. Urszula Dąbska-Prokop. Częstochowa: Educator. 2000.

Ексерпирани извори:**на кирилица**

- Гомбрович, В. 2015. (превод од полски јазик Филип Димевски) *Фердигурке*. Скопје: Бегемот.
- Парис, М. 2017. (превод од полски јазик Милица Миркуловска) *Маџионичар*. Скопје: Антолог.
- Твардох, Ш. 2016. (превод од полски јазик Илија Трајковски) *Морфиум*. Скопје: Бегемот.

на латиница

- Gombrowicz, W. 2007. *Ferdydurke*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Parys, M. 2014. *Magik*. Warszawa: Świat Książki.
- Twardoch, Sz. 2014. *Morfina*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Lidija TANUSHEVSKA

MACEDONIAN PHRASE AS AN EQUIVALENT
IN TRANSLATIONS FROM POLISH LANGUAGE

Summary

This article intension is to prove that equivalence in phraseology is not functional at all, and translation of phrases is a chance for the translator to present their capacity for creativity and artism. Reverse analyses show that none of the examples of the mentioned Macedonian phrase matches the so-called Polish phrasal equivalent in meaning. It has been used by different translators in different contexts in places where the original even doesn't present any phrase at all, but all of the original novels are full of metaphors and rich language style, so it compensates for something else in the texts. This article also shows that metaphorical language is an individual expression marked for some people and as such is part of the fundamental cognitive process.

Ядвига ТАРСА

Опольский университет

Ополе, Польша

БИЛЛ УМНЫЙ. БУДЬ КАК БИЛЛ. ИСТОРИЯ ОДНОГО ИНТЕРНЕТОВСКОГО КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ

Тезисы: До недавнего времени источником крылатых слов были в основном произведения литературы, песни и высказывания известных лиц. Ситуация стала меняться с появлением Интернета. В настоящее время все больше крылатых выражений или возникает, или становится крылатыми во всемирной паутине. В статье автор представляет существование одного крылатого слова в польском и русском сегменте Интернета.

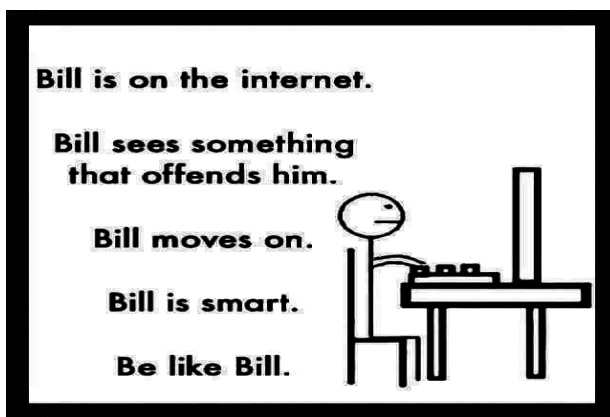
Ключевые слова: крылатые слова, Интернет, мем, демотиватор

«Крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц, все члены которой характеризуются пятью дифференциальными признаками: 1) связью с источником (автором; литературным, мифологическим, фольклорным или историческим персонажом; произведением искусства или литературы; реальным событием и т.д.); 2) раздельнооформленностью (они состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собою по грамматическим законам данного языка); 3) воспроизводимостью (они „не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы”); 4) устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); 5) стабильностью, устойчивостью семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе» (Шулежкова 2002: 28-29).

До недавнего времени источниками крылатых слов были в основном произведения литературы, песни, высказывания известных лиц. В 2002 г. Светлана Шулежкова писала, что «фонд крылатых единиц русского языка пополняется по преимуществу за счет трех основных источников. К ним относятся синтетические виды и жанры искусства (примерно 32% русских крылатых выражений восходят к песням, операм, романсам, кинофильмам,

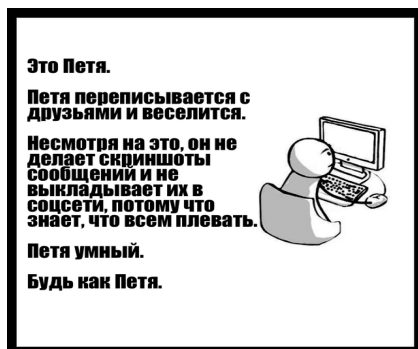
телепередачам и просим произведениям синтетического характера); художественная, научная и публицистическая литература (29% крылатых выражений представляет собой по происхождению литературные цитаты) и сакральные христианские тексты, на чью долю приходится около 22% от общего числа всех крылатых единиц» (Шулежкова 2001: 168). Их крылатизации способствовала школа, где важные литературные цитаты не раз появлялись на уроках, газеты и журналы, в которых журналисты охотно использовали крылатые выражения в заголовках статей. С появлением интернет-коммуникации ситуация стала немного меняться. Интернет стал источником новых крылатых слов и местом, где они воспроизводятся очень часто большим количеством пользователей, что ускоряет процесс их крылатизации. Способствует этому процессу быстрота, с какой во всемирной паутине распространяется информация, широкий круг пользователей, свободный доступ к практически всем сайтам, форумам и соцсетям. Самые интересные изречения интернет-пользователей, созданные ими мемы и демотиваторы становятся популярными, переводятся на разные языки и начинают жить новой жизнью. В интернетовской терминологии крылатые слова стали называть мемами, но ведь мемы, так как и крылатые слова это единицы хранения и передачи культурной информации.

Одним из примеров интернетовского крылатого выражения является мем Билл умный. Будь как Билл. Его автором является живущий в Милане молдавский интернет-предприниматель Евгений Кройтору. В январе 2016 года создал картинку с текстом «Bill is on the internet. Bill sees something that offends him. Bill moves on. Bill is smart. Be like Bill» («Билл сидит в интернете. Билл видит что-то, что его задает. Билл проходит мимо. Билл умный. Будь как Билл»).

Мем «Be like Bill» («Будь как Билл») широко расходуется в соцсетях. На его официальную страницу подписано полтора миллиона пользователей. О нем пишет «Би-би-си». Картинка получила огромную популярность, а интернет-пользователи из разных стран мира стали создавать свои картинки с разнообразными советами и заменять имя Билл другими именами, характерными для их культуры. «Мем про Билла уже переводят на арабский (там он Билал – Это Билал. Билал не говорит BEBOL вместо PEOPLE. Будь умный, будь как Билал), малайский (Рашид) и испанский (Хосе)» (<https://meduza.io/shapito/2016/01/22/eto-petya-petya-umnyy-bud-kak-petya>).

Сайт «Медуза» решил адаптировать Билла для читателей и уже 22 января 2016 года на нем появилась серия картинок с Петей. Это были картинки с переведенными с английского текстами, напр.: Это Петя. Петя веган. Петя не рассказывает всем об этом. Петя умный. Будь как Петя.; Это Петя. Петя просыпается и видит, что на улице идет снег. Петя не пишет об этом в соцсети, потому что он знает, что у его друзей тоже есть окна. Петя умный. Будь как Петя.

Источник: <https://meduza.io/shapito/2016/01/22/eto-petya-petya-umnyy-bud-kak-petya>

Хотя постоянным элементом всех текстов являются фразы это Петя и Петя умный. Будь как Петя, то появляются и их модификации. В одном из рисунков появляется текст Это Петя. Петя любит музыку, но он знает, что не все в утренней электричке хотят слышать то, что он слушает. Петя тактичный. Будь как Петя, а в другой абсурдный текст Это Петя. Петя любит иногда пойти в огород, зарыться в землю и представить, что он мороковка. оканчивается словами Петя странный. Будь как Петя.

Пользуясь популярностью Пети компания Rusbase (<http://rb.ru/story/petya/>) – один из сильнейших игроков на рынке бизнес-медиа – решила превратить Петю в старпера, который дает хорошие советы начинающим предпринимателям, напр.: Это Петя. Петя стартапер. Петя

привлек инвестиции. Петя подписал документы с инвесторами только после консультации с юристами. Петя умный. Будь как Петя.

Умный Петя заинтересовал тоже веб-сервис для торговли на фондовом рынке Tradernet. Как 8 февраля 2016 года пишут редакторы этого блога «мы решили не отставать от тренда и выпустить адаптацию про умного Петю. Наш Петя не просто умный — он грамотно распоряжается деньгами» (<http://money.tradernet.ru/bud-kak-petya/>). Его советами может воспользоваться каждый, кто хочет экономить деньги: Это Петя. У Пети зарплата 40 000 рублей. Петя не покупает в кредит новый айфон за 65 000. Он понимает, что такая покупка не укладывается в его семейный бюджет. Петя умный. Будь как Петя.

Уже 3 февраля 2016 года появилась умная Маша. Редакторы независимого журнала о PR Mediabitch «решили не отставать от трендов и тоже выпустить поучающие картинки по мотивам умного Билла. Только в нашем случае это пиарщица Маша. Маша умная. Будь как Маша» (<http://mediabitch.ru/be-like-masha/>). Маша дает советы языком пиарщиков, напр.: Это Маша. Маша – пиарщик. Маша не рассылает миллион копий пресс-релиза по базе журналистов. Маша пишет каждому журналисту отдельный питч с предложением эксклюзивной темы. Маша умная. Будь как Маша.

Источник: <http://mediabitch.ru/be-like-masha/>

Еще раньше Маша появилась на сайте cosmo.ru. «В Сети появился новый мем: „Это Петя. Петя умный. Будь как Петя“. Короткие и остроумные жизненные советы привели в восторг миллионы пользователей. Но Cosmo считает, что это несправедливо: почему нужно быть как Петя, если мы – девочки? Встречай умную Машу! И будь как Маша, да» (<https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/bud-kak-masha-cosmo-versiya-populyarnogo-mema-tolko-dlya-devochek/>). Советы Маши касаются в основном поведения в Сети (Это Маша. Маша не постит на своей странице цитату «Меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть». Маша не дура. Будь как Маша).

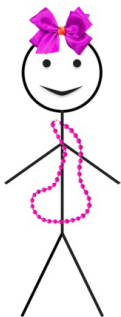
Это Маша.

**У Маши есть парень,
которого она любит
и который дарит ей
подарки.**

**Но Маша не
выкладывает
в сеть фотографии
новых кружевных
трусов с хештегом
#любимыйподарил.**

Маша умная.

Будь как Маша.

Источник: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/bud-kak-masha-cosmo-versiya-populyarnogo-mema-tolko-dlya-devochek/>

Комсомольская правда 14 февраля 2016 года в интернетовском издании газеты опубликовала статью «Не будь как Петя и Маша: 10 ошибок, которые совершают влюбленные». «Сегодня 14 февраля, самый романтичный день в году. Парочки из кожи вон лезут, чтобы удивить свою половинку. А мы тем временем дадим им пару вредных советов о том, как можно легко и просто испортить пока еще прекрасные отношения. Так что, если скорое расставание с любимым человеком в ваши планы не входит, ни в коем случае не делайте так, как наша героиня Маша и ее лучший друг Петя» (<http://www.kp.kg/daily/26493.7/3361418/>).

Петя появился и в демотиваторе, которого графическую часть составляет портрета Петра I, а вербальная часть касается отношения части русских к Европе.

Это Петя.

Он не считал
Европу
содомским краем.
зато учился там
строительству кораблей
и городов.
приглашал немецких
и голландских
инженеров
для обустройства
России.

**Петя умный.
Будь как Петя.**

Источник: <https://www.scoopnest.com/ru/user/vasilymaximov/692423335364419584-petya-umnyj-bud-kak-petya>

Итак, в Рунете Билл очень быстро стал Петей и у него появилась спутница – Маша. В польском Интернете у Билла нет одного имени. На первых картинках, которые появились в начале 2016 года у него имя Марцин. Но потом появляется много других имен: Войтек, Богдан, Бартек, Янек.

Источник: <http://demotywatory.pl/szukaj?q=b%C4%85d%C5%BA+jak+marcin>

И в польском Интернете есть умная девушка, которая дает советы, как правильно вести себя в виртуальном и реальном мире. И у нее тоже нет одного имени – это может быть Марлена, Мартына, Мариола или Магда. Бывает, что на рисунке имя не названо, появляется только местоимение «я»: Это я. Я доверяю людям. Я быстро их прощаю. Я быстро забываю о том, что они мне сделали плохого. Я идиот. Не будь как я.

Источник: <http://demotywatory.pl/szukaj?q=to+jest+mariola>

В одном из демотиваторов вместо имени человека появляется название страны и ее карта. «Это Польша. Польша непустила беженцев. Теперь у нее с ними нет никаких проблем. Польша умная. Будь как Польша!»

Модифицированный текст об умном Билле использовался на разных сайтах, в том числе на сайте помощь детям. Это Сабина. Сабина звезда музыки и эстрады. Сабина помогает собирать средства на покупку новой машины скорой помощи для Центра здоровья ребенка. Сабина красивая, умная и у нее доброе сердце. Будь как Сабина. Текст о Сабине сопровождает фотография польской эстрадной певицы Сабины Ешке (<http://pomocdzieciom.eu/badz-jak-sabina/>).

В польском Интернете тексты о Билле становятся элементом интертекстуальной игры. Одна из картинок отсылает читателя к Ветхому Завету и истории праведного Иова, но одновременно относится к поведению интернет-пользователей в Интернете. «Это Иов. В последнее время ему не везет. Он потерял семью и имение и заразился проказой. Иов не считает, что кто-то его не возлюбил. Иов не плюет ядом в Интернете. Иов не надоедает всем. Иов умный. Будь как Иов.

В Польше героем многочисленных демотиваторов является бывший президент Александр Квасьневский и его склонность к алкоголю. И он тоже появляется в тексте о умном Билле: Это Олек. Олек любит пить водку. Олек не говорит глупостей, что с завтрашнего дня он не пьет. Будь умный. Будь как Олек.

To jest Olek.

Olek lubi pić wódkę.

**Olek nie chrzani głupot o tym
“że od jutra nie pije”.**

Bądź mądry.

Bądź jak Olek.

PACZAIZM.PL

Источник: paczaizm.pl

Среди польских картинок появился один умный Билл. Под фотографией Билла Гейтса появился текст: Билл является владельцем Майкрософта. Билл умный. Будь как Билл.

Источник: <http://demotywatory.pl/szukaj?q=b%C4%85d%C5%BA+jak+bill>

«Жизнь крылатого выражения – это его функционирование в различных сферах речевой деятельности» пишет Светлана Шулежкова (Шулежкова 2002: 242). Крылатое слово *Билл умный. Будь как Билл* появилось в Интернете и в нем функционирует. Этот мем позволяет интернет-пользователям показывать и высмеивать отрицательные черты поведения представителей их народов и указывать, как вести себя правильно. Как пишут на сайте Медуза о рисунке Кройтору, «Идея очень простая. „Биллом“ может быть любой, кто не лишен ума и здравого смысла и не делает раздражающих вещей. Вы также можете заметить, что Биллом может быть кто-то, кто постоянно шутит над собой и окружающими» (<https://meduza.io/shapito/2016/01/22/eto-petya-petya-umnyy-bud-kak-petya>).

Надо однако помнить, что «важнейшей оппозицией, которую следует учитывать при анализе межличностной Интернет-коммуникации и которая радикально влияет на выбор языковых средств и коммуникативное поведение пишущих, является предложенное Нестеровым противопоставление карнавального и доверительного общения в Сети» (Сидорова 2006: 20). В Сети преобладает карнавальное, игровое общение и поэтому интернет-пользователи в коммуникации прежде всего используют языковую игру, иронию и стеб. Структура крылатого выражения *Билл умный. Будь как Билл* и целого рисунка, созданного Кройтору, позволяет на замену компонентов и игру словами.

Имена собственные в составе крылатых слов могут принадлежать библейским, мифологическим, историческим личностям, обладающим какими-то характерными чертами характера, или которые связаны с какими-то историческими событиями. Имена эти можно назвать прецедентными.

Прецедентным именем называют «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (Анна Каренина, Обломов), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин); в состав прецедентных имен входят также 3) имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Наполеон, Сальери)» (Соколова 2006). В крылатом выражении *Петя умный. Будь как Петя* имя собственное не относится ни к конкретному персонажу, ни определенной ситуации, не указывает одной эталонной ситуации и не становится прецедентным. Петей может быть каждый, и имя может быть заменено любым другим. Инвариантной становится крылатая фраза *имя + умный. Будь как + имя*.

Использованная литература

- Сидорова, М.Ю.: *Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение*, Москва 2006.
- Соколова О.И. Личное имя собственное как прецедентный феномен, *Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET»*. 2006. Вып. 5. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/closures/90/> (дата обраб.: 05.04.2017).
- Шулежкова С.Г.: *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*. Москва 2002.

Jadwiga TARSA

BILL IS SMART. BE LIKE BILL. THE HISTORY OF ONE INTERNET WINGED WORD

Summary

The article presents the history of one of internet winged words, whose author is a Moldavian entrepreneur – Eugeniu Croitoru. This meme was created in January 2016 and very quickly became popular in the Internet. Internauts from various countries modify the original Croitoru's text by changing the name of the main protagonist. The article traces the meme's appearance in the Polish and Russian internet. It has been found out that in Russia there functions only one name Pietia (and female name Masha), while in Poland it can be any name. Both in Poland and in Russia texts mostly discuss undesired internet behaviour.

Мира ТРАЈКОВА

Маргарита ВЕЛЕВСКА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ЗА НЕКОИ ФРАЗЕОЛОГИЗМИ СО ОНОМАСТИЧКА КОМПОНЕНТА ВО ФРАНЦУСКИОТ, ВО МАКЕДОНСКИОТ И ВО СРПСКИОТ ЈАЗИК

Апстракт: Акцентот во овој труд ќе биде ставен врз конкретни примери на онимиски фразеологизми во францускиот јазик и нивните еквиваленти или преводни решенија во македонскиот и во српскиот јазик. Примерите ќе бидат анализирани од семантички и од структурен аспект. Корпусот е составен од фразеолошки изрази, ексцерпирани од фразеолошки речници и од еднојазични и двојазични речници на француски, македонски и на српски јазик.

Клучни зборови: фразеолошки изрази, антропоним, топоним, етноним, француски, македонски, српски

Истражувањата во доменот на фразеологијата, особено оние од споредбен вид, во последните децении особено го привлекуваат вниманието на лингвистите. И во македонски контекст, во последнава деценија, може да се забележи зголемен интерес за оваа проблематика, особено во доменот на споредбените проучувања на фразеолошките изрази во македонскиот и во другите странски јазици. Со оваа проблематика се занимаваат голем број автори¹, а во последниов период и нашиот интерес е насочен кон контрастивни проучувања од овој домен². Во овој труд, ќе се осврнеме поконкретно на фразеолошките изрази кои во својот состав содржат онимиска компонента.

Онимиските фразеолошки изрази претставуваат посебен вид фразеолошки единици кои во својот состав содржат лично име, етноним,

¹ Грос, Галисон, Дунетон, Гонзалес-Реј, Клет, Драшковић, Оташевић и многу други, а во македонскиот контекст: Велковска, Димитровски, Ширилов, Вељановска, Никодиновски, Никодиновска, Хаци-Лега Христоска и други.

² Трајкова 2012; Велевска, Трајкова 2016; Велевска, Трајкова 2017.

алетноним, топоним или друг ономастичен елемент. Францускиот јазик содржи голем број онимиски фразеологизми, а таков е случајот и со македонскиот и со српскиот јазик.

Во овој труд нема да се задржуваме на теоретските аспекти на прашањето, туку ќе се фокусираме на конкретни примери, со оглед на тоа што нашата цел е да дадеме преглед на онимиските фразеолошки изрази во францускиот јазик и нивните еквивалентни во македонскиот и во српскиот јазик. Францускиот ќе биде појдовен јазик во нашето истражување. Корпусот е составен од онимиски фразеолошки изрази ексцерпирани од еднојазични и двојазични француски и македонски речници, фразеолошки речници (печатени и електронски) и различни електронски извори и содржи 210 единици, од кои, во овој труд, ќе биде разгледан само еден дел. Земени се предвид антропоними, псевдоантропоними, етнониими, топоними, псевдотопоними, хрематоними и ктетици.

Во продолжение следат согледувања до кои дојдовме врз основа на анализата на фразеолошките изрази.

1. Анализата на корпусот укажува на тоа дека е голем бројот на интернационални фраземи, најчесто од античко и библиско потекло. Станува збор за фраземи кои се јавуваат во повеќе јазици, кои се многу слични и лесно препознатливи. Во овој случај може да се зборува за **целосна еквиваленција** во трите јазици, и на морфосинтаксички и на лексичко-семантички план. Како што може да се забележи од примерите подолу, структурата на изразите во францускиот јазик е следнава: *ојределен член + именка* + конструкција со *приредба de* + *лична именка* со придавска вредност. Во македонскиот и во српскиот јазик се забележува следнава структура: *придвојна придавка изведена од лично име + именка*.

француски	македонски	српски	значење
<i>Le talon d'Achille</i>	<i>Ахилова пета</i>	<i>Ахилова пета</i>	Слаба точка/страна на некој
<i>L'épée de Damoclès</i>	<i>Дамоклов меч</i>	<i>Дамоклов меч</i>	Се наоѓа во голема опасност
<i>Le supplice de Tantale</i>	<i>Танталови маки</i>	<i>Танталове муке</i>	Тешки страдања
<i>La tour de Babel</i>	<i>Вавилонска кула</i>	<i>Вавилонска кула</i>	Голема мешаница, бркотница, безредие, недоразбирање, вистинска збрка

<i>Caverne d'Ali Baba</i>	<i>Алибабина ѝешиџера</i>	<i>Алибабина ѝеџина</i>	1. Место на кое има многу богатство, многу скапоцени работи 2. Место на кое не се знае што може да се најде
<i>Oncle d'Amérique</i>	<i>Вујко од Америка</i>	<i>Ујак из Америке</i>	Има некој многу богат во семејството од кого се надева на помош
<i>Le fil d'Ariane</i>	<i>Нишката на Аријадна Црвена нишка</i>	<i>Аријаднина ниџ Црвена ниџ</i>	Основна мисла, основна идеја, нишка водилка
<i>Une tour de Babel</i>	<i>Вавилонска кула</i>	<i>Вавилонска кула</i>	Голема мешаница. Бркотница, безредие, општо недоразбирање
<i>L'âne de Buridan</i>	<i>Буриданово маџаре</i>	<i>Буриданов маџараџ</i>	Неодлучен човек
<i>David contre Goliath</i>	<i>Давид ѝроџив Голијаџ</i>	<i>Давид ѝроџив Голијаџа</i>	Нерамноправна борба
<i>Victoire à la Pyrrhus</i>	<i>Пирова ѝобега</i>	<i>Пирова ѝобега</i>	Победа по многу висока цена за победникот

2. Во поголем број случаи наидовме на делумна еквиваленција.

2.1. Најчесто станува збор за целосна семантичката еквивалентност, но различна лексичка и/или морфосинтаксичка структура. Фразеолошките изрази се идентични од семантички и морфосинтаксички аспект во трите јазици, лексемата е лично име идентично во македонскиот и во српскиот јазик, но поинакво од она во францускиот, како во подолу наведениот пример:

француски	македонски	српски	значење
<i>Riche comme Crésus</i>	<i>Боџаџ како Рокфелер</i>	<i>Боџаџ као Рокфелер</i>	Многу богат

Од семантички аспект, може да се констатира целосна еквиваленција. Од синтаксичка гледна точка, во сите три јазици, се појавуваат споредбени структури кои, формално, содржат исти класи на зборови (*ѝридавка* + *ѝредлоџ* + (член) + лично име, односно *еџиноним*).

2.2. Меѓутоа, освен примери со целосна синтаксичка еквиваленција, и во македонскиот и во српскиот јазик се среќаваат и **делумни еквиваленти** кои имаат иста семантичка вредност, но не содржат онимиска компонента, односно содржат општа именка наместо лично име:

француски	македонски	српски	значење
<i>Etre fier comme Artaban</i> (<i>Fier comme un coq/ un paon</i>)	<i>Се дуе/ се ѿерчи</i> како ѿаун <i>Се дуе како жабa</i> (ирон.)	<i>Горд / кочоѿери се</i> као ѿаун	Се прави важен
<i>Etre soûl (saoul) comme un Polonais</i>	<i>Пијан е како</i> леѿва / ѿруѿ/ клен/ земја/ мајка; ѿруѿ/ леѿва/ дрво/ мриѿов/ ѿреѿиѿен / куѿук ѿијан;	<i>Пијан је као смук/</i> свиња/ сѿока/ леѿва / земља/ мајка/ чеѿ; мориѿус/ мриѿав/ ѿреѿиѿен ѿијан	Многу пијан
<i>Ça tombe comme à Gravelotte</i>	<i>Лее како од ведро</i> исѿиѿра	<i>Лије као из кабла</i>	Многу силно врне дожд
<i>(Faire, chercher) une querelle d'Allemand</i>	<i>Бара закачка</i>	<i>(Из чисѿа мира)</i> ѿражѿиѿи кавѿу	(Се) задева, предизвикува некого со закачки Беспричинска караница, кавга околу ситници
<i>Avoir l'œil américain</i>	<i>Оѿвори (чеѿиѿи)</i> очи	<i>Оѿвориѿи чеѿиѿи</i> ока	Да се биде исклучително внимателен и претпазлив
<i>Être / Tomber dans les bras de Morphée</i>	<i>Сѿие како заклан /</i> ѿоѿ / умрен	<i>Сѿаваѿи к(а)о ѿоѿ</i> / заклан / клада; уѿионуѿи у сан	Спиe многу цврсто, во длабок сон заспива
<i>Etre grand comme une tarte de Bray</i>	<i>Пега човек е</i> Висок е меѿар и жилеѿ	<i>Пега човек је</i> Висок је меѿар и жилеѿ	Многу е низок

Во некои еквиваленти со споредбена фразема, во македонскиот и во српскиот јазик, не се јавува предлогот *како/comme* (за споредување), но лексичката еквивалентност е целосна, а структурата содржи *ѿридавка* или *именка* без онимиската компонента. Некои од овие фраземи, во францускиот јазик, содржат онимиски компоненти кои се непрепознатливи на прв поглед. Во последниов погоре наведен пример се појавува лично име (Морфеј, лик од грчката митологија, бог кој го менува обликот, син

2.5. Онимските фразеолошки изрази што содржат локализми се прилично нетранспарентни и проблематични. Таков е примерот *Avoir un œil à Paris et l'autre à Pontoise*, што македонскиот читател тешко ќе го разбере. Сметаме дека како неговиот еквивалент можеме да го понудиме изразот што содржи топоним *Има очи Киџка – Маџка*, но можно е во некој друг дел од Македонија да постои поинакво решение што би било разбирливо во локален контекст.

француски	македонски	српски	значење
<i>Avoir un œil à Paris et l'autre à Pontoise</i>	<i>Има очи Киџка – Маџка Комџир џлега, месо вади</i>	<i>Једно му око грудоме добро не мисли</i>	Гледа накриво

2.6. Одреден број изрази се резултат на игра на зборови базирана на сличност во изговорот, најчесто реален топоним, и друг збор што е носител на значењето на изразот. Како што може да се забележи во подолу наведените фразеолошки изрази, топонимите претставуваат псевдотопоними:

Aller à Argenton – *џрима џару, гобива џару*. Постои сличност при изговорот на именката *argent* (*џару*) и топонимот *Argenton* (општина во департманот Lot-et-Garonne)

Aller à Cachan - *огу га се сокрие*. Се работи за градот *Cachan*, а фонетската сличност со глаголот *se cacher* (*се крие*) била инспирација за самиот фразеолошки израз. Во зависност од контекстот, постојат други преводни решенија, на пример: *огам га ме нема, беџам*.

Aller à Dormillon - *огу га сџие*. Содржи топоним (село во Франција), чијшто изговор асоцира на глаголот *dormir*, што значи *сџие*.

Aller à Niort – *огрекува, неџира; лаже*. Изразот настанал поради фонетската сличност на топонимот *Niort* (град во Франција) и глаголот *nier* (*неџира*).

Envoyer à Vatan – *џраќа некоџо бесџраџа*. Именката *Vatan* е изведена од императивната форма *Va-t-en!* (*Беџај ог џука!*), но се совпаѓа и со името на град во Франција. Предлагаме и други преводни решенија, карактеристични за соодветен јазичен стил: *Маџла! Ај џиџла! Да џе нема! Ајде бриши! Бришка ог џука! Марш ог џука!*

Заклучни согледувања

Би сакале да истакнеме дека фразеологијата претставува домен каде што се среќаваат јазиците и културите, контексти поинакви од оние што се вообичаени за јазикот што секојдневно го употребуваме, осознавање на богатството на лексичките изразни средства на еден јазик и на традиционалните вредности на една културна средина. Токму оттука произлегува континуирираниот интерес на лингвистите за истражување на оваа област.

Родените говорители спонтано и релативно често се служат со фразеологизмите, и оттука потребата оние кои учат еден странски јазик да бидат способни да ги разберат овие изрази. Токму поради тоа, може да се констатира дека фразеолошките изрази би требало да бидат задолжително вклучени во наставата по странски јазици.

Сметаме дека оваа област и понатаму останува отворено поле за истражувања.

Користена литература

Кирилица

- Велевска М., Трајкова М. 2016. „Преведувањето на фразеолошки изрази со глаголот METTRE од француски на македонски јазик“. *Меѓународен научен собир „Зборот збор оштвара“*. Зборник на трудови. Скопје : Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, 113-122
- Велевска М., Трајкова М. 2017. „Непреводливото во преводот : фразеолошки изрази во наслови од францускиот печат“, *XLIII меѓународна научна конференција на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид, 25-26 јуни 2016*. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, 85-97
- Велковска, С. 2008. *Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник*. Скопје
- Вељановска, К. 2006. *Фразеолошкиите изрази во македонскиот јазик : со осврт на соматската фразеологија*. Куманово: Македонска ризница
- Димитровски, Т., Ширилов, Т. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*, Том I, II и III, Скопје, Огледало
- Милосављевиќ, Б. 2008. *Српско-француски речник идиома и изрека*, Београд, Завод за уџбенике и наставна средства
- Мршевић-Радовић, Д. 2002. *Фразеологија и национална култура*, Београд, Друштво за српски јазик и књижевност Србије
- Мургоски, З. 2011. *Толковен речник на современиот македонски јазик*. Второ проширено и преработено издание. Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“

- Никодиновска, Р. 2009. *Настава на италијанска фразеологија*, Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“
- Трајкова М. 2012. „За некои фразеолошки изрази со броеви во францускиот јазик и нивни еквиваленти во македонскиот и во српскиот јазик“, *Годишен зборник на Филолошкиот факултет „Б. Конески“*. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Б. Конески“, бр. 38, 279-292.
- Толковен речник на македонскиот јазик. 2003–2014. Ред. Кирил Конески, I–VI. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“

Латиница

- Bárdosi, V. 1999. “Entre fil d’Ariane et tonneau des Danaïdes”, *Revue d’Études Françaises* 4. 23-33.
- Draskovic, V. 1990. *Francusko-srpskohrvatski frazeoloski recnik*, Beograd; Zavod za udzbenike i nastavna sredstva
- Duneton, C. 1990. *Le Bouquet des expressions imagées. Encyclopédie thématique des locutions figurées de la langue française*. Paris : Editions du Seuil
- Galisson R. 1984. *Dictionnaire de compréhension et de production des expressions imagées*. Paris: CLE International
- González-Rey I. 2010. «La phraséodidactique en action : les expressions figées comme objet d’enseignement», In *La Clé des Langues*, Lyon : ENS. <http://cle.ens-lyon.fr/espanol/la-phraséodidactique-en-action-les-expressions-figees-comme-objet-d-enseignement-92012.kjsp>
- Gross G. 1996. *Les expressions figées en français: noms composés et autres locutions*, Paris : Ophrys.
- Gross, M. 1982. « Une classification des phrases figées du français », *Revue québécoise de linguistique*, vol. 11, n° 2, pp. 151-185. <http://www.erudit.org/revue/rql/1982/v11/n2/602492ar.html?vue=resume>
- Klett, E. 2009. Les délices de Capoue : comprendre des expressions idiomatiques avec un toponyme. *Études de linguistique appliquée* (153), 93-103
- Mejri, S. 2008. « Figement et traduction : problématique générale » in *Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators’ Journal*, vol. 53, n° 2, 244-252
- Nikodinovski, Z. 2010, “Ressources électroniques pour la phraséologie française”, *Godišen zbornik, Filološki fakultet «Blaže Koneski»*, Skopje, kn. 36, pp. 263-284
- Rey, A., Chantreau, S. 1993, *Le Robert, Dictionnaire des expressions et locutions*, Paris
- Vaguer, C. 2011. “Expressions figées et traduction. Langue, culture, traduction automatique, apprentissage, lexique», in *Le figement linguistique: la parole entravée*, Jean-Claude Anscombre&Salah Mejri (Ed.), 391-411

Mira TRAJKOVA
Margarita VELEVSKA

PREVOD NA REZIME???????????

Summary

The subject of this paper are phraseological expressions in French, Macedonian and Serbian language that contain the anthroponym, toponym and ethnonym. The accent will be on specific examples of the onomastic phraseology in the French language and their equivalents or translation solutions in the Macedonian and Serbian languages. The examples will be analyzed from a semantic and structural aspect. The corpus is composed of phraseological expressions excerpted from phraseological dictionaries, from monolingual and bilingual dictionaries in French, Macedonian and Serbian as well as from the electronic media.

Key words: phraseological expressions, anthroponym, toponym, ethnonym, French, Macedonian, Serbian

Јоана ХАЌИ-ЛЕГА ХРИСТОСКА

Филолошки факултет „Блаже Конески“

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“

Скопје, Македонија

ЗА ЕДЕН ВИД ОНОМАСТИЧКИ ФРАЗЕОЛОШКИ ЕДИНИЦИ ВО ФРАНЦУСКИОТ ЈАЗИК

Апстракт: Целта на нашиот труд е разгледување на една посебна категорија ономастички фразеолошки единици во францускиот јазик. Имајќи предвид дека станува збор за група која е многу богата, но и хетерогена поради различното потекло на употребените имиња и нивниот вид (лични, географски и сл.), ние се задржуваме на примери од француското изворно творештво чиј семантички полнеж е насочен кон жената или кон мажот. Изборот на примерите е направен во согласност со начелата на фразеологијата во поширока смисла, што значи дека ќе бидат земени предвид единици од различен тип, како фразеолошки изрази, интерактивни единици, но и сложени именки со составна компонента антропоним. Примерите се анализираат од семантичка и од функционална гледна точка, при што посебен акцент е ставен на мотивираноста на употребата на имињата, со што ќе откриеме дел од симболиката на тие имиња во колективната свест на француските говорители.

Клучни зборови: француски јазик, антропоними, фразеолошки единици, интерактивни единици.

1. ПОИМОТ ОНОМАСТИЧКИ ФРАЗЕОЛОШКИ ЕДИНИЦИ

Според Шапира, фразеолошките единици се јазични стереотипи, односно скаменети изрази чија структура се движи од синтагма до цела реченица (Scharira 1999:2), поимање кое во себе опфаќа различни типови затврдени состави кои покажуваат специфично однесување, како фраземите, пословиците и сл.

Во овој труд ќе се задржиме на ономастичките фразеолошки единици како категорија во која како составна компонента се јавува сопствено име, односно ономастички конституент. Станува збор за многу богата, но и

хетерогена група, најпрво поради различните видови употребени имиња: антропоними, кои понатаму се разгрануваат на повеќе подгрупи (лични имиња, прекари, матроними, патроними, текноними, етноними), топоними (ороними, хидроними, урбаноними), хремотоними, зооними, хеортоними, идеоними. Имињата може, исто така, да бидат автентични или измислени. Разновидноста се огледува и во различното потекло на името (библиско, митолошко, историско и сл.).

Имајќи ја предвид веќе потврдена врска меѓу фразеолошките единици и културата на еден народ, треба да се наведе дека ономастичките единици уште посилно ја потенцираат таа врска, особено кога станува збор за 'културно маркирани' содржини (Haiduk 2015: 164; Szerzsunovic 2011a; Sušinskienė 2009:320) со национална и локална референцијалност.

Иако преовладува ставот дека овие единици не се проучени во сета нивна комплексност (Haiduk 2015: 164), сепак многу автори работеле на различни типови корпуси (како фразеолошки, така паремиолошки), во еднојазична перспектива (Велковска 2002, 2012; Pierini 2008; Haiduk 2015; Telea 2015), но и во контрастивна перспектива (Ivanetić & Karlavaris-Bremer 1999; Sušinskienė 2009; Szerzsunowicz 2011a, 2011b; Petuhov 2016; Vrbinc & Vrbinc 2014; Vrbinc 2016).

2. КАРАКТЕРИСТИКИ НА ФРАНЦУСКИОТ ФРАЗЕОЛОШКИ КОРПУС

Корпусот од ономастички фразеолошки единици, кој е предмет на интерес на овој труд, е дел од поголем корпус единици од различен тип коишто го обработуваат прашањето за статусот на жената и на мажот во францускиот и во македонскиот јазик (Хаџи-Лега Христоска 2012). Примерите потекнуваат од француското изворно творештво чиј семантички полнеж е насочен кон жената или мажот, односно денотира некаква нивна физичка карактеристика или однесување. Следствено на тоа, од корпусот се исклучени примери со кои се упатува на општочовечка состојба или особина, од типот *parler comme Saint-Jean Bouche d'Or* 'зборува како Свети Јован Златоуст' « зборува лесно и сигурно ». Исто така, неприфатливи се и примерите кои во некои социолекти се однесуваат на предмети: *Marie-Jeanne* « хашиш ».

Согласно со дефиницијата на Шапира, дадена погоре, изборот на примерите е направен во согласност со начелата на фразеологијата во поширока смисла на зборот. Поточно, корпусот е составен од фразеолошки изрази и интерактивни единици, но и од значителен број лексемски единици,

имајќи предвид дека францускиот јазик изобилува со ономастички лексеми, меѓу кои и сложени именки со сопствено име како составна компонента¹.

Следат дефинициите (според Никодиновски 1992: 60) на овие три различни видови единици кои го споделуваат фигуративното значење, но и во кои личното име реализира една од своите функции:

- лексемските единици се „*меморизирани единици во кои една лексема самостојно ја реализира својата функција во говорниот акт, остварувајќи го нивното својство (фигуративно) значење*“: ***un Jean; Marie-bon-bec; Marie-salisson; Marie-clape-sabots***;

- фразеолошките изрази (фраземи, фразеологизми) се „*меморизирани единици во кои една лексема го реализира својето (фигуративно) значење заедно со група(и) лексема(и), при што сите заедно реализираат единствено синтетичко значење кое има одредена синтаксичка функција во рамките на еден говорен акт*“: ***une sainte Nitouche; demoiselles du Marais; un Jean des vignes; faire le Jacques***;

- интерактивните единици се категорија востановена од Никодиновски (2007: 194), а се работи за единици со реченична структура чие говорно дејство се реализира со поизразена илокутивна сила која укажува на „*антиролошката реалност на говорната интеркомуникација*“. Тие немаат генеричка вредност и упатуваат на моментална констатација изразена на идиоматичен начин: ***Elle est revenue, Denise; Il est gai comme un Pierrot; C'est un Turc; Sa femme l'a fait Jean***.

3. АНАЛИЗА НА ПРИМЕРИТЕ ОД КОРПУСОТ

Целта на анализата што ја применуваме при обработката на фразеолошкиот корпус е двојна:

1. групирање на примерите во семантички полиња, во зависност од тоа дали примерите упатуваат на физички карактеристики и однесување на жената или на мажот (семантички аспект);

2. класификација и анализа на употребените имиња, односно утврдување на типот и на функцијата на името во рамките на единицата (функционален аспект). Посебен акцент е ставен на **мотивираноста** на употребата на имињата, со што ќе откриеме **дел од симболиката** на тие имиња во колективната свест на француските говорители.

Со други зборови, применуваме ономазиолошки пристап, кој поаѓа од значењето на изразот и има крајна цел разгледување на неговата форма и утврдување на статусот на името во рамките на анализираната единица.

¹ Нашата првична намера беше во корпусот да вклучиме и пословици, но не најдовме на примери кои го исполнуваа претходноопределениот критериум за селекција.

Ќе се осврнеме и на тоа во која мера самиот антропоним или топоним придонесува за целокупното значење или е само помошен елемент (заради прозодија или еуфонија).

Методолошки гледано, примерите од корпусот се поделени во две категории, секоја посветена на еден од половите. Во рамките на секоја категорија, примерите ги групираме врз основа на тоа дали се однесуваат на физичка карактеристика или на однесување на жената или на мажот, а се појавуваат и примери кои не се поврзани со овие два семантички признаци. Секој француски пример е следен од неговиот буквален превод на македонски јазик (под услов тоа да е можно, зашто формата не е секогаш доволно транспарентна), како и од изворот од кој примерот е експерпиран. Во консултираните извори може да се најде и на правописни варијанти на дадената форма. Онаму каде што тоа е можно, се осврнуваме на потеклото на изразот со цел да ја утврдиме неговата мотивираност, а со тоа и неговата функција во рамките на изразот.

3.1. Особини на жената

3.1.1. Физички карактеристики на жената

- многу млада девојка

1) (лекс.) *Marie-pisse-trois-gouttes* 'жена која моча три капки' (*Fournier*)

- наивна и невина девојка

2) (фраз.) *enfant de Marie* 'дете на Марија' (*L'Interneute*)

3) (фраз.) *une fleur de Marie* 'цвет на Марија' (*Le Bouquet*)

4) (фраз.) *l'âge de Juliette* 'возраста на Јулија' (<http://www.alyon.org>) « возраст на која девојките мечтаат за вечна љубов »

- грда жена

5) (фраз.) *une nymphe de Guinée* 'девојка од Гвинеја' (*Le Bouquet*)

6) (интер.) *C'est la reine de Niort* 'тоа е кралицата од Ниор' (*Briquet*) « веројатно израз на разочарување на млад човек кој нема успех кај убавите девојки од Ниор »

- гола жена

7) (фраз.) *être en costume d'Eve* 'е во костумот на Ева' (*Le Bouquet*)

- валкана жена

8) (лекс.) *Marie-souillon* 'жена што живее во нечистотија' (*Guiraud*)

- 9) (лекс.) *Marie-graillon* 'жена извалкана од мрсни дамки' (*Guiraud*)
 10) (лекс.) *Marie-salope* 'нечиста жена' (*Guiraud*)
 11) (лекс.) *Marie-salisson* 'нечиста жена' (*Guiraud*)
 12) (лекс.) *Marie-propret* (ирон.) 'чиста жена' (*Guiraud*)
 13) (лекс.) *Marie-torchon* 'парталава жена' (*Guiraud*)
 14) (лекс.) *Marie-saguenot* (*Guiraud*)
 15) (лекс.) *Marie-toutouille* 'нечиста жена' (*Guiraud*)
 16) (лекс.) *Marie-toroille* 'нечиста жена' (*Guiraud*)
 17) (фраз.) *Marie Cochon* 'дебела и нечиста жена' (*Wikipedia*)
 18) (фраз.) *demoiselle de saint Main* 'госпоѓица од свети Мен' (*Le Bouquet*)
 (вар. *demoiselle de saint Méen*) « жена со сериозна кожна болест што можел да ја излекува свети Мен »

- неуредна жена

- 19) (лекс.) *Marie-sans-soin* 'жена што не се негува' (*Guiraud*)
 20) (лекс.) *Marie-cafoule* 'несредена жена' (*Guiraud*)
 21) (лекс.) *Marie-tampoune* (*Guiraud*) (вар. *Marie-tampagne*)
 22) (фраз.) *Marie toutoule* (<http://www.chblog.com>)

- дебела жена

- 23) (лекс.) *Marie-madon* (*Guiraud*) (<http://www.chblog.com>) (вар. фраз. *Marie madou*)

- бремена жена

- 24) (фраз.) *être logée chez la veuve J'en Tenons* (*Le Bouquet*) 'е сместена кај вдовицата Жан Тенон'

3.1.2. Однесување на жената

- лоша жена

- 25) (лекс.) *Marie-gripette* 'разбеснета жена' (*Guiraud*)
 26) (лекс.) *Marie-groette* (*Guiraud*) « жена која ги демне децата за да ги однесе на дното од реката » (вар. *Marie-Grouette*, вар. фраз. *Marie groète*)
 27) (лекс.) *Marie-magrau* (*Guiraud*)
 28) (фраз.) *Marie bonne biête* (<http://www.chblog.com>)

- глупава жена

- 29) *Marie tipgie* (<http://www.chblog.com>)

- безвредна жена

- 30) (лекс.) *Marie-trois-chausses* 'жена со три гаќи' (*Fournier*)

- кавгаџиски расположена жена

31) (лекс.) *Marie-grognon* 'жена што 'ржи, негодува' (*Guiraud*)

32) (лекс.) *Marie-surelle* 'жена-киселец' (*Guiraud*)

- дрдорлива жена

33) (лекс.) *Marie-quatre-langues* 'жена со четири јазици' (*Guiraud*)

34) (лекс.) *Marie-bon-bec* 'жена со добра уста' (*Guiraud*)

35) (лекс.) *Marie-tia-tia* 'жена што испушта звуци на дрозд' (*Guiraud*)

36) (лекс.) *Marie-goule-à-foire* (*Guiraud*) « жена вампир која ги заведува мажите и ги опседнува гробиштата »

37) (лекс.) *Marie-tratra* (*Guiraud*)

38) (лекс.) *Marie-berdasse* (*Guiraud*) (вар. фраз. *une Marie Bredasse*)

39) (фраз.) *Marie bonne langue* 'жена со добар јазик' (<http://www.chblog.com>)

- брзоплета жена

40) (лекс.) *Marie-rouf-rouf* 'жена што брза' (*Guiraud*)

- авторитарна жена која не трпи критика

41) (лекс.) *Marie-j'ordonne* 'жена што наредува' (*Guiraud*)

42) (фраз.) *la femme de César* 'жената на Цезар' (<http://www.alyon.org>)

- жена што се преправа

43) (лекс.) *Marie-chichète* 'жена што наоѓа проблеми онаму каде што ги нема' (*Guiraud*) (вар. фраз. *Marie chichette*)

44) (фраз.) *une sainte Nitouche* 'света Нитуш' (*Le Bouquet*)

- препотентна жена

45) (лекс.) *Marie-quatre-bras* 'жена со четири раце' (*Guiraud*) (вар. фраз. *Marie quatt' bras*)

46) (лекс.) *Marie-quatre-emballes* 'жена што се прави важна' (*Guiraud*)

47) (лекс.) *Marie-l'emblavée* (*Guiraud*)

48) (фраз.) *une reine Gillette* 'кралица Жилет' (*Le Bouquet*) « накитена девојка од работничката класа која си замислува дека е голема дама »

- заводлива жена

49) (фраз.) *la ceinture de Vénus* 'појасот на Венера' (<http://www.alyon.org>) « појас во кој биле сместени сите талисмани и трикови за заведување на луѓето »

- распуштена жена

50) (лекс.) *Marie-bon-gras* (Guiraud)

51) (лекс.) *Marie-gas* (Guiraud)

52) (лекс.) *Marie-bonne* 'добра жена' (Guiraud)

53) (лекс.) *Marie-couche-toi-là* 'Марија легни тука' (Guiraud)

54) (фраз.) *demoiselles du Marais* 'госпоѓици од Маре' (*Le Bouquet*) « куртизани од парискиот кварт Маре »

55) (фраз.) *une femme de Breda-Street* 'жена од Бреда-Стрит' (*Le Bouquet*) « жена со сомнителен морал од улицата Бреда »

56) (фраз.) *demoiselle du Pont-Neuf* 'госпоѓица од Пон-Неф' (*Le Bouquet*) « жена кај која минува целиот Париз »

57) (фраз.) *pucelle de Marolles* 'девицата од Марол' (*Le Duchat*) « (ирон.) алузија на местото Марол чии девојки немале добра репутација »

58) (интер.) *Elle a passé le pont de Gournay, elle a honte bue* 'таа го мина мостот Гурне, без никаков срам' (*Le Bouquet*) «мост на реката Марна преку кој минувале девојките од женскиот манастир до калуѓерите од машкиот манастир»

3.1.3. Однесување кое не упатува на карактерот на жената

59) (лекс.) *Marie-clape-sabots* 'жена што ги удира наланите' (Guiraud)

60) (лекс.) *Marie-lanfron* 'жена што го минува времето перејќи' (Guiraud)

61) (фраз.) *une demoiselle du Pont-Torchon* 'госпоѓица од Пон-Торшон' (*Le Bouquet*) «девојка што продава користени ткаенини »

62) (фраз.) *coiffer sainte Catherine* 'ја чешла света Катерина' (*Le Bouquet*) «останува стара мома »

63) (интер.) *Elle est revenue, Denise* 'Дениз се врати' (*Le Bouquet*) «за жена која тивко заминала, но повторно се враќа»

3.2. Особини на мажот

3.2.1. Физички карактеристики на мажот

- гол маж

1) (фраз.) *être en costume d'Adam* 'е во костумот на Адам' (*Le Bouquet*)

3.2.2. Однесување на мажот

- храбар маж

2) (интер.) *Il branle comme la Bastille* 'се ниша како Бастилја' (*Le Bouquet*)

- плашлив маж:

3) (интер.) *Il ressemble le Gascon, il n'a qu'un vice, il est trop vaillant* 'тој личи на Гасконец, има само еден порок, премногу е храбар' (*Le Bouquet*)

- весел маж

4) (интер.) *Il est gai comme un Pierrot* 'весел е како Пјеро' (*Le Bouquet*)
«назив кој потекнува од името на свети Петар чиј симбол бил петелот»

- искусен маж

5) (интер.) *Laissez faire à Georges, il est homme d'âge* 'дозволете му на Жорж да го направи тоа, тој е човек во години' (*Le Bouquet*) «алузија на француски кардинал кој се одликувал со голема проникливост»

- лукав маж

6) (фраз.) *un Maître Mouche* 'мајстор Муш' (*Le Bouquet*) «алузија на лик од литературата»

- глупав маж

7) (фраз.) *faire le Jacques* 'се однесува како Жак' (*Le Bouquet*)

8) (фраз.) *un Jean des vignes* 'Жан од лозјето' (*Le Bouquet*) «алузија на француски крал чија непромисленост довела до голем воен пораз»

9) (интер.) *Ris, Jean, on te frit des œufs* 'Смеј се, Жан, ти пржат јајца' (*Le Bouquet*)

10) (интер.) *C'est un Jean-Farine* 'тој е Жан-Фарин' (*Le Bouquet*) «алузија на лик од фарса чие лице било покриено со брашно»

11) (интер.) *C'est un Nicodème* 'тој е Никодем' (*Le Bouquet*) «алузија на Евреинот Никодем кој бил познат по својата неспретност и несигурност»

12) (интер.) *Vous êtes un plaisant Robin* 'вие сте еден смешен Робен' (*Le Bouquet*) «за изразување потценувачки однос кон некого»

- неспособен маж:

13) (интер.) *Il ressemble à Messire Jean, qui ne peut lire quand on le regarde* 'тој личи на господин Жан кој не може да чита кога го гледаат' (*Le Bouquet*)
(вар. *C'est le greffier de Vaugirard, qui ne peut écrire quand on le regarde*)

- суров, груб маж

14) (интер.) *C'est un Turc* 'тој е Турчин' (*Le Bouquet*)

- арогантен маж

15) (фраз.) *être fier comme un Ecossais* 'горд е како Шкотланѓанец' (*Le Bouquet*)

- маж кој во сè се меша

16) (фраз.) *un Jean qui de tout se mêle* 'Жан кој во сè се меша' (*Le Bouquet*)

- импотентен маж

17) (фраз.) *un Jean qui ne peut* 'Жан кој е неспособен' (*Le Bouquet*)

18) (интер.) *Il est logé à Baffroy* 'сместен е во Бафпроа' (*Le Bouquet*)

- изневерен маж

19) (лекс.) *un Jean* 'Жан' (*Le Bouquet*)

20) (фраз.) *un bon Jean* 'добар Жан' (*Le Bouquet*)

21) (интер.) *Sa femme l'a fait Jean* 'жена му го направи Жан' (*Le Bouquet*)

- маж што се прикажува за нешто што не е:

22) (интер.) *Il est sorti de la côte de Charlemagne (du roi Artus, de Saint Louis)* 'излезен е од реброто на Карло Велики (кралот Артис, свети Луј)' (*Le Bouquet*) «(ирон.) за неког кој се прикажува за голем властелин»

23) (интер.) *Il ressemble le sage Salomon, il vient des champs chier à la maison* 'личи на мудриот Соломон, доаѓа од полињата да сече дома' (*Le Bouquet*) «се прави мудар»

- претенциозен маж:

24) (интер.) *Servez M. Godard, sa femme est en couches !* 'Послужете го г. Годар, жена му се пораѓа!' (*Le Bouquet*) « алузија на обичај мажот, чија жена штотуку се породила, да очекува исто внимание и нега; упатување честитки на човек кому штотуку му се родило дете »

3.3. АНАЛИЗА НА УПОТРЕБЕНИТЕ ИМИЊА

Откако направивме распределба на примерите од фразеолошкиот корпус според семантички принцип, пристапуваме кон подетална анализа на имињата кои влегуваат во рамките на примерите. Најпрво се задржуваме на типот на името, класификација која е најраспространета во трудовите од овој вид. Секако, и во рамките на овие подгрупи може да се направи подетална типологија на имињата врз основа на нивното потекло, но во овој труд тоа прашање не е релевантно.

3.3.1. Тип на името

1. антропоними

И покрај поголемиот број примери кои се однесуваат на жената, сепак се забележува поголема разновидност кај машките лични имиња, елемент потврден од повеќе студии (Sušinskienė 2009: 325; Szerzsunovic

2011a) и поткрепен од аргументот дека тоа се должи на значително поголемото учество на мажот во општествениот живот во времето кога тие изрази се создавале (Telea 2015: 313):

- женски имиња: *Marie, Eve, Gillette, Vénus, Juliette, Catherine, Denise*

- машки имиња: *Main (Méén), César, Adam, Pierrot, Georges, Mouche, Jacques, Jean (Jean-Farine), Nicodème, Robin, Charlemagne, Artus, Saint Louis, Salomon, Godard*

На антропонимите отпаѓа и најголемиот број имиња, што упатува на антропоцентричната гледна точка на говорителите (Szerzsunovic 2011a).

Во оваа категорија ќе ги наведеме и етнонимите *Gascon, Turc, Ecossais*.

2. топоними

Guinée, Niort, Breda-Street, Pont-Neuf, Marolles, (le pont de) Gournay, Bastille, Marais.

3. измислени имиња

Може да станува збор за сложени именски конструкции изградени по пат на аналогија со веќе постоечки имиња: ***une demoiselle du Pont-Torchon*** (torchon « крпа ») ← *Pont-Neuf, Pont Marie*. Може, исто така, да се работи за т.н. етимолошка реинтерпретација (Szerszunowicz 2011), односно за структури создадени по пат на хомофонија со форми што веќе постојат:

Il est logé à Baffroy ← *bas froid* 'ладен долен дел'

une sainte Nitouche ← *n'y touche* 'не го допирај тоа'

Две можни објаснувања за мотивираноста на следниов пример:

être logée chez la veuve J'en Tenons

1° ← *Jean Tenon* (Жан Тенон – можеби алузија на вистински лик)

2° ← *nous sommes logés chez la veuve Jean Tenons* « фатени сме во стапица » (*Sainéan*)

3.3.2. Функција на името во рамките на единицата

Во однос на функцијата на името во рамките на единицата, Шершунович (2011b) смета дека всушност се работи за начинот на кој тоа учествува во градењето на значењето на изразот. Таа ги разликува следниве функции:

1. **генеричка** – името означува « човек », односно во конкретниов труд упатува на жена или на маж воопшто, што значи дека е неопходен

дополнителен елемент кој ќе го даде значењето на единицата. Со оваа функција вообичаено се среќаваат најчестите имиња во јазикот (Szerzsunovic 2011a) или, пак, се работи за десемантизирање на имињата на лица за кои веќе се заборавило дека ја поседувале дадената особина (Велковска 2012: 24)

Оваа функција особено доаѓа до израз во лексемските единици со личното име *Marie* кои се во голем број застапени во корпусот, но и во други примери: *Elle est revenue, Denise; Vous êtes un plaisant Robin; Servez M. Godard, sa femme est en couches !*

Интересен е статусот на името *Jean* кое се јавува во повеќе примери. Може да стане збор за десемантизирано име: *un Jean qui de tout se mêle; un Jean qui ne peut*, но во одредени примери, самото име е носител на семантичката информација, а со тоа и на определени конотации. Во овој контекст треба да го споменеме и присуството на неопределен член пред името, со кој тоа добива статус на општа именка (Haiduk 2015: 165).

2. Шершунович зборува за т.н. **фактуална и/или информативна функција**, преку која името учествува во градењето на целокупното значење на изразот. Оваа функција се однесува, пред сè, на диктоните, односно на метеоролошките пословици. Во голем број примери од нашиот корпус се испоставува дека името го дополнува значењето на единицата, но истовремено и алудира на даден референт кој е познат по особината за која станува збор. Следствено на тоа, имињата вршат и **евалувативна (алузивна) функција**, при што името е носител на силни позитивни или негативни конотации, нешто што е особено воочливо кај етнонимите.

Неколку примери со позитивна аксиолошка вредност: *être fier comme un Ecossais; la ceinture de Vénus; l'âge de Juliette; enfant de Marie; Il branle comme la Bastille; Laissez faire à Georges, il est homme d'âge.*

Неколку примери со негативна аксиолошка вредност: *C'est un Turc; Il ressemble le Gascon, il n'a qu'un vice, il est trop vaillant; demoiselles du Marais; demoiselle de saint Main; demoiselle du Pont-Neuf; pucelle de Marolles; une femme de Breda-Street; la femme de César; Elle a passé le pont de Gournay, elle a honte bue; coiffer sainte Catherine; être en costume d'Eve; être en costume d'Adam; C'est la reine de Niort; un Maître Mouche; C'est un Nicodème; Il est sorti de la côte de Charlemagne (du roi Artus, de Saint Louis); Il ressemble le sage Salomon, il vient des champs chier à la maison.*

Што се однесува до името *Jean*, за разлика од погоре, каде што тоа беше употребено со генеричка вредност, во следните единици, и покрај неопределениот член, се алудира на веќе етаблираната вредност на името кое упатува на определени особини: *un Jean; un bon Jean; Sa femme l'a fait Jean; Ris, Jean, on te frit des œufs; C'est un Jean-Farine; un Jean des vignes;*

Il ressemble à Messire Jean, qui ne peut lire quand on le regarde. Слична е ситуацијата и со примерите: *faire le Jacques* и *Il est gai comme un Pierrot*.

3. **поетска функција** на името која најчесто се манифестира кај измислените имиња, а со цел да се постигне комичен ефект на изразот. Честопати овие изрази се одликуваат со ритмичност и рима, но тоа не е случај со нашите примери на етимолошка реинтерпретација разгледани погоре.

4. ЗАКЛУЧОК

Истражувањата од овој тип овозможуваат разгледување на ономастичките единици во еден јазик како посебен израз на неговата културно-општествена специфичност, особено имајќи ја предвид нивната алузивна функција преку која имплицитно упатуваат на личности од неговото минато или сегашност и на особините што тие ги отелотворуваат. Следствено на тоа, овој вид единици има потенцијал да ги одразува и промените во различни општествени области, како што констатира и Шершунович (2011b).

Интересно е да се забележи доминацијата на негативните особини денотирани од примерите од корпусот, факт потврден и во истражувања за други јазици (Ivanetić & Karlavariš-Bremer 1999: 135; Sušinskienė 2009: 325).

Анализата на примерите од францускиот корпус овозможи да се утврди големата разновидност на категоријата ономастички единици кои се однесуваат на жената и на мажот, но и начинот на кој имињата се интегрираат во фразеолошките единици и учествуваат во градењето на нивното значење.

КОРИСТЕНА ЛИТЕРАТУРА

Кирилица

- Велковска, Сн. 2002. *Белешки за македонската фразеологија*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Петков Мисирков“.
- Велковска, Сн. 2012. „Онимиски фразеологизми во македонската фразеологија“, *Предавања на XLIV летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура* (Охрид 27.6. – 12.7.2012). Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 21-30.
- Никодиновски, Зв. 1992. *Фигураативните значења на анималната лексика во францускиот и во македонскиот јазик - Инсекции* (докторски труд). Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“ – Скопје.

- Никодиновски, Зв. 2007. „Паремиските единици во второ лице во францускиот и во македонскиот јазик”, *Семиологија на зборови и на јазикот*. Штип: 2-ри Август С, 193–203.
- Хаци-Лега Христоска, Ј. 2012. *Семиологија на жената и на мажот во францускиот и во македонскиот јазик* (необјавена докторска дисертација). Скопје: Филолошки факултет „Блаже Конески“ – Скопје.

Латиница

- Haiduk, M. 2015. “Linguistic and ethnocultural peculiarities of phraseological units with onomastic component in the English language”, *Humanity, computers and communication* (hcc’2015), 22-24 april 2015, Lviv, Ukraine, 164-165.
- Ivanetić, N. & Karlavariš-Bremer, U. 1999. “Onimijski frazeми i konceptualizacija svijeta”, *SL* 47–48, 131-142.
- Petuhov, N. 2016. “Les unités phraséologiques anthropologiques: une comparaison entre le roumain et le français”, Coluccia, Rosario/Brincat, Joseph M./Möhren, Frankwalt (ed.) (2016). *Actes du XXVII Congrès international de linguistique et de philologie romanes* (Nancy, 15-20 juillet 2013). Section 5 : Lexicologie, phraséologie, lexicographie. Nancy, ATILF : (<http://www.atilf.fr/cilpr2013/actes/section-5.html>), 465-474.
- Schapiro, Ch. 1999. *Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules*. Paris: Ophrys.
- Sušinskienė, S. 2009. “Personal and place names in English phraseology”, *Acta humanitarica universitatis Saulensis* 8, 320-328.
- Szerszunowicz, J. 2011a. “On anthroponymic constituents of Polish and Italian proverbs”, *4 Colloquio Interdisciplinar sobre Proverbios*. 4th Interdisciplinary Colloquium on Proverbs. Actas ICP10 Proceedings, eds Outi Lauhakangas, Rui JB Soares, Tipografia Tavirense, Tavira 2011, 72-83.
- Szerszunowicz, J. 2011b. “On selected source domains of onomastic phraseology in a cross-linguistic perspective”, *Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation*, Antonio Pamies, Dmitrij Dobrovol’skij (eds), Phraseologie und Paromologie: Band 27, Schneider Verlag Hohengehren, Baltmannsweiler 2011, 81–90.
- Telea, C. 2015. “Les anthroponymes dans les expressions idiomatiques françaises”, *GIDNI 2, Language and discourse*, 311-319.
- Vrbinc, A. & Vrbinc, M. 2014. “Phraseological units with onomastic components: The case of English and Slovene”, *RLA. Revista de Lingüística Teórica y Aplicada, Concepción (Chile)*, 52 (1), 1 Sem., 133-153.
- Vrbinc, M. 2016. “English phraseological units with an onomastic element and their translation equivalents in Slovene”, *Coll. Antropol.* 40 (2016) 1, 41–47.

ИЗВОРИ

Briquet = https://books.google.mk/books?id=TBa1BO7rCOUC&pg=PA313&lp g=PA313&dq=La+reine+de+Niert+expression&source=bl&ots=OVIZNa gxc1&sig=ssWObWTI8ibAOTxV8_kMY8E4kWg&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=La%20reine%20de%20Niert%20expression&f=false

Fournier = https://books.google.mk/books?id=ZO64rBa0PjwC&pg=PA116&lpg=PA116&dq=Marie-trois-chausses&source=bl&ots=m-T0IjehEf&sig=fPrauOscB3dqConzzERgu4hxqis&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=Marie-trois-chausses&f=false)

Guiraud = Guiraud, P. 1978. *Sémiologie de la sexualité*. Paris : Payot.

Le Bouquet = Duneton, Cl. 1990. *Le Bouquet des expressions imagées: encyclopédie thématique des locutions figurées de la langue française*. Paris : Seuil.

Le Duchat = https://books.google.mk/books?id=egyW-Wwk0IMC&pg=PA516&lpg=PA516&dq=pucelle+de+Marolles&source=bl&ots=L0N2akxN7m&sig=K25sg16XGHDOnkAER_4saxMjIc&hl=en&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=pucelle%20de%20Marolles&f=false

L'Internaute = <http://www.linternaute.com>

Sainéan = <https://books.google.mk/books?id=Ispkn8RlpDgC&pg=RA1-PA414&dq=Jouer+au+jeux+du+j%E2%80%99en+tenons+%3D+nous+sommes+pris+ou+attrap%C3%A9s&hl=en&sa=X&ved=0ahUKEwj3-OHvsDTAhUG6xQKHVrYAM8Q6AEIIDA#v=onepage&q=Jouer%20au%20jeux%20du%20j%E2%80%99en%20tenons%20%3D%20nous%20sommes%20pris%20ou%20attrap%C3%A9s&f=false>

Wikipedia = <https://fr.wikipedia.org>

<http://www.chblog.com>

<http://www.alyon.org>

Скратеници

вар. = варијанта

вар. фраз. = фразеолошка варијанта

интер. = интерактивна единица

лекс. = лексемска единица

фраз. = фразеолошки израз

Joana HADZI-LEGA HRISTOSKA

ON A PARTICULAR CATEGORY OF FRENCH
ONOMASTIC PHRASEOLOGICAL UNITS

Summary

The objective of this paper is a particular type of French onomastic phraseological units. Considering the fact that it is a very abundant and heterogeneous group because of the different origin of the used names (personal, geographic and other), we concentrate on examples coming from the French popular creation whose semantic field is related to one of the two sexes, woman and man. The selection of the units is made according to the principles of phraseology in a broader sense of the term, which means that we consider different types of units, such as phrasemes, interactive units, as well as composed nouns. The examples are analyzed from a semantical and a functional point of view which permits us to discover the motivation of the use of names, as well as the symbolical meaning of names in the French collective consciousness.

Key-words: French, anthroponyms, phraseological units, interactive units.

Mária DOBRÍKOVÁ

Univerzita Komenského v Bratislave

Filozofická fakulta

Bratislava, Slovensko

IDEONIMI I POETONIMI KAO MOTIVACIJA FRAZEMA I NJIHOV STATUS U SUVREMENOM DRUŠTVENOM DISKURSU

Sažetak: Autorica se u referatu bavi motivacijskim faktorima nastanka frazema u čijem se sastavu nalazi ideonim (naziv književnoga djela) ili poetonim (ime lika književnoga djela). Opisuje obilježja frazema koji reflektiraju književna djela svjetske klasike, kao i slovačke književnosti, pri čemu se posebno usredotočuje na njihov položaj u suvremenom društvenom, u prvom redu medijskom diskursu. Središnji je dio analize pojava ideonima i poetonima u slovačkoj frazeologiji, dok se za ilustraciju navode i primjeri njihova postojanja u drugim slavenskim jezicima, npr. u češkom, bugarskom, hrvatskom i dr.

Ključne riječi: ideonim, poetonim, frazem, frazeološka motivacija, društveni diskurs

Vlastita imena kao posebne jedinice imenovanja postale su predmetom istraživanja više znanstvenih disciplina, čiji su predstavnici nerijetko zastupali potpuno različite poglede na njihov odnos prema jeziku i društvu. To se ne odnosi samo na društvene znanosti, poput etnologije, filozofije, psihologije ili logike, koje se kategoriji *nomen proprium* posvećuju rubno, nego i na posebnu disciplinu o vlastitim imenima. Prilikom traženja povezanosti između forme, sadržaja i značenja konkretnih skupina i tipova vlastitih imena isticala se njihova diferencijacijska sposobnost u odnosu prema jezičnom sustavu, u kojem zadržavaju karakter specifičnih jezičnih znakova, pri čemu njihovo funkcioniranje u pojedinim komunikacijskim sferama pretpostavlja određeni stupanj poznavanja danoga onimskog objekta (Dobříková 2014: 28–29).

Ako onomastika uzima u obzir komunikacijsku funkciju vlastitoga imena i ističe spoznaju o njemu kao općepoznatom lingvističkom znaku, pragmatički shvaćen status vlastitoga imena logički vodi do pretpostavke da se to odnosi i na njegov položaj u frazeologiji, koja je rezultat dugotrajne intelektualne kreativnosti svakoga društva te sa stajališta socijalnoga diskursa odražava već dosegnutu razinu općega znanja.

U radu se usmjeravamo na analizu frazema čiji su nastanak motivirali nazivi ili likovi književnih djela kako svjetske tako i slovačke književnosti, pri čemu se prije svega usredotočujemo na njihovo funkcioniranje u suvremenom medijskom diskursu. Izvori za prikupljanje korpusa istraživanih jedinica su leksikografska djela navedena u popisu korištene literature te tekstovi iz raznih elektronskih medija i blog stranica dobivenih pomoću internetskoga pretraživača *Google*. U karakterizaciji proučavanih tipova frazema koristimo termine književne onomastike, koja se bavi vlastitim imenima u književnim djelima. Iako koristimo pojmove ideonim (naziv književnoga djela) i poetonim (lik književnoga djela), vlastita imena toga tipa ne vrednujemo sa stajališta onomastičke teorije, nego nas zanimaju kao motivacijski i konstrukcijski elementi frazema. Književna onomastika u širem smislu ne odnosi se samo na beletristiku, nego i na publicističke žanrove te narodnu književnost (Knappová 1992: 12), stoga ćemo u istraživanje uvrstiti frazeme čije onimske sastavnice odražavaju umjetničke, ali i žanrove usmene narodne književnosti. U našem ćemo radu kao dio onimskoga sustava shvaćati i etnonime, usprkos tome što neke lingvističke škole i onomastičke teorije imena stanovnika, naroda i narodnosti ne smatraju vlastitim imenima (o tom na primjer Суперанская 1973, Šrámek 1999). U pravopisni oblik frazema ekscerpiranih iz elektroničkih medija (dužina, pisanje malih i velikih početnih slova i sl.) ne interveniramo, u prvom nas redu zanima činjenica koristile li se u tekstu s razumijevanjem.

Frazeologija svakoga jezika dijeli se na domaću i preuzetu iz drugih jezika. S obzirom na klasifikaciju prema podrijetlu, u strukturi slovačkih frazema mogu se izdvojiti sljedeći temeljni izvori analiziranih tipova onimskih sastavnica: 1. ideonimi i poetonimi preuzeti iz grčke i rimske mitologije, 2. ideonimi i poetonimi preuzeti iz biblijskih izvora, 3. ideonimi i poetonimi preuzeti iz svjetske književnosti, 4. ideonimi i poetonimi preuzeti iz slovačke književnosti. Ideonimi se u slovačkom frazeološkom fondu pojavljuju u manjoj mjeri, najzastupljeniji su poetonimi prvih dviju spomenutih skupina.

Knjiška leksička jedinica *odysea* sa značenjem „dugo putovanje s različitim preprekama“ ili „složena životna priča“ postoji u slovačkom jeziku od 20. stoljeća (Králík 2015: 398). Njezino današnje značenje potječe od glavnoga junaka Odiseja, koji je nakon završetka pohoda protiv Troje godinama putovao natrag u rodni kraj. Budući da je nastala prema grčkom epu *Odysea* pripisivanom Homeru, može se smatrati ideonimom koji je s vremenom prošao procesom apelativizacije i postao dijelom nekoliko ustaljenih sveza riječi – *prejsť* (*prežiť*) *svoju odyseu*, *odísť* (*vydat' sa*) *na svoju odyseu* i sl.

U suvremenom slovačkom medijskom diskursu bilježimo trend dopunjavanja leksema *odysea* različitim atributima koji korespondiraju s pertraktiranom temom, na primjer *balkánska odysea*, *komunikačná odysea*, *plienková odysea* itd.

Poetonimi koji odražavaju zgrade junaka grčke i rimske mitologije mnogo se češće pojavljuju u sastavu slovačkih frazema. Uglavnom su posrijedi frazeološki internacionalizmi, kao što su *Achillova päta*, *Ariadnina niť*, <vyčistiť> *Augiášov chliev*, *Damoklov meč*, *bozk múzy*, *lahká múza*, *vzývať múzu (múzy)*, *byť dieťaťom (miláčikom) Šťasteny (šťasteny)*, *Pandorina skrinka*, *otvoriť Pandorinu skrinku*, *panický strach*, *Paridovo (Eridino) jablko*, *osedlať Pegasa*, *Prokrustova postel'*, *Pyrrhovo víťazstvo*, *Tantalove muky* i mnogi drugi. Kod više ovih jedinica, izvorno označavanih kao knjiške, u najnovijem slovačkom leksikografskom djelu (*Slovník súčasného slovenského jazyka*) stilski se kvalifikator *kníž.* više ne navodi. Iz toga proizlazi da su se njihovo strano podrijetlo i knjiški karakter prestali opažati. O tom da su se udomaćili i da je njihovo preneseno značenje jako dobro poznato svjedoči njihova bogata uporaba u različitim aktualnim medijskim kontekstima. Za ilustraciju navodimo pojavu frazema *Damoklov meč*, *Pandorina skrinka*, odnosno *otvoriť Pandorinu skrinku* i *Tantalove muky* u suvremenom slovačkom elektroničkom tisku koje smo dobili pomoću internetskoga pretraživača *Google*:

Damoklov meč nad e-shopmi? [naslov članka]; Nad slovenským školstvom visí *Damoklov meč*; Nad bezvízovým stykom pre Balkán visí *Damoklov meč*; Tí, ktorí spustili britské referendum, ani netušili, že *otvorili Pandorinu skrinku*; *Pandorina skrinka* registrovaných partnerstiev [naslov članka]; *Pandorina skrinka* nášho futbalu je otvorená; Ľudstvu hrozia *Tantalove muky*; Lenže diétu dodržať, to sú *Tantalove muky*; Tlačovky Andreja Danka mi naozaj spôsobujú *Tantalove muky* a pod.

Drugi slučaj percepcije frazema mitološkoga podrijetla s poetonimskom sastavnicom predstavljaju frazeološki sinonimi *Paridovo jablko* i *Eridino jablko*. Oba odražavaju poznatu starogrčku priču o posljedicama natjecanja u ljepoti među boginjama Herom, Atenom i Afroditom, koje je posvađala zlatna jabuka s natpisom *Najljepšoj* (Skladaná 2012: 84). Začetnica lukave zamisli bila je boginja razdora Erida, a o najljepšoj boginji trebao je odlučiti Paris, sin trojanskoga kralja Prijama, stoga se u sastavu navedenih frazeoloških sinonima sa značenjem „uzrok neprijateljstva, sukoba, svađe“ nalaze njihova imena. Najnoviji rječnik slovačkoga jezika oblik *Eridino jablko* više ne navodi, za razliku od primjerice češkoga *jablko Eridino* (Keber 2011: 292), hrvatskoga *Eridina jabuka* (*Hrvatski jezični portal*) ili slovenskoga jezika *Eridino jabolko* (Keber 2011: 292). *Slovník súčasného slovenského jazyka* doduše bilježi frazem *Paridovo jablko* (2011: 425), ali ga autori priloga objavljenih u slovačkom elektroničkom tisku i na blog stranicama u svojim tekstovima uopće ne koriste. U slovačkom medijskom diskursu danas je najrasprostranjeniji treći sinonim bez poetonimske sastavnice *jablko sváru*, na primjer:

Olivový olej – *jablko sváru* Európskej únie; A často predstavovali *jablko sváru* rodinné záujmy jednotlivých vládncích dynastií; Drsná vojna žien z rodu Trumpovcov. Melania a Ivanka si nevedia prísť na meno! Čo je *jablkom sváru*?

Muzama se prema grčkoj mitologiji nazivalo devet kćeri boga Zeusa i boginje pamćenja Mnemozine. Natuknicu *Múzy* noviji rječnici slovačkoga jezika navode s velikim početnim slovom, isto kao i primjere u kojima se nalazi množinski oblik ove leksičke jedinice, na primjer *pestovať kult Afrodity a Múz, sídlo, chrám Múz* i sl. U slovačkom se jeziku riječ *múza* pojavljuje od 18. stoljeća (Králik 2015: 375), danas ima dva značenja 1. „sposobnost stvaranja književnih, glazbenih, plesnih i drugih djela kao estetske slike stvarnosti, umjetnost“ i 2. „pobuda, poticaj, motiv za umjetničko stvaranje (obično pjesničko); iznenadna ideja, nadahnuće, inspiracija; izvor inspiracije umjetnika“ (SSSJ3 2015: 421). Navedena značenja zajedno s općom karakteristikom leksema *múza*, ili „u grčkoj mitologiji boginja i zaštitnica umjetnosti“ (Králik 2015: 375), sudjelovala su u motivaciji nastanka sljedećih slovačkih frazema: *božk múzy*, tj. „umjetnička inspiracija“, *lahká múza* (opereta, popularna glazba i drugi zabavni glazbeni žanrovi), *vzývať múzu (múzy)* sa značenjem „tražiti, prizivati umjetničko nadahnuće“ i *kopla ho múza*, ili „dobio je dobru ideju, inspiraciju“.

Što se tiče istraživanoga tipa onimskih sastavnica preuzetih iz biblijskih izvora, slično kao što je slučaj s frazemima mitološkoga podrijetla, u slovačkom jeziku prevladavaju frazemi s poetonimskom sastavnicom. Ideonimskim sastavnicama mogu se smatrati skupni nazivi kanonskih spisa kršćanske i židovske vjere, *Biblia* i *Sväté písmo* odnosno *Písmo sväté* ili samo *Písmo*. Frazemi u čijem su sastavu danas nisu učestali, u suvremenom se medijskom prostoru praktički ne pojavljuju. Slovačka usporedba *starý ako Biblia* više je razgovornoga karaktera, za razliku od bugarskoga *стар като Библия*, hrvatskoga *star kao Biblija* ili makedonskoga ekvivalenta *стар како Библија*, koji u tim jezicima imaju status standardnih frazema. Sastavnica *Biblia* dijelom je starije paremiološke jedinice *Netreba ti hned' celú bibliu vyložit'* sa značenjem „ne treba odmah sve reći, otkriti“ (Záturecký 2005: 428).

Frazemi koji sadrže ideonim *Písmo sväté* i njegov skraćeni oblik *Písmo* također su starijega datuma. Riječ je o sljedećim jedinicama rečenične strukture: *Lepší dobrý príklad ako Písma výklad* (ibid.: 65) sa značenjem „sve treba raditi u pravo vrijeme“, *Nie je všetko Písmo sväté, čo ľudia hovoria* (ibid.: 414), *O tom Písmo mlčí* (ibid.: 429) sa značenjem „o tom ne treba govoriti“ i *To je taká pravda ako Písmo sväté* (ibid.: 572), tj. „to je potpuna istina“.

Budući da su starozavjetne i novozavjetne prisposobe utemeljene na pričama u kojima se pojavljuju konkretni biblijski likovi, biblijski frazemi s poetonimskom sastavnicom u slovačkoj su frazeologiji brojno zastupljeni. Većinom su posrijedi frazeološki internacionalizmi, kao na primjer <začat> od

Adama, *byť v Adamovom (Evinom) rúchu*, *byť (ležať) ako Lazár (lazár)*, *Jóbova (jóbovská) správa (zvest')*, *judášsky bozk*, *judášsky groš*, *Sodoma (sodoma) <a> Gomora (gomora)*, *matuzalemský vek*, *starý ako Matuzalem (Abrahám)*, *milosrdný samaritán*, *múdry ako Šalamún*, *neveriaci Tomáš (tomáš)* i drugi. Za ilustraciju navodimo primjere uporabe biblijskih frazema <začať> *od Adama*, *ležať ako Lazár (lazár)*, *Sodoma (sodoma) <a> Gomora (gomora)* u aktualnim medijskim kontekstima:

V prípade veselého švédskeho filmu Muž menom Ove je dobré začať od Adama; Starosta začína od Adama...; Vždy sa muselo začať od Adama a tak, aby to vyzeralo ako rozprávka na dobrú noc;

Ležať v posteli ako Lazar nie je pre chrbticu zdravé [naslov článku]; Ležal ako lazar, nevládal stať na nohách; ... syn nebude behať... a bude len ležať ako lazar pred telkou;

Sodoma Gomora na obrazovkách [naslov článku]; Sodoma-Gomora na tretiu po škótsky: snem presbyteriánov odobril svojim kňazom „sobášit' sa“ s rovnakým pohlavím; „Bola to vtedy hotová sodoma a gomora“, hovorí spokojná mamička s dieťaťom v kočiku.

Biblijska vlastita imena motivirala su nastanak frazema koji se temelje na simboličkom značenju tih imena, gdje na primjer *Šalamún* simbolizira mudrost, *Judáš* izdaju, *Lazár* bolest, *Tomáš* je prototip nepovjerljive, sumnjičave osobe, *Pilát* asocira na čovjeka koji ne želi preuzeti odgovornost i sl. Iako se navedeni antroponimi, općenito poznati iz sakralnih i sekularnih tekstova, pojavljuju u frazeološkom fondu slavenskih jezika u položaju semantički dominantne sastavnice, frazemi u čijem su sastavu ipak mogu izražavati ne samo različite konotacije, nego i značenja.

O tom da podudarni sklop sastavnica u frazeologiji automatski ne podrazumijeva istovjetno značenje dvaju frazema s identičnom motivacijskom osnovom svjedoči i činjenica da je bugarski knjiški frazem *йерихонска ѓпрѣба* (prema biblijskoj priči o osvajanju grada Jerihona uz pomoć zvuka trube) metaforičkim nazivom za vrlo jak, zvučan glas (ФРБЕ1 1974: 463), dok se slovački frazemi *jerichovská trúba* (SSJ1 1959: 650) i *trúba jerichovská* (SSSJ2 2011: 472) koriste kao šaljive psovke glupom, neoštroumnom, nespretnom čovjeku.

U *Bibliji* se posebno naglašava izvanredna inteligencija i mudrost izraelskoga kralja Salomona, što je motiviralo nastanak frazema, čiji slovački i bugarski oblik glasi *múdry ako Šalamún* : *мъдър като Соломон*. U formalnom su smislu posrijedi simetrični frazeološki ekvivalenti. Međutim, dok bugarska usporedba zadržava značenje „vrlo mudar čovjek“, slovački ekvivalent ima ironijski prizvuk i izražava nepovoljnu ocjenu osobe na koju se odnosi. O drugačijoj značenjskoj nijansi slovačkoga frazema ne svjedoči samo stilistički

kvalifikator *často iron.* u najnovijem objasnidbenom rječniku (SSSJ3 2015: 399), nego i činjenica da u slovačkom jeziku postoje frazeološki antonimi *múdry ako Šalamúnove nohavice* (*gate, pudlo, plundre, ľavé oko*) s negativnom konotacijom u značenjima „jako glup“ i „praviti se pametan“. Frazemi s negativnom konotacijom biblijskoga imena *Šalamún* također postoje i u poljskoj frazeologiji – *mądry jak salomonowe spodnie* (*gacie, kozy, pantofle, papucie, portki*) te *mądry jak salomonowa czapka*. Analognu negativnu aksiološku nijansu ima i češki frazem *sežrat Šalamouna*, čiji je slovački ekvivalent jedinica *zjesť (zožrat) všetku múdrosť sveta* (Dobříková 2014: 46–47).

U slovačkoj frazeologiji osim jedinica internacionalnoga karaktera također postoje i stariji, čisto slovački frazemi s poetonimskom sastavnicom, kao na primjer *byť na Abrahámovej ľúke* sa značenjem „biti mrtav“, *s Adamom loj kopat'*, odnosno „biti pokopan“ ili *dostat' sa do niečoho (niekam) ako Pilát do kréda*, tj. „doći do nečega značajnoga bez vlastitoga nastojanja, bez vlastite zasluge, nesvjesno“ (SSS2 2011: 795). Prva se dva navedena frazema unatoč značenjskoj jasnoći ne pojavljuju u aktivnom rječniku, za razliku od trećega, čiji je unutarnji oblik na prvi pogled doduše nejasan, ali je u suvremenom društvenom, kao i u medijskom prostoru često zastupljen. Navodimo nekoliko ilustrativnih primjera: Puškin sa do príbehu dostal skôr *ako povestný Pilát do Kréda*; Ja som sa do tej spoločnosti dostal *ako Pilát do Kréda*; Vhupol som do toho *ako Pilát do kréda* itd.

Što se tiče istraživanih strukturnih elemenata, u nekim se frazemima ne može sasvim jednoznačno odrediti koja je onimska sastavnica u njima zastupljena. To se primjerice odnosi na tragediju W. Shakeaspeara *Otello*, u kojoj bi se vlastito ime *Otello* moglo shvatiti kao ideonim i kao poetonim. U ovom, kao i sličnim slučajevima, priklanjamo se drugoj mogućnosti jer su upravo neki likovi slavnih književnih djela postali kulturnim simbolima, na primjer par antroponima *Rómeo a Júlia* opće su poznati sinonim nesretne ljubavi.

Roman iz sredine sjevernoameričkih Indijanaca J. F. Coopera *Posledný Mohykán* (1826) prodro je u podsvijest čitatelja u tolikoj mjeri da je njegov naziv postao dijelom frazeološkoga fonda većine europskih jezika, na primjer engl. *the last of the Mohicans*, bug. *последнији мохикан*, češ. *poslední Mohykán* (*mohykán*), franc. *le dernier des Mohicans*, hrv. *posljedni Mohikanac*, njem. *der letzte Mohikaner*, sloven. *poslednji (zadnji) Mohikanec* (*mohikanec*), rus. *последний из мо́гикан* itd. Etonim *Mohykán* u slovačkom se jeziku apelativizirao, a frazem *posledný mohykán* koristi se u značenju „onaj koji je ostao kao jedini, osamljeni predstavnik neke zajednice“ (SSSJ3 2015: 334).

Knjiga fantastičnih priča za djecu L. Carolla *Alisa u zemlji čudes*a (1865), na slovačkom *Alica v krajine zázrakov*, postala je motivacija za nastanak frazema *cítiť sa ako Alica v krajine zázrakov* sa značenjem „biti čime iznenađen, čuditi se“. Budući da je u slovačkoj sredini dobro poznat i češki naziv knjige *Alenka*

v *říši divů*, u komunikacijskoj se praksi ponekad pojavljuje i slovakizirani oblik češkoga frazema, tj. *cítit' sa ako Alenka v říši divov*. Slovački rječnici ih doduše ne navode, ali oba oblika usporedbe uobičajena su u svakodnevним govornim iskazima, a posebno u medijskom (i političkom) diskursu. Nekoliko aktualnih primjera:

Vysokoškolská pedagogička... po operácii sivého zákalu: „*Cítim sa ako Alica v krajine zázrakov!*“; Preto musí byť stránka navrhnutá a naprogramovaná tak, aby sa na nej zákazník *necítit' ako Alica v krajine zázrakov*; Aby národu nejako vysvetlila dôvod vlastnej existencie vo vysokej politike – *ako Alenka v říši divov* – nepretržite upozorňuje na svoju pôvodnú parketu sociologičky.

Motivacija nastanka idiomatskih sveza riječi *čakanie na Godota* i *čakať na Godota* bio je slovački naslov apsurdne drame S. Becketta *U očekivanju Godota* (1952) sa značenjem „uzaludno čekanje na koga, na što“. Obje morfološke varijante prošle su procesom frazeologizacije i u svim stilovima suvremenoga slovačkog jezika imaju visoku učestalost pojavljivanja, što potvrđuju primjeri ekscerpirani iz tekstova s internetskih i blog stranica:

Čakanie na Godota alebo daňových prognóz sa už nadočkáme? [naslov članka]; Čakanie na NFC [Near Field Communication] už trochu pripomína *Čakanie na Godota*; Čakanie na prevýchovný účinok represie sa tak stáva beckettovským *čakaním na Godota*; *Čakať na Godota* – to je dnes idióm, ktorý používajú aj tí, ktorí túto hru nikdy nevideli a nečítali; Bez tohto kroku by bolo očakávať predčasné voľby, ako *čakať na Godota*; Určite je lepšie skrátiť si čas zábavou, ako sedieť a *čakať na Godota*.

Poetonimske sastavnice koje potječu iz djela svjetske klasike u slovačkoj su frazeologiji prisutne u većem broju nego ideonimi. Najraširenije od njih navest ćemo kronološki, prema vremenskom redoslijedu, onako kako su djela u kojima se pojavljuju nastajala. Shakespeareova tragedija *Otello* (oko 1603–1604) vjerojatno je prvi opisani slučaj bolesnoga straha od gubitka voljene osobe u književnosti. Intenzitet razorne ljubomore, koja kulminira destruktivnim postupkom glavnoga lika, bila je motivacija za nastanak poredbenoga frazema *žiarlivý ako Otello*.

Avanture mornara brodolomca *Robinsona Crusoa* iz istoimenoga romana D. Defoea (1719) bile su podlogom za nastanak slovačkih frazema *žiť ako Robinson (robinson)*, tj. „živjeti osamljeno, izbjegavati ljudsko društvo“ i *zarastený ako Robinson (robinson)* sa značenjem „dugo neobrijan, jako zarastao“. Ime glavnoga junaka s vremenom je prešlo u opće imenice, a apelativ *robinson* postao je simbolom osamljenoga čovjeka.

Motivator idiomatske sveze *byť (cítiť sa, pripadať si* i dr.) *ako Gulliver medzi Liliputánmi (liliputánmi)* bio je glavni lik fantastičnoga putopisa J. Swifta *Gulliverova putovanja* (1726), točnije njegovoga prvog dijela, u kojem Lemuel Gulliver dospijeva na otok Liliput, gdje žive maleni ljudi – Liliputanci. Swiftovi neveliki otočani metaforički su postali sinonimom ljudi ili životinja malenoga, zakržljalog rasta. Etnonim *Lilipután* prošao je procesom apelativizacije i u spomenutom se značenju piše malim početnim slovom – *lilipután*. Iako se usporedba ni u jednom od slovačkih rječnika ne interpretira kao frazem, njezina česta uporaba u razgovornom i publicističkom stilu pokazuje da bi je se moglo smatrati frazeološkom jedinicom.

Ja sa tu pasujem s robotou *ako Guliver s Liliputánmi* a nemôžem sa vymotať z tých maličkostí; Výškovo podpriemerný Európan si tu [u Ekvadoru] môže úspešne liečiť svoj komplex – bude si pripadať *ako Guliver* v krajine *Liliputánov*; Fakt je, že podľa ÚVVM [Institút za istraživanje javnoga mnijenja] vyzerá Smer [slovačka politička stranka] *ako Gulliver medzi liliputánmi*.

Vanjski izgled bogalja Quasimoda, tragične figure povijesnoga romana Victora Hugoa *Zvonar crkve Notre-Dame* ili *Zvonar katedrale Gospe u Parizu* (1831), motivirao je nastanak ustaljenih sveza riječi koje, slično kao u prethodnom primjeru, u slovačkom jeziku još nemaju status frazeoloških jedinica, ali se u komunikacijskoj praksi učestalo pojavljuju. Govornici njima ne ocjenjuju samo druge ljude, nego često ironično i svoj vlastiti izgled. Budući da je u prvom redu riječ o usporedbama *vyzerat' ako Quasimodo*, *hrbit' sa ako Quasimodo*, *zhrbený ako Quasimodo* i *škaredý ako Quasimodo*, osnovni oblik frazema, koji se koristi u dvama značenjima 1. „biti ružan“ i 2. „biti pogrbljen“, mogao bi biti *byť <škaredý, zhrbený> ako Quasimodo*. Za ilustraciju navodimo primjere njegovih oblika objavljenih na slovačkim internetskim stranicama:

Ja neviem ako sa opisoval, ale mal som dojem, že vyzerá ako *Quasimodo*; Na krátkom bicykli bude cyklista poskrúcaný a *zhrbený ako Quasimodo*; Dacjuk je hokejový Mozart, no v civile trochu kríva a chodí *zhrbený ako Quasimodo*; Vidiš na sebe malú nedokonalosť a už si *pripadáš ako Quasimodo*; Danielovi Landovi ochrnula polovica tváre: *Výzerá ako Quasimodo!*

Život u izmišljenom gradiću Kocúrkovo, glasovitom po ograničenosti i zaostalosti svojih stanovnika, bio je glavna tema dramskih predstava pisca i svećenika Jána Chalupke. Kao prvu napisao je satiričku komediju *Kocúrkovo alebo Len aby sme v hanbe nezostali* (1830). U vrijeme nastanka Kocúrkovo je bilo simbolom malograđanskih prilika, danas simbolizira sve što se odlikuje glupošću, ograničenošću, a koristi se i kao metaforički izraz za kaotične, nesređene prilike, danas i u obliku *kocúrkovo* primjerice označava loše funkcioniranje države ili

javne uprave, prometa i sl. Najstariji frazem s ovom ideonimskom sastavnicom u obliku *múdra hlava z Kocúrkova* s ironičnom nijansom i značenjem „ograničen, glup čovjek“ bilježi zbirka Zátureckoga (2015: 329). U slovačkom razgovornom i publicističkom stilu osim jednorječnoga leksema često dopunjenoga atributom, poput *privatizačné kocúrkovo*, *legislatívne kocúrkovo*, *slovenské Kocúrkovo* i sl., postoji i mnogo primjera u kojima se ideonim *Kocúrkovo (kocúrkovo)* pojavljuje u obliku usporedbe. Nekoliko primjera:

Orientácia *ako v Kocúrkove*: Ak chcete ísť doľava, zabočte vpravo [naslov članka]; Mestská hromadná doprava *ako v Kocúrkove*; Chodníky v Kocurciach trochu *ako v Kocúrkove* [naslov članka]; Niekedy to však vyzerá *ako v Kocúrkove*. Nie ľudia venčia psíkov, ale psíkovia venčia ľudí; Pripadá mi to ako *v Kocúrkove*. Kde sa strácajú naše peniaze, ktoré platíme?

Nastanak frazema *suchá ratolesť* motivirao je istoimeni roman S. H. Vajanskog (1884), u kojem „suha grana“ simbolizira pasivno, odnarođeno niže plemstvo. Autor vjeruje u njegovu preobrazbu u samosvjesnu inteligenciju koja može oblikovati i uzdići slovački narod te postati zeleni i cvatući izdanak na drvetu nacionalnoga života. Sveza riječi danas ima značenje „nešto što je izgubilo (netko tko je izgubio) svoju izvornu vrijednost, kvalitetu i sl., dalje se ne razvija, stagnira“, u rječnicima se doduše ne navodi, ali u komunikacijskoj se praksi aktivno koristi, na primjer:

Pokúsime sa vystopovať a zdokumentovať, kde a kedy sa stalo, že zo sebestačného agrosektora sa stala *suchá ratolesť*; Nie sme *suchá ratolesť* [naslov članka]; Vláda je *suchá ratolesť*, z ktorej nevychádza žiaden život, žiadne programové návrhy, ani žiadne zákony; Položil otázku, či kresťanstvo v dnešnej Európe nie je už len *suchá ratolesť*.

Motivator sljedećega slovačkog frazema s idionimskom sastavnicom bila je knjiga Fraňa Kráľa *Čenkovej deti* (1932) koja opisuje život socijalno slabih slojeva stanovništva u tridesetim godinama 20. stoljeća. Središnji likovi priče su udovica Zuzana Čenková i njezina djeca, čije je tužno djetinjstvo, obilježeno siromaštvom i nedostatkom hrane, prodrlo u podsvijest mnogih generacija s obzirom da je knjiga bila (i je) obavezna lektira u slovačkim osnovnim i srednjim školama. Usporedba *hladný ako Čenkovej deti* ima sve osobine frazeološke jedinice, njezina prisutnost u društvenom diskursu može se potvrditi brojnim primjerima, ali slovački je rječnici za sada ne evidentiraju kao frazem. Za ilustraciju navodimo nekoliko primjera:

Polnoc, ja tu pišem o palacinkách a arašidovom masle a *hladný som ako Čenkovej deti*; Zato Mike bol *hladný ako Čenkovej deti* na 13. strane a zvládol

hneď 2 porcie Kung Pao; Celkom mi to chutí, asi preto, že som bol *hladný ako Čenkovej deti*; Vlak meškal, bol som unavený ako pes a navyše *hladný ako Čenkovej deti*; Po tréningu som *hladná ako Čenkovej deti*.

Poetonimske sastavnice slovačke provenijencije u prvom redu predstavljaju vlastita imena iz svijeta bajki i usmene narodne književnosti. Zbirka Zátureckog bilježi frazeme sa značenjem „jako davno“: *To bolo za Kuruca kráľa* (Záturecký 2005: 562), *To bolo za starého Kakoň kráľa* (ibid.) i „jako daleko“ *To je už v Kompit kráľovej krajine* (ibid.: 563), čije su sastavnice izmišljena imena vladara. Frazemi se u slovačkom jeziku više uopće ne koriste, za razliku od fiktivnoga toponima *Tramtária* (*Trantária*), koji je u bajkama nositelj značenja „daleka zemlja, udaljeni grad“. L. Králik navodi da je ova riječ u slovačkom jeziku poznata od 19. stoljeća i vjerojatno potječe od srednjovjekovnoga latinskog promjenom izvornoga **Tartaria* – „zemlja Tatara“ (2015: 621). Danas je dijelom frazema *pochádzať odkiaľsi z tramtárie (trantárie)*, tj. „izdaleka“, *bývať <kdesi> v tramtárii (trantárii)*, odnosno „na udaljenom, osamljenom mjestu“, *poslať niekoho do tramtárie (trantárie)*, dakle, „riješiti ga se, poslati ga odatle“ te jedinice u imperativnom obliku *Chod' <voľakde> do tramtárie (trantárie)* sa značenjem 1. „otiđi, ne dosađuj“ i 2. „ne govori gluposti“.

U slovačkim poslovicama starijega datuma pojavljuju se imena bajkovitih i demonskih bića, poput *Svetlonos* (noću je mamio putnike u močvare), *Meluzína* (personifikacija vjetra koji zavija), *Pikulík* (donosio je svojem vlasniku sreću), i sl., no danas ne pripadaju aktivnom leksiku. Do danas najkorišteniji frazem koji sadrži ime bajkovitoga bića jest usporedba *silný (mocný) ako Valibuk (valibuk)*, koji se koristi za označavanje snažnoga muškarca, ali i zdravoga, jakoga djeteta. Nekoliko primjera:

Winnie, z úprimného srdca gratulujem k deťúrencom, nach sú zdravé a *silné ako valibuk*; Ponúkam vecičky po našom synčekovi. Keďže *sa narodil ako valibuk...*, veľa kusov mal oblečených len niekoľkokrát; 2 bieločierne mačiatka, *statné ako valibuk* (pravdepodobne kocúrici); Keď to všetko spapám, vyrastiem a budem *silný ako Valibuk*.

Zahvaljujući apstraktnim sposobnostima čovjeka metaforički karakter imaju ne samo ustaljene sveze riječi i rečenica s vlastitim imenom u svom sastavu, nego i brojni jednorječni izrazi. Sa stajališta proučavane problematike uglavnom se radi o poetonimima koji su postali opće poznatim pojmovima, odnosno simbolima, kao primjerice *fúria* (mahnita, zla žena), *xantipa* (nesnošljiva, svadljiva žena), *judáš* (podao, neiskren čovjek; izdajica), *samaritán* (požrtvovan, milosrdan čovjek), *donchuan* (zavodnik žena, ženskar), *donkichot* (idealist, fantast), *ježibaba* (vrlo ružna žena; zla, svadljiva, zlonamjerna žena), *valibuk* (vrlo jak čovjek; zdravo, dobro uhranjeno dijete) i sl. U navedenim, ali

i drugim jednorječnim leksemima koji su nastali od vlastitih imena i postupno prošli procesom apelativizacije nerijetko je skrivena cijela mitološka, biblijska ili književna priča.

Neki ideonimi, a posebno poetonimi postali su dio stručne terminologije, uglavnom iz područja psihologije i psihijatrije, kao primjerice *narcizmus* (bolesna usredotočenost na samoga sebe), *Oidipov (oidipovský) komplex* (erotski odnos djeteta prema roditelju suprotnoga spola); *Otellov syndróm* (ekstremna bolesna ljubomora), *syndróm Rómea a Júlie* (idealizirana predodžba o postojanju trajne romantične veze), *syndróm Alice v krajine zázrakov* (nesposobnost procjene stvarne veličine predmeta) i sl.

U našem prilogu tematiku postojanja ideonima i poetonima kao sastavnica slovačkih frazema nismo ni izdaleka iscrpili. Neki frazemi u čijem su sastavu stalnim su dijelom aktivnoga leksika bez obzira na razdoblje nastanka, što nam je potvrdila njihova razmjerno bogata pojava u različitim tekstovima razgovornoga i publicističkoga stila. Drugi se nalaze na periferiji aktivne uporabe, ali zabilježeni u rječnicima i paremiološkim zbirkama predstavljaju inspirativan material koji nudi mnoge, do sada neobrađene teme ne samo u okviru slovačkoga jezika, nego i kontrastivnoga istraživanja.

Korištena literatura

- Суперанская, А.В. 1973. *Общая теория имени собственнoго*. Москва: Наука, 367 стр.
- Dobríková, M. 2014. *Vlastné meno ako komponent slovenských a bulharských frazém*. Bratislava.
- Knappová, M. 1992. „Funkce vlastních jmen v literárních textech“, *Slavistica XXVIII/3, Onomastika a škola*. 12–16.
- Skladaná, J. 2012. *Ukryté v slovách. Trinásť komnata a 131 tajomných slovných spojení*. Bratislava.
- Šrámek, R. 1999. *Úvod do obecné onomastiky*. Brno.
- Zamarovský, V. 2015. *Bohovia a hrdinovia antických bájí*. Bratislava.

Izvori

- Фразеологичен речник на българския език*. 1. София: Издателство на Българската академия на науките, 1974. [ФРБЕ1]
- Фразеологичен речник на българския език*. 2. София: Издателство на Българската академия на науките, 1975. [ФРБЕ2]
- Frazeologická terminológia*. Bratislava: Stimul, 1995.
- Hrvatski frazeološki rječnik*. Ur. Verica Zorić. Zagreb: Naklada Ljevak, 2003.
- Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Ur. Verica Zorić. Zagreb: Knjigra, 2006.
- Hrvatski jezični portal*. <http://riznica.ihj.hr/index.hr.htm>

- Keber, Janez. 2011. *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Králik, Ľubor. 2015. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: VEDA, Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV.
- Krátky slovník slovenského jazyka*. Ur. Ján Kačala – Mária Pisárčiková. Bratislava: VEDA, 2003. [KSSJ]
- Mrežni pretraživač Google. www.google.sk
- Slovník slovenského jazyka*. 1–6. Ur. Štefan Peciar. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968. [SSJ1–6]
- Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G*. Gl. ur. Klára Buzássyová – Alexandra Jarošová. Bratislava: VEDA, 2006. [SSSJ1]
- Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. Gl. ur. Alexandra Jarošová – Klára Buzássyová. Bratislava: VEDA, 2011. [SSSJ2]
- Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. Gl. ur. Alexandra Jarošová. Bratislava: VEDA, 2015. [SSSJ3]
- Záturecký, A. P. 2005. *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. Bratislava: Slovenský Tatran.

Mária DOBRÍKOVÁ

IDEONYMS AND POETONYMS AS MOTIVATORS OF PHRASEMES AND THEIR STATUS IN THE CONTEMPORARY SOCIAL DISCOURSE

Summary

The author of the paper examines the phrasemes that have been inspired by the names of literary works or characters therefrom, while focusing in particular on their function in Slovak contemporary media discourse. She analyses the ideonyms and poetonyms borrowed from antic mythology, biblical sources as well as from Slovak and world literature. Some of the phrasemes that contain the examined types of proper nouns have remained a steady part of active vocabulary regardless of the period of their emergence, which has been corroborated by their occurrence in various texts of the colloquial as well as journalistic style. While others are currently not in active use, they have been recorded in dictionaries and paremiological collections and as such they represent an ample and inspirational research material for Slovak and Slavic phraseology.

Леся ПЕТРОВСЬКА

Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Київ, Україна

Ana DUGANDŽIĆ

Filozofski fakultet
Zagreb, Hrvatska

СЕМАНТИЧНІ КОНОТАЦІЇ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ З ВЛАСНИМИ ЖІНОЧИМИ ІМЕНАМИ В УКРАЇНСЬКІЙ І ХОРВАТСЬКІЙ МОВАХ

Анотація: У статті порівнюються фразеологізми української і хорватської мов з антропонімічним компонентом, а саме з власними жіночими іменами. Присутність яскраво виражених оцінних конотацій в структурі значення таких одиниць дозволяє розглядати їх як такі, що вербалізують елементи національно-специфічного концепта жінки. При цьому самі компоненти-антропоніми отримують відповідні семантичні конотації і стають маркерами певних рис характеру або національних стереотипів поведінки.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, власні імена, семантична структура, конотація, хорватська мова, українська мова

Фразеологічні одиниці (ФО) з компонентом-онімом нерідко є об'єктом мовознавчих досліджень, в яких розглядається специфіка функціонування власних назв у мові з огляду на їх особливу природу, їхня семантична структура, етимологія, національнокультурне навантаження із залученням лінгво- й етнокультурного аспектів тощо (В.Мокієнко, Н.Максимчук, Т.Шутковські, В.Хімік, Л.Скрипник, В.Жайворонок, М.Менац-Міхаліч, Й.Матешіч та ін.). Серед них звертають на себе увагу роботи, присвячені контрастивному аналізу таких одиниць (О.Куцик, В.Русецька, А.Кравчук, Д.Айдачич, І.Заваринська, Н.Пінтаріч, Н.Іванетич та ін.).

Мета цієї розвідки – представити спільне і відмінне у семантиці хорватських й українських ФО з компонентом-власною назвою, а саме жіночими іменами.

Зазвичай, онімічне значення є одиничним, воно містить вказівку на конкретний об'єкт, тобто співвіднесення з певним референтом (людиною, місцем, астрономічним об'єктом тощо), а за певних екстралінгвістичних умов несе ще й деяку додаткову інформацію (відомості імені, стилістичну, оцінну, емотивну, естетичну інформацію). (Селіванова 2006: 426). Стаючи структурно-семантичними елементами фразеологізмів або паремій, такі одиниці набувають певних семантичних особливостей. З одного боку, індивідуальні номени-компоненти надають фразеологічному виразу певної завершеності форми і змісту, вони дозволяють асоціювати вислів з певними особами, подіями та географічними об'єктами. Але разом з тим часто, як зауважує В. Герасимчук, індивідуалізовані власні назви у фразеологізмах перетворюються на засіб типологізації (Герасимчук 2005: 43) втрачаючи сему конкретності, тобто безпосередній зв'язок з денотатом.

Скажімо, ФО з топонімами (укр. *язик до Києва доведе*, хорв. *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*) зберігають прив'язку до референта (*Kiїв, Zažreb* – назва конкретного міста, відома практично усім носіям мови), навіть якщо саме місто не мається на увазі (пор. «/В Хамедані/ ... я сходила на базар /.../ намагалась знайти одну з історичних пам'яток, але навіть поєднання карти та методу «язик до Києва доведе» мені не допомогло» (К.Цибенко, Українська правда, 18.05.2017) та «*Martin u Zagreb (pardon, Vatikan), Martin iz Zagreba (pardon, Vatikana)! /.../ što je hrvatski premijer tražio u Vatikanu, ako nije dotaknuo niti jedan problem odnosa s Katoličkom Crkvom*» (pollitika.com, Dnevnik, 30.10.2012).

Однак з антропонімами ситуація часто стає інакша. В одних випадках у ФО з іменами історичних осіб або ж біблійних чи міфологічних персонажів сукупна семантика мотивується загальним знанням про відповідну особу – тобто знанням про те, якими діями чи характеристиками ця особа відома (*від Понтія до Пілата, поцілунок Іуди, Танталові муки*). В інших випадках, коли головним компонентом постає ім'я, поширене у певного етносу, цей антропонім трансформується з власної назви у загальну, стаючи символічним експресивним найменуванням відповідної характеристики, означеної фразеологізмом (хорв. *Katica za sve* із значенням «людина, що готова виконувати будь-яку незначну роботу», тобто «Катіца» = «дівчина» = «людина загалом»). При цьому перші ФО зазвичай мають спільну семантику у різних мовах (напр., *Ахіллесова п'ята, нитка Аріадни*). А друге з переліченого – ті ФО, які містять як структурну одиницю ім'я народне, – презентує якраз певний фрагмент колективної свідомості конкретної лінгвокультурної спільноти й експлікує притаманній механізми переосмислення.

Отже, важливо, що в складі фразеологізма ім'я функціонує з узагальненим значенням. Це вторинні видові назви, які позначені цілим рядом конотативних значень.

Ставлячи собі за мету показати особливості семантики ФО з компонентом-антропонімом, а саме жіночим народним іменем, виявити спільні і відмінні риси структурної організації і семантичного навантаження імені у складі ФО, ми зіткнулись із проблемою при виборі матеріалу: народні власні імена не так часто присутні у фразеології, якщо вузько розуміти фразеологізм як багатокомпонентну мовну одиницю з єдиним експресивно або оцінно навантаженим значенням. Народні жіночі імена швидше зустрічаємо в пареміологічному корпусі, тому тут будемо спиратися на широке розуміння фразеологізма, що включає крім суто ідіом прислів'я і приказки.

Вкрай важливою у цілісній семантичній структурі ФО й особливо паремії є наявність оцінної семи, оскільки саме прагматичне завдання такої вербальної формули є називання ситуації з наданням їй оцінки. Відомо, що оцінюванню насамперед підлягають негативні характеристики, в тому числі негативні якості, риси характеру, поведінка людини.

Так, негативно-оцінне значення закріплено за більшістю аналізованих українських фразем, що містять жіночі імена. Зокрема, серед українських прислів'їв знаходимо негативну оцінку таких рис людини:

хитрість, брехливість: *Як же Гандзю не кохайи, як вона вміє брехайи;*

поспіх: *швидка Настя;*

хвалькуватість: *Пішла Гандзя по горіхи, та й набрала чотири міхи, в кожнім міху по горіху, наробила Гандзя сміху; Казала Настя, як удасться;*

недбайливість, невміння вести господарство: *Пішла Гандзя в поле жати, та й забула серпа взяти; Видно, що Ганна млинці пекла, бо й ворота в тісті; Видно Килину, що хліб пекла, бо й ворота в тісті; Знати Параску, що місила паску, бо всі ворота в тісті; Спекла Луця, не схоче їсти й цюця; Химка – хазяйка, тільки лопати нема; Пішла Настя в поле жати та й забула серпа взяти. Серп узяла – хліб забула, так-то Настя вдома була;*

лінощі: *Наша Федора до роботи хвора; Наша Федора то шиє, то поре; У нашої Хими свято щоднини; Сиди, Тетяно, бо ще рано; Посидь, Уляно, бо ще рано; сиди, Векло, ще не смеркло; У всякої Федори свої одговори; Як у поле – Анцю в боки коле, як до танцю – вже не коле Анцю;*

надмірна балакучість: *язиката Хвеська; Язиката Феська і будинок рознесе; Леська та Хвеська хоть якого дзвона перегудуть; Торохтить Солоха, як діжка з горохом;*

забудькуватість, неувважність: *У роззяви Дарії кожен день аварії;*

порушення моральних норм чи правил: *У нашої Катерини разом весілля і хрестини: і до шлюбу ведуть, і до хреста несуть.*

З іменем Гапа пов'язують таку рису, як відсутність кмітливості: *То ще була Гапа (дурна); От тобі, Гапко, і Куїв; Заробила Гапка бісового батька;*

Послали Гапку по масло – і в печі погасло; Наша Гапка тонкопряхка: нитки, як налігач, а полотно, як рядно.

Інколи знаходимо й оцінку емоційного стану людини. Зокрема, ФО *кисла Оришка* фіксує негативне ставлення до людини похмурої, позбавленої привітності.

Українська народна мораль часто висміює людину без конкретної вказівки на поганий вчинок чи особливість вдачі: *Не дам за Олену і кітку луплену; Марта дідька варта.*

Як бачимо, численними прикладами представлено в пареміях негативну оцінку жіночої балакучості, ледачості, нерозторопності, недбайливості, невміння господарювати, ці конотації закріплено за іменами *Ганна, Гапка, Гандзя, Федора, Луця, Леська, Хвеська, Параска, Дарія, Катерина*.

Значно менше знаходимо одиниць, які фіксують позитивні людські якості, надаючи їм відповідної оцінки: *Наша Парася на все (на всі руки) здалася (умілість, спритність), Знає Марта по чому крупів кварта* (характеристика доброї господині).

Разом з тим, одне й те саме ім'я в прислів'ях може набувати різних конотацій, інколи протилежних – позитивних та негативних. Наприклад, українське ім'я *Параска* у складі паремій набуває конотативного значення негативних рис характеру людини: 'жорстока, немилосердна', або ж 'байдужа': *В нашої Параски ні серця, ні ласки; 'невміла': Знати Параску, що місила паску, бо всі ворота в тісті*, Водночас це ім'я фіксуємо в прислів'ях з виразною позитивною конотацією 'працелюбна, вміла': *наша Парася усе встає зрання (наша Параня усе встає з раня); розумна Парася на все здалася*)/ *наша Парася на всі руки здалася*.

Одне з найпопулярніших жіночих українських імен *Настя* закріплює ряд негативно-оцінних конотацій у семантичній структурі ФО (*швидка Настя; Казала Настя, як удасться*), але разом з тим часто присутнє у виразах на зразок *Щастя, в кого жінка Настя, а в кого Горпина – то лиха година; Як Настя, то буде щастя*

Крім того, зустрічаємо і порівнювання людських характеристик. У таких опозиціях одне ім'я набуває типологізованого значення з позитивною семою, а друге – з негативною: пор. вже згадане *Щастя, в кого жінка Настя, а в кого Горпина – то лиха година*; а також *Марина м'ягка як глина, а Євдоха твердша троха* (діал.).

До цієї значеннєвої групи додаємо і ФО на позначення далеких або нестворених родинних стосунків: *Ваша Катерина нашій Орині двоюрідна Одарка; Його мати моєї матері двоюрідна Параска*.

Хорватська мова показує дещо інакшу картину.

Так, якщо українські прислів'я демонструють переважно негативну оцінку певних рис характеру жінки (або ж людини загалом безвідносно до вікових і статевих характеристик), тут негативнооцінні конотації знаходимо у регіональних висловах на позначення жінки, що має невідповідний зовнішній вигляд: *obući se kao teta Ana; obučena kao teta Foška; biti kao frajla Matilda; Ljilja iz Buljuka* – позначають жінку, що одягнена чи нафарбована без смаку, або ж неохайна: *izgledati kao Fanika; izgledati kao masna Franca*.

Жіночий характер негативно оцінюють ФО *držati se kao mila Gera* на позначення особи занадто м'якої і безхарактерної, або ж як характеристика бездіяльності і лінощі. Цікаво, що лінощі за звуковою співзвучністю виражає ім'я *Lijenka* у виразі: *teta Lijenka*. Схильність до пліткування, надмірна балакучість становлять основу конотативної семи імені у ФО *radio Mileva* і *biti kao Fanika*.

Характеристика неморальної поведінки жінки закладена у семантиці фраземи *Rajka radodajka*.

На позначення особи, що береться не за своє діло або не розуміє, що робить, вживається ФО *kužiti kao baba Kata*.

Негативною експресією й відповідною оцінкою позначена семантика ФО *Katica za sve*, де ім'я набуває символічного значення підлабузництва і готовності виконувати будь-яку роботу для чиеїсь вигоди попри власну гідність.

Ім'я *Mara (Mare)* найчастіше пов'язується з неадекватною в певній ситуації поведінкою – *luda Mare; biti kao leteća Mara; lutati (ići putem) kao luda Mare*, або коли хтось дуже набридає: *trti koga kao dosadna Mara*. Ім'я *Mara* у виразі *crna Mara vodu muti* набуває значення особи, що приносить нещастя.

Одне з найпопулярніших хорватських імен *Marija* присутнє в народних висловах. Однак найчастіше походження ФО пов'язується з особою святої діви Марії: емоційний вигук *Majko Marije*, фраземи *lijepa kao djevica Marija, čist kao blažena djevica Marija, glumiti blaženu djevicu Mariju*; очевидно популярний вислів *stajati/držati se/ukipiti se kao drvena Marija* «1. непорушно стояти; застигнути; 2. бути без діла» теж можна пов'язати з дерев'яними скульптурами діви Марії, які характерні для католицької церкви – а також похідні еліптичні утворення *kao drvena Marija, kao lijena Marija*.

Експресивне вираження жіночої краси демонструє семантика ФО *Katica lijepa kao latica*.

У цій групі присутні одиниці з семантикою попередження: *Ano, Anice, ne na kišu bez kabanice*.

Безвідносно до тих чи інших характеристик людини ім'я переходить на інші концептуальні фрагменти, зокрема стає означенням часу чи відстані

з конотаціями суму, жалю у поширених висловах *Moja Ane broji dane* (час спливає); *o Ana, tugo mojih dana*; *ode Ana preko oceana*; *adio Mare* та *svršila Mara zavjet* – закінченості якоїсь справи.

Як бачимо, власні імена у фразеологізмах не позначають конкретну особу. Ці одиниці номінують загалом жінку, людину, якій притаманні певні риси характеру чи поведінки, що засуджуються чи схвалюються суспільними нормами.

Проходячи через етап переосмислення, власні імена виконують у ФО символічну функцію й у такий спосіб можуть позначати певний стереотипний образ.

Вибір імені найчастіше зумовлений структурною організацією фразеологізма, тобто формальною структурою представленого мікротексту. Це ілюструють численні римовані прислів'я і приказки, більше присутні серед аналізованих в українській мові, тому вибір відповідного імені не пов'язаний з конкретною особою (можливо, колись для когось відомою – за певними рисами чи вчинками), а мотивуються потребою в гармонійному звучанні тексту:

укр. *Посидь, Уляно/Тетяно, бо ще рано – Сиди, Векло, ще не смеркло – Наша Федора до роботи хвора – Торохтить Солоха, як діжка з горохом – Казала Настя, як удасться – Як Настя, буде й щастя – Марта дідька варта – Щастя, в кого є жінка Настя, а в кого Горпина, то лиха година*

хорв. *Rajka radodajka – Vesna cipela ti tijesna – iz Mire vrazi vire – Katica lijepa kao latica – ode Ana preko oceana – Ano, Anice, ne na kišu bez kabanice – o Ana, tugo mojih dana – Rajka, Rajka, žalosna ti majka.*

При цьому, деякі з наведених одниць не мають іншої мотивації для створення, крім рими. Для подібних виразів на першому плані є звукова форма, тому вони мають звужену семантику, а то й взагалі її позбавлені (*Олена довгопелена, Vesna cipela ti tijesna, Ana banana*). Ці словесні вирази найчастіше служать мовцєві задля висміювання, як дражнилки.

Деякі імена є більш продуктивними у творенні експресивних виразів. Очевидно, це пов'язано з поширеністю самого імені (*Настя, Параска; Mara, Marija, Ana*).

У семантичному плані основні значеннєві компоненти імені функціонують із характеристикою «жінка/дівчина» (або ж «людина» загалом), додаючи відповідні конотації. При цьому більшість українських ФО демонструє оцінку різноманітних негативних рис вдачі або поведінки. Хорватські ж фраземи показують оцінку зовнішнього вигляду і лише деяких рис характеру (балакучість, лінощі), однак в обох мовах такі одиниці позначені здебільшого негативнооцінними конотаціями.

Значення, яке розвиває ім'я у складі ФО, пов'язане з відповідною характеристикою ситуації, яку позначає одиниця. Практично всі аналізовані

одиниці є безеквівалентними й експлікують характерне для певного народу світобачення через свою систему символів.

Використана література

- Герасимчук, В. 2005. „Власні імена в українських фразеологізмах“, *Дивослово* № 4., 43-47.
- Селіванова, О. 2006. *Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія*. Полтава: «Довкілля-К».

Джерела

- Приповідки або українсько-народна філософія*. Зібрав С. Плав'юк. Перевидання з оригіналу 1946. Edmonton, Alberta. 1998
- Пазяк, М.М. 1991. *Прислів'я і приказки. Взаємини між людьми*. Київ: Наукова думка,
- Шумада Н. С. (упорядник) 1985. *Народ скаже — як зав'яже: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки*. Київ: «Веселка».
- Fink Arsovski, Ž., Kovačević, B., Hrnjak, A. 2010. *Bibliografija hrvatske frazeologije*. Zagreb: Knjigra.
- Menac-Mihalić, M. 2003.-2004. „Hrvatski dijalektni frazemi s antroponimom kao sastavnicom“, *Folia Onomastica Croatica* 12-13. 361-385

Lesja PETROVSKA, Ana DUGANDŽIĆ

SEMANTIC CONNOTATIONS OF IDIOMS WITH FEMALE NAMES IN CROATIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

Summary

The research compares idioms of Croatian and Ukrainian languages with anthroponymic components, in particular, female names. The presence of a clearly expressed evaluative component in the structure of meaning of such idioms allows us to examine them as idioms that verbalise elements of national-specific concept of woman. In this, the component-anthroponym adopts relevant semantic connotations and becomes the marker of specific national behavioural stereotypes.

Keywords: idiom, proper names, semantic structure, connotation, Croatian language, Ukrainian language

Anita HRNJAK

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
Zagreb, Hrvatska

ANTROPONIMI U RODNO OBILJEŽENOJ FRAZELOGIJI HRVATSKOGA I RUSKOG JEZIKA¹

Sažetak: Članak se bavi antroponimskom komponentom kao dijelom frazeološkog sastava koja ima potencijal da na vrlo eksplicitan način upućuje na spol referenta na kojeg se frazem odnosi jer se njome upućuje na ime, prezime ili nadimak osobe, a samim time i na njen biološki spol. U korpusu rodno obilježene frazeologije s antroponimskom sastavnicom kod frazema koji se odnose isključivo na osobu ženskog ili muškog spola u svojstvu komponente najčešće nalazimo ženska ili muška osobna imena ili od njih izvedene posvojne pridjeve koje možemo dovesti u vezu s Biblijom te starogrčkom ili starorimskom mitologijom (*u Evinu kostimu, красивый как Аполлон* itd). Kao antroponimsku komponentu u ovom tipu frazema nalazimo i ženska i muška osobna imena likova iz bajki koje možemo smatrati dijelom internacionalnog kulturnog naslijeđa, likove iz nacionalnih bajki, nacionalne epske književnosti, nacionalne dječje književnosti, klasične svjetske književnosti te stvarne osobe ili likove koje možemo smatrati sastavnim dijelom popularne kulture (*царевна-Несмеяна, mršava kao Twiggy (Tvigica), дядя Стёпа, ревнивый как Отелло* itd.).

Ključne riječi: antroponim, rodno obilježena frazeologija, hrvatski jezik, ruski jezik

1. Uvod

Jedna od univerzalnih tendencija u frazeologiji svih jezika je učestalost antroponima kao frazeološke komponente, a antroponimska frazeologija kao značajan dio frazeološkog korpusa pojedinih jezika predmet je mnogobrojnih znanstvenih radova i monografija.

Antroponim kao frazeološka komponenta specifičan je utoliko što se odnosi na ime, prezime ili nadimak osobe, a samim time i na njen biološki spol te ima potencijal da na vrlo eksplicitan način ukazuje na spol referenta na koji se

¹ Ovaj članak nastao je u okviru rada na projektu *Application of phraseological theory in phraseography* (4054) koji financira Hrvatska zaklada za znanost.

frazem s antroponimskom komponentom odnosi. Međutim, rod antroponimske frazemske sastavnice ne mora uvijek odgovarati spolu osobe na koju se frazem odnosi. Postoji značajan broj frazema s antroponimskom sastavnicom kod kojih je na temelju primjera upotrebe moguće evidentirati i dokazati asimetričnost između roda antroponimske komponente frazema i spola referenta na kojeg se frazem odnosi. Pritom treba primijetiti i istaknuti da dugotrajnom upotrebom pojedinih antroponimskih frazema te njihovom ustaljenošću i reproduktivnošću dolazi do primarne i sekundarne faze proširenja semantičkog polja. Pod primarnom se podrazumijeva pojava asimetričnosti između roda antroponimske frazemske sastavnice i spola referenta, a pod sekundarnom, uz asimetriju roda i spola koja je ponekad istovremeno prisutna, smatra se sposobnost antroponimske sastavnice da ne razlikuje kategoriju živosti i neživosti već opisuje i različite pojave, institucije, društvene skupine, predmete i slično (Vidović Bolt 2011, Fink 2005).

Korpus hrvatskih i ruskih antroponimskih frazema analiziran u ovome radu ograničen je samo na rodno obilježene frazeme, tj. samo na one koji se u upotrebi isključivo ili najčešće koriste za referenta jednog od dvaju spolova te u njemu ne nalazimo antroponimske frazeme koji se bez obzira na rod antroponimske sastavnice u istoj mjeri mogu odnositi na osobe ženskog i muškog spola. Frazemi analiziranog korpusa hrvatskoga i ruskog jezika u upotrebi su uvijek ili gotovo uvijek ograničeni isključivo na referenta određenog spola.

2. Ženska imena u antroponimskoj rodno obilježenoj frazeologiji hrvatskoga i ruskog jezika

U rodno obilježenoj frazeologiji antroponim ili antroponimska izvedenica koja se odnosi na ženu pokazatelj je simetričnosti roda i spola referenta na koji se frazem odnosi, što znači da se takav frazem u upotrebi koristi isključivo ili najčešće za osobu ženskoga spola. U prikupljenom korpusu hrvatskih i ruskih rodno obilježenih antroponimskih frazema od ukupno 40 frazema njih čak 24 (61%) sadrži žensko osobno ime ili izvedenicu od ženskog osobnog imena.

2.1. Najveći broj hrvatskih i ruskih rodno obilježenih antroponimskih frazema kao sastavnicu sadrži žensko osobno ime koje se može povezati s mitologijom. Pritom je u analiziranom korpusu najzastupljenija antička mitologija.

Venera, rimska božica ljubavi, ljepote i plodnosti, pojavljuje se u dubinskoj strukturi nekoliko frazema analiziranog korpusa. Poredbeni frazem *красивая (прекрасная) как Венера* upotrebljava se sa značenjem 'vrlo lijepa', a hrvatski frazem *džepna Venera* opisuje iznimno lijepu ženu niskog rasta i sitne

tjelesne građe na što aludira pridjevska sastavnica *džepna* i slika u dubinskoj strukturi frazema koja prikazuje lijepu ženu, malenu poput figure koja se može staviti u džep. U pozadini ruskoga frazema *Венера Милосская* koji se upotrebljava sa značenjem 'vrlo lijepa žena' pronalazimo usporedbu lijepe žene s umjetničkim prikazom božice Venere, svjetski poznatom skulpturom klasične grčke umjetnosti koja se stoljećima nakon nastanka smatrala idealom ženske ljepote zbog pravilnih, klasičnih crta lica i idealnih proporcija tijela. Frazem *жрица Венеры* prema slici u dubinskoj strukturi može se povezati s postojanjem prostitucije u drevnoj rimskoj kulturi. Zanimljivo je da se ovaj frazem odnosi na poseban oblik prostitucije, takozvanu sakralnu prostituciju, povezanu u drevnom Rimu s kultom Venere, boginje ljepote i ljubavi, ali i plodnosti i spolnosti. Dio toga kulta činile su hramske bludnice, žene s kojima su muškarci u hramu Venere stupali u spolne odnose shvaćene kao vjerski obred plodnosti (Rebić 1992: 12). U suvremenom ruskom jeziku ovaj je frazem rjeđe u upotrebi i vezuje se uz visoki, književni stil.

Vjernost, jedna od izuzetno cijenjenih ženskih osobina, u obama analiziranim jezicima opisuje se poredbenim frazemom utemeljenim na usporedbi s Penelopom, likom iz grčke mitologije. U hrvatskom jeziku on se pojavljuje u obliku *vjerna kao Penelopa* sa značenjem 'potpuno vjerna (odana)', a njegov ruski strukturni i značenjski ekvivalent ima oblik *верная как Пенелопа*. Postojanje ekvivalenata u obama jezicima govori u prilog pripadnosti ovih frazema internacionalnom frazeološkom fondu. Penelopa je u grčkoj mitologiji i „Odiseji“, klasičnom djelu grčke književnosti, supruga Odiseja koja zbog zavjeta vjernosti lukavošću i raznim smicalicama odolijeva brojnim proscima punih dvadeset godina do povratka supruga s njegovog legendarnog putovanja (МММ: 795). Ruski frazem *злая как мегера* opisuje zlobnu, ljutitu i svadljivu ženu preko usporedbe s Megerom, jednom od Erinija, starogrčkih božica osvete, koja se povezivala s osvetom za ubojstvo (Серов 2005: 420). Pritom je antroponim kao frazeološka komponenta desemantiziran do te mjere da se piše malim početnim slovom jer se u suvremenom ruskom jeziku leksem *мегера* upotrebljava i općenito kao naziv za zlobnu i svadljivu ženu.

Slavenska mitologija kao motivacija pojavljuje se u dvama ruskim frazemima: *баба-яга <костяная нога>* koji se koristi sa značenjem 'zlurada, svadljiva stara (starija) žena' te *злая как баба-яга* sa značenjem 'vrlo zlurada, svadljiva'. Navedeni frazemi utemeljeni su na slici u kojoj se pojavljuje starica čarobnica iz slavenske mitologije, često prisutna u ruskom folkloru i narodnim bajkama. Značenje frazema koji se odnose na zluradu i svadljivu staru ženu povezano je s predodžbom o babi Jagi, čarobnici koja živi u šumi, u kući koja stoji na kokošjim nogama, a jede ljude i malu djecu. U bajkama se najčešće pojavljuje kao protivnica, a mnogo rjeđe kao pomoćnica glavnoga junaka (ПБЛС:

34-35).² Način pisanja sveze *баба-яга* u frazeologiji prilično varira, nalazimo je sa spojnicom ili bez nje, ali vlastito ime najčešće se piše malim početnim slovom zbog desemantizacije svojstvene procesu frazeologizacije.³

Sljedeći primjeri ilustriraju značenje nekih od navedenih frazema s mitološkom motivacijom, njihovu konotaciju i rodnu ograničenost u upotrebi:

Ako i niste džepna Venera dopušteno vam je nositi strukirane jakne i visoke potpetice. (G⁴); А сейчас, когда на ней мятая рубашка и поношенные джинсы, он восхищается ею так, словно она Венера Милосская. (G⁵); Не успел Ришелье, как говорится, отведать одной девицы, чьим ремеслом была торговля собственными прелестями, как у него уже разгорелся аппетит на другую «жрицу Венеры» – Нинон де Ланкло. (G⁶); Я побоялась сама спросить, она злая, как мегера. Того и гляди, кусаться начнёт! (G⁷).

2.2. Značajan broj hrvatskih i ruskih rodno obilježenih antroponimskih frazema u svom sastavu ima žensko osobno ime ili izvedenicu od imena koje upućuje na Bibliju.

U ruskim frazemima *Евино племя* i *гочери Евы* koji se koriste sa značenjem 'žene, pripadnice ženskoga spola' te hrvatskom *Evina kći* sa značenjem 'žena, tipična osoba ženskoga spola' ženski se spol promatra u kontekstu biblijske priče o prvoj ženi Evi, ženi prvog muškarca Adama i pramajci čovječanstva. Legenda govori da je Eva bila ta koja je popustila iskušenju đavla utjelovljenog u liku zmije i kušala plod sa stabla spoznaje dobra i zla, te taj plod ponudila i Adamu i na taj način uzrokovala izgon iz raja i istočni grijeh s kojim se rađaju svi ljudi. Zbog takve biblijske pozadine ova tri frazema često se upotrebljavaju s negativnom konotacijom. Hrvatski frazem *u Evinu kostimu* i njegov ruski ekvivalent *в костюме Евы* opisuju nagost, a također su temeljeni na biblijskom motivu koji govori o Evi, pramajci čovječanstva, koja je u rajskom vrtu zajedno s Adamom bila potpuno gola bez osjećaja srama. Tek nakon pada u grijeh Eva i

² Zla starica čarobnica iz slavenske mitologije u hrvatskom je jeziku poznata kao baba Roga. S obzirom na to da u suvremenom hrvatskom jeziku veza ove sintagme s drevnom slavenskom mitologijom i folklornom tradicijom nije toliko jaka kao u ruskom jeziku, s vremenom se ona počela pisati sastavljeno u obliku imenice babaroga kako bi se njome imenovalo zlobno stvorenje kojim se najčešće zastrašuju neposlušna djeca. Tek ponekad u hrvatskom jeziku u upotrebi možemo pronaći ime ovog mitološkog lika u obliku sveze riječi koja nije rodno ograničena u upotrebi s frazeološkim značenjem koje se odnosi na osobu ili nešto neživo što predstavlja prijetnju ili opasnost.

³ U nefrazeološkom značenju svezu je ispravno pisati sa spojnicom i velikim početnim slovom vlastitog imena: *баба-Яга*.

⁴ <http://m.slobodnadalmacija.hr/tabid/296/articleType/ArticleView/articleId/178638/Default.aspx> (15.4.2015.)

⁵ <http://www.litmir.info/br/?b=5758&p=28> (posjet 15.4.2015.)

⁶ <http://wap.richelieu.forum24.ru/?1-1-0-00000047-000-200-0> (posjet 16.4.2015.)

⁷ http://loveread.ws/read_book.php?id=6127&p=60 (posjet 17.4.2015.)

Adam postaju svjesni svoje golotinje, počinju osjećati sram i prekrivaju intimne dijelove svoga tijela lišćem smokve.

Skromna djevojka ili mlada žena koja nije sklona grijehu, prije svega putenom, u ruskom je biblijskom frazemu *невинная (чистая) как непорочная Дева <Мария>* uspoređena s bezgrešnom Djevicom Marijom, apsolutnim idealom čistoće i nevinosti. Frazem se koristi u visokom književnom stilu, ali često ga nalazimo i u razgovornom stilu s ironičnim prizvukom. U ruskome se frazemu *красивая (прекрасная) как Мадонна* kao treći član usporedbe pojavljuje imenička komponenta *Мадонна* kojom se u ruskom jeziku označava umjetnički, skulpturalni ili slikovni prikaz Bogorodice. U njemu se izuzetna ženska ljepota poistovjećuje s onim što je nestvarno, nezemaljsko ili božansko samo po sebi, a umjetnički prikaz te ljepote još je dodatno idealiziran i lišen bilo kakvog nedostatka.

Frazeološko značenje, konotaciju i rodnu obilježenuost nekih od navedenih frazema s biblijskom motivacijom oslikavaju sljedeći primjeri:

*Все вы **Евино племя**. Живёшь с вами двадцать лет, деньги вам даёшь, а потом – разве я клялась в вечной верности?” (G⁸); На osobnom planu trpi teške udarce, kao što je snimanje svoje kćerke Patricije Ann u **Evinu kostimu** za časopis Playboy. (G⁹); И даже если его возлюбленная **чиста, как непорочная Дева Мария**, один намёк на её неверность для него как известие о краже ценного имущества. (G¹⁰).*

2.3. Nekoliko frazema s ženskim osobnim imenom u prikupljenom rodno obilježenom korpusu antroponimskih frazema moguće je povezati s književnošću, točnije bajkom kao specifičnom književnom vrstom.

Motiv Pepeljuge, skromne zapostavljene djevojke koja se pokorava samovolji maćehe i zlobnih polusestara, hrvatskoj i ruskoj kulturi poznat iz bajki u redakciji C. Perraulta i braće Grimm, prisutan je u hrvatskom frazemu *osjećati se kao Pepeljuga* i njegovom ruskom ekvivalentu *чувствовать себя как Золушка*. Riječ je o frazemima koji se odnose najčešće na skromnu, marljivu ženu koju se nepravedno zanemaruje i iskorištava. Fantastična bajka L. Carrola „Alisa u zemlji čudesa“ o doživljajima djevojčice Alise u neobičnom svijetu punom osebnih stvorenja osnova je usporedbe u frazemu *чувствовать себя как Алиса в стране чудес* kojim se opisuje zadivljena žena, preplavljena snažnim dojmovima.¹¹

⁸ <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=13459&page=27> (posjet 19.4.2015.)

⁹ <http://www.moljac.hr/biografije/reagan.htm> (posjet 14.4.2015.)

¹⁰ <http://glossmix.ru/psihologiya/samye-uyazvime-mesta-muzhchin-ot-a-do-ya> (posjet 16.4.2015.)

¹¹ U hrvatskom jeziku postoji frazem utemeljen na istoj pozadinskoj slici, ali nije ograničen u upotrebi s obzirom na spol referenta. Frazem *kao Alisa u zemlji čudesa (čuda)* odnosi se na osobu

U sljedećim primjerima vidljivo je kako u upotrebi funkcioniraju neki od antroponimskih rodno obilježenih frazema motiviranih likom iz bajke:

*Kako se iz direkcije nisu uopće pobrinuli da Lana sebe i Hrvatsku predstavi u što boljem svjetlu, na izboru su je ostale misice pitale dolazi li iz jako siromašne zemlje. **Osjećala se kao Pepeljuga.** (G¹²); Она, **как Золушка.** Тихо и скромно делает свою нелёгкую работу и находится всё время в тени. (G¹³); «Я чувствую себя, **как Алиса в стране чудес**», - заявила прима-балерина Кубинского национального балета, после посвящённого ей вчера в столице РФ гала-концерта в честь её 90-летнего юбилея. (G¹⁴).*

2.4. Određen broj frazema u prikupljenom korpusu ruskih i hrvatskih rodno obilježenih frazema a ženskim imenom kao sastavnicom čine frazemi čiju antroponimsku sastavnicu možemo povezati s nekom stvarnom osobom ili likom koji je dio opće popularne kulture.

Hrvatski frazem *mršava kao Twiggy* (*Tvigica*) utemeljen na usporedbi mršave žene s konkretnom ženskom osobom. Lesley Lawson, poznatija kao Twiggy, modna ikona 60-tih godina 20. stoljeća, legendarna je manekenka koja je svojim izgledom nametnula mršavost kao ideal ljepote koji je vrlo brzo postao prihvaćen i poželjan, ponajviše u svijetu profesionalnih modela. Činjenica je da u naivnoj slici svijeta ideal ženske ljepote ipak odstupa od takve pretjerane mršavosti i podrazumijeva da žena mora imati barem umjereno izražene obline te se ovaj frazem često koristi s ironičnim prizvukom. Pritom treba napomenuti da se u hrvatskom razgovornom jeziku antroponim *Twiggy* i njegov fonetski adaptirani oblik *Tvigica* koriste u prenesenom značenju kako bi se njima imenovala pretjerano mršava ženska osoba. Sljedeći primjer ilustrira značenje ovog poredbenog frazema i njegovu rodnu ograničenost u upotrebi:

*Katie Holmes je pokrenula govorkanja o tome da ima problema s poremećajem u prehrani nakon što se pojavila na premijeri svog novog filma "Don't Be Afraid Of The Dark" **mršava kao Twiggy.** (G¹⁵).*

koja nije u potpunosti u doticaju s realnošću, ne ponaša se u skladu s realnošću, ima nerealne poglede na život. U posljednje ga vrijeme susrećemo najčešće u publicističkom diskursu pri ironičnom opisu ponašanja političara koji daju neostvariva obećanja i ponašaju se kao da žive u svijetu mašte.

¹² <http://www.24sata.hr/domace-zvijezde/lana-na-izboru-za-miss-svijeta-osjecala-sam-se-kao-pepeljuga-334688> posjet 25.4.2015.)

¹³ <http://mants.ru/word/view/4459> (posjet 16.4.2015.)

¹⁴ <http://www.mk.ru/culture/article/2011/08/08/612563-iolanta-xx-veka.html> (posjet 15.4.2015.)

¹⁵ <http://www.index.hr/xmag/clanak/katie-holmes-mrsava-kao-stapic-u-njezinom-dubokom-dekolteu-nema-ni-traga-oblinama/558424.aspx> (posjet 15.4.2015.)

Sintagma *Anka partizanka* u jezicima naroda bivše Jugoslavije povezivala se s legendama i pjesmama o hrabrosti mlade partizanke Anke. Ona je postala svojevrsni protipni lik koji je predstavljao sve žene pripadnice Narodnooslobodilačke vojske u Drugom svjetskom ratu. Nakon raspada SFRJ, proglašenja neovisnosti Republike Hrvatske i promjene društvenog ustroja leksem partizanka u hrvatskom jeziku poprima negativnu konotaciju jer se povezuju prije svega s Komunističkom partijom koja je bila na čelu antifašističkog revolucionarnog djelovanja i s političkim sustavom totalitarne jednostranačke vlasti koju je Komunistička partija imala na području bivše Jugoslavije u godinama koje su uslijedile. Stoga se u hrvatskom jeziku sintagma *Anka partizanka* počela koristiti s ironičnim prizvukom kao frazem koji se odnosi na ženu povezanu s lijevom, socijaldemokratskom političkom ideologijom koja se u naivnoj slici svijeta govornika hrvatskog jezika povezuje s komunizmom. Vidljivo je to u sljedećem primjeru upotrebe:

U Saboru, gdje je izabrana prije godinu dana, odlikovala se ponašanjem “Anke partizanke”, nabrušene, ratoborne, isključive i poslušne partijke. (G¹⁶).

U ovoj podskupini nalazimo i ruske frazeme motivirane ironičnim preosmišljavanjem lika iz stripa o pustolovinama pametne i snalažljive djevojčice Maše koja nalazi izlaz iz svake problematične situacije. Strip je izlazio u časopisu „Чиж“ 30-tih godina prošlog stoljeća (Мокиенко, Никитина 2018: 359). Frazem *как умная Маша* [вести себя, делать что и т. п.] koristi se u značenju ‘naivno, neinteligentno [ponašati se, činiti što itd.]’, a supstantivni frazem *умная Маша* označava priprostu, priglupu i/ili naivnu ženu kao što je vidljivo u sljedećim primjerima upotrebe:

Там в раздевалке у меня украли сумочку со всеми документами и золотыми серёжками, которые я как умная Маша сняла и оставила. (G¹⁷); *Наверное, потому, что умные Маши следуют вашему совету - ищут женихов среди уже состоявшихся.* (G¹⁸).

3. Muška imena u antroponimskoj rodno obilježenoj frazeologiji hrvatskoga i ruskog jezika

U rodno obilježenoj frazeologiji antroponim koji se odnosi na muškarca najčešće ima ulogu pokazatelja simetričnosti roda i spola referenta na koji se

¹⁶ <http://www.hsp1861.hr/vijesti1/010929jl.htm> (posjet 1.4.2015.)

¹⁷ <http://health.passion.ru/khoroshee-samochuvstvie/obraz-zhizni/kak-podgotovitsya-k-pokhodu-v-banyu.htm> (posjet 17.5.2015.)

¹⁸ <http://forum.moya-semya.ru/index.php?showtopic=68529&st=620> (17.5.2015.)

frazem odnosi, što znači da se takav frazem u upotrebi koristi isključivo ili najčešće za osobu muškoga spola. Za razliku od brojnih rodno obilježenih antroponimskih frazema obaju analiziranih jezika koji se odnose na ženu kao referenta, na muškarca kao referenta ukazuje 16 frazema što čini 39% ukupnog korpusa prikupljenog za analizu.

3.1. U prikupljenom korpusu hrvatskih i ruskih rodno obilježenih frazema s muškim imenom kao sastavnicom najzastupljeniji su frazemi čija je antroponimska sastavnica povezana s književnošću.

Dva ruska frazema svojom antroponimskom sastavnicom upućuju na likove iz ruskih narodnih bajki. U frazemu *Кощей Бессмертный* jako mršav, obično stariji muškarac metaforički je poistovjećen s likom iz ruskih narodnih bajki, zlim čarobnjakom koji posjeduje tajnu besmrtnosti. Obično se prikazuje kao krajnje mršav, koščat starac koji liči na kostur. Postoji više različitih pretpostavki o podrijetlu imena *Кощей*, a jednom od najvjerodostojnijih smatra se ona koja ga povezuje s leksemom *кость* i na taj način povezuje ime s njegovim karakterističnim izgledom (РБЛС: 275). Frazem *Иванушка-дурачок* može se povezati s jednim od glavnih likova ruskih narodnih bajki. Ime *Иванушка* predstavlja hipokoristik najučestalijeg ruskog muškog imena *Иван*, a leksem *дурачок* ('budalica') oslikava njegov karakter. Riječ je o najmlađem sinu, obično od trojice, koji se za razliku od svoje starije braće na početku bajke redovito prikazuje kao naivan i priglup mladić. Međutim, radnja se dalje redovito razvija na način da Ivanuška nakon mnogih iskušenja svojom hrabrošću, dobrotom i poštenjem izlazi kao pobjednik, ženi se carskom kćeri i dobiva polovicu carstva (РБЛС: 216). Smatra se da ovaj lik na određeni način predstavlja ruski nacionalni karakter pa frazem, iako se odnosi ne slabu inteligenciju kao negativnu karakteristiku, nema toliko izraženu negativnu konotaciju.

Poveznicu s bajkom nalazimo i kod ruskog supstantivnog frazema *Синяя Борода* koji se odnosi na strogog, zahtjevnog i izrazito ljubomornog muškarca. Njegovo podrijetlo povezuje se sa starofrancuskom pričom koju je 1697. godine obradio i objavio francuski bajkopisac C. Perrault pod nazivom „La Barbe bleue“ (rus. «Синяя Борода»). Riječ je o neobično surovoj bajci o vitezu koji u bijesu ubija svoju prvu suprugu, a zatim i pet sljedećih jer su se, vođene znatiželjom, oglušile na njegovu zabranu ulaska u sobu dvorca u kojoj se odigralo prvo ubojstvo. Pravilo je prekršila i njegova sedma žena, ali su je od iste okrutne sudbine uspjela spasiti njena braća. Sintagma se u upotrebi proširila i frazeologizirala nakon što je po istom motivu J. Offenbach skladao popularnu istoimenu operetu 1866. godine (Сепов 2005: 696). Zanimljivo je da značenje ovog frazema kao neizostavni element sadrži ljubomoru kao dodatnu osobinu strogog supruga, iako za taj element značenja zapravo ne postoji uporište u bajci prema kojoj je nastao.

Ruska nacionalna književnost izvor je motivacije nekoliko frazema s antroponomskom sastavnicom. Frazem *Ванька-Каин* odnosi se na muškarca kojeg karakteriziraju lukavost, nepoštenje, zloba i nemoralnost zbog čega često krši zakone i sustav društveno prihvaćenih općeljudskih i moralnih vrijednosti. Prema vremenu nastanka frazem je prilično star i nije čest u svakodnevnom govoru, ali nerijetko ga nalazimo u publicističkom diskursu s ironičnim prizvukom u kontekstu opisa suvremene političke i društvene scene. Podrijetlo frazema dovodi se u vezu s imenom lika iz ruske književnosti 18. stoljeća nastalog prema stvarnoj osobi, Ivanu Osipovu Kainu, poznatom lopovu i razbojniku koji je kao doušnik određeno vrijeme radio za policiju, ali je naposljetku zbog svojih nedjela ipak osuđen i prognan u Sibir. Kao književni lik predstavlja svojevrsni amalgam stvarne osobe kao predloška i Cartouchea, lika iz francuske književnosti nastalog također po uzoru na stvarni lik razbojnika iz 17. stoljeća.¹⁹ Frazem *дядя Стёпа* povezuje se s omiljenim junakom sovjetske dječje literature iz istoimene poeme S. Mihalkova iz 1935. godine poznatim po svojoj visini, ali i snazi, dobroti i pravednosti (РБЛС: 181).

Frazem *<сильный (могучий)> как Илья Муромец* koji se upotrebljava sa značenjem 'vrlo snažan' utemeljen je na pozadinskoj slici koja se može povezati s ruskim narodnim epskim stvaralaštvom. Naime, junaci takve književnosti opisuju se kao izvanredno lijepi, snažni i hrabri muškarci, idealizirani heroji ruske povijesti, a *Илья Муромец* jedan je od njih i ujedno jedan od najistaknutijih junaka ruskih narodnih pjesama.

Lik iz internacionalne književnosti javlja se u pozadini poredbenog frazema *ревнивый как Отелло*. Njime se opisuje muškarac koji u odnosu sa ženom stalno sumnja u njenu vjernost zbog izuzetne ljubomore, a utemeljen je na usporedbi takvog muškarca s likom koji vođen strašnom ljubomorom ubija svoju suprugu u poznatoj tragediji „Othello“ W. Shakespearea iz 1604. godine. Isti motiv poznat je i zbog popularnosti istoimene Verdijeve opere iz 1884.

Značenje i konotacija nekih od navedenih frazema motiviranih književnošću i njihova rodna ograničenost vidljivi su iz sljedećih primjera upotrebe:

Что значит худой? Кощей Бессмертный, что-ли? Вот у меня муж стройный, но не костлявый. (G²⁰); – Будто в сказке! – ухмыльнулся Андрей. Был Иванушкой-дурачком, а стал финансовым магнатом. (G²¹).; Именно поэтому тысячу лет назад русский народ избрал для себя православие – веру, требующую наивысшего напряжения душевных сил. А если не станет на Руси подвижников и молитвенников, а останутся одни Ваньки-Каины, то доведут-таки они наше Отечество до самоубийства. (G²²); Ревнивый,

¹⁹ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/966/Ванька (posjet 25.4.2014.)

²⁰ <http://www.woman.ru/relations/men/thread/4369836/> (posjet 16.4.2015.)

²¹ <http://www.proza.ru/2010/02/12/431> (posjet 16.4.2015.)

²² http://gazeta.aif.ru/_online/aif/1193/13_01 (posjet 15.4.2015.)

как Отелло, он бы охотно заточил свою прелестную супругу в четырёх стенах... (G²³).

3.2. Nekoliko hrvatskih i ruskih rodno obilježenih antroponimskih frazema u svom sastavu ima muško osobno ime koje upućuje na mitologiju.

Hrvatski frazem *lijep kao Apolon* sa značenjem 'vrlo lijep (naočit)' i njegov ruski strukturni i značenjski ekvivalent *красивый как Аполлон* utemeljeni su na usporedbi s grčkim bogom Apolonom, bogom ljepote, sunca, mudrosti i umjetnosti. Apolon je bio miljenik Zeusa, a njegova ljepota i brojne veze sa smrtnim i besmrtnim ženama i muškarcima bile su predmet zavisti drugih bogova. U ruskom frazemu *Аполлон Бельведерский* sa značenjem 'vrlo lijep (naočit) muškarac' ljepota muškarca povezuje se s umjetno stvorenom ljepotom, tj. idealiziranim prikazom ljepote koji je stvorio čovjek. Apolon, grčki bog ljepote, u umjetnosti se prikazivao kao prekrasan, skladno građen mladić, a jedna od najpoznatijih skulptura koje ga prikazuju pronašla je svoje mjesto u dubinskoj strukturi ovoga ruskog frazema. Frazem *<сильный (могучий)> как Геркулес* sadrži usporedbu snažnog muškarca s Heraklom²⁴, polubogom i najvećim junakom grčke mitologije koji predstavlja personifikaciju nadljudske snage.

Sljedeći primjeri ilustriraju značenje, konotaciju i rodnu ograničenost nekih od navedenih antroponimskih frazema motiviranih likovima iz mitologije:

*У očima hipnotiziranih pripadnica ruske aristokracije Rasputin je bio **lijep kao Apolon**.* (G²⁵); *Когда невооружённый, но **сильный, как Геркулес**, противник стоит против вооружённого пистолетами труса, то трус бежит и на приличном расстоянии расстреливает все свои патроны.* (G²⁶).

3.3. Dio hrvatskih i ruskih rodno obilježenih antroponimskih frazema koji kao sastavnicu sadrže muško osobno ime ili izvedenicu od imena moguće je povezati s Biblijom.

Frazemi u *Adamovu kostimu* i *в костюме Адама* opisuju nagost muškarca, a utemeljeni su na biblijskom motivu koji govori o Adamu, praocu čovječanstva, koji je u rajskom vrtu zajedno s Evom sve do njihova grijeha bio potpuno gol bez osjećaja srama. Biblijski motiv nalazimo i u frazemu *<сильный (могучий)> как Голиаф* sa značenjem 'vrlo snažan' utemeljenom na usporedbi s Golijatom, snažnim gorostasom kojeg je David ubio praćkom. Ruski frazem *Иосиф Прекрасный* koristi se sa značenjem 'vrlo lijep (naočit) muškarac /ob.

²³ http://knigi-fb2-epub.ru/book/42119_nedostoynye-znatnye-damy/Page-8.html?read=1 (posjet 17.4.2015.)

²⁴ U rimskoj mitologiji Herkul (lat. Hercules).

²⁵ <http://www.forum.hr/showthread.php?t=584363&page=2> (posjet 1.4.2015.)

²⁶ <http://lugovoy-k.narod.ru/marx/06/046.htm> (posjet 25.4.2015.)

vrlo moralan i neporočan/²⁷. Biblijsko podrijetlo ovoga frazema upućuje na razlog zbog kojeg se on koristi kako bi se njime opisao izuzetno lijep muškarac koji se ne odaje porocima i iskušenjima. Josip Egipatski bio je omiljeni sin Jakova pa su ga njegova ljubomorna braća prodala trgovcima. Tako je Josip stigao u Egipat gdje je postao slugom u kući faraonova činovnika Potifara. Potifarova se žena zbog Josipove izuzetne ljepote zaljubila u njega i odlučila ga je zavesti, ali on ju je odbio ostajući vjeran svome gospodaru (Fouilloux 1999: 135). Sljedeći primjeri ilustriraju način na koji u upotrebi funkcioniraju neki od antroponimskih rodno ograničenih frazema s biblijskom motivacijom:

Lepeskog je policija privela u siječnju ove godine nakon što je nag plivao ispred kuće Ane Kurnikove, a potom u Adamovu kostimu prošetao ispred njezina doma. (G²⁷); Иван Ильич не пробольтается: даже под пытками от него не пойдёт сплетня. Он – Иосиф Прекрасный. Жены друзей на него, как сама понимаешь, вешались, а потом стучали на него мужьям. (G²⁸).

4. Zaključak

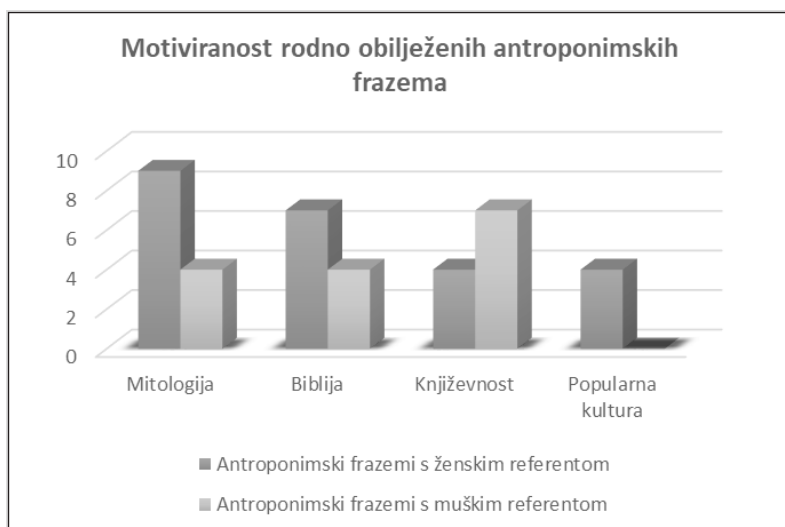
Kod mnogobrojnih antroponimskih frazema zbog njihove ustaljenosti i reproduktivnosti te dugotrajne upotrebe dolazi do proširenja semantičkog polja pri čemu se, između ostalog, pojavljuje asimetričnost roda antroponimske frazemske sastavnice i spola referenta na kojeg se frazem odnosi. Ipak, značajan dio antroponimskog frazeološkog korpusa rodno je obilježen na način da se frazemi s antroponimskom komponentom u upotrebi odnose isključivo ili bitno češće na referenta određenoga spola. Posljedica je to rodnog potencijala antroponimske komponente, specifične po tome što se odnosi na ime, prezime ili nadimak osobe, a samim time i na njen biološki spol te može vrlo eksplicitno ukazivati na spol referenta na koji se takav frazem odnosi.

Korpus rodno obilježenih antroponimskih frazema hrvatskoga i ruskog jezika činilo je 40 frazema (10 hrvatskih i 30 ruskih). Od toga se njih 24 (7 hrvatskih i 17 ruskih) odnosi na ženu kao referenta, a 16 (3 hrvatska i 13 ruskih) na muškarca kao referenta. Podskupina frazema s ženskim osobnim imenom ili izvedenicom od imena sastavnicom te podskupina frazema s muškim osobnim imenom ili izvedenicom od imena kao sastavnicom pokazuju veliku sličnost u motivaciji značenja, tj. dubinskoj strukturi frazema na temelju koje nastaje frazeološko značenje. Naime, obje podskupine motivirane su mitologijom, Biblijom i književnošću. Međutim, samo u podskupini frazema koji se odnose na ženu kao referenta nalazimo antroponimsku komponentu koja se odnosi na

²⁷ <http://www.index.hr/sport/clanak/muskarac-koji-je-pratio-kurnikovu-mentalno-bolestan/258994.aspx> (posjet 14.4.2015.)

²⁸ <http://www.litmir.info/br/?b=172064&p=7> (posjet 9.4.2015.)

stvarnu osobu koja s vremenom postaje dijelom popularne kulture. Pritom se u frazemima pojavljuju likovi koje možemo dovesti u vezu sa starogrčkom ili starorimskom mitologijom, slavenskom mitologijom, Biblijom, internacionalnim i nacionalnim bajkama, nacionalnom epskom književnošću, klasičnom svjetskom književnošću, nacionalnom dječjom književnošću, ali i stvarne osobe koje treba smatrati sastavnim dijelom popularne kulture. Sljedeći grafički prikaz pokazuje kakva je zastupljenost rodno obilježenih antroponimskih frazema motiviranih na spomenuta četiri načina te kakav je njihov međusoban odnos prema brojnosti s obzirom na spol referenta na koji se odnose.

Na kraju treba ipak istaknuti da motiviranost ovoga tipa frazema najvjerojatnije nije uzrok njihove rodne obilježenosti, a ograničenje u upotrebi s obzirom na spol referenta posljedica je samog frazeološkog značenja. Naime, koncept ljepote, na primjer, vezuje se prvenstveno uz ženski spol i smatra se sastavnim dijelom stereotipnog poimanja ženskosti kako u hrvatskoj tako i u ruskoj kulturi, te se stoga antroponimski frazemi *džepna Venera* i *Венера Милосская* isključivo upotrebljavaju za osobu ženskoga spola. Isto tako se uz muški spol u obje kulture veže, na primjer, snaga kao dio stereotipnog poimanja muškosti. Upravo to je razlog zbog koje se frazemi *<сильный (могучий)> как Геркулес* i *<сильный (могучий)> как Голиаф* koriste isključivo za referenta muškoga spola. Na taj način je moguće objasniti činjenicu da određen broj antroponimskih frazema ne doživljava proširenje semantičkog polja, čuva simetričnost roda i spola te ostaje rodno ograničen u upotrebi.

Korištena literatura

- МНМ = *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Ред. С. А. Токарев, электронное издание, 2008.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. 2008. *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: Олма Медиа Групп.
- Серов, В. 2005. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*, Москва: Локид-Пресс.
- РБЛС = *Россия. Большой лингвострановедческий словарь*. Ред. Ю.Е. Прохоров. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007.
- Fink, Ž. 2005: „Hrvatski frazem djevojka (Katica) za sve i njegovi ekvivalenti u ruskom jeziku“, VI *Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова (материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2004 г.)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет, 131-137.
- Fouilloux et al. 1999. *Rječnik biblijske kulture*. Zagreb: AGM.
- Rebić, A. 1992. *Biblijske starine*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.
- Vidović Bolt, I. 2011. „(A)simetričnost roda i spola u antroponimskih frazema“, *Slaven-ski jezici u usporedbi s hrvatskim II*. Zagreb: FF press, 265-270.

Anita HRNJAK

ANTHROPONYMS IN GENDER-MARKED PHRASEOLOGY OF CROATIAN AND RUSSIAN LANGUAGE

Summary

The article discusses anthroponymic phraseological components that have the distinct potential to explicitly point to a specific gender of a person the idiom refers to. In the anthroponymic gender-marked phraseology of Croatian and Russian language most often we find female or male names connected to the Bible or Greek and Roman mythology (*u Evinu kostimu, красивый как Аполлон* etc.). Other anthroponymic components that play an important part in the gender-marked phraseology of these two languages are female and male names of national and international fairy tales characters, national epic or international classical literature characters as well as names of real people who became a part of the contemporary popular culture (*царевна-Несмеяна, mršava kao Twiggy (Tvigica), дядя Стёпа, ревнивый как Отелло* etc.).

Svetlana KMECOVÁ

Filozofická fakulta

Univerzita Komenského

Bratislava, Slovensko

ŽENSKÉ ANTROPONYMÁ AKO KOMPONENTY SLOVENSKÝCH A SLOVINSKÝCH FRAZÉM

Abstrakt: V príspevku sa autorka zaoberá rozličnými konštrukčnými typmi slovenských a slovinských frazém, v ktorých zložení sa ako komponent nachádza ženské antroponymum, najčastejšie rodné (krstné) meno respektíve jeho deminutívna či hypokoristická forma, zriedkavejšie i priezvisko. Okrem frazém so stavbou syntagmy, ktorými sa príspevok primárne zaoberá, tvoria rozsiahlu a veľmi členitú skupinu takýchto jednotiek parémie, najmä príslovia, porekadlá a pranostiky. Takto špecifikovaný súbor frazeologických jednotiek potom analyzuje z rozličných hľadísk, skúma ich pôvod, motiváciu vzniku a pod. V analyzovanej skupine slovenských a slovinských frazém sa nachádzajú dvojice na rozličných stupňoch ekvivalencie – od absolútnych ekvivalentov, až po bezekvivalentné frazémy, ktoré sú z hľadiska kontrastívneho frazeologického výskumu najpozoruhodnejšie. Zistené podobnosti a rozdiely sa autorka pokúša, pokiaľ je to možné, interpretovať pomocou podobností a odlišností v slovenských a slovinských reáliách.

Kľúčové slová: slovenská frazeológia, slovinská frazeológia, antroponymum, žena, frazeologická ekvivalencia.

Mená sprevádzajú príslušníkov ľudského rodu už niekoľko tisícročí. Sú podstatnou súčasťou ľudskej identity a osobnosti. Možno povedať, že kto nemá meno, spoločensky neexistuje. Vlastné mená tvoria jednu zo základných vrstiev lexiky každého jazyka. Popri onomastike, pre ktorú sú hlavným predmetom výskumu, sa nimi zaoberajú viaceré vedné disciplíny – filozofia, logika, semiotika, sociológia, etnológia, psychológia atď. Rozličné prístupy spomínaných vedných disciplín viedli prirodzene k vzniku rozličných teórií vlastného mena, jednotnosť názorov však nevládne ani v samotnej onomastike, čo podľa M. Dobríkovej (2014: 28) „nevyplyva iba z heterogénosti tried vlastných mien, t. j. jednotlivých pomenovacích modelov, prípadne z diferencovaného prístupu k ich klasifikácii, ale najmä z odlišných hodnotení obsahovej, respektíve významovej stránky

vlastného mena, ktoré sa prezentujú nielen v súvislosti s propriálnym, ale aj apelatívnym kontextom.“

Slovenská onomastika sa začala výraznejšie rozvíjať v druhej polovici 20. storočia, a to najmä vďaka prácam V. Blanára, M. Majtána, M. Ivanovej-Šaligovej a. i. Základom teórie V. Blanára, ktorú zhrnul v monografii *Teória vlastného mena (Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii)* (1996) je chápanie vlastného mena ako jazykového znaku sui generis, predstavujúceho osobitný prípad nominácie, ktorého dominantnou sémantickou funkciou je diferenciacnosť a ktorého postavenie v jazyku charakterizujú dve protichodné, ale navzájom na seba pôsobiace tendencie – ustavičná interakcia vlastných mien s ostatnou lexikou a polarizácia vlastných mien vo vzťahu k apelatívam. Problematike vlastných mien v slovenskej frazeológii sa z rozličných aspektov venovali napríklad J. Mlacek, J. Glovňa, K. Habovštiaková, I. Ripka, J. Skladaná a. i. Komplexne túto problematiku spracovala M. Dobríková v monografii *Vlastné meno ako komponent slovenských a bulharských frazém* (2008, 2014), ako aj vo viacerých čiastkových štúdiách. V článku *Antroponymický komponent v slovenskej a slovinskej frazeológii* (2003) poskytla veľmi prehľadnú kategorizáciu skúmaných frazém a komentovala paralelné modely ich tvorenia a v nich prebiehajúci proces apelativizácie vlastných mien. Náš príspevok bude preto akýmsi nadviazaním na spomínaný článok.

V súvislosti s vývinom slovinskej onomastiky A. Šivic-Dular (2002: 21) píše, že je v nej tradične silne zakotvená filologická kategorizácia vlastných mien a pri objasňovaní ich pôvodu a významu sa využíva historický prístup, takže má ešte stále skôr funkciu pomocnej vedy pre iné vedné disciplíny. V poslednom období sa však predsa len začínajú uplatňovať náhľady na onomastiku ako autonómnu výskumnú oblasť. Prevláda tu teória, že vlastné mená tvoria relatívne samostatný podsystem, ktorý sa svojimi formálnymi, sociolingvistickými a najmä významovými vlastnosťami odlišuje od tzv. sémantického jazykového podsystemu. Vlastné mená podľa tejto teórie nemajú lexikálny, ale iba funkčno-kategoriálny význam, ktorý umožňuje identifikáciu a individualizáciu určitej entity. K najvýraznejším osobnostiam novodobej slovinskej onomastiky patria F. Ramovš a F. Bezljaj. Vlastné mená (najmä antroponymá) ako komponenty frazém v slovínčine systematicky skúmal J. Keber. Jeho publikácia *Leksikon imen* (1996) a ďalšie čiastkové výskumy boli jedným z najdôležitejších prameňov pre tento príspevok.

V. Blanár (1996: 11, 12) konštatuje: „Podobne ako všeobecné mená, aj vlastné mená vyrastajú zo systému národného jazyka“, z čoho vyplýva, že sú i nositeľmi špecifických informácií o kultúre používateľov daného jazyka a ako také vstupujú ako komponenty i do frazeologických jednotiek. Vo frazeologickom fonde všetkých jazykov nachádzame množstvo frazém s toponymickými, hydronymickými, antroponymickými či ďalšími onymickými

komponentmi. Príznačková pozícia vlastných mien v opozícii *apelatívum: proprium* a vyššie spomenutá problematika hodnotenia ich obsahovej, respektíve významovej stránky vedie i k diskusiám týkajúcim sa postavenia a funkcie vlastných mien ako komponentov frazeologických jednotiek a zmien, ktoré pri ich vstupe do frazémy nastávajú. R. Žilová (2003: 253) v tejto súvislosti píše: „Pri frazeologizácii strácajú vlastné mená funkciu individuálnej charakterizácie osôb a rôznych predmetov. Hlavná funkcia – konkretizácia a individualizácia – ustupuje do úzadia. Do popredia sa dostáva sémantická charakteristika frazeologizmov.“ Opatrnejšie hodnotí proces frazeologizácie v súvislosti s vlastnými menami J. Skladaná (1994: 61): „Na jednej strane si vlastné meno vo frazéme ešte zachováva onomastické príznaky, na druhej strane sa už stáva apelatívom.“ M. Dobríková (2014: 38) o onymických komponentoch vo frazémach a frazeotextémach konštatuje, že „ich potenciálny (referenčný) význam inak rezonuje vo frazeologických europeizmoch (internacionalizmoch), odlišný charakter má v paremiologickej, nárečovej či slangovej frazeológii.“

V našom príspevku sa budeme venovať syntagmatickým frazeologickým jednotkám v slovenčine a slovinčine, ktoré obsahujú vo svojom komponentovom zložení ženské antroponymá, teda ženské osobné mená, ako aj odvodeniny z nich. Za osobné mená sa považujú rodné či krstné mená, priezviská, prezývky, ako aj pseudonymy a tzv. domové mená. Z nich sa v analyzovanom súbore frazém najčastejšie vyskytujú rodné mená, často ich deminutívne či hypokoristické formy, zriedkavejšie aj priezviská. Príklady sme získali z výkladových a frazeologických slovníkov a paremiologických zbierok uvedených v prameňoch. Takto špecifikovaný súbor frazeologických jednotiek analyzujeme z rozličných hľadísk, skúmame ich pôvod, motiváciu vzniku, frazeologickú ekvivalenciu a zistené podobnosti a rozdiely sa pokúšame, pokiaľ je to možné, interpretovať pomocou podobností a odlišností v slovenských a slovinských reáliách. V príspevku používame slovenskú frazeologickú terminológiu. Keďže vo viacerých jednotkách sú pri onymických komponentoch možné ortografické varianty s veľkým i malým začiatočným písmenom, uvádzame variant, v ktorom sme danú frazému zaznamenali častejšie.

Podľa niektorých názorov vznikla väčšina ženských rodných mien z mužských, J. Keber (1996: 38) však konštatuje, že dnešný stav tomu nenasvedčuje a existuje množstvo pôvodných ženských mien. Viaceré ženské rodné (krstné) mená, ako aj ich deminutívne či hypokoristické formy, nadobudli v jazyku ďalšie významy, často podľa svojich známych nositeľiek, s ktorými sú späté rozličné, zväčša negatívne konotácie, pričom vo väčšine prípadov (nie vo všetkých) prebehol i proces apelativizácie, čo je zrejme i z ortografie, keďže sa v týchto významoch často píše s malým začiatočným písmenom. Niekedy sa stali i komponentmi frazeologických jednotiek. Mohli by sme povedať, že v týchto prípadoch ide o akúsi formu antroponymickej meraforu, pričom

relatum už nemusí byť známe. Príkladov je v oboch skúmaných jazykoch viacero, niektoré sa používajú ekvivalentne, ďalšie nachádzame iba v jednom z nich. *Xantipa*: *ksantipa* je podľa KSSJ (2003: 895) a rovnako i podľa SSKJ (1994: 463) „neznášateľná, hašterivá žena“. Lexéma *dora* má v slovenčine význam „nešikovná dievča, nešikovník (často v nadávkach)“ (SSSJ1 2006: 730). V súčasnej slovinčine ju už v tomto význame nenájdeme, podľa Pleteršnika (SNS1 2006: 159) sa však dávnejšie používala ako nadávka žene (bližšie nešpecifikované). *Rebeka* (podľa Rebeke, manželky patriarchu Izáka) je „prefikovaná, výbojná, jazyčnatá žena“ (KSSJ 2003: 612), *Magdaléna* zase prenesene znamená „žena, ktorá ma za sebou hriešny život“ (SSJ2 1960: 76). Do tejto skupiny možno zaradiť i lexémy *fúria* (podľa starorímskej bohyně pomsty) s významom „rozzúrená, zlostná, zlá žena“ (SSSJ1 2006: 1033) a *mege* (podľa jednej z Erínyí, bohýň pomsty v gréckej mytológii), pri ktorej v SSSJ3 (2015: 170) nájdeme definíciu: „zlá, zúrivá, závistlivá žena“. V podobnom význame sa výrazy *furija* a *mege* používajú i v slovinčine.

V slovinskom jazyku možno v týchto súvislostiach uviesť napríklad lexémy *micka* (odvodené od mena Marija) s významom „žena, dievča“ (SSKJ 1994: 550)¹, *avša* (odvodené od mena Elizabeta) značí „hlúpa žena“ (SSKJ 1994: 27), podobný význam „trochu nešikovná, hlúpa žena“ má i lexéma *urša* (SSKJ 1994: 1469). V staršej slovinčine sa lexémou *neža* (odvodené z mena Agnes) zvykol označovať „precitlivený, rozmazaný, zženštilý človek“ (SNS1 2006: 705), *mojca* sa používalo vo význame „dievča, milá“ (Keber 1996: 367). Lexémy *sibila* a *pitija* nesú významy „veštkyňa“ (SSKJ 1994: 1216) a „žena, ktorá veští, prorokuje“ (SSKJ 1994: 846). *Magdalena* je žena so zlou povestou, „ľahká žena“ (SSKJ 1994: 513). Pri všetkých uvedených významoch možno konštatovať vysoký stupeň expresivity, vo viacerých prípadoch ide o pejoratívne výrazy. V tejto súvislosti uvedieme ešte jeden príklad, ktorý názorne ilustruje vplyv mimojazykových faktorov na vznik niektorých pomenovaní a je príkladom veľmi tvorivého používania jazyka, a to napriek tomu, že jeho používanie bolo časovo a lokálne obmedzené. Slovník živej slovinčiny *Razvezani jezik* (2007: 23) uvádza pri hesle *esmeralda* nasledovnú definíciu: „Familiárne pomenovanie budovy Slovinskej hospodárskej komory v Ľubľane. Budova rástla súčasne s popularitou televízneho seriálu *Esmeralda*. *Esmeralda* má zelené oči, budova komory zase zelené okenné sklá.“

V prvej časti nášho príspevku sa budeme venovať slovenským a slovinským frazémam so ženským antroponymickým komponentom, ktoré majú pôvod v antickej mytológii, Biblii či všeobecných dejinách. Do tejto

¹ V tomto význame sa lexéma *micka* používa i v slovenčine, v tomto prípade však nejde o odvodeninu mena Mária, ale, ako uvádza i slovník (SSSJ1 2006: 423), o výraz synonymný s lexémami *cica*, *cicka* respektíve i *kočka*, ktoré sa používajú na neformálne označenie či oslovenie (pekného) dievčaťa a všetky majú významový súvis s lexémou *mačka*.

skupiny zaraďujeme i frazémy, ktoré ako komponent obsahujú meno všeobecne známej ženskej rozprávkovej postavy. Tieto jednotky majú spoločné to, že vo väčšine prípadov ide o frazeologické internacionalizmy, aj keď v niektorých prípadoch uplatnili v skúmaných jazykoch rozdielne. K. Kedron (2014, s. 135) v súvislosti s takýmito jednotkami uvádza, že „patria ku knižnému štýlu a sú málo frekventované, preto možno hovoriť o ich malom význame pre naivný obraz sveta“. S jej tvrdením možno do určitej miery súhlasiť, lebo frazémy tohto typu skutočne relatívne málo vypovedajú o konceptoch tvoriacich frazeologický obraz sveta, predsa však nemožno opomenúť, že práve na podobných slovných spojeniach sa zakladá naša kultúrna tradícia, z ktorej *vzišlo* tradičné chápanie ženy, muža a vzťahov medzi nimi. Ako ukazuje výskum, diskutabilná je i otázka ich frekventovanosti, keďže niektoré z nich sú naozaj živé a obľúbené u používateľov jazyka.

Do skupiny frazém, ktoré majú pôvod v antickej mytológii a histórii, patria jednotky „nielen všeobecne známe, ale v obidvoch porovnávaných jazykoch takmer identicky fixované do takej miery, že si z konfrontačného hľadiska nevyžadujú podrobnejší rozbor“ (Dobříková 2001: 89), kvôli úplnosti však uvedieme aspoň niektoré príklady a menšie odlišnosti. V oboch jazykoch ako absolútne či minimálne sa odlišujúce parciálne ekvivalenty existujú dvojice *Ariadnina niť* : *Ariadnina nit*, *Eridino jablko* : *Eridino jabolko* (alebo tiež *Paridovo jablko*, *jablko sváru* : *jabolko spora* (*razdora*), *Pandorina skrinka* : *Pandorina skrinjica* (*otvoriť Pandorinu skrinku* : *odpreti Pandorino skrinjico*), *byť medzi Scyllou a Charybdou* : *znajti se* (*krmariti*, *pluti*, *voziti*) *med Scilo in Karibdo*, *krásna ako Venuša* : *lepa kot Venera*. V slovenčine evidujeme i jednotky *hovoríť ako Sibyla* (*Pýtia*), *Sybiline proroctvá*, *pýtická odpoveď* (*veštbá*), *mlčať* (*tváriť sa*) *ako sfinga*, *byť tajomný* (*záhadný*) *ako sfinga*. Slovinské lexikografické zdroje tieto jednotky nezaznamenávajú, podľa príkladov z korpusu a z internetu však nie sú neznáme a minimálne niektoré z nich sa používajú. SSF (2011: 883) zaznamenáva i jednotku *Megerine solze* so synonymnou frazémou *krokodilove* (*krokodilske*) *solze*, takúto jednotku so ženským antroponymickým komponentom sme v slovenčine nezaevidovali. J. Skladaná (1994: 64) kladie tento typ frazeologických jednotiek zo všetkých frazém s onymickými komponentmi najnižšie na stupnici expresívnosti, čo sa potvrdzuje i v našom výskume.

Vo frazémach s pôvodom v Biblii a kresťanských dejinách je najčastejším ženským antroponymickým komponentom meno prvej ženy, ktorú stvoril Boh z Adamovho rebra, pramatky Evy. Samotné antroponym *Eva* nesie podľa SSSJ1 (2006: 919) i význam „akákoľvek, každá žena“ s expresívnym citovohodnotiacim kvalifikátorom, je teda symbolom ženy, ženstva. Je odvodeninou hebrejského slova *chaja* (žiť) respektíve *chavvá* (dávajúca život) a pôvodne nebolo vlastným menom (porovnaj Skladaná 2012: 223). Toto meno sa ako komponent vyskytuje

v niekoľkých internacionálnych frazémach. Frazeologická jednotka *Evine dcéry* : *Evine hčere* tak označuje ženské pokolenie všeobecne. SSKJ (1994: 269) uvádza túto jednotku i v singulárnom tvare *Evina hči* s modifikovaným významom ‚obyčajná žena so všetkými slabosťami‘. Rovnaký význam ‚ženské pokolenie‘ možno vyjadriť i ďalšou biblickou frazémou s antroponymickým komponentom, tentoraz mužským, a to *Adamovo rebro*, ktorá sa v identickej forme používa v oboch skúmaných jazykoch. Jednotkou *Evine deti* označujeme ľudské pokolenie všeobecne, v slovinčine sa používa v tvare *otroci Eve*, J. Keber (1996: 197) uvádza v tomto význame i jednotku *Evini sinovi*.

Na rozdiel od ostatných uvedených veľmi frekventovaná, a to nielen v literatúre či publicistike, je frazéma <byť> v *Evinom rúchu* : v *Evinem kostimu* (*Evini obleki*), ktorá znamená ‚bez šiat, nahá‘. Z príkladov jej použitia je zrejma silne eufemizujúca tendencia hovoriaceho. SSSJ1 (2006: 919) v súvislosti s touto jednotkou uvádza i lexikalizované spojenie *Eva pláž*, ktoré označuje oddelenú pláž pre ženy - nudistky. Podľa lexikografov síce nepatrí do frazeológie, je však zaujímavým príkladom toho, ako antroponymum, ktoré je komponentom spojenia, ovplyvňuje jeho význam všetkými asociáciami s ním spojenými.

Z ďalších ženských biblických mien nájdeme vo frazeológii meno matky Ježiša *Krista Panny Márie*. Meno *Mária* sa v Biblii vyskytuje viackrát, keďže ho však v oboch skúmaných jazykoch nachádzame najmä v ustálených spojeniach typu *Ježiš, Mária!* (i *ježišmária!*), *Ježiš, Mária, Jozef!*, *Mária panna!* v slovenčine a *O Marija!*, *Marija pomagaj!* *Marija sveta!* či len jednoducho *Marija!* (respektíve i s variantným komponentom *Marička*) v slovinčine, je zjavné, že je to práve Ježišova matka, na koho sa používatelia jazyka v týchto prípadoch obracajú. Tieto zvolania sa využívajú vo funkcii citosloviec vyjadrujúcich prekvapenie, údiv, zľaknutie, beznádej, rozhorčenie a pod. a frekvencia ich používania je v oboch jazykoch veľmi vysoká. Od biblických mien *Mária*, *Magdaléna* atď. bolo odvodených množstvo názvov rastlín, odrôd ovocia, názvov mníšskych rádov a pod., tieto výrazy však nepatria do frazeológie. Celkovo možno konštatovať, že vo frazeologických fondoch oboch jazykov nachádzame oveľa väčšie množstvo jednotiek obsahujúcich ako komponent mužské biblické antroponymum. V niektorých ďalších frazémach sa vyskytujú hypokoristické formy ženských biblických mien, tieto jednotky však už priamo s Bibliou nesúvisia, preto sa o nich podrobnejšie zmienime v ďalších častiach príspevku.

Do spoločného duchovného kultúrneho dedičstva môžeme zaradiť i všeobecne rozšírené rozprávky, postavy z nich sú archetypmi, ktoré sa takisto často uplatňujú v antroponymických metaforách, respektíve sa stávajú komponentmi frazeologických jednotiek. Apelativizovaná lexéma *popoluška* : *pepelka* tak v oboch jazykoch označuje skromnú, odstrkovanú ženu či dievča, ako aj zanedbávanú vec či jav. Aj keď ich nenájdeme v slovníkoch, spojenia typu

byť (citiť sa, pripadať si) ako Popoluška : biti (počutiti se) kot Pepelka sú v oboch jazykoch bežné. Podobne je to i s jednotkami *spať ako Šípková Ruženka : spati kot Trnuljčica*, ktoré sa nepoužívajú iba v súvislosti s osobami, ale v prenesenom význame ‚nenapredovať‘ i v súvislosti s javmi, inštitúciami, myšlienkami a pod., napríklad:

„Reforma vzdelávania *spi ako Šípková Ruženka*.“ (Zdroj: Internet)²

„Nov fužinski dom za starejše občane te zimske mesece *spi kot Trnuljčica*, namesto da bi že odprl vrata.“ (Zdroj: KGF)³

Najpozoruhodnejšiu skupinu skúmaného korpusu frazém tvoria frazémy, ktoré majú pôvod v dejinách, zvyklostiach, kultúre či ľudovej slovesnosti oboch národov a ktoré nachádzame iba v jednom zo skúmaných jazykov, pretože vypovedajú o jedinečnej skúsenosti jeho používateľov. Možno ich rozdeliť do dvoch kategórií, ako bude zrejmé z ďalších častí príspevku. V prvej z nich k danej frazéme môžeme nájsť v druhom jazyku významový ekvivalent, avšak vo väčšine prípadov bez onymického komponentu. Do druhej skupiny môžeme zaradiť bezekvivalentné frazémy, ktoré vychádzajú z reálií daného národa.

Pomerne častým antroponymickým komponentom slovenských frazém je *Dora*, skrátená domácka forma ženského mena *Dorota*, z nich azda najpoužívanejšou je jednotka *sprostá Dora* (i *Dora sprostá*). Podobný význam ‚hlúpy človek‘, ale i ‚človek so zanedbaným zovňajškom‘ má i frazéma staršieho dáta *Dora zo Sampora*, známa je i paremiologická jednotka *čakať ako Dora* <*na jelito*>, ktorou tiež môžeme charakterizovať primitívny výraz človeka, ktorý na niečo dychtivo čaká. Príznak hlúposti nie je obsiahnutý v jednotke *hojná Dora* s významom ‚bohatá nevesta‘, komponent *Dora* je tu použitý ako pars pro toto pre všetky ženy⁴.

Viacere frazeologické jednotky majú svoj pôvod v literárnych dielach, antroponymický komponent frazémy je menom (rodným menom či priezviskom, prípadne aj oboma) literárnej postavy. Jedným z príkladov v slovenčine je jednotka *Majka Tárarka* (podľa uvravenej dievčenskej postavy z rovnomennej knihy spisovateľky M. Ďuričkovej), ktorá má význam ‚žena, ktorá veľa rozpráva‘. Príklady použitia z internetu ukazujú, že práve túto jednotku si ľudia často vyberajú ako prezývku v chatoch na sociálnych sieťach.

Ďalšou jednotkou z tejto skupiny je frazéma <*byť*> *hladný ako Čenkovej deti* (podľa knihy F. Kráľa *Čenkovej deti*, ktorá patrí na Slovensku k povinnému

² <https://slovensko.hnonline.sk/213740-fronc-reforma-vzdelavania-spi-ako-sipkova-ruzenka> (18. 4. 2017)

³ <http://www.gigafida.net/Concordance/Search?p=1&q=kot+trnuljčica> (29. 9. 2017)

⁴ O spôsoboch, akými sa antroponymické komponenty stali súčasťou paremiologických jednotiek bližšie pozri napríklad Dobříková 2001, Dobříková 2014.

čítaniu a je všeobecne známa) s významom ‚veľmi hladný‘. Jednotka sa často objavuje i vo variantnej forme <byt’> *hladný ako Čenkovej deti <na trinástej strane>* a pod., čiže s presným určením pasáže knihy, kde sa bieda a hlad detí opisuje. Napriek tomu, že dielo, v ktorom má spojenie pôvod, vzniklo v roku 1932, frazéma je v jazyku veľmi živá a často sa používa. Podobný význam majú i iné frazeologické jednotky, napríklad <byt’> *hladný ako vlk (pes)*, *hladný, že by aj klince pojedel* v slovenčine a *lačen kot volk*, *lačen, da bi vola pojedel*, *lačen, da se pajčevine delajo po želodcu komu* v slovinčine, avšak obraz hladných detí dodáva frazéma <byt’> *hladný ako Čenkovej deti* obzvlášť silnú expresivitu. V slovinčine sme podobnú jednotku s onymickým komponentom nezaznamenali.

Do ďalšej skupiny môžeme zaradiť jednotky, ktoré majú takisto pôvod v literatúre, avšak v inojazyčnej, konkrétne českej, počas rokov prežitých v spoločnom štáte však prirodzene prenikli i do slovenčiny. Prvým z nich je spojenie <vyzerat’, byt’ a pod.> *ako divá Bára* (podľa postavy z poviedky českej spisovateľky B. Němcovej) s významom ‚mať neupravený zovňajšok‘. Ďalšou, možno ešte známejšou a používanjšou, je frazéma *jačať* (*vrešťať*, *kričať* a pod.) *ako Viktorka u (zo, od) splavu*, ktorú hovorová slovenčina z češtiny preberá väčšinou i s nesprávnou gramatickou väzbou a používa sa vo význame ‚silno kričať‘. Zhodou okolností má pôvod takisto v diele B. Němcovej, tentoraz v knihe *Babička*, v ktorej vystupovala bláznivá *Viktorka* nariekajúca nad svojím osudom. Keďže pozoruhodný bol aj jej zjav, niekedy sa jej meno vyskytuje i v prirovnaní *vyzerat’ ako Viktorka u splavu*, napríklad:

„Zrejme je vzdelana žena, ale to neznamena, ze moze byt dobrou manazerkou, ministerkou skolstva ... ale hlavne by sa mala dat upravit, ved *vyzera ako Diva Bara* alebo *Viktorka u splavu*!“ (Zdroj: Internet)⁵

Tieto jednotky sú hovorové a v lexikografických zdrojoch ich nenájde. Medzi slovenskými frazémami so ženským vlastným menom sme zaznamenali i ďalšiu frazému charakterizujúcu vzhľad osoby, a to *obliekat’ sa* (*vyzerat’*) *ako stará Blašková*, teda ‚vyzerat’, byť oblečený staromódne‘, ktorá takisto prenikla do slovenčiny z češtiny, kde je Blašková (Blažková) nositeľkou i ďalších negatívnych vlastností (hlúposť, naivita, hašterivosť, hundravosť a pod.) Podstatný vplyv na význam jednotky nemá onymický komponent, ale adjektívny komponent *stará*, keďže staroba sa v súvislosti so ženami všeobecne vníma negatívne.

V predchádzajúcich častiach príspevku sme spomínali frazémy, ktoré ako komponent obsahujú meno všeobecne známej rozprávkovej postavy. Slovenský frazeologický fond disponuje jednotkou, ktoré má pôvod v inonárodnej ľudovej

⁵ <https://www.aktuality.sk/diskusia/520216/novou-ministerkou-skolstva-ma-byt-exsefka-prognostickeho-ustavu/> (18. 4. 2017)

slovesnosti, v našom príspevku ju však zaradíme do tejto kategórie, keďže existuje iba v jednom zo skúmaných jazykov, čo je zrejme spôsobené rozdielnou politickou históriou oboch národov. Ide o frazému *Vasilisa Premúdra*, ktorej predobraz nájdeme v múdrej, krásnej a odvážnej ženskej postave z ruských bylín. Ako uvádza M. Dobříková (2003: 29), táto jednotka pôvodne vyjadrovala kladnú charakteristiku osoby, no v súčasnosti má výrazné ironické zafarbenie a označuje osobu, ktorá je premúdená, myslí si, že zjedla všetku múdrosť sveta, respektíve ktorá je hlúpa. Vysoký stupeň expresívnosti sa opäť dosahuje použitím jednotky na charakteristiku muža, napríklad:

„Vy ste odborník na všetko, vy ste *Vasilisa Premúdra* a žasnem, že zostávate v tomto parlamente - zareagoval na Matovičovú kritiku a výpočty Dušan Švantner zo SNS. (Zdroj: Internet)⁶

V podobnom ironickom význame sa používa frazéma s mužským antroponymickým komponentom *múdry ako Šalamún* (*Šalamúnove gate, riť a pod.*). V slovinčine ho vyjadruje lexéma *pametnjakovič*. Analogický proces nadobudnutia ironického odtienka prebehol i v jednotke *Jelena Prekrásna*, ktorá má takisto pôvod v ruských bylinách. Z ruských rozprávok, respektíve východoslovanskej mytológie do slovenčiny preniklo i spojenie *baba jaga*, ktoré je známe, najmä v tvare *jaga baba* i v slovinčine, nie však vo význame ‚zlá, škaredá, odporná žena‘ ako v slovenskom jazyku. V slovenskom frazeologickom fonde sme zaevidovali i staršiu jednotku *Herská Katarína* s významom ‚odvážna, nebojácna, rázna žena‘. Ako uvádza M. Dobříková (2003: 29), pôvod má v piesni o ruskej cárovnej Kataríne Veľkej.

Spomedzi slovinských frazeologických jednotiek tejto skupiny ako prvé uvedieme frazémy so ženským onymickým komponentom *jera*, ktorý predstavuje slovinský variant nemeckého mena *Gertruda*, a to *mila jera* s významom ‚bezradný, rezignovaný, neaktívny, nerozhodný, bojazlivý človek‘, respektíve i ‚človek so sklonmi fňukať, plakať‘ a *biti (držati se, cmeriti se, jokati a pod.) kot mila jera* teda ‚mať rezignovaný výraz‘. Slovenským ekvivalentom je frazéma bez onymického komponentu *tváriť sa ako Božie umučenie* (HSRPF 2006: 181). Podľa J. Kebra (2011: 300) na vznik týchto jednotiek vplýval i výraz *sirota Jerica*, ktorý má pôvod v ľudovej piesni, podstatným pre význam frazémy je však jeden z lexikálnych významov komponentu *mila*, a to ‚vzbudzujúci súcit, citové pohnutie‘ (SSKJ 1994: 552). Táto jednotka sa napriek ženskému menu vo svojom komponentovom obsadení bežne používa i v súvislosti s mužmi, napríklad:

⁶ <https://www.cas.sk/clanok/195218/matovic-bol-za-svoje-vyroky-na-posmech-narcis-a-vasilisa-premudra/> (18. 4. 2017)

„Janez Kocjančič, razvajena *mila jera*-cmera!“ (Zdroj: KGF)⁷

V uvedenom príklade je expresívnosť vyjadrenia vystupňovaná nielen použitím frazémy so ženským rodným menom na charakteristiku mužskej osoby, ale i kumulovaním výrazov s podobným významom⁸, ktoré sa navyše rýmujú.

Jednou z hypokoristických foriem ženského mena *Marija* používaných v slovinčine je *Mica*, táto sa spolu s priezviskom vyskytuje v spojeniach *Mica Kovačeva* s významom ‚človek, ktorý sa v krčme naje a napije, a potom zmizne bez zaplattenia‘ a *odkuriti jo kakor Mica Kovačeva*. Frazémy majú pôvod v slovinskej ľudovej piesni a napriek tomu, že sú staršieho dáta, príklady z internetu dokazujú, že sú frekventované. To isté platí o frazeologickej jednotke *izbirčna metka* s významom ‚prieberčivý človek, najmä dieťa‘, v ktorej je komponent *metka* odvodený od ženského mena *Marjeta*.

Ďalšou slovinskou frazémou so ženským onymickým komponentom je *debela berta*, ktorá má dva významy. Ide jednak o pomenovanie pre delo veľkého kalibru používaného v prvej svetovej vojne, ktoré pochádza z nemeckého vojenského žargónu, ešte zaujímavejší je však ďalší význam frazémy – ľudia takto totiž za čias socialistickej Juhoslávie nazývali prvý obchod za slovinsko-rakúskym hraničným prechodom Šentilj, kam chodili nakupovať pracie prášky, kávu, zábavnú pyrotechniku a pod. *Iti k debeli berti* potom mohlo znamenať nielen ísť do tohto obchodu, ale i ísť nakupovať do Rakúska všeobecne. Z príkladov z korpusu *Gigafida* a internetu je však zrejmé, že tento význam sa rozšíril a frazému *debela berta* nájdeme i vo význame ‚obchod v zahraničí, kam sa chodí za výhodnejšími nákupmi či lepším, kvalitnejším tovarom‘, napríklad:

„Če ste s čimerkoli že na tesnem, se zapeljite vsaj do Trsta in podajte v čudoviti svet Sephore, kjer vas bodo zasuli s testerji in morda tudi z reklamno majico Jeana Paula Gaultiera. Brez skrbi, dandanes vas *Debele Berte* pričakajo odprti vrat.“ (Zdroj: KGF)⁹

Staršou slovinskou frazeologickou jednotkou so ženským onymickým komponentom je *hreščati kakor vesna* s významom ‚silno, hlasno kašľať‘, podľa J. Kebra (1996: 483) je *vesna* z tohto frazeologického prirovnania ženská bájoslovná bytosť. Možno však konštatovať, že toto spojenie je v súčasnosti neznáme.

Aj keď to neplatí všeobecne o všetkých jazykoch, o slovenčine a slovinčine možno povedať, že v nich do konceptu „žena“ patrí i predstava smrti, čo má základ už v gramatickom rode lexémy *smrt'*: *smrt*, ktorý je v oboch jazykoch ženský. Zuzana Profantová (2001, s. 131) píše, že: „Najrozšírenejšia

⁷ <http://www.gigafida.net/Concordance/Search?p=3&q=mila+jera> (29. 9. 2017)

⁸ Lexéma *cmera* má podľa SSKJ (1994: 89) význam ‚ten, kto (rád) plače‘.

⁹ <http://www.gigafida.net/Concordance/Search?p=3&q=debela+berta> (29. 9. 2017)

predstava o smrti je Smrtka ako ženská bytosť odetá v bielom, zahalená bielou plachtou“. S tým korešponduje napríklad i slovenský jarný zvyk vynášania Moreny – ženskej slamenej figuríny symbolizujúcej zimu a smrť, pochádzajúci z pohanského obdobia či podobná slovinská obyčaj *žaganje babe*, pri ktorej takúto figurínu (babu) prepílili, a potom hodili do vody. Obraz smrti ako ženy je často prítomný i v rozprávkach, filmoch, či literatúre. Vo frazeológii sa reflektuje vo frazémach obsahujúcich explicitne „ženský“ komponent – v slovenčine ide napríklad o jednotky *čierna pani*, *tetka (tá) s kosou*, *zubatá si poňho prišla*, v slovinčine sú to frazémy *božja dekla*, *starka s koso* či *bela žena*. Slovinským špecifikom súvisiacim s témou nášho príspevku sú frazémy so ženskými onymickými komponentmi vyjadrujúcimi význam ‚smrť‘ či ‚zomrieť‘. Najznámejšími z nich sú frazémy s komponentom *matilda*, a to *matilda je pobrala (vzela) koga* respektíve *poljubiti (srečati) matildo* s významom ‚zomrel‘ a *matilda je povohala koga* so sémantikou ‚takmer zomrel, len o vlások unikal smrti‘. Janez Keber (2011, s. 506) v súvislosti s nimi uvádza, že „Matilda, známe kresťanské meno nemeckého pôvodu, nemá v nijakom inom jazyku význam ‚smrť‘“. Vznik frazémy datuje do obdobia druhej svetovej vojny, pričom ho odvíja od pomenovania, ktoré slovinskí partizáni používali pre guľomet. Peter Weiss (2013) k tomu dopĺňa, že na výber ženského onymického komponentu *Matilda* tu vplýval jednak fakt, že smrť je v slovinčine ženského rodu a jednak blízkosť tohto mena s nemeckými mužskými menami *Matthias* alebo *Matthäus*, ktoré sa v nemčine so smrťou ako mužskou postavou spájajú. Skutočnosť, že tieto frazémy nájdeme i v internetovom slovníku živej slovinčiny *Razvezani jezik*, ako aj početný výskyt frazémy v korpuse *Gigafida* naznačujú, že ide o živú a frekventovanú jednotku. Ďalšími slovinskými jednotkami so ženskými onymickými komponentmi označujúcimi smrť sú nárečové frazémy *Krampova Katra* z regiónu Gorenjska (táto frazéma je známa i vo variante s mužským onymickým komponentom *Krampov Matija*) a *Gajzerjeva Lenčka*, ktorá sa podľa J. Kebra (2011: 506) zvykla používať v Ľubľane a okolí.

Z hľadiska výstavby sú zaujímavé slovinské jednotky *avša avšasta* či *urša uršasta*. Ide o frazeologizované konštrukcie, v ktorých prítomnosť tautologického prvku výrazne umocňuje expresivitu významu ‚hlúpa, pochábná žena‘. Rovnaký postup sa uplatňuje i v slovenčine v spojeniach typu *hlupaňa hlúpa*, *sprostaňa sprostá* atď. s podobným významom, nezaznamenali sme však nijaké jednotky tohto typu so ženským vlastným menom. Identický význam vyjadruje napríklad už spomínaná slovenská menná frazéma *sprostá dora*.

Na záver možno konštatovať, že napriek príbuznosti slovenského a slovinského jazyka a mnohým paralelám v histórii a kultúre oboch národov sme v skúmanom súbore frazém obsahujúcich ako komponent ženské antroponymum našli viacero odlišností. Prirodzene, najviac ich bolo práve vo frazémach, ktoré majú pôvod v národných dejinách, literatúre či ľudovej slovesnosti. Tieto jednotky

síce obvykle majú v druhom z jazykov významové ekvivalenty, nie však také, ktoré by obsahovali antroponymickú zložku. V niektorých prípadoch tu môžeme hovoriť i o bezekvivalentných frazémach. Najčastejšie je komponentom frazémy ženské rodné (krstné) meno či jeho deminutívna alebo hypokoristická forma, menej časti o priezvisko. Frazém so ženským onymickým komponentom je vo všeobecnosti menej než s mužským, frazeologické jednotky, ktoré majú vo svojom komponentovom zložení ženské vlastné meno, sa však často používajú i vo vzťahu k mužom, čo zvyšuje ich expresivitu.

Použitá literatúra

- Blanár, V. 1996. *Teória vlastného mena (Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii)*. Bratislava: Veda.
- Blanár, V. 2009. *Vlastné meno vo svetle teoretickej onomastiky*. Martin: Matica slovenská.
- Dobríková, M. 2001. „Antroponymá v slovenskej a bulharskej frazeológii“, *K aktuálnym otázkam frazeológie*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, s. 88–97.
- Dobríková, M. 2003. „Antroponymický komponent v slovenskej a slovinskej frazeológii“, *Frazeologické štúdie 3*. Bratislava: Stimul, s. 26–32.
- Dobříková, M. 2014. *Vlastné meno ako komponent slovenských a bulharských frazém*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Habovštiaková, K. „Vlastné mená v pranostikách“, *Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien*. Nitra: Vysoká škola pedagogická Nitra, s. 65–68.
- Kažarnovič, M. 2014. *Onomastická metaforika v slovanských jazykoch (na materiáli slovenských a bieloruských mediálnych textov)*. Dizertačná práca. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave.
- Keber, J. 1996. *Leksikon Imen: izvor imen na Slovenskem*. Celje: Mohorjeva družba.
- Keber, J. 1997. „Ženska imena v Sloveniji“, *XXXIII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Zbornik predavanj*. Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, s. 33–44.
- Keber, J. 2002. „Rojstna imena, hišna imena, vzdevki, psevdonimi v Sloveniji“, *Jezikoslovni zapiski*, letnik 8, številka 2, s. 47–69.
- Kedron, K. 2014. *Genderové aspekty ve slovanské frazeologii (na materiálu běloruštiny, polštiny a češtiny)*. Praha: Univerzita Karlova v Praze.
- Mlacek, J. 1981. „Ustálené spojenia s vlastným menom“, *Kultúra slova*, roč. 15, č. 8, s. 264–270.
- Mlacek, J., Ďurčo, P. 1995. *Frazeologická terminológia*. Bratislava: Stimul.
- Mlacek, J. 2007. *Tvary a tváre frazém v slovenčine*. Bratislava: STIMUL.
- Profantová, Z. 2001. „Obraz smrti v slovenskom folklóre“, *Slovenská kresťanská a svetská kultúra*, Bratislava: Veda, s. 128–147.
- Skladaná, J. 1994. „Konotačný príznak vo frazémach s vlastnými menami z diachrónneho aspektu“, *Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien*. Nitra: Vysoká škola pedagogická Nitra, s. 61–64.
- Skladaná, J. 1999. *Slová z hlbín dávnych vekov*. Bratislava: Grand Multitrade.

- Skladaná, J. 2012. *Ukryté v slovách. Trinásť komnata a 131 tajomných slovných spojení*, Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá.
- Šivic-Dular, A. 2002. „Zgodovina imenoslovja v Sloveniji“, *Jezikoslovni zapiski*, letnik 8, številka 2, s. 7–27.
- Toporišič, J. 1974. „K izrazju in tipologiji slovenske frazeologije“, *Jezik in slovstvo*, roč. 19, č. 8, s. 273–279.
- Vrbinc, A. 2013. „(Ne)frazemskost angleških izlastnoimenskih frazemov v slovenščini“, *Frazeološka simfonija: Sodobni pogledi na frazeologijo*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, s. 199–207.
- Weiss, P. 2013. „Matilda v slovenski frazeologiji“, *Frazeološka simfonija: Sodobni pogledi na frazeologijo*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, s. 99–106.
- Žilová, R. 2003. „Vlastné meno ako komplement frazeologizmov“, *Vlastné meno v komunikácii*. Bratislava: Veda.

Pramene

- Dolar, K., Pangos, I. eds. 2014. *Razvezani jezik XXXY. Prosti slovar žive slovenščine*. Ljubljana: Društvo za domače raziskave.
- Fink Arsovski, Ž. et al. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: Knjigra. [HSRPF]
- Habovštiaková, K., Krošlákova, E. 1996. *Frazeologický slovník. Člověk a příroda vo frazeológii*. Bratislava: Veda.
- Keber, J. 2011. *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU [SSF]
- Korpus slovenskega jezika Gigafida*. Dostupné na: <http://www.gigafida.net> [KGF].
- Krátky slovník slovenského jazyka*. Red. J. Kačala, M. Pisárčiková. Bratislava: Veda, 2003. [KSSJ]
- Pangos, I., Pirman, A. eds. 2007. *Razvezani jezik. Slovar žive slovenščine*. Ljubljana: Društvo za domače raziskave.
- Pleteršnik, M. 2006. *Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja. Prvi del A – O*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU. [SNS1]
- Razvezani jezik, prosti slovar žive slovenščine*. Dostupné na: <http://razvezanijezik.org>
- Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Red. A. Bajec. Ljubljana: DZS, 1994. [SSKJ]
- Slovenský národný korpus – prim-7.0-public-all*. Dostupné na: <http://korpus.juls.savba.sk>
- Slovník slovenského jazyka*. Red. Š. Peciar, Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1959–1968. [SSJ1–5]
- Smiešková, E. 1988. *Malý frazeologický slovník*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G*. Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, 2006. [SSSJ1]
- Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L*. Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. Bratislava: Veda, 2011. [SSSJ2]
- Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N*. Red. A. Jarošová, K. Buzássyová. Bratislava: Veda, 2011. [SSSJ3]
- Zátarecký, P. A. 2005. *Slovenské príslovia, porekadlá, úslovia a hádanky*. Bratislava: Slovenský Tatran.

Svetlana KMECOVÁ

FEMALE ANTHROPONYMS AS COMPONENTS
OF SLOVAK AND SLOVENE PHRASEMES

Summary

In the paper the author deals with various construction types of the Slovak and Slovene phrasemes, the structure of which feature the component of a female anthroponym, mostly a proper (family, first) name, alternatively its diminutive or hypocoristic form, less frequently a surname. Besides the syntagma-based phrasemes, which are the main object of research in this paper, there is quite a varied group of such units belonging to paremiology, especially proverbs, sayings and weatherlores. Having specified the set of phraseological units, the author then analyzes them from various viewpoints, examines their origin, motivation of formation, etc. The group of the analyzed Slovak and Slovene phrasemes contains pairs on various levels of equivalency – ranging from absolute equivalents to non-equivalent phrasemes, which are in terms of contrastive phraseological research most noteworthy. The author tries to interpret the discovered similarities and differences as much as possible making use of the similarities and differences in the Slovak and Slovene cultural elements.

Barbara KOVAČEVIĆ
Ermina RAMADANOVIĆ

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
Zagreb, Hrvatska

FRAZEOLŠKA ORTOGRAFIJA – PROBLEM BILJEŽENJA VELIKOGA I MALOGA POČETNOG SLOVA

Apstrakt: U radu se promatra i propituje primjena pravopisnih pravila koja se odnose na veliko i malo početno slovo pri formiranju frazemskih natuknica u jednojezičnim općim rječnicima hrvatskoga jezika i specijaliziranim jednojezičnim frazeološkim rječnicima. Istraživanje je obuhvatilo i najnovije izdanje frazeološkoga rječnika koji je izišao u sklopu drugoga izdanja *Bibliografije hrvatske frazeologije* (2017.), a koji je pokazao nedosljednost u izvođenju frazemskih zapisa čak i od strane stručnjaka. U obzir su uzeta pravopisna pravila o pisanju velikoga i maloga početnoga slova novijih pravopisnih priručnika. Na razilaženja i neusklađenosti pravopisnih pravila o velikom i malom početnom slovu unutar kojega pravopisnog priručnika ili između različitih priručnika dodatno će se upozoriti.

Ključne riječi: hrvatski jezik, frazeologija, frazemi, pravopis, veliko i malo početno slovo

1. Uvod

Dopunjivanje i prerađivanje za tisak drugoga izdanja *Bibliografije hrvatske frazeologije* i *Frazeobibliografskoga rječnika*¹ ponovno je pokazalo teškoće i nedosljednosti u izvođenju frazemskih zapisa. S obzirom na to da je riječ o jezičnim stručnjacima, tj. o frazeolozima, potrebno je zapitati se u čemu je problem, može li ga se riješiti te na koji ga je način najlakše riješiti. Dakle, u ovom će se radu s jedne strane propitivati pravila o pisanju velikoga i maloga početnog slova sa stajališta pravopisne tradicije i prakse novijih pravopisnih priručnika (od devedesetih godina prošloga stoljeća), a s druge strane sa stajališta primjene tih pravopisnih pravila pri formiranju frazemskih natuknica u jednojezičnim općim rječnicima hrvatskoga jezika i specijaliziranim jednojezičnim frazeološkim rječnicima. Postoje mišljenja da je s frazeološkoga

¹ Trenutačno u pripremi za objavljivanje.

stajališta kod desemantiziranih i deonimiziranih imenskih sastavnica opravdano pisati malo početno slovo. I to je, složito ćemo se, sve dotle dok god si ne postavimo pitanje sustavnosti i dosljednosti primjene takvog načela, u redu. Međutim, treba se zapitati je li ono provedeno ili nije (kada i zašto) u hrvatskom frazeološkom sustavu, je li jasno, jednoznačno i primjenjivo na sve slučajeve te koliko je razumljivo i transparentno nefrazeolozima (a ponekad i frazeolozima).

Uz spomenutu *Bibliografiju hrvatske frazeologije* i *Frazeobibliografski rječnik* pri ovome su istraživanju u obzir uzeti frazemi iz općih jednojezičnih i specijaliziranih frazeoloških jednojezičnih rječnika, a promatrani frazemi provjereni su i u aktualnoj upotrebi pretraživanjem postojećih elektroničkih korpusa hrvatskoga jezika (*Hrvatska jezična riznica Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* (R), *Hrvatski nacionalni korpus* (HNK) i *Croatian web corpus* (hrWaC)) te preko mrežnoga pretraživača *Google* (G).

2. Teorijski okvir

Pravopisna pravila u sebi sadržavaju fonološku, morfonološku i morfološku normu, ali se odnose i na sintaktičku normu, tj. pravopisna norma u sebi dakle sadržava pravila koja se odnose na razinu riječi i na razinu rečenice. Uporaba velikoga i maloga početnog slova najkonvencionalnije je pravopisno poglavlje. Naime, da ne postoje pravopisna pravila o uporabi velikoga početnoga slova, pisana bi se komunikacija i dalje odvijala s razumijevanjem. Kad, dakle, govorimo o pravopisnim pravilima koja se odnose na pisanje velikoga početnoga slova još od Broza (1892.)² razlikujemo tri bitne cjeline: 1. Pisanje prve riječi u rečenici ili navodu, 2. Pisanje imena i 3. Pisanje riječi iz poštovanja ili počasti. Najveća se konvencija ogleda u pravilu o pisanju velikoga početnog slova na početku rečenice.³ Ili, drugim riječima, to veliko početno slovo možemo povezati i s interpunkcijskim pravilima, tj. točka, upitnik ili usklik na kraju rečenice indikatori su pisanja velikoga početnog slova prve riječi u rečenici koja joj slijedi. Pisanje riječi iz počasti također ne predstavljaju veći problem. Najveći se problem javlja u vezi s primjenom pravila koja se odnose na imena. I ona su također rezultat konvencije, ali i pravopisne tradicije u propisivanju tih pravila s obzirom na načela na kojima su nastala te izvanjezične zbilje i izvanjezičnih znanja. Na početku se poglavlja o velikom i malom početnom slovu donosi glavno pravilo koje kaže da se velikim početnim slovom pišu sva imena te

² „S velikim slovom početnim“ piše se „svaka prva riječ“, „imenice vlastite“ i „znak poštovanja“ (Broz 1892: 31–37).

³ „U svim drugim prilikama pisanje velikoga početnoga slova zavisi od jezične procjene onoga što treba napisati. Konvencija, u ovom slučaju pravopisna konvencija o pisanju velikoga slova, samo odražava određene jezične odnose, osigurava i na dogovoreni način pruža određenu jezičnu obavijest“ (Finka 1976: 128).

dodatno pravilo koje pod svoje okrilje stavlja višerječna imena/nazive, a u sebi sadržava dva potpravila: u imenima država, zemalja, gradova, sela i nebeskih tijela sve se riječi pišu velikim početnim slovom osim, naravno, veznika i prijedloga koji ne stoje na početku kojega imena i, drugo, u svim se ostalim imenima ili nazivima velikim početnim slovom piše samo prva riječ, a od ostalih riječi one koje su same po sebi osobno ime. Dakle, osnovna su načela i na njima zasnovana pravila o pisanju velikoga/maloga početnoga slova jednostavna i jasna te se tradicijski nalaze u svim hrvatskim pravopisima. Međutim, kad se u obzir uzme nepregledan opći korpus, ta su pravila, jer u sebi, među ostalim, sadržavaju znanje o jeziku i znanje o svijetu, ponekad veoma teško primjenjiva.⁴ To će, pokazat će se, potvrditi i frazeološki korpus.

Ovaj je rad usmjeren na pravopisna pravila o velikom i malom početnom slovu frazemskih sastavnica, a ona se odnose na jednu riječ ili na više riječi, tj. na jednorječna ili višerječna imena i na njihove izvedenice. Rečeno je već da je pravopisna konvencija neupitna, jasna i jednostavna, međutim, je li ju jednako tako lako i jednostavno primijeniti? Propitivat će se dakle njezina implementiranost u druge jezične priručnike, ponajprije se to odnosi na rječnike, od kojih nas trenutačno najviše zanimaju oni frazeološki.

O velikom i malom početnom slovu u imenima ne može se govoriti, a da se ne spomenu i onomastička istaraživanja. U našem su jezikoslovlju pod onomastičkim okriljem napisani mnogi radovi o antroponimima i toponimima kao centralnim onomastičkim kategorijama. Mnogi promatraju onime kao jezične jedinice koje su svojom tvorbom i uporabom postale dio drugih sustava, posebice terminološkoga ili frazeološkoga. Pritom, u novom okružju i kontekstu, imena doživljavaju različite preobrazbe, tj. „riječ u funkciji imena dodatno značenje dobiva u određenom semantičkom kontekstu koji nije onomastički. Taj kontekst je svaki onaj u kojemu ime kao jezični znak bez sadržaja, sa sadržajem koji je samo onomastički, dobiva neki novi sadržaj” (Peti 1999: 108). Frazeološka istraživanja onimske građe pokazuju da se oni u frazemima mogu pojaviti kao imenice ili kao pridjevi, a obuhvaćaju antroponime (osobno ime, prezime, nadimak), toponime (ojkonim, oronim, hidronim) te etnike i etnonime (usp. Opašić 2014: 501). Imena u frazemima ne funkcioniraju kao imena nego kao nositelji posebnoga frazemskog značenja (Peti 1999). Ona imaju jedan opći karakter, tj. u sastavu frazema više nemaju referencijalni karakter, gube svoju funkciju imena i dobivaju opće značenje (Raguž 1979) iako izvan frazema i dalje imaju funkciju imena. U svojem članku *Vlastita imena u frazeologiji* Dragutin Raguž prvi je spomenuo da bi se sva imena u frazeologiji mogla pisati malim početnim slovom upravo stoga što su izgubila referencijalnu funkciju.

⁴ Veliko je početno slovo na početku vlastitoga imena konvencija i to nitko ne osporava, ali „pravopis nipošto nije mjesto na kojem bi se trebalo rješavati pitanje što jest a što nije vlastito ime“ (Badurina 1996:68).

Iako antroponimi i toponimi u frazemima gube primarnu funkciju imenovanja oni motivacijom, tj. pričom u semantičkome talogu frazema utječu na formiranje frazemskega značenja.

Veliki je pomak u bilježenju onimskih sastavnica u frazemima, dakle, na frazeološko-teorijskom, a zatim i na frazeografskom planu donio članak Željke Fink *Hvatamo li za bradu Boga ili boga?* (2001.). Iz samoga naslova članka vidljivo je da je riječ o pravopisnoj bilježbi sastavnice *Bog* velikim ili malim početnim slovom u kanonskim oblicima frazema. Fink smatra da bi se u potpuno desementiziranim frazemima, tj. onima kod kojih niti jedna sastavnica nema svoje početno leksičko značenje (usp. Fink-Arsovski 2002: 7), sastavnica *Bog* uvijek trebala pisati malim početnim slovom. Takva distribucija bilježenja velikoga i maloga početnog slova sastavnice *Bog/bog* pretpostavljala bi da u frazeologiji, tj. pri izradi frazeoloških rječnika, postoje tri frazemske nadnatuknice BOG (1. opća imenica, pisana malim početnim slovom, 2. ime, pisano velikim početnim slovom, te 3. desementizirana, tj. deonimizirana sastavnica koja je frazeologizacijom promijenila zapis).⁵ Međutim, to do danas nije primijenjeno ni u jednom frazeološkom rječniku, već se svi frazemi s navedenim sastavnicama uvijek nalaze u jednom nadnatukničkom bloku. Mali se pomak frazeografskoj praksi vidi u *Frazeobibliografskome rječniku* koji je dio drugoga izdanja *Bibliografije hrvatske frazeologije* (2017.) gdje je uz nadnatuknicu BOG u zagradi navedena mogućnost pravopisnoga bilježenja frazema s navedenom sastavnicom (*Bog, bog*). Članak Željke Fink, među ostalim, postavio je i obrazložio kriterije distribucije velikoga i maloga početnog slova u pisanju frazemske sastavnice *Bog/bog* koji će biti provedeni u *Hrvatskom frazeološkom rječniku* iz 2003. godine, a kasnije i u *Hrvatskom frazeološkom rječniku* istih autora iz 2015. godine. Tim su radom otvoreni ne samo novi frazeološki, nego i ortografski izazovi jer je kriterij desementizacije frazemske sastavnice otvorio put njihovoj deonimizaciji. Zaključimo li da je zapisom sastavnice *Bog/bog* zabilježeno ono što se u jeziku već dogodilo (desementizacija i deonimizacija), onda je važno detektirati, ako je potrebno revidirati, a onda i zabilježiti ostale takve slučajeve. Upravo na tome počiva istraživanje u ovome radu.

Pravopisna pravila za pisanje imena, koja se u hrvatskome jeziku pišu velikim početnim slovom, uređuju pisanje: osobnih imena, prezimena i nadimaka; imena životinja; zemljopisnih imena; imena stanovnika i pripadnika naroda; ostala imena te posvojne pridjeve izvedene od imena (*Hrvatski pravopis* 2013: 22–34). Takav je tradicionalni pravopisni način zapisa imena utjelovljen i u hrvatskoj frazeologiji. Navedeni primjeri preuzeti iz općih i frazeoloških rječnika pokazuju da su pravopisna pravila primijenjena i da su ona jaka u svijesti

⁵ O tom je problemu u općim rječnicima govorila Branka Tafra (1998.). Ona navodi da rječnički članak pod natuknicom *Bog* treba razdvojiti u tri članka, jedan s apelativom *bog*, drugi s imenom *Bog* i treći s usklikom *bog* (Tafra, 1998.)

hrvatskih govornika. Međutim, čitajući različite vidove tiskanih i elektroničkih zapisa vidimo da ta uspostavljena pravila o pisanju velikoga početnog slova kod imena ponekad nisu baš uvijek primijenjena te se moramo zapitati zašto je do toga došlo. Je li to odraz neznanja, slučajne pogreške, jezične igre ili čega drugoga. Posebno je važno vidjeti u kojim kategorijama imena dolazi do odstupanja, zatim treba istražiti zašto do njih dolazi te jesu li ta odstupanja vezana uz desemantizaciju imena kao frazemskih sastavnica, tj. vodi li desemantizacija nužno i do njihove deonimizacije.

3. Prikaz, razgraničenje i razradba problema

Osobna imena⁶ općenito reflektiraju antropocentrično gledište jezičnoga korisnika. Potrebno je naglasiti da antroponimi koji se upotrebljavaju u određenom društvu ili kulturi razvijaju konotacije koje su u nekim slučajevima specifične za određenu kulturu i jezik, a u drugim slučajevima za više jezika, što se dobro vidi u europskim razmjerima. Naime, uslijed zajedničkoga kulturnog nasljeđa antički i kršćanski sloj ima veliku važnost. Provjerom osobnih imena koja su ujedno i frazemske sastavnice uvidjeli smo da je pisanje antičkih (mitoloških) i biblijskih imena (kršćanskih) dobro očuvano:

• *borba Davida i Golijata, bogat kao Krez, mudar kao Salomon (Salamun, Solomun), jak kao Herkul, vjerna kao Penelopa, između Scile i Haribde...*

• *od Adama <i Eve>, mučiti se kao Isus <na križu>, strpljiv kao Job, izdati (prodati) koga kao Juda Krista (Isusa), star kao Metuzalem, muka Isusova (Kristova) je što, košta (stoji) što kao svetog Petra kajgana, ići (hodati i sl.) od Poncija do Pilata, slati od Poncija do Pilata koga, nevjerni Toma, Judin poljubac, Judine škode, oprati / prati (umiti) ruke <od čega> kao Pilat, od Savla učiniti (napraviti) Pavla...*

Ovdje valja naglasiti da je uglavnom riječ o osobnim imenima koja imaju simboličku funkciju, tj. koja su postala simbolima. U jeziku su razvila sekundarna značenja (*Juda* – ‘izdajnik’, *Toma* – ‘nevjernik’, *Penelopa* – ‘vjerna žena’, *Job* – ‘strpljiv čovjek’), nisu se apelativizirala i frazeološki su obilježena (usp. Barac Grum 1990: 16). Imena koja se odnose na ličnosti povijesno-nacionalnoga karaktera također su zabilježena velikim početnim slovom, npr. *kasno Janko na Kosovo stiže, proći (provesti se) kao Janko na Kosovu, od Kulina bana <i dobrih dana>, za Kulina bana...*

Dvojnost u zapisu imena postoji kod onih frazema koji sadržavaju ime koje je u općem leksiku razvilo preneseno ili sekundarno značenje, što vidimo

⁶ Dijalektni korpus nije dijelom ovoga istraživanja.

u frazemu *čekati koga kao Mesiju (mesiju)* sa značenjem ‘dugo čekati koga; iščekivati koga, načekati se koga’. I opći jednojezični rječnici hrvatskoga jezika razlikuju *Mesiju* kao onim i *mesiju* kao apelativ (usp. *Hrvatski jezični portal*): 1. (Mesija) *bibl. rel. a. jud. u Starom zavjetu*, pomazanik Božji koji će se pojaviti da bi izbavio narod izraelski, obnovio Kraljevstvo izraelsko i uspostavio Kraljevstvo Božje b. *kršč. u Novom zavjetu*, Sin Božji, Isus Krist; 2. (mesija) *pren. a. onaj koji je predodređen da obavi kakvu veliku, značajnu misiju b. iron. onaj koji sebi umišlja da je predodređen da obavi kakvu veliku, značajnu misiju*. Dakle, i u okviru je frazeološke jedinice također moguć dvostruki zapis, ali u tom slučaju frazeološki bi rječnici trebali navesti obje navedene mogućnosti, isto kao i kod sastavnice *Bog/bog*.

Najviše problema i dvojnosti postoji u upotrebi, tj. bilježenju nacionalno specifičnih frazema i imena u njima, npr. *Katica (djevojka) za sve*, <opet> *Jovo nanovo*; *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba*; *držati se kao mila Gera*; *pričati (pripovijedati i sl.) Markove konake*; *adio, Mare*; *finili su, Mare, bali...* Iako se kod nekih frazema javljaju dvojnosti u zapisu (<opet> *Jovo nanovo*⁷; *finili su, Mare, bali*⁸), a neki se od tih frazema (*Katica za sve*⁹, *adio Mare*¹⁰) u upotrebi češće javljaju sa sastavnicom koja se apelativizirala.¹¹ *Riječ je o frazemima koji*

⁷ U babe Mare jeo je nezafrigani grah, ukiselu krumpira, kiselu čorbu i onda opet papulu od graha, krumpir uslatko, taranu, i *opet: Jovo nanovo!* (R); Pričao mi jednom jedan stari ratnik, junačina, sad prodaje srećke po birtijama, kako su oni ratovali amo-tamo po kršu, pripucaj ovdje, pripucaj ondje, skini onoga prije nego što će on tebe, a, bome, kad treba daj petama vjetra i sakrij se u mišju rupu, pa onda *Jovo nanovo*, dok ide. (R); E za mene to nije isto, a vjerujem i svima onima koji bi Hrvatsku voljeli vidjeti među prve četiri momčadi u Europi, jer za to imamo igrački potencijal dok je za našeg izbornika najvažnije učestvovati, i ako se nešto napravi, dobro je, a ako ne, *jovo nanovo*. (G); Mi smo prvi put ‘poljubili vrata’ jer je bila tolika gužva da ne mo’š vjerovati. Vratili smo se nakon par sati i krenuli ‘*jovo nanovo*’. (hrWaC); Evo njega prekosutra kod njih sa vinom i slanimom, facom siročeta sa velikim srcem i *opet* će početi *jovo nanovo* nakuhavanje i večeranje u stilu Mi i tetak. (hrWaC)

⁸ Dobro, koliko ćujem trebali bi ostati neko vrijeme u Rijeci, ali kad odu, *finili su Mare bali*. (G); Odluka kakvu provodi Oxford čini mu se nategnuta premda smatra da bi trebalo naći rješenje kojim bi se suzbilo ispijanje pica ispred kioska i prodavaonica. *Finili su mare bali!* Tko želi uhvatiti sunce, i to ljetno, moći će guštati do danas u 18.30, kada će na vrata Splita grada zakucati jesen. (hrWaC)

⁹ Jer, muškarac je hranitelj, a žena tek „serviserka“ u obitelji, nešto kao „*katica za sve*“. (G); Eto nisam završila za učiteljicu, nisam ni za prodavačicu, završila sam za uredsku „*katicu za sve*“. (hrWaC); Druga važna stavka bila je organizacija kluba jer smo prošle sezone radili neke greške. Iz tih grešaka smo nešto naučili, tipa da jedan čovjek, konkretno ja, ne može istovremeno biti i trener i direktor, tzv. *katica za sve*. (hrWaC)

¹⁰ Hajdukovi fanovi su ipak posebni: „Otići će tužni jer će im Hajduk dat dva komada i *adio mare*. Dvanaesti igrač zna se Torcida, a 13. naš dalmatinski dišpet“, ističu navijači Hajduka. (G); Nikakve štete, more nije onečišćeno, a gospoda će naplatiti od osiguranja i *adio mare* i to je ono što bi trebalo biti zanimljivo! naplata osiguranja! pa nije manevrirao sa tankerom pa da ga „nasuče“! (G);

¹¹ Kod frazema *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba* nema dvostrukoga načina bilježenja iako smo ga, u pisanju osobnoga imena *Martin*, očekivali.

sadržavaju vrlo frekventna narodna ženska imena, čiji nositelj nije poznat široj jezičnoj zajednici te je došlo do svojevrsnoga obezličjenja, pa ta osoba može biti svatko, odnosno može biti bilo tko. Međutim, ni opći ni frazeološki rječnici kao ni frazeološki znanstveni radovi ne bilježe tu imensku sastavnicu pisanu i malim početnim slovom. Frazeobibliografski rječnik također ne bilježi dvostruki zapis te sastavnice. Nameće se pitanje treba li u leksikografskim priručnicima, pri izradi frazeoloških članaka, za navedene frazeme uzeti u obzir varijantnost zapisa frazemske sastavnice (onim/apelativ). S druge strane, pravila u suvremenim pravopisima vrlo su jasna. *Hrvatski pravopis* Badurine, Markovića i Mićanovića (2008: 120) fiksirao je pisanje osobnih imena u frazeologiji: „Vlastita imena u kojih se velikim početnim slovom piše svaki član. (...) 3. osobna imena koja su dio ustaljenih izraza i frazema: mila Gera; Katica za sve; Martin iz Zagreba, Martin u Zagreb.” Isto pravilo postoji i u *Hrvatskom pravopisu* Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (2012: 36): „Velikim se početnim slovom pišu imena u poslovicama, frazemima i izrekama: Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba; Katica za sve; mila Gera; koštati koga kao svetoga Petra kajgana; otići Bogu na istinu.” Što zaključiti? Frazeolozi se trebaju dogovoriti je li u tim frazemima riječ o imenima ili su se ona ipak poimenočila. Prvo bi značilo da je riječ o velikom početnom slovu, a drugo da je riječ o malom početnom slovu. Argumenata ima i za jedno i za drugo. Kad bismo zaključili da su to apelativi te propisali malo početno slovo, gdje je onda granica te koliko će to biti shvatljivo krajnjem korisniku? Ili, ako zaključimo da ipak treba propisati malo početno slovo, moramo se zapitati može li se oblikovati pravopisno pravilo koje će se bez teškoća moći primijeniti u svim slučajevima. Naše je istraživanje pokazalo da baš i ne može. Možda bi se mogle propisati obje inačice (sastavnica frazema kao onim i kao apelativ), ali i to bi pravilo trebalo moći obuhvatiti sve frazeme jer nije jednostavno objasniti da se, eto, u frazemima *Katica za sve*, *adio Mare*, <opet> *Jovo nanovo*, *finili su*, *Mare, bali* sastavnice mogu pisati malim ili velikim početnim slovom, a u frazemima *Martin u Zagreb*, *Martin iz Zagreba*, *strpljiv kao Job*, *star kao Metuzalem* samo velikim početnim slovom.

Način zapisa osobnih imena u frazeologiji mogao bi se tumačiti precedentnim imenima, tj. onima koja to jesu i onima koja to nisu. Prema suvremenim lingvokulturološkim istraživanjima (Barčot 2017: 360) precedentna su imena „imena vezana za općepoznate tekstove i situacije koje su bliske većini predstavnika određene nacije, tj. određene jezično-kulturne zajednice”. Dakle, precedentna imena imaju odnos prema referentu i kod njihova bilježenja nije upitno pisanje velikoga početnoga slova kao što je to vidljivo u zapisu biblijskih, antičkih i povijesnih imena. Imena koja nisu precedentna nemaju odnos prema referentu i stoga kod korisnika dolazi do kolebanja pri zapisu imena koja se javljaju u frazemima (*Katica /katica (djevojka) za sve*, <opet> *Jovo / jovo*

nanovo; držati se kao mila Gera / gera; pričati (pripovijedati i sl.) Markove / markove konake; adio, Mare / mare; finili su, Mare / mare, bali).

Što god rekli, ne možemo ne spomenuti Finku (1976.) te ne možemo ne reći da će samo razumna „jezična i pravopisna politika postupiti tako da će i u slučaju potrebe za promjenom pravila težiti za tim da nova pravila ne izazovu osjetnije promjene u pravopisnoj primjeni. Temeljno je pravopisno načelo da je najbolja stabilna pravopisna norma, ona koja se što manje mijenja, koja osigurava kontinuitet u načinu pisanja” (Finka 1976: 129).

Suvremena realna i fiktionalna imena nisu se apelativizirala (npr. *bogatiti se kao Bill Gates, bogat kao Rockefeller, mršava kao Twiggy (Twigica), jak kao Tyson; bogat kao Carrington, smotan ko Antun Tun, biti Pepeljuga, držati se kao Mona Liza*), ali su se prema sadržaju postojećih frazema utjelovila kao svojevrsna imena simboli (usp. Barac-Grum 1990: 16). Tako Bill Gates, Rockefeller i Carrington simboliziraju bogatstvo, Twiggy mršavost, a Tyson snagu. U semantičkom je talogu tih frazema čitav motivacijski sadržaj koji je sudjelovao pri njihovoj frazeologizaciji.

Kod imena mitoloških likova i nadnaravnih bića, božanstava, bogova i božica pored uvriježenoga zapisa imena velikim početnim slovom (*džepna Venera, lijep kao Apolon, lukav kao Merkur, zajahati (sjesti na) Pegaza*) nailazimo i na neke nedosljednosti ili otklone od pravopisne norme u frazemima *izdignuti se iz pepela kao <ptica> Feniks* u značenju ‘oporaviti se /ob. nakon neuspjeha’ i *kao furija* [uletjeti, izletjeti i sl.] u značenju ‘naglo (velikom brzinom) i vrlo ljutito [uletjeti, izletjeti i sl.]’. Imenske sastavnice izvan frazeološkoga sustava mogu se pisati i velikim i malim početnim slovom na što ukazuju opći rječnici. *Feniks* se piše velikim početnim slovom (usp. HJP) kad je riječ o: 1. sinu sidonskoga kralja koji se nastanio na istočnim obalama Sredozemlja, pa je zemlja po njemu dobila ime Fenikija, 2. odgojitelju Ahileja, koji je sudjelovao u Trojanskom ratu i 3. zvijezdu na južnom nebu. Malim se početnim slovom piše kad je riječ o mitološkoj ptici iznimne ljepote, purpurne boje koja se svakih 500 ili 600 godina sama spaljuje i iznova rađa iz vlastita pepela, koja je simbol besmrtnosti ili ponovnoga rađanja. S obzirom na to da je frazem *izdignuti se iz pepela kao <ptica> Feniks* motiviran pričom o mitskoj ptici trebala bi se pisati malim početnim slovom, ali u frazeologiji i u promatranim korpusima ta je sastavnica ipak tretirana kao ime i piše se velikim slovom:

• Dok god postoje ustavne vrijednosti, sindikati će se ponovno *izdignuti kao ptica Feniks*. Sindikati će biti dugovječni, ali vi to nećete biti. (G); Prikazan je dokumentarni film Studija *Vipro* u povodu 750 godina Preloga. Gradonačelnik je rekao da je Prelog imao uspona i padova, ali da *se izdignuo iz pepela kao ptica Feniks*. (G)

Do takvoga zapisa velikim slovom nije došlo u frazemu *kao furija* [uletjeti, izletjeti i sl.] iako je frazem vjerojatno mitološki motiviran, a prema

rječnicima starorimske božice osvete Furije pišu se velikim početnim slovom, dok se furije u prenesenom značenju zle i svadljive ženske osobe pišu malim početnim slovom. Primjeri iz korpusa pokazuju samo ovo sekundarno bilježenje:

- Kad je saznao gdje je Radovan bio, skočio je i izletio iz sobe *kao furija*, zalupio vratima jer uvijek lupa vratima, zamisli ti divljaka, i ostavio mene i Radovana da tamo sjedimo kao... (G) Majka ih je iz kuhinje opominjala kreštećim, stalno razdraženim glasom, od čijih sam se provala instinktivno ježio. Kad bi joj dodijalo, dojurila bi *kao furija* (uporedo s njenim koracima po hodniku rasla je strepnja u meni), upala bi u sobu, i stala ih useknjivati istežući nemilosrdno njihove nosiće. (R)

U posebnu skupinu imena možemo izdvojiti perifrazna imena. Ona inicijalno, sama po sebi, nisu dio frazeološkoga sustava.¹² To su samo višerječna, opisna imena kojima se zamjenjuje pravo ime, a nastaju na temelju bitnih obilježja osobe na koju se odnosi. Pravopisna pravila određuju da se svi članovi tih imena pišu velikim početnim slovom (osim prijedloga i veznika), npr. Bič Božji (Atila, hunski vođa iz 5. stoljeća), Čudo od Djeteta (Wolfgang Amadeus Mozart), Čelična Lady (Margaret Thatcher), Šaka sa Srednjaka (Željko Mavrović), Snježna Kraljica (Janica Kostelić). Međutim, neka su se perifrazna imena osoba desementizirala, izgubila su referencijalnu ulogu, deonimizirala su se na što upućuje i njihov zapis u referencijalnim izvorima te su postala frazemima: *bič Božji* ‘1. onaj koji izaziva strah, onaj koga se treba bojati; 2. veliko zlo, nesreća, elementarna nepogoda’, *čudo od djeteta* ‘vrlo inteligentno dijete, posebno nadareno dijete’, *željezna (čelična) lady (dama)* ‘snažna (odlučna) žena, energična žena /ob. na visokom položaju/’ (Hrnjak 2015: 124, pa čak i s prilagodbom *čelična leđi*). Da je proces frazeologizacije perifraznih imena jak pokazuje u novije vrijeme nastao frazem *modni mačak* u značenju ‘stilist; modni bloger’ koji je nastao frazeologizacijom perifraznoga imena jednoga od najpoznatijih hrvatskih modnih stilista Marka Grubnića, a ubrzo je postao sinonimom za sve modne blogere. Koliko je njegova upotreba funkcionalna i česta, posebice u publicističkom stilu, pokazuje i uvrštavanje toga frazema u *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema* (2017.).

- Perifrazno ime: Stilist Marko Grubnić, poznatiji kao *Modni Mačak*, uvijek je ‘potpisan’ od glave do pete. (G); Da Marko Grubnić nije vlasnik nekih od fotografija koje je podijelio na Instagramu, otkriveno je proteklih dana nakon čega se *Modni Mačak* našao na meti korisnika ove društvene mreže. (G)

- Frazem: Kontroverzni američki modni kritičar Mr. Blackwell, najpoznatiji svjetski *modni mačak*, koji se proslavio svojim godišnjim listama najgore i najbolje odjevenih slavnih osoba, umro je u nedjelju u 86. godini. (G); U industriji koja obrće milijarde modni kritičari, novinari koji prate slavne,

¹² O perifraznim imenima u slovenskom i hrvatskom v. Jakob i Ramadanović (2015.).

modni mačci i *fashion-gurui* samo su dio znatno većega stroja koji reproducira slavne. (hrWaC).

Također, u *Rječniku hrvatskih animalističkih frazema* (2017.) prvi je put zabilježen i frazem *crna pantera* koji označuje ‘zgodnu mladu ženu crne puti; gracioznu, dobro građenu, tamnoputu ženu koja svojim izgledom plijeni pozornost muškaraca’. Isprva je Crna Pantera bilo perifrazno ime za jednu od najpoznatijih tamnoputih manekenki svijeta egzotična izgleda – Naomi Campbell.

- Perifrazno ime: Preljepa manekenka Naomi Campbell godinama ne silazi s vrha manekenskih ljestvica. 46-godišnja *Crna Pantera*¹³ i dalje *nevjerojatno izgleda, a godinama se šuška kako u tajnosti posjećuje plastičnog kirurga*. (G) Na stranicama magazina *Crna Pantera* se pojavljuje u nešto čednijem izdanju, ali mnogi će se složiti da nauljena Naomi u jednostavnoj bijeloj majici izgleda još više seksi. (hrWaC)

- Frazem: Na *house flooru* u isto je vrijeme *crna pantera* DJ Paulette vrtjela finu i prilično mekanu mješavinu *soula, vocal housa i disca*, a Todd Terry, kojeg su mnogi čekali s nestrpljenjem, na kraju nije nastupio iako je bio tamo. (hrWaC)

Prelazak perifraznih imena iz onomastičkoga sustava u frazeološki pokazao je dosljednost i sustavnost u bilježenju, tj. novonastale jedinice, frazemi, zapisuju se malim početnim slovom. *Hrvatski pravopis* Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (*Hrvatski pravopis* 2013: 43) otvorio je pitanje mogućnosti dvostrukoga zapisa kad je riječ o jezičnim jedinicama koje su se apelativizirale, ali i frazeologizirale.

Kod zemljopisnih imena situacija je znatno stabilnija. Kako navode Peti (2000.) i Vasung (2012.), u frazemima toponimi imaju *iskustveno utvrdiv sadržaj* koji pripisuje govornik i cijela jezična zajednica s obzirom na svoje znanje tj. poznavanje imenovanoga objekta. Iako su izgubili primarnu funkciju imenovanja oni motivacijom, tj. pričom u semantičkome talogu frazema utječu na formiranje frazemskega značenja. Zemljopisna imena kao frazemske sastavnice uvijek se pišu velikim početnim slovom, a u hrvatskoj su frazeologiji potvrđena imena zemalja (*i mirna Bosna, dužan kao Grčka, briga koga što Mađarska nema more (mora), ravno je sve do mora (Kosova) komu, fin kao iz Finske*), kontinenata (*otkriti / otkrivati Ameriku, vruće kao u Africi*), gradova (*Sodoma i Gomora; kao u Betlehemu, iz Hong Konga je što, zreo za Lepoglavu, kao da je iz Pušće Bistre tko*), dijelova grada (*s Hreljića je što, iz Jakuševca je što, otići na Mirogoj (Lovrinac, Boninovo itd.), završiti u Remetincu, pobjeći iz Vrapča, autobus za Jankomir čeka koga*), rijeka (*ispravljati krivu Drinu, prijeći Rubikon*), brda (*proći / prolaziti (proživjeti / proživljavati) svoju Kalvariju (Golgotu)*), pokrajina (*izgleda kao da je iz Bijafre tko, hladno kao u Sibiru, i mirna Bačka*), otoka (*završiti na Golom Otoku*). Međutim, kod frazema *proći / prolaziti (proživjeti /*

¹³ Ipak, rijetke su potvrde u kojima je to ime pravilno zapisano. Češći je zapis – Crna pantera.

proživljavati) svoju (pravu) Kalvariju (Golgotu) u značenju ‘pretrpjeti / trpjeti velike muke (teškoće, probleme, nedaće), namučiti se / mučiti se’ moguće je dvostruki zapis – *proći / prolaziti (proživjeti / proživljavati) svoju (pravu) kalvariju (golgotu)* s obzirom na to da je kod navedenih oronima, kako bilježe suvremeni jednojezični rječnici hrvatskoga jezika, došlo do proširenja značenja, tj. stvaranja dodatnoga ili prenesenoga značenja. *Kalvarija* i *Golgota* isprva su bili samo oronimi, označivali su brdo izvan Jeruzalema na kojem je razapet Isus Krist, a zatim su postali sinonimima za put kojim je prošao Isus noseći križ. Biblijska je simbolika utjecala na stvaranje metaforičkoga prijenosa značenja i deonimizaciju navedenih oronima te danas *kalvarija* i *golgota* označuju ‘veliku muku, mučeništvo, patnje, stradanja, ispaštanje, težak život i sl.’ (Opačić 2014b: 202).

Frazemi s imenima stanovnika (kontinenata, država, naseljenih mjesta, pokrajina, područja, planeta) i pripadnika naroda i etničkih skupina potvrđeni su u frazeološkom korpusu (*praviti se Englez, praviti se Kinez, ima koga kao Rusa, pijan kao Rus, piti kao Rus, ima koga kao Kineza, pušiti kao Turčin, škrt kao Škot, raditi kao Japanac; kao Švabo tra-la-la* [ponavljati, govoriti i sl.]; *posljednji Mohikanac; da se Vlasi ne dosjete, crn kao Arap; škrt ko Bračanin; jak (snažan) kao Likota; biti pravi Hlebinac; biti pravi Balkanac*) uglavnom u tradicionalnoj maniri pravopisnoga zapisa velikim početnim slovom. Ipak, u frazemu *ima koga kao Rusa* moguća je dvostruka motivacijska interpretacija pa samim time i dvostruka mogućnost bilježenja. S jedne strane, ustaljeno je mišljenje da je riječ o etnonimskoj sastavnici *Rus*, dok se s druge strane javlja mogućnost (Opačić 2007) da je riječ i o entomonimskoj sastavnici *rus* ‘žohar’, tj. apelativu koji se piše malim početnim slovom. Množinski oblik te imenice je *rusovi* (usp. HJP), što ukazuje da bi frazem trebao glasiti *ima koga kao rusova* (usp. *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema* (2017.)). U hrvatskoj se frazeologiji naime koncept brojnosti iskazuje etnonimskim sastavnicama (*ima koga kao Rusa, ima koga kao Kineza, ima koga kao Čeha*¹⁴), *ali i entomonimskim sastavnicama (ima koga kao mrava, ima koga kao žutih mrava)*. Ako oba motivacijska polazišta prihvatimo kao legitimna s obzirom na mogućnosti konceptualizacije, moramo prihvatiti i činjenicu da je tu riječ o dvama frazemima, a ne o jednom varijantnom frazemu. Također, moguće su dvostrukosti u bilježenju frazema *biti pravi Hlebinac / biti pravi hlebinac* ‘biti naivan’¹⁵ i *biti pravi Balkanac / biti pravi*

¹⁴ Frazem *ima koga kao Čeha* regionalnoga je karaktera (frazem je zabilježen u Crikvenici) i motiviran je brojnošću čeških turista na hrvatskoj obali tijekom ljeta. Za razliku od njega u semantičkom talogu frazema *ima koga kao Rusa, ima koga kao Kineza* riječ je o narodima koji imaju veoma brojno stanovništvo.

¹⁵ Frazemsko značenje motivirano je Hlebinskom slikarskom školom, tj. školom naivnoga slikarstva koja se kao umjetnički pokret pojavila 30-ih godina 20. stoljeća. Pod mentorstvom slikara Krste Hegedušića, u svijet slikarstva ušli su Ivan Generalić i Franjo Mraz slikajući intenzivno tehnikom ulja na staklu prizore iz seoskoga života.

balkanac ‘biti primitivan’ pokazuju da je u frazeološkom modelu ‘biti pravi x’ došlo do apelativizacije, a onda i deonimizacije te se sastavnice *balkanac* i *hlebinac* trebaju pisati malim početnim slovom jer više ne označuju stanovnika nego pripadajuću osobinu.

U kategoriji imena vjerskih blagdana, državnih praznika i spomendana hrvatski pravopisi propisuju da se velikim se početnim slovom pišu jednorječna imena te prva riječ i riječ koja je i sama ime ili posvojni pridjev izveden od imena u višerječnim imenima. Takvih je primjera u hrvatskoj frazeologiji malo: *nije svaki dan Božić, toviti (gojiti) prase uoči Božića, sretan kao Nova godina*. Međutim, ovo je jedna od rijetkih kategorija u kojoj se javlja suprotan proces, tj. onimizacija frazemske sastavnice i to kod frazema *na sveto nigdarjevo*, tj. *na svetoga nikada*. Leksikografi su (Tafra 2005) predložili frazeolozima da propitaju i revidiraju bilježenje početnoga slova sastavnicama NIKADA i NIGDARJEVO, smatrajući da su se sastavnice poimeničile te da ih treba pisati velikim početnim slovom jer su se onimizirale, a hrvatski pravopis određuje da se velikim slovom pišu „imenice, pa i riječi druge vrste kad se poosobljuju” (Tafra 2005: 56). Međutim, *Hrvatski frazeološki rječnik* iz 2003. godine i *Hrvatski frazeološki rječnik* iz 2014. godine ne idu u tome smjeru (NIGDARJEVO > *na sveto nigdarjevo*; NIKAD > *na svetoga nikada*) kao ni znatno stariji Matešićev frazeološki rječnik iz 1982. godine (on ima samo *na sveto nigdarjevo*). Što u tom smislu bilježe opći rječnici? *Školski rječnik hrvatskoga jezika* Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (2012.) ima samo *na svetoga Nikada*, dok *Veliki rječnik standardnoga hrvatskoga jezika* (2015.) na istoj stranici donosi različite obrade ne vodeći računa o tome da njihov zapis treba biti usklađen (*na svetoga Nikada*, (*na*) *sveto nigdarjevo*). Na *Hrvatskome jezičnom portalu* pod nadnatuknicom NIGDARJEVO nalazimo zapis (*na*) *sveto nigdarjevo*, dakle malim početnim slovom, dok pod natuknicom MORGEN nalazimo frazem *malo morgen* u čijoj su definiciji frazema kao sinonimni navedeni frazemi *na Sveto Nikada* i *na Sveto Nigdarjevo*.

AUTOR/PRIRUČNIK	NIGDARJEVO	NIKADA
Matešić (1982.)	<i>na sveto nigdarjevo</i>	
Hrvatski frazeološki rječnik (2003.; 2014.)	<i>na sveto nigdarjevo</i>	<i>na svetoga nikada</i>
Školski rječnik hrvatskoga jezika (2012.)		<i>na svetoga Nikada</i>
Veliki rječnik standardnoga hrvatskoga jezika (2015.)	(<i>na</i>) <i>sveto nigdarjevo</i>	<i>na svetoga Nikada</i>
Hrvatski jezični portal	(<i>na</i>) <i>sveto nigdarjevo</i>	MORGEN > malo morgen žarg. (u šali) malo sutra; nikada, <i>na Sveto Nikada</i> , <i>na Sveto Nigdarjevo</i>

Tablica pokazuje da u rječnicima supostoje tri mogućnosti zapisa¹⁶, a to potvrđuju i primjeri iz promatranih korpusa. Međutim, može se zaključiti da u imeničnim sastavnicama NIKADA i NIGDARJEVO dominira veliko početno slovo:

- *na Sveto Nigdarjevo, na Svetog Nikad*: Bazene ćemo dobiti *na »Sveto Nigdarjevo«*.; Hrvatska bez korupcije *na Sveto Nigdarjevo*.; Pare će vidjeti na *Sv. Nigdarjevo*, meni se čini da je dotični koji je ostao bez para bio žrtva vlastite pohlepe, jer ma kakva god kriza bila takva harmonika se ne prodaje za tako mali iznos.; Budete vidjeli kad će novi terminal biti izgrađen. *Na 'Svetog Nikad'*. Oni će koristiti ovo što smo mi napravili jer u ovoj situaciji nema logike da se ide u velike investicije.

- *na sveto nigdarjevo, na svetog nikad*: Stepinčeva kanonizacija *na sveto nigdarjevo*.; *Na sveto nigdarjevo!* Tako se Glista fićukajući prebacio na drugu stranu Trga kunući mater i oca nekom idiotu koji ga je sa svojim abartiranim fićekom štrafao.; Kad svi budu mogli živiti od onog što zarade onda smo uspjeli stvoriti najbolji sistem, a to će biti *na svetog nikad*. (G)

- *na sveto Nigdarjevo, na svetog Nikad*: Vjerojatno ti je poznato da novac od tvrtke možeš dobiti samo po završetku stečajnog postupka (tj. *na sv. Nigdarjevo*), i to od onog što ostane nakon što se namiri. (Majdak, *Kužiš, stari moj*); Potpišete li to što Vam nudi, dobit ćete novce „na ruke” *na svetog Nikad*, ne budite naivni. (G)

Hrvatski pravopisi ne bilježe frazeme sa sastavnicama NIGDARJEVO i NIKADA. Uzimajući u obzir sve izneseno, smatramo da bi se sastavnice NIGDARJEVO i NIKADA trebale pisati velikim početnim slovom jer su se ponajprije poimeničile, a onda i onimizirale. One zapravo predstavljaju imaginarne blagdane ili spomendane, a tako ih percipiraju i korisnici, tj. tako je pokazao pisani korpus.

Jedna od posebnih skupina koja se nadovezuje na pravopisni zapis imena u frazeologiji jest ona s posvojnim pridjevima u frazemima. Suvremeni pravopisi postavljaju jedno opće pravilo: „Velikim se početnim slovom pišu posvojni pridjevi na -ov/-ev/-in/-ji od osobnih imena, prezimena, nadimaka i ostalih imena.” (*Hrvatski pravopis* 2012: 35). Frazeološki zapis u frazeološkim i općim rječnicima slijedi opća pravopisna pravila o pisanju posvojnih pridjeva od osobnih imena: *Abrahamove godine, u Adamovu kostimu, Damoklov mač, Ahilova peta <čija>, Pirova pobjeda, Tantalove muke, Potemkinova sela, pogodila je Amorova (Kupidova) strijela (strelica) koga, Buridanov magarac, Prokrustova postelja, Augijeve (Augijine) štale, Sizifov posao, Prometejev oganj; Eridina jabuka,*

¹⁶ I u drugim jezicima u kojima se javlja frazem zasnovan na istom frazeomodelu postoje dvojbe: njemački – *Sankt Nimmerlein, Sankt Nimmerleinstag, Sankt-Nimmerlein, Sankt-Nimmerleinstag, Sankt-nimmerlein-Tag*; francuski – *Saint-Glinglin, Saint Glinglin, à la saint-glinglin*; nizozemski – *Sint-juttemis, Sint-Juttemis, Sint Juttemis*; portugalski – *São Nunca, são Nunca, são nunca*.

Evina kći, u Evinu kostimu, Judin poljubac, Judine škude, Pandorina kutija <čega>, *Arijadnina nit, Midin dodir, bič Božji*. Riječ je o posvojnim pridjevima izvedenim iz precedentnih imena. Odstupanja u zapisu postoje kod posvojnih pridjeva u frazemima koji imaju antičku motivacijsku pozadinu čemu svjedoči *Frazeobibliografski rječnik* priložen uz *Bibliografiju hrvatske frazeologije* (Fink Arsovski, Kovačević, Hrnjak 2017)¹⁷ kao i promatrani pisani korpusi:

• Ah, pivo, moja jedina slabost. Moja *ahilova peta*, ako baš hoćeš. (G); Direktna komunikacija – ključna prednost malenih i *ahilova peta* velikih! (G); Ako Grad počne garantirati za kredite poduzetnika, lako bi se mogla otvoriti *pandorina kutija*, odnosno da bi se na natječaj vjerojatno počeli javljati svi poduzetnici bez obzira na programe i rizike koje bi bili spremni podnijeti. (R); Dakako, ako je iznenada izgubio borbenost, entuzijazam i vjeru u bolju budućnost, a svrha postojanja mu se pretvorila u *sizifov posao* vođenja našega nogometa, koji nažalost nije samo reprezentacija. (R); Na kraju je Aston Villi ostala varaždinska *pirova pobjeda* 1-0, ostvarena na samome izdisaju utakmice, u 92. minuti, kad je Marokanac Hadji krasnim pogotkom donio mršavu utjehu gostima. (R); Ženi je pomisao na seks nakon poroda prvo pomisao na nove *tantalove muke*, stoga – ne čudi se majkama kad nakon poroda izbjegavaju seks u širokim lukovima!

Što se tu dogodilo? Je li mitološki obrazac u tim frazemima postao predalet, jesu li osobna imena od kojih su izvedeni posvojni pridjevi izgubili referentnu ulogu pa se najednom mogu pisati i malim početnim slovom? Naime, riječ je o svezama (*Ahilova peta, Sizifov posao, Pandorina kutija*) koje su prvobitno imale doslovno značenje, ali su u procesu pretvaranja sintaktičke sveze u frazeološku svezu dobile preneseno frazeološko značenje ('slaba točka', 'uzaludan i težak posao', 'izvor svih zala'). Od osobnih su imena (*Ahil*¹⁸, *Sizif, Pandora*) nastali posvojni pridjevi (*Ahilov, Sizifov, Pandorin*), koji se potencijalno mogu pisati i malim početnim slovom jer postoje naznake o njihovoj transformaciji u kvalitativne pridjeve (*ahilov, sizifov, pandorin*). Zapravo, može se raspravljati o tome kad će se taj izraz pisati velikim (koji naglašava važnost doslovnoga i nije dio frazeološkoga sustava) početnim slovom, a kada malim slovom (koji naglašava važnost prenesenoga i dio je frazeološkoga sustava) (usp. Szerszunowicz, Frackiewicz, Awramiuk 2017: 51–59). Također, pravopisna pravila propisuju pisanje posvojnih pridjeva (koji odgovaraju na pitanje Čiji?) velikim slovom, a kvalitativnih pridjeva (odgovaraju na pitanje Kakav?) malim slovom. Tako je izraz *Ahilova peta* prošao put od doslovnoga

¹⁷ Uz frazeme *Ahilova peta, Pirova pobjeda, Sizifov posao* i *Tantalove muke* zabilježeni su i frazemi *ahilova peta, pirova pobjeda, sizifov posao* i *tantalove muke*.

¹⁸ Iako je u standardnom jeziku preporučeni oblik imena *Ahilej* i pridjev *Ahilejev*, u terminološkoj i frazeološkoj upotrebi ustaljen je oblik *Ahil* i pridjev *Ahilov*.

značenja (peta konkretne osobe – Ahileja) do prenesenoga *ahilova peta* (‘čija slaba točka’). Te se dvije sintagme razlikuju samo na semantičkoj razini, a nju u tom slučaju možemo zabilježiti samo s pomoću pravopisne norme. Veliko i malo početno slovo u tom slučaju pomaže da se razlikuje jezični proces, tj. proces apelativizacije ili transformacije osobnoga imena u zajednički naziv. To je jedino i logično s obzirom na to da su sastavnice desemantizirane upravo onako kako je to veoma često prisutno i u terminološkome sustavu za koji hrvatski pravopisi propisuju pisanje onimskih sastavnica i pridjeva izvedenih od njih malim početnim slovom: „b) nazivi nastali od imena ili posvojni pridjevi izvedeni od imena koji su postali strukovni nazivi: (...) *adamova jabučica*, *božja čestica*, *božja ovčica*, *gospina trava*, *lijepa kata*, *petrovo uho*, *smrdljivi martin*.” (Hrvatski pravopis 2012: 36) Međutim, uz to pravilo odmah se navode i iznimke koje se tiču i terminologije i frazeologije što signalizira da su i autori pravopisa svjesni navedenoga problema pa se dopuštaju i inačice s malim početnim slovom: „Osim pisanja *adamova jabučica* zbog ustaljenosti može se pisati i *Adamova jabučica*. Velikim se početnim slovom pišu imena u poslovicama, frazemima i izrekama: *Martin u Zagreb*, *Martin iz Zagreba*; *Katica za sve*; *mila Gera*; *koštati koga kao svetoga Petra kajgana*; *otići Bogu na istinu*.” (HP 2013: 36)

4. Zaključak

Iz svega se iznesenog nakraju može zaključiti da je pitanje velikoga i maloga početnog slova pravo jezično pitanje. U našem se istraživanju pokazalo da se jezični stručnjaci, tj. frazeolozi trebaju dogovoriti je li im koja jezična jedinica ime ili nije, tj. piše li se što malim ili velikim početnim slovom. S druge strane, za neke se slučajeve ni frazeolozi neće složiti oko tumačenja procesa frazeologizacije, a onda i deonimizacije. U pravopisu se donose opća načela i pravila o uporabi velikoga i maloga početnoga slova, ali pravopis ne može normirati sve pojedinačne slučajeve i, najvažnije, pravopis ne može odrediti što ime jest, a što ime nije. To nije, nikada nije ni bilo i nikada neće ni biti u kompetenciji pravopisne knjige.

Frazemi sa sastavnicom osobnoga imena važan su dio frazeološkoga korpusa hrvatskoga jezika. Osobna su imena u frazeologiji veoma važna za motivaciju frazemskoga značenja, ali su izgubila odnos s pojedinačnim imenovanjem što je, poznato je, osnovna funkcija osobnoga imena. U hrvatskom frazeološkom korpusu imena su se deonimizirala, ali se kod većine proučavanih frazemskih sastavnica tradicionalno (možda inercijom, navikom ili zbog tradicijski nepromijenjenih pravopisnih pravila o velikom i malom početnom slovu) čuva veliko početno slovo u zapisu. U nekim frazemima, pokazali smo, supostoje dvostruke inačice.

Posebna pozornost posvećena je onim frazemima u kojima je u procesu frazeologizacije došlo do deonimizacije frazemskih sastavnica (*Bog/bog, Furija/furija, Feniks/feniks...*), ali i rijetkim slučajevima u kojima je došlo do poimeničenja, a onda i do onimizacije frazemskih sastavnica sv. *nigdarjevo* / sv. *Nigdarjevo*, sv. *nikada* / sv. *Nikada...*). Iako je s frazeološkoga gledišta opravdano pisanje maloga početnog slova kod desenantiziranih i deonimiziranih imenskih sastavnica, prikazuje se koliko je ono sustavno (ne)provedeno (Kada? i Zašto?) u hrvatskom frazeološkom sustavu (*Katica/katica za sve, pričati (pripovijedati i sl.) Markove/markove konake, Ahilova/ahilova peta, Pandorina/pandorina kutija...*) te je li i koliko je ono razumljivo i transparentno nefrazeolozima.

Jakop (2012: 56) je problem velikoga početnoga slova desenantiziranog i deonimiziranoga imena uočila te ukazala „na jezičnu anomaliju s normativnoga stajališta”, međutim, taj se fenomen može tumačiti osobitošću te vrste frazema. U svakom slučaju, čuvanjem velikoga početnoga slova čuva se motivacija tih frazemskih sastavnica, o čemu posebnu brigu, pokazano je, vode frazeološki rječnici.

Literatura

- Anić, V. 2004. *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi liber
- Anić, V., Silić, J. 2001. *Pravopis hrvatskoga jezika*. Zagreb: Novi Liber – Školska knjiga
- Babić, S., Finka, B., Moguš, M. 1996. *Hrvatski pravopis*. Četvrto izdanje. Zagreb: Školska knjiga
- Babić, S., Finka, B., Moguš, M. 2000. *Hrvatski pravopis*. Peto izdanje. Zagreb: Školska knjiga
- Babić, S., Ham, S; Moguš, M. 2008. *Hrvatski školski pravopis* (usklađen sa zaključcima Vijeća za normu hrvatskoga standardnog jezika). Zagreb: Školska knjiga
- Babić, S., Moguš, M. 2010. *Hrvatski pravopis* (usklađen sa zaključcima Vijeća za normu hrvatskoga standardnog jezika). Zagreb: Školska knjiga
- Badurina, L. 1996. *Kratka osnova hrvatskoga pravopisanja*. Rijeka: Izdavački centar Rijeka
- Badurina, L., Marković, I., Mićanović, K. 2007. *Hrvatski pravopis*. Zagreb: Matica hrvatska
- Barac-Grum, Vida. 1990. „Mogućnosti preobrazbe vlastitog imena”, *Rasprave: časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 16/1, 15–20.
- Barčot, B. 2017. *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada
- Birtić, M. i dr. 2012. *Školski rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje – Školska knjiga
- Broz, I. 1892. *Hrvatski pravopis*. Troškom i nakladom kr. hrv.-slav.-dalm. zemaljske vlade. Zagreb

- Crnić Novosel, M., Opašić, M. 2014. „Prilog kontrastivnoj analizi hrvatskih i makedonskih frazema s onimskom sastavnicom”, *Македонско-хрватски книжебни, културни и јазични врски, Зборник на трудови од меѓународниот научен собир Македонско-хрватски книжебни, културни и јазични врски одржан во Охрид од 27 до 29 септември 2013*, Скопје: Институт за македонска литература при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј” во Скопје. 281–296.
- Croatian web corpus (hrWaC - <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac/>)
- Fink, Ž. 2001. „Hvatamo li za bradu Boga ili boga? O jednom pravopisnom problemu u frazeologiji”, *Filologija* 36–37, 139–148. Zagreb: HAZU
- Fink, Ž. 2002. *Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra*. Zagreb: FF Press
- Fink Arsovski, Ž., Kovačević, B., Hrnjak, A. 2010. *Bibliografija hrvatske frazeologije + CD s popisom frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima*. Zagreb: Knjigra
- Fink Arsovski, Ž., Kovačević, B., Hrnjak, A. 2017. *Bibliografija hrvatske frazeologije. Frazeobibliografski rječnik*.
- Finka, B. 1976. „O pisanju velikog početnog slova”, *Pravopisna problematika u Bosni i Hercegovini. Radovi III*. 127–138. Sarajevo
- Hrnjak, A. 2015. *Rodni elementi u hrvatskoj i ruskoj frazeologiji*. Doktorska disertacija. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu. 536 str.
- Hrvatska jezična riznica Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje (<http://riznica.ihjj.hr/index.hr.html>) (R)
- Hrvatski jezični portal (<http://hjp.znanje.hr/>) (HJP)
- Hrvatski nacionalni korpus (<http://www.hnk.ffzg.hr/korpus.html>) (HNK)
- Ivanetić, N., Karlavariš-Bremer, U. 1999. „Onimijski frazemi i konceptualizacija svijeta”, *Suvremena lingvistika*, 47–48, 131–142. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta u Zagrebu
- Jakop, N. 2009. „Osvetlitev rabe velike oz. male začetnice pri izlastnoimenskih pridevnika s priponskimi obrazili -ov/-ev, -in v slovenščini”, *Jezikoslovni zapiski* 15/1–2, 73–85.
- Jakop, N. 2012. „Normativni vidik apelativizacije v frazeologiji – anomalija ali jezikovna igra”, *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Серия Филология. Социальные коммуникации, Том 26 (64), № 2 (1)*, Симферополь: Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, 50–56.
- Jakop, N., Ramadanović, E. 2015. „K pravopisnemu pravilu o rabi začetnice pri nadomestnih imenih v slovenščini ob primerjavi s hrvaškim pravopisom”. *Pravopisna razpotja: Razprave o pravopisnih vprašanjih*. 25–33. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU
- Jozić, Ž. i dr. 2012. *Hrvatski pravopis*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Matešić, J. 1982. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb: Školska knjiga
- Matešić, J. 1992/1993: „Frazemi s komponentom vlastitog imena u hrvatskom jeziku”, *Filologija* 20–21, 293–297. Zagreb: HAZU
- Menac, A., Fink-Arsovski, Ž., Venturin, R. 2003. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak

- Menac, A., Fink-Arsovski, Ž., Venturin, R. 2014. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak
- Menac-Mihalić, M. 2003/2004. „Hrvatski dijalektni frazemi s antroponimom kao sastavnicom”, *Folia onomastica Croatica* 12–13, 361–385. Zagreb: HAZU
- Opačić, N. 2007. „Rjurikovim tragom”. Kolumna „Što znači, odakle dolazi”. *Vijenac* 357. Mrežno izdanje (<http://www.matica.hr/vijenac/357/rjurikovim-tragom-5412/>)
- Opačić, M. 2014a. „Mogućnosti deonimizacije i apelativizacije biblijskih onima u hrvatskome jeziku”, *Riječki filološki dani* 9, 501–510. Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci
- Opačić, M. 2014b. „Biblijski onimi u hrvatskome jeziku”, *Folia onomastica Croatica* 23, 185–208. Zagreb: HAZU
- Peti, M. 1999. „O tzv. sadržaju imena”, *Folia onomastica Croatica* 8, 97–122. Zagreb: HAZU
- Raguž, D. 1979. „Vlastita imena u frazeologiji”, *Onomastica Jugoslavica* 8, 17–23. Zagreb: JAZU,
- Ribarova, S. 2001. „Frazemi s biblijskim osobnim imenima u češkom i hrvatskom jeziku”, *Riječ : časopis za slavensku filologiju* 7/1, 71–76. Rijeka: Hrvatsko filološko društvo
- Ribarova, S. 2013. „Češki, makedonski i hrvatski etnonimski poredbeni frazemi”, *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim III*, 167–172. Zagreb: FF press
- Rječnik hrvatskoga jezika*. Glavni urednik Jure Šonje. Zagreb: Leksikografski zavod „Miroslav Krleža” – Školska knjiga, 2000.
- Szerszunowicz, J., Frąckiewicz, M. K., Awramiuk E. 2017. *Frazeologia w kształceniu językowym*, Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
- Tafra, B., 1998. „Konverzija kao gramatički i leksikografski problem”, *Filologija*, 30–31; 349–361. Zagreb: HAZU
- Tafra, B. 2005. „Frazeološki izazovi”, *Jezik* 52/2, 48–61.
- Vasung, A. 2011. „Frazemi sa značenjem ‘nikada’ u bugarskom, hrvatskom, makedonskom i srpskom jeziku”, *Philological Studies* 2011/1, 167–178.
- Veliki rječnik hrvatskog standardnog jezika*. Glavna urednica Ljilana Jojić. Zagreb: Školska knjiga, 2015.
- Vidović Bolt, I. 2007. „Hrvatski i poljski etnonimski frazemiporedbene strukture”, *Slavenska frazeologija i pragmatika / Славянская фразеология и прагматика*. Zagreb: Knjigra. 209–214.
- Vidović Bolt, I. 2010. „Antroponimiczny komponent związku frazeologicznego jako sygnał płci”, *Słowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*. Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Szczecińskiego, Szczecin – Instytut Języka Rosyjskiego im. W. W. Winogradowa Rosyjskiej Akademii Nauk, Moskwa – Instytut Filologii Obcych Uniwersytetu Ernsta Moritza Arndta, Greifswald, Szczecin – Greifswald. 646–655.
- Vidović Bolt, I., Barčot, B., Fink, Ž., Kovačević, B., Pintarić, N., Vasung, A. 2017. *Rječnik hrvatskih animalističkih frazema*. Zagreb: Školska knjiga
- Vidović Bolt, I., Szerszunowicz, J. 2008. „On the Croatian toponymic phraseological units and their Polish equivalents”, *Edukacja dla przyszłości*, Białystok: Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku. 135–146.

Barbara KOVAČEVIĆ, Ermina RAMADANOVIĆ

PHRASEOLOGICAL ORTHOGRAPHY – THE PROBLEM OF WRITING UPPER AND LOWER CASE FIRST LETTERS

Summary

This paper examines the rules about writing upper or lower case first letters from the point of view of spelling traditions and practice in recent spelling handbooks and from the point of view of the use of spelling rules in the formation of notation of idioms in Croatian dictionaries and especially in phraseological dictionaries. In the research the latest edition of the phraseological dictionary was taken into account, which was published as part of the second edition of the *Bibliografija hrvatske frazeologije* (2017.), which shows inconsistencies in its presentation of idioms notation, even by experts. Particular attention is paid to the idioms in which deonimisation has occurred of the components in the process of phraseologation (*Bog/bog, Furija/furija, Feniks/feniks...*), but also in rare cases in which the substantivization and ominisation of idiom components has taken place (*sv. nigdarjevo/sv. Nigdarjevo, sv. nikada / sv. Nikada...*). Although from a phraseological point of view it is justified to use a lower case letter as the first letter in desemanticated and deonimised compound nouns, the question arises how far it is actually implemented (When? and Why?) in the Croatian phraseological system (*Katica za sve, Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba...; Ahilova peta, Pandorina kutija...*) and is it, and how far is it understandable and transparent to non-phraseologists.

Ivana KURTOVIĆ BUDJA

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
Zagreb, Hrvatska

Slavomira RIBAROVA

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
Zagreb, Hrvatska

KI JE MARA PEŠKARUŠA? (O NEKIM ANTROPONIMIMA U HRVATSKIM DIJALEKTNIM FRAZEMIMA)¹

Sažetak: U radu se na temelju građe u recentnim hrvatskim dijalektalnim rječnicima i priručnicima s dijalektološkom građom te na dvaju terenskih istraživanja govori o antroponimima u hrvatskoj dijalektnoj frazeologiji, s osobitim naglaskom na frazeme koji su lokalno potvrđeni, frazemima lokalizmima, njihovoj genezi i karakteristikama. Ti frazemi pripadaju frazemskim konceptima karakterističnima za ukupnost hrvatskoga jezičnog prostora, ali u pozadini frazema imaju različitu sliku, lokalno obilježenu.

Ključne riječi: antroponimi, dijalektalna frazeologija, frazemi lokalizmi, hrvatski jezik

1. Uvod

Hrvatski je jezik zanimljiv zbog svoje dijalektne raznolikosti. Postojanje triju narječja (čakavskoga, kajkavskoga, štokavskoga) te postojanje po šest skupina dijalekata u svakom narječju² govori dovoljno o jezičnoj raslojenosti unutar hrvatskoga jezika. Mjesni se govori sva tri narječja istražuju prema Upitniku za Hrvatski jezični atlas koji je priređen za proučavanje govora na

¹ Rad je nastao u sklopu projekata koje financira Hrvatska zaklada za znanost: *Govori Makarskoga primorja – dijakronija i sinkronija* [IP-2016-06-8448] te *Komparativnoslavističke lingvokulturalne teme* [2131].

² Prema podjeli D. Brozovića u čakavsko narječje ubrajaju buzetski, jugozapadni istarski, sjevernočakavski, srednjočakavski, južnočakavski i lastovski dijalekt; u kajkavsko se narječje ubrajaju zagorsko-međimurski, turopoljsko-posavski, križevačko-podravski, prigorski, donjo-sutlanski i goranski dijalekt; u štokavsko narječje spada slavonski dijalekt (staroštokavski), novoštokavski ikavski, novoštokavski ijekavski te istočnobosanski dijalekt.

svim jezičnim razinama: fonološkoj, akcenatskoj, morfološkoj, sintaktičkoj i leksičkoj. Tako prikupljena građa obrađuje se da bi se dobio jezični sustav svakoga istraživana govora. Osim upitnikom, istraživanja se provode i bilježenjem slobodnoga govora metodom intervjua. Tom se metodom dobije uglavnom ni od koga upravljana slika govora odnosno u tim se zapisima ogleda stvarna struktura pojedinoga mjesnoga govora, ali tako dobivena građa nije dovoljna da bi se samo na njezinu temelju donio jezični sustav svakoga govora. Povezivanjem građe dobivene ovim postupcima može se napisati gramatički opis određenoga mjesnog govora.

Dugo su godina hrvatska dijalektološka istraživanja zaobilazila proučavanje frazema mjesnoga govora/skupine govora/dijalekta ili narječja. Koncem 20. i početkom 21. stoljeća ta su istraživanja počele provoditi M. Turk (1998) i M. Menac Mihalić (2004), a uslijedila su i važna izdanja dijalektnih frazeoloških rječnika³. U tim se rječnicima donose i dijalektološke karakteristike govora na temelju prikupljene građe. Polazeći od tvrdnje da „možemo pretpostaviti da će se dijalektne karakteristike govora čuvati u frazemima dulje nego u drugim dijelovima govora jer su frazemi u svojoj osnovi konzervativni“ (Menac-Mihalić, M.; Menac, A. 2011: 32), a usmjerujući istraživanje na dijalektne frazeme koje za sastavnicu imaju antroponim (muško/žensko vlastito ime, prezime, nadimak) ekscerpirane smo frazeme istražili strukturno, proučili smo ih s gledišta etnofrazeologije⁴: u njima smo iščitavali sliku svijeta⁵ koju donose, proučili smo kulturno-antropološke podatke koji se u njima kriju, za neke od njih,

³ Vidi popis rječnika u Korištenoj literaturi: Menac-Mihalić: 2005, Maresić, Menac-Mihalić: 2008, Menac-Mihalić, Menac: 2011.

⁴ Etnolingvistika (u literaturi još označavana kao antropološka lingvistika, kulturni lingvistika ili lingvokulturologija) se je razvija u sklopu kognitivne lingvistike kao smjer koji je glavno usmjeren na kulturni aspekt jezika „kulturom u jeziku“. Proizlazi iz Humboldtovih radova te radova američkih lingvista: F. Boasa, E. Sapira, B. L. Whorfa i njegovih sljedbenika. Cilj joj je „opisati jezik ne sam kao stroj društvene komunikacije, nego i kao sustavni dio kulture.“ (Bartmiński 2007: 300). Etnolingvistika se oslanja na dijalektološku i etnografsko-folklorističku tradiciju te se nadovezuje na sociolingvistička, psiholingvistička i kognitivno-lingvistička istraživanja služeći se semantičkim i semiotičkim postupcima (ibid.). U sklopu etnolingvistike se razvijaju specijalizirane discipline a jedna od njih je etnofrazeologija, odnosno promatranje i analiza frazema kroz prizmu etnolingvistike.

⁵ Obično se početak teorije o jezičnoj slici svijeta vezuje uz W. von Humboldta, V.M. Mokienko taj termin povezuje s didaktičkim sustavom Jana Amosa Komenskog i njegovom *Svęt v obrazech* iz 1658. (Mokienko prema Barčot 59). Pojam se u lingvistici počeo pojavljivati u polovici 80. godina u radovima poljskih lingvista iz Lublina. Radi se o pristup prema jeziku koji je ovako označavan. (Vaňková et al., 2005: 46). Razne definicije kojih je cijeli niz potenciraju različite aspekte ovoga pojma. U radovima američkih kognitivista se uopće ne rabi, već se koristi formulacija „konceptualizacija svijeta sadržana u jeziku“. U ruskoj se lingvistici više govor o „naivnoj slici svijeta“, koja je u jeziku (Vaňková et al., 2005: 47).

frazeme lokalizme,⁶ pokazali smo na koga se odnose te smo na koncu te frazeme opisali i dijalektološki. Analizirani korpus je ekscerpiran iz nekoliko rječnika (vidi popis izvora: Milat Panža: 2015, Hanzir et al.: 2015, Jakšić: 2016, Uglesić: 2017) te terenskim istraživanjem govora Klisa i Podgore⁷. Oba govora pripadaju novoštokavskom ikavskom dijalektu štokavskoga narječja, ali se razlikuju po tome što je jedan štakavski (Klis), a drugi šćakavski (Podgora), dakle, pripadaju dvama različitim arealima dalmatinskih novoštokavskih govora.

Ovdje se moramo osvrnuti na činjenicu da se u dijalektološkim istraživanjima pazi na etičnost u istraživanju kao što je to i u drugim disciplinama (etnologija, kulturna antropologija i sl.). Etičnost se dijalektološkoga istraživanja osigurava informiranim pristankom ispitanika na sudjelovanje u istraživanju: istraživač i ispitanik se unaprijed dogovaraju što smije, a što ne smije biti javno objavljeno pri čemu rezultat istraživanja u jednom dijelu ostaje utemeljen na jednom (istina minoranom) dijelu građe poznatom samo istraživaču. Etičnost u dijalektološkim istraživanjima dolazi u prvi plan upravo u istraživanju frazema lokalizama i to onih kojima je sastavnica vlastito ime/prezime/nadimak, a nositelji su živi ili je živo sjećanje na njih. Tu se postavlja pitanje: kako u interpretaciji postići da jezični podatak ostane egzaktna, a osoba koja je denotat zaštićena, poglavito kada je riječ o frazemima koji konotiraju negativno značenje opisujući neku njegovu osobinu, što je u frazemima i najčešći slučaj. (Fink 7: 2002). Iako je i naše istraživanje potvrdilo da ispitanici često znaju samo značenje frazema, ali ne i osobu na koju bi se antroponim u frazemu odnosio, u građi se nalaze i frazemi u kojoj su osobe koje su motivirale nastanak frazema u određenoj lokalnoj zajednici žive. Hoće li frazemi njih nadživjeti, ne može se znati, ali su u ovom času ti frazemi činjenica konkretnoga govora. Ovdje dolazimo do pitanja koja muče i hrvatske etnologue/kulturne antropologe⁸ te bismo mogli uvesti pojam *dijalektologija pripadnosti* na tragu *etnografije pripadnosti* (Vukušić u Belaj et al.: 2009; Zebec: 2009) za slučajeve kada je i sam istraživač/autor dijalektnoga rječnika pripadnik zajednice čiji se govor istražuje/leksik zapisuje odnosno u isto je vrijeme ispitanik i istraživač. Na njemu je da odluči koliko će osobnoga od sebe dati odnosno odluka je na zapisivaču i njegovu dogovoru s ispitanikom koji govori o nekom trećem do koje se razine može ići. Najbolje

⁶ „Frazemi lokalizmi, potvrđeni samo u jednom govoru ili u grupi govora potaknuti su i nastali zbog postojanja konkretne osobe poznate u selu ili kraju. Takvi se frazemi čuvaju i dugo nakon što je dotična osoba umrla ili obitelj izumrla.“ (Menac Mihalić 2003-2004: 378)

⁷ Kratice knjiga iz kojih je ekscerpirana građa te mjesta u kojima je prikupljana: BI – *Rječnik govora Blata na Korčuli*, Ds – *Rječnik kajkavske donjosutlanske ikavice*, Sl – *Slavonice*, Sčhs – *Sažeta čakavska hrvatska slovnica*, Lo – *Lovinac*, Kl – *Klis*, Podg – *Podgora*.

⁸ „Stoga nakon rijetkih ranih primjera skrivanja identiteta istraživanih prema modelu američkih antropologa (Supek-Zupan: 1979), aktualna su promišljanja o tome kako pristupiti istraživanjima, kako provoditi istraživanje te kako etnografski interpretirati i pisati o delikatnim ili političkim temama.“ (Zebec 2009: 19).

je pitati i treću osobu/treće osobe (potomke, rodbinu, prijatelje) za pristanak na objavljivajuće građe koja nosi osobne podatke. Čini se kao da smo s obzirom na etičko pitanje u bavljenju frazemima lokalizmima stavljeni pred zid: valja odlučiti treba li tu građu koristiti ili ne koristiti u znanstvenim istraživanjima. Odgovor nam pruža sama znanost. Konkretno, naše istraživanje potvrđuje da u frazemima s antroponimnom sastavnicom ta sastavnica svoje denotacijsko i konotacijsko značenje dobiva preko opće kulture. Iako antroponim imenuje konkretan denotat, pri njenoj upotrebi u frazemima, dolazi do apstrahiranja denotata na temelju određenih općeprihvaćenih ekstralingvističkih čimbenika što vodi k tomu da vlastito ime/nadimak postaje opći simbol. Pristupimo li vlastitom imenu/nadimku kao općem simbolu, a istraživanje provedemo uz informirani pristanak, građa postaje neosobni lingvistički podatak, frazem lokalizam samo posrednik u otkrivanju slike mikrosvijeta lokalne zajednice.

Antroponimi zastupljeni u strukturno imeničkim, glagolskim, poredbe-nim i rečeničnim frazemima u analiziranom korpusu jesu:

- muška vlastita imena: **Marko** (*Mârkovi konāci* (Sl), (*priča*) *Markove kunake* (Lo)), **Šime** (*Nè budi Šime* (Kl)), **Vito** (*Nègo je tō rēkā ũ dvī riči kī Vītō* (Bl), *Ŭ dvī riči kī Vītō!* (Bl)), **Vice** (*Bit kâ Vicīna* (Kl)), **Grgo** (*Ču' će se ka Grgine gusle* (Lo)), **Đuka** (*uredije ka Đuka drob* (Lo)), **Rade** (*ponášat se kâ Råde Vidáčko(v)* (Kl)), **Andrija** (*Špōrak je kô Āndrija Kūsīn*. (Podg), *Ŭ tōj si rōbi istī Ŭjenī Āndrija*. (Podg)), **Martin** (*Mārtin h Zāgreb, Mārtin zi Zāgreba*. (Ds), *Mārtin u Zagreb – Mārtin iz Zagreba* (Sl)).

- prezimena: **Paškvalovići** (*A čapā si se tō za Paškvalōvića prējicu?* (Bl)), **Vela** i **Nola** (*Čūvaj se Vēlicā rōda i Nōlicā brōda* (Pog)), **Granić** (*Akōžīt se kī Grānića gūda* (Bl)), **Vranješ** (*čūvā ga kâ i Vranješ kabānicu* (Podg), *trjāat će mu/voj kâ i Vranjēšu kabānica* (Podg)), **Đurđan** (*Đūrdāne jēdān!* (Podg)).

- muški nadimci: **Kusin** (*Špōrak je kô Āndrija Kūsīn*. (Podg)), **Brajo** (*Svi bolesni osim kilavog Braje*. (Lo)), **Čaruga**⁹ (*odmetit se u Čarugu* (Sl), (*Bit*) *Čāruga* (Kl)), **Bravin** (*Brāvini konjī* (Bl), *A tō su Brāvini konjī!* (Bl)), **Her** (*Herōv tovār* (Bl)).

- ženska vlastita imena: **Mileva**¹⁰ (*Radio Mileva* (Sl)), **Gera** (*mīla Gēra* (Ds), *Držī se kāj mīla Gēra*. (Ds)), **Tuga** i **Buga** (*Biti ko Tuga i Buga* (Sl)),

⁹ Jovan Stanislavljević *Čaruga* (Bare, 2. veljače 1897. – Osijek, 27. veljače 1925.), bio je razbojnik koji je pljačkao po Slavoniji i Lici za vrijeme i nakon Prvoga svjetskog rata.

¹⁰ Ovo je jedini antroponim zastupljen na cijelom području bivše Jugoslavije. Neki je smatraju suvremenom frau Gabrijelom koju su nazivali „seoskim dobošem“ i „seoskim telegrafom“, iz romana Stevana Sremca „Pop Ćira i pop Špira“ iz 1898. prema kojoj je 1957. snimljen istoimeni film (prvi film u boji u YU) i 1982. te televizijska serija. Dok se prema legendi radilo o Crnogorki imenom Mileva koja se udala u Buronje u Vukoviće, a podrijetlom je iz sela Mali Stup iz Vasojevića, i preko rodbinskih veza njezina su naklapanja obilazila cijelu Crnu Goru. Njezin lik postaje posebno popularan početkom 20. stoljeća, otkrićem radija, koji je tada rijetko tko imao, pa su se informacije prepričavale, samim tim i mijenjale te se na kraju vrlo malo (ili nikako) nisu podudarale s prvotnom.

Marica, Mara, Mare (*Držati se ko Mara od roda* (Sl), *Takòr je to Mârica poprèla* (Do)), **Svršili su Mare bali** (Kl), **Biť ka Mára Mûlica** (Kl), **Nè budi Mára peškàruša**, **Vica** (*A odgojila jih je šēsñā Vīcā!* (Bl)), **Pela** (*Ispěčān si kakò Pēlīn pāndīl!* (Podg)) **Mandina** (*Vāri bōje nēgo Māndina!* (Bl)).

• ženski nadimci: **Želkuša** (*Dērē se kâ Žēlkuša* (Kl)), **Duda** (*Debēla istā Dúda* (Kl)).

Naglasak je u našem istraživanju stavljen na frazeme lokalizme kojima je sastavnica antroponim, a još uvijek u zajednici postoji živo sjećanje na osobu koja je motivirala nastanak frazema. Upravo smo te frazeme izdvojili u građi i analizi.

3. Konceptualna analiza frazema

Fink (Fink 2002: 37) prema konceptualnoj analizi dijeli frazeme na dvije velike skupine: one koje se odnose na čovjeka i one koje se odnose na neživo. Korpus ne potvrđuje ni jedan frazem koji bi se odnosio na ne živo, što potvrđuje i silnu antropomorfizaciju prisutnu u frazemima. Korpus pokazuje da se frazemi odnose ili na čovjekovu vanjštinu ili na neke ljudske (negativne) unutrašnje osobine. Prikupljena građa pokazuje da se konceptualiziraju sljedeća vanjska negativno ocjenjivana čovjekova obilježja: zamazanost (*špòrak je kò Āndrija Kúsīn*. (Podg), *istī Ūjenī Āndrija* (Podg), debljina (*debēla istā Dúda* (Kl)) i uboštvu (*Ispěčān si kakò Pēlīn pāndīl!* (Bl)). Čovjekov se unutarnji svijet u građi konceptualizira prema sljedećim konceptima: mudrost (*takòr je to Mârica poprèla*. (Do)), dosadnost (*priča Markove kunake* (Lo)), sklonost prenošenju laži i polu-istine (*radio Mileva* (Sl), nespretnost (*uredije ka Đuka drob* (Lo)), nazadnost (*nè budi Šime* (Kl)), odmetništvo/divljaštvo (*odmetit se u Čarugu* (Sl)), kilavost (*Svi bolesni osim kilavog Braje* (Lo)), emocionalna hladnoća (*Držati se ko Mara od roda* (Sl)), karakterni eksplozivnost (*dērē se kâ Žēlkuša* (Kl)), nepristojnost (*A odgojila jih je šēsñā Vīcā!* (Bl)). Koncepti su zanimljivi upravo po svom „ujezičenju“ kroz dijalektne frazeme budući da tada bivaju povezani s lokalnom (širom ili užom) slikom svijeta (npr. koncept lijenosti u Gorskom kotaru i u Dalmaciji).

U analizirani su se frazemima također „onimije često deonimizirane i postaju apelativi, no one se isto tako mogu odnositi na nešto specifično ili tipično i zadržati svoja onimijska obilježja“ (Ivanetić, Karlavaris Bremer 1999: 132). Valja opaziti da se frazemi lokalizmi u najvećem broju nalaze zabilježeni u rječnicima/dijalektnim zbirkama koje su napisali amateri, izvorni govornici, koji su (najčešće) i najsvjesniji činjenice da se specifičnosti pojedinoga govora najviše čuvaju upravo u frazemima s izrazito lokalnom komponentom. Pokazuje

to Milat (Milat: 2015) gdje rečenični frazemi imaju i živu priču iza sebe, tako: *A čapâ si se tô za Paškvaldovića prējicu*¹¹ sa značenjem 'biti zaštićen' se koristi jer se onaj tko bi pokucao na vrata bogate, ugledne obitelji bio zaštićen od progona, Antroponim Pela u frazemu: *Ispěčan*¹² *si kakò Pělin pāndil*¹³! sa značenjem 'biti neuredan' je stanovita Blajka¹⁴ koja je nosila suknju punu zakrpa, dok u: *Akôžīt*¹⁵ *se kī Grānića gūda* sa značenjem 'otkriti opasnost' čuva se zgoda o svinji koja je kad su je trebali zaklati, pobjegla u vlasnikovu (porodice Granić) kuću.

Blatski frazema u kojima se spominju osobe na koje je još uvijek živo sjećanje se koriste ironično. U poredbenom frazemu: *Ů dvī rīči kī Vītō!* krije se legendarni Blačanin Vitomir Bačić Posinak koji je govoreći malo rekao puno, ali značenje frazema je suprotno i koristi se kada se govornika se upozorava da previše govori, a u frazemu: *Vāri bōje nēgo Māndina!* čuva se sjećanje je na vrsnu kuharicu Mandinu, ali koristi se kada se želi se reći da osoba o kojoj se govori loše kuha.

Lovinački rječnik pokazuju da su u svijesti govornika još živa imena i pripovijesti s kraja 17. i početka 18. stoljeća prema tvrdnjama M. Japunčića koji za frazem: *Ču'će se ka Grgine gusle* donosi tumačenje da frazem znači da će istina doznati kad-tad, a slika svijeta koju donosi povezana je uz anegdotu o Grgičinim guslama ili guslama Nasrudin hodže. Isto se je i s frazedom: *Svi bolesni osim kilavog Braje* sa značenjem da onaj koji je stvarno bolestan, se najmanje žali. Tako je bilo u velikoj obitelji kilavoga Braje koji je jedini bio bolestan, ali se jedini nije tužio.

Značenje frazema u tijesnoj je vezi s pozadinskim znanjima izvornih govornika, s njihovim praktičnim iskustvima te s kulturno-povijesnim tradicijama. (Barčot 2017: 59-60). Njima se interpretira, ocjenjuje i izražava subjektivni stav govornika prema izvanjezičnom svijetu koji ga okružuje a frazeologija je fragment jezične slike svijeta (Barčot 2017: 62). Osnovna pretpostavka u etnofrazeologiji je da svaki izvorni govornik ima lingvokulturalnu kompetenciju i pri percepciju frazema njegova jezična i kulturna svijest djeluju uzajamno i istodobno.

Provedena terenska istraživanja u Podgori i Klisu potvrđuju određena živa sjećanja na nositelje antroponima u frazemu. Postanak podgorskoga rečeničnog frazema korišteno sa značenjem upozorenja: *Čūvaj se Vēlicā rōda i Nōlicā brōda* ima više tumačenja, a naš je ispitanik kao najjednostavnije ponudio da su nositelji prezimena Vela nezgodni ljudi, a s Nolama, tj. na njihovim brodovima, nije uputno ići za druga "na ribu".

¹¹ prejica – prsten u kamenu ili na zidu kuće za vezivanje stoke

¹² ispečan – ružan, neugledan

¹³ pandil – suknja

¹⁴ Blajka – stanovnica Blata

¹⁵ akožīt se – obratiti pozornost, uočiti nakanu

Pripovijest kojom ispitanici tumače poredbeni frazem: *čuvat kâ i Vranješ kabànicu* i njegove inačice: *Čûvâ ga kâ i Vranješ kabànicu / Tràjat će mu/joj kâ i Vranjêšu kabànica* govori da je bio jedan Vranješ koji je „kupio novu kabanicu, ali mu ju je bilo žao nositi jer je mislio da će mu duže trajati bude li je manje nosio što je dovelo do toga da ju nije uopće ni nosio. Godinama je ta kabanica visila u kutu, obješena o čavao. Govori se da ju nije nosio niti njegov sin, a kad ju je njegov unuk obukao, ona se ubrzo raspala“.

Poredbeni frazem: *bīt kô Àndrija Kusin*, te rečenični: *Ŭ tōj si rōbi istī* i imenski frazemi: *Ŭjenī Àndrija, Ŭjenī Àndrija* vezuje se uz nekoga Andriju Kusina (Kusin je nadimak), „koji nije bio Podgoran(in), nego iz Drašnica ili Igrana. Preživaljavao je radeći fizičke poslove, pomažući ljudima u polju ili u graditeljskim poslovima i slično. Bio je uvijek zamazan i neuredan, tako da je do danas ostalo: *šporak je ko Andrija Kusin, Ŭ tōj si rōbi istī Ŭjenī Àndrija*. Zvali su ga i Ujeni Andrija, po ulju, zamazanosti“.

Ispitanik imenski frazem: *Đurđane jēdān!* tumači pripovijesću da je u Podgori bio jedan čovjek „Đurđan ili Gjurgjan (prezime) koji je stalno činio izgrede, završavao u zatvoru zbog tučnjave, šverca i slično. Nije bio kriminalac, nego baraba, protuha, sitni prijestupnik. Prije dvadesetak godina čuo sam jednoga prijatelja (koji je sa mnom išao u razred) da je jednome turistu, koji je neoprezno plivao prema njegovu kaiću što se laganom brzinom približavao plaži, viknuo: „Đurđane, očeš li pod propelu!“, želeći ga upozoriti na opasnost od brodsakoga vijka. Po tome znam da je taj frazem proširen po Podgori, nije ga rabila isključivo moja baba Mare (prijatelj je s drugoga kraja Podgore). Inače se to zna gdjekad čuti i u nepristojnoj varijanti: *Jebeni Đurđane!*“

I u Klisu je potvrđeno u određenom broju frazema da je još uvijek živo sjećanje na nositelje antroponima, tako ispitanici smatraju da je frazem koji ima negativnu konotaciju: *Ne budi Želkuša* motiviran postupcima žene koja je stalno galamila i izazivala sukobe, rasturala međuljudske odnose. Frazemi sa antroponimom *Mara*: *Ne budi Mara peškaruša* te *Nisan ti ja Mara mulica*¹⁶, ne vežu se za osobe iz bliske okoline poznate ispitanicima, ali isto opisuju glasnoću pri govoru na koju se međutim gleda sa simpatijom. I dok frazem: *Nisan ti ja Mara mulica* podrazumijeva glasnu osobu, koja se ne boji reći u lice ono što misli, frazem: *Ne budi Mara peškaruša* govori o osobi koja pokušava sebi uzeti za pravo činiti ono što joj ne priliči odgojem, obrazovanjem, funkcijom. Potanji frazem u kojemu je zastupljena frekventna vlastita imenica (hipokoristik od imena Marija¹⁷), potvrđuje apstrahiranje denotata na temelju određenih

¹⁶ Mara Mulica je lik iz „Veloga mista“ Miljenka Smoje, i ispitanici je povezuju s tom književnom osobom.

¹⁷ Mršević- Radović povezuje vlastito ime s tri moguća podrijetla: leksemom (formantom) „mara“ u nazivu za bubamaru, hipokoristikom od Marta, personifikacija mjeseca mart (ožujak) i hipokoristikom od Marija vezan za kršćansku djevicu Mariju (Mršević-Radović 2008:120- 121.)

općeprihvaćenih ekstralingvističkih čimbenika što je uzrokovalo da vlastito ime *Mara* postane opći simbol za ženu iz tih krajeva sa tim karakteristikama. Hipokoristik najčešće naznačava i pripadanje nižem socijalnom statusu što se očituje i u ovom frazemu (žena što prodaje ribu na tržnici).

Frazem: *Ponašat se ka Rade Vidačko(v)* povezan je s osobom koja je živjela koncem 20. stoljeća, a koja je išla svakamo kamo bi je tko pozvao. Korpus ima jedan frazem koji kao sastavnicu ima antroponim kojega ispitanici povezuju sa živućim stanovnikom (*Ne budi Šime*), a odnosi se na osobe koje žele živjeti *po starinsku*, koje ne prihvaćaju inovacije, a spretni su i pametni, nisu čudaci.

Kako etnolingvistike proučava i izvanjezične informacije, ona otkriva „priču o svijetu“, koja proizlaze iz izjava ljudi (Bartmiński, 2007: 304), što je potvrđeno i našim istraživanjem koje pokazuje da su frazemi lokalizmi poznati u čitavom naselju (*Čûvaj se Vêlicã ròda i Nôlicã bròda* (Podg), ali i samo u dijelu određenoga naselja (*Debèla istã Dúda* – Varoš, dio Klisa) te da se njima služe uglavnom starosjedioci srednje i starije životne dobi. Koliko će koji frazem lokalizam trajati ovisi o koherentnosti lokalne zajednice, o usmenom prenošenju pripovijesti koje su motivirale nastanak pojedinoga frazema ili, što je u zadnje vrijeme sve prisutnije, u knjigama amatera koji opisuju vlastiti govor, pri čemu zabilježe i pripovijesti koje su u temelju kognitivne slike frazema.

4. Dijalektna obilježja u frazemima

Frazemi su, osim što su ustaljena sveza riječi u semantičkom smislu, ustaljena sveza riječi i u gramatičkom smislu jer se u njima čuvaju pojedina dijalektna obilježja koja nestaju u svakodnevnom govoru. To potvrđuju i frazemi iz analizirane građe, pogotovo oni koji su prikupljeni terenskim istraživanjem ili su ekscerpirani iz rječnika/monografija koji su vodili računa o preciznosti zabilježivanja jezičnih podataka. Ilustrativno se može pokazati da se u frazemima iščitavaju akcenatska obilježja pojedinoga govora, npr. u dugootočkom frazemu: *Takòr je to Mârica poprèla* (Do) očuvan je kratkosilazni naglasak na starome mjestu, a u imenu Marica je došlo do duljenja pred sonantom; u dijalektnim se frazemima ogledaju fonološka (*Vâri bõje nêgo Mândina!* (Bl) ili *Ûjenî Ândrija* (Podg)), gdje nalazimo adrijatizam, zamjenu glasa *lj* glasom *j*, pojavu karakterističnu za južnočakavske i novoštokavske obalne govore hrvatskoga jezika) kao i morfološka (*uredije ka Đuka drob* (Lo)) obilježja pripadajućih govora te se u njima čuvaju leksičke karakteristike govora koje su u slobodnom govoru zamijenjene novim riječima, npr. blatski primjeri: *prejica*, *ispečan*, *pandil*, *akožit se* koji su ostali očuvani u frazemima, ali se gube iz govora. I jezična analiza frazema lokalizama potvrđuje da su oni nositelji slike svijeta određene zajednice u kognitivnom, ali i jezičnom smislu jer su svojim izrazom povezani uz važno obilježje identiteta pojedinca i lokalne zajednice.

Zaključak

U hrvatskoj je frazeologiji poznato da su frazemi jedan od najvažnijih izvora za rekonstruiranje jezične slike svijeta, jer se u njima ogleda život pojedinoga naroda. Oni pokazuju tijesnu vezu kulture i jezika, a ta se činjenica potvrđuje u frazemima lokalizmima, poglavito u onima u kojima je jedna od sastavnica antroponim.

Iako se tvrdnja da „često govornici određenog govora ne znaju zašto je potvrđeni antroponim sastavnica frazema, tj. ne znaju označava li taj antroponim konkretnu osobu, znaju samo značenje cijeloga frazema.“ (Menac-Mihalić 2003-2004: 362) pokazala točnom i u ovom istraživanju, svakako terenska istraživanja provedene u Podgori i Klisu potvrđuju određena živa sjećanja na nositelje antroponima u frazemu.

Antroponimi zastupljeni u dijalektnim frazemima su najčešće muška vlastita imena, rjeđe u svojoj osnovnoj formi (Marko, Martin, Andrija) a najčešće njihovi hipokoristici (Šime, Vice, Grga, Đuka), prezimena i nadimci: muški i ženski. Kod ženskih vlastitih imena je također prisutnija hipokoristička varijanta vlastitoga imena (Mara od Marija, Mandina od Magdalena itd.). Znakovita je velika zastupljenost hipokoristika koja uz obilježje familijarnosti i bliskosti najčešće upućuje i na pripadnost nižem socijalnom statusu.

U slučajevima kada je u frazemu zastupljeno opće poznato vlastito ime na području cijele Hrvatske (Martin, Marko ili Gera, Tuga i Buga) ili na području cijele bivše države, Jugoslavije (Mileva) to kolerira i s rasprostranjenošću toga frazema. U njima su ili dijalektno obilježene ostale sastavnice (prijedlozi: *Mārtin h Zāgreb*, *Mārtin zi Zāgreba*, *Držī se kāj mīla Gēra*, imenica: (*priča*) *Markove kunake*) ili nisu: (Tuga i Buga, Mileva).

U ispitanim govorima, dakle, postoje frazemi koji su lokalizirani, i njihova značenja se vezuju za konkretne osobe, dakle njihova je motivacija još živa u pamćenju. Osim njih, postoje i frazemi u kojima je izgubljena veza između denotata i značenja, kao što je naša Mara iz naslova, nositeljica jako frekventnoga i karakterističnoga imena za ukupnost hrvatskoga jezičnog prostora, a posebice za Dalmaciju¹⁸, što je uvjetovalo da to vlastito ime kroz dulje vremensko razdoblje postane opći simbol za ženu iz tih krajeva s određenim karakteristikama.

U korpusu je pozitivno vrednovanje rijetko i frazemi se konceptualno odnose na opisivanje i negativnu evaluaciju uglavnom unutarnjih osobina ili na čovjekovu vanjštinu. Konceptualizacija unutarnjih osobina upućuje na bliski kontakt ili osjećaj bliskosti sa denotatom. Motivacijski temelj za nastajanje frazema su (što potvrđuju i iskazi ispitanika) neke tipične i upečatljive osobine konkretne osobe na temelju izravnoga ili neizravnoga kontakta s tom osobom (primjerice iz pripovijedanja starijih). Frazemi s antroponimskom sastavnicom su svakako svjedoci konceptualizacije svijeta u tim lokalnim sredinama.

¹⁸ Katolička, marijanska tradicija još uvijek je iznimno jaka u Dalmaciji.

Korištena literatura

- Мршевић Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Београд: Чигоја.
- Barčot, B. 2017. *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija* Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Bartmiński, J. 2007. „Čim se zabývá etnolingvistika?“ *Slovo a smysl*, 2007, č. 4., s. 299–309.
- Bartmiński, J. 2016. *Jazyk v kontextu kultury*. Praha: Karolinum.
- Belaj, M.; Marković, J.; Pleše, I.; Vukušić, A-M. 2009. “Etička pitanja u humanističkim istraživanjima: (če)t(i)ri studije slučaja”. U *Jedna granica - dvije etnologije?*, Ž. Jelavić, S. Potkonjak i H. Rožman, ur. Zagreb: Hrvatsko etnološko društvo, 133–156.
- Fink – Arsovski, Ž. 2002. *Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra*. Zagreb: FF Press.
- Ivanetić, N., Karlavaris Bremer, U. 1999. „Onimijski frazemi i konceptualizacija svijeta“. *Suvremena lingvistika* Vol. 47-48. 131-142.
- Lukežić, I., Turk, M. 1998. Govori otoka Krka, Libellus. Crikvenica.
- Menac-Mihalić, M. 2003-2004. „Hrvatski dijalektalni frazemi s antroponimom kao sastavnicom“, *Folia Onomastica Croatica* 12-13. 361-386.
- Menac-Mihalić, M. 2005. *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora*, Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb.
- Raguž, D. 1979. „Vlastita imena u frazeologiji“, *Onomastika Jugoslavica* 8, 17–23.
- Vaňková, I. 2007. *Nádoba plná řeči*. Praha: Karolinum.
- Vaňková, I. 2010. „Úvodem: na cestě ke kognitivní (etno)lingvistice“, *Slovo a slovesnost*, 2010, č. 4., 245–249.
- Vaňková, I. et al. 2005. *Co na srdci, to na jazyku*. Praha: Karolinum.
- Vranić, S. 2005. “Iz kostrenske frazeologije“, *Zbornik Čakavskoga sabora Kostrena: Život, kultura i povijest Kostrene* knj. 1., ur. S. Vranić. Kostrena: Katedra Čakavskoga sabora Kostrene, 139–152.
- Zebeć, T. i dr. 2009. Etika u etnologiji / kulturnoj antropologiji. *Etnološka tribina* 32, Vol. 39, 15-53.

Rječnici

- Maresić, Jela. 1995. „Mali frazeološki rječnik govora Podravskih Sesveta“, *Podravski zbornik*, Koprivnica, 219–236.
- Maresić, Jela, Menac-Mihalić, Mira. 2008. *Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- Matković, Dinko. 2004. *Rječnik frazema i poslovice govora Vrboske na otoku Hvaru*. Jelsa. Matica Hrvatska. Ogranak.
- Menac, Antica, Fink-Arsovski, Željka, Venturin, Radomir. 2014. *Hrvatski frazeološki rječnik*. 2. izdanje. Zagreb. Naklada Ljevak.
- Menac-Mihalić, Mira. 2005. *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora*. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Menac-Mihalić, Mira; Menac, Antica. 2011. *Frazeologija splitskoga govora s rječnicima*. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Izvori

Hanzir, Štefica, Horvat, Jasna, Jakolić, Božica, Jozić, Željko, Lončarić, Mijo 2015. *Rječnika kajkavske donjosutlankse ikavice*, Udruga Ivana Perkovca – Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Jakšić, Martin 2016. *Slavonice*, Naklada Jesenski i Turk.

Milat Panža, Petar. 2015. *Rječnik govora Blata na Korčuli*. Zagreb. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Uglešić, Nikica 2017. *Sažeeta čakavska harvatska sloovnica*. Element.

Ivana KURTOVIĆ BUDJA, Slavomira RIBAROVA

WHO IS MARA THE FISHERWIFE? (ON SOME ANTHROPOLOGY IN THE CROATIAN DIALECTOLOGICAL PHRASEOLOGY)

Summary

The paper corpus analyzes anthroponymy in the Croatian dialectological phraseology with a special emphasis the phrasemes found in certain local areas. The paper shows the different locally marked motivation of these phrasemes and discusses the stories told by the local inhabitants.

Since the corpus is collected through a field research and material found in the Croatian dialectological Dictionaries it is of major importance to show all the specific stories around each phraseme, which are preserved among the inhabitants of Klis and Podgora.

Neda PINTARIĆ

Filozofski fakultet, Zagreb

Miroslav HRDLIČKA

Filozofski fakultet, Zagreb

DEPRECIJACIJA U PRAGMAFRAZEMIMA S TOPONIMNOM SASTAVNICOM U HRVATSKOM I POLJSKOM JEZIKU¹

Apstrakt: U članku se analizira sociolingvističko i pragmatičko značenje frazema s toponimnom sastavnicom. Odabrane negativno obilježene hrvatske frazeme klasificirat ćemo i usporediti sa sličnim poljskima. Osim domaćih naziva mjesta u frazemima (npr. *ljepotice iz Markuševca*, *Martin u Zagreb*, *Martin iz Zagreba*) koristit će se i strani toponimi zemalja (*toga nema ni u Zanzibaru*) ili regija (*hladno kao u Sibiru*).

Ključne riječi: frazeologija, frazem, pragmatika, pragmafrazem, toponimija, rječotvorje

Uvod

Baveći se pragmafrazemima s različitim sastavnicama, uočili smo da uvijek ima više onih negativnoga vrjednovanja nego frazema pozitivnih značenja. Kako se pragmatika definira kao znanost o emotivnim, modalnim i ilokutivnim iskazima u razgovornom jeziku (Awdiejew 1983), čudi ovakva pojava. Međutim, kad se promatra kategorija vijesti u novinarstvu, također se vidi da negativni sadržaji uvijek prednjače pred pozitivnima jer je novost ono što je neobično i strašno, a za dobro se prešutno pretpostavlja da bi trebalo biti uobičajeno pa ne spada u novost.

U radu će biti riječi o sociolingvističkom i pragmatičkom značenju frazema s toponimnom sastavnicom u odabranim negativno obilješnim hrvatskim i poljskim pragmafrazemima.

Klasificirat ćemo i opisati značenje pragmafrazema s toponimima dijelova grada i okolice, obližnjih mjesta u Hrvatskoj i Poljskoj te onih u stranim zemaljama, pa čak i planeta u svemiru. Svi primjeri pokazat će da toponimi

¹ This work has been supported in part by the Croatian Science Foundation under the project Comparative slavic linguocultural themes number 2131.

imaju različita prenesena značenja kojima se izražava ironija, glupost, naivnost, nekultura, odnosno naše predrasude o nepoznatim dalekim krajevima u koje, čini nam se, nije još stigla civilizacija. Vidljiv je i animozitet između ‘seljakâ’ i ‘građanâ’, između glavnoga grada i provincije, između pojedinih manje razvijenih i razvijenijih pokrajina i slično. Ovamo bi se moglo ubrojiti i pogrdne nazive za građane iz pojedinih gradova i pokrajina (npr. *Splico*, *Dalmoš*, *Purger*, *Likota*, *Bosančeros* i sl.), no to je posebna tema za osobna imena. U tu svrhu trebalo bi analizirati rječnike žargona koji pokazuju da se govornici smatraju ‘višom klasom’, boljima i pametnijima od onih koje ismijavaju, pogrdno se izražavaju o njihovu podrijetlu, razmišljanjima, modnom ukusu, ponašanju, poslu koji obavljaju itd. (usp. Pintarić 2010).

1. Toponimi gradskih četvrti u poljskim i hrvatskim pragmafrazemima

Svaki grad ima toponimne punktove koji su stvarni, ali u komunikaciji dobivaju preneseno značenje. Uspoređivat ćemo takve punktove u nazivima hrvatskih i poljskih gradskih četvrti. Naime, svaki grad ima groblje, umobolnicu, bazar (sajmište), zatvor s toponimnim imenom te glavni trg.

1.1. Toponimi groblja u pragmafrazemima

Naziv gradskoga groblja omogućuje stvaranje frazema s onimnom sastavnicom pa tako frazem *otići na Mirogoj* u Zagrebu znači ‘umrijeti’ (jedno od zagrebačkih groblja naziva se ‘Mirogoj’). Pridjevni frazem *Mirogojski mališani* označava odrasle pjevače na sprovodu na Mirogoju, čime se postiže humoristična komponenta s usporedbom dječjega zbora *Zagrebački mališani* koji su popularni poput zbora dječaka zvanoga *Bečki slavuji*.

U Varšavi postoji sličan frazem s toponimom gradskoga groblja ‘Powązki’, u istom prenesenom značenju ‘umrijeti’. Kad se želi reći da je tko umro, kaže se: *odszedł na Powązki*.

1.2. Toponimi s nazivom kvarta gdje je izgrađena bolnica za umobolne

Kada vam u Zagrebu kažu da ste za *Vrapče* ili *Jankomir*, odnosno, kada se uporabi frazem da *je zreo tko za Vrapče (Jankomir)*, znači u žargonu da je tko lud, nenormalan, pomaknut, skrenut, spaljen, tj. da priča gluposti. Za dešifriranje etimologije ovoga frazema potrebno je znati da su Vrapče i Jankomir četvrti u zapadnom dijelu Zagreba gdje su izgrađene bolnice za umobolne bolesnike, u

žargonu zvane ‘žute kuće’. Takve se bolesnike u svakodnevnoj komunikaciji naziva ‘luđacima’. To su osobe koje žive izvan uobičajenoga svijeta, najčešće vide stvarnost drugim očima nego ‘normalni’ ljudi i frazem s prenesenim značenjem povezan je s njihovom psihičkom bolesti. Slično se događa u svim poljskim gradovima koji imaju bolnice za umobolne. U Krakovu je umobolnica u četvrti ‘Kobierzyn’ pa se, slično kao i u Zagrebu, rabi pragmafrazem *nadaje się do Kobierzyna* ktoś. Takvi frazemi funkcioniraju u razgovornom jeziku i za njihovo je dešifriranje potrebno znati tzv. geografiju prostora (usp. Šakaja 2015).

1.3. Toponimi s nazivom sajmišta

Ovi toponimi označuju lošu kvalitetu prodavane robe. U Zagrebu je najprije sajmište bilo na Hreljiću (obližnje selo koje je već ušlo u granice grada Zagreba), a danas je to Jakuševac (mjesto odlagališta gradskoga otpada i sajmište u određene dane, npr. srijedom se prodaje rabljena roba, ‘od igle do lokomotive’, čak i rabljene četkice za zube!, a nedjeljom stari automobili).

Pragmafrazem s toponimom *Jakuševac* nosi pogrdno značenje stare, nekvalitetne robe kad se uporabe frazemi poput *roba s Jakuševca*, *iz Jakuševca* je što. Iako svaki grad ima takvo mjesto, nema uvijek toponima koji ga obilježuje. U Krakovu se takvo mjesto zove *tandeta*, to je ujedno i riječ kojom se obilježava nekvalitetna roba (*kupione na tandecie* ili *to tandeta*), ali takvih je mjesta u gradu više pa nije napravljen toponim kao u Zagrebu. U hrvatskim i poljskim pragmafrazemima toga značenja mogu funkcionirati *Hong Kong* ili *Kina*: *to je Hong Kong*, *to je kineska roba*, *to je kineski bofl* (za jeftinu robu loše kvalitete); zatim: *chińska jakość* (u Poljskoj funkciju toponima *Chiny* preuzima posvojni pridjev, a značenje je isto kao u hrvatskome: slaba kvaliteta jeftine robe, tj. *kineska roba*).

1.4. Toponim četvrti u kojoj je zatvor

Zagreb danas ima specifičan odnos prema kvartu ‘Remetinec’ jer je tamo 1987. izgrađen suvremeni zatvor u koji odlaze između ostalih političari s ‘putrom na glavi’ (nepravomoćno osuđeni za financijski kriminal). Tako je na ploči jednoga dječjeg vrtića koji pripada Remetincu sprejem dopisano: ‘Ovdje sve počinje’! Skovan je i novi pragmafrazem: *za Remetinec je tko; otići u Remetinec*, u značenju: osoba kažnjena za kakvo učinjeno zlodjelo, obično političkoga ili financijskoga tipa; *za Remetinec je* što frazem je kojim se naziva ‘kažnjivo djelo’.

Ranije se pojam političkoga zatvora vezao s Golim Otokom smještenim u Kvarnerskom zaljevu, zatvorenom tek 1989. godine. Takav toponim ima posve drugo značenje od ‘Remetinca’ jer su na Golom Otoku mučeni politički

neistomišljenici, zatvorenici Titove Jugoslavije i značenje toga zatvora u ljudima pobuđuje gnušanje, tugu, mržnju prema nepravedno osuđenim nevinim ljudima. Za razliku od Gologa Otoka, 'Remetinec' izaziva prijezir, ljutnju zbog krađe naše imovine, ali u pragmafrazemu dobiva i humorističan prizvuk u upozorenju: *pazi da te ne zadesi Remetinec!*

U poljskim gradovima poznato je gdje su zatvori, ali nisu imenovani toponimima.

1.5. Hodonimi kao toponimi ulica i trgova

Problemom hodonimije grada Splita i okolice bavio se u svojoj doktorskoj disertaciji Josip Lasić (2017), međutim mi ćemo se ovdje osvrnuti na zagrebačku hodonimiju. Postoji tako više načina imenovanja glavnoga zagrebačkog trga koji se u 19. stoljeću zvao Harmica. Prije II. svj. rata taj se trg zvao *Jelačić plac*, *Jelačićev trg* ili u govoru skraćeno *Jelac*, a za vrijeme ex Jugoslavije dobio je naziv *Trg Republike*. Od 1990. godine vraćen mu je kip bana Josipa Jelačića i trg je opet nazvan po spomenutom hrvatskome banu. Zagrepčani danas taj trg u žargonu zovu samo *Trg* ili *Trgač* iako Zagreb ima mnogo trgova (nedavno je, ljeti 2017., Trg Maršala Tita preimenovan u Trg Republike Hrvatske pa ćemo vidjeti kakav će on skraćeni naziv dobiti od Zagrepčana).

Svačićev trg u Zagrebu bio je poznat po okupljalištu prostitutki. Ranije je za to bila simbolom *Petrinjska ulica*, nešto kasnije zgrada Varteksa na Trgu bana Jelačića, a danas je dovoljan poziv mobitelom konkretnoj 'djevojci sumnjiva morala' pa nije potreban toponim s frazemom *djevojka iz Petrinjske, dama sa Svačićevog trga* i sl.

U poljskim gradovima postoji naziv *Rynek Główny* (Glavni Trg). U Krakovu se Rynek Główny naziva i *Sukiennice* po zgradi u središtu toga Glavnoga Trga. To je dugačka građevina s boltama i prodavaonicama gdje se nekada davno prodavalo sukno, poslije se prodaja proširila na domaće proizvode i suvenire, što je ostalo do danas. Rabi se frazem: *kupić coś w Sukiennicach* (kupiti kakav suvenir ili proizvod narodnih rukotvorina, u socijalizmu zvanih 'Cepelia'), a to danas može biti negativno obilježeno ili ironično o turistima koji kupuju neukusne suvenire. S jedne strane glavni se trg u Krakovu povezuje sa zgradom izgrađenom posred trga, a s druge strane s kičastom robom za strane turiste koji tamo kupuju suvenire. Kako danas nisu popularne narodne rukotvorine, 'Cepelia' tako i ono što se prodaje u Sukiennicama ima negativan prizvuk neukusa jer se 'prava' moda uvozi samo iz zapadnih modnih centara.

Paralela s nazivom zgrade u Zagrebu se u socijalizmu mogla povući sa zgradom 'Varteksa', pred kojom je bilo okupljalište prostitutki, no danas je na toj zgradi glavni natpis prodavaonice tvrtke Müller. Nazivi renomiranih zapadnih prodavaonica nisu zasad dobili negativno preneseno značenje.

2. Toponimi gradske okolice i obližnjih selâ

U današnje doba sve više nestaju razlike između sela i grada, svi stanovnici Hrvatske nazivaju se građanima, no u svijesti ljudi, pa i u njihovu ponašanju, ostala je podjela na *selo* i *grad*. Tako se u pragmafrazemu *ljepotice iz Markuševca* osjeća doza prijezira i ismijavanja Zagrepčana na kičasti ukus u oblačenju seoskih djevojaka koje se odijevaju neukusno, napadno, pretjerano se kite i mažu, a uz to se ponašaju užtogljeno, misleći da su po tome *građanke*.

Obrnuto, osobe iz provincije negativno doživljavaju rođene Zagrepčane koje nazivaju *purgerima* pa u njih frazem *ona je purgerica* dobiva negativno i podcjenjujuće značenje osobe koja je umišljena zbog svoga podrijetla. Pojam potječe od iskrivljenoga njemačkoga naziva za građanina (*bürger*) jer je u Zagrebu u 19. stoljeću bio jak njemački utjecaj u govoru i mentalitetu, za razliku od južnih krajeva Hrvatske, gdje je jači bio talijanski utjecaj. *Purger* i *purgerica* pogrdni su sinonimi za Zagrepčanina i Zagrepčanku.

U Poljskoj je zanimljivo da se za razliku od hrvatskih djevojaka, izdvajaju ‘dečki’, *chłopcy z Grójca* (kraj Varšave) ili *z Kłaja* (kraj Krakova), kao neotesani momci koji se ne znaju ponašati poput gradskih dobro odgojenih mladića. Isto tako u okolici Poznania poznat je pragmafrazem *palant z Mosiny* u značenju fićfirića koji je ohol jer je skupocjeno ali neukusno odjeven. Ova komponenta mode povezuje u frazemima okolicu Poznania (mjesto Mosina) i okolicu Zagreba (selo Markuševac koje je danas već zagrebački kvart).

Prijezir građana prema seljacima vidi se i po specifičnim toponimima: *on (ona) je iz Pušče Bistre* (primitivna, neodgojena, neukusno se odijeva, ne zna se lijepo ponašati ni izražavati, govori dijalektom). Toponim je nastao spajanjem dvaju mjesta u Hrvatskom Zagorju: Pušče i Bistre (sela se nazivaju Gornja i Donja Bistra te Pušča).

Jedan je političar nesmotreno izjavio *Nisam ja iz Špičkovine da ne znam što treba ...* (mislio je reći da nije naivan da ne razumije stvari kao neki seljak ...), čime je uvrijedio stanovnike dotičnoga mjesta i morao se ispričati. Naime, naziv mjesta povezan je s kajkavskim korijenom (označen podebljanim slovima) koji asocira ženski spolni organ često rabljen u psovka i uzrečicama.

U prošlom se stoljeću ljutnja na koga ili što iskazivala i frazom *Ajd’ u Čučurje* (u značenju: *idi k vragu, dovraga, nestani* i sl.), s naglaskom na prvom boldanom slogu i istim samoglasnikom ponovljenim u drugom slogu. Radi se o selu u blizini Zagreba koje se zove *Čučerje* pa drugačije mjesto naglaska i iskrivljavanje naziva toga sela u psovki nosi negativan, podcjenjivački naboj. Etimologija ovoga toponima vjerojatno dolazi od *čuča*, što je apelativ za kokoš i nekad se rabio kao odmilnica u obraćanju: *čučica, kokica*. Do danas se u kajkavskim krajevima rabi hipokoristik obraćanja: *koka* (v. zoonimni pragmemi, Pintarić 2002).

U poljskim sredinama također postoje frazemi kojima se iskazuje prijezir prema osobi iz provincije. Tako se u rječniku 'Słownik gwary miejskiej Poznania' spominje frazem koji sadrži ime osobe i toponim obližnjega sela (*Junek z Buku*), pri čemu se ironično i šaljivo iskrivljuje vlastito ime *Janek* koje je često davano rođenima na selu, a ovdje pokazuje negativnu oznaku poznanjskoga provincijalca. Drugi i treći primjer sastoje se od apelativa u prvom dijelu frazema, čime se iskazuje ironičan odnos prema osobi, a drugi dio frazema čini toponim obližnjega mjesta: *elegant (szpagat) z Mosiny* opisuje osobu koja ima skupu odjeću te se stoga pravi važan; pogrdni apelativ i seoski toponim *perdola z Gądek* ironično obilježava brbljavu i tračavu osobu (Gruchmanowa 1997: 86).

3. Toponimi u cijeloj Hrvatskoj

Nedavno je na jumbo-plakatima bio ispisan cijeli niz toponima hrvatskih sela s humorističnim prizvukom u reklamama za Ožujsko pivo (žargonska kratica je *Žuja*). Za reklamu su odabrana hrvatska sela smiješnih imena kako bi se lakše upamtila frazeologizirana poruka s reklame: *Žuja je zakon* (tj. *Ožujsko pivo* je najbolje pivo) jer se pije diljem Hrvatske, u mnogim mjestima kao što su: *Špičkovina, Sračinci, Gačelezi, Cugovec, Štakorovec, Donja Batina, Prduša Vela, Gornje Cjepidlake, Ženodraga, Grdoselo, Svinjarevci* (na internetu se mogu naći uz žargonsko objašnjenje: *naša su mjesta zakon jer se u njima pije Ožujsko pivo*).

Mjesto *Hlebina* u Podravini diči se samoukim slikarima naive danas poznatima u svijetu pod nazivom *Hrvatska naiva*. 1930. godine Krsto Hegedušić počinje sa seljacima Ivanom Generalićem i Franjom Mrazom slikati tehnikom ulja na staklu. Nakon II. svj. rata Ivan Generalić postaje središnjom osobom tzv. Hlebinske škole i poučava sljedeću generaciju slikara naivaca. To su Mijo Kovačić, Ivan Večenaj, Ivan Lacković Croata, Dragan Gaži i drugi (<https://hr.wikipedia.org/wiki/Naiva>). U razgovoru se rabi upitni pragmafrazem s onimom kad se neku osobu smatra naivnom, glupom ili lakovjernom: *Šta si ti iz Hlebina? Pa ti mora da si iz Hlebina!*

Udaljenost sela od grada i značenje zaostalosti sela pokazali smo u eufemističnoj psovki koja sadrži naziv sela pokraj Zagreba (*ajd' u Čučurje*). No vjerojatno svaki grad u Hrvatskoj ima takvo svoje udaljeno selo u koje se psovkom 'šalje' osoba na koju se ljutimo ili ju smatramo glupom. Tako se u Bjelovaru govorilo *ajd' u Šandrovce!* (postoji selo Šandrovac, a množinski oblik iskrivljen je poput onoga u Čučerju, možda da se ne uvrijede njihovi stanovnici). Danas se sve više rabe psovke kojima se osobu šalje još dalje, u vrijeme kada je još bila u maternici, što je vremenski najudaljenije mjesto za konkretnu osobu.

Mira Menac Mihalić u svom rječniku hrvatskih dijalektalnih frazema navodi frazem *Ko koga šiša kad nije iz Omiša* (2005: 256) u značenju ‘ne mari *tko* za *koga*’ ili ‘nije *koga* briga za *koga*’. Ovdje je toponim odabran radi rime s dijelom frazema ‘*tko koga šiša*’ što u žargonu znači ‘*koga* je briga za *koga*’. U socijalizmu se u tom frazemu rabio toponim *Niš*, također radi rime te je imao isto ironično i humoristično značenje povezano s gestom odmahivanja rukom radi pokazivanja prijezira.

4. Toponimi susjednih zemalja

Ovi toponimi odnose se uglavnom na Sloveniju, Bosnu, Kosovo i tamošnje gradove, a za Poljsku je to Ukrajina i grad Berdyczów, eventualno latvijski glavni grad Riga.

Rimovani iskaz, po obliku usporedba, češće se čuo dok smo živjeli u zajedničkoj državi: *u redu k'o na Bledu*. Na internetu se u sličnom značenju spominje *u redu k'o u Beču*, gdje izostaje rima. U prvom slučaju rima nije povezana sa značenjem grada u poredbenom dijelu, naime, Bled je turističko mjesto s jezerom i otočićem s crkvicom, što nije povezano s njegovim redom i ljepotom, nego samo ima humoristično značenje zbog rime. Ovisno o kontekstu, ovaj frazem može biti i negativno obilježen. U drugom primjeru izjednačuje se značenje reda s gradom Bečom, izostaje rima i pokazuje se osjećaj manje vrijednosti Hrvata koji misle da je pravi red jedino u Beču, a ne u hrvatskim gradovima.

Mala moja iz Bosanske Krupe riječi su pjesme kojom se Branko Ćopić obratio nepoznatoj gradskoj djevojci: “Bilo mi je dvanaest godina, / prvi put sam sišao do grada / iz mog sela, tihog i dalekog, / kad susretoh tebe iznenada. / Eh, dječake uspomene glupe! / Mala moja iz Bosanske Krupe!” Ovaj citat često se koristi kao frazem kojim se podcjenjuje seljančicu ili djevojku provincijalku u odnosu na osobu koja je odrasla u gradu ili velegradu.

U kajkavskoj varijanti nepostojećim toponimom ismijava se neukost seoske djevojke i toponim *Bosanska Krupa* zamjenjuje se izmišljenim toponimom *Donja Rekavica* pa se kaže: *mala moja z Donje Rekavice*. U mnogim se toponimima nalazi zemljopisna razlika između sela na brijegu (gornje selo) i onoga u nizini (donje selo). Logikom bismo rekli da je zaostaliye gornje selo jer je do njega teže doći. U prenesenom je značenju obrnuto, sjetimo se *Hamleta iz Mrduše Donje* koja je na poljski prevedena kao *Glucha Dolna*, dakle isto s elementom ‘donji’, u značenju ‘zaostaliyi’ od ‘gornjegaj’.

Humor svojstven stanovnicima Bosne i Hercegovine pokazuje uzrečica: *Zbogom Bosno, odoh ja u Sarajevo!* Osim humora ovdje se skriva i druga istina, razlike između dva svijeta, naprednoga života u glavnom gradu i zaostale seoske

sredine. Uzrečica je nastala prije II. svj. rata, a danas joj se izmijenilo značenje. U srpskom mrežnom rječniku slenga ‘Vukajlija’ nalazi se objašnjenje uporabe ove uzrečice (s tom razlikom što se navodi u obliku “Zbogom Bosno odoh za Sarajevo”) – ‘time se na fin način želi nekomu reći da govori besmislice’ (<https://vukajlija.com/zbogom-bosno-odoh-za-sarajevo/152019>).

Za glupoga čovjeka ironično se kaže da je *Mujo iz Doboja*. ‘Mujo’ i ‘Haso’ dva su česta bosanska imena poznata iz viceva iz kojih se vidi da se radi o ne baš bistrim osobama, a još kad je takva osoba iz Doboja (mali bosanski grad), pribraja joj se količina ‘pameti’. Uzrečica se izvodi iz narodne pjesme: *Stani malo, od Doboja Mujo, i mi konja za trku imamo* (znači: nismo ni mi glupi). Za grad se veže i epski junak *od Doboja Mujo* (v. Google). U govornom jeziku čest je frazem s antroponimnom sastavnicom u šaljivom ili uvredljivom obliku: *Ti si pravi Mujo iz Doboja* (značenje frazema s imenom i toponimom odnosi se na glupu i nesnalažljivu osobu).

Povijesni frazem *provesti se (proći, nastradati, nadrljati) kao Janko na Kosovu* (te *kasno Janko na Kosovo stiže*) živ je u razgovornom jeziku u značenju sadržanom u glagolu, tj. ‘loše proći, nastradati’. (Radi se o povijesnoj osobi Janoša Hunjadija, mađarskoga vojvode od Erdelja, oca Matije Korvina, koji je krenuo u Drugu Kosovsku bitku 1448. i računao da će se spojiti s albanskim snagama te potjerati Osmanlije s Balkana. Međutim, Turci su prozreli njegovu namjeru pa su razbili Hunjadijevu vojsku (https://hr.wikipedia.org/wiki/Janko_Hunjadi)).

Moja majka², kad bi se naljutila npr. na uporno zvonjenje na vratima, govorila bi srdito: *zvonilo te u Mitrovici* (valjda je to bilo u značenju: ‘idi k vragu, zašto mi sada smetaš!’). Pokraj Kosovske Mitrovice nalazi se svetište Gospe Letničke (naziv prema rijeci Letnici), gdje je još u 16. stoljeću podignuta crkva BDM koju su Turci srušili u bitkama. Vjerojatno su zbog velikih žrtava dugo zvonila crkvena zvona, što je moglo biti zapisano u nekoj od pripovijesti pa se zadržalo do 20. stoljeća (zvonjava zvona zbog negativnog događaja uključila se u frazem ljutnje).

Jedan poljski pragmafrazem s toponimom ukrajinskoga grada nalazimo u pragmafrazemu *pisz do mnie na Berdyczów* u značenju ‘sve je izgubljeno’, slično hrvatskom pragmafrazemu bez toponimne sastavnice: *piši kući – propalo je* (tj. ‘nikada se neće ostvariti’). Berdyczów je bio razvijen trgovački grad u Ukrajini i pismo je stiglo na pravo mjesto makar bilo adresirano samo na taj gradić. Danas je frazem sa sastavnicom toga ukrajinskoga mjesta dobio suprotno, negativno značenje udaljenoga i slabo poznatoga mjesta.

Drugi čest toponimni pragmafrazem *jechać do Rygi* povezuje latvijski glavni grad Rigu s poljskim glagolom *rzygać* (rigati, povraćati, bljuvati), što se događa osobi nakon pijančevanja.

² Neda Pintarić (op. a.)

5. Strani toponimi

Jedan se strani toponim danas koristi u oba jezika u negativnoj konotaciji. Evo rečenice izrečene nedavno na HT-u: *Taj eldorado doveo je Agrokor na prosjački štap*. Ovdje je toponim Eldorado (El D'orado, zemlja zlata) u značenju 'zemlja obilja' prešao u apelativ pa se može pisati i malim slovom. Radi se o legendarnoj zemlji u Južnoj Americi u kojoj su pronađena ležišta zlata, zbog čega je Europljane obuzela 'zlatna groznica' brzoga bogaćenja. Danas je eldorado simbol lake zarade prijevarom do koje se dolazi bez zakonskih ograničenja.

Jednako negativno značenje ali različit oblik ima poredbeni pragmafrazem *kao da je iz Bijafre*. Frazem je nastao kad su do nas došle fotografije i izvješća o gladnoj djeci napuhtutih trbuščića i vidljivih rebara pod tankom kožom. U poljskom jeziku još je živa slika iz njemačkoga koncentracijskog logora na tlu Poljske, Oświęcimia (u hrvatskom jeziku koristi se njemački oblik *Aušvic*), pa se kaže da konkretna osoba izgleda kao da je iz Aušvica: polj. *wygląda jak z Oświęcimia* ktoś.

Ruski *Sibir* u oba je jezika simbolom velike hladnoće, što se izriče usporedbom: *hladno kao u Sibiru*; polj. *zimno jak na Syberii*. Možemo zato reći da su obje usporedbe s ekvivalentnom toponimnom sastavnicom. Oba označuju veliku hladnoću, a usporedba s ledenim Sibirom pojačava ovaj negativan doživljaj.

U Poljskoj se velika vrućina izriče usporedbom *gorąco jak w Saharze* ili uzvičnim frazemom *ale Sahara!*, dok se u hrvatskome vrućina uspoređuje s paklom pa ovdje nema formalne ekvivalentnosti.

Pragmafrazem ljutnje zbog loše situacije *toga nema ni u Zanzibaru* označuje da tako loše kao kod nas nije čak ni u dalekoj zemlji o kojoj ništa ne znamo pa imamo stereotipno mišljenje da tamo nije dobro.

Uzvični pragmafrazem *Ale Sajgon!* u poljskom jeziku rabe osobe kad se nađu u stresnoj situaciji. Slično se u situaciji gužve i meteža može reći: *Ale Meksyk!* (u oba se jezika umjesto toponima može rabiti apelativ *cirkus*, polj. *cyrk*).

U Hrvatskoj je odavno poznat pragmafrazem *biti dužan kao Grčka*, a sada se u šali širi isto značenje u obliku frazema *biti dužan kao Hrvatska*.

Rimovani poljski pragmafrazemi s toponimnom sastavnicom imaju humoristično ironično značenje elegancije ili diskrecije, bez konotativnoga značenja toponima: *elegancja Francja*; *dyskrecja Grecja*.

6. Izmišljeni toponimi i apelativi slični toponimima po tvorbi i značenju

Nepostojeći kvazitoponimi deriviraju se sufiksima (po kojima su razumljivi) te korijenom riječi koji označava kakvu negativnu osobinu. U poljskome se jeziku za osobu koja loše govori engleski kaže da je *Anglik z Kozich Trąbek*³ (*Kozie Trąbki* je izmišljen toponim s dva negativna obilježja: *kozji* i *truba*, što zajedno daje oznaku nesposobnjakovića i nevježe).

Na principu sufiksa iz različitih poljskih mjesta stvoren je naziv za udaljeno i zaostalo malo mjesto koje ima sufiks kao u toponimima: *wygwizdów* (kao *Kraków*, *Tarnów* i sl.). Značenje se vidi u korijenu *-gwizd-* (zviždati, a to je mjesto gdje nema ničega i čuje se samo vjetar koji zvižduče praznim prostorima). Takvo zabačeno mjesto može se na hrvatski prevesti kao *vukojebina* (gdje vuci zavijaju u doba parenja). S tim kvazitoponimima mogu se izvoditi različiti iskazi, npr. *zbudować domek na wygwizdowie* (*izgraditi kuću* ‘bogu iza nogu’, ‘gdje je vrag rekao laku noć’, ‘u vukojebini’).

U hrvatskom jeziku kvazitoponime se susreće i u književnosti. Možemo tako navesti naslov djela Ive Brešana ‘*Predstava Hamleta u selu Mrduša Donja*’ kojim se postiže šaljiv i ironičan moment usporedbom ozbiljne Shakespearove drame ‘Hamlet’ i seoske predstave koja pokazuje prizemno razumijevanje stranoga književnoga djela u zabitom selu.

7. Planeti i dijelovi svemira kao toponimi

U uporabi naziva planeta u frazemima neznatno se razlikuju poljski od hrvatskih primjera u značenju, ali veće su im razlike po obliku.

Pitanje je li tko poludio (sišao s uma, pobudio i sl.) na poljskom jeziku glasi *Czy ty z księżycą spadłeś?* (doslovce Jesi li ti pao s *mjeseca*?) dok se u tom značenju u hrvatskome rabi planet Mars (*Jesi li ti pao s Marsa?*).

Priručnik za komunikaciju među spolovima *Muškarci su s Marsa, žene su s Venere* napisao je John Gray i taj je naslov ušao u frazeologiju kao citat. Planet Mars crvene je boje i zato je simbol rata, borbe, tj. pripisan muškarcima. Venera je božica plodnosti pa je u priručniku simbol ženstvenosti i pripisuje se ženama.

Ratna drama *Odavde do Vječnosti* ratna je drama iz 1953. godine u kojoj se prikazuje brutalna naturalnost ubijanja naspram nježne emotivnosti. *Vječnost* pisana velikim slovom može se nazvati i Nebom, Nebesima te se upotrijebiti u pragmafrazemu *Samo Nebo zna* u značenju: Bog zna, nitko ne zna, ne zna se što će biti i sl. U ovim frazemima koriste se nazivi planeta, kao i preneseno značenje

³ Izvor za navedeni frazem bila je prof. Aleksandra Borowiec iz Krakova.

Nebesa, Vječnosti, tj. apstrakcije čije je značenje kvantitativno: velika daljina, nedostižna veličina, snažna emocija. Kad se apelativne imenice pišu velikim slovom, prelaze u vlastita imena svemirskih prostranstava.

Zaključak

U radu smo izdvojili sedam različitih modela korištenja toponima u frazemima deprecijacijskoga, negativnoga i uvrjedljivoga značenja s hrvatskim, poljskim i inozemnim mjestima. Polazili smo od najmanjega prostornoga naziva kvarta, zatim od naziva sela i grada u Hrvatskoj, u okolnim zemljama te u Poljskoj i dalekim stranim zemljama pa sve do planeta i dijelova svemira. Osim postojećih naziva toponima spomenuli smo i izmišljene toponime ili kvazitoponime (npr. Mrduša Donja ili Kozie Trąbki). Izdvojili smo i mogućnost tvorbe apelativnih imenica koje imaju oblik i funkciju toponima (usp. polj. *wygwizdów*). I obrnuto, neki se toponimi mogu pretvoriti u apelative, kao *Eldorado* (Zemlja zlata), koji se u frazemu mogu pisati malim slovom, a umjesto pozitivnoga značenja postaju prostor koji omogućuje malverzacije.

Svi analizirani toponimni frazemi imaju negativno ili ironično značenje kojim se podcjenjuje osobu preko negativnoga značenja reprezentiranoga u toponimu. Loša čovjekova osobina u tim frazemima iskazuje se povećanom količinom negativne emocije, prijezira, ismijavanja, tj. deprecijacije pa se takvi frazemi u pragmatici nazivaju pragmafrazemima.

Literatura

- Awdiejew, Aleksy (1983): *Klasyfikacja funkcji pragmatycznych*, Polonica IX., Kraków, str. 53-88
- Gloger, Zygmunt (1996): *Encyklopedia staropolska ilustrowana*, t. I-IV, Wiedza Powszechna, Warszawa
- Gruchmanowa, Monika i Bogdan Walczak (red) (1997): *Słownik gwary miejskiej Poznania*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa - Poznań
- Handke, Kwiryna (2009): *Nazwy miejsc*, u: Socjologia języka, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, str. 321-364
- Kopaliński, Władysław (1991): *Słownik symboli*, Wiedza Powszechna, Warszawa
- Lasić, Josip (2017): *Onomastički opis splitske hodonimije*, neobjavljena doktorska disertacija, Filozofski fakultet, Zagreb
- Menac Mihalić, Mira (2005): *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj*, Školska knjiga i Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb
- Pintarić, Neda (1994): *Vlastita imena u poljskim narodnim poslovicama*, u: *Studia ethnologica Croatica*, vol. 6, Etnološki zavod Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, Zagreb, str. 137-150

- Pintarić, Neda (2002): *Pragmemi u komunikaciji*, FFPress, Zagreb
- Pintarić, Neda (2010): *Określeniamęczyznywżargoniezagrzebskim*, u: *Slavia Meridionalis* br. 10, Paradygmaty badawcze językoznawstwa południowoślowiańskiego, red. Jerzy Molas, Instytut Slavistyki Polskiej Akademii Nauk, Warszawa, str. 257-274
- Vidović Bolt, Ivana i Joanna Szerszunowicz (2008): *On the Croatian Toponymic phraseological Units and Their Polish Equivalents*, u: *Edukacja dla przyszłości*, t. V., red. Jan Franciszek Nosowicz i Jolanta Gorbacz-Pazera, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku, Białystok, str. 135-146
- Sabljak, Tomislav (2001): *Rječnik hrvatskoga žargona*, V.B.Z., Zagreb
- Šakaja, Laura (2015): *Toponimi*, u: *Uvod u kulturnu geografiju*, Zagreb, str. 195-202
- Vukajlija (mrežni rječnik): <https://vukajlija.com/>
- Wikipedija (mrežna enciklopedija): https://hr.wikipedia.org/wiki/Glavna_stranica

Neda Pintarić, Miroslav Hrdlička

Depreciation in toponymic phrasems

Summary

The paper deals with toponymic phrasems which show negative ironical emotion of a person. There are 7 'phrasomodels' for depreciation including toponymic component such as domestic or foreign name of villages, towns and countries in Croatian and Polish phrasems.

Vera SMOLE

Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljani
Ljubljana, Slovenija

OSEBNA LASTNA IMENA V SLOVENSKIH NAREČNIH FRAZEMIH

Abstrakt: V prispevku so obravnavani iz različnih virov in krajev slovenskega govornega prostora zbrani narečni frazemi, ki imajo eno od sestavin osebno lastno ime (ime, priimek, vzdevek, hišno, literarno (mitološko) ime ali pridevnik iz teh imen). Klasificirani so po motivaciji nastanka, nato pa navedeni po abecednem redu z opisom pomena, izvora (če je znan), navedbo vira, kraja in narečja.

Ključne vbesede: slovenski narečni frazemi, lokalnospecifični frazemi, osebna lastna imena, antroponim, frazemi z osebnoimensko sestavino, slovenska narečja

1 Uvod

1.1 Obravnavani frazemi, vseh je prek osemdeset, so bili zbrani v študijskem letu 2016/17. Na mojo prošnjo so jih s terena prinašali ali po elektronski pošti pošiljali študentje ljubljanske slovenistike, bivši študentje, drugi kolegi slovenisti in posamezni terenski delavci različnih profilov.¹ Izpisovala sem jih tudi iz narečnih slovarjev, monografij in člankov ter iz (nekaterih) etnoloških in domoznanskih del, manj je bilo drugih virov (npr. elektronskih). Sprva sem vključevala tudi frazeme s svetopisemskimi imeni, teh se je nabralo okrog 40, a sem jih iz tukajšnje obravnave zaradi prostorske omejitve izpustila. Zbiralci so mi posredovali tudi nekaj drugih frazemov ter gradiva, ki ni bilo frazeološko. Zaprošeni so bili, da poleg frazema in njegovega pomena pošljejo še podatek o izvoru frazema oz. o človeku, katerega ime se v frazemu pojavlja, ter podatek o živosti frazema pri različnih generacijah; to prošnjo so različno uresničili. Tako nekatere frazeme spremljajo obsežnejša pojasnila (cele anekdote), druge samo podatek o nosilcu imena, pri nekaterih je živost rabe podana, pri drugih ne. Prav tako se razlikuje zapis frazema – nekateri so v fonetični transkripciji v slovarski

¹ Na tem mestu se vsem najlepše zahvaljujem; brez njih bi bila raziskava veliko bolj suhoparna in skromna. Pri posameznem frazemu so navedeni z okrajšavo, ki je razvezana pod naslovom Drugi viri na koncu prispevka. Na istem mestu je – za razliko od citiranih del – podan tudi kraj (območje) in narečje, ki mu ta pripada. Tako se je gradivski del po obsegu precej skrajšal.

obliki in/ali v stavčnem zgledu, drugi v poenostavljenem zapisu, tretji (glasovno) poknjiženi – vsem sem dodala (ali samo upoštevala) poknjiženo obliko, ki se v gradivu nahaja v krepkem tisku in služi tudi abecednemu razvrščanju. Iz literature sem frazeme prepisala tako, kot so bili zapisani. Pokritost slovenskega govornega prostora z zbranim gradivom je neuravnotežena, odvisna je od krajevnega izvora študentov in drugih sodelujočih v raziskavi, obstoječe literature ter njenega zajema (verjetno bi se našlo še več del, ki kakšen tak frazem vsebujejo).² Frazemi so iz šestnajstih narečij, največ iz gorenjskega (17), dolenskega (12), notranjskega (12), obsoškega (11), istrskega (7), prekmurskega (6), čiškega (3), zgornjesavinjskega (3), po dva iz srednjesavinjskega in posavskega ter po eden iz kraškega, rožanskega, obirskega, prleškega, kozjansko-bizeljskega in kostelskega narečja.

1.2 V zbranih frazemih se pojavljajo naslednje oblike ženskih in moških osebnih lastnih imen:

a) osebno ime, tj. ime in priimek (uradno)³ (4):⁴

ž⁵ (3) F19, F78 *Kristina Velarjeva*, F30 *Smejeva Marjeta*, F50 *Urša Žakelj*

m (1) F50 *Janez Hiti*

b) (okrajšano) ime in hišno ime ali vzdevek (12):

ž (7): F13 *Milka Zaprta*, F15 *Tona Kranjčeva*, F18 *Šuševa Pepa*, F20 *Anica Bosanka*, F38 *Bržnikova Pepa*, F58 *Mica Muhava*, F81 *Hostnikova Julia*

m (5): F12 *Gašper Obrezov*, F21 *Bepo Fumeš*, F24 *Žagarjev Korel*, F43 *Erjavčev Marko*, F54 *Rekarjev Joža*

c) priimek ali hišno ime oz. poimenovanje za gospodarja ali gospodinjo (20):

ž (6): F8 *Čemparica*, F9 *Umera*, F25 *Slakotka*, F49 *Zajka*, F71 *Karohica*, F73 *Muhica*

m (12): F10 *Marinčič*, F22 *Jerič*, F31 *Žulj*, F40 *Alešk*, F45 *Smodin*, F49 *Zajc*, F51 *Blekač*, F53 *Tominec*, F64 *Murecelj*, F65 *Noč*, F67 *Škljanc*, F82 *Kumalik družina* (2): F14 *Čampati*, F42 *Kurji*

č) rojstno/krstno ime in/ali okrajšano ali ljubkovalno ime (20):

ž (8): F28 *Beta (Elizabeta)*, F37 *Gera*, F61, F77 *Jera*, F63 *Jerica*, F66 *Lenka (Alenka)*, F69 *Uša (Urša)*, F77 *Urša*, F83 *Johana*

² Ker je to prva obsežnejša raziskava te vrste, bom za morebitne gradivske dopolnitve hvaležna. Okrog 200 hrvaških narečnih frazemov z imensko sestavino oz. antroponimom je s študenti v okrog 100 krajih zbrala in objavila Mira Menac-Mihalić 2003–2014. Upoštevala je tudi svetopisemska imena. Primerjava s slovenskimi frazemi bi bila prav zanimiva.

³ Za ženske je priimek lahko v pridevniški obliki.

⁴ V oklepaju je navedeno število pojavitev določene oblike imena. Imena so navedena po zaporedni številki frazema (FX).

⁵ Ločeno so navedena ženska (ž) in moška (m) imena.

m (12): F27 *Đoko (Georgij)*, F33 *Vincenc*, F34 *Karmelo*, F36 *Franc*, F44, F48 *Mihec (Mihael) (2)*, F44, F48 *Jakec (Jakob) (2)*, F56 *Matiček (Matija)*, F57 *Lacko (Vladimir)*, F59 *Lajči (Alojz)*, F63 *Nace (Ignac)*, F70 *Hanzek (Hans, Janez)*, F72 *Rupe (Rupert)*

d) vzdevek (7):

ž (1): F35 *Ta Zjalasta*

m (6): F7 *Meha*, F16 *Ujtata*, F39 *Kaputar*, F52 *Muza*, F75 *Tomatuta*, F79 *Ritar*

e) literarno (mitološko) ime (5):

m (5): F23 *Bedanec*, F60 *Cefizelj*, F62 *Herkules*, F68 *Pat*, F68 *Mat*

f) ime iz sveta športa:

m (1): F80 *Fitipaldi*

d) pridevnik, izpeljan iz osebnih lastnih imen (17):

ž (1): F6 *Francetkin*

m (16): F1 *Arginov*, F2 *Skrivnjekov*, F3 *Pickov*, F4 *Grehčev*, F5 *Talerjev*, F11 *Dimičev*, F17 *Žužkov*, F26 *Vilarjev*, F32 *Markeljnov*, F41 *Bakov*, F46 *Pišekov*, F47 *Krivcev*, F55 *Kropivnikov*, F55 *Cenkotov*, F74 *Šimnovčev*, F76 *Žbatnekov*

2 Klasifikacije obravnavanih frazemov

2.1 Po obliki je med obravnavanimi frazemi največ primerjalnih (glagolskih in pridevniških), sledijo samostalniški in glagolski ter stavčni.

2.2 Glede na razširjenost so širše znani le tu izpuščeni frazemi s svetopisemskimi imeni, drugi pa so lokalni – znani na ožjem območju, v nekaj vaseh ali le v eni vasi. Bolj razširjeni so tisti primerjalni frazemi, kjer se lokalno spreminja samo ime, npr. *kolne kot ...*, *debel kot ...*

2.3 Po navedbah živosti jih glede na čas rabe lahko razdelimo na tiste, ki žive le pri (naj)starejši generaciji – teh je največ, manj pa je takih, ki jih rabijo vse generacije, nekaj pa jih je že zastarelo (živijo v spominu najstarejše generacije). Redko frazem preživi dlje od spomina na njegovega nosilca – če se to zgodi, obstaja še dodaten vzrok (npr. rima: *lepa – Pepa*, zven imena: *Fitipaldi* ipd.).

2.4 Glede na spol opazamo, da se v frazemih pojavlja več moških kot ženskih imen (36 : 25); od 17 iz njih izpeljanih pridevnikov je le eden iz ženskega imena, tako da je razmerje dejansko 2 : 1 v prid moškim imenom.

2.5 Najbolj zanimiva je delitev frazemov glede na motivacijo nastanka, določajo jo:⁶

⁶ Navedeni so po pogostnosti pojavitve. Zaradi omejenega obsega prispevka navajam le številke frazemov, čeprav je tak način za bralca neprijazen. Nekaj frazemov lahko glede na pomen uvrstimo k dvema skupinama, npr. F3, F24, F25.

- a) obnašanje in konkretna dejanja (29): F2, F4, F6, F7, F11, F12, F13, F14, F17, F25, F26, F32, F33, F35, F40, F42, F43, F49, F51, F53, F54, F63, F64, F65, F67, F68, F79, F80, F81, F83
- b) zunanja (netelesna) podoba (15): F9, F15, F16, F18, F19, F20, F21, F22, F23, F24, F25, F39, F66, F69, F78
- c) značajska lastnost (14): F3, F5, F8, F10, F28, F34, F37, F52, F57, F58, F61, F71, F73, F76
- č) podobnost z osebami iz umetnosti (literature, glasbe, arhitekture), običajev, športa (7): F38, F44, F48, F60, F66, F68, F80
- d) telesna značilnost (4): F3, F30, F31, F62
- e) dobesedni pomen imena (3): F45, F50, F75
- f) umska sposobnost (3): F1, F24, F70
- g) (nekdanje) lastništvo (3): F41, F46, F47
- h) lega (domačije) (2): F55, F74
- e) olepševanje povedanega (3): F27, F36, F56
- f) šaljivo izražanje (1): F59
- g) motivacija je nejasna (4): F69, F72, F77, F82

3 Abecedni seznam frazemov⁷

1	bik Arginov > 'bək Argj:naʊ 'neumen človek, neumnež' Kot zmerjavka se uporablja za človeka, ki je neumen ali ki je storil neumno dejanje. Najstarejši prebivalci se iz svoje mladosti še medlo spomnijo človeka v vasi, ki se je tako pisal ali pa je bilo Argin hišno ime. {NF}
2	biti (iti) kakor Skrivnjekov kozel > 'Sə (sə 'šu) kukər Sk'riɲjekou kó:zu. 'nerad biti doma, iti od/mimo doma' Pri Skrivnjeku na Gorjušah so imeli kozla, ki je, ko so ga prignali domov, vedno šel naprej po dolini, kjer je bil še en pašnik. Niti najstarejši prebivalci se kozla ne spomnijo več, frazem pa se še rabi v vaseh Gorjuše in Koprivnik. {AZ}
3	biti (ne biti) ko Pickov Rajko 'biti zelo debel in veliko pojesti' Pickov Rajko je bil zelo debel moški iz Ribnice. O njegovih sinovih je krožila šala o njihovem nadpovprečnem apetitu. {DS}

⁷ Pomen znakov: > se uporablja, kadar poknjizenemu frazemu sledi njegova (narečna) slovarska oblika ali zgled rabe; oklepaji: () v okroglem oklepaju so zamenljivi sestavni deli frazema, <> v lomljenem pa fakultativni; {} v zavitem oklepaju so okrajšave imena in priimka za tiste ljudi (razvezava okrajšav je pod Drugi viri), ki so mi frazem posredovali po elektronski pošti ali ustno.

4	biti dobro ko Grehčev paj ‘pecivo’ ‘zelo dobro’ Nekdaj je bila družina Grehčevih iz Kraš v ZDA; angleški samostalnik <i>pie</i> pomeni ‘kolač, pita’, s pecivom in seveda z angleškim poimenovanjem zanj pa so se prav pri tej hiši (tako pravi ustno izročilo) radi postavljali pred sovaščani, ki so njihovo poimenovanje začeli uporabljati posmehljivo. Spodnje Kraše, zgornjesavinsko narečje (Weiss 1998: 247, Weiss 1993: 79)
5	biti ena Talerjeva Tu je spet ana Tavarjava! – Tu je pa tudə ana Tavarjava! ‘to je laž’ Valentin Walter Thaler, p. d. Tavar (hišno ime) ali Folti je bil kmet in kasneje tudi gostilničar v Radišah na avstrijskem Koroškem ter »legendarni lažnivec« posebne vrste. Radiše, rožansko narečje (Ogris 2014: 33, 37, 10)
6	biti jušto ‘točno’ ko Francetkin špag ‘vrv’ > ‘ju:što ku Fran’ce:tkin š’pa:x ‘biti ravno pravnje, idealno’ Frazem je nastal iz anekdote o Francetki, ki se je nekoč pred vaščani pohvalila, da je kupila prav tako vrv, kot si jo je želela: ravno prav dolgo in debelo. Puče, istrsko narečje, šavrinsko podnarečje (Marc Bratina 2014: 214)
7	biti ko <rajnki> Meha > ‘Saj si ko <rà:jnk> Mé:xa. ‘ob prihodu v hišo ne odložiti torbe, nahrbtnika, prtljage’ Meha je živel Pod robom nad Bovcem. V dolino je vedno prišel z doma sešitim nahrbtnikom, z ramen ga je dal le toliko, da je vanj dal, po kar je prišel. Srednja in starejša generacija se tega starega možakarja še spomnita. {BIK}
8	biti ko Čemparica > ‘Sə ku Čəmpa’ri:ca. ‘biti zelo skopuški’ Čemparji (<i>pər Čəm’pa:rjevəx</i>) so imeli ovce (okrog 200) in bili zelo bogati (imeli so veliko polje; tudi deklo, pastirja, ovčarja). Ker so ob poletni paši na Vremščici dajali po nekaj ovc zraven njihovih v trop (<i>u t’a:p</i>) past tudi sosedje, so imeli pravico (<i>’ju:s</i>), vsak dan hodit po žuro (<i>’žy:ro</i>), tj. skuto, in ob košnji nekaj sira. Ker je sestra od gospodarja vedno dajala bolj gosto žuro, gospodinja pa redko, so to dojemali kot njeno skopost (<i>je bla ’ju:xarna</i>) in začeli govoriti <i>Si kot Čemparica</i>. Oba Čemparjeva sta še živa, stara, zgarana, bolna in revna. {TM}

9	biti koj 'kot' rajnka Umera > S-kuj rà:jnka Û:məra. 'biti umazan, neurejen' Rajnki Umeri sta bili stari neoženjeni sestri v Kotu v Bovcu; bili sta umazani, neurejeni. Frazem živi samo še v spominu najstarejše generacije. {MB}
10	biti kot <ranjki> Marinčič > Saj si kot (rà:jnk) Məri:nčəč. 'rad pripovedovati zgodbe' Frazem je bilo zelo v rabi, ko je bil ta karizmatični pravljicar še živ; in je še danes, skoraj 50 let po njegovi smrti, pri generacijah, ki so pravljicarja poznali (s pridevnikom rajnki). {BIK}
11	biti (ne biti) ko Dimičeva krava > Da ne buš ku Dimčeva krava. 'na šaljiv način se tako izraža bojazen, da ne bo kdo od lakote umrl' Dimič je bil starejši gospodar v vasi Mostec. Imel je samo eno kravo, ki pa mu je poginila. Potem je rad govoril: »Ko sem jo ravno naučil, da ni jedla, je pa crknila.« Ta frazem so uporabljali za koga, ki v času bolezni ne more jesti, ali pa za koga, ki je izbirčen pri jedi. {IM}
12	biti ko Gašper Obrezov: in Si ku 'Ga:špər Ob'rɛ:zoɥ. 'biti zelo neroden (lahko tudi umazan) (o moškem)' Gašper Obrezov je bil reven možak in menda partner Tone Kranjčeve. Gl. biti ko Tona Kranjčeva. {TM}
13	biti ko Milka Zaprta > 'bit ko 'Mi:lka Za'pə:rta 'biti zapečkar' Milka Zaprta je bila čudaška gospa, ki ni nikoli zapustila svojega doma, zato so ljudje rekli komu, ki se je ves čas zadrževal doma ali ko ni želel kam iti, da je kot Milka Zaprta. Umrta je pred približno 40 leti. {BŠ}
14	biti ko pri Čampatih > Kukú: dá:ɬlaš, 'de ne bùo ku pər Čá:mpatəx. 'neurejeno, površno opravljeno, napol narejeno delo v hiši in okrog nje' Čampati so vse naredili na pol, površno. Živel so v Dolenji vasi pri Ribnici. {DS}

15	biti ko Tona Kranjčeva > Si ku 'Tuona K'ra:nčəva. 'biti zelo umazan (o ženski)' Tona Kranjčeva je bila zelo revna ženska, spala je v hlevu, pri svoji kravi; bila je zelo umazana in je na daleč smrdela. Gašper Obrezov naj bi bil njen partner (»so pravili, da hodi z njo, ne vem, če res«), umrl je veliko prej od nje, tako je na starost ostala sama. Ker je imela njivo Dolžico ('Do:uška, ledinsko ime), jo je v zameno zanjo vzela k sebi ena od sosed. Naredila ji je sobo in jo hotela urediti, vendar Tona tega ni marala – rekla je, da bo spala raje v hlevu, kot je navajena. O njiju je krožila celo pesmica.⁸ Gl. še: 12 biti ko Gašper Obrezov. {TM}
16	biti kot Ujtata > 'Sə kət Û:jtata. 'slabo, nemarno oblečen, vendar ne raztrgan ali umazan' Ujtata je lik čarovnika iz pravljice Veliki čarovnik Ujtata Vide Brest; verjetno pa je samo ime kot vzdevek bilo v govoru prisotno že prej in s pravljico ni povezano. {MJT}
17	biti lačen ko Žužkovi biki > ['bit 'la:čn ku 'Žu:šku 'bɪ:ki] 'biti zelo lačen, sestradan; željo po jedi' Frazem izhaja iz malomarnega odnosa kmeta do svoje živine, vendar ga zavoljo zbadljivega tona nikoli ne uporablja vpričo kmeta (je še živ), na katerega se nanaša. Najpogosteje je v rabi med moškimi, ki se med ali po težjem fizičnem opraviilu (recimo košnja trave ali sečnja drv) z njim opomnijo, da je čas za malico. {RM}
18	biti lepa ko Šuševa Pepa <še krancelj 'venček na glavi' ji manjka in bo cela Ciganka> > Si 'lɛ:pa ku 'Šu:šəva 'Pɛ:pa <šə 'k'ra:nčəl 'venček na glavi' ji 'ma:nka ən ba 'bo' 'cɛ:la Cə'ga:nka>. 'biti umazan, raztrgan, popacan, zanemarjen (o ženski)' Šuševe Pepe se ne spomnijo niti najstarejši ljudje, frazem pa se še rabi – vzrok je verjetno v rimi: lepa – Pepa. {TM}
19	biti nakrpučen 'vpadljivo oblečen, z veliko okrasja' ko Kristina Velarjeva > S-nakərpù:čəna ko Kərsti:na Wɛ:ləɾjəwa. 'biti vpadljivo oblečen, z veliko okrasja, nakita' Kristina Velarjeva je bila doma iz vasi Žaga in je umrla okoli leta 1980. Nosila je veliko koral. Gl. še: 78 uštimana (okširana) 'napravljena, oblečena' koj 'kot' Kristina Vejlerjeva Bovec, obsoško narečje (Ivančič Kutin 2007: 68)

⁸ Toni Krančevi: Kamnite plošče so mokre, / po starem trgu Tona gre. / Privzdigne krilo visokó, / še štunfi 'nogavice' polni lukenj so. / Cintara bumsasa bunsaraj, kak je našminkana, / cilindar, urco, / frak in šolenčke na lak. Gašperju Obrezovemu: Nič boljši nisi Gašper ti, / še mlečen si, pa že kadiš, / in piješ vince {dalje se ne spomni}

... / Cintara bumsasa bunsaraj, kak je našminkana, / cilindar, urco, frak in šolenčke na lak

20	biti obučen 'oblečen' ko Anica Bosanka > bit u'bu:čen ko 'Ā:nica Bo'sā:nka 'biti oblečen v več plasteh, neizbrano' Anica Bosanka je vzdevek najverjetneje dobila po svojem poreklu. V povezavi s frazemom obstaja anekdota. Pozimi je bila vedno oblečena v široko krilo, na sebi pa je imela tudi več puloverjev. Medtem ko je nekoč čakala v vrsti v vaški trgovini, se je grela ob pečki, postavljeni kar na rob pulta. Oblačila so se ji osmodila, umaknila se je šele takrat, ko so ostali v trgovini zaznali vonj po sežganem. Umrila je pred približno 10 leti, stara ok. 80 let. {BŠ}
21	biti obučen 'oblečen' kot Bepo Fumeš > bit u'bu:čen ko 'Bę:po 'Fu:meš 'biti oblečen v stara, obrabljena, zašita oblačila' Bepo Fumeš je bil vaški posebnež, ki je umrl pred približno 25 leti. Vedno je bil oblečen v stara, že zašita oblačila. {BŠ}
22	biti zapet na Jeriča > 'Dej sə poprá:ɥ srá:jco, a na vi:dəš, da-s na Jeri:ča zapè:t. 'imeti kaj zapeto tako, da so gumbi zapeti v eno gumbnico previsoko ali prenizko' Pər Jeri:č je hišno ime v vasi Prihodi. Motivacija za nastanek frazema ni (več) znana; verjetno pa je, da je nekdo od Jeričev hodil s tako zapeto srajco. {KK}
23	biti zaraščen (imeti brado) ko Bedanec > 'bit za'ra:šen ('me:t b'ra:do) ku Be'da:nc '1. biti zelo poraščen po obrazu (v smislu neobrit), 2. imeti dolgo, gosto brado' Izvor frazema je jasen; povezan je s filmi o Vandotovem junaku Kekcu in njegovem nasprotniku Bedancu, za katerega je bila značilna bujna in gosta črna brada. {RM}
24	(biti) ko Žagarjev Korel > ('bət) kə Žà:garjəu Kó:rəl '(biti) reven, zanemarjen, zaostal, omejen, potepuški, bosonog' Žagarjev Korel je bil vaški potepuh iz ene od vasi v Dobropoljski dolini. Bil je umsko omejen, živel je v neurejenih razmerah, bil je slabo oblečen, bos in umazan. Postal je sinonim za človeka, ki je imel vsaj katero od teh lastnosti. {AN}
25	biti (imeti) ko Slakotka 'bət ('jəmət) ku Slə'kɥo:tka '1. biti zanemarjen, 2. imeti vse razmetano, imeti neurejen dom' Slakotka je bila neurejena, zanemarjena ženska, ki je imela tak tudi dom. Umrila je pred približno 40 leti, Slakotovi je bilo njihovo (njeno) hišno ime. {PP}

26	bled ko Vilarjev zajec 'zelo bled (od strahu)' Eden od Vilarjevih moških je bil strasten lovec. Nekoč je obstrelil zajca (ali ga je gonil njegov pes), ki mu je zbežal. Hodil je okrog in spraševal, ali ga je kdo videl. Nekdo mu je rekel, da je zajec tekel mimo in da je bil čisto bled od strahu. (obstaja več variant) Pudob (Stari trg, Lož), dolenjsko narečje (Ožbolt 2004)
27	boli me Đoko > 'Bo:li me D'žo:ko. 'vseeno mi je' Đoko je moško ime s srbohrvaškega (in makedonskega) jezikovnega območja in se je v slovenske (mestne) govore razširil od govorcev teh jezikov; ime je zamenjalo vulgaren izraz kurec. Frazem naj bi bil znan tudi v Mariboru z okolico. {NV}
28	Ko 'če' imaš Beto pri hiši, psa ne boš potreboval. > Ku 'ji:məš 'Be:to pər 'xi:ši, 'pə:sa 'nä:-bøš 'rā:bu. 'izraža priporočilo' Beta je bila (nič več poznana) ženska, ki je bila zelo osorna in med vaščani nepriljubljena. Z zamenjavo imena (prilagoditvijo taki ženski v drugih vaseh) je frazem znan tudi drugod po Slovenski Istri. Dekani (Koper), istrsko narečje, rižansko podnarečje (Marc Bratina 2014: 231)
30	debel kak 'kot, kakor' Smejeva Marjeta > 'däbäl kāk S'mejəva 'Mā:rg'ita 'zelo zelo debel' 'Tā:k sṷ 'däbäla kāk S'mejəva 'Mā:rg'ita. Smejeva Marjeta je še živeča izjemno debela ženska v eni od prekmurskih vasi. {AEK}
31	debel kot Žulj > 'zelo debel' Žulj je bil debel moški, ki se je priselil iz Ljubljane v Ribnico, ko je sredi naselja kupil hišo in nato v njej tudi odprl gostilno. Zdaj je že pokojni, spomnijo se ga starejši ljudje, frazem pa je bolj ali manj že pozabljen. {DS}
32	delati po Markeljnovemu 'Markeljnovu' > Dó:ns smo pa do t'me dē:val, čí:st po Má:rkəlnovəm. 'z delom zunaj začeti pozno podnevi in delati do teme' Na domačiji Pri Markeljnu (Pər Má:rkəlno) v Planini pod Golico so bili poznani po tem, da so začeli pozno delati. Ljudje so pravili: »Kò:kər pər drù:gəx xí:šax nə:xajo dē:vat, pər Má:rkəlno začné:jo.« Iz tega je način dela, ko se pozno začne in dela do teme, imenovan po hišnem imenu te kmetije. {KK}

33	dolg (ponavlja se) ko pravljica gospoda Vincenca <ki jo ni nikoli konca> >_Doh, (punavlja se) ku prabca ɣəspuoda Bəcenca <k jo ni nkol konca> '1. dolgovezna, dolgočasna, nesmiselna pripoved', 2. 'pripovedovati kar naprej ene in iste, velikokrat nesmiselne in dolgočasne zgodbe, dolgoveziti, razlagati nezanimive dogodke' Frazem je v rabi za nekoga, ki nenehoma pripoveduje ene in iste, velikokrat nesmiselne in dolgočasne zgodbe ali ki dolgovezi, razlaga nezanimive dogodke. Že sam frazem v celoti je tako dolg, da na nek način dodatno poudari vsebino. Izvor frazema, kdo je bil gospod Vincenc in kakšna je bila njegova pravljica, ni več znano. {TK}
34	držati se ko Karmelo > 'də:ržət se ku Kār'mɛ:lo 'biti nadut' Frazem je nastal zaradi moškega iz vasi, ki je veljal za zelo nadutega. Dekani (Koper), istrsko narečje, rižansko podnarečje (Marc Bratina 2014: 211)
35	firbčen ko (ta) Zjalasta > Fì:rpčən 'sə, kə ta Zjà:vasta. 'zelo radoveden' Tak vzdevek je dobila zdaj že pokojna ženska iz vasi, ki se je vedno, ko je koga srečala, obrnila nazaj in ga preučila od nog do glave. Frazem ni več v rabi, spomni se ga starejša generacija iz svojega otroštva. {AR}
36	Franc (zamenjava za kurec) te gleda! 'izraža zavrnitev' (Vir 1)
37	Gera 'Jera' movraška! > 'Te:ra mou'ra:ška! 'označuje prepirljivega človeka' Izraz izhaja iz časa, ko so se prebivalci vasi Rakitovec in Movraž prepirali zaradi meja. Rakitovec, istrsko narečje, šavrinsko podnarečje (Marc Bratina 2014: 231)
38	gospa ko Bržnikova Pepa > guspà: ku Bəržnɨ:kava Pà:pa 'kmečka ženska, ki ne dela (dovolj), lena ženska' To naj bi bila oseba v neki šaljivi narodnozabavni pesmi v 70. letih 20. stoletja. Izraz se je začel rabiti za vsako bolj leno žensko. Danes se komaj še kdo spomni. {FS}
39	hoditi okoli kot Kaputar > ɔ'ka:ɹulj 'ɔdɨtɨ kāk Ka'pu:tar 'biti oblečen v prevelika, ponošena, slaba oblačila' Nekoč vzdevek za nekega revnega vaščana, ki je bil seveda tudi slabo oblečen; zdaj je Kaputar nevtrarno hišno ime. {AEK}

40	imeti čedno 'lepo' ko(t) pri Alešku > Mà:te pa čé:dnə kə(t) pər Alé:šk. 'ne imeti pospravljeno, urejeno' Pri Alešku je hišno ime v vasi Topole; frazem je znan samo v tej vasi. {MJT}
41	iti (ipd.) na Bakove grebljice 'umreti' Zadrečka dolina, zgornjesavinsko narečje (Weiss 1999: 82)
42	iti dokardo 'razumeti se' kor 'kot' Kurji > 'jət də'ko:rdo kur 'Čy:rji 'dobro se razumeti' Družina, ki je slovela po medsebojnem razumevanju. Puče, istrsko narečje, šavirsko podnarečje (Marc Bratina 2014: 214)
43	iti jo kot Erjavčev Marko > Jo g're kukər Ǝrjà:uçoŋ Mà:rko. 'iti zelo hitro in naravnost proti domu' oziroma 'bliže ko je kdo domu, hitreje gre' Erjavčev Marko je bil konj, ki je gospodarja (po domače Pər Ǝrjà:u) in/ali tovor znal tudi sam pripeljati varno domov. Blizu doma ga je bilo kar težko preusmeriti drugam, tako se mu je mudilo v domači hlev. {JŠ}
44	iti k Mihcu in Jakcu > ɪ'rä:n 'Mi:xci inu 'Ja:kci. 'iti v Trst' Dekani, istrsko narečje, rižansko podnarečje (Marc Bratina 2014: 151, 159)
45	iti mimo Smodina > je š'lu: 'mi:m Smu'di:na – Kram'pi:r je 'šu / Či'bu:la je š'la 'mi:m Smu'di:na. 'zasmoditi, prižgati se (o hrani)' Smodin je hišno ime v vasi. Frazem je nastal zaradi istega korena pri glagolu (pri)smoditi se. {MP}
46	iti na Pišekovo njivo > 'Se:j bom šla x'ma:l na 'Pi:šekovo 'i:vo. 'umreti' Piškova njiva je celjsko mestno pokopališče, tako pa mu rečejo, ker je bila njiva last kmeta Pišeka. Frazem je znan bolj pri starejših ljudeh, pri mlajših verjetno manj. {NV}
47	iti v Krivcevo ogrado > Bo kmalu šel v Krivcovo ogrado. 'umreti' Krivceva ograda je ledinsko ime, kjer je v Šempetru (v Pivki) že od nekdanj pokopališče. {AŽ}
48	iti v Trst gledat Mihca in Jakca > Jä š'la: ŋ 'Tə:rs γ'lə:dat 'Mi:xca eno 'Ja:kca. 'iti v Trst zaman, tj. ne da bi kaj prodala ali zaslužila (o Šavrinki)' Mihca in Jakec je slovensko poimenovanje za kip – uro, ki stoji na Velikem trgu (Piazza Unità) v središču Trsta. Istra, istrsko narečje (Marc Bratina 2014: 188)

49	iti (hoditi) ko Zajc pa Zajka > jèt (xuá:dět) ku Zà:jc pa Zà:jka ‘namesto eden poleg drugega iti, hoditi eden za drugim v razdalji vsaj nekaj metrov’ Zajc in Zajka sta bila sin in mati s takim priimkom iz vasi Straža pri Šentrupertu. Večkrat sta se odpravila v nekaj več kot kilometer oddaljeni Šentrupert in nikoli nista hodila drug ob drugem. Frazem se je rabil v primeru, ko je kdo pri hoji zaostajal ali koga ni dohajal v smislu: Prj:t/pučá:k, dje na-ma šlà/xudj:la ku Zà:jc pa Zà:jka. – Pridi/počakaj, da ne bova šla/hodila ko Zajc pa Zajka. {VS}
50	Janez hiti ‘vrže’ Uršo v žakelj ‘vrečo’ > Já:nes hí:ti Vù:ršo ɥ žá:kəl. ‘besedna igra iz priimkov in njihovih pomenov, ko so ti obča imena: Hiti in Žakelj’ Poročila sta se namreč Janez Hiti in Urša Žakelj in tako je nastal ta šaljivi rek. Selšček, dolensko narečje (Brozovič 2013: 109)
51	jesti ko pri Blekači ‘pri kosilu jesti juho za osrednjo jedjo’ Kraše, zgornjesavinsko narečje (Weiss 1998: 96)
52	jesti ko Muza > Jè: ku Mù:za. ‘veliko jesti, biti požrešen’ Muza (verjetno vzdevek) je bil moški iz Čezsoče, za katerega se je govorilo, da je pojedel za sedem ljudi (vojakov). Starejši ljudje se ga še spomnijo. Bovec, obsoško narečje (Ivančič Kutin 2007: 66)
53	kleti ko ta stari Tominec > kljèt ku ta stà:r Tamj:nc ‘zelo, kar naprej kleti, preklinjati’ Tominec (priimek in hišno ime) je bil star možak iz središča Šentruperta; ko ni mogel več delati, je rad sedel na stolčku pred svojo hišo in preklinjal, kar so slišali mimoidoči. Tako se je širše rabljeni frazem kolne kot Madžar pri delu prebivalstva zamenjal s frazemom kolne kot ta stari Tominec. Frazem je zdaj že skoraj pozabljen. {VS}
54	kolne kot Rekarjev Joža ‘zelo, pogosto kolne, preklinja’ Rekarjev Joža je bil jezerski posebnež, ki je živel na Štuvarjevi žagi. {AP}
55	Kropivnikov (Cenkotov) <jəh> vleče/piha ‘piha mrzel, zoprni severni veter’ Kropivnikova kmetija v Ravnem je na severnem robu jezerske doline (in veter nikakor ni “jug”), Cene pa je bil njihov (zadnji) hlapec. {AP}
56	Krščen Matiček (duš)! ‘blaga kletev’ (Vir 1)

57	Lacko sedi na šinjeku 'vratu'. > Žé ma pá Lăcko sedí na šínjeki, ka níka něške délati. 'pasti lenobo, lenariti' Lacko, Laci je v Porabju pogosto moško ime. Porabje, prekmursko narečje (Mukič 2005: 171)
58	lagati kot Mica Muhava > 'La:že ku 'Mi:ca 'Mu:xəva. 'zelo in veliko lagati' Mica Muhava je bila vaška posebnica, ki je prenašala čenče po hišah in se jih veliko tudi izmislila. Pokojna je že 30 let. {EM}
59	Lajči 'Lojzek' se je obesil > 'Lâjčę se je žę pa o'bęso. 'zvoni' Gornji Senik, prekmursko narečje (Bajzek Lukač 2009: 189)
60	lop (hop) Cefizelj 'izraža opis ali poudarek dejanja' In lop cefizelj! Kar zgrabil ga je za rever. – Hop cefizelj, pa te mam! Cefizelj je literarna oseba iz Butalcev Frana Miličinskega. (Vir 1)
61	mila Jera > Na buód na tá:ka mý:la Jiéra! 'cmerav, malodušen, neodločen, slabovoljen človek' Frazem se uporablja v več oblikah (biti kot mila Jera, držati se kot mila Jera) in je širše znan. {VS}
62	močan kot Herkules 'zelo močan' Herkul(es) je rimski mitološki junak. {DS}
63	Molči Nace, neka 'naj' Jerica govori! > Múči Nace, néka Jérca govóri! 'izraža opomin komu, ki preveč govori ali vpada v besedo' Golac, čiško narečje (Podbersič 2007: 54)
64	ne bodi tak Murecelj 'ne nasprotuj vsaki stvari' Murejevi z Jezerskega so večinoma nasprotovali novostim ali spremembam, ki jih je nekdo v skupnosti želel narediti. {AP}
65	neumen kot Noč > S-neú:mən kə Nõ:č. 'sprenevedati se' Širše znani frazem <i>neumen kot noč</i> v pomenu 'zelo neumen' se je v vasi rabil s šaljivo pomensko prenovitvijo in povezavo z moškim iz vasi, ki se je pisal Noč. Ta moški se je ob določenih pogovorih ali situacijah rad sprenevedal. Frazem rabi le še najstarejša generacija. {AR}
66	obleči se kot kakšna Lenka > Včasik se vkŭpnapěla kăk kăkša Lénka. – Včasih se vkupnapelja 'obleče' kak 'kakor, kot' kakšna Lenka. 'neokusno, kot da je našemljena' Lenka je Pustova žena v času maškarad. Porabje, prekmursko narečje (Mukič 2005: 176)

67	osel od Škljanca > 'o:su od Šk'la:nca 'zanemarjena, a trpežna žival' Škljanec je bil reven kmet, živel je pred približno 50 leti. Imel je osla in zanj bolj slabo skrbel. Tudi pozimi, v mrazu, ga je velikokrat pustil kar na prostem. Če je kdo potožil, da ga zebe, so ljudje posmehljivo odvrnili: <i>Ja, je res mraz, še osel od Škljanca ima na sebi dva prsta leda.</i> {BŠ}
68	Pat in Mat 'omejen, prismuknjen človek' V Planini pod Golico je kmetija pri Konjarju (Pər Konárjo), kjer živita dva samska brata, ki sta znana po nekoliko krajši pameti in imata prigode, ki spominjajo na lika v češki risanki Pat in Mat. Zaradi tega pravijo risanki kar Konjarja. {KK}
69	pisana Uša > 'Bèršte, 'pi:sana 'Uša g're:!' – Bežite, pisana Uša 'Urša, žensko ime' gre! 'izraz, s katerim so strašili otroke' Kostel, kostelsko narečje (Gregorič 2014: 477)
70	pošik Hanzek > Ne bom tvoj pošik Hanzek. 'nekoliko omejen človek, ki je pripravljen delati komu (ki ga izkorišča) usluge' Kdo je bil ta Hanzek, se ne ve. {MK}
71	režati se (biti) ko rajnka Karohica > Se reží:š/si ko rajnka Kərùoxca. 'zelo na široko in glasno se smejati' Karohica je bila ženska iz vasi Soča, ki se je zelo na široko in glasno smejala. Umrla je že do okrog leta 1950. {BIK}
72	Rupe, di 'kje' so lepe púpe 'dekleta'. > Rupe, di su lípe púpe. Rupe je okrajšava imena Rupert; pomena frazema avtor ni navedel. Golac, čiško narečje (Podbersič 2007: 167)
73	siten kot Muhica > sí:tɛn ku Mù:xca 'zelo siten' Muhca je hišno ime (že pokojne) gospodinje (Pri Muhču), ki je bila zelo pedantna, želela je imeti vse urejeno; če pa ni bilo, je bila lahko tudi zelo tečna. Verjetno gre za aktualizacijo/prenovo širše znanega frazema <i>siten kot muha</i>. Frazem s sestavino <i>Muhca</i> živi samo še v spominu najstarejše generacije. {MB}
74	Šimnovčev očka fajfo 'pipo' kadi. > Ší:mnoučou uò:čka fà:jfo kadi:'. 'označuje vremenski pojav dviganja meglic iz grape, kjer stoji Šimnovčeva žaga' To je bil Lovrenc Klinar (pribl. od 1860 do 1945), ki je kadil pipo in na žagi žagal les. Šimnovčeva žaga stoji v grapi, iz katere se po deževnem vremenu kadijo meglice. Tako je nastal frazem za vremenski pojav po hišnem imenu Pər Ší:mnouc v vasi Plavški Rovt. Frazem se rabi v vaseh Planina pod Golico, Plavški Rovt in Prihodi. {KK}

75	Tomatuta vzame koga > Toma'tu:ta tä bo 'zɛ:l. 'izraža pretnjo otroku' Tomatuta je bil vzdevek za legendarnega živinskega tata in razbojnika še iz časa Avstrije. Doma je bil iz ene od sosednjih vasi in je kradel predvsem ovce. Ker je vedno pokradel vse, so mu nadeli ime Tomatuta ('vzame vse'). Rakitovec, istrsko narečje, šavrinsko podnarečje (Marc Bratina 2014: 231)
76	trmast kakor Žbatnekov vol > Jô:ža pa še 'kər dərɤá: cɛ:p, je tó:rmast kəkər Žbà:tnəkɔv 'voʊ. 'zelo trmast' Na kmetiji s hišnim imenom Pər Žbátnek v vasi Prihodi so menda imeli zelo trmastega vola. {KK}
77	Urša (Jera) biti > Hù:rša, Jèə:ra bət – Ti: s ja maw Jèə:ra. 'biti pijan' Ebriach/Obirsko (Karničar 1990: 245) (geslo Urša)
78	uštimana (okširana) 'napravljena, oblečena' koj 'kot' Kristina Velarjeva > S-uští:məna/ukšierəna kuj Kərstí:na Wɛ:jlərjuwa. 'vpadljivo in neokusno oblečen (o ženski)' Kristina Velarjeva je bila z Žage, vedno je bila oblečena kot ciganka ali kot za pusta, nosila je obroče okrog glave, dolgo in nabrano krilo. Večkrat je hodila po Bovcu, kjer je bila vedno glasna in je pela rezijanske pesmi. Frazem živi samo še v spominu najstarejše generacije. {MB} Gl. še: 19 biti nakrpučen 'vpadljivo oblečen, z veliko okrasja' ko Kristina Velarjeva.
79	V Filovcih so vsi lončarji, samo Ritar putre dela. > Vö 'Fi:louɕaj sɔ f'si: lɔn'čá:rj, 'samɔ 'Ri:tar 'pü:trä 'dela. 'v Filovcih so lončarji vsi, a res dober je le Ritar' Lončarskih izdelkov je veliko, najzahtevnejši za izdelavo pa je putra 'lončen vrč (za vodo, vino, olje) s trebušastim telesom, ozkim in kratkim vratom ter ročajem za nastavkom za luknjico za pitje' (Koletnik 2008: 64) Ritar (sicer naziv za glasnika, o-/razglaševalca) je bil tisti lončar, ki je posel dobro opravljal in ga tudi promoviral. {AEK}
80	voziti kot Fitipaldi > Vó:zəš kət Fitipà:ldi. 'zelo hitro, ne nujno tudi vešče in spretno' Fitipaldi je bil voznik Formule 1; bil je svetovni prvak leta 1972 in 1974. {MJT}

81	voziti kot Hostnikova Julia > Vò:zəš kət Xò:stənkova Jù:la. 'slabo voziti avto' Gospa iz vasi Suhadole (Komenda) je vozniški izpit naredila pri 60 letih in enkrat zamenjala vzvratno in prvo prestavo ter s traktorjem zapeljala v reko; po tem dogodku je rek označeval vsakega slabega šoferja. Mlajši frazema ne poznajo več, starejši pa ga še vedno uporabljajo na celotnem ozemlju Kmetijske zadruga Komenda (Komenda, Moste, Suhadole, Topole). {MJT}
82	Vrzi se dol, Kumalik! > Vrži se dóle, Kumalík! 'počivaj' Kumalik je hišno ime iz Vodice v Čičariji. Golac, čiško narečje (Podbersič 2007: 167)
83	zmerjati ko Johana > Zmè:rjaš kə Joxà:na. 'zmerjati, govoriti grde besede' Zdaj že pokojna Johana je živela zraven trgovine v vasi in večkrat skozi odprto okno svoje hiše gledala vaščane, ki so hodili mimo, ter jih žalila z raznimi nespodobnimi besedami. Frazem ni več v rabi, spomni se ga starejša generacija iz svojega otroštva. {AR}

4 Sklep

Osebna lastna imena se v slovenskih narečnih frazemih pojavljajo zelo pogosto, saj jih je bilo v razmeroma kratkem času na terenu in v različnih virih zbranih prek osemdeset, skupaj s tistimi, ki vsebujejo svetniško ime, pa prek 120. V njih se imena pojavljajo v različnih oblikah, in sicer največkrat kot priimek ali hišno ime oz. poimenovanje za gospodarja ali gospodinjjo (20), npr. F49 *Zajka*, F51 *Blekač*, in kot rojstno/krstno ime in/ali okrajšano ali ljubkovalno ime (20), npr. F28 *Beta (Elizabeta)*, F70 *Hanzek (Hans, Janez)*, pogost je tudi pridevnik, izpeljan iz osebnih lastnih imen – zlasti moških (17), npr. F6 *Francetkin*, F1 *Arginov*, precej pogosto je še (okrajšano) ime in hišno ime ali vzdevek (12), npr. F13 *Milka Zaprta*, F43 *Erjavčev Marko*, nekoliko manj samo vzdevek (7), npr. F35 *Ta Zjalasta*, F75 *Tomatuta*, sledijo literarno (mitološko) ime (5), npr. F23 *Bedanec*, F62 *Herkules*, uradno osebno ime, tj. ime in priimek (4), npr. F50 *Urša Žakelj*, F50 *Janez Hiti*, in ime iz sveta športa (1), tj. F80 *Fitipaldi*. – Po obliki je med obravnavanimi frazemi največ primerjalnih (glagolskih in pridevniških), sledijo samostalniški in glagolski ter stavčni. Glede na razširjenost so vsi lokalni – znani na ožjem območju, v nekaj vaseh ali le v eni vasi. Žal je večina teh frazemov živih le pri (naj)starejši generaciji (kar pa ni samo njihova značilnost, saj terenske raziskave kažejo na podobno usodo tudi veliko drugih frazemov). Glede na spol opažamo, da se v frazemih pojavlja več moških kot ženskih imen;

razmerje je 2 : 1 v prid moškim. Motivacijo nastanka (po vrstnem redu pojavitev) tem frazemom določajo: a) obnašanje in konkretna dejanja (29), npr. **biti ko <rajnki> Meha** 'ob prihodu v hišo ne odložiti torbe, nahrbtnika, prtljage', b) značajska lastnost (15), npr. **biti ko Čemparica** 'biti zelo skopuški', c) zunanja (netelesna) podoba (15), npr. **biti koj 'kot' rajnka Umera** 'biti umazan, neurejen', č) podobnost z osebami iz umetnosti (literature, glasbe, arhitekture), običajev, športa (7), npr. **voziti kot Fitipaldi** 'zelo hitro, ne nujno tudi večje in spretno', d) telesna značilnost (4), npr. **debel kot Žulj** > 'zelo debel', e) dobesedni pomen imena (3), npr. **iti mimo Smodina** 'zasmoditi, prižgati se (o hrani)', f) umska sposobnost (3), npr. **bik Arginov** 'neumen človek, neumnež', g) (nekdanje) lastništvo (3), npr. **iti na Pišekovo njivo** 'umreti', h) lega (domaćije) (2), npr. **Šimnovčev očka fajfo 'pipo' kadi**. 'označuje vremenski pojav dviganja meglic iz grape, kjer stoji Šimnovčeva žaga', e) olepševanje povedanega (3), npr. **boli me Đoko** 'vseeno mi je', f) šaljivo izražanje (1): F59 **Lajči 'Lojzek' se je obesil** 'zvoni', lahko pa je motivacija tudi nejasna, saj je izvor frazema (danes) nepoznan (4), npr. **Urša (Jera) biti** 'biti pijan'. – Izkušnje s to raziskavo so pokazale, da obstajajo območja, kjer so (bila) osebna lastna imena zelo frazemotvorna (npr. Gorenjska), pa tudi taka, kjer jih kljub prizadevanjem ni bilo najti. Nadaljnje raziskave bi to hipotezo lahko potrdile ali ovrgle, dale več podatkov o živosti in vitalnosti (novotvorbah) teh frazemov, več primerov pa bi omogočilo tudi boljše klasifikacije.

Uporabljena literatura in knjižni viri

- Bajzek Lukač, M. 2009. *Slovar Gornjega Senika A–L*. Bielsko-Biala, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Zora 66)
- Bernard, R. 2010. *Gúcatipo antújoško: gradivo za narečni slovar severozahodnoprleškega govora*. Bielsko-Biala, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Zora 73)
- Brozovič, M. 2013. *Ledinska in hišna imena v vasi Selšček*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, Oddelek za slovenistiko.
- Gregorič, J. 2014. *Kostelski slovar*. (Ur. Sonja Horvat, Ivanka Šicelj-Žnidaršič, Peter Weiss) Ljubljana: Založba ZRC; Kostel: Občina.
- Karničar, L. 1990. *Der Obir-Dialekt in Kärnten: Die Mundart von Ebriach/Obirsko*. Wien/Dunaj: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Koletnik, M. 2008. *Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razprave*. Bielsko-Biala, Kansas, Maribor, Praha: Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru. (Zora 60)

- Marc Bratina, K. 2014. *Jezikovna podoba slovenske Istre. Kulturna semantika slikovitega v slovenskoistrskem narečju*. Koper: Univerzitetna založba Annales.
- Menac-Mihalić, M. 2003–2004. »Hrvatski dialektalni frazemi s antroponimom kao sastavnicom«, *Folia onomastica croatica* 12–13, 361–385.
- Mukič, F. 2005. *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely.
- Ogris, T. 2014. *Vamprat pa Hana. Domislice, čenče, šale laži*. Celovec: Drava.
- Ožbolt, M. 2004. *Andrejeva stopinja*. Ljubljana: Kmečki glas.
- Podbersič, R. 2007. *Čičke prekvantice z Goca. Folklorni obrazci z Golca v Slovenski Čičariji*. Golac.
- Weiss, P. 1993. Izvenjezikovni vzroki vplivov na govore Zadrečke doline med Gornjim Gradom in Nazarjami. V: HLADNIK, Miran (ur.). 29. SSJLK. *Zbornik predavanj*. Ljubljana: Center za slovenščino kot tuji ali drugi jezik pri Oddelku za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 69–83.
- 1998. *Slovar govorov Zadrečke doline : med Gornjim gradom in Nazarjami : poskusni zvezek (A-H)*, (Zbirka Slovarji). Ljubljana: Znanstvenoraziskovalni center SAZU, Založba ZRC.

Drugi viri

Vir 1. <http://razvezanijezik.org>

AEK	Ana Elizabeta Kerman, Filovci, prekmursko narečje	30, 39, 79
AN	Anka Novak, Dobropoljska dolina (Dobropolje), dolensko narečje	24
AP	Anka Polajnar (Drejc Karničar in Mija Murovec), ⁹ Jezersko, gorenjsko narečje	54, 55, 64
AR	Aleksandra Repe (Janka Repe Nikolić), Spodnje Gorje, gorenjsko narečje	35, 65, 83
AZ	Anita Zupanc, Gorjuše, Koprivnik (Bohinj), gorenjsko narečje	2
AŽ	Andreja Žele, Šempeter (Pivka), notranjsko narečje	47
BIK	Barbara Ivančič Kutin, Bovec, obsoško narečje	7, 10, 19, 52, 71
BŠ	Barbara Škrbina, Puče (Šmarje pri Kopru), istrsko narečje, šavrinsko podnarečje	13, 20, 21, 67
DS	Darinka Suljević, Ribnica z okolico, dolensko narečje	3, 14, 31, 62

⁹ V oklepaju so navedeni informatorji s terena, če so ti znani.

EM	Erika Može (Marija Može), Veliko Ubeljsko (Hruševje), notranjsko narečje	58
FS	Franc Smole, Migolica pri Mirni, dolensko narečje, vzhodnodolensko podnarečje	38
IM	Irena Majce, Mostec (Dobova), kozjansko-bizeljsko narečje	11
JŠ	Jožica Škofic (Peter Škofic), Gorica pri Radovljici, gorenjsko narečje	43
KK	Klemen Klinar, Planina pod Golico, Plavški Rovt in Prihodi, gorenjsko narečje	22, 32, 68, 74, 76
MB	Mija Bon, Bovec, obsoško narečje	9, 73, 78
MJT	Mateja Jemec Tomazin, Topole (Mengeš), gorenjsko narečje	16, 40, 80, 81
MK	Mateja Kosi (Anton Kosi), Cven, prleško narečje	70
MP	Manuela Polanc, Otlica, notranjsko narečje	45
NF	Nuša Fabjan, Brezovica pri Stopičah, dolensko narečje, vzhodnodolensko podnarečje	1
NV	Nives Vrtovšek, Celje in okolica (npr. tudi Šentjanž nad Štorami), srednjesavinjsko narečje	27, 46
PP	Polona Pahor, Opatje selo (Miren–Kostanjevica), kraško narečje	25
RM	Rok Mrvič, Boštanj in okolica, posavsko narečje, sevniško-krško podnarečje	17, 23
TK	Tjaša Komac, Bovec in okolica, obsoško narečje	33
TM	Tina Matoz (Stanka Jelušič), Dolnje Ležeče, notranjsko narečje	8, 12, 15, 18
VS	Vera Smole (več starejših inf.), Šentrupert in okolica, dolensko narečje, vzhodnodolensko podnarečje	49, 53, 61

Vera SMOLE

PERSONAL NAMES IN SLOVENE DIALECT PHRASEMES

Summary

Personal names appear very frequently in Slovene dialect phrasemes: in a relatively short time more than 80 were collected in the field and from various sources; moreover, when those including saint names (not discussed) are included the total passes 120. The names appear in various forms: most often as a surname or house name, or as the name for the master or mistress of a house (20), for example F49 *Zajka*, F51 *Blekač*; also as a birth/christening name and/or abbreviated or pet name (20), e.g. F28 *Beta* (*Elizabeta*), F70 *Hanzek* (*Hans, Janez*); adjectives derived from personal names, especially men's names, are quite common, e.g. F6 *Francetkin*, F1 *Arginov*, as are a (shortened) first name plus a house name or nickname (12), e.g. F13 *Milka Zaprta*, F43 *Erjavčev Marko*; slightly less common is a nickname alone (7), e.g. F35 *Ta Zjalasta*, F75 *Tomatuta*, and literary (mythological) names (5), e.g. F23 *Bedanec*, F62 *Herkules*, or an official personal name, i.e. name plus surname (4), e.g. F50 *Urša Žakelj*, F50 *Janez Hiti*, and a name from the world of sport (1), e.g. F80 *Fitipaldi*. In terms of form, the discussed phrasemes are most often comparative (verbal and adjectival), followed by nominal and verbal and clausal. With regard to distribution, they are all local to a small area – a few villages or even a single village. Sadly, most of these phrasemes are only part of the living language of the older (or oldest) generation, although this is not a specific characteristic, since fieldwork shows that other phrasemes are suffering a similar fate. With regard to gender, there are twice as many male names than female names. The motivation for the appearance of these phrasemes (in order of frequency) is: a) behaviour and specific actions (29), e.g. **biti ko <rajnki> Meha** 'when coming into the house, failing to put down your bag, rucksack, luggage', b) personal characteristics (15), e.g. **biti ko Čemparica** 'to be very mean or tight-fisted', c) external appearance (15), e.g. **biti koj 'kot' rajnka Umera** 'to be dirty, untidy', d) similarity to someone from the arts (literature, music, architecture), tradition, sport (7), e.g. **voziti kot Fitipaldi** '(drive) very fast, but not necessarily skilfully or adeptly', e) bodily characteristic (4), e.g. **debel kot Žulj** > 'very fat', f) the literal meaning of a name (3), e.g. **iti mimo Smodina** 'to burn (food)', g) mental capacity (3), e.g. **bik Arginov** 'stupid person', h) (former) ownership (3), e.g. **iti na Pišekovo njivo** 'to die', i) location (of house) (2), e.g. **Šimnovčev očka fajfo 'pipo' kadi**. 'the weather phenomenon of mist rising from the ravine where the Šimnovec sawmill stands', j) a more euphemistic expression (3), e.g. **boli me Đoko** 'I don't care', k) jocular expression (1): F59 **Lajči 'Lojzek' se je obesil** 'to ring'. The motivation may also be unclear, since the origin of the phraseme is no longer known (4), e.g. **Urša (Jera) biti** 'to be drunk'. This research indicated that there are areas where forming phrases involving personal names is very

common (e.g. Gorenjska) and others where they were not found at all (e.g. parts of Štajerska). Further research could confirm or deny this hypothesis and offer more data on the use and vitality (new examples) of this kind of phraseme; more examples would also be facilitated by better classification and by comparison with already collected Croatian phrasemes.

Irena SZCZEPANKOWSKA

Uniwersytet w Białymstoku, Wydział Filologiczny
Białystok, Polska

**„SALOMONOWY WYROK” I „ŚLEPA TEMIDA”
– PROFILOWANIE ZNACZENIA FRAZEOLOGIZMÓW
W POLSKIM DISKURSY WOKÓŁ PRAWA**

Abstrakt: Wyrażenia „salomonowy wyrok” i „ślepa Temida” konotują pojęcie ‘sprawiedliwości’, którego symboliczna konkretyzacja (personifikacja) w kulturze europejskiej wiąże się z mitologicznym wizerunkiem greckiej bogini Temidy oraz biblijnym obrazem mądrego władcy Salomona. Tematem referatu są tekstowe profile znaczeniowe przywołanych związków frazeologicznych, pojawiających się często w polskim dyskursie medialnym wokół prawa. Interesujące są zwłaszcza potoczne reinterpretacje treści frazeologizmów. Celem analizy jest również próba odpowiedzi na pytanie, w jakim stopniu nazwa własna (imię) wpływa na stabilność formalno-znaczeniową określonych połączeń frazeologicznych.

Słowa kluczowe: język polski, sprawiedliwość, personifikacja, frazeologizmy

W języku polskim, podobnie jak w innych językach słowiańskich i szerzej – w kulturze europejskiej pojęcie ‘sprawiedliwości’ znalazło symboliczną konkretyzację (personifikację) w postaci greckiej bogini Temidy (gr. *Θέμις*, łac. *Iustitia*) oraz biblijnego władcy Salomona (hebr. *Szłomoh*, arab. *Sulayman* ‘człowiek pokoju’). Słowiańskie postaci imion mitologicznej bogini, pochodne od nazwy greckiej: pol. *Temida*/ ros. *Фемуга*/ ukr. *Феміга*, błg. *Temuga* lub rzymskiej: sł. *Justicia*/ mac. *Јустичуґа*/ błg. *Юстициґа* itp., oraz imienia mądrego króla izraelskiego: pol. *Salomon*/ cz. *Šalomoun/ Šalamún/ Саламón/ Соломón*/ ros., błg., mac. *Соломон* i in. zespoliły się w wielu europejskich językach – także w językach Słowian – z pojęciami sprawiedliwości, prawa, sądu, moralności i mądrości.

Wywodząca się z mitologii greckiej personifikacja sprawiedliwości jako bogini sprawiła, że jej imię (*Thémis* < *tithemi* ‘stawiam’, w grece klasycznej: *themis esti* ‘jest słuszne, godziwe’) stało się symbolem wymiaru sprawiedliwości

w krajach europejskich. W ikonografii Temida jest wyposażona w różne atrybuty: koronę, wagę, miecz lub włócznię, róg obfitości i in. Wizerunki bogini z opaską na oczach („ślepej sprawiedliwości”) pojawiają się dopiero w średniowieczu (XV w.). Dzisiaj rzeźby, freski i obrazy, na których jest przedstawiona Temida/Iustitia, zdobią przede wszystkim gmachy sądów.

Znaczenie atrybutu (opaski na oczach) jest opisywane podobnie od XVI w. po czasy współczesne: podkreśla się, że opaska jest symbolem bezstronnego wymiaru sprawiedliwości:

Oczy ma zawiązane, gdyż nie powinna widzieć nic, co by mogło sprawić, że u sędziego nad rozumem wezmą górę zmysły, jego wrogowie (Ripa 2002: 169).

Uważano ją za boginię sprawiedliwości, obyczaju i porządku i stawiano jej ołtarze w miejscach zgromadzeń ludowych, aby swą obecnością ożywiała narady w duchu dobra i prawości (Parandowski 1989: 121).

Przedstawiano ją z wagą i mieczem, symbolami sprawiedliwości oraz z zasłoniętymi przepaską oczami symbolizującymi bezstronność wyroków sądowych (Korolko 2004: 584).

Má zviazané oči - Vyobrazenie Justície, ktorá má cez oči natiahnutú stužku, aby nevidela účastníkov pojednávania – ich pôvod, moc, postavenie, či majetok, aby rozhodovala bez strachu a vidiny prospechu, ale konkrétny prípad. Stužka má v každom prípade symbolizovať nestrannosť, tak ako váhy spravodlivosť a meč rozhodnosť i prípadný trest. Taká to podoba „ślepej spravodlivosti“ je nám známa až od 16. storočia (haslo *Justitia* w: *Wikipédia.sl*¹).

Sąd biblijnego władcy Salomona jest także tematem licznych przedstawień malarskich. Obrazy ilustrują jedną z najbardziej popularnych starotestamentowych opowieści („Pierwsza Księga Królewska”) o mądrości króla Salomona, który jako młody człowiek zasiadł na tronie, obdarzony mądrością od Boga. Pewnego razu przed jego obliczem zjawily się dwie kobiety. Obie przyniosły swoje dzieci, które urodziły w jednym czasie. Jedno było już martwe. kobiety twierdziły, że żyjące dziecko jest ich i oskarżały się nawzajem o kradzież. Wówczas król rzekł:

„Przynieście mi miecz!” Niebawem przyniesiono miecz królowi. A wtedy król rozkazał: „Rozetnijcie to żywe dziecko na dwoje i dajcie połowę jednej

¹ Z tego samego źródła pochodzą objaśnienia hasel: ros. *Фемиды* – ‘Фемиду изображают с повязкой на глазах, что символизирует беспристрастие’; mac. *Łustitiija* – ‘Oчите ѝ се преврзани, што означува дека правдата е еднаква за сите и непристрасна’; błg. *Юстиция* – ‘изобразява справедливостта, снабдена с 3 символа: меч (символизиращ принудителната сила на съда); човешка везна (премерване за различните твърдения) във всяка ръка; превръзка на очите (безпристрастност)’.

i połowę drugiej!” Wówczas kobietę, której syn był żywy, zdjęła litość nad swoim synem i zawołała: „Litości, panie mój! Niech dadzą jej dziecko żywe, abyście tylko go nie zabijali!” Tamta zaś mówiła: „Niech nie będzie ani moje, ani twoje! Rozetniście!” Na to król zabrał głos i powiedział: „Dajcie tamtej to żywe dziecko i nie zabijajcie go! Ona jest jego matką”. Kiedy o tym wyroku sądowym króla dowiedział się cały Izrael, czcił króla, bo przekonał się, że jest obdarzony mądrością Bożą do sprawowania sądów (*Biblia Tysiąclecia*, 1 Krl 3: 24-28).

W wielu językach – w tym również w polszczyźnie – pojęcia sygnowane imieniem bogini i słynnego króla, ukształtowane w kręgu kulturowym Grecji i Rzymu oraz wyobrażeń judeochrześcijańskich, zyskały bardziej skonkretyzowaną postać w zespolonych połączeniach frazeologicznych *ślepa Temida* i *salomonowy wyrok*. Wyrażenia te oderwały się od kontekstu mitologicznego i biblijnego, stając się potocznymi frazeologizmami, którym przypisuje się w słownikach ustalone znaczenia, aktualizowane w publicznym dyskursie wokół prawa i działań wymiaru sprawiedliwości. Jak dowodzi materiał językowy zebrany za pomocą wyszukiwarki internetowej Google w polskim korpusie tekstowym, aktualizowane współcześnie profile znaczeniowe przywołanych frazeologizmów, zawierających imiona mitologicznej bogini i biblijnego władcy, ilustrują dość daleko idącą reinterpretację treści tych połączeń. Zwracają uwagę również kontekstowe modyfikacje strukturalne obu wyrażen, choć można by się spodziewać, że ustalona symbolika imion postaci, utrwalona w ikonografii, będzie sprzyjać stabilizacji formalno-znaczeniowej związków. Celem mojej analizy jest więc również próba odpowiedzi na pytanie, od czego zależy zakres wariantywności frazeologizmów zawierających imiona osobowe.

Czy ślepa Temida jest symbolem bezstronności sądu?

Według różnych opracowań słownikowych (zob. SKŚ, SWiTK, WSFJP) frazeologizm w postaci wyrażenia *ślepa Temida* lub frazy *Temida jest ślepa*² konotuje następujące cechy wymiaru sprawiedliwości: ‘bezstronność’, ‘prawo’,

² Imię w postaci greckiej *Temida* (lub *Фемига*) pojawia się w podobnym do polskiego sfrazeologizowanym użyciu także w językach wschodniosłowiańskich: ukr. *сліпа Феміда* (*сліпе правосуддя*), ros. *слепая Фемиды* (*слепое правосудие*), por. też błg. *Темиды е сліпа* // *Темиды с вързани очи* (*сліпо правосудие*). W językach czeskim i słowackim preferowany jest frazeologizm z nazwą abstrakcyjną *sprawiedliwość*: słow. *slépá spravodlivosť* / *spravodlivosť* je *slépá*; czes. *slépá spravedlnost* (por. także mac. *úraggáti e сліпа*). Poza tym w językach czeskim, słowackim i u południowych Słowian personifikacja sprawiedliwości wyrażana jest częściej imieniem rzymskim: słow. *Justícia*, mac. *Іуститија* – podobnie jak w wielu językach zachodnioeuropejskich (ang. *Justice*, fr. *Justice*, wł. *Giustizia*), w których imię bogini uległo apelatywizacji i jest nazwą pojęcia abstrakcyjnego.

‘sąd’, ‘prawda’, ‘porządek’, ‘obojętność’, ‘rozum’. Konotacje pozytywne imienia bogini z opaską na oczach pojawiły się dopiero w XV wieku, później zresztą niż skojarzenia negatywne: w średniowieczu zasłonięte oczy Temidy symbolizowały najpierw zaślepienie sędziów: w ikonografii religijnej kobieta z zasłoniętymi oczami była często personifikacją synagogi niepotrafiącej dostrzec w Jezusie zbawiciela (Jońca 2009). Wywodzące się z tej tradycji konotacje *ślepej Temidy* to: ‘zaślepienie’, ‘głupota’, ‘nieudolność’, ‘bezradność’, ‘podatność na manipulację’, ‘chaos’, ‘kłamstwo’ i in. Jak dowodzą liczne przykłady użycia wyrażen w źródłach polskojęzycznych, to właśnie takie profile znaczeniowe są najczęściej wydobywane w medialnym dyskursie wokół prawa. Imię bogini na pozycji argumentu jest często zastępowane przez nazwę wartości, której jest alegorią: *ślepa sprawiedliwość* (niekiedy *ślepe prawo*) // *sprawiedliwość jest ślepa*. Obie nazwy (własna i pospolita) bywają też zestawiane obok siebie w wypowiedziach, np.:

Gdzie podziała się sprawiedliwość, czy ślepa Temida nigdy nie dotarła do lasu?

Tylko dlaczego ślepa sprawiedliwość jest cnotą, gdy Temidowy miecz dotyka bogatych, ale niekoniecznie wtedy, gdy dotyka uboższych?

Nie tylko predykat *ślepa*, lecz i określenia innych atrybutów, rozszerzające charakterystykę wymiaru sprawiedliwości, towarzyszą zarówno imieniu, jak i nazwie ogólnej:

W USA sprawiedliwość jest ślepa i głucha. Przynajmniej w przypadku mieszkańca Oklahomy, który płaci alimenty na cudze dziecko.³

Zbrodnia sądowa. Dudała miał siedzieć, siedzi i będzie siedział. Co z tego, że za niewinność... Ale Temida jest w tym przypadku nie tylko ślepa, ale też głucha i jakby niedorozwinięta.

Ślepa, głucha i jeszcze powolna – polska Temida.

25 lat za niewinność. Temida w Polsce jest nie tylko ślepa, ale i głucha.

W przytoczonych wypowiedziach, jak i w wielu innych, omawiany frazeologizm ma konotacje negatywne: jest elementem charakterystyki reprezentantów wymiaru sprawiedliwości (sądów, sędziów); niesie konotacje ‘obojętności na krzywdę’, ‘bezduszości’, ‘nieudolności’. Mamy tutaj do czynienia z częściową defrazeologizacją konceptu *ślepej Temidy* poprzez kontaminację wyrażenia z innym przenośnym użyciem przymiotnika *ślepy*: *ślepy*

³ Wszystkie cytowane przykłady użycia wyrażen podawane są ze stron internetowych udostępnionych za pomocą wyszukiwarki www.google.pl w dniu 29.01. 2017 r.

na co, zwykle przen. ‘nie dostrzegający czego lub nie chcący czego dostrzec’; być ślepy na co/ względem czego ‘nie zwracać na coś uwagi’ (SFJP: 302) – stąd poszerzenie granic związku o dodatkową pozycję walencyjną wypełnioną wyrażeniem przymikowym:

Bo Temida jest ślepa na łamanie prawa.

Temida tym razem nie okazała się ślepa na rodzinne więzy.

Gdańska Temida ślepa na sprawiedliwość?

...ślepa na praworządność / na prawdę / na swoich pracowników (za to zawsze uczynna i na kolanach przed władzą; zdeprawowana, przekupna, skorumpowana i zblatowana z trzymającymi władzę).

Negatywnym konotacjom sprzyja samo użycie przymiotnika *ślepy*, który w polszczyźnie jest stylistycznie nacechowany zarówno w podstawowym znaczeniu (brzmi potocznie i pejoratywnie w porównaniu z określeniami *niewidzący* czy *niewidomy*), jak i w użyciach przenośnych, takich jak: *ślepa uliczka*, *ślepy los*, *ślepa miłość/ nienawiść*. Niekiedy takie s frazeologizowane kolokacje zawężają się w wypowiedziach, kreując innowacyjne sensy lub humorystyczne nonsensy, np.: *Temida jest wprawdzie ślepa, ale nie jest kurą*; *Nasza miłość jak przysłowiowa Temida jest ślepa*; *Polityczna poprawność ślepa niczym Temida*. Odmienne (pejoratywne) profilowanie semantyczne wiąże się z różnymi modyfikacjami strukturalno-leksykalnymi jednostki frazeologicznej na płaszczyźnie formy, takimi jak:

a) rozbudowywanie orzecznika we frazie (lub przydawki w wyrażeniu) poprzez koniunkcję nazw konotujących inne negatywne cechy osoby: *ślepa i głucha / ślepa, głucha i jeszcze powolna / nie tylko ślepa, ale głucha i jakby niedorozwinięta... / Temida jest ślepa i obawiam się, że także głucha; nie tylko ślepa, ale niesprawiedliwa, pełna hipokryzji, zakłamana i głupia; ślepa czy leniwa?; Temida jest ślepa, ale też i bezsilna; ślepa, głupia i bezduszna; naprawdę ślepa i podła*;

b) negowanie atrybutu: *Coraz rzadziej Temida jest ślepa, a coraz częściej głucha; Temida tym razem nie była ślepa; nie ślepa, ale co najwyżej krótkowzroczna; Temida nie chce być ślepa* lub jego relatywizowanie

- poprzez wprowadzenie odniesień do miejsca i czasu: *W USA Temida jest ślepa; Temida w Polsce jest / bywa ślepa; W tym przypadku Temida była ślepa; Gdańska/ polska/ europejska/ niemiecka/ amerykańska.../ nasza... Temida jest ślepa*

- poprzez użycie subiektywizującej ramy modalnej: *Wyjątkowo ślepa Temida; Temida wybiórczo ślepa; faktycznie / naprawdę/ jednak / bardzo ślepa; Mówi się że temida jest ślepa/ Dlaczego mówi się, że Temida jest ślepa?; Temida*

jest ślepa, ale żeby aż do tego stopnia!; Temida jest ślepa, ale mogłaby chociaż pytać; Nie taka ślepa Temida...; Temida powinna / musi być ślepa;

c) demetaforyzacja określenia atrybutu (*ślepa*) poprzez użycie kontekstowych determinatorów

- z pola semantycznego 'percepcji zmysłowej' (np. *oko, nie widzi, pomacać, krótkowzroczna, okulista*): *Temida ślepa na jedno oko; nie ślepa, ale co najwyżej krótkowzroczna; Temidę do okulisty!; Pamiętajcie, że Temida jest ślepa i czasami nie widzi, kogo karze; ślepym okiem Temidy; Temida jest ślepa. Coś, czego nie może pomacać, zazwyczaj dla niej nie istnieje;* (por. też znany aforyzm Stanisława J. Leca: „Schodźmy z drogi Sprawiedliwości! Jest ślepa.”),

- z grupy nazw osób, którym przypisuje się upośledzenie percepcji: *Mówi się że temida jest ślepa. Jeleniogórska prokuratura jest nie tylko ślepa, ale i głucha; ...no właśnie, było tyle pięknych dziewczyn, a wybrali Karolinę. Wygląda na to, że nie tylko Temida jest ślepa; Nie tylko Temida jest ślepa. Ślepi i głusi są czasami także rozwodzący się rodzice; Oczywiście Temida jest ślepa, ale ustawodawcy chyba nie powinni; „Sprawiedliwość jest ślepa” - tak o równości obywateli wobec prawa mówi łacińska maksyma. W brytyjskim wydaniu ślepotą Temidy ma ostatnio inny, jednoznacznie negatywny wymiar - jej funkcjonariusze hurtowo tracą z oczu nośniki danych zawierające materiały dowodowe; Temida wciąż niedowidzi // nie widzi i nie słyszy pokrzywdzonych...*

d) negatywne reinterpretacje znaczenia 'bezstronności' (gra opozycyjnymi konotacjami: pozytywną 'bezstronność, sprawiedliwość' i negatywną 'stronniczość', 'bezdusność', 'nieuczciwość'): *Temida jest ślepa - tym razem to nam założy opaskę na oczy; Temida ślepą jest... udaje sprawiedliwość; Temida jest ślepa i jednostronna; Przecież Temida jest ślepa - zwłaszcza jak chodzi o „swoich”; ja nigdy nie wierzyłem w wymiar sprawiedliwości, bo temida jest ślepa; Mamy poważne poszlaki, ale sądy nie są nimi zainteresowane. Temida jest ślepa. Ale nie o taką ślepotę przecież chodziło.*

W cytowanych wariantach tekstowych analizowanej jednostki frazeologicznej uwypuklony jest osobowy profil pojęcia symbolizowanego imieniem, podlegającym w tym kontekście zwyczajowej apelatywizacji (por. zapisy małą literą, współwystępowanie z nazwami osób): personifikacja wartości oraz przypisanie jej atrybutu odnoszącego się w podstawowej referencji do zmysłowego wyposażenia człowieka sprzyjają utrwaleniu odniesienia nazwy do osoby sędziego czy raczej do instytucji sądowej. Taka konkretyzacja referenta pozwala zinterpretować przydawkę/orzecznik jako wyrażenie negatywnej oceny działania reprezentantów wymiaru sprawiedliwości i nadać analizowanej jednostce frazeologicznej sens przeciwny do tego, który podają słownikowe definicje: *ślepa Temida* stała się zatem symbolem niesprawiedliwości, stronniczości lub nieudolności sądów. Fraza z imieniem jest w takim użyciu preferowana, gdyż nazwa abstrakcyjna (*Sprawiedliwość jest ślepa*) ujawnia pozornie nielogiczną

(kontradiktoryjną) interpretację: „sprawiedliwość jest niesprawiedliwa” – pozornie, gdyż nazwa abstrakcyjna w takim połączeniu podlega również konkretyzacji i oznacza ‘reprezentantów wymiaru sprawiedliwości’.

Rzadziej się zdarza, że uczestnicy dyskursu okołoprawnego wywodzą właściwą genealogię powiedzenia i jego znaczenie:

W idealnym świecie Temida jest ślepa – wydaje sprawiedliwe wyroki, nie zważając na kolor skóry, płeć, status majątkowy bądź pozycję ... ; Temida jest ślepa, nie patrząc na status, bogactwo, władzę...

Dlaczego Temida ma opaskę na oczach? Dlatego, że ma stosować tę samą miarę wobec bogaczy i biedaków, władców i poddanych? Zgodnym chórem odpowiemy „*tak właśnie ma być*”, mając na myśli świat bez równych i równiejszych.

Modalizatory „w idealnym świecie”, „tak właśnie ma być” wyraźnie sugerują, że w przekonaniu mówiących *ślepa sprawiedliwość* rozumiana jako ‘bezstronność sądu’ jest „wyidealizowanym modelem kognitywnym” – można by rzec, używając kategorii zaproponowanej przez G. Lakoffa (1987) – w ramach jednego z możliwych (postulowanych) światów, jakie kreujemy w naszym umyśle. Doświadczenie podpowiada jednak mówiącym, że w świecie realnym ideał ten jest co najmniej nieosiągalny, a często wręcz zmienia się we własne przeciwieństwo.

Konsekwencją takiej epistemologicznej rozbieżności jest niezgodność definicji słownikowych z potocznymi konceptualizacjami, dającymi o sobie znać w dyskursie publicznym – nie tylko polskim, lecz także na przykład rosyjskim – na poziomie konotacji wynikających z kontekstu użycia wyrażen⁴:

Слепая Фемида должна безжалостно карать любого, кто преступил Закон.
Слепая богиня покровительствует справедливости и правде.

Слепая Фемида. Самые необычные судебные решения.

Фемида: слепая, за то послушная.

Слепая и глухая Фемида // слепая Фемида должна быть и глухою.

Фемида - слепая, глухая и немая - Убийцы в белых халатах.

«Слепая Фемида» не заметила документов кандидата. // Не совсем слепая Фемида

Слепая европейская Фемида. // Слепая фемида – Досье российского правосудия.

Судья-пьяница де-юре „не виноват” ...Такой абсурдный вердикт вынесла „слепая” Мукачевская Фемида.

⁴ Przykłady użycia frazeologizmu w tekstach formułowanych po rosyjsku lub w innych językach słowiańskich zostały przytoczone z kontekstów udostępnianych przez wyszukiwarkę Google (w dniu 17. 11. 2016 r.).

Dwa pierwsze cytaty przekazują konceptualizację zgodną z symboliką zapisaną w ikonografii: *ślepa Temida* jako symbol sprawiedliwego, bezstronnego sądu; jednak pozostałe użycia potwierdzają negatywne skojarzenia, takie jak: ‘dziwne/ bulwersujące/ absurdalne wyroki’, ‘przeoczenie dowodów, chaos proceduralny’, ‘korupcja wśród sędziów’, ‘ignorowanie niesprawiedliwości’, ‘bezdusność, brak reakcji na krzywdę ubogich’. Rzadziej możemy znaleźć przykłady użycia (zwłaszcza zawierające imiona bogini) w innych językach słowiańskich: ukr. *Сліпа тиерноїльська Феміда: або чому суд не реажує...?*; *Сліпа й злуха Феміда. Чому ніхто й ніколи не буде покараний...?*; *Чи побачить сліпа Феміда інших корупціонерів?*; błg. *Благодарни са на Теміда, че е с вързани очи!!*; *Теміда май не е със съвсем вързани очи*; *Защо Теміда е сліпа за истината...* W językach czeskim i słowackim mamy raczej do czynienia z użyciem nazwy ogólnej w pozycji argumentowej, lecz innowacje w części predykatywnej (modyfikacje aspektu i czasu, modalizacja) wskazują także na reinterpretację znaczeniową frazy, np. słow. *Hovorí sa, že spravodlivosť má byť slepá...*; *Spravodlivosť však nebola slepá*; *Spravodlivosť býva často slepá*.

W związku z dużą wariantywnością analizowanej jednostki frazeologicznej przybierającej dwie postaci kanoniczne: wyrażenia i frazy, które podlegają licznym modyfikacjom gramatycznym i leksykalnym, można się zastanawiać nad tym, czy mamy rzeczywiście do czynienia z wariantami tej samej jednostki, czy też raczej – zważywszy na dwa przeciwstawne znaczenia (pozytywne i negatywne) – z jednostką polisemiczną lub wręcz z dwiema jednostkami homonimicznymi, których rozbieżność semantyczna jest ugruntowana na odwiecznej (zapisanej w źródłowych tekstach kultury i w ikonografii) ambiwalencji symbolu zasłoniętych oczu (ślepoty). Nawet jeśli przyjmiemy niezbyt rygorystyczne kryteria wyznaczające granice wariantywności (zob. na ten temat Ignatowicz-Skowrońska 2009) jednostki frazeologicznej, to należy zgodzić się z obserwacją innej badaczki: „Wydaje się, że w wypadku związków frazeologicznych notowanych w słownikach ogólnych jako szeregi wariantów najważniejsza jest tożsamość znaczenia globalnego, natomiast skład leksykalny, szyk komponentów i schemat składniowy są wobec tej tożsamości znaczeniowej drugorzędne” (Kącka-Rodak 2011: 102). Czy możemy uznać, że związek *ślepa Temida* / *Temida jest ślepa* zachowuje „tożsamość znaczenia globalnego” pomimo aktualizowanych w dyskursie (niekiedy na poziomie jednego zdania) dwu przeciwstawnych konotacji znaczeniowych? Wydaje się, że właśnie imię własne, jednoznacznie odsyłające do postaci mitologicznej bogini z opaską na oczach, której figury zdomowały się w przestrzeni publicznej, spaja te konotacje, tworząc jak gdyby wyidealizowany model kognitywny będący też punktem odniesienia dla niestandardowych konceptualizacji, mających jednak związek z szeroko pojmowaną przestrzenią prawa i wymiaru sprawiedliwości (mieszczą się na tej skali również aktualizacje z wymiennymi nazwami

pospolitymi: *sprawiedliwość, prawo, sąd*), nawet jeśli obszar ten stanowi tylko *tertium comparationis* dla charakterystyki innych zjawisk, np. *Nie tylko Temida jest ślepa. Ślepi są także rozwodzący się rodzice*.

Czy salomonowy wyrok może być niesprawiedliwy?

Przejdźmy teraz do drugiego związku frazeologicznego, który również konotuje pojęcie sprawiedliwości (w wymiarze sądowym) związane ze źródłową opowieścią biblijną na temat słynnego, przypomnianego wyżej, aktu króla Salomona. Odpowiedniki polskiego wyrażenia *salomonowy wyrok* w słownikach dwujęzycznych są podawane z ekwiwalentami rzeczownika *sąd* lub *wyrok*⁵. W języku polskim wyrażenie z rzeczownikiem *sąd* i imieniem króla w pozycji przydawki dopełniaczowej (*sąd Salomona*) odnosi się jednak niemal wyłącznie do kontekstu biblijnego lub do ikonograficznych przedstawień sytuacji opisanej w „Pierwszej Księdze Królewskiej” (por. tytuły obrazów), np.: *Drzwi intarsjowane ze sceną Sądu Salomona*. W znaczeniu podawanym przez słowniki frazeologiczne: ‘wyrok mądry i sprawiedliwy, choć o zaskakującej formule rozstrzygnięcia’ (SMiTK: 1030), ‘wyrok godzący obie strony; mądry, chytry’ (SFJP: 93) występuje w polskim dyskursie publicznym wyrażenie w ustalonej postaci: *salomonowy wyrok* (niekiedy *salomonowy sąd*) – z przymiotnikiem dzierżawczym utworzonym od imienia króla. W polszczyźnie takie przymiotniki są zapisywane zazwyczaj małą literą, co dodatkowo (oprócz samej adiektywizacji) sprzyja ich apelatywnemu użyciu. Konkretyzacja obiektu (*sąd > wyrok*) jest natomiast sygnałem oderwania się potocznego znaczenia kolokacji z przymiotnikiem odimiennym od kontekstu biblijnego i ikonograficznych przedstawień słynnego sądu, a tym samym frazeologizacji wyrażenia.

Definicje podają na pierwszym miejscu pozytywną waloryzację wyroku: ‘mądry, sprawiedliwy’, podczas gdy konteksty dyskursywne przywołują raczej konotacje drugorzędne, nie zawsze nawet wskazywane w słownikach: ‘kompromisowy’, ‘uwzględniający interesy obu stron’, ‘zaskakujący’, ‘chytry’ itp., profilujące trudność, przed jaką staje sędzia wydający wyrok w danej sprawie. W interpretacji prawniczej „Dylemat króla Salomona można traktować jako problem podziału jednego niepodzielnego dobra między dwie osoby, które różnią się uprawnionymi roszczeniami do tego dobra (...). Istota

⁵ Por. cz. *šalamounské rozhodnutí*, ros. *соломоново решение*, srb. *Соломонско решење*, błg. *Соломоновият съд*, mac. *Соломонов суд*, ukr. *Соломонів суд*. W językach zachodnioeuropejskich mamy podobne zróżnicowanie w zakresie wyboru imienia lub odmienniej formacji adiektywnej w funkcji przydawki oraz wyrazu określanego (bardziej ogólnego lub skonkretyzowanego): ang. *Judgment of Solomon*, hiszp. *jucio salomónico*, *sentencia salomónica*, nm. *salomonisches Urteil*, szw. *salomonisk dom*, wł. *giudizio salomonico*, fr. *jugement de Salomon*.

dylematu polega tu na niepewności, czyje roszczenia są uprawnione, a czyje – nie.” (Lissowski 2004: 126). W jednym ze słowników rosyjskojęzycznych znajdujemy objaśnienie znaczenia ekwiwalentu frazeologicznego obrazujące dość dobrze tę problematyczną sytuację, która wymaga salomonowej mądrości: *Соломоново решение* – ‘мудрое и неожиданное решение, которое обычно толкуется буквально как решение компромиссное, без обид — «ни тому, ни другому» или «и тому, и другому»’ (ESKS). Oto reprezentatywne przykłady użycia związku w polskim dyskursie medialnym:

Sąd wydał salomonowy wyrok, uchylając obie decyzje.

Podjęli salomonowy wyrok, czyli przyjęli do uzbrojenia konstrukcje obu rywalizujących producentów.

... dziewięćioletni syn zamieszka nie z rodziną zastępczą, ale z wujem – orzekł w środę sąd w Ohio. Czy w sprawie otyłego chłopca *zapadł salomonowy wyrok?* Burmistrz winny, ale nie skazany (...) *Sąd wydał Salomonowy wyrok.*

Austriacki sąd *ogłosił salomonowy wyrok*, że odpowiedzialność za wypadek na stoku ponoszą w połowie obie strony.

Przedstawiciel rządu *starł się wydać salomonowy wyrok* w pojedynku między wydawaniem a oszczędzaniem.

Ufał, że *wydając taki iście salomonowy wyrok*, to znaczy przydzielając każdemu synowi pełnię władzy nad mniejszą krainą geograficzną, zapobiega bratobójczej wojnie.

Ostatecznie uznano, że Pluton planetą nie jest. Aby nieco uspokoić protesty Amerykanów, utworzono nową kategorię: planet karłowatych. Okazuje się, że *ten salomonowy wyrok był całkiem słuszny.*

Członkowie Akademii wydali bardzo salomonowy wyrok starając się, by jak najwięcej filmów zostało wyróżnionych. W ten sposób żaden z tytułów nie zdobył więcej niż trzy nagrody.

Wyróżniony kursywą minimalny kontekst użycia jednostki *salomonowy wyrok* wskazuje na wariantywne (standardowo wymienne) wypełnienie pozycji walencyjnych nazwami czynności, której analizowana jednostka frazeologiczna jest dopełnieniem (*wydać / starać się wydać / ogłosić / podjąć*) lub podmiotem (*zapaść / zapadać*), przy czym subiekt decyzji nie zawsze jest reprezentantem wymiaru sprawiedliwości. Niekonwencjonalne jest natomiast rozszerzenie dwuczłonowego wyrażenia o modalizator będący leksykalnym wykładnikiem stopniowości cechy: *iście salomonowy w.*, *bardzo salomonowy w.* – połączenia takie profilują jakościową ocenę wyroku, abstrahując niejako od relacyjnego charakteru przydawki odimiennej.

Niekiedy wyrażenie frazeologiczne zestawione jest z predykatem tworzącym konstrukcję pozornie tautologiczną: *Ten salomonowy wyrok był całkiem słuszny.* Uzasadnienie dla takiej conceptualizacji znajdziemy nie w definicjach słownikowych, co prawda, lecz w dyskursywnym użyciu

jednostki, która niekoniecznie nazywa ‘decyzję słuszną, sprawiedliwą, mądrą’, a więc ocenianą zdecydowanie pozytywnie, lecz wprost przeciwnie: ‘wyrok nejednoznaczny’, ‘wprowadzający chaos i trudny do wyegzekwowania’, ‘niezadowolający żadnej ze stron’.

Poniższe konteksty potwierdzają taką modyfikację treści i wartościowania:

Sąd próbował wydać salomonowy wyrok, ale doprowadził jedynie do większego zamieszania. Winny znieważenia, ale nie zniesławienia. Obraził, ale nie zniesławił. Ten salomonowy wyrok nie rozwiązuje sprawy na przyszłość.

W wyroku sąd uznał, że przestępstwa zostały popełnione, ale zachodzą okoliczności łagodzące (...). Ten salomonowy wyrok nie zadowolili prokuratora ani obrony.

Sąd podtrzymał wyrzucenie Jeana-Marie Le Pena z partii. To „salomonowy wyrok” (...) Sąd uznał wprawdzie, że ojciec założyciel mógł zostać pozbawiony członkostwa, lecz należy mu się funkcja honorowego przewodniczącego partii, z której został wydalony, bo statut Frontu Narodowego nie stwierdza wyraźnie, że tę funkcję musi pełnić członek partii. A zatem Le Pen będzie miał prawo brać udział w zgromadzeniach partyjnych. Można to rozstrzygnięcie uznać za przysłowiowy salomonowy wyrok, lecz jego konsekwencje polityczne nie są jasne.

Konkluzja

Na podstawie przeprowadzonej analizy użycia jednostek frazeologicznych zawierających imiona alegorycznych postaci uosabiających sprawiedliwość można stwierdzić, że znaczenie obu związków, aktualizowane w polskim dyskursie wokół prawa (a zapewne też i w mowie innych Słowian, co wymagałoby dokładniejszych porównań korpusów tekstowych), ewoluuje w kierunku neutralizacji wartości pozytywnej i profilowania konotacji negatywnych. Przekształcenia te sprawiają, że potoczne interpretacje treści frazeologizmów tracą związek z ich słownikowymi definicjami.

Różny jest natomiast zakres wariantowości gramatycznej i leksykalnej analizowanych związków. Wyrażenie *salomonowy wyrok* jest zdecydowanie bardziej stabilne niż połączenie *ślepa Temida* / *Temida jest ślepa*. Czy imię własne, niemające synonimów (w przypadku alegorii zastępowalne nazwą pospolitą), antonimów czy hiponimów, jest czynnikiem takiej stabilizacji? W pewnym stopniu tak, lecz zależy to też od pozycji imienia w strukturze tematyczno-rematycznej jednostki: imię *Temida* wyznacza obiekt (temat), o którym mowa, a punkt ciężkości semantycznej spoczywa na orzeczniku (przydawce) w pozycji rematycznej (*jest ślepa*), wyrażającym konkretny

atrybut za pomocą nazwy pospolitej, podlegającej kontekstowo warunkowanym modyfikacjom znaczeniowym (gramatyczne przekształcenia dotyczą łącznika). Imię jako tylko symbol przedmiotu charakterystyki jest zatem łatwo zastępowane nazwą pospolitą. W wyrażeniu *salomonowy wyrok* natomiast akcent logiczny i wszelkie konotacje znaczeniowe (*differentia specifica*) związane są z przydawką odimienną w pozycji rematycznej (i zarazem predykatywnej), podczas gdy obiekt określany (temat, argument: *wyrok*) jest wyrażony nazwą ogólną mającą jedynie funkcję kategoryzacyjną, nieniosącą treści istotnych ze względu na globalne znaczenie związku. Jednocześnie przydawka pochodna od nazwy własnej jest pozbawiona bliskoznaczników, co dodatkowo wpływa na jej niewymiennność. Wariację ogranicza też brak realizacji zdaniowej frazeologizmu: konstrukcja **wyrok jest salomonowy* nie jest używana.

Literatura cytowana

- Biblia Tysiąclecia. Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*. Poznań-Warszawa: Wydawnictwo Pallottinum. 1987.
- Ignatowicz-Skowrońska, J. 2011. „Wariancja frazeologizmów na płaszczyźnie ich schematów walencyjnych (obserwacje z poziomu normy frazeologicznej)”. *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Wariantywność we frazeologii*, pod red. P. Flicińskiego, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 34-47.
- Jońca, M. 2009. „Jak powinna wyglądać Sprawiedliwość?” <http://www.edukacjaprawnicza.pl/> 10 (dostęp w dniu: 20.10. 2016).
- Kącka-Rodak, M. 2011. „Sposoby notowania wariantywności związków frazeologicznych w powojennych słownikach ogólnych języka polskiego (na przykładzie frazeologizmów z komponentami serce i głowa)”, *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Wariantywność we frazeologii*, pod red. P. Flicińskiego, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 89-103.
- Lakoff, G. 2011. *Kobiety, ogień i rzeczy niebezpieczne. Co kategorie mówią nam o umyśle?*, red. E. Tabakowska, tłum. M. Buchta, A. Kotarba, A. Skucińska, Kraków: Universitas.
- Lissowski G., 2004, „Sprawiedliwe decyzje w warunkach niepewności: poszukiwanie dodatkowej informacji. *Decyzje* 2. 122-129.
- Parandowski, J. 1987. *Mitologia. Wierzenia i podania Greków i Rzymian*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
- Ripa, C. 2002. *Ikonomia*, tłum. I. Kania. Kraków: Universitas.

Źródła internetowe

Wikipedia – encyklopedia internetowa (<http://www.wikipedia.org>)
Zasoby tekstowe zgromadzone w wyszukiwarce Google (www.google.pl; www.google.ru), dostęp w dniu: 29.01. 2017 r.

Słowniki – rozwiązanie skrótów

- ESKS – Серов В. 2003. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 ситийей*. Москва: Локид-Пресс.
- SFJP – Skorupka, Stanisław. 1987. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- SKŚ – Korolko, Mirosław. 2004. *Słownik kultury śródziemnomorskiej w Polsce. Idee, pojęcia, miejsca z wypisami literackimi*, Warszawa: Muza SA.
- SmiTK – Kopaliński, Władysław. 1991. *Słownik mitów i tradycji kultury*, Warszawa: PIW.
- WSF – *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Oprac. Kłosińska Anna?, Sobol Elżbieta, A. Stankiewicz, Warszawa: PWN, 2005.
- WSFJP – Müldner-Nieckowski, Piotr. 2004. *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego: wyrażenia, zwroty, frazy*, Warszawa: Świat Książki.

Irena SZCZEPANKOWSKA

“SALOMONOWY WYROK” AND “ŚLEPA TEMIDA” – THE SEMANTIC REINTERPRETATION OF THE IDIOMS IN THE POLISH PUBLIC DISCOURSE

Summary

The aim of this paper is to conduct a semantic analysis of two idioms used in the Polish public discourse. The idioms chosen for the analysis contain proper names *Temida* (*Themis*) and *Salomon* (*Solomon*) which are the symbols of justice in the European culture. The research study allows for observing the semantic profiling and reinterpreting of the phraseological units *ślepa Temida* (*Temida jest ślepa*) and *salomonowy wyrok*, which have close equivalents in other Slavic languages. On the basis of the conducted analysis it can be concluded that the meanings of these both expressions have evolved from a positive meaning (included in the dictionaries: ‘impartial court’ and ‘just/ compromising judgement’) towards ones evoking negative connotations, such as ‘blind/ unjust/ hard-hearted court’ and ‘hesitant/ confusing judgement’.

Joanna SZERSZUNOWICZ

The University of Białystok
Białystok, Poland

ON THE RECENT CULTURE-BOUND POLISH PHRASEMES WITH THE NAME "JANUSZ" AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

Abstract: The aim of the paper is to discuss the Polish culture-bound phrasemes with the name *Janusz* which have been coined recently and to propose its Russian equivalents. The culture-specific nature of the phrasemes at issue influences greatly their cross-linguistic equivalents which will be discussed on the example of selected Polish units with the component at issue.

Key words: culture-boundness, equivalent, bilingual lexicography, pattern, phraseme.

In the modern phraseological studies, the inclusion of the cultural component tends to be part of the analyses conducted by various scholars who study fixed expressions within the framework of different methodologies (Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaia 1998, Piirainen 2012, 2008, 2016, Pamies 2008, 2017, Skandera 2007, Szerszunowicz 2016). The approaches towards the definition of culture and related issues vary greatly, yet, irrespective of the adopted stand, the vast majority of scholars acknowledges the importance of the role of culture in the coinage and development of phraseological units (Szerszunowicz 2011a). As for terms regarding the relation of culture and lexical and phraseological phenomena, apart from *cultural key-words* (Wierzbicka 1992, Goddard 2009), in recent works favouring the linguo-cultural approach, the term *cultureme* is employed (Szerszunowicz 2014, Pamies 2017). Furthermore, several others are used as descriptive expressions, among which *culture-specific*, *culturally marked* and *culture-bound* are the most frequent. The term *culture-bound* will be used in the present paper to refer to the relation of a given phraseme to culture (cf. Sabban 2008).

For instance, cultural influences are clearly visible in the recent Polish phraseological units coined after the political and economic transformation which took place in 1989 (Szerszunowicz 2015). Many of them reflect new phenomena which had not existed before or which had been less important than

they are now. For instance, the Polish phrase *wyścig szczurów*, a borrowing from English (*rat race*) came into use after 1989 when foreign corporations started to operate on the Polish market. Their presence on the job market resulted in the need of creating new words and expressions naming the elements of the new working environment, many of which were borrowings from English. Likewise lexis, phraseology mirrors the changes occurring in a given ethnic community: due to continuous cultural progress, certain phrases are no longer needed, while other are coined because of new nomination needs.

Over the last decades, new sources of fixed expressions emerged, for instance, the Internet has been an important area of communication, generating various phrases. Several of them have been incorporated in the colloquial variety of the Polish language. Illustrative examples are the phrasemes *typowy Janusz/janusz* (lit. a typical *janusz*) and *Janusze/janusze biznesu* (*janusze* [the plural form of the fist name *Janusz*] of business): both are deeply set in the Polish culture. They are strongly evaluative: both express negative assessment of certain features and behavioural routines which are not approved of by Poles. The former is a label evoking a negative stereotype of a man in his fifties, limited and ignorant, while the latter one is used to refer to ignorant persons who consider themselves to be experts. This expression tends to be modified in different contexts, dependent on the speaker's needs.

The aim of the study is to analyze the new Polish expressions with the constituent *Janusz*: the phraseme *typowy Janusz* and selected units realizing the pattern *JANUSZE* + NOUN Gen. (lit. *JANUSZE* + OF + X), in which X is the name of a given activity, skill etc. from two perspectives. The first one is the linguo-cultural approach, which allows for presenting the phrasemes as linguistically specific and culture-bound units. In turn, the adoption of the second one, contrastive, enables analyzing the cross-linguistic equivalence of these expressions in Russian – a related language which belongs to the same, i.e. Slavic, family. The term *phraseme* is used as a broader one than for instance *idiom*: what is stressed in this case is the reproducible character of the polylexical expression at issue (Burger 2010: 35-36). The analyzed units cannot be considered as belonging to the core of Polish phraseology. They are relatively new currently used expressions whose status will be determined in several years, were primarily limited to the Internet jargon, in particular used by young persons. Now they seem to be gaining popularity, which is attested by their presence in various forms of communication, for example, press texts. As a consequence, they can be qualified as phraseme and viewed as candidates for phraseological units proper, i.e. those forming the canon of Polish phraseology comprising units of well-established position (e.g. biblical and mythological idioms, somatic expressions, animal idioms etc.).

As for the onymic constituent, the name *Janusz* is a Polish male first name which was originally a derivative form of the name *Jan* (English: *John*). The name in question began to be used as a regular name in the 12th c. (SI: 167-168) and it was attested in a written form as early as in 1145 and 1178 (Grzenia 2002: 143). In Poland, the name was most popular in the fifties of the 20th c. (Grzenia 2002: 143). However, it was not until recently that this first name developed connotations: nowadays, due to the Internet where the character called *Janusz* – a middle-aged, coarse male Pole – developed, the name functions a carrier of negative associations in the colloquial variety of Polish. The figurative meaning of the word, used now as an appellative noun often spelt with a small letter – *janusz*, motivated derivatives such as: *januszować* (a verb meaning to behave like a typical *janusz*), *januszowaty* (an adjective describing somebody who has the qualities of a typical *janusz*), *Januszex* (a chrematonym – the name of a company which belongs to Janusz, the name alludes to the Polish tendency observed after 1989 when many companies were established – the letter *x*, which does not exist in the Polish alphabet, was an exponent of highly valued western character or origin of the company, for instance, *Animex* or *Drutex*).

The name *Janusz* is not found in available phraseographic dictionaries published recently (e.g. NSF, PSF, WSF, WSFJP). Proverbs are excluded from the analysis, since – unlike other fixed expressions (e.g. restricted collocations and idioms) – they are self-contained language units, thus require the adoption of a different methodological approach. The new phrasemes analyzed in the present paper are the first ones in which the name *Janusz* after undergoing the appellativization process is used as a constituent (*janusz*, *janusze*). Since the units have come in use recently, there are still graphic variants, for example, *typowy Janusz* and *typowy Janusz* or *janusze budownictwa* and *Janusze budownictwa*. Treating the depropriat component as a proper name and as a common one reflects its novelty contributing to the lack of stabilization of the component status within the phraseme. On one hand, native language users know that *Janusz* is a proper name, on the other, they are already aware of its appellative character. The connotative potential is what indicates that the name stands for a kind of person, rather than for an individual bearing this name.

Various well-known texts of culture, for instance children's rhymes, popular songs and films, may contribute to the development of connotations of a given proper name (Szczeszunowicz 2011b). With the passage of time, such associations typical evoked by given onyms may become part of collective memory (Vidović Bolt, Szczeszunowicz 2017). Because of this reason, it is not surprising that some of them are included in various lexicographic works. Schutz (2002: 639) gives the following example: "In recent Dutch dictionaries the proper names Johnny and Anita (in Belgium Marina) show up as common nouns meaning fashion-sensitive, lower class youngsters from what we call the *patatageneratie* (couch-potato-generation)".

The name at issue is not included in any printed dictionaries; yet, some on-line sources include it. For instance, *Miejski słownik slangu i mowy potocznej* (Urban dictionary of slang and colloquial speech) contains the following definitions of the word *Janusz/janusz*: ‘a pejorative term for football fans who occasionally come to matches, watching them on television’, ‘a person who does not know anything about a given discipline, e.g. *Janusze budownictwa* (lit. *janusze* [the name *Janusz* in the plural form] of construction)’, ‘a computer game participant who pretends to know a lot, but who, in fact, does not know anything’, ‘a person who has no idea about something’, ‘a typical, bad-looking Polish man, whose characteristic feature is red cheeks (also known as irons), this person is also noticeable because he wears socks (white recommended) with sandals, widespread in the vicinity of technical universities’ (MSSiMP).

The name is also included in the collection of new words offered by *Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego* (Language Observatory of the University of Warsaw). The definition is as follows: ‘rather unattractive man epitomizing stereotypical, negative features associated with Poles: coarseness, fondness for alcohol, lack of manners and bad taste in clothes; can be also used with reference to representatives of other nations (OJUW). The entry also contains two derivatives: the verb *januszować* – ‘to behave like a simpleton’, ‘to do something embarrassing in a public place, for instance in a shop or in the cinema’ and the adjective *januszowaty* – ‘having characteristics typical of *janusz*’ (OJUW).

Janusz is well represented in memes, which show his personal features and intellectual properties as well as typical behaviour. He is depicted as a primitive man with bad manners, rather vulgar and coarse. The name *Janusz* is associated with all the characteristics, activities and reactions considered to be shameful by Poles. The Internet image also comprises the physical appearance of this character (fat, red-cheeked, with moustache) and his attributes (a white vest, a black leather jacket, sandals worn with white socks, a Volkswagen Passat, usually diesel, without air conditioning, a bottle of locally produced beer, cigarettes, he always carries a plastic bag from a supermarket). His attributes are so familiar to Poles that some of them are presented in the series of memes titled “Typowy Janusz – pakiet startowy” (lit. Typical Janusz – a Starter Pack). His way of speech is also characteristic: it is the language of an uneducated person, presumably coming from some rural areas. As it can be seen, the phraseme *typowy Janusz* is a concise way of referring to a broader cultural concept, i.e. a set of characteristics and manners considered to be shameful in the Polish society.

In the Internet lore, Janusz is shown in various situations: he has a family, he goes on holiday, he works and enjoys his leisure. As for his family, he lives in a block of flats with his wife *Grażyna*, in some memes also named *Halina*,

who is limited and loves gossiping, which motivated her nickname "district monitoring". Furthermore, he has a son called Sebastian, also known as Seba or Sebix. Although the young man is an adult, he hardly works and hangs around with friends. He has a girlfriend or wife named *Karyna* characterized by low intellectual level and bad tastes in clothes. They are a couple with two children, a girl – *Dżesika* and a boy – *Brajanek*. The children's names are foreign and sound pretentious, which also is indicative of a low level of parents' education. In fact, all the family members exhibit characteristics observed in the Polish society which are despised and ridiculed by Poles.

As it can be seen from this brief presentation of the meme character Janusz, the connotative potential of the name in question is strongly negative. The evaluation is of general character: the name is interpreted contextually and the person called *janusz* did something shameful, wrong, inadequate etc. which deserved severe criticism. The phraseme *typowy Janusz* (lit. a typical Janusz) is a language label used to refer to a set of shameful personal, intellectual and physical characteristics and behaviour types. The adjective indicates that the features are commonly represented, with a clearly developed stereotyped image. The portrait of a typical Janusz is culturally conditioned: the views on the traits and behaviour have been developed in the Polish culture.

The negative markedness is even stronger when the name is used in the plural form – *janusze*, which from the normative view point is marked, since it is rather substandard, acceptable in the lower level of the colloquial variety. The standard plural form is *Januszowie* (Grzenia 2002: 144). The technique of using substandard plural forms of proper names to depreciate the name bearers was employed in Newspeak during the period of Communism in Poland. For instance, in the seventies and eighties of the 20th c., the representatives of the ruling Communist Party used the plural-form names *kuronie* and *miczniki* derived from the surnames of Jacek Kuroń and Adam Michnik to express depreciation of the politicians who belonged to the Opposition (Zdunkiewicz-Jedynak 2008). The suffix used to create the plural form is not the correct one: to name the couple of the family bearing the name one would use the following forms: *Kuroniowie*, *Michnikowie*. The forms *janusze* resembles the ones like *kuronie* and *miczniki* in its markedness.

The stylistic value of the proper name plural form combined with its connotative potential contributed to the coinage of the pattern *JANUSZE* + NOUN Gen. The WebCorp tool was used for collecting the realizations of the model. The phraseme *janusze biznesu* was most frequent with 62 occurrences. Other realizations include the following ones: *janusze plaży* (lit. *janusze* of the beach), *janusze budownictwa* (lit. *janusze* of construction), *janusze internetu* (lit. *janusze* of the Internet), *janusze inżynierii* (lit. *janusze* of engineering), *janusze architektury* (lit. *janusze* of architecture), *janusze hydrauliki* (lit. *janusze* of

plumbing), *janusze marketingu* (lit. *janusze* of marketing), *janusze transportu* (lit. *janusze* of transportation), *janusze rolnictwa* (lit. *janusze* of agriculture).

From a stylistic perspective, the phrasemes in question are stylistically marked. First of all, they are of depreciative character and they express negative evaluation. Second, they are characterized by novelty – originally used in the Internet communication, then in the spoken variety, mostly by young persons, nowadays found in different forms of discourse, for example, in everyday conversations, radio and television interviews or press articles. The stylistic value is an important factor of a cross-linguistic analyses of phraseological units (Szerszunowicz 2017a). To a great extent, due to the stylistic specifics, it is difficult to find cross-linguistic equivalents of the analyzed expression, although it is relatively easy to find semantically identical expressions in other languages. Furthermore, a non-phraseological counterpart is devoid of the stylistic markedness which the Polish units possess.

As for cross-linguistic correspondence of language units, it is possible to distinguish two kinds: systematic equivalence and translational equivalence (Burkhanov 2003: 91-114, Dobrovol'skij 2011). Assuming that a phraseological unit is considered as a language unit, the former relation occurs at the level of the system: the Polish expression *kraina mlekiem i miodem płynąca* and the English idiom *the land of milk and honey* are systematic equivalents. The translational equivalent is the representation of a given language unit of the original text in the translation, i.e. there may be several ways of expressing the meaning of the source language unit in the target language and the translator decides which to use in a particular context. It means that in certain cases, a non-phraseological target language equivalent might be preferred over a phraseological one, since using it ensures creating in the translation a similar effect to the one the source language unit made in the original version of the text (Fiedler 2007: 121-122).

Scholar propose various classifications of cross-linguistic equivalents of phraseological units. Generally speaking, there are four main kinds of equivalents: absolute equivalents, also called full equivalents – the source language units and their target language counterparts showing great similarity for all parameters of comparison, i.e. meaning, structure, lexical constituents, stylistic value, frequency etc. (in fact, the term quasi-absolute is more justified, since full equivalence of all parameters cannot be expected), partial equivalents – source language units and the target language corresponding expressions showing great similarity of parameters values, yet allowing subtle differences, e.g. grammatical differences or lexical substitutions, which do not affect the imagery, partial equivalents – the source language units and its target language equivalents which have the same meaning, but which employ different imagery, zero equivalents – the source language units and its non-phraseological counterparts, either a word or an *ad hoc* combination of lexical items (Dobrovol'skij 2011).

The last group of equivalents, zero counterparts, shows the lowest degree of cross-linguistic correspondence. Broadly speaking, the source language fixed expressions which do not have phraseological equivalents are either linguistic lacunae, i.e. gaps, or cultural ones (Dagut 1981, Szerszunowicz 2016a). The former are the source language units expressing meanings known to the target language users, which are not verbalized in the form of fossilized polylexical constructions in the target language. The latter are the source language units expressing culture-bound notions unknown to the target language users.

It can be assumed that from a cross-linguistic perspective, the phraseme *typowy Janusz/janusz* and the model *JANUSZE* + NOUN Gen. can be situated in the sphere of lacunary linguo-cultural phenomena (Szerszunowicz 2016a). The connotations of the onymic component are culture-bound: the general evaluation is negative. Yet the assessment is of complex character, since it alludes to the meme character bearing the name *Janusz*, viewed as a typical representative of a certain group of Polish society, and all his manners etc., thus the name verbalizes a complex ethno-specific concept.

Both the idiomatic constructions are culture-specific: along with phrasemes like *polskie piekło* / *polskie piekielko* (lit. Polish hell/Polish little hell), *Polak potrafi* (lit. A Pold can [do]), *słoń a sprawa polska* (lit. an elephant and the matters of Poland) or *Matka Polka* (lit. a Polish mother), they belong to a group of phrasemes which describe notions typical of Polish culture, thus it can be assumed that they are zero-equivalent from a cross-linguistic and cross-cultural perspective (Szerszunowicz 2016a). The pattern itself creates a cross-linguistic gap: it is hard to find a similar structure with a plural form of a first name followed by a noun in the genitive case in English or in Russian which expresses strongly negative evaluation of particular persons' ideas, competences or skills. Therefore, it creates a linguo-cultural lacuna in these two languages, i.e. from the Polish- English or Polish-Russian perspective.

It should also be added that the novelty of the model is also important from the cross-linguistic viewpoint (Szerszunowicz 2017b). The expressions coined according to the pattern are stylistically marked as neo-phrasemes. The model enables language users to create their own expressions according to their communication needs. In the process of communication, using this pattern is economical: it allows for expressing in a concise way the evaluation and emotional attitude to a given group of persons. Thanks to the presence of the slot, it may be used in a variety of contexts (Szerszunowicz 2016).

As it is often the case with zero equivalents, determining its cross-linguistic systematic counterpart consists in presenting the meaning of the pattern and exemplifying its potential in such a way that a prospective dictionary user would be able to create a mental image enabling him to decode and use the phraseme in different contexts (Szerszunowicz 2016b). The inclusion

of extralinguistic knowledge is necessary so that the prospective user could understand the intertextual relation. They can be observed, for instance, in word play: one of the analyzed memes, the pictures of politicians whose name is Janusz, i.e. Janusz Korwin-Mikke, Janusz Piechociński and Janusz Palikot, are shown accompanied by a caption *Janusze polityki* (lit. *janusze* of politics).

The definition provided by *Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego* (OJUW) can be used for creating an entry in a bilingual dictionary, in this case Polish-Russian. It combines the linguistic information with cultural knowledge, which – as already stressed – ensures providing the prospective language user with information sufficient for becoming familiar with the Polish pattern and its realizations. The entry is based on the information from OJUW, with several examples retrieved from the *Monco PL* corpus (the national corpus of the Polish language did not contain any phrases created according to the pattern at issue). Google Graphics has been used for the retrieval of further visual illustrations – since Janusz is a frequent meme character, it is advisable to include a few links in order to facilitate the users' creation of his picture; secondly, many memes contain phrasemes coined according to the analyzed pattern.

The semantics of a phraseological unit requires an adequate description and proper structure of an entry (cf. Vidović Bolt 2007, Pamies 2015). The meanings of both the units are complex, therefore an extended entry is required in order to familiarize the prospective user with the specifics of the described notions (Szerszunowicz 2017b). This approach is inclined to hybrid lexicography, encompassing both linguistic and extralinguistic information. A proposal of an entry for the model in question which could be included in a Polish-Russian phraseological dictionary is presented below.

Janusz/janusz – человек невежественный в чем-то, несмышленный, несообразительный, являющийся воплощением стереотипных, отрицательных черт, приписываемых полякам, например, пристрастие к алкоголю, отсутствие хороших манер, безвкусица в одежде; это относится также к представителям иных наций; часто Януш выступает как муж Гражины.

Janusze/janusze czegoś *разг., неогобр.* – лица, которые не разбираются в данной конкретной области, невежественные, несообразительные.

Janusze biznesu. Zobacz, jak zakombinowali żeby się dorobić Oto Janusze biznesu. Wyjątkowy typ przedsiębiorcy, który wam wie wszystko najlepiej i sądzi, że dorobi się kokosów. Jakich metod używa? Co myśli o pracownikach? Jak wykorzystuje reklamę - dźwignię handlu? Przekonacie się w tym artykule. [Monco PL]

Resort Elżbiety Rafalskiej obawia się bowiem, że Janusze Biznesu uciekną się do typowego polaczkowatego krętactwa i każą wyzyskiwanym przez siebie pracownikom potwierdzać przyjęcie części wynagrodzenia w usługach lub produktach firmy, w której pracują. [Monco PL]

MONCO PL: <http://monco.frazeo.pl/>

janusze architektury

<http://www.obrazki.jeja.pl/159738,janusze-architektury.html>

janusze biznesu

<http://besty.pl/3649004>

janusze budownictwa:

<https://kwejk.pl/obrazek/2420427/janusze-budownictwa.html>

janusze internetu

http://memy.pl/mem_1012026_janusze

janusze napraw

<http://besty.pl/3782399>

janusze photoshopa

<http://www.blasty.pl/9231/janusze-photosopa>

janusze plaży

<http://mistrzowie.org/631123>

janusze transportu

<http://demotywatory.pl/4635578/Janusze-Transportu>

Janusz Biznesu profile on Facebook

<https://pl-pl.facebook.com/januszbiznesu/>

typowy Janusz/janusz —человек невежественный в чем-то

Typowy Janusz chce auto bez ryski, za 10 tysięcy złotych, z przebiegiem 90 000 km. [Monco PL]

Typowy Janusz zwraca się do mechaników per „ty”, domaga się natychmiastowego wjazdu do warsztatu i sprawdza, co stuka i puka w jego aucie (Janusz prawie zawsze ma diesla). [Monco PL]

http://memy.pl/mem/5857/Typowy_Janusz

http://memy.pl/mem/7027/Janusz_na_wakacjach

<http://www.comedycentral.pl/newsy/56717-memy-typowy-janusz-na-wakacjach>

<http://www.comedycentral.pl/newsy/56717-memy-typowy-janusz-na-wakacjach>

<http://fishki.pl/fishka,Jak-rozpoznać-Polaka-za-granicą,35480.html>

<https://kwejk.pl/obrazek/2677561/typowy-janusz.html>

<http://mh24.pl/2016/01/12/manekin-o-nazwie-typowy-janusz-ktory-odzwierciedla-przecietnego-polaka/>

Typowy Janusz profile on Facebook

https://pl-pl.facebook.com/pg/janusz.typowy/posts/?ref=page_internal

→ *januszować* – вести себя как невежа, некультурно, примитивно, по-простецки, как типичный януш

→ *januszowaty* – обладающий чертами, типичными для януша

Grażyna razg., *neogobr.* – обычно пожилая женщина, поведение, одежда, склонности которой считаются простецкими, примитивными и провинциальными, cf. *Sebastian/Seba/Sebix, Karyna, Dżesika, Barianek*

Thanks to the inclusion of the core constituent definition, i.e. the explanation of the figurative meaning of the name *Janusz*, the entry offers a conceptual basis on which the dictionary user is able to construct the image necessary to comprehend the specific character of the described phrasemes. The presentation of the derivatives reflects the metaphoric potential of the component. Visual representations are very important, since they illustrate the notion of the kind of person at issue. The Facebook profiles can provide additional up-to-date information which can be useful in indirect defining of the notion, thus visiting them also contributes to better understanding the *janusz* phenomenon in the Polish culture and its reflection in the modern colloquial language.

In conclusion, it should be emphasized that the repertoire of onyms and their appellative forms evoking culture-bound connotations has changed over the last year, which to a great extent can be attributed to the influence of new media of communication. The Internet lore plays an important role in creating characters endowed with distinctive features. In time, such personalities may function in the collective memory of a given community. Their gaining popularity can result in the names being used not only in the Internet jargon, but also in other language varieties, for instance, colloquial variety or journalese.

In the Polish language, an example of such a name is *Janusz*. Its semantic and connotative potential is employed in phrasemes and in the pattern in which the name if the plural form, *janusze*, is followed by a noun naming abilities, skills, competences etc. in the genitive case. The lexicographic entry for the phraseme and the model in question should include linguo-cultural information.

The entry ought to present both the expression and the pattern with a detailed explanation of the core constituent. It is supposed to contain several examples which illustrate the usage of the realizations. Since on-line dictionaries offer new possibilities, links to visual materials and texts in which realizations of the schema are used. Providing the user with varied and plentiful illustrative material is a prerequisite to his developing understanding of the described concept.

The proposed approach gives an insight into the culture-boundness of the component in question and enables the prospective dictionary user to create a mental image of *Janusz*, necessary for proper decoding and encoding phrasemes produced by filling in the slot in the pattern. Although transferring culture-bound concepts into another language and culture results in losses, especially at the connotative level, they can be minimized by including additional information in the entry and guiding the dictionary user how to search for further knowledge on a given aspect. In the proposed entry, this function is performed by the links and Facebook profiles, which are not key part of the description, but still play an important part in the reception of the lexicographic presentation of the units. In the future, the development of the phrase is to be observed so that its description could be updated and improved.

To sum up, it can be said that the analyzed component carries cultural information: it expresses social evaluation of certain attributes, characteristics and mental faculties as well as certain kinds of behaviour and manners. This assessment is typical of the Polish society, therefore the name used as an appellative noun and the pattern are interesting from a linguo-cultural perspective. For a non-native, it requires an effort to construct the mental image of the character and the dictionary entry should enable the user to acquire the knowledge necessary to use the expressions by developing his awareness of the phraseocreative potential of the constituent *janusz/Janusz*.

This work has been conducted in the framework of the project Comparative Slavic linguocultural themes number 2131 (KOMPAS; the Croatian Science Foundation).

Literature

- Burger, H. 2010. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Burkhanov, I. 2003. *Translation: Theoretical Perspectives*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
- Colson, J.-P. 2008. "Cross-linguistic phraseological studies", Granger, S., Paquot, M. (eds), *Phraseology. An Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 191-206.

- Dagut, M. 1981. "Semantic „Voids” as a Problem in the Translation Process”, *Poetics Today* 2/4, 61-71.
- Dobrovol'skij, D. 2011. ""Cross-linguistic equivalence: Does it really exist?", Pamies, A & Dobrovol'skij, D. (eds), *Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag, 7-24.
- Fiedler, S. 2007. *English Phraseology. A Coursebook*. Tübingen: Narr Verlag.
- Goddard, C. 2009. "Cultural Script", Senft, G. Östman, J. O., Verschuren J. (eds), *Culture and Language Use*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 68-79.
- Grzenia, J. 2002. *Nasze imiona* [Our names]. Warszawa : Świat Książki.
- Pamies, A. 2008. "Comparaison inter-linguistique et comparaison interculturelle", Quitout, M. (ed.), *Traduction, proverbs et Traductologie*. Paris : L'Harmattan, 143-156.
- Pamies, A. 2015. "Semantic explanations and entry structure in idiom dictionaries", *International Journal of Lexicography* 28/3, 359-361.
- Pamies, A. 2017. "The Concept of Cultureme from a Lexicographic Point of View", *Open Linguistics* 3, 100-114.
- Piirainen, E. 2008. "Figurative Phraseology and Culture", Granger, S., Paquot, M. (eds), *Phraseology. An Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 207-228.
- Piirainen, E. 2012. *Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York: Peter Lang.
- Piirainen, E. 2016. *Lexicon of Common Figurative Units*. New York: Peter Lang.
- Sabban, A. 2008. "Critical observations on culture-boundness of phraseology", Granger, S., Paquot, M. (eds), *Phraseology. An Interdisciplinary Perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 229-241.
- Schutz, R. 2002. "Indirect offensive language in dictionary", Braasch, A. & Polvsen, C. (eds.), *The Tenth International EURALEX International Congress, Copenhagen-Denmark, August 13-17, 2002. Proceedings Volume 2*. Denmark: CST. 637-641.
- Skandera, P. 2007. "Developments in the study of formulaic language since 1970: A personal view", Skandera, P. (ed.), *Phraseology and Culture in English*. Berlin/ New York: Mouton de Gruyter, 3-45.
- Szerszunowicz, J. 2011a. "Linguo-Cultural Analyses of European Phraseological Units in a Contrastive Perspective", Yagi, K., Kanzaki, T. & Inoue, A. (eds), *Phraseology, Corpus Linguistics and Lexicography. Papers from Phraseology 2009 in Japan*. Nishinomiya: Kwansei Gakuin University Press, 115-132.
- Szerszunowicz, J. 2011b. "On selected source domains of onomastic phraseology in a cross-linguistic perspective", Pamies, A & Dobrovol'skij, D. (eds), *Linguo-Cultural Competence and Phraseological Motivation*. Baltmannsweiler: Schneider Verlag, 81-90.
- Szerszunowicz, J. 2014. "Kulturem we frazeografii dwujęzycznej" [Cultureme in bilingual phraseography], Nosowicz, J. F. (ed.), *Edukacja dla przyszłości*. Vol. 10. Białystok: Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku, 295-306.
- Szerszunowicz, J. 2015. "Periodic growth of phrasemes from a cross-linguistic perspective: Polish phraseology after the political transformation of 1989", *Yearbook of Phraseology* 6, 103-124.

- Szerszunowicz, J. 2016a. *Lakunarne jednostki wielowyrazowe w perspektywie międzyjęzykowej* [Lacunary multiword units from a cross-linguistic perspective]. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku.
- Szerszunowicz, J. 2016b. "Schemata in bilingual phraseographic description", Nosowicz, J. F. (ed.), *Neofilologia dla przyszłości*. Warszawa: Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, 191-204.
- Szerszunowicz, J. 2017a. "The Stylistic Parameter in Contrastive Phraseological Research", Nosowicz, J. F. (ed.), *Neofilologia dla przyszłości*. Vol. 2. Warszawa: Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, 269-280.
- Szerszunowicz, J. 2017b. "Complex Culture-Bound Notions in a Bilingual Dictionary of Idiom", Xu, H. (ed.), *Proceedings of the 11th International Conference of the Asian Association for Lexicography in Asia: Challenges, Innovations and Prospects, June 10-12, 2017, Guangzhou, China*. Guangzhou: Center for Languages and Applied Linguistics, Guangzhou University of Studies, 791-802.
- Teliya, V., Bragina, N., Oparina, E., Sandomirskaja, I. 1998, "Phraseology as a Language of Culture", Cowie, A. P. (ed), *Phraseology. Theory, Analysis and Applications*. Oxford/New York: Oxford University Press, 55-78.
- Vidović Bolt, I. 2007. "Frazeologia w chorwacko-polskich leksykograficznych badaniach kontrastywnych. Przykład opracowania nowego chorwacko-polskiego słownika frazeologicznego na wybranym materiale" [Phraseology in Croatian-Polish lexicographic contrastive research. An example of a new Croatian-Polish phraseological dictionary on selected material], Czermińska, M., Meller, K., Fliciński, P. (eds), *Literatura, kultura i język polski w kontekstach i kontaktach światowych: III Kongres polonistyki zagranicznej, Poznań, 8-11 czerwca 2006 roku*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe PWN, 825-836.
- Vidović Bolt, I., Szerszunowicz, J. 2017. "On the systematic equivalence of modern culture-specific words from a Polish-Croatian perspective", Nosowicz, J. F. (ed.), *Neofilologia dla przyszłości*. Vol. 2. Warszawa: Lingwistyczna Szkoła Wyższa w Warszawie, 269-280.
- Wierzbicka, A. 1992. *Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York/Oxford: Oxford University Press.
- Zdunkiewicz-Jedynak, D. 2008. *Wykłady ze stylistyki* [Lectures in stylistics]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Dictionaries, Corpora and Other Sources

- Monco PL – *Korpus Monco PL* [Monco PL Corpus]. <http://monco.frazeo.pl>. 25.03.2017.
- MSSiMP – *Miejski słownik slangu i mowy potocznej* [Urban dictionary of slang and colloquial speech]. <https://www.miejski.pl>. Accessed: 08.03.2017.
- NKJP – *Narodowy korpus języka polskiego* [National corpus of the Polish language]. <http://www.nkjp.uni.lodz.pl>. Accessed: 20.03.2017.
- NSF – *Lebda R. 2005. Nowy słownik frazeologiczny* [New phraseological dictionary]. Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- OJUW – *Obserwatorium Językowe Uniwersytetu Warszawskiego* [Language Observatory of the University of Warsaw]. <http://nowewyrazy.uw.edu.pl>. Accessed: 15.03.2017.

- PSF – Głowińska, K. 2001. *Popularny słownik frazeologiczny* [Popular phraseological dictionary]. Warszawa: Wydawnictwo WILGA.
- SI – Grzenia, J. 2008. *Słownik imion* [Dictionary of first names]. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- WSF – Fliciński, P. 2012. *Wielki słownik frazeologiczny* [Great phraseological dictionary]. Poznań: Wydawnictwo IBIS.
- WSFJP – Müldner-Nieckowski, P. 2003. *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego* [Great phraseological dictionary of the Polish language]. Warszawa: Świat Książki.

Joanna SZERSZUNOWICZ

ON THE RECENT CULTURE-BOUND
POLISH PHRASEMES WITH THE NAME “JANUSZ”
AND THEIR RUSSIAN EQUIVALENTS

Summary

The paper discusses a new pattern which has been coined recently in the Internet lore. The pattern in question contains the name *Janusz* – a male Polish name which originally did not evoke any specific connotations. As a result of using in memes character called Janusz – a middle-aged man epitomizing the characteristics, behaviour etc. considered by Poles to be shameful or ridicule, the name gained connotative potential. Thanks to it, a pattern has developed which is productive in the modern Polish language. Its cross-linguistic systematic equivalence will be discussed on the example of its Russian counterparts at the level of the language system. On the basis of the conducted analysis, a bilingual Polish-Russian entry for the units containing the component in question is proposed. The entry includes both linguistic and cultural information enabling the prospective dictionary user to create a mental image of the character called *Janusz*, which is important for understanding the specific character of the units which are lacunary, i.e. zero equivalent, from Polish-Russian perspective.

Ana VASUNG

Filozofski fakultet

Zagreb, Hrvatska

STATUS ANTROPONIMA U FRAZEMIMA¹

Sažetak: Rad predstavlja mehanizme semantičke frazeologizacije u frazemima s antroponimom. U kontrastivnoj analizi, koja uključuje bugarske, hrvatske i makedonske frazeme, prikupljeni se korpus dijeli u tri skupine prema ulozi antroponima u gradnji frazemske značenja: (i) frazemi s precedentnim imenom (hrv. *od Kulina bana*), (ii) frazemi s poopcenim imenom (mak. *сѣѡју како грвена Марѡја*), (iii) frazemi s kalamburom (bug. *Коѡчо оѡ Коѡнаре*).

Ključne riječi: semantička frazeologizacija, antroponim, bugarski jezik, hrvatski jezik, makedonski jezik

1. Onimi u frazeologiji

U onomastici se općenito smatra da su imena jezični znakovi bez sadržaja, semantički prazna te stoga neprevodiva (Peti 2000:97). Ona imenuju i upućuju na neki objekt ili osobu, ali u njima ne dolazi do prijenosa sadržaja iz imenovanog objekta u jezični znak. Ipak, postoje slučajevi kad ime postaje pojam, takav se proces naziva deonimizacija (ibid.). Imena mogu izazvati određene asocijacije, pozitivne ili negativne, one mogu biti individualne, ali i kolektivne². Takva su imena frazeološki produktivnija.

Dakle, postoje jezične sveze u kojima imena dobivaju sadržaj – to se zbiva u frazemima s onimima. U njima ime dobiva sadržaj, koji je iskustveno utvrdio sadržaj (ibid.). To znači da taj sadržaj pripisuje govornik, a ovisi o njegovu poznavanju imenovanog objekta. Ime tako postaje pojam, ovisan o kontekstu i iskustvu govornika. U frazemima ime gubi svoju primarnu funkciju, što je čin

¹ Ovaj rad je financirala/sufinancirala Hrvatska zaklada za znanost projektom Komparativnoslavističke lingvokulturalne teme [2131]. This work has been fully supported by/supported in part by the Croatian Science Foundation under the project Comparative slavic linguocultural themes number 2131.

² Primjerice, kod Hrvata će ime Franjo zasigurno izazvati asocijacije vezane uz prvog predsjednika Franju Tuđmana.

imenovanja (referencijalni karakter). Ipak, ovo ne vrijedi u potpunosti za frazeme s precedentnim imenima kod kojih postoji veza s imenovanim objektom što ćemo pokazati dalje u radu. Imena u frazemima elementi su s ekspresivnom funkcijom koja je postignuta transformacijom denotativnog značenja u konotativno i u odnosu na toponime mnogo su bogatiji u svom konotativnom značenju (usp. Калдиева-Захариева 2013).

2. Kontrastivna analiza frazema s antroponimima

U kontrastivnoj analizi koja slijedi, a koja uključuje bugarske, hrvatske i makedonske frazeme, proučava se status antroponima u leksičkom sastavu frazema. Antroponim se promatra kao semantička jezgra frazema tj. kao dominantna sastavnica, ali ne prema morfološkim obilježjima već prema ulozi i važnosti u motivaciji frazema i stvaranju frazetskog značenja. Zanima nas i koliko antroponim utječe na stupanj idiomatičnosti i ekspresivnosti.

Valja napomenuti da rad ne obuhvaća sve frazeme s antroponimima u navedenim jezicima i njegova je namjera prikazati različite mehanizme frazeologizacije. Zastupljene frazeološke jedinice prikupljene su iz leksikografskih izvora i frazeološke literature, a njihov je status u suvremenim jezicima različit prema vremenskoj i područnoj raslojenosti.

2.1. Precedentna imena u frazemima

U frazemima s antroponimima najzastupljenija su precedentna imena. To su imena vezana za općepoznate tekstove i situacije koje su bliske većini predstavnika određene nacije, tj. određene jezično-kulturne zajednice (Barčot 2017: 360). Frazemi koji sadrže precedentna imena zastupljeni su u svim analiziranim jezicima. Riječ je o nacionalno-specifičnim imenima ili onima koja potječu iz bajki i mitologije, iz Biblije, ili iz onimije drugih naroda, a internacionalnog su karaktera.

Navodimo primjere frazema koji potječu iz antičke mitologije:

u bugarskom jeziku: *нишкаѝа на Ариагна, Ахилесова ѝеѝа, Авѝиеви обори, куѝиѝа на Пандора, Танѝалови мѝки, Сизифов ѝруѝ*;

u hrvatskom jeziku: *Ahilova peta <čija>, Augijeve štale, Damoklov mač, Pandorina kutija, Tantalove muke, Sizifov posao*;

u makedonskom jeziku: *Ариѝаѝнинаѝа нишка, Ахилова<ѝа> ѝеѝа, Авѝиеви коѝуѝиѝиѝи, Дамоклов меч, Пандорина куѝиѝа, Танѝалови маѝи, Сизифов ѝруѝ (рабоѝа, камен).*

Veća su skupina i frazemi s biblijskim onimima, antroponimi ovdje simboliziraju određene ljudske osobine:

u bugarskom jeziku: *оѿ Адам и Ева, Содом и Гомор, в лоноѿо на Аврам, Евина дѣщеря (цѣрка), изѣрацаѿ оѿ Понѣиѿ ѿри Пилаѿ, знае Аврам де зимуваѿ раѣиѿе, Тома неверниѿ, Ноев ковчеѿ;*

u hrvatskom jeziku: *od Adama <i Eve>, u Evinu kostimu, slati od Poncija do Pilata, nevjerni Toma, Judin poljubac, prodati koga, što za Judine škude (novac, pare);*

u makedonskom jeziku: *од Адам и Ева, во Адамова облека, во Евина облека, Јуда ѿредавникоѿ, Јудин бакнеж, Неверни Тома, од дего Ное, Ноев ковчеѿ, Понѣиѿ (Понѣиѿ) Пилаѿ.*

Internacionalnog su karaktera frazemi koji sadrže imena iz svjetske povijesti, književnosti ili filma:

u bugarskom jeziku: *буридановоѿо маѿаре, Дон Кихоѿ, Езоѿов език, Колумбово яйце;*

u hrvatskom jeziku: *Potemkinova sela, Posljednji Mohikanac, boriti se kao Don Kihot, Kolumbovo jaje;*

u makedonskom jeziku: *Поѿемкинови села, Донкихоѿовска (донкихоѿски) ѿѿѿфайѿ, Хомерска смеа, Дон Жуан, не сум Мајка Тереза.*

Nacionalno-specifičnog su karaktera antroponimi povijesnih ličnosti važnih za nacionalnu povijest pojedinog naroda. Ukratko ćemo se osvrnuti na primjere iz analiziranih jezika. U hrvatskome su registrirana dva frazema koji za sastavnicu imaju titulu i vlastito ime povijesne ličnosti, bosanskog bana Kulina: *od Kulina bana <i dobrih dana>* ‘od davnih (pradavnih) vremena, iz duboke prošlosti’, za *Kulina bana* ‘nekoć davno, u davnini, u dubokoj prošlosti’. U kontekstu se frazem *od Kulina bana* često upotrebljava kao dio uzrečice *od Kulina bana do naših dana* (*do današnjeg dana*) u kojoj se komponenta *bana* rimuje s *dana*. Ban Kulin (1180-1240) vrlo je važna ličnost u povijesti Bosne. Oslobodio je Bosnu bizantskog vrhovništva (Fink 2007: 241), za njegove se vladavine u Bosni nisu vodili ratovi i ona je gospodarski napredovala. Za hrvatsku je povijest važan jer je Poveljom Kulina bana 1189. godine Dubrovčanima omogućio slobodno kretanje po njegovu području (ibid.) i eksploataciju bosanskih rudnika čime je ojačao gospodarske veze. Njegova je vladavina zapamćena kao vrlo povoljno razdoblje u povijesti Bosne, ali i Dubrovnika, a u frazemu je ovaj kulturni sadržaj fiksiran u dijelu *i dobrih dana*. No taj se semantički element dobrih starih vremena s vremenom izgubio i danas je fiksiran samo kao fakultativni dio (ibid.). Da je ovaj izraz vrlo star, i to upravo u značenju ‘dobra, stara vremena’, dokazuju podaci D. Mršević-Radović (2008: 71) koja ga pronalazi u starim dubrovačkim tekstovima s kraja 19. stoljeća, ali u obliku *Kuljena bana*

od dobrih dana, kod Maura Orbinija na talijanskom *sono tornati i tempi di Culien bano*³ i u Daničićevim Poslovicama iz 1871. godine u obliku identičnom talijanskoj verziji: *povratila su se doba Kuljen-bana*. Osim navedenih frazema, u *Rečniku srpskohrvatskog književnog narodnog jezika* (1958) registriran je i frazem *kad je Kuljen po svijetu hodio* s napomenom da je iz Dubrovnika i da je riječ o varijanti starijeg modela *kad je bog po zemlji hodio*. Ban Kulin, iako je bio bosanski vladar, ostavio je svojom Poveljom trag u dubrovačkoj povijesti. Stoga ne čudi što se taj frazem proširio i na dubrovačkom području.

Drugo važno precedentno ime u južnoslavenskoj frazeologiji je Kraljević Marko. Također povijesna ličnost, vladao je u razdoblju 1371.-1395. na području makedonskog grada Prilepa. Kraljević Marko je vremenom izrastao u mitološku figuru i tako postao nacionalni junak u narodnim predajama i pripovijetkama svih južnih Slavena. U narodnoj predaji on je zaštitnik i spasitelj kršćanstva za vrijeme duge otomanske okupacije Balkana. Budući da je najznačajniji junak južnoslavenske usmene epike ne čudi njegova zastupljenost u gotovo svim južnoslavenskim jezicima (izuzev slovenskog):

u hrvatskom jeziku: *kasno Marko na Kosovo stiže (dode), pričati (raspredati) Markove konake*;

u bugarskom jeziku: *закъсал съм каѝо <Крали> Марко на Косово <ѝоле>, каѝо Марко на Косово ѝоле*;

u makedonskom jeziku: *доцна сѝиѓна Марко на Косово, Марково колено е, џи бара Марковиѝе конаци, ѝрикажува за Маркови кули*.

U hrvatskom i srpskom se kao sinonim Marku javlja Janko u frazemu *kasno Janko na Kosovo stiže*, u čijoj je frazemačkoj slici druga kosovska bitka koja se zbila 1448. godine. Spomenuti Janko jest Janoš Hunjadi, ugarski namjesnik i vojskovođa, u usmenoj predaji poznat kao Sibirjanin Janko (Hrvatska enciklopedija). U frazemačkoj je slici druga kosovska bitka 1448. godine, koja se odvila nakon Hunjadijeve procjene da je pogodan trenutak da se Osmanlijama zada udarac i otjera ih s Balkana. Namjeravao se ujediniti s vojskom albanskog Skenderbega, ali Osmanski Turci su ga preduhitрили i uhvatili nesprenog pa odatle slika *zakašnjelog* Janka u hrvatskom i srpskom frazemu.

U makedonskoj se frazeologiji ustalio junak iz makedonskog epa *Bolen Dojčin* ('bolestan Dojčin'), koji je zabilježen i u srpskom folkloru, ali u jeziku nisu registrirani frazemi s ovim antroponimom. U epskoj pjesmi vojvoda Dojčin se, unatoč bolesti, bori protiv crnog Arapina i na kraju ga pobijedi⁴. Uzvični frazem *kaj si Bolen Dojčin?* upotrebljava se kad se odlazi u posjet bolesniku.

³ U prijevodu: *vratila su se vremena Kulina bana*.

⁴ <http://makedonskijazik.mk/2012/01/болен-дојчин-народна-и-авторска.html>

U bugarskoj se frazeologiji prost, nepristojan i primitivan muškarac uspoređuje s baj Ganjom, glavnim likom istoimenog romana Aleka Konstantinova iz 1895. godine. U frazeološkom je rječniku zabilježen frazem *Бай Ганьо* sa značenjem ‘prost i nepristojan čovjek’. Još je jedan književni lik sadržan u bugarskim frazemima, riječ je o Stanki iz romana „Izgubljena Stanka“ Пиле Blaskova iz 1866. godine (Братанова 2008:88). Frazemima *изгубена* (*загубена*) *Стѣанка* i *Стѣанка њергю*, koji sadrži i galicizam za pridjev *izgubljena*, opisuje se nespreatna i zbunjena ženska osoba.

Osim povijesnih ličnosti i književnih likova, frazeološki su produktivni i antroponimi koji se odnose na stvarne osobe uz koje se vežu zanimljive anegdote. U bugarskoj je kulturi tako poznat Gjuro Mihajlov, bugarski vojnik koji je na straži poginuo za vrijeme požara jer se slijepo držao zapovijedi da ne napušta stražu⁵. Frazemom *Гјуро Михайлов на њосѣ* opisuje se osoba koja se nerazumno žrtvuje. Drugi *nesretnik* u bugarskoj frazeologiji je Marko Totev o kojem je poznata anegdota da je jednom prilikom u pokeru izvukao kombinaciju *royal flush*, ali kako je u tom trenu ulicom prolazila pogrebna povorka i svi su suigrači izišli na ulicu, nitko mu nije povjerovao⁶. O njemu postoje i druge anegdote pa se frazemom *Марко Тоџев* opisuje osoba koju prati loša sreća.

Ovdje valja istaknuti da se u pojedinim frazeologijama samostalna imena navode kao kanonski oblik frazema (u makedonskom *Дон Жуан* i *Иџар Пејо*, u bugarskom *Бай Ганьо* i *Марко Тоџев* i sl.). Takvi antroponimi mogu funkcionirati i samostalno, u kontekstualno se realiziraju uz glagol *biti* ili u poredbenoj konstrukciji. Ipak, oni zadovoljavaju uvjet polileksikalnosti, semantičke transformacije pa time i sve formalne uvjete frazema.

Za navedene frazeme možemo utvrditi da su rezultat svjesnog poopćavanja vlastite imenice – tj. antonomazije. Antonomazija je dakle, u stilistici, mikrostrukturalna figura (trop) kojom se vlastito ime rabi umjesto opće imenice ili opća imenica umjesto vlastitoga. Ime stvarne ili fiktivne osobe postaje vrijednosti atribut, znak posjedovanja kakva obilježja (Bagić 2012:55). Budući da je svojevrsan oblik povijesnog i kulturnog pamćenja, da bi se razumjela i uspješno rabila, treba poznavati stanovit broj povijesnih i kulturoloških činjenica (ibid.). Antonomazijom se sažima karakter osobe ili pojave, imenovanje se svodi na bitno – za Kulina bana je važno što se za njegove vladavine dobro živjelo, kod Kraljevića Marka je frazeologizirano „kašnjenje“ na bitku na Kosovom polju, bugarski baj Ganjo je simbol primitivnosti, a Stanka zbunjenosti i smotanosti.

⁵ https://bg.wikipedia.org/wiki/Гјуро_Михайлов

⁶ http://www.factor-news.net/index_.php?cm=8&id=13369

2.2. Frazemi s poopćenim imenima

Sasvim drugačiji mehanizam frazeologizacije bilježimo u ovoj skupini frazema. Antroponimi su ovdje općeg karaktera, ne odnose se na govornicima poznate osobe i ne postoji čvrsta veza između imena i imenovanog objekta. Kada se ovakva imena nađu u sastavu frazema ona postaju konotativna i izazivaju određene asocijacije. U korpusu analiziranih južnoslavenskih jezika pojedina se imena javljaju u više jezika: antroponim Tošo u makedonskom *се љрави <на> Тошо* i hrvatskom *praviti se Tošo*. U sva tri jezika produktivno je žensko osobno ime Mara: u bugarskom *хоги каџо ой Мара, геветџоумна Мара, љразна Мара, всичко Мара вџасала*, u hrvatskom *biti kao leteća Mara, lutati kao luda Mare (Mara), trti koga kao dosadna Mare*⁷, u makedonskom *бушава Мара, леџ Мара, луга Мара* itd. Prema S. Velkovskoj u makedonskoj frazeologiji dominiraju imena Mara i Jana (2002: 39), a od muških ime Petko: *лесен Пеџко, Пеџко врџикаџа* itd.

U bugarskom bogatu konotaciju imaju imena poput Gana, npr. *мазна Гана, милосџива Гана, мека Гана, мџжка Гана, џледай си Гано, Бџдния вечер*; Koljo: *дал Кољо, взел Кољо, знае Кољо де зимуватџ раџџџе*; i Ilija: *облякџл се Илџа, џоџледнал се – џак в џџџа, до џлагне Илџа*. Primjeri poopćenih imena u hrvatskoj frazeologiji su: *Katica za sve, mila Gera, tužibaba Reza, radio Mileva*.

Nije isključeno da je i ovdje riječ o antroponimima iz folkloru, ali je veza između antroponima i imenovanog objekta mnogo slabija u odnosu na frazeme s precedentnim imenima jer oni nisu toliko poznati jezičnoj zajednici. Tome u prilog govori i činjenica da je riječ samo o osobnim imenima, bez prezimena, i da ne funkcioniraju samostalno, tj. u frazemima se obavezno kombiniraju s drugim leksemima koji signaliziraju značenje. Ove su antroponimske konstrukcije u pravilu prozirnije.

2.3. Frazemi s kalamburom

Posljednja je skupina frazema specifična jer ekspresivnost ostvaruje na razini izraza. Ekspresivnost, kao jedno od temeljnih obilježja frazeoloških jedinica, u frazemima se uglavnom ostvaruje postojanjem unutarnje, frazemske slike, s pomoću koje se tumači motivacija frazema, a utječe i na stupanj idiomatičnosti frazema. Ipak, manji broj frazema ekspresivnost realizira na razini izraza, što se u literaturi naziva vanjskom ekspresijom (Kaldieva-Zaharieva 2014), a manifestira se na auditivnoj razini i to u obliku rime, asonancije, aliteracije i sl., a sve navedene pojave možemo ujediniti terminom kalambur. Krešimir Bagić

⁷ Riječ je o dijalektim frazemima (v. Menac-Mihalić, 2003-2004).

(2012) kalambur definira kao figuru dikcije, povezivanje značenjski različitih, a zvukovno istih ili sličnih jezičnih jedinica. Nastaje ponavljanjem glasova ili slogova, dodavanjem, izostavljanjem, premještanjem ili promjenom glasova ili slogova, rastavljanjem riječi i sl. Temelji se na homonimiji (istozvučnosti) i homofoniji (izgovornoj identičnosti) združenih jedinica. I Bagić ističe da su osobna imena i prezimena omiljena tema kalambura.

U analiziranom korpusu zastupljena je aliteracija ili rima, koje su često i u kombinaciji:

u bugarskim frazemima *Койчо оиџ Койнаре <с кривоџио маџаре>, хогила Цаца на Враца,*
кџе е Киро на кирия, кџе Илия на кирия, какџвиџо Нешко, џакџв и Обрешко;

u hrvatskim frazemima: *Pero Ždero, <opet> Jovo nanovo, Rajka radodajka;*
u makedonskim frazemima: *џеџџџина Пеџко не чекаџџ, јас велам Аџџе, а џџџ Аџџекурела, како Курџџо и Мурџџо на маџареџџо, Јово на ново;*

3. Zaključak

Iako su frazemi s antroponimima malobrojni u frazeološkom fondu u ovom se pregledu pokazalo da je riječ o vrlo zanimljivom i produktivnom gradivnom elementu. Status antroponima u frazemima je trojak:

(1) precedentna imena imaju status simbola i zadržavaju referencijalni karakter, veza između imena i povijesne ličnosti i dalje postoji;

(2) apelativizirana imena u frazemima predstavljaju simbol određene ljudske osobine ili načine ponašanja, ne funkcioniraju samostalno već im se u samoj strukturi frazema pridaju određeni atributi, koji su presudni u izgradnji frazemskog značenja;

(3) imena koja se u frazemu javljaju u funkciji kalambura su semantički prazna. Motivacija je samo na razini izraza, a frazemi imaju visok stupanj ekspresivnosti.

Korištena literatura

- Братанова, З. 2008. „Герои и характери в повестта „Изгубена Станка“ от Илија П. Бљсков“, *Научни џрудове на русенския универсиџеџџ*, 2008 том 47, серия 9, 88-92.
- Велковска, С. 2002. *Белешки за македонската фразеологија*. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“.

- Калдиева-Захариева, С. 2013. *Българска фразеология*. София: Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, БАН.
- Мршевић-Радовић, Д. 2008. *Фразеологија и национална култура*. Београд: Друштво за српски језик и књижевност Србије.
- Bagić, K. 2012. *Rječnik stilskih figura*. Zagreb: Školska knjiga.
- Barčot, B. 2017. *Lingvokulturologija i zoonimska frazeologija*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada.
- Fink, Ž. 2007. „Hrvatski priložni frazemi *dan* i *noć* i njihovi ekvivalenti u drugim jezicima“, *Frazeologické štúdie V* (ur. D. Baláková, P. Ďurčo), 239-250.
- Menac-Mihalić, M. 2003-2004. „Hrvatski dijalektni frazemi s antroponimom kao sastavnicom“, *Folia Onomastica Croatica* 12-13, 361-385.
- Peti, M. 1999. „O tzv. sadržaju imena“, *Folia Onomastica Croatica* 8, 97-122.

Rječnici

- Menac, Antica; Fink-Arsovski, Željka; Venturin, Radomir. 2014. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak.
- Димитровски, Тодор; Ширилов, Ташко. 2003. *Фразеолошки речник на македонскиот јазик*. Т. 1, 2 и 3. Скопје: Огледало.
- Ничева, Кети; Спасова-Михайлова, Сийка; Чолакова, Кристалина 1974/1975. *Фразеологичен речник на българския език*. Т. 1 и 2. София: БАН.

Hrvatska enciklopedija (www.enciklopedija.hr)

Ana VASUNG

STATUS OF PERSONAL NAMES IN IDIOMS

Summary

The paper presents the mechanisms of semantic phraseologisation in idioms with personal names: antonomasia and pun. Antonomasia denotes a trope which transfers one key trait of the particular proper name. Pun, on the other side, uses proper names in combination with word which sounds alike.

The contrastive analysis includes Bulgarian, Croatian and Macedonian idioms. The collected idioms are divided into three groups according to the status of proper name: (i) idioms with the precedent name (in Croatian: *od Kulina bana*), (ii) idioms with appellative (in Macedonian: *сѝѝоји како дрвена Марија*), (iii) idioms with puns (in Bulgarian: *Койчо ой Койнаре*).

Ivana VIDOVIĆ BOLT

Mateo BATINIĆ

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu

Zagreb, Hrvatska

FRAZEMI S ETNONIMSKOM KOMPONENTOM – ODRAZ STEREOTIPA O ETNIČKIM SKUPINAMA¹

Apstrakt: U radu će se analizirati frazemi s etnonimskom komponentom koji odražavaju ustaljene stereotipe o etničkim skupinama. Građa je ekscerpirana iz hrvatskih i poljskih općih i frazeoloških jednojezičnih i višejezičnih rječnika, dostupnih bibliografskih izvora, korpusa i mrežnih pretraživača te upotpunjena anketiranjem izvornih govornika hrvatskoga i poljskoga jezika. Usporedit će se zastupljenost heterostereotipnih frazema u odnosu na autostereotipne² te utvrditi stupanj njihove podudarnosti u dvama izabranim jezicima.

Ključne riječi: frazem, etnonim, stereotip, hrvatski, poljski

1. Uvod

Smjenom su paradigme s esencijalističke na konstruktivističku teoriju identiteta sociolingvisti uočili da su “jezik i identitet u konačnici nerazdvojivi” (Edwards 2009: 20), pri čemu je jezik temeljno sredstvo kojim čovjek i društvena skupina grade i iskazuju vlastiti identitet, ali implicitno i identitet *drugoga* (Chambers 1995: 250–253, Joseph 2004: 11–13, Coulmas 2005: 171–182). Drugim riječima, vlastiti se identitet reprezentira u opreci prema drugom i obratno – *ono što ja jesam, drugi jest ili nije* – i nema značenja bez društvenoga, kulturnoga i političkoga konteksta.

Jezik se u tom smislu može upotrijebiti kao sredstvo odobravanja ili neodobravanja kakvoga kolektivnog identiteta, odnosno može se prikazivati u dobrom ili lošem svjetlu. Očigledni su za to primjeri *etnički jezični stereotipi*

¹ Ovaj je rad financirala Hrvatska zaklada za znanost projektom *Komparativnoslavističke lingvokulturalne teme* [2131].

² *Heterostereotip* se odnosi na društvenu skupinu kojoj subjekt ne pripada, a *autostereotip* na pripadnike vlastite društvene skupine. Autostereotip je gotovo uvijek pozitivniji od heterostereotipa, što se nedvojbeno veže uz *etnocentrizam* (Leerssen: 103–104).

kojima se nastoji iskazati kolektivno mišljenje o kakvoj etničkoj skupini, njezinim pripadnicima i osobinama koje dijele.

Terminom 'stereotip' poslužio se Walter Lippmann kako bi, među prvim, u stručnoj studiji *Javno mnijenje (Public Opinion)* 1922. opisao odnos masovnih komunikacija i javnoga mišljenja. Povelik dio namijenio je stereotipima koji primjetno pokazuju kako se svijet percipira posredovanim predodžbama, a ne izravno. Odredio ih je ponešto apstraktno pišući da su "uređena, manje-više konzistentna slika svijeta kojoj su prilagođene naše navike, naši ukusi, naše sposobnosti, naše radosti i naše nade [...] zbog toga su silno nabijeni osjećajima koji idu s njima. Oni su tvrđava naše tradicije, a iza njenih bedema mi se i dalje možemo osjećati sigurnima na položajima što ih zauzimamo" (Lippmann 1995: 76–77). Štoviše, o svemu o čemu stereotipi govore, sudi se s primjerenim osjećajem, oni su "preliveni ljubavlju ili antipatijom" (*ibid.* 93), a iznova se oživljavaju enkulturacijom tijekom koje svatko kao takvo prihvaća ono što mu je rečeno. O svijetu nam je govoreno prije no što smo ga spoznali, te o svemu što nas okružuje imamo nekakvu predodžbu. Ako se slijepo prihvaćanje tih predodžbi ne osvijesti, ne pristupi im se kritički, one gotovo potpuno upravljaju percepcijom svijeta obilježavajući što *našim* ili *tudim* tako da se iole poznato čini veoma poznatim, a nepoznato posve stranim.

Frazemi su zbog svoje učestalosti i rasprostranjenosti izdašan repozitorij etničkih heteropredodžbi. Naime, etnocentrizam je kao pojava općenit i raširen, a stereotipi su se razvijali pod utjecajem višestoljetnoga iskustva te povijesnih, kulturnih i svjetonazorskih dodira (ili bolje rečeno razlika) dviju ili više etničkih skupina.

Nameće se pitanje koji se frazemi s etnonimskom komponentom u hrvatskom i poljskom jeziku ističu stereotipizacijom te kakav je njihov učinak na tvorbu heteropredodžbi o kakvim etničkim skupinama.³

Potrebno je naglasiti da je svaki stereotip, pa tako i onaj na koji upućuje frazem s etnonimskom komponentom, nerijetko izraz pretjerivanja (neovisno o tome naglašava li se što pozitivno ili negativno) zbog toga što generalizacija nije i ne smije biti opravdana te ju se može dovesti u pitanje. Zbog toga se u ovom radu stereotipi niti potvrđuju niti opovrgavaju nego ih se nastoji usustaviti te objasniti njihova motivacija.

2. Analiza frazeološke građe

Frazeološka građa ekscerpirana je iz hrvatskih i poljskih općih, jednojezičnih i višejezičnih rječnika, dostupnih bibliografskih izvora, korpusa

³ Među istraživanjima na ovu temu svakako vrijedi spomenuti ona autorskoga dvojca Ivanetić i Karlavari-Bremer (v. Literatura).

i mrežnih pretraživača te upotunjena anketiranjem izvornih govornika hrvatskoga i poljskoga jezika. Za razliku od rada *Hrvatski i poljski etnonimski frazemi poredbene strukture* (Vidović Bolt 2007) u kojem su predstavljeni isključivo poredbeni frazemi, u ovaj su rad uključeni etnonimski frazemi obaju jezika neovisno o njihovoj strukturi.

2.1. Pojedini stereotipi, uzimajući za kriterij subjekt koji ih proizvodi, imaju konkretnu motivaciju, odnosno može se reći da su nastali kao rezultat stvarnih, tzv. *tipičnih obilježja* (Bartmiński i Panasiuk 2007: 85) pa su u obama jezicima zabilježeni frazemi s komponentama *Cigan* i *Ciganka* odnosno *Cygan* koji se odnose na boju puti, kose i očiju (v. Vidović Bolt 2007: 209) – *crn kao Cigo*, *crn kao Cigan*, *crna kao Ciganka*, *czarny jak Cygan*.⁴ *Cigan* (polj. *Cygan*, njem. *Zigeuner*, franc. *Tziganes*) pejorativan je naziv za predstavnika romske etničke skupine, naroda indijskoga podrijetla koji nastanjuje različite dijelove svijeta. Na boju puti upućuje i frazem *crn kao Arap*.

Opće su prihvaćeni stereotipi o odgovornim i savjesnim Nijemcima (*niemiecki porządek* i *akuratny jak Niemiec*) te suzdržanim i rezerviranim Englezima (*angielska flegma*) ironičnoga i sarkastičnoga humora (*engleski humor* i *angielski humor*). Iako generalizacija nije opravdana, nedvojbeno su posrijedi osobine i navike koje su uočili i Hrvati i Poljaci.

Homi Bhabha, za razliku od Lippmanna, kao nužnost u tvorbi stereotipa vidi *političnost* (Bhabha 1994: 100–101). Stoga se konkretna motivacija nekih frazema može tumačiti političko-povijesnim kontekstom. Poljski frazem *uciekać jak Niemcy spod Stalingradu*, koji znači ‘bježati pred opasnošću’, motiviran je njemačkim porazom kod Staljingrada, cilja njemačke ofenzive. Bitka je trajala dulje od šest mjeseci, od srpnja 1942. do početka veljače 1943., i okončala se uhićenjem 97 000 njemačkih vojnika, što je rezultiralo povlačenjem Nijemaca sve do Berlina.

Unatoč geografskoj blizini i povijesnom kontekstu, u poljskom je jeziku zabilježeno manje frazema s etnonimom *Rus* nego u hrvatskom. U hrvatskom su potvrđeni frazemi *ima koga kao Rusa*, *pijan kao Rus*, *pušiti kao Rus*, *trošiti kao pijani Rus*. Frazem *jest ich jak Rusków* sadrži pejorativan naziv za Ruse – *Rosjanin/Rusek* (Pintarić 2002: 191). Konzumiranje prekomjerne količine alkohola, među ostalim, u poljskom se izriče frazemom *pijany jak Polak*⁵ te nije ovjeren frazem istoga značenja s etnonimskom komponentom *Rus*. U jezicima naroda u čiju su se povijest upisali i međunarodni sukobi neslučenih razmjera ili pak snažna državna represija, iznimno je skroman broj frazema s

⁴ Lewis (2007) naglašava da su i njegova istraživanja etničkih stereotipa u hrvatskoj frazeologiji pokazala da su “najrašireniji i tvorbeno najmotiviraniji izričaji o Romima”.

⁵ Bańko (2004: 108) navodi da je poljski frazem kalk francuske poredbene sveze *soûl comme un Polonais* kojom je Napoleon hvalio poljske vojnike kao vjerne i savjesne unatoč velikim količinama alkohola.

komponentom koja se odnosi na pripadnike te etničke skupine – bilježi li jezik i strah, podsvesnu ili živo svjesnu tjeskobu, zazor, možemo nagađati te prosuditi i sami, a to će pokazati i nova frazeološka i sociolingvistička istraživanja.

S obzirom na višestoljetni izravan dodir s Osmanskim carstvom, hrvatski jezik obiluje frazemima koji se odnose na Turke. Za iznimno beskarakternu osobu rabi se frazem *gori je od Turčina* tko. Potvrđeni su i frazemi *lagati kao Turčin*, *pušiti kao Turčin*, proći / *prolaziti* <pokraj (pored, kraj) koga, pokraj (pored, kraj) čega> *kao pokraj (pored, kraj) turskog groblja*. O čovjeku spremnom učiniti štošta za prijatelje, ali i koji slijepo slijedi masu, govori nam ironičan frazem *kud svi Turci, tud i ćoravi (ćelavi, mali) Mujo (tu i goli Hasan)*.

Zanimljiv je frazem *buniti se (derati se i sl.) kao Grk u hapsu (apsu)* koji se odnosi na osobu sklonu čestom ili stalnom bučnom prosvjedovanju i glasnom protivljenju. Pozadinska slika ovoga frazema otkriva nam događaj u Bosni i Hercegovini gdje su se, za vrijeme ustanka 1875., uhićeni pravoslavci bunili protiv zatvora koji im je priječio sudjelovanje u ustanku. Pravoslavci se u Turskoj nazivaju Grcima (Vidović Bolt 2007: 211), dok se u hrvatskom jeziku trgovca zove *grkom*, a sam pridjev *grčki* odnosi se i na vjeru te pritom označava pravoslavne osobe (Opačić 2014). Prema drugim tumačenjima dostupnim na različitim mrežnim izvorima, ovaj frazem, između ostaloga, odražava ponašanje Grka koji, iako su pravoslavne vjere, nisu poštivali blagdan sv. Save kao neradni dan pa su zato nerijetko završavali u zatvoru.

2.2. Pretjerano negativno kolektivno mišljenje o nekim etničkim skupinama prisutno je i u hrvatskom i u poljskom jeziku. Škrtost se kao osobina iskazuje frazemima *škrt kao Židov* i *škapy jak Żyd* te *škrt kao Škot*, *škrti Škot* i *być Szkotem*, *škapy jak Szkot*, *szkocka oszczędność* (*oszczędliwość*).

2.3. Pretjerivanje je posebno uočljivo u frazemima koji se odnose na subjekta obližnje etničke skupine te etničke skupine koje naseljavaju geopolitički prostor subjekta.

2.3.1. U hrvatskom se jeziku mnogi heterostereotipi odnose na Bosance, uglavnom kao intelektualno potkapacitirane ljude.⁶ O tome svjedoče frazemi *glup kao Bosanac*, *glup (tup) Bosanac*, *glup (tup) Bosančeros⁷* i *bosanska glava*. Frazem *kao Bosanac* odnosi se na prljavu, ali i nesnalažljivu osobu.

Za Crnogorce, osim općeprihvaćenoga frazema *lijen kao Crnogorac*, rabi se i sveza (frazem u širem smislu) *crnogorski kum* – riječ je o drevnom običaju da kum zamijeni mladoženju prve bračne noći.⁸

⁶ Istoga su značenja frazemi s antroponimskom komponentom *Mujo*, npr. *Mujo iz Doboja, mali Mujo*.

⁷ *Bosančeros* je uz *Bosanac* i *Bosančero* razgovorni, katkad šaljiv, a katkad i podrugljiv naziv za stanovnika Bosne.

⁸ Prema dostupnom izvoru zadnji se takav službeni obred dogodio 1896. godine tijekom prve bračne noći kćeri crnogorskoga kralja Nikole I. i talijanskoga kralja V. Emanuela III. Savojskoga (<http://narodni.net/zaboravljene-narodne-izreke-njihova-znacenja/>).

2.3.2. Unatoč spomenutim pozitivno konotiranim frazemima, Poljaci Nijemcima, kao Hrvati Bosancima, pripisuju lijenost te umnu ograničenost (*leniwy jak Niemiec* i *glupi jak Niemiec*). U hrvatskom jeziku nisu potvrđeni frazemi s etnonimskom komponentom *Nijemac*, ali su potvrđeni oni s komponentom *Švabo*⁹. Pretjeranu brbljavost bez jasnoga povoda opisuje frazem *kao Švabo tralala* [ponavljati, govoriti i sl.]. U pozadini frazema moguće je prepoznati pripovijest o đavlu i Švabi koji su se dogovorili da će jedan nositi drugoga dok taj pjeva pa se Švabo dosjetio da može pjevati tra-la-la te ga je đavao morao nositi cijeli dan. Opačić (2015) navodi da se „Prvotno [...] izraz odnosio na dosadno ponavljanje iste melodije, a kasnije se proširio i na sve što se ponavlja unedogled.”. O onome tko ne zna raditi određeni posao govori frazem *natezati se kao Švabo s gaćama*. Hirovitu i nestašnu osobu opisuje frazem *ludi Švabo* motiviran likom iz filma *The Great Waldo Pepper* (1975.). Prema Matešiću (1992–1993: 295) ovi frazemi pokazuju kako su govornici željeli “da značenje frazeološke jedinice sadrži crtu humora, ironije, lascivnosti”.

U poljskom su jeziku posebno uočljivi heterostereotipi o Židovima. Budući da židovska vjera ne uključuje obred krštenja nego samo čin obrezivanja muške djece, sveta im je voda kao simbol kršćanstva posve strana. Ta se činjenica javlja u ironičnom frazemu *bać się jak Żyd święconej wody* kojim se opisuje plašljiva osoba. Slika Židova trgovca u praznoj trgovini motiv je frazema *miotać się jak Żyd po pustym sklepie* u značenju ‘ljutiti se, uzrujavati se iskazujući bespomoćnost’. Na inteligentnu i snalažljivu osobu, spretnu i upućenu u trgovačke poslove, upućuju frazemi *mieć żydowską głowę* i *mieć żydowski łeb*. Istoga su značenja frazemi *mądry jak Żyd*, *mądry jak żydowskie dziecko*, *mądry jak żydowska pierszyna*, *mądry jak żydowski rabin* i *przebiegły jak Żyd*. Zastupljenost i rasprostranjenost poljskih frazema s komponentom *Żidov* (*Żyd*) pokazatelj je ambivalentnosti – distanciranoga odnosa prema toj etničkoj skupini, ali i poštovanja prema njihovoj mudrosti i snalažljivosti unatoč svojevrsnoj ironiji i zazoru.

Kao što je spomenuto, brojni su frazemi motivirani doživljajima s pripadnicima romske zajednice – *znać się na czymś jak Cygan na koniach*¹⁰ ‘uopće se ne razumjeti u što, ništa ne znati o čemu’, *wiedzie się komuś jak Cyganowi rola* ‘ne polazi za rukom komu što, ne uspijeva tko u čemu’, *żądać za coś jak Cygan za matkę* ‘skupo naplaćivati što’, *klócić się jak Cyganie o kawał żelaza* ‘prepire se tko, jako se svađa tko’. U hrvatskom su potvrđeni

⁹ Odnosi se na stanovnika Njemačke, ali i na osobu njemačkoga podrijetla nastanjenu u Hrvatskoj. Leksem *Švabe* povijesni je naziv za staro germansko pleme koje je živjelo u području od Baltika do Rajne. Zastarjeli glagol *švapčariti*, pretežito regionalne uporabe, rabio se u značenju ‘govoriti njemački’ ili ‘pretjerano rabiti germanizme u drugoj jezičnoj sredini’ (Anić 2004: 1559).

¹⁰ Frazem potvrđuje rasprostranjen frazeomodel *znać się na czymś + jak + zoonim* (hrv. *razumjeti se u što + kao + zoonim* – *razumjeti se u što kao koza u peršin*, *razumjeti se u što kao magarac u kantar*, *razumjeti se u što kao magare u kantar*).

frazemi *hvaliti koga, što kao Cigo konja svoga* ‘pretjerano hvaliti koga, što radi postizanja cilja’, *ciganska duša* ‘osoba nepouzdana karaktera; cjepidlaka’, *crni Ciganin* ‘loša (beskarakterna) osoba; vrlo siromašna osoba’.

2.4. Heterostereotipni frazemi dvaju izabranih jezika ne moraju biti motivirani istim etničkim skupinama. Frazem *praviti se Englez* u hrvatskom se jeziku odnosi na osobu koja hini neupućenost, neobaviještenost o onome o čemu se govori. Zabilježen je i frazem s etnonimskom sastavnicom *Kinez (praviti se Kinez)*¹¹ motiviran brojnošću etničke skupine, ali, zasigurno, i sve većim brojem Kineza nastanjenih u Europi, a koji se odlikuju dominantnom facijalnom ekspresijom te nešto slabijim verbalnim izričajem. U poljskom se pak jeziku ustalio frazem *udać (udawać) Greka*, a u uporabi je i sinoniman frazem *zgrywać Greka* (Orłóš 2005: 47).

2.5. Svršishodno je spomenuti da u jeziku neke etničke skupine u usporedbi s drugima može izostati heterostereotipna frazeološka jedinica o drugoj etničkoj skupini.

2.5.1. Jedino je u hrvatskom jeziku zabilježena poredbena frazeološka jedinica koja otkriva stereotip o Srbima kao lažljivim ljudima – *lagati kao Srbin*.

Zabilježeni su i frazemi s etnonimskom komponentom *Vlah*, nazivom za pripadnika romaniziranog naroda jugoistočne Europe – *da se Vlasi ne dosjete* ‘da se prikrije pravo stanje, uvijeno, namjerno nerazumljivo’, *izmijesiti (smotati) koga kao Vlah <pitu>* ‘istući (izmlatiti, isprebijati) koga’, *što zna Vlah što je sveta misa* ‘ne zna tko što, ne razumije se tko u što’. Primjeri su to u kojima se prema mišljenju Ivanetić i Karlavaris-Bremer (1999b: 137) “leksikalizira [...] iskustvo ili percepcija da druga zajednica odstupa od vlastite bilo načinom pripremanja hrane, religijom ili običajima.”. U aktivnom je frazeološkom fondu frazem *držati se kao vlaška mlada* ‘držati se ukočeno (neprirodno, zbunjeno)’.

Dok se u obama jezicima velika skupina ljudi opisuje frazedom s etnonimskom komponentom *Rus* (u poljskom, kao što je spomenuto, pejorativnom inačicom *Rusek*), u hrvatskom je predodžba o Kinezima kao mnogoljudnoj naciji pretočena u frazem *ima koga kao Kineza*.

Promatrano iz frazeološke perspektive, samo je jedan stereotip o Japancima, a vezan je uz marljivost i ovjeren u svezi *raditi kao Japanac*. U poljskom jeziku nismo uspjeli zabilježiti frazem s tom etnonimskom komponentom.

2.5.2. U hrvatskom jeziku nije potvrđen nijedan frazem o Šveđanima dok je u poljskom frazeografski ovjerena frazeološka sveza *baba jak Szwed* koja označava ženu snažne građe, ali istodobno i energičnu te vrlo poduzetnu žensku osobu. Istoga je značenja i frazem *baba jak Kozak*. U obama frazemima dolazi do izražaja pejorativno isticanje neženstvenosti.

¹¹ S frazemima *praviti se Englez* i *praviti se Kinez* značenje dijeli i frazem s antroponimskom komponentom *praviti se Tošo*.

Na osjećaj podređenosti i svojevrsne ovisnosti o engleskom jeziku te britanskoj i američkoj kulturi upućuje frazem *Anglik z Klaja (Kolomyi)* koji se odnosi na došljaka u urbanoj sredini koji stranim naglaskom želi istaknuti svoju važnost i veličinu. Etnonim je poistovjećen s engleskim kao najvažnijim i najraširenijim svjetskim jezikom.

U poljskom se jeziku Španjolac povezuje s ponosom (*dumny jak Hiszpan*), ali i sumnjičavošću (*podejrzliwy jak Hiszpan*) dok u hrvatskom jeziku nije zabilježena nijedna desemantizirana sveza s tom etnonimskom komponentom.

Isto je i s frazemom *siedzieć jak Tatar* koji odražava stereotipnu predodžbu o Tatarima kao vještim jahačima koji su na brzim konjima nosili poštu.

3. Za razliku od heterostereotipnih frazema, autostereotipnih je u obama jezicima vrlo skroman broj. Višegodišnja istraživanja etnonimskih frazema pokazuju da promjena u odnosu na prethodno opisano (Vidović Bolt 2007) nema jer su i dalje samo u poljskom jeziku zabilježene autoetnonimske desemantizirane sveze. Osim spomenutoga *pijany jak Polak*, u uporabi su frazemi *pracowity jak Polak* ‘vrlo vrijedan’ te *rozmawiać jak Polak z Polakiem* i *dogadać się jak Polak z Polakiem* ‘dogovoriti se radi zajedničkoga dobra (zajedničke koristi)’. Dva su potonja frazema ujedno i jedini frazemi zabilježeni u prikupljenoj građi u kojima se etnonimska sastavnica pojavljuje dva puta, a prema M. Bańku (2004: 211) sveze su zabilježene u govoru Lecha Wałęse 31. kolovoza 1980., uoči potpisivanja sporazuma između štrajkaškoga odbora triju gradova i izaslanstva vlasti (Vidović Bolt 2007: 211).

4. Zaključak

Budući da je jedna od ljudskih univerzalija koja, među ostalim, služi za izražavanje, jezik se smatra pogodnim predmetom za kritičko proučavanje kulturnih, političkih i ideoloških pretpostavki jedne ili više etničkih skupina. Frazologija je u tom smislu naročito izdašno jezično područje koje čuva kolektivnu svijest i uvjerenja kakve etničke skupine, bilo da se radi o njoj samoj (autostereotipi) ili kakvoj drugoj etničkoj skupini (heterostereotipi). Stereotipizacija je najučestalije sredstvo izražavanja heteropredodžbi, pri čemu se svojstva ili osobine pripisane određenoj etničkoj grupi uzimaju kao tipične, nerijetko negativne i uglavnom teško zamjenjive “logičkim argumentima i informacijama” (Pasini i Čavar 2009: 314). Stereotipni se frazemi u tome svjetlu mogu promatrati kao opća mjesta koja su učestalim ponavljanjem zadobila prizvuk poznatosti bez obzira na vjerodostojnost iskaza.

Hrvatski i poljski jezik stoga bilježe zamjetan broj frazema s etnonimskom komponentom kojima se izražavaju stereotipi o etničkim skupinama i u kojima su vidljivi “tragovi tuđe spoznaje sačuvani u konvencionaliziranim jezičnim izrazima” (Ivanetić i Karlavaris-Bremer 1999a: 54). Istraživanje je pokazalo da pojedini frazemi imaju konkretnu motivaciju, odnosno motivirani su stvarnim iskustvom i doživljajem kakve etničke skupine (*crn kao Cigan* i *czarny jak Cygan* za izgled te *engleski humor* i *angielski humor* za ljudsku osobinu). Štoviše, neki su frazemi motivirani povijesno-političkim kontekstom (*uciekać jak Niemcy spod Stalingradu* i *gori je od Turčina* tko). Frazemi koji odražavaju pretjerano negativno mišljenje o kakvoj etničkoj skupini potvrđeni su u obama jezicima (*škrt kao Židov* i *skąpy jak Żyd*). Uočeno je kako se takvi frazemi nerijetko odnose na etničke skupine u neposrednoj blizini subjekta koji ih proizvodi. U hrvatskom su jeziku to primjerice Bosanci (*glup kao Bosanac*), a u poljskom Nijemci (*glupi jak Niemiec*). Potvrđeni su i frazemi koji imaju isto značenje, ali nisu motivirani istom etničkom skupinom (*praviti se Englez* i *udawać Greka* u značenju ‘hiniti neupućenost, neobaviještenost o onome o čemu se govori’). Naposljetku, u obama su jezicima potvrđeni frazemi koji u drugom jeziku potpuno izostaju (*raditi kao Japanac* i *baba jak Szwed*). U dijelu analiziranih frazema uočen je ambivalentan odnos prema pripadnicima određene etničke skupine (*akuratny jak Niemiec*, ali i *glupi jak Niemiec*). Autostereotipni frazemi u hrvatskom jeziku nisu potvrđeni, dok su u poljskom potvrđene neke sveze (*pijany jak Polak*).

Iako prikupljena i analizirana građa nije sveobuhvatan korpus, može se zaključiti da se hrvatski i poljski frazemi s etnonimskom komponentom odnose poglavito na stereotipan izgled, ljudske osobine, vještine, obrasce ponašanja, odnose, emocije, stanja, brojnost i sl. Analizirani frazemi “nisu nužno pokazatelji najsuvremenijih etničkih stereotipa, nego pokazatelji usvojenih heterostereotipa” (Ribarova 2013: 172), uglavnom interpretacija i ljudska projekcija etnika odnosno pripadnika kakve etničke skupine (Bartmiński i Panasiuk 2007: 86). Međutim, ne smije se isključiti ni emocionalni čimbenik ključan u nastanku etničkih stereotipa, ali ni zanemariti činjenica da stereotip može povezivati enciklopedijsko znanje i iskustvo govornika (Bartmiński i Panasiuk 2007: 87).

Korištena literatura

- Anić, Vladimir. 2003. *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Četvrto dopunjeno izdanje. Zagreb: Novi Liber.
- Bańko, Mirosław. 2004. *Słownik porównań*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Bartmiński, Jerzy i Jolanta Panasiuk. 2007. “Stereotypy językowe we współczesnym języku polskim”, *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne*. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 85–105.

- Bhabha, H. 1994. *The Location of Culture*. London: Routledge.
- Chambers, J. 1995. *Sociolinguistic Theory: Linguistic Variation and its Social Significance*. Malden, MA – Oxford, UK: Blackwell Publishers Ltd.
- Coulmas, F. 2005. *Sociolinguistics: The Study of Speakers' Choices*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Edwards, J. 2009. *Language and Identity: An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ivanetić, N. i Karlavaris-Bremer, U. 1999a. "O nekim onimijskim frazemima u hrvatskom i njemačkom jeziku", *Riječ* 5. 50–61.
- Ivanetić, N. i Karlavaris-Bremer, U. 1999b. "Onimijski frazemi i konceptualizacija svijeta", *Suvremena lingvistika* 25. 47–48, 131–142.
- Joseph, J. 2004. *Language and Identity: National, Ethnic, Religious*. Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Leerssen, J. 2009. "Retorika nacionalnog karaktera: programatski pregled", *Kako vidimo strane zemlje: Uvod u imagologiju*. Zagreb: Srednja Europa. 99–125.
- Lewis, K. 2007. "Etnički stereotipi u hrvatskoj frazeologiji. Ima ih kao Kineza", *Vijenac* 359. <http://www.matica.hr/vijenac/359/Ima%20ih%20kao%20Kineza/> (Posjet 1. ožujka 2017.)
- Lippmann, W. 1995. *Javno mnijenje*. Zagreb: Naprijed.
- Matešić, Josip (1992-93). "Frazemi s komponentom vlastitog imena u hrvatskom jeziku.", *Filologija* 20 - 21: 293–297.
- Opačić, N. 2014. "Grčka posijana po svijetu", *Vijenac* 541. <http://www.matica.hr/vijenac/541/grcka-posijana-po-svijetu-23895/> (Posjet 3. ožujka 2017.)
- Opačić, N. 2015. "Mađareva forma i Švabo tralala", *Vijenac* 567. <http://www.matica.hr/vijenac/567/maareva-forma-i-svabo-tralala-25080/> (Posjet 3. ožujka 2017.)
- Orłós, T. Z. 2005. "Polskie i czeskie związki frazeologiczne z nazwami narodowości lub z przymiotnikami odnarodowościowymi", *Studia z frazeologii czeskiej i polskiej*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Pasini, D. i Čavar, A. 2009. "Kompetencja interkulturowa i stereotypu w nauczaniu języka chorwackiego jako obcego", *Świat ukryty w słowach, czyli o znaczeniu gramatycznym, leksykalnym i etymologicznym* (Redakcja naukowa: Ilona Generowicz, Elżbieta Kaczmarek i Ignacy M. Doliński), Instytut Slawistyki Zachodniej i Południowej Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa, 311–326.
- Pintarić, N. 2002. *Pragmema u komunikaciji*. Zagreb: FF press.
- Ribarova, S. 2013. "Češki, makedonski i hrvatski etnonimski poredbeni frazemi", *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim III*. 167–172.
- Vidović Bolt, I. 2007. "Hrvatski i poljski etnonimski frazemi poredbene strukture", *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb: Knjigra. 209–214.

Izvori

- Fink Arsovski, Ž. 2002. *Hrvatska poredbena frazeologija. Pogled izvana i iznutra*. Zagreb: FF press.
- Fink Arsovski, Ž. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb: Knjigra.

- Fink Arsovski, Ž. – B. Kovačević – A. Hrnjak. 2010. *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima*. Zagreb: Knjigra.
- Matešić, Josip. 1982. *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Školska knjiga. Zagreb.
- Menac, Antica – Željka Fink Arsovski – Radomir Venturin. 2014. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Naklada Ljevak: Zagreb.
- Mosiołek-Kłosińska, Katarzyna – Anna Ciesielska. 2001. *W kilku słowach. Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo Szkolne PWN.
- Müldner-Nieckowski, Piotr. 2003. *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa: Świat Książki.
- Rječnik hrvatskoga jezika*. Gl. ur. Jure Šonje. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža – Školska knjiga, 2000.
- Sabljak, Tomislav. 2001. *Rječnik hrvatskoga žargona*. Zagreb: Biblioteka Lexica.
- Szymczak, Mieczysław. 1993. Słownik języka polskiego I-III, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.**
- Uniwersalny słownik języka polskiego*, sv. 1, ur. Stanisław Dubisz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2003. = USJP

Ivana VIDOVIĆ BOLT, Mateo BATINIĆ

IDIOMS WITH ETHNONIMIC COMPOUND - A REFLECTION OF STEREOTYPES ABOUT ETHNIC GROUPS

Summary

Although only recently it became a rapidly evolving linguistic discipline, phraseology today is considered to be an excellent repository of the past and the present of one ethnic group. Given that the stereotypes are confirmed in idioms of almost every language around the world, this paper compares stereotypical idioms with ethnonimic compound in Croatian and Polish languages. In other words, it analyzes what Croats and Poles think of other, mostly neighboring, ethnic groups. The idioms are taken out from monolingual and bilingual Croatian and Polish dictionaries, accessible bibliographic and internet sources as well as surveys of Croatian and Polish native speakers. The aim of the analysis is to group the stereotypical idioms according to their motivation and then, inside the groupings, find similarities and differences and thereafter explain their cultural, political and historical motivation. The stereotypes are not being confirmed nor denied but only analyzed in terms of their motivation.

Perina VUKŠA NAHOD

Martina KRAMARIĆ

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje
Zagreb, Hrvatska

OD EVE DO BRIŽITKE – O ŽENSKIM ANTROPONIMIMA U HRVATSKOJ I ČEŠKOJ FRAZELOGIJI

Sažetak: Na temelju građe ekscerpirane iz relevantnih općih i frazeoloških rječnika, znanstvenih radova, ali i one prikupljene terenskim istraživanjem, u radu se analiziraju hrvatski i češki frazemi sa sastavnicom kojom se imenuju ženske osobe. Utvrdit će se koji su frazemi podudarni u obama jezicima te oni specifični za pojedini jezik. Usto, prikazat će se razvedenost imenske formule, analizirat će se kojim područjima ovjerena osobna imena pripadaju te koje koncepte prikupljeni frazemi najčešće pokrivaju.

Ključne riječi: antroponim, frazeologija, hrvatski jezik, češki jezik

1. UVOD

Osobno je *ime*¹ jedna od triju osnovnih antroponimijskih kategorija (uz *prezime* i *nadimak*), a među njima najstarijega je postanja. Danas se za osobno ime u literaturi rabi nekoliko naziva: *ime*, *antroponim* i *osobno ime*, a Frančić (2007: 78) upozorava na njihovu nepravilnu uporabu i upućuje na međusobnu hijerahiju: „Ime u onomastici jest hiperonim u odnosu na sve ostale onomastičke nazive kojima se imenuju pojedinačni denotati. Ono se nalazi na samom vrhu hijerarhijske tablice onomastičkoga terminološkog sustava. Dakle, ime je hiperonim (i) u odnosu na antroponim (toponim i dr.), a antroponim je hiperonim u odnosu na osobno ime (prezime i dr.).”

Analiza frazema s osobnim imenima dosad je uglavnom zastupljenja u kontrastivnim radovima², ali i u hrvatskim dijalektnim frazeološkim radovima³. U češkoj su frazeologiji zastupljeni kontrastivni radovi, koji se većinom odnose

¹ *Osobno* se *ime* može dijeliti s obzirom na spol imenovane osobe, na jezično podrijetlo, na tvorbenu strukturu te na komunikacijski kontekst (Frančić 2006: 77).

² V. Ribarova (2001, 2009), Crnić Novosel i Opašić (2014) i Zoričić (2015).

³ V. Menac-Mihalić (2004) i Frančić (2005).

na usporedbe čeških frazema s drugim slavenskim jezicima⁴, dok u dijalektnoj frazeologiji izdvojene radove o frazemima sa sastavnicom osobnih imena ne nalazimo.

Određene biblijske i antičke osobe, ali i likovi iz književnosti i umjetnosti između ostalog prepoznatljivi su po svojim osobinama ili pak izgledu. Uvriježeno, pa čak i stereotipno mišljenje o njima ili njihovo simbolično značenje uzrok je pojavnosti njihovih osobnih imena u frazemima. Već je otprije potvrđeno⁵ da su muška osobna imena zastupljenija i u hrvatskoj i u češkoj frazeološkoj građi te su češće analizirana u radovima. Stoga je naš interes bio usmjeren prema frazemima čije su sastavnice ženska osobna imena.

2. CILJEVI, KORPUS I METODOLOGIJA

Cilj je rada usporedba hrvatskih i čeških frazema koji u svojem sastavu imaju ženska osobna imena. Njome se žele pokazati sličnosti i razlike među frazemima, ali i specifičnosti frazema pojedinoga jezika. Građa je ekscerpirana iz nekoliko izvora: rječnika (općejezičnih, frazeoloških i dijalektoloških), znanstvenih i stručnih radova, a dio je hrvatskih dijalektalnih frazema prikupljen terenskim istraživanjem. Budući da je u korpusu hrvatskih standardnojezičnih frazema ovjeren neznatan broj ženskih osobnih imena, u analizu su uključeni i dijalektalni frazemi, u kojima je živa uporaba i ostalih antroponimskih hiponima. Prikupljeni su frazemi podijeljeni i analizirani prema određenim područjima, a najbrojnijima su se pokazali biblijski i antički frazemi. Među češkim su se frazemima brojnošću izdvojili oni koje možemo svratiti u kategoriju književni frazemi i frazemi iz nacionalne povijesti, te su i oni pridani analizi. Budući da među hrvatskim frazemima ne možemo izdvojiti određeno kompaktno područje, oni su prikazani skupno. U radu se, gdje je to moguće, slijedila analiza već primjenjivana u dosadašnjim komparativističkim studijama. Riječ je o podjeli prema strukturno-semantičkome kriteriju na potpuno podudarne frazeme i na semantičkoj i strukturnoj razinu, djelomično podudarne frazeme samo na jednoj od spomenutih razina i nepodudarne frazeme.⁶ Dan je i pregled imenskih formula koje se pojavljuju u frazemima te su prikazani najčešći koncepti koje frazemi predstavljaju.

Zadržat ćemo se ponajprije na biblijskim i antičkim frazemima koji proizlaze iz zajedničkoga europskoga kulturnog nasljeđa. Uglavnom je riječ

⁴ V. Kedron (2014), Stěpanova (1989), Bauerová (2007), Václavková (2013) i Pavlasová (2013).

⁵ Ribarova (2009: 171) navodi podatak da je s obzirom na cjelokupan zbroj frazema sa sastavnicom osobnoga imena u frazeološkim rječnicima u supstantivnim i poredbenim frazemima u hrvatskome jeziku zastupljeno 73 % muških imena, a u češkome čak 81 %.

⁶ Kao u radovima Crnić Novosel i Opašić (2014) te Ribarova (2001). U obzir smo uzeli i komparativističke radove koji se bave i drugim sastavnicama, primjerice Domazet (2011).

o internacionalnim (općeeuropskim) frazemima, među kojima možemo uočiti podudarnosti među istraživanim jezicima.⁷ Frazemi koji proizlaze iz kulture, umjetnosti, filma ili književnosti te povijesti često su ograničeni nacionalnim okvirima te se ne mogu tražiti usporedbe među jezicima.

3. BIBLIJSKI FRAZEMI

Biblijski frazemi mogu biti izravni – točne izvedenice poslovice, izreka, uzrečica, frazema, kolokacija iz tekstova Biblije, i neizravni – nastali samostalnom kombinacijom biblijskih riječi, slika i sižea koji se ne nalaze u samome tekstu Biblije (Opašić 2014: 186). U našem je korpusu riječ o neizravnim biblizmima.

U hrvatskome korpusu nalazimo samo dva ženska osobna imena iz Biblije: Eva i Marija, dok ih je u češkome čak šest: Eva, Marija/Maria, Sara/Sára, Marta, Saloma/Salome i Marija Magdalena/Maří Magdaléna.

EVA

Frazemi s osobnim imenom Eva potvrđeni su u obama jezicima, ali s različitim značenjima: 'ljudi (muškarci, žene)', 'nag, nagost', 'nadugo, od početka', 'od davnine, otkad se zna za čovjeka' te samo u češkome jeziku u značenju 'radoznalost' i 'iskušenje, grijeh'. U većini se slučajeva u obama jezicima sastavnica osobnoga imena Eva može zamijeniti osobnim imenom Adam, tako da se ostvaruju leksičke varijante istoga frazema.

Strukturno i semantički u oba jezika podudaran je frazem *Evina kći* / *Evina dcera*. Isti frazem u češkome se jeziku pojavljuje i u obliku *dcera Evina* (*Evy*), koji je s prethodnima podudaran na semantičkoj razini. Frazem *Evino* (*Adamovo*) *koljeno* / *Evino* (*Adamovo*) *plemeno* (*pokolení*) također je podudaran na objema razinama, s tim da je u češkome moguća i varijanta frazema sa sastavnicom *plemeno* ('pleme') i *pokolení* ('pokoljenje; koljeno; rod'). Semantički je podudaran frazem *Evin sin* / *synové Evini* (u oba slučaja arhaični), dok strukturna podudarnost izostaje: u hrvatskome jeziku sastavnica *sin* ostvaruje u jednini, a u češkome u množini. U češkome je jeziku zabilježen i arhaizam *Eviny děti* / *děti Evy*.

Leksička i strukturna varijantnost u tvorbi frazema, ne samo u slučaju zamjene sastavnice Adam /Eva, karakteristična je više za češki jezik.

U značenju 'nag, nagost' također se ostvaruju frazemi s obama varijantama, Adamom ili Evom, i to u oba jezika: *u Evinu* (*Evinom*) (*Adamovom*) *kostimu* / *v Evině* (*Adamově*) *rouše* // *v rouše Evině* (*Adamově*) / *je v Evině šatě*

⁷ Stěpanova (2004: 48) pak ističe kako svaki jezik ima svoje specifične biblijske izreke koji su karakteristični za taj jezik i kulturnu sredinu te se u tome očituju nepodudarnosti u nastanku frazema među pojedinim jezicima.

(rouše) // je v Evině (Adamově) šatě (rouše)). Ponovno se potvrđuje veća leksička razvedenost u češkome jeziku (*roucha*, *šaty*).

U češkome je jeziku u tome značenju potvrđen i poredbeni frazem *nahá jako Eva* te frazem s dvama osobnim imenima *jako Adam i Eva*.

U češkome su jeziku dodatno potvrđeni i poredbeni frazemi *jako Eva*, *jako Adam i Eva* te *být nahá jako Eva (Adam)*, koji s proširenom konotacijom može značiti i 'ženu/muškarca koji nema što obući'.⁸

U značenju 'nadugo, od početka' u hrvatskome je potvrđen frazem *pričati od Adama i Eve*, dok se u češkome jeziku isto značenje ostvaruje frazemom *začít (začínat) od Adama*.

Frazem *od Adama i Eve* u hrvatskome jeziku može značiti 'nadugo, od početka' ili 'od davnine, otad se zna za čovjeka', a to se značenje u češkome jeziku ostvaruje širenjem konotacije već navedenih frazema *Adamovo (Evino) plemeno (pokolení)*, *synové Adamovi / dcery Eviny*. Samo je u češkome jeziku ovjeren frazem o radoznalosti, motiviran Evinom osobinom (*být*) *zvědavá(y) jako Eva* – 'biti znatiželjna' te frazem o grijehu *Evino jablko* – 'iskušenje, grijeh'.

MARIJA/MARIA

U hrvatskome dijalektnom korpusu potvrđeni su frazemi *lijepa kao Djevice Marija*⁹ i *lepa ko Marija* – 'jako lijepa', koji je sematički podudaran s češkim frazemom *být krásná jako Panenka Marie (Madona)* – 'biti jako lijepa'. Semantički su podudarni i frazemi pozitivne konotacije *čista kao Blažena Djevice Marija* – 'nevina, poštena' te *být jako Panenka Maria* – 'biti nevina, poštena', dok se dodavanjem glagolske sastavnice tvore frazemi negativne konotacije, što je ovjereno i u hrvatskome i u češkome jeziku: *praviti se Djevice Marija*, *glumiti Blaženu Djevicu Mariju / tvářit se [být] jako Panenka Maria* – 'praviti se nevina, poštena'. U češkome je jeziku potvrđen i frazem s glagolskom sastavnicom izrazito pozitivnoga značenja 'idealizirati koga, diviti mu se': *obdivovat [koukát se, dívát se, hledět] na někoho jako na Panenku Marii*. I u navedenim je primjerima potvrđena veća leksička varijantnost u češkome jeziku. Udaljavanje od biblijske semantike potvrđeno je u hrvatskim frazemima u značenju 'ukočeno se držati, usiljeno se ponašati': *držati se (stajati, biti) kao drvena Marija*, kao {*drvena (lijena)*} *Marija (Mara)* [*držati se, stajati itd.*] i sl., dok u češkome jeziku ne nalazimo taj frazem.

MARIJA MAGDALENA/MARÍ MAGDALÉNA

Marija Magdalena u češkome jeziku bila je motivacija za dva frazema različitoga značenja, pozitivne konotacije: *kající (se) Magdaléna (kajícnice*

⁸ U slučaju istoga frazema s varijantom *Adam* značenje bi bilo 'siromašan čovjek' (Ribarova 2001: 73).

⁹ Dijalektne potvrde donose se u obliku uopćenoga frazema.

Magdaléna) – ‘pokorna žena, žena koja se kaje za svoje grijehe’ te negativne konotacije: *tvárit se [vypadat] jako Maří Magdaléna* – ‘izigravati pretjeranu tugu, biti prijetovna, neiskrena žena’.

SALOMA/SALOME

Saloma se spominje u Evandelju po Mateju u slici plesa sa sedam velova, koje je u plesu odbacivala jedan po jedan, na rođendanskoj zabavi svojega očuha Heroda Antipe. Nagrada za sve odbačene velove bila je sve što ona poželi, a poželjela je glavu Ivana Krstitelja na pladnju. Njezin ples postao je simbolom zavodjenja u cilju ostvarenja ženinih želja, što je u češkome jeziku bilo motivacija za frazem *tančit jako Salome* – ‘zavodljivo plesati’.

MARTA

Marta je također novozavjetna ličnost, poznata zbog svoje uslužnosti i brižnosti za Isusa, za razliku od njezine sestre Marije. Tim je motiviran frazem *pečlivá [starostlivá] Marta* – ‘brižna osoba’.

SARA/SÁRA

Prema Bibliji, Sara se smatra pramajkom Židova. Stoga je i u češkome potvrđen frazem *dcery Sářiny* – ‘Židovke’.

Iako nisu potvrđena u Bibliji, navest ćemo frazeme s imenima svetaca¹⁰ (hagionimi) koji se u hrvatskome jeziku pojavljuju samo u dijalektnim inačicama: *biti kao Majka Terezija* – ‘biti jako dobar, biti milosrdan’, *držati se kao sveta Ozana* – ‘glumiti dobrotu’, *dota svete Ane* – ‘velika imovina’. U češkome jeziku ne nalazimo takve frazeme, a iznimku čini fiktivna svetica *Dala*, čije je ime stvoreno igrom riječi od glagola *dáti* (‘dati’) u frazemu *tvárit se jako svatá Dala (a nevěděla komu)*, kojim se obilježava nespreno, smeteno i glupo ponašanje ženske osobe (Ribarova 2009: 175).

4. ANTIČKI FRAZEMI

Budući da su ovjereni u većini europskih jezika, uglavnom s istim značenjem i sa strukturnom podudarnošću, antičke frazeme ubrajamo u općeeuropske frazeme. U hrvatskoj su građi ponovno ovjerena samo dva ženska osobna imena: Arijadna i Pandora, dok se u češkim frazemima pojavljuju: Arijadna/Ariadna, Pandora, Penelopa, Erida, Pitija/Pýthie, Helena i Venera/Venuše.

¹⁰ Frančić (2005: 35) u frazeološkoj građi međimurskih govora bilježi frazeme s imenima svetaca: *Sveti Moti ljeda mloti*, *Sveti Ljukoč zodnji sejo*. Ističe da je zapravo riječ o njihovoj svetkovi, odnosno (blag)danu svetoga Matije i svetoga Luke, te smatra da bi se oni trebali uvrstiti u krononime.

ARIJADNA/ARIADNA

Budući da je kći kretskoga kralja Minosa s pomoću klupka konca iz labirinta spasila junaka Tezeja, značenje hrvatskoga frazema *Arijadnina nit* i čeških frazemima *Ariadnina nit* / *Ariadnino klubko* očekivano je – podudarno – ‘spasonosno sredstvo’.

PANDORA

Frazem motiviran Pandorinom kutijom¹¹ u kojoj su bila pohranjena sva svjetska zla čest je u mnogim jezicima u značenju ‘skrivena nevolje koje mogu naglo izbiti na površinu, izvor svih zala’, s tim da opća imenica u frazemima varira (Kovačević 2016: 28–29), pa tako nije identična ni među analiziranim jezicima. U hrvatskome je imenica *kutija* dosljeno korištena u obama potvrđenim frazemima: *Pandorina kutija*, *otvoriti Pandorinu kutiju*, a u češkome se javljaju sinonimi *skříňka* ‘ormarić, kutija’ i *schránka* ‘ormarić, sandučić, kutija’ u frazemima *Pandořina skříňka* i *otevřít Pandořinu schránku*.

ERIDA

Erida je u grčkoj mitologiji božica razdora, a prema legendi Paris je morao pokloniti zlatnu jabuku najljepšoj božici koju je Erida ljutito donijela na pir Pelaja i Tetide jer nije bila pozvana na njega. Stoga jabuka označuje u frazemu *Eridino jabličko* / *Eridino jablko* ‘povod svađe, nesuglasica’. U hrvatskome nije potvrđen strukturno podudaran ekvivalent, ali postoji frazem istoga značenja: *jabuka razdora*.

PENELOPA

Penelopa je zbog čekanja na Odiseja postala općepoznatim sinonimom za vjernost, ali je frazem s njezinim imenom kao sastavnicom potvrđen samo u češkome jeziku: *čekat (na někoho) jako Penolopa* ili *být věrná (někomu) jako Penelopa* (‘biti vjeran nekome, dugo ga čekati’).

PITIJA/PÝTHIE

Pitija je proročica, a svako njezino proročanstvo moglo se shvatiti dvosmisleno. Stoga je postala simbolom za dvosmislenost, nejasnost, tajanstvenost, zagonetnost. Frazem je potvrđen samo u češkome jeziku: *mluviti jako Pýthie* – ‘govoriti tajanstveno, u zagonetkama’ te *tvářit se jako Pýthie* – ‘biti tajanstven, neodređen’.

¹¹ Kovačević (2016: 28) donosi da je zapravo riječ o svojevrsnome ćupu, no Erazmo Roterdamski je u 16. st. prevodeći Heziodovu priču na latinski pogrešno iščitao grčku riječ *pithos* kao *pyxid* i preveo ju riječju *kutija*.

HELENA

Helena je smatrana najljepšom ženom u antičkome razdoblju te je njezina otmica bila izvornim povodom za Trojanski rat. Stoga je i nastao frazem *vypadat jako krásná Helena* – ‘izgledati lijepo, krasno’.

VENERA/VENUŠE

Venera je rimska božica ljepote, ljubavi i plodnosti. Motivacija za frazem od tih triju osobina bila je samo ljepota, pa je nastao frazem *být krásná jako Venuše* – ‘biti lijepa, krasna; izgledati lijepo’.

5. FRAZEMI IZ KNJIŽEVNOSTI I NACIONALNE POVIJESTI

Frazeme iz književnosti možemo podijeliti na internacionalne te frazeme s likovima iz domaće (nacionalne) književnosti. Potvrđeni su samo u češkome jeziku. Prema Pepeljuzi i njezinu siromaštvu nastao je frazem *být (někde) jako Popelka* – ‘biti siromašna’, a Trnoružici i njezinu dugogodišnjem snu frazem *spát jako Šípková Růženka* – ‘čvrsto spavati’. Iz novije je književnosti potvrđen frazem *Alenka v říši divů* – ‘biti iznenađen, naći se u čudnoj situaciji’.

Primjer za motivaciju frazema iz nacionalne književnosti je Viktorka, lik iz romana *Babička* Božene Němcové. To je priča o nesretnoj djevojci Viktorki koja je nakon susreta s misterioznim vojnikom potpuno izgubila razum te pošla živjeti u šumu. Navodno je viđena kako ubija svoje dijete u rijeci pokraj brane, a zatim je pored brane godinama pjevala svojem djetetu i dozivala ga. Zato se i kaže da više pored brane (‘splav’): *křičet jako Viktorka u splavu* – ‘jako vikati’ ili *bláznivá jako Viktorka* – ‘luda osoba’.

Nacionalni su frazemi *krásná jako Libuše* – ‘jako lijepa’ te *ani Kazi by to neuhodla* – ‘nešto je nemoguće napraviti, razriješiti’ ili *tomu by ani Kazi nepomohla* – ‘tomu nema pomoći, nemoguće je izlječenje’, motivirani likovima iz čeških kronika i legenda (spominju se u kronikama od 12. st.). Riječ je o trima sestrama Kazi, Libuše i Tetka. Kazi je bila čarobnica i izlječiteljica, pa je iz vjerovanja o njezinoj svemoći nastao frazem koji kaže da ako to Kazi ne može napraviti, riješiti, znači da je to nemoguće napraviti. Libuše je legendarna češka princeza i proročica, koja se smatra mitskim pretkom svih Čeha. Ona je prema legendi osnovala je grad Prag u 8. st.

Povijesna ličnost Marija Terezija bila je motivacija za igru riječi u frazemu za *Marie Teremtete* ‘jako davno’.

6. O OSTALIM HRVATSKIM FRAZEMIMA

Zbog rijetke pojavnosti ženskih antromonimskih sastavnica među hrvatskim frazemima ne možemo ih izdvojiti u neku najčešću skupinu, stoga ih prikazujemo skupno.

finili su (prošli su) Mare, bali – ‘završilo je nešto lijepo i dobro’

adio Mare – ‘zbogom, gotovo je, došao je kraj’

svršila Mara zavrit (zavjet) – ‘gotovo je, kraj priče’

držati se (ponašati se) kao mila Gera – ‘držati se ukočeno, neprirodnom nepristupačno’

Katica (Marica) za sve – ‘osoba koja obavlja svakojake, uglavnom nevažne i beznačajne poslove, čiji radni zadatci nisu točno određeni’

držati se ko Mona Liza – ‘biti ukočena’

od {prije} Marije Terezije – ‘odavno’

Najčešće se u frazemima pojavljuje osobno ime *Mara*. Rijetko se pojavljuju povijesne ličnosti (*Marija Terezija*) ili likovi iz umjetnosti (*Mona Liza*), a nema potvrda za frazme s likovima iz književnosti ili nacionalne povijesti.

U dijalektnoj se frazeološkoj građi uglavnom pojavljuju lokalizmi u kojima se pojavljuju osobe koje se po određenim osobinama izdvajaju među ostalim sumještanima. Poticaj tim poredbenim frazemima uglavnom je vanjski izgled osobe:

biti kao Bogdanova Mica – ‘biti jako debela’ (Zasedbreg)

izgledati kao Fanika – ‘biti ružna’ (Senj)

obući se kao teta Ana – ‘neukusno se obući’ (Ludbreg)

ili karakterne osobine:

kužit ko baba Kata – ‘biti glupa’ (Vrpolje kod Đakova)

škrta ko Katica Pjerova – ‘jako škrta’ (Komin)

biti ko Zore Jakinova – ‘uvijek kasniti, biti sklon kašnjenju’ (Banjol, grad Rab).

7. IMENSKE FORMULE

U analiziranoj se građi, s obzirom na antroponimsku kategoriju kojoj pripada antroponimska sastavnica, frazemi mogu podijeliti u tri skupine.

a) frazemi s osobnoimenskom sastavnicom

Ova je skupina frazema najbrojnija u obama jezicima, a prema strukturi osobnoga imena možemo razlikovati jednorječna osobna imena, koja prema tvorbenome kriteriju mogu bit:

- temeljno ime: *Ana, Ozana, Eva, Marija/Marie, Marta, Sára, Salome, Helena, Penelopa*

- izvedeno ime: *Katica, Brižitka, Katka*¹², *Viktorka, Alenka, Venuše*
- pokraćeno ime: *Gera, Mara, Káča*¹³

te višerječna: *Marija Magdalena, Marija Terezija, Mona Liza, Djevica Marija, Panenka Marie, Blažena Djevica Marija.*

b) frazemi s nadimačkom sastavnicom

Frazemi s nadimačkom sastavnicom izrazito su rijetki. U češkoj ih gradi ne nalazimo, a u hrvatskoj su nadimci potvrđeni samo u dijalektnim frazemima: npr. *Twigi, Twiggy, Tvigica, Maletuša, Večenajka.*

suha ko Twigi – ‘izrazito mršava’ (Tršće)

mršava je ka Twiggy – ‘jako mršava’ (Split)

mršava kaj Tvigica – ‘jako mršava’ (Varaždin)

vajat se ko Maletuša – ‘gegati se’ (Komin)

biti kuma Večenajka – ‘biti jako znatiželjan’ (Bjelovar)

Prvi je nadimak općepoznat te većina govornika ne zna da je osobno ime i prezime poznate mršavice Lesley Lawson. Ostali su nadimci poznati samo u ograničenim regijama, a nastali su sufiksacijom od prezimena Maleta i Večenaj.

c) frazemi s više antroponimskih sastavnica

I ovi su frazemi potvrđeni samo u hrvatskom dijalektnom korpusu, što je zapravo i jedan od pokazatelja imenovanja ljudi u manjim sredinama, u kojima je jednoimenska formula nedostatna za identifikaciju. Tako se u pojedinome selu ili njegovoj okolini osobe razlikuju uporabom osobnih nadimaka, obiteljskih nadimaka ili pridavanjem posvojnoga pridjeva od muževa ili očeva osobnog imena osobnomu imenu:

- osobno ime i obiteljski nadimak: *Jagica Gredljeva izgledati kao Jagica Gredljeva* – ‘biti pretoplo odjeven’ (Jarmina)

- osobno ime i posvojni pridjev izveden od varijante osobnoga imena člana obitelji *Zlata Pjerina namazati se kao Zlata Pjerina* – ‘jako se narumeniti’ (Lovreć)

- osobni nadimak i ime: *Šera Mara vikati kak Šera Mara* – ‘glasno vikati’ (?) (Medimurje)¹⁴

¹² Potvrđeno u frazemu *Jaká matka taká Katka*, ekvivalentu hrvatskoga frazema *Kakva majka takva kći*.

¹³ Hipokoristik *Káča* od osobnoga imena *Kateřina* česta je sastavnica u češkim frazemima (zastarjelim) s različitim značenjima: *utiká jako Káča před kocourem* (‘trči vrlo brzo’), *jde jako Káča s máslem* (‘ide polako’), regionalni frazem *žvanivý jako stará Káča* (‘čovjek koji voli puno razgovarati, brbljivac’) (Stěpanova, 2004: 23) ili *Káčo pitomá* (‘glupa žena’). Takvi frazemi obično su negativne konotacije, odnosno *Káča* je osobno ime koje predstavlja niži društveni sloj (Bauerová 2007).

¹⁴ Frančić (2005) obrađuje osobna imena u medimurskim frazemima, no nije naznačeno značenje frazema, ni u kojemu je govoru zabilježen.

8. KONCEPT LJEPOTE

U frazemima se osobno ime ne referira na osobu koja ga nosi, nego zadobiva konotativno značenje, odnosno metaforički i simbolički postaje predstavnikom određene osobine, nekakva općega značenja (Raguž 1979: 20), općih kulturoloških ili stereotipnih pojava i viđenja stvarnosti. Frazemi tako posredno svjedoče o konceptualizaciji svijeta, prototipnim modelima ili stereotipima koji se formiraju u određenome jeziku. Stoga često zastarijevaju, prelaze u arhaizme, dok se istodobno stvaraju novi frazemi. U frazemima s antroponimijskom sastavnicom osobno ime najčešće metaforički označuje određene ljudske osobine, predstavljajući tako koncepte. U slučaju ženskih osobnih imena iz potvrđenih frazema obično su najčešći koncepti glupost (*baba Kata*, *Káča*), škrtost (*Katica Pjerova*), ludost (*Viktorka*), radoznalost (*Eva*), mudrost (*Kazi*), zavodljivost (*Salome*), brižnost (*Marta*) te kao najčešći ljepota.

Budući da se žene smatraju pripadnicama ljepšega spola, ne čudi da se među frazemima kao najčešći koncept izdvojio onaj ljepote. Osobna imena koja se pojavljuju u tim frazemima su: (Djevica) Marija, Brižitka, Helena, Venuše i Libuše. Među hrvatskim su frazemima samo oni potvrđeni u dijalektima: *lijepa kao Djevica Marija*, *lepa ko Marija*, *lepa ko Brižitka*. Poticaj nastanka tih frazema potpuno je različit. Ljepota Djevice Marije ponajprije proizlazi iz njezine nevinosti i dobrote koja se preslikava u fizičku ljepotu, vidljivu na mnogim slikama i kipovima u crkvama. S druge je strane seks-simbol, glumica Brigitte Bardot koja je postala planetarno popularna jer se u filmu *I bog stvori ženu* sunčala u Evinu kostimu.

U češkome se u koncept ljepote pojavljuje u internacionalnim antičkim frazemima, motivirani ženama čije je ime postalo opći sinonim za ljepotu: Helena te božica Venera (Venuše). U domaćemu frazemu Libuše kao mitski predač svih Čeha nosi sve pozitivne osobine koje su ujedinjene u fizičkoj ljepoti jer je ljepota koncept kojim se predstavljaju sve pozitivne ženske osobine.

9. ZAKLJUČAK

Iz navedene je analize razvidno da se ženska osobna imena češće pojavljuju u češkoj frazološkoj građi, a posebice su česta u biblizmima. Varijantnost je frazema također češća u češkome jeziku. Nisu potvrđeni mnogi podudarni hrvatski i češki frazemi, izuzev nekoliko biblijskih i antičkih. Bitno je istaknuti da ženski likovi iz češke književnosti i iz nacionalnih legendi katkad služe kao poticaj nastanka frazema, što nije zabilježeno ni u jednome hrvatskom frazemu. Isto tako, možemo zaključiti da ne postoje hrvatski nacionalni frazemi sa sastavnicom ženskoga osobnog imena. Najčešći su frazemi u obama jezicima oni s osobnoimenskom sastavnicom, dok hrvatske dijalektne frazeme karakterizira uporaba nadimaka i više antroponimskih sastavnica.

Ovim radom dotaknuli smo se nekoliko različitih tema povezanih s frazemima s ženskim antroponimima te uputili na neke pristupe u njihovu proučavanju. Možemo dodati kako su radovi sa sličnom tematikom još uvijek nedovoljno zastupljeni, posebice u dijalektalnoj frazeologiji, iako su ženski antroponimi također česta motivacija za tvorbu frazema.

LITERATURA

- Bachmannová, J. 1986. „K výzkumu a popisu nářeční frazeologie“, *Naše řeč* 69/1. 1–5.
- Bauerová, P. 2007. *Frazeologizmy s vlastními jményv ruské a české frazeologii*. Diplomski rad. Sveučilište u Pragu.
- Crnić Novosel, M. i Opašić, M. 2014. „Prilog kontrastivnoj analizi hrvatskih i makedonskih frazema s onimskom sastavnicom“, *Македонско-хрватски книжевни, културни и јазични врсци* 4. 281–296.
- Čermák, F., Hronek, J. i Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 1 – Přirovnání*. Praha.
- Čermák, F., Hronek, J. i Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 2 – Výrazy neslovesné*. Praha.
- Čermák, F., Hronek, J. i Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky 3 – Výrazy slovesné*. Praha.
- Čermák, F., Hronek, J. i Machač, J. 2009. *Slovník české frazeologie a idiomatiky – Výrazy větné*. Praha.
- Domazet, S. 2011. „Kontrastivna analiza hrvatskih i njemačkih frazema koji u sebi sadrže sastavnicu noga/Bein“, *Hrvatistika, studentski jezikoslovni časopis* 5/5. 173–185.
- Fink Arsovski, Ž., Kovačević, B. i Hrnjak, A. 2010. *Bibliografija hrvatske frazeologije i CD s popisom frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima*. Zagreb.
- Fink Arsovski, Ž. i dr. 2006. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb.
- Frančić, A. 2005. „Imena u frazeologiji“, *Učitelj : godišnjak Visoke učiteljske škole u Čakovcu* 5. 31–41.
- Frančić, A. 2006. „Što je osobno ime?“, *Folia onomastica Croatica* 15. 71–80.
- Nada Ivanetić, N. i Karlavaris Bremer, U. 1999. „Onimijski frazemi i konceptualizacija svijeta“, *Suvremena lingvistika* 47–48. 131–142.
- Kedron, K. 2014. *Genderové aspekty ve slovanské frazeologii (na materiálu běloruštiny, polštiny a češtiny)*. Praha.
- Kovačević, B. 2016. „Žene u antičkim frazemima“, *Hrvatski jezik* 3/3. 28–30.
- Malnar Jurišić, M. i Vukša Nahod, P. 2015. „O čovjeku ukratko – konceptualna analiza frazema čabarskih govora“, *Jezikoslovni zapisiki* 21/1. 121–136.
- Marešić, J. i Menac-Mihalić, M. 2008. *Frazeologija križevačko-podravskih kajkavskih govora s rječnicima*. Zagreb.
- Menac, A., Fink Arsovski, Ž. i Venturin, Ž. 2003. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb.
- Menac-Mihalić, M. 2003–2004. „Hrvatski dijalektni frazemi s antroponimom kao sastavnicom“, *Folia onomastica Croatica* 12–13. 361–385.

- Menac-Mihalić, M. 2005. *Frazeologija novoštokavskih ikavskih govora u Hrvatskoj: s rječnikom frazema i značenjskim kazalom s popisom sinonimnih frazema*. Zagreb.
- Menac-Mihalić, M. i Menac, A. 2011. *Frazeologija splitskoga govora s rječnicima*. Zagreb.
- Matešić, Josip. 1992.–1993. „Frazemi s komponentom vlastitoga imena u hrvatskom jeziku”, *Filologija* 20–21. 293–297.
- Pavlasová, M. 2013. Rusko-české frazeologizmy biblického původu s křestními jmény v komparativním aspektu. Doktorski rad. Sveučilište u Brnu.
- Raguž, D. 1979. „Vlastita imena u frazeologiji”, *Onomastica jugoslavica* 8. 17–23.
- Ribarova, Slavomira. 2001. „Frazemi s biblijskim osobnim imenima u češkom i hrvatskom jeziku”, *Riječ* 7/1. 71–76.
- Ribarova, Slavomira. 2009. „Koliko su sveti „sveti u frazeologiji”, *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim* 1. 171–176.
- Opašić, M. 2014. „Biblijski onimi u hrvatskome jeziku”, *Folia onomastica Croatica* 23. 185–208.
- Slovník spisovného jazyka českého* I–IV. 1960.–1971. Ústav pro jazyk český AV ČR.
- Stěpanova, L. 1989. „K etymologii frazeologismů s vlastními jmény”, *Naše řeč* 72/1. 20–28.
- Stěpanova, L. 2004. *Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty*. Olomouc.
- Václavková, J. 2013. *Fungování křestních jmen v ruském a českém lexiku a frazeologii*. Magisterski rad. Sveučilište u Olomouci.
- Vukša Nahod, P. i Malnar Jurišić, M. „Tko im je mršav, a tko debeo? – crtice iz kominske frazeologije”, *Zbornik radova Šestoga hrvatskoga slavističkoga kongresa* 1. 421–432.
- Zoričić, D. 2015. *Kontrastivna analiza hrvatskih i engleskih frazema s onimskom sastavnicom*. Diplomski rad. Sveučilište u Rijeci.

Perina VUKŠA NAHOD, Martina KRAMARIĆ

FROM EVA TO BRIŽITKA – ON FEMALE NAMES IN CROATIAN AND CZECH PHRASEOLOGY

Summary

This paper analyses Croatian and Czech idioms containing female name components. The analyzed corpus is compiled from relevant general and phraseological dictionaries, as well as from data gathered through field research. The goal is to determine which idioms are analogous in both languages and which are specific for only one of them. Furthermore, the pattern of the name formulae will also be presented. We will try to excerpt the pertaining to specific domains for confirmed names as well as the concepts that they most frequently refer to.